

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2022. № 478. Май

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2022. № 478. Май

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глушченко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; Е.В. Борисов, д-р
филос. наук, проф.; Д.С. Воробьев, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; А.А. Глазунов,
д-р техн. наук, проф.; А.М. Горцев, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; Т.А. Демешкина, д-р филол.
наук, проф.; Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; В.П. Зиновьев, д-р
ист. наук, проф.; Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц.;
А.Г. Коротаев, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.;
И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; В.П. Парначев, д-р геол.-
минерал. наук, проф.; О.В. Петрин, директор Издательского
Дома Томского государственного университета; Т.С. Портнова,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потехаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; Л.М. Прокументов, д-р
юрид. наук, проф.; З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; В.С. Сумарокова, директор
Издательства ТГУ; С.П. Сушенко, д-р техн. наук, проф.;
П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; Г.М. Татянин,
канд. геол.-минерал. наук, доц.; В.А. Уткин, д-р юрид. наук,
проф.; О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.;
Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; В.Г. Шилько, д-р
пед. наук, проф.; Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chair-
man); V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Pro-
fessor (Vice Chairman); N. Glushchenko, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); V. Bertsun, PhD in Physics and Math-
ematics, Associate Professor; Ye. Borisov, Dr. of Philosophy, Pro-
fessor; D. Vorobyov, PhD in Biology, Associate Professor; S. Vo-
robeyov, PhD in Biology, Senior Researcher; A. Glazunov, Dr. of
Engineering, Professor; A. Gortsev, Dr. of Engineering, Professor;
S. Gural, Dr. of Education, Professor; T. Demeshkina, Dr. of Philo-
logy, Professor; Yu. Yershov, Dr. of Philology; V. Zinoviev, Dr.
of History, Professor; D. Katunin, PhD in Philology, Associate
Professor; A. Korotaev, PhD in Physics and Mathematics, Senior
Researcher; I. Malkova, Dr. of Pedagogy, Professor; V. Parnachev,
Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; O. Petrin, Head of Tomsk
State University Publishing House; T. Portnova, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical
Literature Publishing House; A. Potekhaev, Dr. of Physics and Mathemat-
ics, Professor; L. Prozumentov, Dr. of Law, Professor; Z. Sakharova,
PhD in Economics, Associate Professor; Yu. Slizhov, PhD in Chemistry,
Associate Professor; V. Sumarokova, Director of TSU Publishing
House; S. Sushchenko, Dr. of Engineering, Professor; P. Tarasenko,
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; G. Tatianin,
PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; V. Utkin, Dr.
of Law, Professor; O. Chaikovskaya, Dr. of Physics and Mathematics,
Professor; E. Chernyak, Dr. of History, Professor; V. Shilko, Dr.
of Education, Professor; E. Shrager, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –

Н.А. Глушченко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Editor-in-Chief

Vasily P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Абдурахманова-Павлова Д.В. Рецепция «Дневника» Джона Вулмена в романе Теодора Драйзера «Оплот»	5
Гевель О.Е. Поэтика холода и бестиарий в романе Донны Тартт «Тайная история»	14
Надточий Е.Е. Роль первых российских надгробных речей конца XVII – начала XVIII в. в становлении жанра	21
Савчук Т.Н. Тактика эмоционального усиления аргументации в письменном научно-гуманитарном дискурсе	30

ФИЛОСОФИЯ

Маковцев В.С. Ф.М. Достоевский в позднем творчестве М.М. Бахтина	44
Суховерхов А.В., Калитко С.А. Теория счастья в XXI веке: в поисках социально-экономических оснований	50
Фоменко А.П. Утопия в поисках субъекта, субъект в поисках утопии	58

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Михеев И.С. Интерсекционный подход в изучении траекторий социокультурной интеграции людей с миграционным опытом	64
--	----

ИСТОРИЯ

Андреев А.Н., Андреева Ю.С. Иноземное население Санкт-Петербурга первой половины XVIII столетия: опыт статистической реконструкции	72
Гицевич Е.С. Заграничные командировки антиковедов, их содержание и модели построения маршрутов в конце XIX – начале XX в.	80
Комарова Ю.О. Проблемы изучения, сохранения и презентации историко-культурного наследия эпохи Гражданской войны в Сибири на примере фондов Музея-заповедника «Шушенское»	87
Коновалов И.А. Правовая регламентация сословного положения городских казаков в «Уставе о сибирских городских казаках» 1822 г. (к 250-летию со дня рождения М.М. Сперанского)	93
Погорельская А.М., Пхонкео В. Лаос в потоках международной помощи развитию	99
Савельева А.С. Бронзы из курганного могильника Арчекас на реке Кия (по материалам раскопок 1971 года на северо-востоке Кузбасса)	108
Тугужекова В.Н., Печерский В.А. Линейный суд Енисейского (Восточно-Сибирского) бассейна в конце 1940-х – начале 1950-х гг.	119
Худобородов А.Л., Самохина А.В., Коршунова Н.В. Сотрудничество с фашистами или борьба против них? два течения в рядах казаков-эмигрантов в годы Второй мировой войны	130
Шульц Э.Э. Теория революции Ленина	137

CONTENTS

HISTORY

Abdurakhmanova-Pavlova D.V. Reception of John Woolman's <i>Journal</i> in Theodore Dreiser's <i>The Bulwark</i>	5
Gevel O.E. The genesis of Eastern European text in Donna Tartt's novels: Bestiary and poetics of cold in <i>The Secret History</i>	14
Nadtochi E.E. The role of the first Russian funeral sermon of the late 17th – early 18th centuries in the formation of the obituary genre	21
Savtchouk T.N. The tactic of emotional amplification of argumentation in the written discourse of the humanities	30

PHILOSOPHY

Makovtsev V.S. Fyodor Dostoevsky in the late works of Mikhail Bakhtin	44
Sukhoverkhov A.V., Kalitko S.A. The theory of happiness in the 21st century: In search of the socioeconomic foundations	50
Fomenko A.P. Utopia in search of the subject, the subject in search of utopia	58

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Mikheev I.S. Intersectional approach in the study of trajectories of sociocultural integration of people with migration experience	64
---	----

HISTORY

Andreev A.N., Andreeva Yu.S. The foreign population of St. Petersburg in the first half of the 18th century: An experience of statistical reconstruction	72
Gitsevich E.S. Overseas business trips of antiquity researchers: Content and models for building routes in the late 19th – early 20th centuries	80
Komarova Yu.O. The problems of studying, preserving and presenting the historical and cultural heritage of the Civil War epoch in Siberia on the example of the funds of the Shushenskoye Museum-Reserve	87
Konovalev I.A. Legal regulation of the estate status of city Cossacks in the 1822 Charter on Siberian City Cossacks (To the 250th anniversary of the birth of Mikhail Speransky)	93
Pogorelskaya A.M., Phonekeo V. Laos in international development aid flows	99
Savel'eva A.S. Bronzes from the Archekas burial mound on the Kiya River (Based on the materials from the excavation in the north-east of Kuzbass in 1971)	108
Tuguzhekova V.N., Pecherskiy V.A. The Line Court of the Yenisei (East Siberian) basin in the late 1940s – early 1950s	119
Khudoborodov A.L., Samokhina A.V., Korshunova N.V. Collaboration with fascists or fighting against them? Two trends in the ranks of Cossack emigrants during the Second World War	130
Shults E.E. Lenin's theory of revolution	137

ПЕДАГОГИКА

Большой А.В., Загrevский О.И. Актуальные аспекты советской системы подготовки квалифицированных тяжелоатлетов к соревнованиям	145
Демакова И.Д., Шустова И.Ю., Попова И.Н. О методах исследования в сфере воспитания: взгляд на проблему с позиции науки и практики	154
Камалеева А.Р., Фахрутдинова А.В., Кондратьева И.Г. Ценностно-смысловые приоритеты субъект-субъектного взаимодействия в высшей школе в ракурсе когнитивной парадигмы	162
Оберемко О.Г., Малиутина Е.А. Специфика оценки иноязычной подготовки взрослых к межкультурной и межэтнической коммуникации	172
Хазанов И.Я. Формирование смысла педагогической деятельности у будущих учителей	182
Шевченко О.Г., Шевякова Д.С. Формирование иноязычных ритмико-интонационных навыков у студентов направления «Лингвистика» с использованием стихотворного материала	194
Юрченко М.А., Казачихина И.А. Полилингвальный подход в обучении иностранным языкам студентов гуманитарных направлений	203

ПРАВО

Азарёнок Н.В. Обусловленность англосаксонского и романо-германского типов уголовного процесса	212
Ветошкина Е.Д., Кощеева Е.С. Идеология коллегальности в практике международного уголовного правосудия	218
Копылов А.Ю. К вопросу об особенностях гражданско-правовой ответственности за незаконное использование изображений персонажей художественных произведений как объектов авторских прав	226
Позднякова Е.А. Управление неиспользуемыми или используемыми с нарушением законодательства Российской Федерации земельными участками сельскохозяйственного назначения: сравнительно-правовой аспект	236
Смушкин А.Б. Стратегические аспекты цифровой трансформации расследования, раскрытия и предупреждения преступлений	244
Хаминнов Д.В., Остапович И.Ю., Филимонов Ю.В. Самоопределение русинов: историко-правовые и социально-политические аспекты и перспективы осуществления	251

PEDAGOGICS

Bolshoy A.V., Zagrevsky O.I. Relevant aspects of the Soviet system of training qualified weightlifters for competitions	145
Demakova I.D., Shustova I.Yu., Popova I.N. Research in education: Theory and practice working side by side	154
Kamaleeva A.R., Fakhrutdinova A.V., Kondrateva I.G. Axiological priorities of subject-subject interaction in higher education from the perspective of the cognitive paradigm	162
Oberemko O.G., Maliutina E.A. Specifics of assessing adult foreign language training for intercultural and interethnic communication	172
Hazanov I.Ya. Formation of the meaning of pedagogical activity in future teachers	182
Shevchenko O.G., Shevyakova D.S. Developing foreign rhythm and intonation skills of linguistic students through poems	194
Yurchenko M.A., Kazachikhina I.A. Polylingual approach in teaching several foreign languages to humanities students	203

LAW

Azarenok N.V. Conditionality of Anglo-Saxon and Romance-Germanic types of criminal procedure	212
Vetoshkina E.D., Koshcheeva E.S. The ideology of collegiality in international criminal justice practice	218
Kopylov A.Yu. On the features of civil liability for the illegal use of images of fictional characters as objects of copyright	226
Pozdnyakova E.A. Management of unused or used agricultural land plots in violation of the legislation of the Russian Federation: A comparative legal aspect	236
Smushkin A.B. Strategic aspects of digital transformation of investigation, detection and prevention of crimes	244
Khaminov D.V., Ostapovich I.Yu., Philimonov Yu.V. Self-determination of Rusyns: Historical, legal and sociopolitical aspects of implementation	251

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 821.111(73)
doi: 10.17223/15617793/478/1

Рецепция «Дневника» Джона Вулмена в романе Теодора Драйзера «Оплот»

Дарья Владимировна Абдурахманова-Павлова¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, dvap_19@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема рецепции «Дневника» (1774) Дж. Вулмена в романе Т. Драйзера «Оплот» (1946). Влияние Вулмена на Драйзера, уже отмечавшееся в литературоведении, подтверждается рядом прежде не зафиксированных учеными сопоставлений. Проведенный анализ текстов Вулмена и Драйзера позволяет выявить два уровня рецепции: с одной стороны, «Дневник» играет существенную роль в сюжете «Оплота»; с другой стороны, герой «Дневника» в ряде аспектов оказывается прототипом главного героя «Оплота» Солон Барнеса.

Ключевые слова: Джон Вулмен, «Дневник» Джона Вулмена, автобиография, Теодор Драйзер, «Оплот», рецепция, аллюзия.

Для цитирования: Абдурахманова-Павлова Д.В. Рецепция «Дневника» Джона Вулмена в романе Теодора Драйзера «Оплот» // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 5–13. doi: 10.17223/15617793/478/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/1

Reception of John Woolman's *Journal* in Theodore Dreiser's *The Bulwark*

Daria V. Abdurakhmanova-Pavlova¹

¹ St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, dvap_19@mail.ru

Abstract. The article discusses the reception of John Woolman's *Journal* (1774) in Theodore Dreiser's *The Bulwark* (1946). John Woolman was a prominent 18th-century Quaker minister and abolitionist, whose *Journal*, usually defined as a spiritual autobiography, is his most famous text. Since its first edition, *The Journal* has been highly acclaimed among American autobiography readers and critics. In 1939 it was reverently perused by Dreiser. Two decades earlier, in 1914–1920, the writer had produced drafts of his Quaker novel *The Bulwark* but had not completed this text, partly due to a certain ambivalence he felt toward the protagonist. The 1920s–1930s, meanwhile, were decades marked by Dreiser's arduous intellectual and spiritual search and extensive reading. Arguably, it was Dreiser's acquaintance with Woolman's *Journal* which played a transformative role in his decision to reshape *The Bulwark*. The novelist rejected the original satirical portrayal of the central character and expanded the timespan of the novel. The idea of Woolman's influence on *The Bulwark* has been maintained by several critics; however, it was mostly mentioned without much elaboration. G. Friedrich's article (1955) and D. Pizer's monograph (1976) have been the only studies to discuss the reception in more detail. This article corroborates Friedrich's and Pizer's findings and contributes to the associations established in prior scholarship. Besides, it endeavors to provide a classification of Woolman's reception indicators in *The Bulwark*. Comparative analysis of the two narratives reveals two aspects of Woolman's reception in *The Bulwark*. The first aspect is associated with *The Journal* introduced to the plot as a book that accompanies the characters throughout their lifetime and is perceived differently by them in different periods. *The Bulwark* contains four explicit references to *The Journal*. Whereas it is a "desk companion" for the protagonist, Solon Barnes, the younger generation tends to perceive *The Journal* as an irrelevant, outdated text. The novel's final chapters emphasize the significance of Woolman for the characters. The second aspect of reception appears to be manifested in the numerous associations between the figure of Solon Barnes and the *Journal* autobiographical hero, their relatedness being suggested by psychological similarities as well as the novel plotting. The article argues that *The Bulwark* contains at least nine allusions to *The Journal*. These allusions may be discovered (1) in the chapters narrating Woolman's and Barnes's early years, (2) in the depictions of their worldviews, (3) in the motif of "intuitive communication", (4) in third-person self-reference used by the two characters in the final chapters. The article concludes that the "personal spiritual drama" of Solon Barnes is composed by Dreiser with a considerable number of direct and indirect allusions to Woolman's autobiography.

Keywords: John Woolman, John Woolman's *Journal*, autobiography, Theodore Dreiser, *The Bulwark*, reception, allusion

For citation: Abdurakhmanova-Pavlova, D.V. (2022) Reception of John Woolman's *Journal* in Theodore Dreiser's *The Bulwark*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 5–13. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/1

«Дневник» и «Оплот»: предварительные замечания

Квакерский проповедник Джон Вулмен¹ (1720–1772) известен в американской истории как один из первых борцов за отмену рабства, убежденный пацифист, и, по выражению знаменитого поэта Джона Гринлифа Уиттьера, «квакерский святой» XVIII столетия [1. Р. 81]. В историю литературы имя Вулмена вошло благодаря его «Дневнику» [2] (полное название: *The Journal of the Life, Gospel Labours, and Christian Experiences of that faithful minister of Jesus Christ, John Woolman*, (1774)) [3].

«Дневник» представляет собой автобиографическое повествование, в центре которого – основанный на вероучении квакеров мистический образ «внутреннего света»², способного озарять сознание человека и направлять его по жизненному пути. Постоянное сопоставление автобиографическим героем своих поступков и рассуждений с велениями «внутреннего света» – ключевой мотив «Дневника». Следует отметить, что религиозная составляющая у Вулмена тесно связана с общественной проблематикой, и потому важнейшую роль в его духовной автобиографии играют такие темы, как рабовладение, положение индейцев в колониях, этические аспекты развития экономики. Между тем те аспекты жизни Вулмена, которые не имеют прямого отношения к религии и социальной проблематике, остаются за рамками повествования. Назначением «Дневника» является не только и не столько запечатление уникального «я», неповторимой исторической личности, сколько моделирование некоего «образцового героя», востребованного в американской автобиографии эпохи Просвещения [5].

Несмотря на то, что «Дневник» был ориентирован, главным образом, на единоверцев автора, слава этого текста вышла за пределы квакерской культуры и, начиная с первого издания 1774 г., «Дневник» привлекал все новые поколения ценителей американской исповедальной прозы. В 1939 г. к почитателям Вулмена присоединился Теодор Драйзер; благодаря прочтению «Дневника» писатель значительно модифицировал замысел уже начатого к тому моменту романа «Оплот» [6] (*The Bulwark*, 1946 [7]).

«Оплот» повествует о жизни трех поколений квакерской семьи в Пенсильвании на рубеже XIX–XX вв. В основе романа лежат трудноразрешимые конфликты «традиционной» религиозности и веяний новой эпохи, консерватизма и современности, отцов и детей. Главный герой Солон Барнс – квакер родом из фермерской семьи, человек высочайших нравственных принципов, образцовый служащий, прекрасный семьянин. Человеку доброму, честному и трудолюбивому, Солону, как отмечается в романе, для совершенства не хватает лишь одного: широты кругозора. Круг его чтения составляет только религиозная литература; единственным исключением являются газеты, кото-

рые он просматривает по долгу службы. Солон порицает всякого рода изящные искусства, и, хотя он знает, например, что «на свете существует литература: рассказы, стихи, пьесы, очерки, повести», тем не менее, неукоснительно следует почерпнутому из квакерской назидательной литературы убеждению: «...чтение романов есть занятие, пагубное для человека; романы несут в себе зло, и потому печатать их, продавать или одалживать кому-либо – грех» [6. С. 41]. Дом Солон Барнса, имение Торнбро – воплощение квакерского идеала благочестивой простоты, в котором единственное украшение стен составляют библейские изречения. Супруга Солон Бенишия, также воспитанная в религиозной семье, практически во всем разделяет взгляды мужа. Первая из трех частей романа, посвященная детству и юности Солон и Бенишии и зарождению их любви, проникнута идиллическим духом.

Вторая и третья части, однако, представляют собой хронику разочарований в жизни героя. Верный квакерскому идеалу абсолютной честности, Солон с горечью осознает, что многие единоверцы ради прибыли готовы на «мелкие», а иногда и весьма крупные, «сделки с совестью» [6. С. 129]. Квакеры начала XX в. все менее ревностно соблюдают заветы отцов: с роскошью обставляют дома, перенимают светскую культуру. Но самое большое разочарование для Солон Барнса связано с его младшими детьми Эттой и Стюартом, которые идут на открытый мятеж против родительского уклада жизни. Дочь Этта, с детства грезившая об искусстве, сбегает из дома, чтобы стать писательницей; сын Стюарт тяготеет мыслью о намеченной для него отцом деловой карьере и, увлекаемый соблазнами большого города, начинает жить двойной жизнью. Судьба Стюарта оказывается трагической: он становится соучастником тяжкого преступления и, хотя юношу можно назвать «наименее виновным из всех драйзеровских преступников» [8. Р. 284], он не выдерживает мук совести и совершает суицид. Эти печальные события составляют главную тему третьей части «Оплота». Пережитое повергает Солон в глубочайший духовный кризис. В финале романа, многое переосмыслив, он приходит к новому пониманию веры. Своего рода духовное перерождение испытывает и примирившаяся с отцом Этта.

Предваряя рассмотрение влияния Вулмена на Драйзера, следует принять во внимание «странную и запутанную» [9. Р. 21] историю создания книги. Писатель начал работу над ней осенью 1914 г., а завершил в мае 1945 г. [10. Р. 299]. Замысел «Оплота» был навеян семейной историей, которой в 1912 г. поделилась с Драйзером его читательница Энн Тэйтум. Отец девушки характеризовался как «исключительно набожный и мягкий по натуре квакер, чей благородный характер, однако, не принес ему счастья, а сыграл в жизни его семьи глубоко трагичную роль» [9. Р. 22]. Как известно, тема мировоззренческого конфликта

отцов и детей была для Драйзера крайне важной и, в силу обстоятельств его собственной биографии, очень личной. Первые наброски романа, созданные с 1914 по 1920 г., показывают, что первоначально образ Солона Барнса, хотя был выписан не без сочувствия, носил явно сатирический оттенок (как и название романа) [10. Р. 305, 321; 11. Р. 162], а сам роман должен был стать «атакой на моралистов» [11. Р. 176]. Солон напоминал многих героев других романов Драйзера – догматически мыслящих людей, которые, будучи бес-силыны «навязать [свой] моральный кодекс» [12. С. 667] всему миру, становятся диктаторами в семье. Действие в первой версии было ограничено зрелыми годами Солона и завершалось полным крахом «барнсовского мира».

По ряду причин в 1920 г. Драйзер приостановил работу над «Оплотом» и отчасти потерял интерес к этому замыслу. Перерыв был во многом обусловлен сложностью поставленной задачи: создать портрет «прихожанина церкви, примерного семьянина, законопослушного банкира в сером костюме», человека, олицетворяющего «пресную смесь рассудительности и скучности», и при этом не «утомить читателя», а сделать этот образ ярким и убедительным [13. Р. 53]. Периодически пытаясь возобновить работу, писатель признавался, что его не покидает чувство неудачи [11. Р. 440]. Его племянница Вера объясняла это тем, что Драйзер отождествлял Солона Барнса со своим отцом, а также, отчасти, с самим собой [14. Р. 208]. Некоторая самоидентификация с главными героями была характерна для Драйзера и раньше, однако в случае с «Оплотом» она блокировала творческий процесс: не считая себя религиозным человеком и по-прежнему скептически воспринимая религию, писатель, тем не менее, уже не мог смотреть на своего персонажа-квакера с первоначальной иронической дистанции [11. Р. 440].

Период 1920–1930-х гг., между тем, многое изменил в мировидении романиста. Это было время напряженных исканий Драйзера в политике, философии и религии, время обширного чтения – в первую очередь, научной литературы («от Демокрита до Эйнштейна» [15. Р. 17]). Писатель постоянно собирал новые материалы, которые он надеялся, можно было бы синтезировать в книге «Формула под названием Жизнь» (*The Formula Called Life*). Результат этого масштабного, но, увы, оставшегося незавершенным труда составил тридцать шесть ящиков рукописей, лишь некоторые из которых были опубликованы [10. Р. 295–296]. Тем не менее уже само название задуманной книги отражает характер эволюции, которую претерпели взгляды Драйзера в эти годы. Как и в более ранние периоды, натуралист Драйзер оставался верен стремлению исследовать некие законы, формулы, механизмы, скрытые «за кулисами» индивидуального и общественного бытия. Однако если прежде эти формулы представлялись писателю стихийно-разрушительными, теперь он стал видеть в них разумность, красоту и созидательность [10. Р. 294].

В конце 1930-х гг. одним из важнейших авторов для Драйзера стал американский писатель и философ-

трансценденталист Генри Дэвид Торо, которого он много читал, готовя к публикации книгу для серии «Вечные мысли» (*The Living Thoughts Series* [15]). Суммируя в ходе этой работы философские идеи Торо, Драйзер укрепился в том направлении мысли, по которому шел последние несколько лет: за внешней суровостью законов природы, согласно Торо, скрыт великий творческий и художественный гений; человек может постичь благодать и красоту этого божественного гения, терпеливо изучая природу.

С увлечением философией Торо совпало другое сильно повлиявшее на Драйзера событие – произошедшее в 1938 г. знакомство с именитым квакером, историком Руфусом Джонсом (1863–1948). По совету Джонса Драйзер стал читать книги о квакерстве, что помогло ему по-новому взглянуть на эту религию. Писатель был весьма впечатлен философией «Друзей», а также их умением сочетать активную социальную работу с религиозностью, «свободной от всякой догмы» [10. Р. 305]. Писатель высоко оценил знаменитый «Дневник» (*The Journal*) основателя квакерства, британского проповедника Джорджа Фокса (1624–1691), а также автобиографическую книгу самого Джонса «Обретая в жизни путь»³ (*Finding the Trail of Life*). Известно, что квакерство существенно повлияло на трансцендентализм [16. Р. 92], а потому неудивительно, что Драйзер нашел в текстах «Друзей» немало общего с идеями Торо и своими собственными⁴.

В январе 1939 г. Драйзер впервые прочитал «Дневник» Джона Вулмена. Этот текст привлек особенное внимание романиста: почти половина страниц в его экземпляре «Дневника» испещрена пометками [17. Р. 388]. Философские идеи Вулмена также оказались созвучными тому мировосприятию, к которому с годами пришел писатель. По Вулмену, в основе созданного Творцом мира лежит гармония, и, хотя она была людьми утрачена, человечество способно вновь ее обрести. Путь к этой общей гармонии лежит через покорение личной воли Высшей воле, согласие каждого человека следовать водительству⁵ «внутреннего света» и играть положенную ему «партию» в мировой «симфонии» [18. Р. 95]. Сходным образом, Драйзер в своем незавершенном философском исследовании тех лет стремился показать, «с одной стороны, незначительность отдельного человека, а с другой стороны, величие и красоту того процесса, частью которого человек является» [10. Р. 295]. К идеям квакерского проповедника Драйзера, безусловно, привлекал и глубоко социальный пафос, касающийся, прежде всего, защиты прав угнетенных: рабов, малоимущих, коренных жителей американского континента.

Симпатию романиста вызвали не только взгляды Вулмена, но и сама личность проповедника. В образе Вулмена, каким он предстает на страницах «Дневника», Драйзер увидел высокую личную нравственность, на редкость свободную, при этом от какого-либо самомнения и категоричности суждений. Писатель поставил Вулмена в один ряд с такими великими личностями, как Диоген, Будда, Иисус Христос, Франциск Ассизский, Фома Кемпийский, Ян Гус,

Джон Беньян [15. Р. 16–17]. Оценивая же литературные достоинства «Дневника», Драйзер включил Вулмена, наряду с Дж. Фоксом и Ж.-Ж. Руссо, в число «создателей... самых прекрасных и самых искренних автобиографий в истории литературы» [11. Р. 440].

Впечатление, произведенное личностью Вулмена на Драйзера, помогло романисту завершить образ героя «Оплота». Показателен следующий факт. Читая о Вулмене в книге Р. Джонса, Драйзер обратил внимание на следующий пассаж: «В поступках Вулмена, в самом его духе мы находим ярчайшее воплощение идеала квакерского мистицизма. Мало кто прошел так же далеко, как Вулмен, по очищающему пути... совершенно освободив свой дух от гордыни» [17. Р. 201. Qtd. in: 18. Р. 388]. Подчеркнув эти слова, Драйзер написал на полях: «Солон» [18. Р. 388].

Именно знакомство Драйзера с квакерской классикой, по-видимому, стало ключевым фактором [10. Р. 304] в модификации замысла «Оплота»: роман окончательно утратил сатирическую направленность – «если во многих предыдущих произведениях Драйзера... религия изображалась почти карикатурно, в “Оплоте” писатель впервые обращается к ценности веры» [8. Р. 275]. Интересно наблюдение американского ученого Г. Фридриха: он обращает внимание на примечательную пометку в принадлежавшем Драйзеру экземпляре «Дневника», позволяющую предположить, что текст проповедника придал новое звучание даже самому названию романа (уже утвержденному к тому моменту). Драйзером подчеркнута следующая фраза Вулмена: *«Глубокое смирение – сильный оплот, и когда мы входим в него, мы обретаем безопасность и истинное величие»* [2. С. 75] (в оригинале Вулменом использовано именно слово “bulwark” [3. Р. 57]). Вероятно, не только модификация замысла, но и, собственно, возобновление интереса к роману со стороны писателя было во многом обусловлено увлечением писателя новыми текстами, особенно «Дневником» Вулмена.

Обращаясь к истории изучения обозначенной в заглавии рецепции, нужно сделать небольшое отступление и отметить, что в целом интерес критики к «Оплоту» развивался весьма неровно. Впервые изданный в 1946 г., «Оплот» – последний из завершенных романов Драйзера – сразу же вызвал, с одной стороны, большой интерес читателей и критики, а с другой стороны, достаточно противоречивые оценки. Показательной представляется рецензия Ф.О. Маттисена, который характеризовал «Оплот» следующим образом: «очередной религиозный роман, в котором герой заново открывает христианскую любовь» [21. Р. 43. Qtd. in: 22. Р. 153]. Как указывает в своем обстоятельном библиографическом исследовании Д. Пайзер, произведение и впоследствии неоднократно относили к разряду «слабейших романов писателя» [23. Р. 235]. Отдельного внимания заслуживает опубликованная в 1946 г. рецензия квакерского критика К.Т. Браун. Признавая за романом актуальность проблематики (положение «традиционной» религиозности в мире возрастающей секуляризации), автор рецензии, вместе с тем, упрекает романиста в невырази-

тельности стиля, а также подвергает суровой критике искажения, допущенные романистом в описании квакерских обычаев, специфической лексики, норм этикета [24]. Ранние рецензии на «Оплот» окрашены, таким образом, преимущественно разочарованными интонациями.

В 1950-х гг., однако, подход к рассмотрению этого романа становится более взвешенным: литературоведы указывают на особое место «Оплота» в творчестве Драйзера, его принадлежность к позднейшей, четвертой фазе натурализма в творчестве писателя [25. Р. 221]. В свою очередь, Маттисен в книге, вышедшей через пять лет после упомянутой рецензии, отмечает, что «в “Оплоте” не так много от натуралистического трактата – это в гораздо большей степени простая, и при этом насквозь символичная, притча» [26. Р. 243]. Тенденция к более позитивному восприятию романа критиками сказалась в том, что в 1983 г. Л. Хассман назвал «Оплот» «самой недооцененной книгой Драйзера», в чем его поддержал Ш. Сент-Джин [8. Р. 275; 27. Р. 153], а М. Лайдон в недавней работе охарактеризовал книгу как «шедевр» [13]. Тем не менее общее количество работ, посвященных «Оплоту», по-прежнему заметно уступает разнообразию исследований более раннего творчества Драйзера, и сам роман переиздается значительно реже остальных произведений писателя. Можно предположить, что именно вследствие сравнительно невысокого критического интереса к «Оплоту» в целом, вопрос о его связи с «Дневником» Вулмена до сих пор не получал достаточно подробного освещения.

Сам факт влияния «Дневника» на «Оплот» отмечался в литературоведении неоднократно: в 1962 г. о нем писал С. Ричмен, связывая при этом имя знаменитого квакера с традицией трансцендентализма. «Оплот», как отмечает С. Ричмен, – это роман, «по содержанию и стилю своему прочно привязанный к трансцендентальной традиции. Он ничем не обязан Герберту Спенсеру и всем обязан Торо и Джону Вулмэну»⁶ [28. Р. 229]. Однако, указав на данную преемственность, исследователь не останавливается на этом тезисе подробнее. Другой исследователь, затронувший указанную проблематику, – автор вышедшей в 1968 г. монографии о Вулмене П. Роузенблатт; в целом ученый оценивает роман как неудачу Драйзера, поэтому не уделяет ему много внимания, признавая, однако, заметное влияние на текст «Оплота» философии Вулмена и его стиля [20. Р. 125]. Более подробно связь двух произведений рассмотрел в 1976 г. Пайзер, известный специалист по американскому натурализму; он акцентировал внимание, главным образом, на значении «Дневника» в жизни героев «Оплота» [10]. В последующие годы ученые практически не возвращались к данной проблеме; влияние «Дневника» оказалось вне поля рассмотрения даже в специально посвященной интертекстуальным взаимосвязям «Оплота» статье Ш. Сент-Джина [8].

Единственное из известных нам исследований, в котором проблема «Вулмен и Драйзер» рассматривается подробно – это статья Фридриха, опубликованная в 1955 г. Указывая на некоторые сюжетные

аналогии в «Дневнике» и «Оплоте», исследователь замечает: «Удивительно, что в ряду американских писателей именно Драйзеру суждено было сильнее всех подпасть под очарование вулменовского пера» [18. Р. 385]. Фридрих описывает преемственность Драйзера по отношению к Вулмену не только и не столько как непосредственную рецепцию, сколько как «цепочку» влияний: Вулмен – Дж. Г. Уиттнер – Руфус Джонс – Драйзер.

В одной из своих последующих статей [29] ученый перемещает фокус внимания на фигуру Р. Джонса и его уже упомянутую выше автобиографию. Приведенные Фридрихом сопоставления убедительно показывают, что «Оплот», действительно, насыщен аллюзиями также и на книгу Джонса, однако сделанный ученым вывод, что именно это произведение оказало наиболее серьезное, «определяющее» влияние на итоговую версию романа [29. Р. 193], представляется все-таки спорным. Вектор исследования, намеченный ученым в первой статье, остался не совсем разработанным и заслуживает более пристального внимания.

Опираясь на идеи Фридриха и Пайзера и развивая их, можно сделать вывод о наличии, по меньшей мере, двух уровней рецепции текста Вулмена в «Оплоте». С одной стороны, «Дневник» предстает как книга, играющая важную роль в культуре квакеров и особенно ценимая главным героем; с другой стороны, прослеживаются отчетливые параллели между автобиографическим образом Вулмена и фигурой Солона Барнса. Задачей данной статьи является более детальное рассмотрение обозначенной рецепции на обоих уровнях, а новизна предлагаемого исследования заключается в указании на прежде не зафиксированные литературоведами аллюзии на «Дневник» в романе Драйзера.

Аллюзии на «Дневник» в «Оплоте»

Книга Вулмена в жизни героев Драйзера. Рассмотрим последовательно упоминания о Вулмене в романе.

В первый раз о нем говорится в главе, посвященной знакомству Солона Барнса с семьей невесты. Заслышав шаги девушки, влюбленный Солон подходит к этажерке с книгами и, чтобы скрыть волнение, делает вид, что читает «Дневник» Вулмена [6. С. 67]. Даже при таком невнимательном чтении герой, тем не менее, заинтересовывается книгой, и в результате

«немного спустя Солон, часто вспоминавший “Дневник” Джона Вулмэна, который он в замешательстве листал в гостиной Уоллинов, ожидая появления Бенишии, решил приобрести и эту книгу и написал ее из Филадельфии. История удивительной жизни этого человека оказалась весьма занимательным чтением. <...> К тому же он знал, что и Бенишия читала эту книгу, и ему хотелось непременно прочесть ее до их новой встречи» [6. С. 73].

Идеи Вулмена близки юному Солону. Характеризуя его мировоззрение, Драйзер в некоторой степени описывает взгляды автора «Дневника»:

«Для Солона – хоть он и не сумел бы это выразить словами – жизнь состояла из суммы закономерных частных, смысл которых был в том, что каждая из них несла в себе крупицу Божественной воли. <...> Он с уважением относился к христианской церкви вообще, видя в ней силу, противостоящую язычеству, однако религиозные верования и учения других сект казались ему бессодержательными. Только в религии Джорджа Фокса и Джона Вулмэна он видел спасение от всех бед земных» [6. С. 106].

Со временем, однако, убеждения героя окрашиваются нетерпимостью. Так, в доме Солона, уже главы большого семейства, совсем нет места светской литературе: узнав, что дочь Этта тайком читает Бальзака, Флобера и Доде, Солон решительно осуждает их как «безнравственных» авторов и уничтожает книги (Глава XLIV). Его уважением пользуются исключительно квакерские тексты. Ригоризм отца вызывает у детей, особенно у Этты и Стюарта, «обратную реакцию»:

«Стюарт смиренно склонил голову. Он чувствовал, что отец в какой-то степени прав, и в то же время этот разговор раздражал его. <...> Надоели до смерти все эти разглазольствования о внутреннем свете. Все равно на него, Стюарта, внутренний свет не действует. Джордж Фокс, Джон Вулмэн со своим “Дневником”, о котором ему прожужжали все уши, – какое ему до них дело? Что общего у них с настоящей жизнью?» [6. С. 219].

Предпоследняя глава романа уже полностью посвящена «Дневнику». Вернувшаяся в родной дом Этта, ухаживая за умирающим Солоном, размышляет, как скрасить его последние дни:

«Нелегко было выбрать что-либо для чтения – он был так безучастен ко всему. Однажды, перебирая в гостиной немногие имевшиеся там книги, она увидела “Дневник” Джона Вулмэна и поспешила отнести его Солону.

– Смотри, отец, – сказала она, входя в комнату. – Вот эту книгу ты, по-моему, часто читал, когда мы были маленькие. Хочешь, я тебе почитаю из нее?

Он взглянул, и слабая улыбка осветила его изможденное лицо.

– Да, дочка, – сказал он, взяв томик из ее рук. – Это поистине замечательная книга. Почитай, я послушаю с удовольствием» [6. С. 368].

Для Солона новое обращение к Вулмену знаменует отказ от догматизма, «отвлеченных нравственных кодексов» [6. С. 369] и возвращение к «интуитивной» вере детства [10. Р. 305]. В то же время глубокое впечатление чтение любимой книги отца производит на Этту. Благодаря «Дневнику» героиня многое переосмысливает в своей жизни – свои юношеские мечты, отношения с родителями, побег из дома, роман с художником Уиллардом Кейном:

«Она не забыла Кейна, и любовь к нему все еще жила в ее сердце. Но отец и Джон Вулмэн... научили ее понимать то, что превыше человеческих страстей и связанных с ними эгоистических желаний и стремлений, – мир и радость, заключенные в любви к другим... <...> Теперь и в Этте затепелилась такая

любовь, и она была готова раствориться в ней всем своим существом» [6. С. 373].

Прямые упоминания «Дневника» Вулмена, таким образом, представляют разные взгляды на классический квакерский текст. Для Солона это – «настолярная книга», по-новому открывшаяся ему в конце жизни. У молодых Барнсов имя Вулмена долгое время ассоциируется с докучной назидательностью. Третий взгляд, представленный в финале – взгляд повзрослевшей Этты, впервые лично обратившейся к «Дневнику» и, неожиданно для себя, нашедшей в нем духовную опору.

Этта мысленно сопоставляет отца с Вулменом [6. С. 372], и данное сопоставление выявляет второй уровень рецепции «Дневника» в тексте Драйзера. Биография Солона Барнса во многом отражает историю Джона Вулмена, что проявляется и в событийной канве романа, и в образе героя.

Эпизоды детства и юности Джона Вулмена и Солона Барнса. Сходство прослеживается уже в происхождении героев «Дневника» и «Оплота» (оба родились в семьях небогатых фермеров), а также в отсылающем к агиографической традиции мотиве благочестивых родителей. Стоит отметить, однако, что в романе Драйзера подчеркнута особая роль в жизни главного героя его матери, Ханны Барнс, что связывает «Оплот», скорее, с традицией, восходящей к «Исповеди» Августина Блаженного, нежели с текстом Вулмена, который не акцентировал внимание на ком-либо одном из родителей.

Как справедливо отмечают Фридрих [18. Р. 389] и Роузенблатт [20. Р. 124], явной аллюзией на первую главу «Дневника» является случай из детства Солона, когда он, играя с товарищем, убивает из рогатки выходящую над гнездом птицу. Нечаянный проступок вызывает у мальчика горькое раскаяние; этот случай запоминается ему, как и Вулмену, на всю жизнь, играя важную роль в становлении его личности.

Отсылкой к «Дневнику» можно, вслед за Г. Фридрихом [18. Р. 390], считать также рассказ о тяжелой болезни и чудесном исцелении юного Солона. Мать Ханна обращается к нему со словами: «Не плачь, Солон, сын мой... Это не конец твоего пути, это только начало. Господь сулит тебе все лучшее впереди. Ты будешь жить, чтобы служить Ему в любви и правде» [6. С. 30]. Подобным же образом, говоря о самой острой фазе перенесенной им в юности болезни, Вулмен пишет:

«...во множестве Его милостей я нашел внутреннее облегчение и почувствовал себя обязанным, если Ему будет угодно вернуть мне здоровье, впредь смиренно ходить пред Ним» [2. С. 33–34].

Сходства в мировоззрении героев. Немало параллелей с Вулменом обнаруживается в мироощущении героя Драйзера. Так, например, горячий отклик в душе Солона Барнса находит характерная для Вулмена идея «простой жизни». Сопоставим два фрагмента из текстов Вулмена и Драйзера. Убедя собеседника в необходимости отмены рабства, автобиографический герой Вулмена говорит о «существенной разнице»

«...между теми, кто умеренно работает, чтобы обеспечить себе существование и воспитать своих детей в бережливости и трудолюбии, и теми, кто живут за счет труда своих рабов. <...> Жизнь первых, на мой взгляд, гораздо более счастливая» [2. С. 80].

Аналогичным образом, Солон Барнс испытывает «...чувство безотчетной симпатии... к одиноким скромным труженикам: фермер ли распахивал свою полоску земли, кузнец ли, один, без подручных, подковывал лошадей или чинил колесный обод, <...> – Солон, глядя на них, размышлял о том, как это должно быть хорошо – усердно и вдумчиво трудиться в одиночку над избранным делом, не стремясь к иным выгодам, кроме того, чтобы прокормить себя и свою семью» [6. С. 41].

Занимая высокую должность в банке, Солон, повинаясь велению души (или же «внутреннего света»), всячески стремится помочь «невыгодной» клиентуре – рядовым вкладчикам, мелким предпринимателям:

«Сердце у него сжималось, когда он видел, как меняется лицо человека, которому отказывают в кредите или требуют немедленной уплаты долга. Не раз он тут же приглашал беднягу приехать к нему в Даклу с приходно-расходной книгой и всеми прочими документами, желая вместе с ним разобраться в положении и попытаться найти выход» [6. С. 157].

Подобные моменты вызывают ассоциацию с филантропическим лейтмотивом «Дневника»: стремлением автобиографического героя помочь нуждающимся людям. Сопоставимыми также представляются решение Солона уволиться из банка, продиктованное осознанием нечестности совершаемых там операций, и уход Вулмена из торговли. Слова Солона, обращенные к его сослуживцам,

«Я, как вы знаете, квакер, а наше религиозное учение не одобряет того бешенства наживы, которое сейчас овладело многими людьми. <...> Быть может, отдельному человеку трудно что-либо сделать против этого, но я, по крайней мере, могу сделать одно: отказаться от участия в деле, которое я считаю безнравственным и дурным» [6. С. 344]

созвучны и с известной фразой из «Дневника» Вулмена, относящейся к главе, в которой описывается его основанное на пацифистских убеждениях решение не платить военный налог:

«Отказаться добровольно платить налог, который наше Общество обычно платило, было чрезвычайно неприятно, но делать вещи, противные моей совести, казалось еще более ужасно» [2. С. 101].

Существенным представляется и следующее сходство в мировосприятии драйзеровского протагониста и вулменовского автобиографического героя. Годы жизни Вулмена пришлись, как известно, на век Просвещения, а его «Дневник» был опубликован незадолго до обретения американскими колониями независимости. Среди американских мыслителей той эпохи было весьма распространено скептическое отношение к прошлому, однако для Вулмена оно не было характерно – напротив, сквозь «Дневник» лейтмотивом проходит идеализированный образ былого, а его ге-

рой стремится «подражать достойнейшим личностям прошлого» [19. Р. 16]: *«Из того, что я читал и слышал, я верил, что в прошлые времена существовали люди, отличавшиеся праведностью пред Богом, которая превосходила все, что я знал или слышал о ныне живущих...»* [2. С. 30]. Аналогичным образом Солон Барнс, уже человек рубежа XIX–XX вв., в «Оплоте» представлен как приверженец консервативных взглядов, в оценке минувших времен склонный к идеализации, а настоящее оценивающий весьма критически. Как справедливо отмечает одна японская исследовательница, сами стены барнсовского имения Торнбро становятся в определенном смысле «границей» между мифологизированным прошлым, «золотым веком» нравственности, дух которого Солон стремится удержать, и настоящим, которое он воспринимает как время упадка [22. Р. 168].

Мотив «интуитивной» коммуникации. Одну из не самых явных и, тем не менее, интересных аллюзий на Вулмена в тексте «Оплота» можно обнаружить в «садовом» эпизоде третьей части романа (Глава LXIV). Наблюдая за природой, пожилой Солон Барнс проникается ощущением незримой взаимосвязи всего сущего. Яркое впечатление на него производит его «разговор» с ужом:

«Дочка... я сейчас узнал о жизни и о Боге то, чего никогда не знал. В траве полз уж, и, хотя я знаю, что это существо безвредное, но при виде его я невольно ощутил страх... <...> Но все же я решил заговорить с ним. Я знаю, что он безвреден, сказал я ему, и не стану его трогать, пусть себе ползет куда хочет. И тотчас же его шея приняла свой обычный вид, голова опустилась. <...> Я хочу сказать, что язык добра понятен всем живым существам, и потому этот уж понял меня, как и я его» [6. С. 359].

Мотив интуитивного взаимопонимания в условиях ограниченности общего языка перекликается с «индейским» эпизодом у Вулмена, где подобное общение происходит между людьми, представителями разных этносов:

«Наши проводники привели нас в дом к глубокому старику, и вскоре <...> явился человек из другого индейского дома <...> И я, узнав, что этот человек стоит у дверей, вышел; у него был томагавк, незаметно завернутый в плащ, и когда я приблизился, он взял его в руку. Я, однако, подошел к нему и, дружески заговорив с ним, понял, что он немного понимает по-английски. <...> Зайдя с нами в дом и поговорив с нашими проводниками, [он] вскоре повел себя довольно дружелюбно, уселся и закурил свою трубку...» [2. С. 179].

Использование «третьего лица». В одной из последних глав «Оплота» примечателен эпизод, когда большой Солон Барнс в полузабытии неожиданно говорит о себе в третьем лице: *«Дочка, что случилось с тем бедным стариком?..»* [6. С. 374]. Эту реплику можно соотнести с рассказом Вулмена об удивительном сне, увиденном им во время тяжелого недуга: в этом сне он ощутил «смерть собственной воли». Описывая свои размышления, сопровождавшие сон, автобиограф также смотрит на себя как бы со стороны:

«Вскоре я вспомнил, что когда-то был Джоном Вулманом...» [2. С. 243]. Показательно, что данный эпизод из «Дневника» почти целиком включен Драйзером в текст «Оплота» (Глава LXVI). Трактуя реплику Вулмена, необходимо иметь в виду следующую особенность «Дневника». Призванный транслировать, прежде всего, ценности квакерской религии [30], этот текст постепенно сужает роль центральной фигуры: «образцовый» автобиографический герой Вулмена неизбежно «отбрасывает» свое эго, «иллюзорную» часть себя [31. Р. 146], а его задача, в конечном счете, ограничивается задачей сообщения читателям своего духовного опыта. Сходство указанных эпизодов позволяет предположить, что, аналогичным образом и Солон Барнс в «Оплоте» также выступает как персонаж, в финале истории приходящий к чувству иллюзорности замкнутого человеческого «эго». При этом в определенной степени из действующего лица повествования Солон Барнс превращается в «сострадательного зрителя» разыгравшегося перед ним сюжета, его интерпретатора, передающего свой духовный опыт окружающим.

Заключение

Проведенный анализ позволил зафиксировать наличие в «Оплоте» четырех прямых отсылок к «Дневнику» Вулмена как произведению, играющему важную роль в жизни героев, а также девяти аллюзий на вулменовский текст, реализовавшихся в сюжете романа и образе протагониста. Обобщая результаты сопоставления двух текстов, можно сделать вывод, что роман «Оплот» в значительной мере является художественным осмыслением «Дневника» Джона Вулмена, а созданная Драйзером фигура главного героя и судьба этого персонажа во многом выстроены по модели, заданной автобиографией знаменитого квакера.

При этом важно подчеркнуть, что, безусловно, образ Солон Барнса не исчерпывается аллюзиями на Вулмена. В портрете героя «Оплота», как говорилось выше, нашли свое воплощение черты другого известного квакера – друга Драйзера Руфуса Джонса, а первоначально его прототипами были отцы Энн Тэйтум и самого писателя. В некоторой степени образ Солон Барнса для Драйзера автобиографичен; кроме того, заметны библейские и шекспировские аллюзии, а также отсылки к другим персонажам романиста [8, 10]. На протяжении двадцати пяти лет, начиная с 1914 г., портрет Солон Барнса постепенно выкристаллизовывался в творческом воображении автора, соединяя в себе черты реальных личностей и вымышленных персонажей. Однако замысел долго оставался нереализованным, главным образом потому, что помещение «святого», нравственно безупречного героя в центр повествования было непростой художественной задачей даже для такого опытного романиста, как Драйзер. Знакомство же писателя с историей жизни реального квакерского «святого», Джона Вулмена, произошедшее в 1939 г., позволило не просто дополнить образ персонажа, но и по-новому осмыслить его духовный путь. В финале романа Солон Барнс стано-

вится, подобно Вулмену, «совершенным квакером»⁷, подлинным оплотом своей веры.

В статье, посвященной роману, Ю.В. Ковалев справедливо отмечает, что «художественное исследование Драйзера многопланово, многоаспектно, и результаты его не могут быть сведены к одной фразе» [12. С. 667]. Представляется, что дальнейшее изучение «Оплота» может проиллюстрировать многопла-

новость и такого вопроса, как рецепция в данном произведении литературного наследия квакерских авторов, в том числе «Дневника» Джона Вулмена. Анализ этой проблемы может быть продолжен и расширен, в частности, на уровне сопоставления религиозно-философского и стилистического аспектов «Оплота» с соответствующими аспектами квакерской автобиографической прозы.

Примечания

¹ Квакерство («Религиозное общество Друзей», The Religious Society of Friends) – протестантское течение, основанное британским мистиком Джорджем Фоксом в середине XVII в.; в основе учения квакеров лежит идея возможности получения людьми божественного откровения посредством не только Библии, но и так называемого Внутреннего Света (The Inward Light). Альтернативные варианты транслитерации фамилии *Woolman*, принятые в изданиях на русском языке: *Вулман*, *Вулмэн*.

² Понятие «внутренний свет» (Inward light) имеет в квакерстве целый ряд синонимов. Так, Дж. Вулмен нередко употребляет в качестве его эквивалента понятия «Божественная мудрость» (Divine wisdom), «Чистый Дух» (Pure spirit), «Истина» (Truth) и многие другие (этот вопрос подробно рассматривается в статье Ш.К. Уильямс [4]).

³ Перевод автора статьи.

⁴ В автобиографии Джонса есть фраза: «Я был убежден, что внутренний дух простоты проистекает от... общения с Богом»; прочитав ее, Драйзер обвел кругом слово «Бог» (God) и написал на полях слово «Природа» (Nature) [17. P. 129. Qtd. in: 10. P. 306].

⁵ «Водительство» (leading) – религиозный термин, принятый у квакеров.

⁶ Перевод Ю.В. Ковалева [12. С. 663].

⁷ Словосочетание «совершенный квакер» применительно к Вулмену позаимствовано автором статьи из заглавия книги Д. Сокса (*Sox D. John Woolman: Quintessential Quaker. 1720 to 1772. Richmond: Friends United Press, 1999. 148 p.*).

Список источников

1. Plank G. The First Person in Antislavery Literature: John Woolman, his Clothes and his Journal // *Slavery and Abolition*. 2009. Vol. 30 (1). P. 67–91.
2. Вулман Дж. Дневник. Ходатайство о бедных / Пер. с англ. Т.А. Павловой. М.: Астрейя, 1995. 336 с.
3. Woolman J. The Journal and Major Essays / Ed. by Ph.P. Moulton. Richmond: Friends United Press, 2007. 342 p.
4. Williams Ch.C. The Names of God in George Fox and John Woolman // *Quaker Religious Thought*. 1992. Vol. 80 (4). P. 33–40.
5. Banes R.A. The Exemplary Self: Autobiography in Eighteenth Century America // University of Hawai'i Press: Biography. 1982. Vol. 5 (3). P. 226–239.
6. Драйзер Т. Оплот / Пер. с англ. Е.Д. Калашниковой. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 384 с.
7. Dreiser Th. The Bulwark. New York: A Doubleday and Company Inc., Garden City, 1946. 340 p.
8. St. Jeane Sh. Mythology, Religion, and Intertextuality in Theodore Dreiser's The Bulwark // *Christianity and Literature*. 1999. Vol. 48 (3). P. 275–293.
9. Salzman J. The Curious History of Dreiser's The Bulwark // *Proof: The Yearbook of American Bibliographical and Textual Studies*. 1973. Vol. 3. P. 21–61.
10. Pizer D. The Novels of Theodore Dreiser: A Critical Study. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1976. 382 p.
11. Lingeman R. Theodore Dreiser: An American Journey. 1908–1945. New York: G.P. Putnam's Sons, 1990. 546 p.
12. Ковалев Ю.В. Финал / Драйзер Т. Стоик. Оплот. Ленинград: Лениздат, 1989. С. 652–670.
13. Lydon M. Theodore Dreiser, Anna Tatum, and The Bulwark: The Making of a Masterpiece. New York: Franklin Street Press, 2017. 70 p.
14. Dreiser V. My Uncle Theodore. New York: Nash Publishing, 1976. 240 p.
15. Dreiser Th. The Living Thoughts of Thoreau. New York: David McKay Co., Inc. 1963. 176 p.
16. Jolliff W. The Economy of the Inward Life: John Woolman and Henry Thoreau // *The Concord Saunterer*. 2007. Vol. 15. P. 91–111.
17. Jones R. The Trail of Life in the Middle Years. New York: The Macmillan Company, 1934. 262 p.
18. Friedrich G. Theodore Dreiser's Debt to Woolman's Journal // *American Quarterly*. 1955. Vol. 7 (4). P. 385–392.
19. Plank G. John Woolman's Path to the Peaceable Kingdom: A Quaker in the British Empire. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2012. 292 p.
20. Rosenblatt P. John Woolman. New York: Twayne Publishers, Inc., 1969. 164 p.
21. Matthiessen F.O. God, Mammon and Mr. Dreiser; A Posthumous Novel of Man's Search for Meaning in a World without Faith // *The New York Times Book Review*. 1946, March 24. P. 42–44.
22. Tsuchiya Y. Urban Pastoralism in Theodore Dreiser's Works. Nagoya University: A Thesis Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Letters. 2014. 203 p.
23. Pizer D. Dreiser and his Fiction: A Twentieth-Century Quest by Lawrence E. Hussman Jr. (review) // *Studies in American Fiction*. 1984. Vol. 12 (2). P. 235.
24. Brown C.T. Dreiser's Bulwark and Philadelphia Quakerism // *Bulletin of Friends Historical Association*. 1946. Vol. 35 (2). P. 52–61.
25. Walcutt Ch.Ch. American Literary Naturalism: A Divided Stream. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1956. 344 p.
26. Matthiessen F.O. Theodore Dreiser. New York: William Sloane Associates, 1951. 268 p.
27. Hussman L.E., Jr. Dreiser and His Fiction: A Twentieth-Century Quest. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1983. 224 p.
28. Richman S. Theodore Dreiser's The Bulwark: A Final Resolution // *American Literature*. 1962. Vol. 34 (2). P. 229–245.
29. Friedrich G. A Major Influence on Theodore Dreiser's The Bulwark // *American Literature*. 1957. Vol. 29 (2). P. 180–193.
30. Higgins E. John Woolman's Journal: Narrative as Quaker Values Transmission // *Quaker Religious Thought*. 1993. Vol. 81. P. 25–37.
31. O'Reilly M.R. John Woolman: The Unconstructed Self // Heller M. (Ed.) *The Tendering Presence: Essays on John Woolman*. Philadelphia: Pendle Hill Publications, 2003. P. 133–147.

References

1. Plank, G. (2009) The First Person in Antislavery Literature: John Woolman, his Clothes and his Journal. *Slavery and Abolition*. 30 (1). pp. 67–91.
2. Woolman, J. (1995) *Dnevnik. Khodataystvo o bednykh* [The Journal and Major Essays]. Translated from English by T.A. Pavlova. Moscow: Astreya.
3. Woolman, J. (2007) *The Journal and Major Essays*. Ed. by Ph.P. Moulton. Richmond: Friends United Press.

4. Williams, Ch.C. (1992) The Names of God in George Fox and John Woolman. *Quaker Religious Thought*. 80 (4). pp. 33–40.
5. Banes, R.A. (1982) The Exemplary Self: Autobiography in Eighteenth Century America. *University of Hawai'i Press: Biography*. 5 (3). pp. 226–239.
6. Dreiser, Th. (2018) *Oplot* [The Bulwark]. Translated from English by E.D. Kalashnikova. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus.
7. Dreiser, Th. (1946) *The Bulwark*. New York: A Doubleday and Company Inc., Garden City.
8. St. Jeane, Sh. (1999) Mythology, Religion, and Intertextuality in Theodore Dreiser's The Bulwark. *Christianity and Literature*. 48 (3). pp. 275–293.
9. Salzman, J. (1973) The Curious History of Dreiser's The Bulwark. *Proof: The Yearbook of American Bibliographical and Textual Studies*. 3. pp. 21–61.
10. Pizer, D. (1976) *The Novels of Theodore Dreiser: A Critical Study*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
11. Lingeman, R. (1990) *Theodore Dreiser: An American Journey. 1908–1945*. New York: G.P. Putnam's Sons.
12. Kovalev, Yu.V. (2017) Final [The Finale]. In: Dreiser, Th. *Stoik. Oplot* [The Stoic. The Bulwark]. Translated from English. Leningrad: Lenizdat. pp. 652–670.
13. Lydon, M. (2017) *Theodore Dreiser, Anna Tatum, and The Bulwark: The Making of a Masterpiece*. New York: Franklin Street Press.
14. Dreiser, V. (1976) *My Uncle Theodore*. New York: Nash Publishing.
15. Dreiser, Th. (1963) *The Living Thoughts of Thoreau*. New York: David McKay Co., Inc.
16. Jolliff, W. (2007) The Economy of the Inward Life: John Woolman and Henry Thoreau. *The Concord Saunterer*. 15. pp. 91–111.
17. Jones, R. (1934) *The Trail of Life in the Middle Years*. New York: The Macmillan Company.
18. Friedrich, G. (1955) Theodore Dreiser's Debt to Woolman's Journal. *American Quarterly*. 7 (4). pp. 385–392.
19. Plank, G. (2012) *John Woolman's Path to the Peaceable Kingdom: A Quaker in the British Empire*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
20. Rosenblatt, P. (1969) *John Woolman*. New York: Twayne Publishers, Inc.
21. Matthiessen, F.O. (1946) God, Mammon and Mr. Dreiser: A Posthumous Novel of Man's Search for Meaning in a World without Faith. *The New York Times Book Review*. March 24. pp. 42–44.
22. Tsuchiya, Y. (2014) *Urban Pastoralism in Theodore Dreiser's Works*. A Thesis Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Letters. Nagoya University.
23. Pizer, D. (1984) Dreiser and his Fiction: A Twentieth-Century Quest by Lawrence E. Hussman Jr. (review). *Studies in American Fiction*. 12 (2). p. 235.
24. Brown, C.T. (1946) Dreiser's Bulwark and Philadelphia Quakerism. *Bulletin of Friends Historical Association*. 35 (2). pp. 52–61.
25. Walcutt, Ch.Ch. (1956) *American Literary Naturalism: A Divided Stream*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
26. Matthiessen, F.O. (1951) *Theodore Dreiser*. New York: William Sloane Associates.
27. Hussman, L.E., Jr. (1983) *Dreiser and His Fiction: A Twentieth-Century Quest*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
28. Richman, S. (1962) Theodore Dreiser's The Bulwark: A Final Resolution. *American Literature*. 34 (2). pp. 229–245.
29. Friedrich, G. (1957) A Major Influence on Theodore Dreiser's The Bulwark. *American Literature*. 29 (2). pp. 180–193.
30. Higgins, E. (1993) John Woolman's Journal: Narrative as Quaker Values Transmission. *Quaker Religious Thought*. 81. pp. 25–37.
31. O'Reilly, M.R. (2003) John Woolman: The Unconstructed Self. In: Heller, M. (ed.) *The Tendering Presence: Essays on John Woolman*. Philadelphia: Pendle Hill Publications. pp. 133–147.

Информация об авторе:

Абдурахманова-Павлова Д.В. – аспирант кафедры истории зарубежных литератур Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: dvarp_19@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.V. Abdurakhmanova-Pavlova, postgraduate student, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: dvarp_19@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.07.2021;
одобрена после рецензирования 22.01.2022; принята к публикации 20.05.2022.

The article was submitted 17.07.2021;
approved after reviewing 22.01.2022; accepted for publication 20.05.2022.

Научная статья
УДК 821.111(73)
doi: 10.17223/15617793/478/2

Поэтика холода и бестиарий в романе Донны Тартт «Тайная история»

Ольга Евгеньевна Гевель¹

¹ Институт филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия, olyagevel@mail.ru

Аннотация. На материале романа Донны Тартт «Тайная история» выделены мотивы, связанные с семантикой холода и бестиарной символикой, которые в перспективе следующих ее романов вовлечены в восточно-европейский текст, реконструированный Л. Вульфом в работе «Изобретая Восточную Европу». Упоминание в «Тайной истории» классиков русской литературы, Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, подтверждает, что возникающие «восточно-европейские» ассоциации не случайны и связаны с интересом автора к русской культуре.

Ключевые слова: Донна Тартт, Л.Н. Толстой, поэтика холода, бестиарная символика, Восточная Европа

Для цитирования: Гевель О.Е. Поэтика холода и бестиарий в романе Донны Тартт «Тайная история» // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 14–20. doi: 10.17223/15617793/478/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/2

The genesis of Eastern European text in Donna Tartt's novels: Bestiary and poetics of cold in *The Secret History*

Olga E. Gevel¹

¹ Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, olyagevel@mail.ru

Abstract. This article deals with the problem of reception of Eastern Europe in Donna Tartt's novels as the first attempt to further studies. The material of the writer's first novel, *The Secret History*, highlights motifs related to the semantics of cold (winter, blizzard, pallor), oppositions of "North" and "South" (both in the plot of the novel and in the names of the characters), and bestiary symbols (associations with a dog, a rabbit, a bird, and deer hunting) in the plot, and onomastics of *The Secret History*. According to O.M. Freudenberg, the significance expressed in the character's name and, consequently, in their metaphorical essence unfolds into an action that constitutes a motif: the characters do only what they semantically mean. The influence of the *Chronicles of Narnia* by C.S. Lewis on the formation of the named complex of motifs (and the antique background of the story) is obvious; however, in the perspective of the following Donna Tartt's novels, these motifs are also included in the Eastern European text described by the American historian Larry Wolff in his work *Inventing Eastern Europe* (1994): with obligatory coldness (remoteness/detachment), savagery (animality), sensuality, ambivalence (up to inversions), theatricality, a mixture of attraction and frightening. *The Secret History* mentions two classics of Russian literature, Leo Tolstoy and Fyodor Dostoevsky, which allows us to note: the emerging "Eastern European" associations are not accidental. The motifs of cold and bestiary symbolism are also important in Tartt's second novel, *The Little Friend* (2002). However, in her third novel, *The Goldfinch* (2013), a secondary character Boris Pavlikovsky appears, connected by his fate with Russia, Poland, and Ukraine. This image will ultimately concentrate the considered motifs and symbols. However, the "East European" layer, of course, is only one of the significant semantic fields of *The Secret History*: associations with ancient mythology, the Elizabethan theater, and modern literary context (for example, the genre of a university novel) are also important. Nevertheless, in Tartt's first novel, methods and approaches are outlined, which manifested themselves more clearly in the following works – the more important it is to localize and track the development of motifs caused by an obvious interest in Eastern European culture and literature.

Keywords: Donna Tartt, Leo Tolstoy, poetics of cold, bestiary, Eastern Europe

For citation: Gevel, O.E. (2022) The genesis of Eastern European text in Donna Tartt's novels: Bestiary and poetics of cold in *The Secret History*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 14–20. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/2

Лауреат Пулитцеровской премии Донна Луиза Тартт – писательница географически «южная» (по месту рождения: Гринвуд, Миссисипи). Ее второй роман «Маленький друг» рассматривают сквозь

призму «южного мифа», «южной готики» [1. С. 165–170]. Однако поэтике холода в каждом из трех романов Д. Тартт отведена важная роль – значимыми являются противопоставления «Севера» и «Юга» (как географически и политически, так и символически), мотивы метели, снегопада, холодной зимы. Кроме того, в творчестве Д. Тартт присутствуют многочисленные бестиарные ассоциации, которые рифмуются как с темами природы, стихии, судьбы (от атмосферного фронта до азартных игр), так и с важной для Д. Тартт темой России и Восточной Европы. В результате возникает отчетливый мотивный комплекс «холод – бестиарий – Восточная Европа (в частности, а иногда и в первую очередь – Россия)», так или иначе проявленный в трех романах писательницы.

Эта связь имеет свои историко-культурные корни. Напомним, что Л. Вульф в работе «Изобретая Восточную Европу» [2] среди тенденций конструирования восточноевропейских (и русских) образов отмечал холод, бестиарные описания и сюжеты, связанные с охотой и дикостью (оборотностью, амбивалентностью, склонностью к насилию), «колебание между самоотожествлением и отчужденностью» [2. С. 20]. Корреляция восточноевропейского текста с поэтикой холода и бестиарием, помимо теоретических постулатов Вульфа и литературных текстов, раскрывается и на бытовом уровне. Например, в феврале 2018 г. циклон из Сибири, засыпавший Европу снегом, был назван «Beast from the East» («Зверь с Востока»), в 2021 г. подобное атмосферное явление было названо «Зверь с Востока – 2», а некоторые заголовки статей о природном явлении «обвиняют» Россию в «экспорте холода».

Сразу оговоримся, что отдельно взятые поэтика холода и бестиарная символика не могут быть отнесены исключительно к восточноевропейскому тексту, но подкрепленные культурными аллюзиями, они становятся значимым составляющим в творчестве американской писательницы. Наиболее отчетливо восточноевропейский текст проявился в третьем романе Д. Тартт «Щегол», в котором образ Бориса Павликовского предельно сконцентрировал в себе все реконструированные Вульфом компоненты. Парадоксальное сочетание бестиарных мотивов и поэтики холода ярко проявлено как в образе самого Бориса, так и в восточноевропейских образах, его окружающих, например: «Я, конечно, боялся к нему приближаться – это как к дикому зверю подходить, но все равно шагнул, неловко выставив вперед руки. Он ухватил их своими задубевшими, холодными ладонями» [3. С. 265–266], – говорит рассказчик об отце Бориса.

Однако уже в первом романе Тартт «Тайная история» намечены приемы и подходы, проявившиеся более ярко в последующих произведениях – тем важнее проследить генезис и развитие мотивов, вызванных очевидным интересом Тартт к русской культуре и литературе, созвучным вниманию, уделяемому восточноевропейскому тексту современными писательницами-славистами Э. Батуман и В. Гроскоп.

В романе Д. Тартт «Тайная история» восточноевропейский текст представлен упоминанием Собора Василия Блаженного, Толстого (что перспективе обращения к темам природы, стихии, судьбы вполне закономерно), Достоевского [4] и «достоевщины» [5. С. 338], в том числе прямого цитирования нарратором Достоевского: «Это я убил тогда старуху-чиновницу и сестру ее Лизавету топором и ограбил» [5. С. 424] и ассоциациями с холодом, зимой¹, охотой. Кроме того, к этому же комплексу мотивов можно, как представляется, отнести и сферу бессознательного/подсознательного дионисийского [6. С. 245–259], которое противопоставлено в романе «нормальному» американскому способу жить. Упоминание в романе одновременно Толстого и Достоевского на фоне постоянных античных ассоциаций с аполлоническим и дионисийским, космосом и хаосом открывают дополнительный уровень для литературоведческих сравнений. Любопытно, что оба сравнения с авторами русской литературы принадлежат Генри, герою-идеологу и объединения студентов, и убийства одного из них: «Успокойся. Где ты набрался этой достоевщины?» [5. С. 338] – об опасениях товарищей и «Словно какой-нибудь эпизод из Толстого, правда?» [5. С. 370] – о масштабных поисках пропавшего (убитого ими) студента.

Восточноевропейский контекст, безусловно, является не единственным смыслообразующим контекстом для романов Тартт – в частности, для ее первого романа «Тайная история» важны темы Античности [7], елизаветинского театра [8], аллюзии на тексты американских и английских авторов, связанные с темой холода, зимы, Севера и одновременно – с бестиарными образами: «Северные рассказы» Джека Лондона, «Хроники Нарнии» К.С. Льюиса и др.

Сюжет романа «Тайная история» сконцентрирован вокруг убийства студента-шантажиста его однокурсниками (включая его предысторию и последствия). Главный герой – Ричард Пейпен – уроженец теплой, но скучной Калифорнии², вовлечен в круговорот событий при поступлении в колледж в северном штате Вермонт. Его коллеги по изучению греческого: близнецы Чарльз и Камилла Маколей (находящиеся в сомнительно близких отношениях³), не скрывающий своих любовных интересов (к которым относится и рассказчик) Фрэнсис Абернати, одаренный, но таинственный Генри Винтер и Банни Коркоран, с убийства которого и начинается книга. Значительную роль в книге и судьбе главного героя играет также преподаватель греческого языка Джулиан Морроу. Новая жизнь кажется рассказчику волшебной и интересной: «я чувствовал себя так, как будто находился в чужой стране с загадочным бытом, странными людьми и непредсказуемой погодой» [5. С. 85], «и сама жизнь казалась мне тогда волшебной: сплетение символов, совпадений, предчувствий, знамений» [5. С. 108]. Но постепенно, вместе с первыми холодами, у Ричарда появляются тревожные мысли, предчувствия, подтвердившиеся впоследствии.

Поэтика холода. О. Скубач отмечает важную тенденцию западного мира ассоциировать с Севером

ром (и холодом) «семантику тайны, угрозы, опасности или преступления» [9. С. 104], что становится эстетической и культурной нормой. Однако для Тартт мотивы холода и метели приобретают амбивалентную природу и часто оказываются связанными с темой судьбы и Рождества, когда все проблемы героя волшебным образом решаются – как это произошло в романе «Щегол». Это может быть связано и с биографией писательницы – дата ее рождения 23 декабря. Под Рождество появляется на свет и героиня романа «Маленький друг», но для героя «Тайной истории» рождество как раз «незаметно промелькнуло» [5. С. 134], а тема холода имеет огромное значение и мотивно перекликается с пассажами из следующего ее романа – холодное, бледное, белое у Тартт часто рифмуется со смертью. Например, в романе «Тайная история» рассказчик описывает свою первую холодную зиму: «Я считал, что мои еженощные мучения – чуть ли не норма для жителей Вермонта зимой. Холод, от которого ломило кости и болели суставы, свирепый холод, беспощадно вторгавшийся в мои сны – плавучие льды, пропавшие экспедиции, прожектора поисковых самолетов, скользящие по белым вершинам айсбергов, и я – в бесконечном дрейфе по беспросветным арктическим морям» [5. С. 132]. Далее тема смерти сопрягается в романе с темой холода: «...все вокруг пусто и белым-бело, никаких звуков, только шум ветра. В старину снега наметало по самые крыши, люди сидели запертые в своих домах, как в клетках. И умирали голодной смертью. Их находили только весной» [5. С. 123]. Ср. ниже: «...я стал замечать, что контуры предметов подергиваются белизной» [5. С. 137].

Во втором романе писательницы – «Маленький друг» – присутствует расширенное определение холодности и бледности (гиперболизированных) как мертвенности, также связанное с темой Севера: «...кожа была сморщенная, грубая, как заношенная перчатка, и холодная-холодная-холодная. Так вот что за тайну знали и капитан Скотт, и Лазарь, и Робин, тайну, которую в последний свой час узнал и кот: вот он каков – путь к витражному окну. Когда, восемь месяцев спустя, отыскивали такую палатку Скотта, Боуэрс и Вильсон лежали в спальнях мешках, застегнутых наглухо, а Скотт – в открытом, приобняв Вильсона. То была Антарктида, а тут – свежее зеленое майское утро, но тело у нее под рукой было холодным, как лед <...> писал Скотт холодеющей рукой, когда вокруг него мягко смыкалась белизна белых просторов, а бледные карандашные буквы на белой бумаге бледнели еще сильнее» [10. С. 66].

В третьем романе Тартт «Щегол» восточноевропейские образы – Борис Павликовский и его спутники – постоянно сопряжены с темой холода, льда, айсбергов, бледности, но более амбивалентны (например, для них также характерны крепкие и теплые объятия).

Тема холода в романе «Тайная история» каждый раз связана с выходящими за рамки обыкновенной действительности, гиперболизированными, вызываю-

щими страх действиями: «пейзаж был похож на заколдованную страну, где уже не действуют привычные законы природы»; «минувшая зима поселила во мне безотчетный страх перед снегом» [5. С. 307]; «мне все время было холодно» [5. С. 85–86]; «жуткая метель» [5. С. 139]; «по жуткому морозу, порой по такой метели, что не было видно ничего, кроме снежной круговерти», «дикий холод» [5. С. 132]; «самый холодный январь за последние двадцать пять лет» [5. С. 138].

Внутреннее состояние и когнитивные способности главного героя также связаны с холодом: «...мозг мой словно бы тоже окоченел» [5. С. 130]. Более того, холод даже приводит к «помутнению рассудка» [5. С. 138]. Таким образом, возможно, оправдывается и соучастие рассказчика в будущем преступлении. При этом «помутнение рассудка» от холода (как уже говорилось ранее, для Тартт нередко равному смерти) может быть связано и с мотивами инициации [11. С. 78–80]. Дальнейшие события романа показывают, что инициация эта не была полностью успешна.

Холод имеет в романе и сюжетную функцию, часто влияя на ход событий (что каждый раз тщательно фиксируется). Приведем выразительный пример: «Все могло бы быть тихо и незаметно, если бы той ночью не выпал снег» [5. С. 9].

При наступлении холодов заканчиваются «дионисийские» эксперименты друзей по поиску экзотических состояний. Холод едва не стоит Ричарду жизни. Его спасает Генри, предопределяя участие Ричарда в убийстве. Неожиданный снег в мае, начавшийся после убийства, замечает тело Банни, что приводит к многодневной поисковой операции: «...снегопад еще не начался, но притихшие настороженные деревья уже съезжились под покровом неба, заранее ощущая тяжесть льда, который покроет их ветви с наступлением ночи» [5. С. 304].

Важно отметить, что такие погодные условия не являются нормой даже для Вермонта, зима в котором уже описывалась Ричардом как нечто невероятное: «никогда не видел, чтобы снег шел почти в начале мая», «на апрельский пейзаж убийственным оксюмороном опускалась апатия ноября» [5. С. 307]. Ср.: «выйдя из здания, я поскользнулся на обледенелой ступеньке и спикировал носом в самый настоящий сугроб. Помедлив пару секунд, я поднялся на колени и с изумлением огляделся. Несколько запоздалых снежинок – еще куда ни шло, но я никогда бы не подумал, что погода может измениться так стремительно, а главное, до такой степени. От цветов не осталось и следа, лужайки как не бывало. Повсюду, насколько хватало глаз, простиралось чистое гладкое покрывало голубоватого искрящегося снега» [5. С. 314].

Однако «холодное» присутствует не только на сюжетном уровне романа «Тайная история», но и в структуре образов героев. Новые знакомые главного героя также связаны с темой холода, снега, бледности – по отдельности и все вместе:

Генри: «бледная кожа» [5. С. 26], «холодно сказал Генри» [5. С. 72], «в таких случаях Генри просто сгу-

щает и без того свойственную ему холодность, а Джулиан напротив усилием воли облакает в ледяную броню свою, в сущности, добродушную и мягкую натуру» [5. С. 545].

Джулиан: «белые, как снег, волосы» [5. С. 24], «арктическом безмолвии» [5. С. 546].

Камилла: «стальные глаза» [5. С. 89], «ее бледно-серебристый взгляд» [5. С. 342], от ее стального взгляда земля ушла у меня из-под ног [5. С. 586].

Фрэнсис: «неестественно бледном лице» [5. С. 111].

Все: «При множестве различий все они обладали некой холодной отстраненностью, жестким, отточенным шармом, в котором не было абсолютно ничего от современности, но напротив, чувствовалось дыхание давно ушедшего мира... я хотел быть таким, как они» [5. С. 41].

Далее и рассказчик вовлечен в эту общность: «призрачная бледность и странное свечение наших лиц» [5. С. 106].

Поэтика холода присутствует и в именах героев⁴ романа «Тайная история». Созвучность имени персонажа и связанного с ним сюжета отмечают многие литературоведы, например О.М. Фрейденберг: «...значимость, выраженная в имени персонажа и, следовательно, в его метафорической сущности, развёртывается в действие, составляющее мотив: герой делает только то, что семантически сам означает» [12. С. 223]. Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский в статье «Миф – имя – культура» добавляют: «...миф и имя непосредственно связаны по своей природе. В известном смысле они взаимопределяемы: миф персонален (номинационен), имя – мифологично» [13. С. 62].

Одна из первых жертв романа «Тайная история» – борзая собака по имени Фрост (*мороз), спасенная близнецами, но прожившая после этого недолго. Самый таинственный персонаж первого романа Донны Тартт – Генри⁵ – носит зимнюю фамилию: Винтер (*зима) и часто холоден, отдален, мрачен. В конце романа его также ждет смерть.

Такая концентрация мотивов, связанных с холодом, кажется не случайной и в сочетании с отчетливой «звериной» темой усиливает формирование восточноевропейского текста в творчестве Д. Тартт.

Бестиарий. Перед убийством главный герой спрашивает Генри: «Почему тебе так **зверски** не терпится прикончить его?» [5. С. 287] – однако это не первая негативная коннотация бестиарных сравнений. В романе Д. Тартт «Тайная история» присутствуют как отдельные бестиарные образы, так и многочисленные сравнения и отсылки к образам животных или метафоры, связанные с охотой (преимущественно на оленя – как последовательно доказывает К. Нагина, сюжетобразующий для многих текстов русских писателей и поэтов [14]). Сюжет об охоте в западноевропейских текстах о Восточной Европе является одним из основных (от «Путешествий и удивительных приключений барона Мюнхгаузена» и далее⁶). Этот же сюжет в инвертированном виде отражен в масштабной тол-

стовской метафоре народной войны, загоняющей зверя (Наполеона).

Однако еще раз оговоримся, что отнесенность к восточноевропейскому тексту – лишь одна из возможных коннотаций бестиарных сравнений романа Д. Тартт. Так С. Зенкин обращает внимание на важный сюжетный механизм, присущий бестиарным образам: «существуя в “космических координатах”, зверь отрицает отдельность и внутренней территории, в максимальном отдалении от границ ее, от начал и концов, реальных и смысловых» [15. С. 44].

Идея дионисийских ритуалов, которые привели к трагическим последствиям, впервые вербализована Джулианом и содержит в себе бестиарную тему, связанную с единением и освобождением: «Быть абсолютно свободным... Конечно, можно найти и другие, более грубые и менее действенные способы нейтрализовать эти губительные страсти. Но как восхитительно выпустить их в едином порыве! Петь, кричать, танцевать босиком в полуночной чаще – без малейшего представления о смерти, подобно зверям» [5. С. 54].

Бестиарная символика в романе «Тайная история» растворена в многочисленных образах животных и отождествлений героев с животными. Появляются как танатологические образы, связанные с птицами: три ворона «предзнаменование, не иначе» [5. С. 76]; «окаменелый отпечаток папоротника, птичий скелет» [5. С. 78]; «убийство птицевода» [5. С. 340]; «пасхальный цыпленок, которого я затискал до смерти» [5. С. 345]; так и песье-волчьи образы, несущие нередко негативную символику: «вокруг выли волки» [5. С. 188]; «когда мы ездили к Фрэнсису, дорогу нам перебежала беременная собака» (далее говорится о том, что это очень плохая примета) [5. С. 374]. Даже сердце главного героя описывается в бестиарных координатах: «...в груди спотыкалось сердце. Я ненавижу эту жалкую, ущербную мышцу, которая тыкалась мне в ребра, как недобитая собака» [5. С. 527]. После окончания колледжа и возвращения в Калифорнию автора не покидают бестиарные сновидения: «...мои сны наполнились... оскаленными мордами диких псов» [5. С. 578]. Найденная в конце романа кошка также описана инфернально: «исчадие ада» [5. С. 564] и «дьявольское отродье» [5. С. 565].

Главные герои нередко сравниваются с животными или птицами. Так, о Фрэнсисе рассказчик говорит: «черной птицей он шагнул через луг» [5. С. 43], о Генри и Чарльзе: «а эти двое на меня зверски так смотрят» [5. С. 59], о Генри – «сильный, как бык» [5. С. 67], «с его поистине кошачьей опрятностью» [5. С. 161]; о Фрэнсисе – «принадлежал к тому типу изысканно одетых, невозмутимых юношей с лисьими повадками» [5. С. 67].

Судьба уже упомянутой борзой Фрост «предсказывает» исход и для Банни. Собака «питала симпатию к Банни и частенько сопровождала нас во время воскресных прогулок... Банни, страстно любивший ходить пешком, и сам напоминал старую гончую» [5. С. 101]. Именно во время такой воскресной прогулки Банни и убьют друзья: когда он станет словно

«не ведающая жалости гончая» [5. С. 243] («вынюхивая» и выдавая их секреты). Незадолго до этого Банни также сравнивается с гончей: «Хуже было, когда он смыкал челюсти, вцепившись в кого-то одного. С какой-то сверхъестественной проницательностью он всегда точно определял, когда и в какое место вонзить зубы, чтобы как можно больнее ранить, как можно сильнее разозлить» [5. С. 241].

Взаимосвязь образа Банни с темой собачьей охоты можно выявить и по ассоциации с мифом об Артемиде, которую в романе воплощает Камилла: «Вылитая статуя Дианы в клубе моего отца» [5. С. 101], и превращенном ею в оленя за подглядывание Актеоне, которого, не узнав, затравили собственные собаки.

Сюжет упомянут у Эсхила и Овидия и неоднократно становился темой изобразительного искусства и литературы. Характерно, что и Л.Н. Толстой, очевидно, обращался к этому сюжету в повести «Казачьи», см. статью К.А. Нагиной [16]. У нас нет источниковедческих аргументов в пользу того, что Д. Тартт знакома с текстом ранней повести Л.Н. Толстого, однако общий массив и значимость толстовских аллюзий в творчестве Тартт делают такую взаимосвязь вероятной.

Показательно, что сюжет охоты на оленя тем или иным образом проявляется в романе несколько раз – от изображения на галстук до версии произошедшего убийства. Говоря о дионисийских мистериях, Джулиан упоминает образ менад у Еврипида («так лань играет, радуясь роскошной зелени лугов») [5. С. 54].

Перед первым обедом с Банни главный герой покупает «старый галстук с изображением охоты на оленя» [5. С. 101]. Об убийстве птицевода герои говорят: сбили оленя [5. С. 205]. До этого, говоря о неприятии убийства живого существа, Генри также упоминает, как «сбил оленя» [5. С. 192]. А запах после убийства напоминает Камилле об оленьей охоте: «Было холодно. И еще запах – его мне, наверное, никогда не забыть. Тот же запах стоял, когда мой дядя разделял оленей» [5. С. 392].

Сами близнецы не раз характеризуются через образ оленя, например: «близнецы вскинули глаза, вздрог-

нув, словно олени» [5. С. 173]; «Камилла говорит, что некоторое время ей казалось, будто она стала ланью» [5. С. 189]. Один из героев путает имя Банни, называя его именем диснеевского олененка: «– А этот парень – как его, Бэмби? – Банни» [5. С. 352], уходя на последнюю прогулку, Банни выбирает «оленью тропу» [5. С. 282]. Увидев друзей в лесу, Банни называет их «истребители оленей» [5. С. 297].

Образ жертвы – Банни – имеет усложненную бестиарную природу. Его связь с оленем и гончей, основанная на мотиве травли (главного действия данной породы собаки во время охоты), несколько вторична по отношению к основной ассоциации с кроликом (Банни – *кролик), семантически и сюжетно решающей в его образе. Кроме того, эта «кроличья» ассоциация связана и со временем смерти Банни, произошедшей «накануне Пасхи» [5. С. 307] и однозначно отсылающей к пасхальному кролику. Друзья называют героя также Бан (Bun – *булочка), и ассоциации с хлебом, с мучным также могут относиться к жертвенной природе образа [12. С. 56–57].

Полное имя Банни Эдмунд может ассоциироваться и с двумя предателями Эдмундами в английской культуре: провокатором и притворщиком Эдмундом из «Короля Лира» Уильяма Шекспира [8] и самым близким к зиме и Белой королеве персонажем «Хроник Нарнии» Клайва Стейплза Льюиса [17] – младшим братом по имени Эдмунд. Именно Эдмунд у К.С. Льюиса провоцирует ситуацию, воссоздающую пасхальный сценарий со смертью и воскресением⁷.

В сюжете романа «Тайная история» (так же прочно связанном с античной мифологией и библейскими аллюзиями, как и серия романов К.С. Льюиса) воскресению места не находится, а вместо весны приходят неожиданная зима и череда допросов и похорон. Однако в третьем романе Тартт «Щегол» герой проходит все стадии инициации и возрождается к жизни, в том числе благодаря восточноевропейскому герою, в структуре образа которого отчетливы бестиарные элементы, и рождественскому чуду, меняющему тональность поэтики холода в творчестве американской писательницы.

Примечания

¹ Возможны также ассоциации Вермонта, где происходит действие романа Тартт, с самым известным русским жителем Вермонта А.И. Солженицыным, жившим в городе Кавендиш с 1976 по 1994 г. Русскому писателю, как не раз отмечалось, Вермонт напоминал родную страну. Сама Тартт училась в Вермонте (в Бенningтонском колледже – с 1982 г.) как раз в годы пребывания там А.И. Солженицына, однако достоверной информации об интересе Тартт к творчеству Солженицына нами не найдено. Тем не менее образ Солженицына органично вписывается в современный роману «Тайная история» (опубликованному в 1992 г.) полемику о месте России и Восточной Европы на ментальной карте мира (Л. Вульф, Б. Гройс, М. Кундера, И. Бродский и др.).

² Противопоставление «Севера» и «Юга» (характерное для культуры Соединенных Штатов, но воспринимающееся и как метафора) в романе каждый раз воспроизводится с определенными коннотациями: герой покидает скучный Юг ради интересного Севера. Однако есть и обратное стремление на Юг: в теплую Италию уезжают Банни и Генри, в Южную Америку хотят сбежать герои, чтобы избежать травли Банни.

³ Ассоциирующихся как с античными кодами, так и с историей Элен и Анатоля Курагиных в романе Л.Н. Толстого «Война и мир».

⁴ Для имен героев Донны Тартт характерны разнообразные отсылки к литературным персонажам и героям мифов и легенд, особенно ярко это проявилось в романе «Щегол», где за каждым именем часто скрыто несколько разнообразных литературных ассоциаций.

⁵ В перспективе некоторые элементы образа Генри Винтера трансформировались в романе «Щегол» в образ Бориса Павлюковского. Так, например, о Генри говорится «вылитый персонаж гангстерского фильма» [5. С. 488] – этот сценарий в полной мере удастся Борису, философские взгляды Генри основаны на идее господства случайности (эту идеологию наследует и главный герой: «...этот абсолютно случайный выбор решил, как вы увидите, мою судьбу» [5. С. 16]), как и в случае со славянским героем последнего романа Тартт, который стягивает вокруг себя более насыщенный и сложный восточноевропейский текст: в его образе помимо бестиарных мотивов и очевидной поэтики холода проявится и ряд других характерных черт.

⁶ Современная массовая культура варьирует сюжет охоты, воспроизводя его, например, в противостоянии Рокки и Буллвинкля Борису и Наташе: как отмечает Л. Вульф: «...начальником, похоже, была именно Наташа, которая постоянно командовала комически властным голосом: “Борис, хватай лося!”. Зловещий облик России отражался не только в наших ядерных страхах, но и в смешных детских мультфильмах. Зло говорило с русским акцентом» [2. С. 13].

⁷ Ассоциации с предательством и евангельским сюжетом вообще характерны для жанра университетского романа (или фильмов, снятых по подобной схеме: «Общество мертвых поэтов» 1989, «Улыбка Моно Лизы», 2003). Взаимоотношения «учеников», «учителя» и обязательного «предателя» многократно репродуцированы в текстах (и кинотекстах) этого жанра. Характерно, что сюжет романа «Тайная история» также, очевидно повлиял на трансформацию жанра, в том числе благодаря неоднозначному (скорее сомнительному, в итоге) образу «учителя» – в частности, на дебютный роман американской писательницы Мариши Пессл «Некоторые аспекты теории катастроф» (2006).

Список источников

1. Анцыферова О. Ю. «Южный миф» и роман Д. Тартт «Маленький друг» // Филология и культура. 2015. № 2. С. 165–170.
2. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизаций в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И. Федюкина. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.
3. Тартт Д. Щегол / пер. с англ. А. Завозовой. М.: АСТ: CORPUS, 2015. 827 с.
4. Corrigan Y. Donna Tartt's Dostoevsky: Trauma and the Displaced Self // Comparative Literature. 2018. Vol. 70(4). P. 392–407.
5. Тартт Д. Тайная история / пер. с англ. Д. Бородкина, Н. Ленцман. М.: АСТ: CORPUS, 2015. 590 с.
6. Гройс Б. Россия как подсознание Запада // Утопия и обмен. М.: Знак, 1993. С. 245–259.
7. Анцыферова О.Ю. Античный код в университетском романе Донны Тартт «Тайная история» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 22–27.
8. Черноземова Е.Н. Функция обращений к творчеству предшественников и младших современников Шекспира в романе Донны Тартт «Тайная история» // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2018. № 4. С. 216–224.
9. Скубач О. Страх и Север: Арктика глазами советских полярников 1920–1930-х годов // Новое литературное обозрение. 2020. № 2 (162). С. 104–116.
10. Тартт Д. Маленький друг / пер. с англ. А. Завозовой. М.: АСТ: CORPUS, 2015. 640 с.
11. Геннеп. А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов М.: Восточная литература РАН, 1999. 198 с.
12. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
13. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф – имя – культура // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллин, 1992. С. 58–75.
14. Нагина К.А. Метаморфозы оленя: анималистический код русской литературы // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25, вып. 3. С. 26–35.
15. Зенкин С.Н. Зоологический предел культуры (Бахтин, Флобер и другие) // Зенкин С.Н. Работы о теории. М., 2012. С. 440–452.
16. Нагина К.А. Антропологическая семантика бестиария Л. Толстого // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2016. № 2. С. 53–57.
17. Льюис К.С. Хроники Нарнии / пер. с англ. Н. Трауберг, Г. Островской, Е. Доброхотовой-Майковой, В. Кулагиной-Ярцевой. М.: Эксмо, 2017. 592 с.

References

1. Antsyferova, O.Yu. (2015) “Yuzhnyy mif” i roman D. Tartt “Malen'kiy drug” [“Southern Myth” and D. Tartt’s Little Friend]. *Filologiya i kul'tura*. 2. pp. 165–170.
2. Wolf, L. (2003) *Izobretaya Vostochnuyu Evropu: Karta tsivilizatsiy v soznanii epokhi Prosveshcheniya* [Inventing Eastern Europe: A Map of Civilizations in the Mind of the Enlightenmen]. Translated from English by I. Fedyukin. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
3. Tartt, D. (2015) *Shchegol* [The Goldfinch]. Translated from English by A. Zavozova. Moscow: AST: CORPUS.
4. Corrigan, Y. (2018) Donna Tartt’s Dostoevsky: Trauma and the Displaced Self. *Comparative Literature*. 70 (4). pp. 392–407.
5. Tartt, D. (2015) *Taynaya istoriya* [The secret history]. Translated from English by D. Borodkin, N. Lentsman. Moscow: AST: CORPUS.
6. Groys, B. (1993) Rossiya kak podsoznanie Zapada [Russia as the subconscious of the West]. In: *Utopiya i obmen* [Utopia and exchange]. Moscow: Znak, 1993. pp. 245–259.
7. Antsyferova, O.Yu. (2015) Antichnyy kod v universitetskom romane Donny Tartt “Taynaya istoriya” [The Antique Code in Donna Tartt’s University Novel “The Secret History”]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2 (2). pp. 22–27.
8. Chernozemova, E.N. (2018) Funktsiya obrashcheniy k tvorchestvu predshestvennikov i mladshikh sovremennikov Shekspira v romane Donny Tartt “Taynaya istoriya” [The function of references to the works of Shakespeare’s predecessors and younger contemporaries in Donna Tartt’s novel The Secret History]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 4. pp. 216–224.
9. Skubach, O. (2020) Strakh i Sever: Arktika glazami sovetских polyarnikov 1920–1930-kh godov [Fear and the North: The Arctic through the Eyes of Soviet Polar Explorers of the 1920s–1930s]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2 (162). pp. 104–116.
10. Tartt, D. (2015) *Malen'kiy drug* [The little friend]. Translated from English by A. Zavozova. Moscow: AST: CORPUS.
11. Gennepe, A. van. (1999) *Obryady perekhoda. Sistematicheskoe izuchenie obryadov* [The rites of passage]. Translated from French. Moscow: Vostochnaya literatura RAN.
12. Freydenberg, O.M. (1997) *Poetika syuzheta i zhanra* [Poetics of plot and genre]. Moscow: Labirint.
13. Lotman, Yu.M. & Uspenskiy, B.A. (1992) Mif – imya – kul'tura [Myth -- name -- culture]. In: Lotman, Yu.M. *Izbrannye stat'i* [Selected articles]. Vol. 1. Tallin. pp. 58–75.
14. Nagina, K.A. (2015) Metamorfozy olenya: animalisticheskii kod russkoy literatury [Deer metamorphoses: the animalistic code of Russian literature]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. 25 (3). pp. 26–35.
15. Zenkin, S.N. (2012) *Raboty o teorii* [Works on theory]. Moscow. pp. 440–452.
16. Nagina, K.A. (2016) Antropologicheskaya semantika bestiariya L. Tolstogo [Anthropological semantics of L. Tolstoy’s bestiary]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. 2. pp. 53–57.
17. Lewis, C.S. (2017) *Khroniki Narnii* [Chronicles of Narnia]. Translated from English by N. Trauberg, G. Ostrovskaya, E. Dobrokhotova-Maykova, V. Kulagina-Yartseva. Moscow: Eksmo.

Информация об авторе:

Гевель О.Е. — канд. филол. наук, доцент кафедры журналистики и литературоведения, директор Центра испанского языка Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: olyagevel@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.E. Gevel, Cand. Sci. (Philology), associate professor, director of the Spanish Language Center, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: olyagevel@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.07.2021,
одобрена после рецензирования 11.11.2021, принята к публикации 20.05.2022.*

*The article was submitted 13.07.2021,
approved after reviewing 11.11.2021, accepted for publication 20.05.2022.*

Научная статья
УДК 821. 161.1
doi: 10.17223/15617793/478/3

Роль первых российских надгробных речей конца XVII – начала XVIII в. в становлении жанра некролога

Екатерина Евгеньевна Надточий^{1, 2}

¹ Томский государственный университет, Томск, Россия

² Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
^{1, 2} nadtokaterina@gmail.com

Аннотация. Анализируются первые образцы российской надгробной проповеди: «Слова на смерть...», произнесенные на похоронах Ф.Я. Лефорта – ближайшего соратника Петра I, и у гроба первого российского императора. Выявляется место надгробной речи в ритуалах погребения, описывается ее семантика и поэтика. Делается вывод о появлении двух версий жанра – церковного поминального слова и светской речи, в дальнейшем выступившей прототипом для некролога.

Ключевые слова: надгробная речь, ритуальная культура, некролог, Петр I, Феофан Прокопович, слово на смерть, барокко

Для цитирования: Надточий Е.Е. Роль первых российских надгробных речей конца XVII – начала XVIII в. в становлении жанра // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 21–29. doi: 10.17223/15617793/478/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/3

The role of the first Russian funeral sermons of the late 17th – early 18th centuries in the formation of the obituary genre

Ekaterina E. Nadtochi^{1, 2}

¹ Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

² Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation
^{1, 2} nadtokaterina@gmail.com

Abstract. The article analyzes the first examples of funeral sermons delivered in Russia at the beginning of the 18th century: the speech of Pastor Stumpfius at the funeral of Franz. Lefort and “The Word for the Burial of Peter the Great” by Feofan Prokopovich, voiced during the burial of Peter I. The text regulating the ceremony of farewell to the emperor by the organizer of the funeral Ya.V. Bruce and “A Brief Tale of the Death of Peter the Great, Emperor and Autocrat of All Russia” by Feofan Prokopovich are also explored. The aim of this study is to learn what role the first funeral speeches played in the formation of the obituary genre in Russian literature. In the course of studying the materials, the author revealed that the most important of the innovations of the funeral ritual was the funeral memorial word, borrowed from the Protestant tradition. The funeral word in Russia existed in both secular and Old Believer culture. “Funeral Teaching on the Day of the Burial of General and Admiral Franz Yakovlevich Lefort” by Pastor Stumpfius speaks not so much about Lefort’s departure from life, but about death and virtue in general, about the importance of a righteous lifestyle. Stumpfius closely follows the Lutheran tradition of emphasizing apocalyptic semantics in the funeral sermon. The religious and didactic pathos of the sermon determined the subordinate role of political semantics. In addition, baroque motifs in Stumpfius’ sermons have parallels in the Russian medieval tradition. “The Word for the Burial of Peter the Great” was delivered by Feofan Prokopovich at the funeral of Peter I. The speech at the tomb of the emperor went beyond church rhetoric and the main subject was the secular state accomplishments of the late monarch. The most important component of church rhetoric – the significance of the Divine will and the justification of the right of the deceased to enter the Kingdom of Heaven – virtually disappeared from the speech. Prokopovich does not speak about the fate of the soul of the deceased at all. His audience is the subjects and family of Peter I, and the scope of the monarch’s accomplishments is the earthly and, moreover, political world. Prokopovich transfers the symbolism of the resurrection from the spiritual and religious plane to the state and political one. Thus, comparing the two speeches, we can say that the word for death at the beginning of the 18th century exists as a dynamic system, on the one hand, it is a form of a journalistic eulogy, where the main emphasis is placed on the sphere of socially significant achievements; on the other hand, it is a funeral sermon that describes the personal qualities of the deceased as merits before God. For the obituary, which was formed later, the first version is a proto-genre source.

Keywords: obituary, death, funeral sermon, ritual culture, Peter I, Feofan Prokopovich, eulogy, Baroque

For citation: Nadtochi, E.E. (2022) The role of the first Russian funeral sermon of the late 17th – early 18th centuries in the formation of the obituary genre. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 21–29. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/3

Системное изучение жанра некролога, как он представлен в русской литературе, еще не проводилось. В настоящее время можно найти лишь несколько работ, посвященных данной теме. Так, теоретик и историк журналистики А.А. Тертычный вписывает некролог в систему информационных жанров, где первостепенным является сообщение о факте смерти [1. С. 56]. Социолог литературы А.И. Рейтблат предложил рассматривать некролог как биографический жанр, в котором, на его взгляд, акцентирована, прежде всего, общественная полезность умершего [2. С. 196]. В числе историко-литературных исследований можно назвать работу Т. Кузовкиной, изучавшей контекст статьи Ф.В. Булгарина на смерть В.А. Жуковского [3] и сделавшей обзор некрологов, опубликованных в газете «Северная пчела» за 1830–1840-е гг. Кроме того, К.А. Онинко произвела анализ идей и поэтики первых русских некрологов Н.М. Карамзина и И.И. Борна на смерть И.Ф. Богдановича и А.Н. Радищева [4]. Однако эти исследования, по необходимости, оперируют ограниченным материалом и не претендуют на реконструкцию истории жанра в ее полноте.

Между тем изучение некролога связано, с одной стороны, с чрезвычайно актуальными междисциплинарными направлениями современных гуманитарных наук – исследованиями исторической памяти и персональной истории, мемориальной культуры, культурного канона, а с другой – с важными вопросами истории русской литературы, взятой и в своем эстетическом измерении, и в аспекте институциональном. Некролог фиксирует в памяти современников определенный образ ушедшего из жизни чем-либо примечательного лица и тем самым запускает в действие сложные процессы увековечивания или забвения, наращивания символического капитала (П. Бурдьё) или его уменьшения, последующей культурной канонизации или деканонизации. Появление некрологических текстов инициируется разными институтами литературы – литературными «патронами» (монархами, вельможами, меценатами, покровителями, начальниками и руководителями), дружескими сообществами, литературными группами и направлениями – и в сильной степени зависит от внутриинституциональной культуры. Сложно переоценить значение некролога как отправной точки вхождения в национальный литературный канон или исключения из него. Наконец, некролог является отражением эстетики и поэтики эпохи в ее сущностно важном вопросе репрезентации жизни и смерти.

Нужно учитывать и то, что некролог, в отличие от художественных жанров, не может существовать как автономное явление; он всегда глубоко включен в мемориальную культуру той или иной эпохи, которая, в свою очередь, отличается повышенной ритуализацией. Это определяет ракурс рассмотрения того периода, когда в русской культуре формируются предпосылки для становления некролога. Этот процесс, как справед-

ливо констатировали Т. Кузовкина и К.А. Онинко [3, 4], завершился только к началу XIX в., однако уже в XVIII в. появляются жанры, которые повлияли на генезис некролога. Они, в свою очередь, вырастали из новых элементов, появившихся в погребальной культуре России. Исследование последней сегодня преимущественно обращено к ритуалу и его эволюции в пределах определенных исторических периодов. Здесь наиболее масштабными и системными являются историко-культурологическая монография М. Логуновой «Печальные ритуалы императорской России» [5] и историко-антропологическая книга С. Мохова «Рождение и смерть похоронной индустрии. От Средневековых погостов до цифрового бессмертия» [6]. Они позволяют сделать вывод, что траурная церемония представляет собой комбинацию консервативных традиций и элементов, отражающих современные культурные, религиозные, политические и этические потребности. Становление культуры погребального обычая, которая частично сохранилась и сегодня в России, началось в период царствования Петра Великого. Именно первый император существенно преобразовал похоронный церемониал. Реформа погребального обряда была призвана продемонстрировать другим державам и собственным подданным успехи абсолютизма. Одним из важнейших элементов формирующейся похоронной культуры явилась надгробная речь. Ее идеология, риторика и поэтика в католической и протестантской традиции XVI–XVIII вв. разносторонне изучены, в том числе в контексте похоронного обряда в целом [7–14].

Надгробные речи или погребальные проповеди впервые начинают произносить в рамках похоронной церемонии в Европе раннего Нового времени. В протестантской традиции они постепенно становятся неотъемлемой частью траурного мероприятия. К XVI–XVII сложились два варианта этого словесного жанра с разной идеологией и риторикой: протестантская надгробная проповедь, где акцент делался на фиксации коллективной памяти о покойном как свидетельстве его добропорядочной жизни – залоге воскресения во Христе, и траурная речь, более свободная по семантике, насыщенная античными реминисценциями и выражающая скорее рефлексию о смерти, нежели об ушедшем. В погребальной проповеди, закономерно, особое внимание обращалось на личные религиозные качества умершего, определившие его праведную жизнь, что усиливало биографические интенции и подготавливало почву для будущего светского некролога. Надгробные речи, появившиеся в России в начале XVIII в., стали не только отражением культурной картины мира эпохи Петра I, но и определили основы мемориальных жанров литературы, став для некролога протожанровым источником.

Целью данной статьи является выяснение того, какую роль сыграли первые надгробные речи в

формировании жанра некролога в русской словесности.

Похоронный обряд, сформированный по инициативе первого императора России, был синтезом русских национальных культурных практик, в свою очередь соединивших языческую обрядность с православным ритуалом, и заимствований из западноевропейских похоронных церемоний. В XVII в. церемония погребения на Руси представляла собой быстрое захоронение тела, как правило, проводившееся на следующий день после смерти, и включала плач и причитания, целование умершего или его гроба. Поминальная культура строилась вокруг идеи путешествия души, согласно которой почитать усопшего было положено на третий, девятый и сороковой день после кончины.

«Европеизация» России, которую Петр I проводил в рамках своих реформ, коснулась и культурных традиций – ритуалов и обрядов. Император проявил особый интерес к изменениям в похоронных мероприятиях. Новые правила погребения были впервые апробированы в марте 1699 г. при похоронах ближайшего друга императора и его сподвижника Ф.Я. Лефорта. «В этих похоронах были намечены те детали реформирования траурного ритуала, который отрабатывался на протяжении всего царствования Петра I и нашли свое отражение при его собственном погребении» [5. С. 91].

Так, в похоронной процессии впервые приняли участие гвардейские Преображенский, Семеновский и Лефортовские полки, что с течением времени стало обязательной частью траурной церемонии. В траурном cortege в первый раз задействовали рыцарей. «Один рыцарь – в золотых доспехах с ярким плюмажем и поднятым мечом, едущий на лошади, другой – в черных доспехах и черным пучком страусовых перьев на шлеме, следующий пешком с опущенным мечом» [5. С. 91]. Образ жизни воплотил рыцарь в золотых доспехах, а образ смерти – в черных латах. Этот символ прочно вошел в традицию светских похорон и трактовался как демонстрация преемственности власти. Латник в золотых доспехах был рыцарем нового императора, а латник в траурных доспехах являлся рыцарем умершего монарха¹. В первый раз в церемонии прощания приняли участие женщины и представители дипломатического корпуса, кроме того был произведен оружейный салют, который в дальнейшем сочетали с колокольным звоном.

Важнейшей из новаций похоронного ритуала стало надгробное поминальное слово, заимствованное из протестантской традиции. О значении похоронной проповеди в западноевропейской культуре говорит С. Мохов: «Похоронная проповедь и молитва становятся своего рода публичным воспоминанием об умершем с перечислением его заслуг и оценкой его дел» [6. С. 48]. В России надгробное слово впервые произнесли на похоронах Ф.Я. Лефорта. Пастор реформаторской церкви Немецкой слободы Стумпфиус подготовил речь на текст из Библии. «Надгробное поучение в день погребения генерала и адмирала Франца Яковлевича Лефорта» начиналась с цитиро-

вания восьмой главы Экклезиаста: «Несть человека, владущего духом, еже възбранити духу, и несть владущего в день смерти» («Человек не властен над духом, чтобы удержать дух, и нет власти у него над днем смерти»; Еккл. 8:8).

Подобное вступление было свойственно богобоязненной культуре начала XVIII в., когда рефлексия смерти могла существовать только в религиозной картине мира. Необходимо отметить, что Стумпфиус, говорит не столько об уходе из жизни Лефорта, сколько о смерти и добродетели вообще, о важности праведного образа жизни: «Не властны мы и над смертью: она не щадит ни сильных, ни юных, ни красоты, ни безобразия, ни добродетели, ни порока, и много мог бы я привести тому примеров; но, повинувшись державной воле, не стану широко распространяться; только одно упомяну: трепещите Страшного суда, готового ежечасно поразить вас», «Суетный человек! Взгляни на сей гроб и размысли, где твоя гордость и надменность? Ты более не что, как перст, земля и прах, восходящий и рассыпающийся дым, улетающий прах; вся твоя жизнь подобна вчерашнему дню, который миновал и никогда не возвратиться» [16. С. 266]. В надгробной речи Лефорту можно обнаружить характерные для культуры барокко темы Страшного суда, плясок смерти, загробных мучений². Стумпфиус в этом плане близко следует лютеранской традиции, акцентирующей в погребальной проповеди апокалиптическую семантику: смерть и погребение здесь выступали лишь поводом для хвалы Всевышнему, спасающему усопшего от тленности земного мира и воскрешающему его в мире вечном.

Для пастора Стумпфиуса показать истинное горе из-за смерти важнее, чем восхвалять Лефорта. «Красноречивых похвал ему от меня не ждите: я могу только плакать. Когда сердце преисполнено любви или печали, возмущенный ум не в силах утешить вас струями избранных слов» [16. С. 268]. В речи присутствует лишь самое общее описание личных качеств покойного, который заслуживает почитания и уважения. «Усопший господин, прошедший все степени честей человеческих, на высоте славы своим разумом и талантом так себя держал, что ветры гордых страстей не могли его низринуть» [16. С. 269]. Образовая жизнь Лефорта, описанная в надгробной речи, также соотносится с протестантской традицией похоронной проповеди. В частности, П. Притчард пишет о важности репрезентации жизненного опыта умершего. «Одна из очевидных задач протестантской похоронной проповеди, то есть увещевание живых через повествование об образцовых духовных деяниях ныне умерших, решается служителем, изображающим покойного как человека, характер и поведение которого заслуживают особого внимания читателей в отношении их собственной жизни» [12. С. 253]. Стумпфиус представляет Лефорта как человека сильного духом. Душа, по словам пастора, сотворена на небе Господом Богом и существует в разуме и воле человека, она, в отличие от человеческого тела, бессмертна. Именно сила духа является определяющим качеством личности, и именно душа помогает примириться со смер-

тью. «Храните же, люди Божьи, это драгоценное сокровище, не золотом гибнущим, но кровью Христа Спасителя искупленное; храните свою душу, красотой безсмертия украшенную, ангелом подобную в частоте непорочной, и не оскверняйте ее ни зловредными грехами, ни плотскими страстями: вы над нею не властны» [16. С. 267]. Первая надгробная речь была закончена поучениями о благодетельной жизни ради блаженной смерти.

Религиозно-дидактический пафос проповеди определил подчиненную роль политической семантики: несмотря на то, что Лефортов был важным сановником и государственным деятелем, его общественным заслугам посвящено минимум внимания, причем они растворяются в похвале самодержавной власти в целом. Стумпфius акцентирует роль «Его Царского Величества» в жизни умершего, значимость Лефортова определена его близостью с царем. «Но память его не умрет: незабвенно и вечно пребывает имя Царского Величества, доколе солнце не перестанет обходить небесный круг над горизонтом Российской Монархии; не угаснет имя и сего великого министра: ибо все мы знаем, что Его Царское Величество было ему свет, жизнь, щит, радость и на земле сей небо» [16. С. 268]³.

Император Петр I умер 28 января 1725 г., его похороны состоялись в марте и вместили в себя все новые элементы траурного обряда. «Впервые подготовкой похорон императора занималась специально созданная Печальная комиссия, пришедшая на смену Панафидному приказу. Разработка программы траурных мероприятий была поручена одному из наиболее просвещенных людей своего времени, Якову Великовичу Брюсу, возглавлявшему печальную комиссию и выбиравшему себе помощником генерала Г.И. де Бона» [5. С. 124]. Церемониал погребения Петра I уже неоднократно становился предметом внимания историков [19; 20. С. 112–116; 21; 22]. Масштаб ритуала прощания, пышность его организации и оформления соответствовали традициям культуры барокко, в рамках которой театрализация смерти монарха, включавшая, помимо похорон, еще и годичный траур, насыщалась природно-космической, мифологической и исторической символикой.

Важным элементом ритуала выступила и надгробная проповедь. Траурная процессия прибыла к деревянной церкви Петропавловского собора, где у гроба первого российского императора была отслужена панихида. Следом архиепископ Псковский и Нарвский, вице-президент Синода Феофан Прокопович произнес надгробную речь, которая постоянно прерывалась плачем и продлилась почти час. Несмотря на очевидный успех своего «Слова», Прокопович построил его с очевидным отступлением от риторических канонов, которые подробно объяснял еще студентам Киево-Могилянской академии в 1706–1707 гг.:

1. Уся суть цієї промови – похвалити померлого всякими способами. <...>

2. Вступ повинен бути дещо довшим. У ньому оплакуватимемо і наш біль, і шкоду, якої зазнала

державна або церква з приводу смерті такого мужа <...>

Далі треба перейти до похвал мужа <...>. Якщо ж розглядали б ми його заслуги перед державою і потреби держави, то скажемо, що він ніколи не міг так довго жити, щоб його не потребувала батьківщина, але він заслужив, щоб ніколи не вмирати.

4. Потім треба похвалити все життя або природним способом за поодинокими періодами віку, або необхідно розподілити за певними родами чеснот. <...>

6. Під кінець знову згадаємо про біль, а при цьому зразу наведемо втішне слово для рідних. У ньому скажемо, що вони не повинні так дуже впадати в розпач, бо досить славно жив цей муж, залишивши їм велику честь, що Бог покликав його для нагород тощо. <...>

7. Ще ми зможемо додати двоякі побажання: по-перше, молити Бога, щоб, коли його від нас забрав, то прийняв у лоно свого милосердя; по-друге, щоб послав батьківщині або церкві якнайбільше таких мужів⁴ [23. С. 398–399].

Причиною подібних преобразовань, очевидно, явилось жанрове различчє: в курсє риторикї рєчє шлє о церковнїй поминальнїй рєчї, пусть и посвєщеннїй свєтскomu лицу, в свєзї с чєм на первїй план должнї були вивдїгатсьє разлїчнїє добродєтелї усопшєго, потвєрждєющїє єго правo как на вєчнє блєженствo, так и на скорбь и пємєть блїзкїх; «Слoвo на пoгрєбєнїє Пєтра Вєлїкoгo», дєжє будучи прoїзнєсєннїм духовнїм лицoм, вихoдїлo за прєдєлї церковнїй риторикї и основнїм прєдмєтoм имєлo свєтскїє гoсударствєннїє свєршєнїє пoкoйнoгo мoнєрхє. Пoдoбнєє трансформєцїє, пo наблoдєнїєм Н.Д. Кoчєткoвoї, блєє свoїствєннєє всєї oрєтoрскoї прoзє Фєoфєнє Прoкoпoвїчє 1710–1720-х гг., прїoбрєтєвшєї чєртї полїтїчєскoї публїцїстїкї [24]. Справдєлївї в єтoм кoнтєкстє и наблoдєнїє А.Ю. Прoкoпьєвє, вoзвєдшєго тєкст цєнтрєльнoї чєстї «Слoвє» к єврoпєїскїм трєдїцїєм «гoсударєвїх зєрцєл», кoдєксoв добродєтелєй цєрствєннїх oсoб [25. С. 72].

Єтї інтєнцїє oпрєдєлїлї сємєнтїкo-кoммунїкєтївнoю oрїєнтєцїєю рєчї. Из нєє фєктїчєскїє исчєзлє вєжнєїшєє сoстєвляющєє церковнїй риторикї – бїблєїскє слoвo кє прємoє знємєнoвєнїє Бoжєствєннoї вoлї и oбoснoвєнїє прєвє усopшєго нє вхoждєнїє в Цєрствїє Нєбєснєє. Бoг в «Слoвє» прєдстєєт лїшь кє инстєнцїє, дєрoвєвшєє пoддєннїм вєлїкoгo мoнєрхє и в гнєвє свoєм oтгнєвшєє єго: «Дoвoльнo жє вїдїм, кoль прoгнєвєлї мї Тєбє, o Бoжє нєш! И кoль рєздрєжїлї дoлгoтєрпєнїє Твoє! O нєдoстoїннїх и бєднїх нєш! O грєхoв нєшїх бєзмєрїє!» [26. С. 53]. Мєждє тєм oб учєстї душї усopшєго, в oтлїчїє, нєпрїмєр, oт прoпoвєдї Стумпфїусє нє смєрть Лєфoртє, Прoкoпoвїч нє гoвoрїт вoсє. Єго аудиторїє – пoддєннєє и сємьє Пєтрє I, є сфєрє свєршєнїй мoнєрхє – зємнoї и, бoлєє тoгo, полїтїчєскїй мїр. Имєннo в нєм усїлїємї гoсударє фoрмїруєтсьє сєкрєльнєє измєрєнїє, вїстєпєющєє свєoбєрєз-

ной аналогией и альтернативой Царства Божия, – измерение вечности. Это оправдывает контрастный риторический переход от темы боли и утраты, приобретающей ощутимое апокалиптическое звучание, к искуплению и отмене апокалипсиса величием и бессмертием дел Петра I: «Что се есть? До чего мы дожили, о россияне? Что видим? Что делаем? Петра Великого погребает! Не мечтание ли се? Не сонное ли нам приведение? О, как истинная печаль! О, как известное наше злоключение! Виновник бесчисленных благополучия наших и радостей, воскресивший аки от мертвых Россию и воздвигший в толикую силу и славу» [26. С. 53].

Символика воскресения переносится Прокоповичем из плоскости духовной и религиозной в государственную и политическую. Телесная смерть монарха оставляет бессмертным его дух, воскресающий в соборном единстве империи. Такой кодой заканчивается перечисление важнейших свершений Петра Великого: «Не весьма же, россияне, изнемогаем от печали и жалости, не весьма бо и оставил нас сей великий монарх и отец наш. Оставил нас, но не нищих и убогих: безмерное богатство силы и славы его, которое вышеименованными его делами означилося, при нас есть. Какову он Россию свою сделал, такова и будет: сделал добрым любимую, любима и будет; сделал врагом страшную, страшная и будет; сделал на весь мир славную, славная и быть не престанет. <...> Убо оставляя нас разрушением тела своего, дух свой оставил нам» [26. С. 54]. Семантика будущего, превращающегося в вечность, не просто преодолевает апокалиптический момент смерти, но и вовлекает в свою сферу всю аудиторию, переживающую в качестве подданных в момент произнесения речи преобразование горя-смерти в утешение-воскресение. И прямым воплощением этого искупления предстает в финале речи образ императрицы-наследницы, все качества которой рисуются эквивалентными духу и делу Петра Великого, а с другой стороны – соразмерными соборному телу и духу вечной России: «Како бо весьма осиротелых нас наречем, когда державное его наследие видим, прямого по нем помощника в жизни его и подобноправного владетеля по смерти его, тебе, милостивейшая и самодержавнейшая государыня наша, великая героиня, и монархиня, и мать всероссийская! Мир весь свидетель есть, что женская плоть не мешает тебе быть подобной Петру Великому. Владетельское благоразумие и матернее благоустройство, и природою тебе от Бога данное, кому не известно! А когда обое то утвердилось в тебе и совершилось, не просто сожитием толикого монарха, но и сообществом мудрости, и трудов, различных бедствий его, в которых чрез многая лета, аки злато в горниле искушенную, за малое судил он иметь ложа своего сообщницу, но и короны, и державы, и престола своего наследницу сотворил. Как нам не надеяться, что сделанная от него утвердишь, недоделанная совершишь и все в добром состоянии удержишь!» [26. С. 54].

Таким образом, Прокопович в своем «Слове на погребение Петра Великого» создал, по сути, новый для

русской литературы жанр – светскую надгробную речь, в которой от церковного риторического канона осталась только общая композиция: вступление с описанием горя утраты, перечисление добродетелей и свершений усопшего и заключение-утешение. Еще одним отголоском канона явились сопоставления императора с персонажами Ветхого Завета: Самсоном, Иафетом, Моисеем, Соломоном, Давидом, а также с римским императором Константином. Поскольку это не сопровождалось апелляцией к собственно библейскому тексту, герои также проецировались скорее в поле общекультурных аллегорий, воплощающих те или иные общественно важные добродетели. Не менее значим здесь и подразумеваемый риторический эффект барочного приема отражения: «Сплетая сюжетные мотивы, объединяя героев, в зависимости от отражения ими “высших” значений, мастера барокко распространяли интерпретации, предпочитали их изображению» [27. С. 82]. В послепетровскую эпоху церковные надгробные речи, разумеется, не исчезли из обихода, их содержательный обзор представлен, в частности, в статье М.К. Парамоновой [28], но их сферой становится семья и частная жизнь, а семантика и поэтика обусловлена задачами религиозного утешения. Жанровый образец светской надгробной речи, предложенный Ф. Прокоповичем, обращал к общественной жизни и публичному полю, что позволяет его рассматривать как своеобразный прототип будущего некролога.

А.Ю. Прокопьев, анализируя влияние на погребальный церемониал Петра Великого протестантских и католических традиций, акцентировал и тот факт, что, как правило, итогом траурных мероприятий становилось роскошное издание «ансамблевого» характера, куда включалось подробная программа церемонии, речи, произнесенные на погребении, и комплекс живописных материалов, представлявших ритуал воочию [25. С. 77–78]. В условиях траурного 1725 г. опубликовать подобный альбом не удалось, и его разрозненными частями явились издание, с одной стороны, речей Ф. Прокоповича, а с другой – «Описание порядка, держанного при погребении блаженныя высокославныя и вечно достоинейшия памяти всепресветлейшаго державнейшаго Петра Великого, императора и самодержца всероссийского и блаженныя памяти ея императорского высочества государыни цесаревны Наталии Петровны» [29]. Его автором являлся Яков Виллимович Брюс, главный организатор и распорядитель похорон, глава Печальной комиссии.

По приказу императрицы Екатерины I «Описание...» Брюса было опубликовано малым тиражом в Санкт-Петербургском сенате в 1725 г. и в типографии в Москве в 1726 г. В европейской традиции основой таких текстов, как правило, выступали протоколы, подготовленные службой придворных штатов. А.Ю. Прокопьев указал на факт заимствования схожих структурных и речевых особенностей: «Именно калькирование терминов недвусмысленно указывает на протестантскую традицию: траурное убранство всюду величается “печальной залой” (“castrum

doloris”) в полном соответствии с обычаем немецких протестантских дворов, прежде всего Дрездена и Берлина» [25. С. 67].

Специфика жанра, ориентированного на развернутый и детализированный экфразис, то есть описание убранства «печального» зала и порядок погребальной процессии, смещала интерес со смерти и самой личности императора на символику интерьера и ритуала, которая, в свою очередь, отражала коллективный миропонимание. Петр Великий здесь буквально «растворялся» в смоделированном устройстве универсума и, подобно логике надгробной речи Феофана Прокоповича, переходил в вечность бессмертных символов, причем не столько символов христианского посмертия с его спиритуальностью, бесплотностью, сколько символов земной славы и великолепия – с их барочной избыточностью, яркостью, живописностью.

Так, детально воссоздана сначала картина печальной залы, а затем траурного шествия: «Сверх трона вышины в 14 футов, поставлен был пребогатою балдахин, зделан из кармазинного бархата, снаружья и внутрь украшен пребогатым шитьем золотым, у которого подзор золотой был наилучшей работы, с великими кистями и бахромою золотую, середина балдахина была украшена связным имянем Его императорского Величества из золотаж, обложена разными богатыми и шитыми узорами и галуном золотым, такожде и по середине больших навесов были связаны имена Его Императорского Величества, середина ж переднего навеса, украшена была орлом Императорским, шитым золотом и голуном золотым. <...> В позлащенных латах из штальмейстеров Козма Теремницкой ехал на лошади с обнаженным мечом, на лошади седло шитое с богатым убором у того латника на шлеме, также и у лошади на голове и на хресте плюмажные кусты из красных и белых перьев, по обе стороны его шли два драбанта в черном платье и епанчах с алебардами» [29. С. 19]. Личность Петра I в «Описании» выходит на первый план только в цитировании траурных надписей на стоящих в печальной зале «трофеях». Они были посвящены тем сферам жизни русского общества, которые подверглись преобразованиям императора – церковь, флот, армия, гражданское общество. Так, например, надпись на церковной трофеи описывает императора как «Ревнитель благочестия, рачитель исправления, суеверия и лицемерия ненавистник...» [29. С. 7], на скульптуре «о исправлении гражданства» сказано о монархе, что «Он тебе уставы правительскими мудрую, законы судебными здравую и искусства различием благообразно сотвори» [29. С. 7]. Содержание надписей еще раз отсылает нас к надгробной речи Петру I.

Сам феномен смерти в тексте «Описания» не осмысливается, этого не предполагают ни стиль повествования, ни его жанровые особенности. Однако он стал отдельным предметом в «Краткой повести о смерти Петра Великого, императора и самодержца всероссийского» Феофана Прокоповича, которую можно рассматривать как своеобразный постскриптум к погребальному циклу. «Краткая повесть» не была своевременно опубликована и распространялась

в списках. Первое ее издание вышло только в 1819 г. (переиздана в 1831 г.)

Повесть имеет предисловие, где автор объясняет цель своего текста. «Да тщательно и верно смерть нашего Монарха изъясним, о чем никогда довольно плакаться не можем; сего от нас величество мужа требует: ибо таковых людей, которых житие нам во удивление было, какова и смерть им приключилась, всячески природным любопытством ведать и ищем и желаем» [30. С. 1]. Это отличительная особенность не встречается ни в одном из других посмертных текстов о Петре I. Однако такой элемент часто встречается в агиографии. Авторы жития нередко обращались к вступительным конструкциям.

Например, в житии Симеона Столпника читаем: «Возлюбленные, у меня, грешного ученика Антонина есть желание описать странное и дивное житие, которое в наши лета совершил Симеон. Ибо сказание о нем исполнено пользы и поощрения. Итак, приклоните, прошу, уши ваши и услышите от меня, что я видел и осязал» [31. С. 18]. Автор сосредоточен на повествовании о последних днях жизни Петра I. Предшествующая болезнь, печаль придворных, предсмертные муки и причащение также важны, как и описание погребения, именно эти элементы текста сближают образ императора с героями житийных текстов. Важной деталью являются предсмертные слова Петра I, в которых он говорит об «умиловании Господа». «И когда увещатель говорил ему: уповал бы он без всякого сумнительства на милосердие Божие, верил бы, что подается отпущение грехов и благодать жизни вечная заслугами Хрестовыми; он на сие: верую и уповаю, несколькократно повторил, и когда еще увещатель к молитве веры возбуждал и сказывал сии слова, которые обыкновенно у нас приступающие ко Святому причащению говорят: верую Господи и исповедую, яко ты еси воистину Христос Сын Бога живого, пришедый в мир грешныя спасти, от них же первый аз есмь; к сему он прибавил: верую господи и исповедую, верую Господи, помози моему неверию!» [30. С. 11].

Образ Спасителя является умирающему монарху в последние минуты, когда несмотря на мучительную болезнь Петр пытается креститься и «на небо показывать понуждал себя». Данный эпизод подробно анализирует А.Ю. Прокопьев. По его мнению, для Прокоповича важно показать близость смерти, которая соединяет душу императора с Христом: «Последние минуты жизни монарха представлены Прокоповичем, как уже начавшаяся в еще земной жизни молитвенная беседа царя земного и царя небесного: слабеющий Петр совершает целую симфонию жестов, напрягает последние силы, дабы предстать перед Христом истинно верующим христианином» [25. С. 76]. Таким образом, Прокопович в «Краткой повести...», используя элементы духовной проповеди, возвращается к житийной канонизации умершего. Политическая составляющая отходит на второй план, уступая место религиозному переживанию смерти.

Однако нельзя говорить о полном нивелировании политической повестки в тексте повести. Провозглашая право Петра I на Царствие Небесное, Прокопович леги-

тимирует восшествие на престол его жены Екатерины. Горе, которое переживает императрица, «изобразить словом невозможно». При этом сразу после эпизода смерти императора следует фрагмент описания собрания, где Сенат и Синод определяют претензии Екатерины на престол. «Так и сделалось: тотчас по оной печальной ведомости Сенаторы вси, и от Синода четыре персоны, сколько на тот час во дворце ночевало, а кроме трех и Генералитет и неции из знатнейшаго шляхетства в едину комнату в палатах собрались, и прежде всего о наследнице произошло слово» [30. С. 15–16].

Важным моментом здесь становится упоминание воли уже умершего царя, который, короновав Екатерину, определил ее как наследницу царского престола. «Но тогда некто вспомнул, с каким намерением Государь супругу свою короновал, то есть, еще предле похода Персидского открыл он мысль свою четверем из Министров, двоим из Синода персонам, здесь присутствующим, и говорил, что тая нужда короновать ему супругу свою, (которого обычная прежде в Россия не бывало) что еще бы каким случаем его не стало, праздный престол тако без наследника не остался бы, и всякая вина мятежей и смущений благовременно пресечена быть могла бы» [30. С. 16–17].

Таким образом, Феофан Прокопович, выстраивая посмертный образ императора, определяет его границы в общественно-политическом ключе – в надгробном слове и личностном контексте – в «Краткой повести...». В связи с этим можно говорить о том, что слово на смерть в начале XVIII в. существует как динамическая система. С одной стороны, это форма публицистического (светского) надгробного слова, где главный акцент поставлен на сфере социально значимых достижений, с другой – это надгробная проповедь, где личностные качества умершего описаны как заслуги перед Богом.

Анализ первых надгробных речей, произнесенных в России в первой четверти XVIII в., показывает, что этот жанр на этапе своего становления неотделим от ритуальной культуры. Для некролога, сформировавшегося позже, он будет являться протожанровым источником, определившим двойственное начало посмертного текста как ритуального и публицистического (или художественного). Барочная культура, отразившаяся в отношении к смерти и умершему, определила зависимость надгробной речи от актуальных культурных и социальных трансформаций в обществе.

Примечания

¹ См. подробнее о роли рыцарской символики в похоронном обряде петровской эпохи [15. С. 38–45].

² Барочные мотивы в проповеди Стумпфуса имеют параллели в русской средневековой традиции, в частности в дораскольном чине погребения («Чин погребения мирских человек», XVI в.). Однако, во-первых, вряд ли немецкий пастор был знаком с этими иноконфессиональными текстами, а, во-вторых, культура барокко многое заимствовала из средневекового опыта, придавая ему, тем не менее, иное звучание. Так, в «Чине погребения мирских человек» доминирует семантика суетности земной жизни, однако нет особого акцента на апокалиптике.

³ Традиция надгробного слова в России существовала также в старообрядческой культуре. Так, в литературном наследии Выговского старообрядчества воспоминания об усопшем присутствовали в поминальной проповеди, которая произносилась как в день погребения, так и на сороковой день после смерти. В проповеди доминировала барочная поэтика, сочетавшаяся с архаичными формами фольклорного причитания. Ярким образцом ее является Слово надгробное Петру Прокопьеву, созданное Андреем Денисовым и произнесенное в 1719 г. «Литературные произведения Андрея Денисова строились на обязательном применении правил риторики и на протяжении всего периода существования Выговской школы сохраняли авторитет образцовых» [17. С. 29]. В его надгробном слове находят отражение идеи вечности, преодоления смерти и обновления. Описание кончины усопшего и его последующей вечной жизни в памяти потомков определяет контекст святости. Так, О.Д. Журавель отмечает, что автор слова неоднократно вводит в текст мотивы, заимствованные из топики житий преподобных [18. С. 140]. Эффект обновления, «поновления» возникает в тот момент, когда живые, читающие или слушающие надгробную проповедь, вспоминают об умершем и тем самым прикасаются к идеалу святости. Образ умершего соотносится с образами героев агиографических текстов. Тем не менее старообрядческая надгробная проповедь осталась в истории русской словесности локальным явлением и не определила в сколько-нибудь значительной степени генезис светского жанра некролога.

⁴ 1. Вся суть этой речи – похвалить умершего всячески <...>.

2. Введение должно быть несколько длиннее. В нем оплакиваемы и наша боль, и ущерб, который понесло государство или церковь из-за смерти такого мужа <...>

Далее следует перейти к похвалам мужа <...>. Если же рассматривали бы мы его заслуги перед государством и потребностями государства, то скажем, что он никогда не мог бы жить так долго, чтобы в нем не нуждалась родина, или он заслужил, чтобы никогда не умирать.

4. Затем надо похвалить всю жизнь или естественным способом по отдельным периодам возраста, или необходимо распределить по определенным родам добродетелей. <...>

6. Под конец снова вспомним о боли, а при этом сразу скажем утешающее слово для родных. В нем скажем, что они не должны так сильно отчаиваться, потому что достаточно славно жил этот человек, оставив им большую честь, что Бог позвал его для наград и тому подобное. <...>

7. Еще мы сможем добавить двойные пожелания: во-первых, молить Бога, чтобы, когда его от нас забрал, то принял в лоно своего милосердия; во-вторых, чтобы послал родине или церкви больше таких мужей.

Список источников

1. Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2006. 312 с.
2. Рейтблат А.И. Писать поперек: Статьи по биографии, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 416 с.
3. Кузовкина Т. Некролог Булгарина Жуковскому // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2004. Вып. 3. С. 276–293.

4. Онипко К.А. Первые русские некрологи: герои и контексты // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 1 (170). С. 83–87.
5. Логунова М.О. Печальные ритуалы императорской России. М.: Центрполиграф, 2011. 349 с.
6. Мохов С.В. Рождение и смерть похоронной индустрии. От средневековых погостов до цифрового бессмертия. М.: Common place, 2018. 328 с.
7. Winkler E. Die Leichenpredigt im deutschen Luthertum bis Spener. München: Kaiser, 1967. 247 S.
8. Studien zur deutschsprachigen Leichenpredigt der frühen Neuzeit / Hrsg. von R. Lenz. Köln: Schwarz, 1981. 275 S.
9. Lenz R. De mortuis nil nisi bene? Leichenpredigten als multidisziplinäre Quelle. Sigmaringen: Thorbecke, 1990. 188 S.
10. Lenz R. Leichenpredigt // Theologische Realenzyklopädie / Hrsg. von G. Müller. New York; Berlin: de Gruyter, 1990. S. 697–699.
11. Eybl F.M. Leichenrede // Historisches Wörterbuch der Rhetorik / Hrsg. von G. Ueding. Tübingen: Academic, 2001. Bd. 5. S. 145–151.
12. Pritchard P. “Speaking Well of the Dead”. Characterization in the Early Modern Funeral Sermon // Narrative Concept in the Study of Eighteenth-Century Literature / Ed. by L. Steinby, A. Makikalli. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2017. P. 249–268.
13. Koslofsky C. The Reformation of the Dead. Death and Ritual in Early Modern Germany, 1450–1700. London: Palgrave Macmillan UK, 2000. 223 p.
14. Прокопьев А.Ю. “Zur letzten Ehre”. Погребальная обрядность протестантских дворов Германии в Раннее Новое время // Университетский историк: Альманах. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. Вып. 2. С. 85–112.
15. Николаев С.И. Литературная культура Петровской эпохи. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 152 с.
16. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 3. Путешествие и разрыв с Швецией. СПб.: Тип. II-го Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1858. 662 с.
17. Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общеземельства. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 1. 688 с.
18. Журавель О.Д. «Походим умным очима...» (к изучению традиции поминовения в литературе старообрядчества) // Уральский сборник: история, культура, религия. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2009. Вып. 7, ч. 2. С. 134–144.
19. Агеева Е.О. Петербургский траурный церемониал Дома Романовых в начале XVIII в. // Феномен Петербурга. Международная научная конференция. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2001. С. 491–505.
20. Уортман Р.С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2002. Т. 1. 608 с.
21. Прокопьев А.Ю. Погребение Петра Великого: протестантский стандарт в православной России // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. Материалы международной научной конференции, декабрь 2006. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 47–67.
22. Аронова А. Императорский финал: Погребение Петра I как последнее придворное торжество государя-реформатора // Искусствознание. 2007. № 3–4. С. 108–142.
23. Прокопович Ф. Філософські твори. Київ: Наукова думка, 1979. Т. 1. 508 с.
24. Кочеткова Н.Д. Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования литературы классицизма // XVIII век. Ленинград: Наука, 1974. Сб. 9. С. 50–80.
25. Прокопьев А.Ю. 1725 год и опыт мемориальных изданий в Российской империи // Российская история. 2017. № 3. С. 59–79.
26. Прокопович Ф. Сочинения / под ред. И.П. Еремина. М.: Ленинград: Изд-во АН СССР, 1961. 507 с.
27. Софронова Л.А., Липатов А.В., Рогов А.И. Барокко в славянских культурах. М.: Наука, 1982. 352 с.
28. Парамонова М.К. Жанр надгробного слова в русской ораторской прозе второй половины XVIII в. // Litera. 2016. № 4. С. 17–23.
29. Описание порядка, держанного при погребении блаженной высокославныя и вечно достоинейшия памяти всепресветлейшаго державнейшаго Петра Великого, императора и самодержца всероссийского и блаженной памяти Ея Императорского Высочества государыни цесаревны Наталии Петровны. СПб.: При Сенате, 1725. 34 с.
30. Прокопович Ф. Краткая повесть о смерти Петра Великого, императора всероссийского. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1831. 120 с.
31. Лопарев Х.М. Греческие жития святых VIII–IX веков: опыт научной классификации памятников агиографии с обзором их с точки зрения исторической или историко-литературной. Ч. 1. Петроград: Типография Императорской Академии наук, 1914. 568 с.

References

1. Tertychnyy, A.A. (2006) *Zhanry periodicheskoy pechati* [Genres of periodicals]. Moscow: Aspekt Press.
2. Reytblat, A.I. (2014) *Pisat' poperek: Stat'i po biografii, sotsiologii i istorii literatury* [Writing across: Articles on biography, sociology and literary history]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
3. Kuzovkina, T. (2004) Nekrolog Bulgarina Zhukovskomu [Bulgarin's obituary to Zhukovsky]. *Pushkinskie chteniya v Tartu*. 3. pp. 276–293.
4. Onipko, K.A. (2018) Pervye russkie nekrologi: geroi i konteksty [The first Russian obituaries: heroes and contexts]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1 (170). pp. 83–87.
5. Logunova, M.O. (2011) *Pechal'nye ritualy imperatorskoy Rossii* [Sad rituals of Imperial Russia]. Moscow: Tsentrpoligraf.
6. Mokhov, S.V. (2018) *Rozhdenie i smert' pokhoronnoy industrii. Ot srednevekovykh pogostov do tsifrovogo bessmertiya* [The birth and death of the funeral industry. From medieval churchyards to digital immortality]. Moscow: Common place.
7. Winkler, E. (1967) *Die Leichenpredigt im deutschen Luthertum bis Spener*. München: Kaiser.
8. Lenz, R. (Hrsg.) (1981) *Studien zur deutschsprachigen Leichenpredigt der frühen Neuzeit*. Köln: Schwarz.
9. Lenz, R. (1990) *De mortuis nil nisi bene? Leichenpredigten als multidisziplinäre Quelle*. Sigmaringen: Thorbecke.
10. Lenz, R. (1990) Leichenpredigt. In: Müller, G. (Hrsg.) *Theologische Realenzyklopädie*. New York; Berlin: de Gruyter. pp. 697–699.
11. Eybl, F.M. (2001) Leichenrede. In: Ueding, G. (Hrsg.) *Historisches Wörterbuch der Rhetorik*. Bd. 5. Tübingen: Academic. pp. 145–151.
12. Pritchard, P. (2017) “Speaking Well of the Dead”. Characterization in the Early Modern Funeral Sermon. In: Steinby, I. & Makikalli, A. (eds) *Narrative Concept in the Study of Eighteenth-Century Literature*. Amsterdam: Amsterdam University Press. pp. 249–268.
13. Koslofsky, S. (2000) *The Reformation of the Dead. Death and Ritual in Early Modern Germany, 1450–1700*. London: Palgrave Macmillan UK.
14. Prokop'ev, A.Yu. (2003) “Zur letzten Ehre”. Pogrebal'naya obryadnost' protestantskikh dvorov Germanii v Rannee Novoe vremya [“Zur letzten Ehre”. Funeral rituals of the Protestant courts of Germany in the Early Modern period]. In: *Universitetskiy istorik: Al'manakh* [University historian: Almanac]. Vol. 2. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 85–112.
15. Nikolaev, S.I. (1996) *Literaturnaya kul'tura Petrovskoy epokhi* [Literary culture of the Petrine era]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
16. Ustryalov, N.G. (1858) *Istoriya tsarsvovaniya Petra Velikogo* [History of the reign of Peter the Great]. Vol. 3. St. Petersburg: Tip. II-go Otdeleniya Sobstv. Ego Imp. Vel. Kantselyarii.
17. Yuhimenko, E.M. (2008) *Literaturnoe nasledie Vygovskogo staroobryadcheskogo obshcheshchitel'stva* [Literary heritage of the Vygovsky Old Believer community]. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
18. Zhuravel', O.D. (2009) “Pokhodim umnym ochima...” (k izucheniyu traditsii pominoventiya v literature staroobryadchestva) [On the study of the tradition of commemoration in the literature of the Old Believers]. In: *Ural'skiy sbornik: istoriya, kul'tura, religiya* [Ural collection: History, culture, religion]. Vol. 7 (2). Yekaterinburg: Ural State University. pp. 134–144.
19. Ageeva, E.O. (2001) [Petersburg mourning ceremony of the Romanov dynasty at the beginning of the 18th century]. *Fenomen Peterburga* [Phenomenon of St. Petersburg]. Proceedings of the International Conference. St. Petersburg: Russko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentr “Blits”. pp. 491–505. (In Russian).

20. Wortman, R.S. (2002) *Stsenarii vlasti: mify i tseremonii russkoy monarkhii* [Scenarios of Power: Myths and Ceremonies in Russian Monarchy]. Vol. 1. Moscow: OGI.
21. Prokop'ev, A.Yu. (2006) [The Burial of Peter the Great: Protestant Standard in Orthodox Russia]. *Severnaya voyna, Sankt-Peterburg i Evropa v pervoy chetverti XVIII v.* [The Great Northern War, St. Petersburg and Europe in the First Quarter of the 18th Century]. Proceedings of the International Conference. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 47–67. IRR
22. Aronova, A. (2007) *Imperatorskiy final: Pogrebenie Petra I kak poslednee pridvornoe torzhestvo gosudarya-reformatora* [Imperial finale: The burial of Peter I as the last court celebration of the sovereign-reformer]. *Iskusstvoznanie*. 3–4. pp. 108–142.
23. Prokopovich, F. (1979) *Filosofs'ki tvori* [Philosophical works]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka.
24. Kochetkova, N.D. (1974) *Oratorskaya proza Feofana Prokopovicha i puti formirovaniya literatury klassitsizma* [The oratorical prose of Feofan Prokopovich and the ways of forming the literature of classicism]. In: *XVIII vek* [The 18th century]. Vol. 9. Leningrad: Nauka. pp. 50–80.
25. Prokop'ev, A.Yu. (2017) 1725 god i opyt memorial'nykh izdaniy v Rossiyskoy imperii [1725 and the experience of memorial publications in the Russian Empire]. *Rossiyskaya istoriya*. 3. pp. 59–79.
26. Prokopovich, F. (1961) *Sochineniya* [Writings]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
27. Sofronova, L.A., Lipatov, A.V. & Rogov, A.I. (1982) *Barokko v slavyanskikh kul'turakh* [Baroque in Slavic cultures]. Moscow: Nauka.
28. Paramonova, M.K. (2016) *Zhanr nadgrobного слова v russkoy oratorskoy proze vtoroy poloviny XVIII v.* [Genre of the eulogy in Russian oratorical prose of the second half of the 18th century]. *Litera*. 4. pp. 17–23.
29. Anon. (1725) *Opisanie poryadka, derzhannogo pri pogrebenii blazhennyya vysokoslavnyya i vechno dostoinishiya pamyati vsepresvetleishago derzhavneishago Petra Velikago, imperatora i samoderzhitsa vsereossiyskogo i blazhennyya pamyati Eya Imperatorskogo Vysochestva gosudaryni tsesarevny Natalii Petrovny* [Description of the procedure of the burial of the most glorious sovereign Peter the Great, the emperor and autocrat of all Russia, blessed, highly glorious and eternally worthy of memory, and of Her Imperial Highness, Tsarina Tsesarevna Natalia Petrovna]. St. Petersburg: Pri Senate.
30. Prokopovich, F. (1831) *Kratkaya povest' o smerti Petra Velikago, imperatora vsereossiyskogo* [A Brief Tale of the Death of Peter the Great, Emperor and Autocrat of All Russia]. St. Petersburg: Tip. I. Glazunova.
31. Loparev, Kh.M. (1914) *Grecheskie zhitiya svyatykh VIII–IX vekov: opyt nauchnoy klassifikatsii pamyatnikov agiografii s obzorom ikh s tochki zreniya istoricheskoy ili istoriko-literaturnoy* [Greek Lives of Saints of the 8th–9th Centuries: An Experience of Scientific Classification of Hagiographic Monuments with Their Review from a Historical or Literary Historical Perspective]. Pt. 1. Petrograd: Imperial Academy of Sciences.

Информация об авторе:

Надточий Е.Е. – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета (Томск, Россия); преподаватель кафедры журналистики и литературоведения Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: nadtokaterina@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.E. Nadtochi, postgraduate student, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); lecturer, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: nadtokaterina@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.05.2021;
одобрена после рецензирования 22.09.2021; принята к публикации 20.05.2022.

The article was submitted 24.05.2021;
approved after reviewing 22.09.2021; accepted for publication 20.05.2022.

Научная статья
УДК 81'42
doi: 10.17223/15617793/478/4

Тактика эмоционального усиления аргументации в письменном научно-гуманитарном дискурсе

Татьяна Николаевна Савчук¹

¹ Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь, tatyana.s77@list.ru

Аннотация. Рассмотрена тактика эмоционального усиления аргументации как элемент стратегической организации дискурса гуманитарных наук. На материале русскоязычных научных статей выявлены и систематизированы приемы, реализующие данную тактику на структурном, вербальном и метатекстовом уровнях, раскрыт их прагматический потенциал, определены условия их эффективного использования в письменной научно-гуманитарной коммуникации. Сделан вывод, что тактическая целесообразность аргументативных действий, эмоционально усиливающих аргументацию, обусловлена степенью соответствия этих действий рациональным критериям оценки качества научного обоснования и нормам гуманитарного дискурса.

Ключевые слова: аргументация, эмоционально-ценностное воздействие, тактика эмоционального усиления аргументации, структурное усиление, вербальное усиление, метатекстовое усиление, научно-гуманитарный дискурс

Для цитирования: Савчук Т.Н. Тактика эмоционального усиления аргументации в письменном научно-гуманитарном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 30–43. doi: 10.17223/15617793/478/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/4

The tactic of emotional amplification of argumentation in the written discourse of the humanities

Tatiana N. Savtchouk¹

¹ Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus, tatyana.s77@list.ru

Abstract. The aim of the article is to reveal the specifics of the implementation of the tactic of emotional amplification of argumentation in the written discourse of the humanities. The research is carried out on the material of Russian-language articles on sociology, psychology, cultural studies, linguistics, journalism, published in peer-reviewed academic journals for 2001–2019. Methodologically, the work is related to convergent theory, which ensures the integration of descriptive and normative dimensions of argumentation using qualitative analytical methods: description, functional-semantic, contextual and propositional analysis. The tactic of emotional amplification of argumentation involves the choice of communicative speech actions that actualize the emotional dominant of message perception. According to the results obtained, in the written discourse of the humanities, this cognitive attitude is realized at three levels: structural, verbal, and metatextual. Structural amplification of argumentation is associated with conceptual amplification and provides for a special construction of reasoning using the techniques of manipulating with concepts: emphasizing key concepts; creating a certain emotional evaluating background of the discourse; contrasting concepts. At the verbal level, emotional amplification of argumentation is embodied in two sub-tactics: psychological accentuation and para-argumentation. The techniques of psychological accentuation include the following: use of expressions with the meaning of evidence, reliability of a fact (knowledge) that convey categorical confidence; use of quantifiers with meaning of “general” and intensive words; expansion of standard argumentative verbalizers by intensifying lexemes; activation of language forms of negation; contact use of modal predicates, as well as semantically close or equivalent verbs in different temporal modes; selection of pragmatically strong verbs with argumentative semantics; use of authorized constructions that include various means of verbal amplification. The methods of para-argumentation are speech actions using rhetorical means, primarily metaphors (especially conceptual ones), as well as irony/sarcasm. Metatextual amplification of argumentation is achieved with graphic accentuation, which are typographic means (font emphasis) and techniques of expressive graphics (as a rule, exclamation constructions with appropriate punctuation). The maximum amplification of argumentation is provided by the syncretic use of structural, verbal, and metatextual means. The author concludes that the effectiveness of the tactics of emotional amplification of argumentation in the written discourse of the humanities depends on how much the speech actions that implement this tactic are consistent with rational criteria for evaluating the quality of scholarly justification and comply with the institutional norms of scholarly communication.

Keywords: argumentation, emotional-evaluating influence, tactic of emotional amplification of argumentation, structural amplification, verbal amplification, metatextual amplification, scientific and humanitarian discourse

For citation: Savtchouk, T.N. (2022) The tactic of emotional amplification of argumentation in the written discourse of the humanities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 30–43. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/4

Постановка проблемы

Коммуникативно-прагматический подход к исследованию аргументации фокусирует внимание на динамическом (процессуальном) аспекте этого многомерного лингвокогнитивного феномена. Актуализируется понимание аргументации как интеллектуально-коммуникативной деятельности, производимой в определенном социокультурном контексте и нацеленной на убеждение адресата в истинности (приемлемости) обосновываемого положения, «на устранение разницы во мнениях с адресатом» [1. Р. 38]. При этом подчеркивается когнитивная природа аргументации, воздействующий эффект которой предполагает изменение ментального состояния реципиента, его модели мира. Ключевую роль в этом процессе играет «внутренняя когнитивная карта мира», находящаяся в сознании человека в виде «убеждений, ценностей, установок, языка, воспоминаний и других психологических фильтров». Отсюда следует, что изменению эмоций, реакции, мышления адресата сообщения должно предшествовать изменение его внутренней когнитивной карты [2. С. 7–8].

Функционирование описанного механизма аргументативной деятельности обеспечивает ее тактико-стратегическая организация – иерархическая система когнитивно-коммуникативных действий трех уровней, концептуализируемых как аргументативная стратегия (общая линия аргументативного поведения, определяемая прагматической установкой аргументатора); аргументативная тактика (стратегически мотивированное коммуникативное действие); аргументативный прием (способ построения высказывания/текста, реализующий определенную тактику) [3. С. 146].

Специалисты сходятся во мнении, что аргументация по-разному проявляется в различных областях социокультурного взаимодействия (см., напр.: [4–8]). На основании этого можно полагать, что специфика стратегического уровня аргументирования (характер аргументативных действий, принципы их отбора) детерминирована определенным типом дискурсивной практики. Отсюда необходимость изучения процедуры аргументативного воздействия («стратегического дизайна» аргументации, по выражению Ф.Х. ван Еемерена и П. Хоутлоссера [9]) в многообразных форматах дискурса.

На решение этой важной задачи нацелены разного рода лингвориторические и лингвокогнитивные исследования (обзор см. в [3. С. 23–36]), привлекающие к рассмотрению аргументативной деятельности такие критерии, как ситуативность, интерактивность, целесообразность, убедительность, эффективность и др. (см., напр.: [10–14]). Заметим, что в русскоязычном сегменте лингвистической аргументологии прагмати-

чески ориентированные исследования представлены, в основном, квалификационными научными работами, находящимися в рамках риторики и стилистики¹. Процедура обоснования изучается в различных коммуникативных контекстах, чаще всего – политическом, юридическом, публицистическом, реже привлекается материал научных (преимущественно технических) текстов.

Стратегический дизайн гуманитарного научного дискурса, аргументативного по своей сути, до сих пор оставался вне поля зрения ученых, что стимулировало наш интерес к данному исследовательскому объекту. Особенно актуальным представляется изучение в аргументологическом аспекте научной статьи как основной формы интеллектуально-коммуникативного взаимодействия представителей гуманитарного сообщества. Положение об аргументативной природе научного дискурса дает основание утверждать, что надежные критерии описания и оценки научно-гуманитарной продукции (в частности статьи) невозможно получить без анализа представленной в научном тексте аргументации [15].

Методология и материал исследования

Важно отметить, что современные аргументологические исследования принципиально междисциплинарны. Это означает, что необходимым условием продуктивности анализа аргументации служит объединение методологических возможностей различных интеллектуальных областей. Так, исследования, проводимые в русле аргументативной лингвистики (именно к таким принадлежит данная статья) предполагают привлечение знаний смежных когнитивных наук (в частности, логики, психологии), а также применение актуального лингвофилософского методологического инструментария (положения о диалектике объективного и субъективного в познавательной и коммуникативной деятельности, о гносеологическом своеобразии гуманитарного познания, о диалектической связи языка и мышления, о воздействующем потенциале всякого использования языка, о социокультурной детерминированности вербальной коммуникации и др.).

В нашем понимании лингвистическая теория аргументации представляет собой систему научных идей, отражающих различные аспекты аргументативного дискурса: структурный, концептуальный, вербальный, логический, прагматический. Все эти аспекты так или иначе вовлекаются в лингвистический анализ аргументации. Очевидно, что доля и степень выраженности каждого из них коррелируют с потребностями конкретного исследования (специфика темы, объем проблемы, характер цели и задач). При этом методологической константой анализа аргументации, как «когни-

тивной универсалии» [3. С. 51]), выступает когнитивный подход. Он служит основой, с которой вариативно сочетаются иные аналитические компоненты.

Когнитивно-прагматическое исследование аргументации в письменном дискурсе гуманитарных наук позволило нам построить ее динамическую модель, которая, будучи частью конвергентной концепции аргументации (см.: [3, 16]), отражает закономерности стратегической организации научно-гуманитарной аргументативной практики.

Тактико-стратегические ресурсы научной коммуникации многообразны. Очевидно, что способы их систематизации определяются параметрами деления, которые, в свою очередь, зависят от методологических предпосылок исследования. В соответствии с конвергентной теорией, если в качестве исходного таксономического критерия принять доминирующий канал убеждающего воздействия (рациональный/эмоциональный) и учитывать ценностную природу обоснования в гуманитарных науках (см., напр.: [17–19]), то в результате можно выделить две аргументативные макростратегии: рационально-ценностного и эмоционально-ценностного воздействия [3. С. 159–160]. Правомерность такого деления основывается на положениях программных лингвистических работ, сформировавших фундамент антропоцентрической парадигмы. В частности, Ш. Балли, высказывая идею естественного проявления в коммуникации «рассудка и чувств», выступающих «в самых различных пропорциях», утверждает, что с точки зрения практического исследования «каждый речевой факт обладает... логической или эмоциональной доминантой»; ее выявление предполагает ответ на вопрос, «выражает ли данный речевой факт прежде всего идею или прежде всего чувство» [20. С. 182–183]. Проблема взаимосвязи рационального и эмоционального в аргументативном дискурсе, неизменно актуальная для теории аргументации, рассматривается, например, в: [10, 12, 14, 21, 22].

В зоне нашего внимания – стратегия эмоционально-ценностного воздействия. Одним из способов ее реализации служит тактика эмоционального усиления аргументации, которая и является объектом данного исследования. Номинация указанной тактики, будучи (как и всякий термин) условным образованием, согласуется с общепринятыми положениями, а именно: 1) убеждающее воздействие осуществляется в двухканальном режиме; 2) интенсивность каждого из каналов (рационального/эмоционального) не является величиной постоянной.

Цель статьи – раскрыть специфику коммуникативного воплощения названной тактики в письменном дискурсе гуманитарных наук, иными словами, прояснить, каким образом ментальная установка на эмоциональное усиление аргументации реализуются в научно-гуманитарной коммуникативной практике.

Для этого необходимо: выявить и систематизировать приемы, подчиненные данной тактике; установить их прагматический потенциал; определить условия их эффективного использования в письменной научно-гуманитарной коммуникации.

Цель и задачи исследования отражают естественное для выбранного объекта совмещение когнитивного и прагматического подходов. Кроме того, демонстрируют исследовательскую установку на интеграцию дескриптивного и нормативного измерений аргументации и, соответственно, попытку не только описать реальные коммуникативные процессы, но и оценить их.

Принятая в работе методология обуславливает использование качественных методов исследования. Дескрипция осуществлялась на основе описательного метода (в совокупности всех его составных частей: наблюдение, обобщение, интерпретация, классификация), а также с применением функционально-коммуникативного и контекстуального анализа. Для выделения и характеристики конститuentов аргументации (высказываний/пропозиций) привлекался пропозициональный анализ (метод лингвистической и логической прагматики). Восстановление пропущенных компонентов аргументации производилось посредством формально- и неформально-логической реконструкции. В оценочной квалификации аргументирующих рассуждений был задействован процедурный аппарат теории коммуникации, неориторики, прагмалингвистики, логики, дискурсологии.

Источником эмпирического материала послужили русскоязычные статьи по пяти гуманитарным направлениям (социология, психология, культурология, лингвистика, журналистика), опубликованные в рецензируемых научных журналах за 2001–2019 гг. Фактологический корпус насчитывает 175 текстов, общий объем которых составляет около 70 п. л. При отборе источников материала соблюдался принцип паритетности: каждая из пяти научных дисциплин представлена 35 текстами.

Результаты и их обсуждение

Взаимодействие в аргументативном дискурсе рационального и эмоционального служит источником реализации прагматического потенциала аргументирующего рассуждения. Для достижения убеждающего эффекта продуцирующий субъект аргументации апеллирует к когнитивным структурам реципиента, активизируя одни и блокируя другие. Закономерно, что усиление рационального воздействия ослабляет эмоциональное и наоборот.

Тактика эмоционального усиления аргументации предполагает выбор коммуникативно-речевых действий, которые актуализируют эмоциональную доминанту восприятия сообщения. Обратим внимание, что понятие «эмоционального» используется здесь в широком значении, которое охватывает комплекс многообразных психических процессов и состояний. Такой подход согласуется с позицией исследователей, признающих «ошибочным сводить эмоциональный эффект текста... лишь к возникновению у человека эмоций» и рассматривающих «собственно эмоции» как одну из форм, относящихся к сфере эмоционального [23. С. 192]. При этом важно подчеркнуть, что все формы эмоционального так или иначе воспроизводят

отношение человека к миру и отражают субъективную ценность для индивида тех или иных реалий. Таким образом, интенсификация эмоциональной доминанты аргументативного сообщения означает акцентирование его психологического аспекта (субъективного, личностного, экспрессивного) и, соответственно, ослабление аспекта логического (объективного, критического, денотативного).

В письменном научно-гуманитарном дискурсе такая когнитивная установка реализуется на трех уровнях – структурном, вербальном и метатекстовом – с помощью соответствующих субтактик.

1. Структурное усиление аргументации

Средством аргументативного воздействия служит текст, который понимается в широком семиотическом плане как объединенная по смыслу совокупность языковых и невербальных знаков. Аргументативный текст имеет определенную структуру, позволяющую объективировать механизм убеждающего воздействия: на основе принятия выдвигаемых аргументатором утверждений (доводов) аудитория склоняется к принятию нового утверждения (тезиса), учитывая логическую и прагматическую связи между пропозициями.

Установка на эмоционально-ценностное воздействие побуждает аргументатора использовать такие приемы структурной организации дискурса, которые позволяют психологически усилить аргументирующее рассуждение. В научно-гуманитарной коммуникативной практике особое структурирование дискурса неотделимо от языковой репрезентации, поэтому уместно, на наш взгляд, говорить о структурно-вербальной усиливающей субтактике.

Данную субтактику в общем виде можно определить как **манипулирование (оперирование) концептами**: отбор и компоновка номинаций, значимых для определенного аргументативного контекста, осуществляются проponentом с таким расчетом, чтобы обеспечить эмоциональную вовлеченность воспринимающего субъекта и соответствующую интенсификацию убеждающего воздействия.

Манипулирование концептами включает аргументативные приемы трех видов.

1.1. Акцентирование ключевых концептов – многократное повторение в аргументирующем рассуждении слов и выражений с соответствующей семантикой.

Примером использования этого приема может служить фрагмент статьи по культурологии, автор которой обосновывает тезис о ценностно-культурной функции массового праздника: (1) *Обрядово-зрелищные формы массовых праздников сохраняют и передают традиции, нормы, эстетические идеалы и нравственные ценности, информационные ориентиры... Массовые праздники и зрелища активизируют и интенсифицируют культурную жизнь, прежде всего потому, что открыто утверждают основные, доминантные для празднующего сообщества ценности, характерные для данной культу-*

ры... Массовые праздники и зрелища являются одним из институтов, призванных охранять, пропагандировать и обновлять ценности культуры... Праздник через обновление ценностей, напоминание важных событий, связанных с ним, выполняет роль мощного механизма передачи культурных традиций из поколения в поколение... (НИК2. С. 7). Эмоциональное усиление аргументации в (1) достигается за счет концентрированной подачи концептуально маркированных слов и выражений: повторение их в нескольких смежных доводах способствует тому, что внимание реципиента подсознательно заостряется на идее о ценностной природе массовых праздников и, таким образом, ускоряется процесс принятия этой идеи.

Еще один пример – из социологической статьи: (2) *В отличие от России Украина последние годы пребывает в стагнирующей неопределенности. Из действующей неопределенности будущее расплывается в тумане новых неопределенностей. Следовательно, пока «страна без будущего» – с Украиной может случиться всякое, даже непредвиденное. Как в точке бифуркации (СА6. С. 98).* Обосновывая точку зрения о неопределенности социально-политической ситуации в Украине, проponent прибегает к акцентированию ключевого понятия «неопределенность». Насыщенность дискурсивного фрагмента языковыми репрезентантами указанного концепта, их контактное расположение фокусируют внимание на тезисе, выражающем определенную оценку ситуации. Это, в свою очередь, облегчает процесс встраивания данного оценочного тезиса в когнитивно-аксиологические структуры адресата. Описанные тактические действия обеспечивают эмоциональную поддержку аргументации.

Как показывают примеры (1) и (2), прагматика акцентирования доминантных концептов связана с тем, что аргументация переориентируется с убеждения на внушение: снижается критичность, сознательность воспринимающего субъекта за счет активного воздействия на его подсознательные психические процессы (в частности, стимулирование непроизвольного внимания, запоминания).

1.2. Создание определенного эмоционально-ценностного фона дискурса путем вовлечения в него оценочных языковых средств. Этот прием регулярно применяется для обоснования нормативно-аксиологических суждений.

Задача сформировать у реципиента положительный образ ситуации побуждает аргументатора включать в структуру послышки комплекс позитивно-характеризующих высказываний. В случае каузальной аргументации необходимый прагматический эффект – создание образа «радужных перспектив» – достигается, в частности, благодаря концентрированному употреблению вербализаторов позитивных следствий: (3) *Качественное образование, с одной стороны, выступает условием инновационного развития страны и позволяет оптимизировать решение социальных и экономических проблем... способствует эффективному включению социума в мировые экономические, социальные и иные виды практик... Во-*

вторых, в условиях растущей неопределенности и энтропии социальных процессов повышается **значимость образования** как института, **способного внести вклад в прогнозирование будущего и предотвращение глобальных рисков и угроз**. Образование в современном мире рассматривается как **ключ к решению глобальных нравственных, экологических и других проблем, стоящих перед человечеством** (СА2. С. 315). Особое структурирование дискурса – использование системы позитивно-оценочных доводов – передает пафос аргументатора, отстаивающего точку зрения о важной роли инновационного образования в условиях глобализирующегося мира.

Формированию противоположной (отрицательной) оценки ситуации способствует насыщение аргументирующих высказываний негативно-оценочными номинациями. Причем воздействующий эффект приема возрастает прямо пропорционально плотности такого рода языковых единиц: (4) **Современное разрушение идентичности как наиболее болезненное и зримое проявление антропологического кризиса обнаруживает себя в различных формах депрессии и апатии, бессмысленной жестокости, различных формах зависимости и беспомощности, стремлении убежать от реального мира, в проявлениях избыточной властности и агрессии, разных формах нигилизма и нарциссизма, в алкоголизме и наркомании, сексуальных и гедонистических извращениях. Все это ведет к негативной личностной автономии, к ощущению безвременья, дезинтеграции жизненных смыслов и отсутствию жизненных планов и стратегий, т.е. к потере идентичности. Даже наши «Богом данные» онтологические идентичности имеют массу отрицательных свойств и могут подвергаться деградации и деструкции** (НИКЗ. С. 28). Тезис, заявленный автором в заголовке статьи (*Кризис личностной идентичности в постсовременной культуре*), подкрепляется множеством негативно заряженных доводов. Очевидно, что такое «сгущение красок» позволяет максимально активизировать эмоциональный канал субъекта, воспринимающего аргументацию, и существенно усилить перлокуцию убеждения.

На действенность приема, который заключается в создании позитивного/негативного эмоционально-ценностного контекста коммуникации, обращает внимание известные аргументологи (см., напр.: [11, 13, 14, 24]). Так, по мнению канадского ученого Д. Уолтона, «выбор терминов с эмотивными значениями может быть персуазивной аргументативной тактикой». Ее механизм в аргументации связан с тем, что «путем тщательного отбора терминов с эмотивными значениями говорящий существенно усиливает воздействующий эффект, вызывая позитивное или негативное отношение аудитории» [24. Р. 161]. Действительно, фокус внимания адресата смещается с критического анализа тезиса и доводов на их оценку. Это означает, что ослабляется логическая связь пропозиций, а приоритетной становится прагматическая связь, основанная на чувственном восприятии аргументативной ситуации.

Формированию определенного психологического фона дискурса способствует эксплицитное название аргументатором эмоциональных состояний, реакций, вызванных теми или иными ситуациями, событиями. Как правило, такие номинации используются при отрицательной характеристике включенных в обоснование фактов: *Особую озабоченность вызывает..., А это тем более обидно..., Особо критично выглядит..., Особенно тревожит тот факт, что..., Не меньшую тревогу вызывает..., Ситуация в области психического здоровья еще более удручающая, Мы можем оценить упомянутый выше дисбаланс как трагический, К сожалению, это направление находится в крайне неудовлетворительном положении и т. п.* Прагматика подобных выражений связывается с их способностью вызывать прямой (непосредственный) эмоциональный эффект, основанный на эмпатическом восприятии адресатом аргументации тех чувств и эмоций, которые описываются продуцирующим субъектом с помощью эмотивно-оценочных языковых средств.

Обращают на себя внимание аргументативные конструкции, обладающие скрытой эмоциональностью, например: (5) **Совершенно непонятно, как можно вырастить хороших математиков или физиков, если у них не будет развитого воображения, знания основ мировой культуры... Чему удивляться, если молодежь вполне серьезно считает, что патриотизм был только в войну, а сейчас он не нужен, а в некоторых ответах его вообще называют «религией для бешеных»** (СА3. С. 483). Обосновывая значимость формирования общественной нравственности, автор статьи в (5), очевидно, рассчитывает на эмоциональный отклик аудитории. Этот расчет оправдывается, в том числе, благодаря непрямым (косвенным) речевым действиям. На основе принципа взаимной имплицитности оценок («та или иная оценка данного факта имплицитно подразумевает обратную оценку соответствующего отрицательного факта» [25. С. 20–21]) выводятся структурные модификации, семантически эквивалентные исходным: *Совершенно непонятно, как можно* = *Понятно, что нельзя*; *Чему удивляться, если* = *Неудивительно (естественно), что*. Такие преобразования актуализируют экспрессивный план высказывания, а потому прагматически значимы в аргументативном контексте.

1.3. Противопоставление концептов – построение аргументации на основе концептуально противоположных понятий. Интенсифицирующий эффект достигается за счет контрастности пропозиций, образующих аргументативную конструкцию.

К такому приему прибегают авторы статьи по психологии, обосновывая положение об угрозе терроризма: (6) **Терроризм является одной из наиболее острых проблем современного общества... События последних десятилетий показали его тотальный, всепроникающий характер, практически изменивший современный мир. Если раньше террор был достаточно локальной проблемой, касавшейся либо географически, либо экономически ограниченных областей, социальных страт, этносов, то сейчас ни**

один человек не может чувствовать себя полностью защищенным от действий вездесущих террористов (НПЖЗ. С. 27). Ядро аргументации в (6) формируется на базе оппозиционных концептов «прошлое» – «настоящее», «локальный» – «тотальный», вербализуемых различными способами. При этом очевидно стремление авторов текста не просто выразить личное отношение к характеризваемым явлениям, но и «встроить» свои ценности в когнитивную картину мира адресата. В этом случае срабатывает известный психологический механизм заражения, позволяющий активизировать структуры подсознания и таким образом эмоционально усилить обоснование.

Концептуальное противопоставление, реализующее принцип контраста, способно обеспечить значительный эмоциональный эффект. В этом позволяет убедиться следующий фрагмент полемической статьи по журналистике: (7) *Газеты и социумы районов как бы существуют в параллельных мирах. Мир первых – это тишь и гладь, да божья благодать: парадные отчеты о делах начальников различных ведомств и учреждений, победные реляции и рапорты представителей различных уровней власти, официальные церемонии и нормотворчество. Мир вторых полон реальных каждодневных сложностей и животрепеущих проблем: молодежная безработица и молодежный экстремизм, наркомания и алкоголизм, нелегальная миграция, плохая работа ДЕЗов, наконец, конфликты по поводу парковок... и многое другое. Но даже слабым эхом вся эта социальная проблематика не доносится со страниц районных и муниципальных газет* (ВМУ-ЖЗ. С. 80). Рассуждение в (7) представляет собой критическую аргументацию. Точка зрения проponenta, его субъективная оценка описываемой ситуации выражаются здесь в эксплицитной форме, с включением в аргументативную конструкцию контрарно-оценочных высказываний. Критика региональных газет строится аргументатором на базе фактуальных доводов, апеллирующих к реальности. Однако в результате предпринятых когнитивно-речевых действий происходит явное смещение прагматического акцента с номинативного, событийного плана дискурса на его субъективный, экспрессивный план. Рационально-логический канал восприятия нейтрализуется, соответственно, эмоциональный канал становится доминантным. Это и обеспечивает психологическую убедительность аргументирующего рассуждения.

Как было показано, в гуманитарном дискурсе эмоциональное усиление аргументации на структурном уровне сопряжено с усилением концептуальным. Манипулирование концептами имеет высокий прагматический потенциал, что подтверждается эмпирически, а также отмечается специалистами. Так, Д. Уолтон «эмотивные термины» относит к «персуазивному языку», а построенные на их основе аргументы называет обманчивыми (deceptive arguments) [24. Р. 161–164]. Такая оценочная интерпретация данной субтактики накладывает определенные ограничения на применение ее в научной аргументативной практике. Нормативный аспект предполагает соблюдение пра-

вил аргументации как рациональной коммуникативной деятельности. В случае их нарушения возможна подмена интеллектуального воздействия психологическим, т.е. внушение, что квалифицируется как аргументативная ошибка [3. С. 216–217]. В каждом из приведенных примеров (1)–(7) тактическая адекватность использованных приемов определяется с учетом критериев разумности, целесообразности и соразмерности.

2. Вербальное усиление аргументации

Доминирующая стратегия обоснования влияет не только на построение аргументативного дискурса, но также на выбор приемов вербальной репрезентации результатов научного исследования. На вербальном уровне эмоционально-ценностное усиление аргументации реализуется в двух субтактиках: психологического акцентирования и применения парааргументации.

2.1. Психологическое акцентирование предполагает введение в дискурс языковых элементов, способных внушить адресату уверенность в правоте аргументатора. Стратегическая оправданность такого рода коммуникативных действий базируется на понимании того, что естественным способом создания ощущения уверенности у воспринимающего субъекта (в соответствии с механизмом психологической заразительности) является демонстрация проponentом собственной убежденности.

В письменной научной коммуникации гуманитарии используют широкий репертуар языковых приемов, обладающих эмоционально-психологическим зарядом. Он реализуется благодаря способности вербальных средств манифестировать заложенные в аргументативном сообщении чувственные послы (прежде всего уверенность), транслировать соответствующие эмоциональные состояния, настроения, создавать определенную тональность речи и, таким образом, влиять на психические процессы восприятия и понимания.

Для гуманитарной аргументативной практики характерны выражения со значением очевидности, достоверности факта (знания), передающие категорическую уверенность: *Безусловно*; Конечно (же); Несомненно; Разумеется; Естественно (что)...; Ясно, что...; Понятно, что...; Очевидно, что...; С очевидностью обнаруживает (демонстрирует)...; Вряд ли у кого вызывает сомнения...; Не вызывает сомнения тот факт, что...; Факты не оставляют сомнений в том, что...; Стоит ли говорить, что...; Излишне говорить, что...; Бессмысленно отрицать, что...; Никто не станет отрицать...; Примеры... настолько многочисленны, что это уже не требует обоснования и др.

Усилению психологического воздействия способствует расширение стандартных аргументативных вербализаторов за счет интенсифицирующих лексем: *достоверно* установлено; *убедительно* показывает (демонстрирует, подтверждает); *со всей очевидностью* свидетельствует; *совершенно* очевидно (понятно), что...; представляется *совершенно* беспор-

ным; **однозначно** положительный момент; не вызывает **никаких** сомнений, что...; ...с **полным** основанием можно отнести...; данный **факт** является **убедительным** свидетельством; ...можно **смело** отнести к числу...; **определенно** можно утверждать, что...; **безусловно** позитивными являются следующие факторы и под.

(8) На практике это означает необходимость отказаться от принятой в научной практике характеристики устной литературной речи в терминах двух градаций – кодифицированный – разговорный (компрессионный). Основанием же для этого является тот **непреложный** факт, что литературные некодифицированные формы образуют шкалу переходов не только в плане фонетическом, но и в нормативном (ФН1. С. 19); (9) *Такое* (аксиологическое. – Т.С.) мышление, вне всякого сомнения, **дает** исследователям **опыт** свободы, которая также становится ценностью в научном процессе (ВСПбУ. С. 146).

Прагматическая роль подобных выражений становится очевидной, если провести мысленный эксперимент и элиминировать входящие в их состав интенсифицирующие компоненты (выделены полужирным шрифтом).

Функцию эмоционального усиления аргументации выполняют кванторы общности (*всякий, каждый, любой, все, всегда, никто, никакие, никогда, ни один*) и близкие к ним по значению слов-интенсивы (*обязательно, непременно, чрезвычайно, совершенно, абсолютно, непреложно(ый), вездесущий, катастрофически(ий), беспрецедентно(ый), (принципиально) невозможно и др.*). Подобные языковые единицы могут использоваться в составе аргументативных маркеров, как в примерах (8) и (9), либо употребляться в качестве самостоятельных приемов, акцентирующих точку зрения аргументатора, стимулирующих психологическое воздействие приводимых доводов:

(10) *Профессиональная деятельность журналиста в современных условиях* **немыслима** вне рамок законодательства о СМИ (ВБГУ. С. 60); (11) *...мир оказался... в ситуации, где* **вообще нет никаких** правил, где ты или **кто угодно** другой могут оказаться жертвой **в любой** момент и **в любом** месте. Войны, где **нет никакой** логики... а опасность подстерегает **в любом** месте, и **нет никакого** верного способа защиты... (НПЖЗ. С. 27) (см. также пример (6)).

Еще одним приемом выражения безапелляционности суждений является активизация вербальных форм отрицания. Насыщение аргументирующего рассуждения средствами негации, создавая экспрессивный фон общения, реализует расчет на эмоциональный отклик реципиента: (12) *...отнесение филологии к чему-то однозначно гуманитарному характерно... и для специалистов...* Эти представления **не** смогли разрушить **ни** структурализм, **ни** «хомскианская революция»... (ФН2. С. 5); (13) *Выступление национальной сборной Республики Беларусь по хоккею... повергло в шок страну. Оказалось, что у самой главной команды страны* **нет ни** лидеров, **ни** патриотизма, **ни** мотивации (СА6. С. 478).

Максимальный воздействующий эффект достигается благодаря концентрированному применению названных акцентирующих средств: (14) *Право властей на информирование местной общественности о своей деятельности привело к тому, что страницы местной прессы* **до предела** забиваются однотипной официальной информацией, **абсолютно ничего не дающей ни уму, ни сердцу** <...> *Это, в сущности, и не газеты, а своего рода клоны. Они не отличаются друг от друга ни по внешнему виду, ни по содержанию. В них нет ни одного живого слова, ни одной заметки, затрагивающей местные проблемы...* (ВМУ-Ж2. С. 80).

Категорическая уверенность передается контактным употреблением модальных предикатов, а также семантически близких либо эквивалентных глагольных словоформ в различных временных модусах: *Такое обучение может и должно способствовать...; Речь может и должна идти о...; Важно и можно преодолеть; Этой проблемой всегда была, есть и будет...; Здесь ряд номинаций... был открыт, открыт и открытым будет; Никто, кроме психологов, эту работу профессионально не делает и не сделает* (см. также пример (23)).

В дискурсивной практике рассмотренные выше коммуникативно-речевые приемы создают повышенную напряженность, динамизм, способствуют экспрессивизации аргументирующих рассуждений, что так или иначе затрагивает сферу эмоционального.

Психологически значимым является выбор глаголов и их производных с аргументативной семантикой, имеющих модальное значение достоверности, убежденности: *Приведенные примеры доказывают, что...; В том, что... лишний раз убеждает; Развитие идеи... убеждает в том, что...; Пристальное изучение... убеждает в том, что...* и под. Очевидно, что лексемы *доказывать, убеждать* обладают значительно большим прагматическим потенциалом, чем синонимичные *показывать, подтверждать, свидетельствовать*.

Эмоциональное воздействие аргумента возрастает в случае сочетания нескольких прагматически сильных лексических единиц с аргументативной семантикой: (15) *Практика* **убедительно доказала**, что для того, чтобы сделать инновационный прорыв, любое поставившее перед собой такую цель общество должно выполнить как минимум три следующих условия... (СА5. С. 211).

Сознательное либо неосознанное стремление аргументатора психологически усилить обоснование выражается в использовании авторизованных конструкций, включающих различные средства вербального усиления. Они многообразны, отличаются разной степенью регулярности, некоторые приобретают статус дискурсивных клише, другие несут отпечаток авторской индивидуальности: *Я убежден, что...; Глубоко убеждены, что...; Мы можем с уверенностью констатировать (утверждать), что...; Мы уверены, что совершенно оправданно...; Определенно можно утверждать, что...; Безусловен, по нашему мнению, факт, что...; У нас есть все основания считать*

(что)...; Думаем, что так было и будет всегда и др. Очевидный эмоционально-интенсифицирующий характер приведенных выражений связан с тем, что они, явно эксплицируя уверенность, убежденность продуцирующего субъекта, оказывают непосредственное воздействие на чувственную сферу субъекта воспринимающего. Совмещение подобных речевых конструкций в аргументативном тексте увеличивает его убеждающий эффект: (16) *На наш взгляд, мы имеем все основания считать Всемирную паутину самостоятельным видом бизнеса... В настоящий момент мы можем с уверенностью сказать, что PR-бизнес всерьез и надолго обосновался в сфере Интернета* (ВМУ-Ж1. С. 62).

Включение в дискурс авторизированных структур, содержащих языковые показатели пропозициональной установки и маркирующих тезис, демонстрирует желание пропонента придать своему мнению характер субъективно-истинного знания. Убеждение адресата в достоверности этого мнения/знания основывается на актуализации эмоциональных реакций – соучастия и доверия.

Приемы психологического акцентирования, направленные на формирование отношения к факту, на привлечение к нему особого внимания, выступают как неизменный атрибут научно-гуманитарной аргументации. Однако нельзя исключать, что такие речевые действия могут служить средством психологического давления на реципиента, особенно при повышенной их концентрации.

В гуманитарном аргументативном тексте интенсивность речевого акта может варьироваться от предположения до уверенности, что обычно фиксируется языковыми средствами. При этом необходимо учитывать следующий принцип аргументирования: «Чем больше та степень уверенности, с которой выдвигается та или иная точка зрения, тем более веские доказательства должны быть приведены в ее пользу» [26. С. 192]. В случае отсутствия надежных доводов интенсифицированная вербализация тезиса расценивается как способ навязать адресату определенную модель ситуации, т.е. как внушение.

Подтверждение своего вывода о возможности незаконного (манипулятивного) применения усиливающих обоснование вербальных (преимущественно лексических) средств находим в исследованиях других ученых. Так, Т.Б. Радбиль, рассматривая мета-языковые механизмы языкового манипулирования сознанием в обыденной речи и в медиадискурсе, заключает, что «в принципе любое эксплицитное выражение истины на лексическом уровне имеет значительный манипулятивный потенциал» [27. С. 435] (см. также: [28, 29]).

2.2. Для эмоциональной поддержки обоснования ценностных суждений активно привлекается *парааргументация*² – составляющие дискурса, которые выполняют «квазиаргументационные функции»: такие языковые средства позволяют реализовать убеждающую цель аргументации за счет актуализации ее эмоционально-психологического, ценностного, эстетического потенциала.

В гуманитарных текстах используются многообразные риторические приемы, в том числе тропеические средства. Заметим, что данные, полученные в ходе нашего исследования, фактически опровергают мнение Э. Лассан об «отсутствии риторики» в современной научной прозе, о «формализации и унификации» научных текстов (см.: [31]), по крайней мере, применительно к жанру научной статьи.

Самым частотным тропом, применяемым в гуманитарных текстах, является метафора. Например, в социологической статье свой тезис автор выражает метафорически и фиксирует в заголовке: *Коррупция как социальная болезнь. Этот образ последовательно развивается в аргументативном тексте, актуализируя эмоциональное отношение аудитории к анализируемому объекту:* (17) *Коррупция в форме взяточничества считается одной из самых опасных для современного общества социальных болезней, поскольку разрушает его основные «несущие конструкции» – экономику, власть и дух народа. <...> Однако коррупция принадлежит к тем болезням, которые трудно лечатся по той причине, что плохо диагностируются, а заболевший орган сложно локализовать и почти невозможно удалить* (СА1. 138, 140).

Прием метафоризации применяется и в статье по психологии, где точка зрения о негативном влиянии технологического прогресса на психическое здоровье современного человека аргументируется в образной форме (прогресс (социализация) рассматривается как борьба): (18) *Социализацию, таким образом, следует рассматривать... как достаточно жесткую борьбу, шрамы от которой в виде различных форм «культурной» патологии есть плата за возможность обретения нормальной идентичности и адекватной саморегуляции. Психоанализ... более правдоподобным считал ее довольно «кровавый» характер. <...> Прогресс должен быть исследован как один из существенных факторов формирования новых... форм аномалий психического развития* (НПЖ2. С. 7–8).

Как показывают иллюстрации (17) и (18), обращение в аргументативном дискурсе к метафоре позволяет сделать научное обоснование более конкретным, наглядным и, как следствие, эмоционально убедительным.

Вероятно, такой же прагматической установкой мотивируется включение образных оценок в заголовки статьи по журналистике: *Местная пресса мегаполиса: зеркало жизни или служанка власти?* (ВМУЖ-2). Анализ приводимой в тексте аргументации подтверждает доминирование эмоциональной ее составляющей, что отражено, например, в (7) и (14).

Стремление оказать максимальное эмоционально-психологическое воздействие на адресата побуждает гуманитариев к использованию таких сильных средств, как ирония и сарказм: (19) *Современные мужчины не меньше женщин страдают от противоречивых требований. И если в прежние, догмаурные времена мужчина мог быть кем-то одним: кормильцем, специалистом, управленцем, революционером, то теперь все чаще звучит тема «Вася, стань звездой!» Предполагается, что мужчина должен*

продемонстрировать свою универсальность. Массовая культура услужливо предлагает конкурс «Мужчина России», где культивируется образ метросексуала и супермена, воплощающего новые стандарты благополучия, которые должен реализовать уважающий себя представитель «сильного пола» (НПЖ4. С. 52). Аргументатор в (19), обосновывая точку зрения, согласно которой социокультурные нормы и стереотипы негативно сказываются на психическом здоровье современного мужчины, очевидно, опирается на эмоциональную реакцию адресата, формируя с этой целью иронический (отрицательно-оценочный, отталивающий) образ ситуации (см. также (8)).

Источник эмоциональной силы рассмотренных приемов парааргументации видится в том, что такие речевые действия явно выдвигают на первый план субъективные моменты дискурса. Отношение продуцирующих субъектов к содержанию высказываний передается в образной форме, что создает особую выразительность рассуждений, прежде всего за счет необычности, непривычности для научного текста языкового оформления аргументативных рассуждений. В таких условиях активизируется индивидуально-личностный аспект восприятия сообщения, стимулируется появление ситуативных эмоций у реципиента-гуманитария, априори небезразличного к лингвокреативной составляющей коммуникации.

Парааргументативные приемы могут выступать в различных сочетаниях, что наблюдается в следующем дискурсивном фрагменте: (20) *Только глухой не услышит скрытой апокалиптики фамилий «майдаунов»... Это не фамилии, а явления. Как смерч или оползень. Или бесовский вальс... Только слепой не заметит, как отчаянно некрасивы лики фурий Майдана и Госдепа... Не потому ли так некрасивы, что никогда и никем не любимы? И тот унижительный террор, что был связан ими на Украине, может на поверку оказаться элементарной пошлой местью за неуютный и колющий мир, в котором они вынужденно обитают...* (НИК5. С. 112–113). Комплекс риторических средств (парцелляция, параллелизм, эпитеты, риторический вопрос, метафоричность), насыщение дискурса негативно-оценочными номинациями, резко саркастическая тональность рассуждения – все это проявляет стратегический замысел пропонента, его расчет на активизацию эмоциональной вовлеченности адресата в аргументативный процесс.

В ситуациях, подобных (20), возникает вопрос о нормативности включения парааргументации в научный текст и критериях оценки такого способа языкового воплощения аргументации. Ответ может быть следующим. Эмоциональная поддержка новых идей допустима (а иногда необходима) в дискурсе гуманитарных наук, однако в разумных пределах. Немотивированная увлеченность риторическими приемами нарушает требование рациональности (затемняет содержание аргументации, затрудняет ее реконструкцию). Наша позиция в данном случае созвучна мнению Г.Г. Хазагера, который в качестве одной из причин «лингвистической и социальной дисфункции»

научного дискурса называет «риторическое давление на когнитивные структуры», вызываемое, в том числе, излишней метафоричностью [29. С. 7–8]. Злоупотребление парааргументацией мы рассматриваем как тактическую ошибку [3. С. 217–218]. Проиллюстрировать ее, кроме (20), может и следующий фрагмент из статьи по культурологии: (21) *Лепота – звучит в душе это созвучное увиденной красоте Слово... Удивительное по музыкальному звучанию древнерусское слово, которое завораживает до такой степени, что нет других слов, чтобы передать восторг, умиление, преклонение перед сотворенным искуснейшими руками русичей этого величественного православного Храма неземной красоты... Можно только пожелать, чтобы святое, трепетное, ответственное отношение к родному русскому слову одухотворяло каждую мысль Человека культуры, несущего людям мысль о торжестве Красоты в нашем бушующем мире...* (НИК1. С. 81).

В оценке подобных рассуждений мы опираемся на эпистемологический принцип, в соответствии с которым «разумное не противоречит ни воображению, ни образности, но и не сводится к ним» [32. С. 21]. Следует учитывать, что образные средства языка так или иначе модифицируют объективную реальность, затемняют денотативный (номинативный, событийный) план текста, укрупняя при этом его экспрессивный (субъективный) план. Такая трансформация внеязыковой действительности оказывает имплицитное влияние на систему ценностей адресата, актуализируя его психокогнитивные структуры. В данном контексте важно осознать, что «принципиально исключена полная изоморфность эмоций реципиента эмоциям автора» [23. С. 192], поскольку восприятие речи (и смысловое, и эмоциональное) опосредовано языковыми средствами. В них закреплено как индивидуальное, так и социально-типичное отношение к содержанию аргументативного высказывания/текста, порождающее определенный эмоциональный эффект (который, очевидно, прогнозируется продуцирующим субъектом). Ожидания оправдываются только при условии, если эмоционально-ценностные установки коммуникантов совпадают (или по крайней мере близки). Учитывая специфику адресата научной аргументации, естественно предположить, что чрезмерная эмоциональность и языковая образность аргументирующего сообщения далеко не всегда позволяют рассчитывать на понимание и принятие заложенной в нем идеи.

3. Метатекстовое усиление аргументации

В письменном научном дискурсе для воздействия на адресата применяются разного рода метатекстовые (невербальные) средства. Как правило, это различные типографские приемы (размер и вид шрифта, выделение полужирным, курсивом, разрядкой), цветовое выделение, рубрикация и др. Невербальные средства обычно используются в научной статье для рационализации аргументирования: маркируют конститuenty аргументации (тезис и доводы), систематизируют ар-

гументирующие рассуждения, выделяют актуальные в определенном контексте концепты.

Однако в некоторых случаях такие средства выступают в роли эмоциональных интенсификаторов аргументации. Это наблюдается, например, в следующем фрагменте дискурса:

(22) ...хочу предостеречь от весьма распространенной оценки людей *только* по качеству результатов их деятельности... Для более основательного прогноза, что вообще от них можно ждать, требуется проникнуть в мир их внутренних ценностей. Так, хитрый и неглупый политикан способен для оболыбления избирателей проявить вполне творческую смекалку и сделать для них, в том числе, и немало полезного. Но всего лишь *в том числе*. Ибо подлинными ценностями, во имя которых он старается, являются его власть, его богатство, его слава. Поэтому не удивляйтесь тем сюрпризам, которые он преподнесет вам, когда в вас отпадет непосредственная надобность (НИК4. С. 60). Пытаясь убедить читателя в сложности (неоднозначности) аксиологических аспектов творчества как особого вида деятельности, автор статьи в (22) приводит ироническую иллюстрацию, эмоциональность которой подчеркивается с помощью графического акцентирования (выделения курсивом).

Метатекстовому усилению аргументации в научно-гуманитарных текстах способствует использование приемов экспрессивной графики. Это могут вставные восклицательные конструкции с соответствующим пунктуационным оформлением: (23) *Существует огромное число исследований, которые убедительно показывают зависимость между... эмоциональной депривацией в семье и социально девиантным развитием личности. <...> Но мы не должны и не можем мириться с таким положением, когда неуклонно растет количество детских домов и множится число детей-сирот при живых родителях. <...> Поэтому поддерживать и развивать эффективные формы семейного (подчеркну – именно семейного!) устройства детей-сирот необходимо* (НПЖ1. С. 41–42).

Повышенная экспрессивность обеспечивается благодаря эмоциональным вставкам знака восклицания, привлекающим внимание к особенно важным моментам содержания высказывания: (24) ...«*Властная элита*». Для украинских реалий последних 20 лет это словосочетание – абсолютный абсурд. Два слова, которые перечеркивают друг друга. Исходя из того что в первоначальном значении «элита» – это лучшее из лучших (!), а украинская власть – это не элита, это кланово-олигархическое скопище жадных до наживы особей... (СА6. С. 88–89).

Наряду с традиционными графическими акцентуаторами в проанализированном речевом материале зафиксирован случай использования аномального для научного текста визуального знака – смайла: (25) ...*Наша стихия – непоколебимая вечность, их – временность и беспорядочный образ жизни... В свято-отеческой литературе зло не суще, зло есть недостаток добра, отсюда обречено оно (бедное и несчастное 😊) нападать и скалиться, лишь бы быть*

в непосредственной близости от объективной реальности... (НИК5. С. 112). В (25) аргументатор, пытаясь обосновать преимущества русского самосознания на фоне западного, прибегает к вербальным и невербальным способам создания иронического подтекста, рассчитывая, очевидно, на эмоциональный отклик адресата и на его психологическую поддержку.

Для большей эмоциональной убедительности аргументации автор научного текста может совмещать несколько видов графического акцентирования: (26) ...*развитие корпусной лингвистики за последнее десятилетие позволило перевести изучение языкового материала на принципиально иной уровень... Ведь нетрудно подсчитать, что если бы кто-то захотел просто прочесть вслух составляющие входящий в состав Национального корпуса чешского языка тексты... ему понадобилось бы для этого более 100 лет! Компьютер же просмотрит весь этот массив... в течение нескольких минут* (ФН2. С. 5). Утверждение о важной роли корпусной лингвистики в развитии современного филологического знания подкрепляется экспрессивно оформленным аргументом (фрагмент восклицательной конструкции выделяется полужирным шрифтом).

Примеры (22)–(26) демонстрируют, что максимальному усилению аргументации способствует синкретичность структурных, вербальных и метатекстовых средств. Стоит заметить, что в гуманитарном дискурсе различные интенсифицирующие аргументацию приемы, как правило, выступают в различных сочетаниях. Рассматривая отдельные тактические средства, применяемые в научных текстах, мы учитывали методологический принцип, сформулированный Д. Росс и Д. Россен-Книлл, согласно которому «в письменной аргументации по частям текста нельзя судить о целом» [33. Р. 204]. Отсюда следует, что характер тех или иных аргументативных действий полностью раскрывается только в широком дискурсивном контексте.

Нормативный аспект анализа научно-гуманитарных рассуждений (текстов), синтезирующих все способы усиления эмоционального воздействия, предполагает экспликацию критериев их оценки. Такие критерии должны способствовать разграничению двух типов воздействия: аргументативного и манипулятивного. В дискурсе гуманитарных наук (ценностно ориентированном) параметр «сила воздействия аргументации» по определению не имеет количественного выражения. Как следствие, говорить о строгой объективности оценки приемов, реализующих тактику эмоционального усиления аргументации, не представляется возможным. В роли «разграничителей» аргументативного и манипулятивного воздействия могут выступать только качественные нормативно-оценочные критерии, коррелирующие с этическими принципами и правилами научной коммуникации, такие как релевантность (уместность) и умеренность. Отсутствие чувства меры в использовании эмоционально заряженных аргументативных приемов неизбежно приводит к давлению на адресата: блокируется рациональный канал восприятия информации, что в научной коммуникации недопустимо. Сходную точку

зрения высказывают А. Неттел и Дж. Роуке [13]. Сравнивая «персуазивную аргументацию» и манипуляцию, исследователи отмечают, что при общей цели (повлиять на убеждения адресата, склонить его к определенным действиям) эти способы воздействия имеют противоположные установки: аргументация предусматривает свободу собеседника в принятии того или иного мнения, а манипуляция означает, что «осуществление этой свободы воли затруднено» [13. Р. 58–59]. Аналогична позиция Г. Г. Хазагерова, который считает, что манипуляция «не является прямым принуждением, однако от убеждения она отличается тем, что действует скрыто» [34. С. 7].

В данном контексте важно отметить, что процесс и результат критического анализа аргументирующих рассуждений во многом определяется личностными характеристиками реципиента (ученого-интерпретатора). Это означает, что не исключена вариативность восприятия и оценки тех или иных тактических средств, применяемых в гуманитарном дискурсе для эмоционального усиления аргументации.

Заключение

Тактика эмоционального усиления аргументации является необходимым элементом стратегического дизайна дискурса гуманитарных наук. В письменной научной коммуникации гуманитарии используют разнообразные приемы (структурные, вербальные, метатекстовые), реализующие прагматическую установку на эмоционально-психологическое аргументативное воздействие.

Широкое применение интенсифицирующих коммуникативно-речевых действий в гуманитарном дискурсе объясняется его специфической – ценностной – природой, обусловленной «вхождением» наделенного сознанием субъекта в содержание и структуру объекта познания. Это закономерно отражается на характере аргументативной деятельности: обоснование в гуманитарных науках представляет собой двуединство доказательства точки зрения и убеждения адресата в ее истинности (вероятности, целесообразности), что предполагает включение в аргументацию, наряду с логическими средствами, также внелогических приемов (лингвистических, психологических, коммуникативно-организационных) [3. С. 51].

Многообразные средства эмоционального усиления аргументации выступают в различных сочетани-

ях. Выбор тех или иных интенсифицирующих приемов, частота их использования, способы комбинирования определяются совокупностью факторов, таких как параметризация автора научного текста (профессиональный статус, социальная роль, психотип, идиостиль и др.), социокультурный контекст, предметная область познания, тематика и проблематика статьи, редакционная политика журнала. Роль каждого из названных факторов в тактико-стратегической организации письменного научного дискурса интуитивно очевидна, однако этот вопрос требует дальнейших исследований с привлечением социолингвистического инструментария, а также количественных методов анализа.

Разумное применение разного рода приемов эмоционально-ценностного воздействия в научном гуманитарном дискурсе представляется оправданным, поскольку позволяет продуцирующему субъекту аргументации, соединив два канала восприятия информации (рациональный и эмоциональный), достичь запланированного перлокутивного эффекта: побуждает адресата принять аргументируемое мнение. При этом выбор способа коммуникативного поведения должен осуществляться аргументатором с учетом релевантного для научной аргументации правила приоритета рациональности. Это означает, что аргументация в гуманитарной сфере, несмотря на естественное присутствие в ней эмоциональной составляющей, является рациональной деятельностью, которая регулируется как общезначимыми стандартами логичности, так и нормами, принятыми в институциональном сообществе. Эффективность использования тактики эмоционального усиления аргументации зависит от того, насколько реализующие данную тактику речевые действия, во-первых, согласуются с рациональными критериями оценки качества научного обоснования (достаточность доводов, содержательность рассуждений, их последовательность, непротиворечивость, упорядоченность и др.) и, во-вторых, соответствуют этическим регулятивам научной коммуникации.

Выявление и описание тактико-стратегических механизмов аргументативной деятельности в различных видах гуманитарного дискурса, а также разработка ее нормативных параметров рассматриваются как перспективные задачи лингвистической теории аргументации.

Список сокращений

- ВБГУ – Казанков В.А. К концепции политической культуры журналиста // Вестник БГУ. Серия 4. Филология. Журналистика. Педагогика. 2008. № 1. С. 60–63.
- ВМУ-Ж1 – Гринберг Т.Э., Лучкина С.А. Интернет: средство коммуникации паблик рилейшнз или новая профессиональная технология? // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2001. № 6. С. 56–62.
- ВМУ-Ж2 – Золотых А.Д. Местная пресса мегаполиса: зеркало жизни или служанка власти? // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2011. № 5. С. 75–84.
- ВСПбУ – Нигматуллина К.Р. Аксиология в журналистике: пересекающиеся измерения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология, востоковедение, журналистика. 2008. Вып. 1. С. 140–146.
- НИК1 – Донская Т.К. Речь как отражение этического и эстетического в личности // Наука. Искусство. Культура. 2012. Вып. 1. С. 72–82.

- НИК2 – Литвинова М.В. Массовый праздник как полифункциональное явление Наука. Искусство. Культура. 2013. Вып. 2. С. 5–12.
- НИК3 – Римская О.Н. Кризис личностной идентичности в постсовременной культуре // Наука. Искусство. Культура. 2014. Вып. 3. С. 25–33.
- НИК4 – Сагатовский В.Н. Аксиология творчества // Наука. Искусство. Культура. 2012. Вып. 1. С. 58–63.
- НИК5 – Цуканов Е.А. Не позволяйте обществу скакать, или Зачем террористам дискурс // Наука. Искусство. Культура. 2014. Вып. 3. С. 108–114.
- НПЖ1 – Реан А.А. Семья риска. Дети. Общество // Национальный психологический журнал. 2007. № 2. С. 40–43.
- НПЖ2 – Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Культура и патология: побочные эффекты социализации // Национальный психологический журнал. 2006. № 1. С. 20–27.
- НПЖ3 – Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Мотивация террориста // Национальный психологический журнал. 2007. № 1 (2). С. 27–32.
- НПЖ4 – Шмидт В.Р. Противостоят ли культура и психология социальному давлению? // Национальный психологический журнал. 2007. № 2. С. 52–56.
- СА1 – Бубнов Ю.М. Коррупция как социальная болезнь // Социологический альманах. 2011. Вып. 2. С. 138–149.
- СА2 – Кройтор С.Н. Инновационное развитие образования в условиях глобализирующегося мира: состояние, проблемы, перспективы // Социологический альманах. 2013. Вып. 4. С. 313–321.
- СА3 – Русецкая В.И. Роль средств массовой информации в формировании общественной нравственности // Социологический альманах. 2013. Вып. 4. С. 482–487.
- СА4 – Рысюкевич Н.С. Формирование спортивных лидеров: социологические матрицы // Социологический альманах. 2013. Вып. 4. С. 477–488.
- СА5 – Хурс М.Н. Ученые степени и звания в контексте совершенствования механизма мотивации научной деятельности // Социологический альманах. 2010. Вып. 1. С. 210–216.
- СА6 – Саенко Ю.И. Рациональность социальных понятий // Социологический альманах. 2014. Вып. 5. С. 88–102.
- ФН1 – Вещикова И.А. Об особенностях функционирования разговорных (компрессированных) вариантов произношения в публичной речи // Филологические науки. 2008. № 2. С. 12–20.
- ФН2 – Изотов А.И. Филологическое знание: проблема степени верифицируемости // Филологические науки. 2016. № 1. С. 3–8.

Примечания

¹ См., например: Ощепкова Н.А. Стратегии и тактики в аргументативном дискурсе: прагматический анализ убедительности рассуждения: на материале политических дебатов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004. 18 с.; Гусева О.А. Риторико-аргументативные характеристики политического дискурса: на материале президентских обращений к нации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калуга, 2006. 17 с.; Пригарина Н.К. Аргументация судебной защитительной речи: риторическая модель : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2010. 399 л.; Тертышный А.А. Ценностно-познавательные характеристики воздействующего публицистического текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1993. 38 с.; Минаков В.Н. Дискурсивный потенциал аргументации в немецкоязычном научном тексте : дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 172 л.

² Термин А.П. Алексеева, введенный для разграничения собственно «аргументационной конструкции» и других компонентов дискурса, применяемых для риторической (эмоциональной) поддержки аргументации [30. С. 36].

Список литературы

1. Eemeren F.H. van, Garssen B., Krabbe E.C.W., Snoeck Henkemans A.F., Verheij B., Wagemans J.H.M. Argumentation theory // Handbook of argumentation theory. Dordrecht : Springer, 2014. P. 1–50.
2. Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Когнитивные науки. От познания к действию. М. : Едиториал УРСС, 2005. 182 с.
3. Савчук Т.Н. Аргументация в русско- и белорусскоязычном научно-гуманитарном дискурсе. Минск : Изд. центр Белорус. гос. ун-та, 2018. 279 с.
4. Perelman C., Olbrechts-Tyteca L. The new rhetoric : a treatise on argumentation Notre Dame : University of Notre Dame Press, 1969. 566 p.
5. Perelman C. The new rhetoric and the humanities : essays on rhetoric and its application. Dordrecht : D. Reidel Publ. Co, 1979. 180 p.
6. Toulmin S.E. The uses of argument. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 262 p.
7. Брутян Г.А. Очерк теории аргументации. Ереван : Изд-во Академии наук Армении, 1992. 302 с.
8. Eemeren F.H. van. The state of the art in argumentation theory // Crucial concepts in argumentation theory / ed. F. H. van Eemeren. Amsterdam : Amsterdam University Press, 2001. P. 11–26.
9. Eemeren F.H. van., Houtlosser P. Rhetorical analysis within a pragma-dialectical framework // Argumentation. 2000. Vol. 14, № 3. P. 293–305.
10. Куликова О.В. Лингвопрагматические основания теории аргументации: на материале английского языка : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 367 с.
11. Jovićić T. The effectiveness of argumentative strategies // Argumentation. 2006. Vol. 20, № 1. P. 29–58.
12. Weigand E. Argumentation: the mixed game // Argumentation. 2006. Vol. 20, № 1. P. 59–87.
13. Nettel A.L., Roque G. Persuasive argumentation versus manipulation // Argumentation. 2012. Vol. 26, № 1. P. 55–69.
14. O’Keefe, D.J. Conviction, persuasion, and argumentation: untangling the ends and means of influence // Argumentation. 2012. Vol. 26, № 1. P. 19–32.
15. Савчук Т.Н. Актуальные задачи исследования научно-гуманитарного дискурса в аспекте аргументологии // Профессиональная коммуникативная личность в институциональных дискурсах : тезисы докладов междунар. круглого стола, Минск, 22–23 марта 2018 г. Минск, 2018. С. 84–87.
16. Савчук Т.Н. Аргументация в дискурсе гуманитарных наук (на материале русско- и белорусскоязычных текстов) : дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 2019. 343 с.

17. Старостин Б.А. Наука в многомерном пространстве ценностей // Наукоеведение. 2001. № 3. С. 136–165.
18. Микешина Л.А. Современная эпистемология гуманитарного знания: междисциплинарные синтезы. М. : РОССПЭН, 2016. 463 с.
19. Савчук Т. Проблема обоснования ценностей в гуманитаристике: когнитивно-прагматический подход // *Respectus Philologicus*. 2017. № 31 (36). С. 59–69.
20. Балли Ш. Французская стилистика : пер. с фр.; под ред. Е. Г. Эткинда. М. : Изд. иностр. лит., 1961. 394 с.
21. Rescher N. The role of rhetoric in rational argumentation // *Argumentation*. 1998. Vol. 12, № 2. P. 315–323.
22. Волков А.А. Теория риторической аргументации. 2-е изд., испр. и доп. М. : Добросвет : КДУ, 2013. 373 с.
23. Маслова В.А. Параметры экспрессивности текста // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности / отв. ред. В.Н. Телия. М. : Наука, 1991. С. 179–204.
24. Walton D. Deceptive arguments containing persuasive language and persuasive definitions // *Argumentation*. 2005. Vol. 19, № 2. P. 159–186.
25. Арутюнова Н.Д. Об объекте общей оценки // Вопросы языкознания. 1985. № 3. С. 13–24.
26. Еемерен Ф.Х. ван., Гроотендорст Р. Аргументация, коммуникация и ошибки : пер. с англ. СПб. : Васильевский остров, 1992. 208 с.
27. Радбиль Т.Б. Прагматические механизмы языкового манипулирования сознанием в современной русской речи // Русистика и современность : сборник научных работ 18-й Междунар. науч. конф. Рига : Балтийская международная академия, 2016. С. 428–435.
28. Радбиль Т.Б. Метаязыковой комментарий как средство манипуляции адресатом // Логический анализ языка. Адресация дискурса : сб. ст. М. : Индрик, 2012. С. 411–423.
29. Радбиль Т.Б. Метаязыковые показатели со значением истинности в речевых стратегиях *de re* // Логический анализ языка: информационная структура текстов разных жанров и эпох : сб. ст. М. : Гнозис, 2014. С. 137–148.
30. Алексеев А.П. Философский текст: идеи, аргументация, образы. М. : Прогресс-Традиция, 2006. 328 с.
31. Лассан Э.Р. Существует ли риторика научного дискурса? // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты / под ред. Г.Я. Соляника, Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой. М. : Флинта ; Наука, 2014. С. 233–240.
32. Автономова Н.С. Заметки о философском языке: традиции, проблемы, перспективы // Вопросы философии. 1999. № 1. С. 13–28.
33. Ross D., Rossen-Knill D. Features of written argument // *Argumentation*. 2016. Vol. 30, № 2. P. 181–205.
34. Хаззагеров Г.Г. Обесмысливание научного дискурса как объективный процесс // Социологический журнал. 2010. № 2. С. 5–21.

References

1. Eemeren, F.H. van et al. (2014) *Argumentation Theory*. In: *Handbook of Argumentation Theory*. Dordrecht: Springer. pp. 1–50.
2. Baksanskij, O.E. & Kucher, E.N. (2005) *Kognitivnye nauki. Ot poznaniya k deystviyu* [Cognitive Sciences. From Cognition to Action]. Moscow: Editorial URSS.
3. Savtchouk, T.N. (2018) *Argumentatsiya v russko- i belorusskoyazychnom nauchno-gumanitarnom diskurse* [Argumentation in the Russian and Belarusian Language Scientific and Humanitarian Discourse]. Minsk: Belarusian State University.
4. Perelman, C. & Olbrechts-Tyteca, L. (1969) *The New Rhetoric: a Treatise on Argumentation*. Notre Dame: University of Notre Dame Press.
5. Perelman, C. (1979) *The New Rhetoric and the Humanities: Essays on Rhetoric and its Application*. Dordrecht: D. Reidel Publ. Co.
6. Toulmin, S.E. (2003) *The Uses of Argument*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Brutyan, G.A. (1992) *Ocherk teorii argumentatsii* [Outline of the Theory of Argumentation]. Erevan: Armenian Academy of Sciences.
8. Eemeren, F.H. van. (2001) The State of the Art in Argumentation Theory. In: *Crucial Concepts in Argumentation Theory*. Amsterdam: Amsterdam University Press. pp. 11–26.
9. Eemeren, F.H. van. & Houtlosser, P. (2000) Rhetorical Analysis within a Pragma-Dialectical Framework. *Argumentation*. 14 (3). pp. 293–305.
10. Kulikova, O.V. (2011) *Lingvopragmaticheskie osnovaniya teorii argumentatsii: na materiale angliyskogo yazyka* [Linguopragmatic Foundations of the Argumentation Theory: on the Material of the English Language]. Philology Dr. Diss. Moscow.
11. Jovičič, T. (2006) The Effectiveness of Argumentative Strategies. *Argumentation*. 20 (1). pp. 29–58.
12. Weigand, E. (2006) Argumentation: the Mixed Game. *Argumentation*. 20 (1). pp. 59–87.
13. Nettel, A.L. & Roque, G. (2012) Persuasive Argumentation versus Manipulation. *Argumentation*. 26 (1). pp. 55–69.
14. O’Keefe, D.J. (2012) Conviction, Persuasion, and Argumentation: Untangling the Ends and Means of Influence. *Argumentation*. 26 (1). pp. 19–32.
15. Savtchouk, T.N. (2018) [Topical Tasks of Research of Scientific and Humanitarian Discourse in the Aspect of Argumentology]. In: *Professional'naya kommunikativnaya lichnost' v institucional'nykh diskursakh* [Professional Communicative Personality in Institutional Discourses]. Abstracts of the International Round Table. Minsk. 22–23 March 2018. Minsk: BSU. pp. 84–87. (In Russian).
16. Savtchouk, T.N. (2019) *Argumentatsiya v diskurse humanitarnykh nauk (na materiale russko- i belorusskoyazychnykh tekstov)* [Argumentation in the Discourse of the Humanities (on the Material of Russian- and Belarusian-language Texts)]. Philology Dr. Diss. Minsk.
17. Starostin, B.A. (2001) Nauka v mnogomernom prostranstve tsennostey [Science in a Multidimensional Space of Values]. *Naukovedenie*. 3. pp. 136–165.
18. Mikeschina, L.A. (2016) *Sovremennaya epistemologiya humanitarnogo znaniya: mezhdisciplinarnye sintezy* [Modern Epistemology of Humanitarian Knowledge: Interdisciplinary Syntheses]. Moscow: Rosspen.
19. Savtchouk, T. (2017) *Problema obosnovaniya tsennostey v humanitaristike: kognitivno-pragmaticheskiy podhod* [The Problem of Justifying Values in the Humanities: A Cognitive-pragmatic Approach] *Respectus Philologicus*. 31 (36). pp. 59–69.
20. Bally, Ch. (1961) *Frantsuzskaya stilistika* [French Stylistics]. Translated from French. Moscow: Izd. inostr. lit.
21. Rescher, N. (1998) The Role of Rhetoric in Rational Argumentation. *Argumentation*. 12 (2). pp. 315–323.
22. Volkov, A.A. (2013) *Teoriya ritoricheskoy argumentatsii* [Theory of Rhetorical Argumentation]. 2nd ed. Moscow: Dobrosvet, KDU.
23. Maslova, V.A. (1991) *Parametry ekspressivnosti teksta* [Expressiveness Parameters of the Text]. In: *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti* [The Human Factor in the Language. Language Mechanisms of Expressivity]. Moscow: Nauka. pp. 179–204.
24. Walton, D. (2005) Deceptive Arguments Containing Persuasive Language and Persuasive Definitions. *Argumentation*. 19 (2). pp. 159–186.
25. Arutyunova, N.D. (1985) Ob ob'ekte obshchey otsenki [About the Object of General Assessment]. *Voprosy yazykoznaviya*. 3. pp. 13–24.
26. Eemeren, F.H. van. & Grootendorst, R. (1992) *Argumentatsiya, kommunikatsiya i oshibki* [Argumentation, Communication, and Fallacies]. Translated from English. Sankt-Peterburg: Vasil'evskiy ostrov.
27. Radbil', T.B. (2016) [Pragmatic Mechanisms of Linguistic Manipulation of Consciousness in Modern Russian Speech]. *Rusistika i sovremennost'* [Russian Studies and Modernity]. Proceedings of the 18th International Conference. Riga: Baltic International Academy. pp. 428–435. (In Russian).
28. Radbil', T.B. (2012) *Metazykovoy kommentariy kak sredstvo manipulyatsii adresatom* [Metalanguage Commentary as a Means of Manipulating the Addressee]. In: *Logicheskiy analiz yazyka. Adresatsiya diskursa* [Logical Analysis of Language. Discourse Addressing]. Moscow: Indrik. pp. 411–423.
29. Radbil', T.B. (2014) *Metazykovye pokazateli so znacheniem istinnosti v rechevykh strategiakh de re* [Metalanguage Indicators with the Value of Truth in Speech Strategies *de re*]. In: *Logicheskiy analiz yazyka: informatsionnaya struktura tekstov raznykh zhanrov i epok* [Logical Analysis of Language: Information Structure of Texts of Different Genres and Eras]. Moscow: Gnozis. pp. 137–148.

30. Alekseev, A.P. (2006) *Filosofskiy tekst: idei, argumentatsiya, obrazy* [Philosophical Text: Ideas, Argumentation, Images]. Moscow: Progress-Traditsiya.
31. Lissan, E.R. (2014) *Sushchestvuet li ritorika nauchnogo diskursa?* [Is There a Rhetoric of Scientific Discourse?]. In: *Diskurs i stil': teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Discourse and Style: Theoretical and Applied Aspects]. Moscow: Flinta Nauka. pp. 233–240.
32. Avtonomova, N.S. (1999) *Zametki o filosofskom yazyke: traditsii, problemy, perspektivy* [Notes on the Philosophical Language: Traditions, Problems, Perspectives]. *Voprosy filosofii*. 1. pp. 13–28.
33. Ross, D. & Rossen-Knill, D. (2016) Features of Written Argument. *Argumentation*. 30 (2). pp. 181–205.
34. Khazagerov, G.G. (2010) Obessmyslivanie nauchnogo diskursa kak ob"ektivnyy protsess [Making Scientific Discourse Meaningless as an Objective Process]. *Sotsiologicheskij zhurnal*. 2. pp. 5–21.

Информация об авторе:

Савчук Т.Н. – д-р филол. наук, профессор кафедры прикладной лингвистики Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь). E-mail: tatyana.s77@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.N. Savtchouk, Dr. Sci. (Philology), professor, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus). E-mail: tatyana.s77@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.02.2021;
одобрена после рецензирования 02.03.2022; принята к публикации 20.05.2022.*

*The article was submitted 05.02.2021;
approved after reviewing 02.03.2022; accepted for publication 20.05.2022.*

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 1(091)
doi: 10.17223/15617793/478/5

Ф.М. Достоевский в позднем творчестве М.М. Бахтина

Владимир Станиславович Маковцев^{1, 2, 3}

¹ Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова Минздрава России, Москва, Россия

² Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова, Москва, Россия

³ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

^{1, 2, 3} vl.makovtsev@gmail.com

Аннотация. Намечена концептуализация позднего творчества М.М. Бахтина, существенным моментом которого является определенное отношение русского философа к творчеству Ф.М. Достоевского и к литературе как особой части культуры. Философия М.М. Бахтина понимается как философия литературы, граничащая с философской антропологией. Используя в качестве материала работы Бахтина, а также ряд исследований, посвященных творчеству русского философа, намечается реконструкция онтологического основания художественной литературы, в центре которого лежит понятие гротеска, разработанное Бахтиным в книге, посвященной Ф. Рабле.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, Ф.М. Достоевский, русская философия, диалог, карнавал, гротеск

Для цитирования: Маковцев В.С. Ф.М. Достоевский в позднем творчестве М.М. Бахтина // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 44–49. doi: 10.17223/15617793/478/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/5

Fyodor Dostoevsky in the late works of Mikhail Bakhtin

Vladimir S. Makovtsev^{1, 2, 3}

¹ Sechenov University, Moscow, Russian Federation

² Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russian Federation

³ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

^{1, 2, 3} vl.makovtsev@gmail.com

Abstract. The author aims to outline the conceptualization of Mikhail Bakhtin's late works. Their essential moment is Bakhtin's specific attitude to works by Fyodor Dostoevsky and to literature as a special part of culture. In this connection, the author understands Bakhtin's philosophy as a philosophy of literature bordering on philosophical anthropology. In the article, using Bakhtin's writings, as well as a number of studies on his works, as material, the author intends to reconstruct the ontological basis of fiction, in the center of which lies the concept of grotesque Bakhtin developed in his book dedicated to François Rabelais. Despite the huge amount of literature on Bakhtin's oeuvre, there are no studies on his later works as a separate research space. This applies both to the corpus of texts, since part of the Bakhtin archive has not yet been published and lies in the manuscripts department of the Russian State Library, and to attempts to show the philosophical significance of Bakhtin's late writings by conceptualizing them and bringing them together into a separate intellectual phenomenon. The article attempts to analyze Bakhtin's later works through the prism of his attitude to Dostoevsky's works. The name of Bakhtin is not just associated with the name of Dostoevsky. The Russian philosopher revealed the ontology of Dostoevsky's works, and, since for Bakhtin Dostoevsky's works are the pinnacle of the development of literature, through Dostoevsky's works Bakhtin unfolds literature in its highest manifestation for us. The author substantiates the thesis that the understanding of Bakhtin's late works is based on the ontologization of grotesque, which Bakhtin himself indicates indirectly, not explicitly. The author also shows that Bakhtin sees literature, the subject matter of his research, as a purpose, as a special part of culture that reflects the ultimate embodiment of the human principle, and not an example in his theoretical constructions. Bakhtin's attitude to Dostoevsky is primarily reflected in his book about Dostoevsky in two editions. However, it would be wrong to reduce this attitude only to this book. In a broad sense, all of Bakhtin's philosophical works can be reduced to a certain hermeneutics of Dostoevsky due to the presence of a close and organic connection between concepts and ideas in Bakhtin's works, as well as the fact that Dostoevsky for Bakhtin is a key figure in his philosophical legacy. However, in the present article, based on a late interview, the author of the article reconstructs Bakhtin's thoughts about Dostoevsky that outline, among other things, an important topic in the field of Bakhtin's hermeneutics – the role of Dostoevsky's reader.

Keywords: Mikhail Bakhtin, Fyodor Dostoevsky, Russian philosophy, dialogue, carnival, grotesque

For citation: Makovtsev, V.S. (2022) Fyodor Dostoevsky in the late works of Mikhail Bakhtin. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 44–49. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/5

1960-е гг. в Советском Союзе – время новых горизонтов, ожиданий, новых имен в литературе, искусстве, кино. Это время реабилитаций, возвращений из архипелагов «мертвых домов», казалось бы, уже смирившихся с участью кануть в небытие. В это время начала оттепели группа московских филологов в лице Сергея Бочарова, Георгия Гачева и Вадима Кожинова, работавших в отделе теоретических проблем Института мировой литературы, и Владимира Турбина, преподававшего на филологическом факультете МГУ, познакомились с книгой «Проблемы творчества Достоевского» М.М. Бахтина, изданной еще в 1929 г. Книга произвела сильное впечатление и желание найти ее автора, в то время являвшегося провинциальным преподавателем на кафедре литературы. Молодые филологи фактически достали Бахтина, по утверждению С.Г. Бочарова, «из полной безвестности и почти что из литературного и научного небытия» [1. С. 6] и спустя несколько лет приняли активное участие в переиздании книги о Достоевском, а в дальнейшем – и о переезде Бахтина в Москву. Стоит отметить, что само изучение и обращение к Достоевскому до 1960-х гг. если и не было негласно запрещено, то не имело широкой популярности в кругу официальной культуры. Можно согласиться с Ю.В. Пушаевым, что «несмотря на ограничения, речь о полном запрете или неиздании произведений Достоевского никогда не шла, в том числе и в сталинские годы» [2. С. 102], тем не менее, влияние его и распространенность до 1960-х были явно слабее. В связи с этим будет не очень скромно сказать, что возвращение Бахтина в большое интеллектуальное пространство совпало и с нарастанием интереса к Достоевскому. Вопрос, что из этого причина, а что следствие, по нашему мнению, является открытым.

Творчество Бахтина, конечно, не было запрещено, однако он находился в убежденной невозможности издать свои работы. В разговорах с В.Д. Дувакиным, Бахтин признавался, что издавать повторно книгу о Достоевском он «не собирался и не думал его публиковать» [3. С. 218], считая, что это невозможно, равно как публиковать книгу о Рабле. Но при активном участии указанных выше филологов, и прежде всего В. Кожинова, 18 июня 1962 г. между М.М. Бахтиным и издательством «Советский писатель» был заключен договор на издание «Проблемы поэтики Достоевского» [4], и с этого момента Бахтин вновь вошел в «большое время», связав свое имя с именем Достоевского. И не как литературовед, но философ, предметом мышления которого является литература, поскольку, как отмечают многие исследователи, «удовлетворительное целостное художественных текстов и авторов никогда не было главной задачей Бахтина» [5. С. 6]. Литература была для него предметом мышления, философского мышления по преимуществу,

при этом не подменяя философию литературой, не прячась за ней, боясь выразить напрямую философские взгляды. Бахтин – это философ литературы, и книга о Достоевском является тому ярким свидетельством. Но еще точнее – отношение Бахтина к Достоевскому, не ограничивающееся только упомянутой книгой.

Второе издание книги о Достоевском – это не все, что было сказано Бахтиным о Достоевском в поздний период творчества. Отметим также, что книга о Достоевском в двух редакциях – это только внешнее выражение идеи Бахтина о Достоевском. Разбивая же содержание книги на ключевые идеи, мы сталкиваемся с тем обстоятельством, что отголоски этих идей мы обнаруживаем во всем творчестве Бахтина. В этом одно из существенных своеобразий философского творчества Бахтина: в нем нет линейности и строгой последовательности идей, его мысль постоянно вращается вокруг одних и тех же проблем, идеи наслаиваются друг на друга, образуя своеобразный интеллектуальный полифонический рисунок. Прежде всего, через творчество Достоевского Бахтин разворачивает философию диалога, осмысляя последнее в качестве конституирующего начала бытия человека, личности. Однако только диалогом влияние Достоевского на философскую мысль Бахтина не ограничивается.

Так, скажем, творчество Достоевского рассматривается и в контексте истории жанров – одной из ключевых тем Бахтина. Заявляя, что творчество Бахтина философское по преимуществу, мы должны были бы обозначить связь, раскрывающую философское содержание жанра. Однако об этой связи Бахтин говорит прямо: «Теория жанров, как наука историко-систематизирующая, должна опираться на философию поэтических родов и жанров. Но такой философии, которая удовлетворяла бы требованиям марксизма-ленинизма и современному состоянию литературной науки, всему накопленному ею богатству исторического материала, у нас, к сожалению, нет. Гегелевская философия жанров удовлетворить нас не может, не только по причине ее идеализма, но и вследствие ограниченности и устарелости того исторического материала, на который она опиралась. В настоящее время в нашем изучении природы жанров мы лишены разработанной и солидной философской опоры» [6. С. 608]. При этом, говоря о романе как о жанре, М.М. Бахтин подчеркивает его принципиальную незавершенность: «...роман – единственный становящийся и еще не готовый жанр» [6. С. 608]. Незавершенность же, понимаемая онтологически, это характеристика и творчества Достоевского: «Достоевский не признавал никакого завершения. Если некоторые его романы (например, “Преступление и наказание”) как будто бы завершены, то это попросту формальное литературное завершение.

А вот “Братья Карамазовы” не завершены никак, все здесь остается открытым, все проблемы остаются проблемами, и никакого намека на определенное решение нет» [7. С. 458]. Бахтин смотрит на Достоевского в контексте развития романного жанра, при этом, поясняя специфику последнего, он говорит о его несформированности, и творчество Достоевского в этом контексте является вершиной, характеризующей романский жанр. Мир Достоевского динамичен, полифоничен, фигурируют даже не герои, но идеи, переплетающиеся между собой, рисующие свой неповторимый художественный рисунок. Достоевский не дает ответы на вопросы, но ставит героя, а равно и читателя в ситуацию поиска ответа, т.е. событие его художественной прозы – это событие вопрошания, и в рамках такого романа дать ответ со стороны автора не представляется возможным.

Говоря же о Достоевском в этом периоде в творчестве Бахтина, прежде всего речь идет о втором издании книги с дополнениями и изменениями, которые ни столько меняют все содержание текста, сколько более его проясняют, углубляют, давая более четкое понимание ключевых идей текста. Однако Н.К. Бонеецкая, сопоставляя два издания книги, полагает, что в двух книгах «присутствуют две принципиально различные концепции диалога» [8. С. 523]. Диалог, конечно, – одна из ключевых тем Бахтина, однако нужно понимать, что идей Бахтина не существуют изолированно, но, находясь в движении, образуют внутреннюю полифоничность творчества Бахтина. Говоря о двух разных концепциях диалога, Бонеецкая фактически говорит о некоторой линейности концепции Бахтина. Она дает нам понять, что во втором издании понятие диалога разворачивается через слияние с понятием карнавала, которое Бахтин разработал после завершения первого издания книги о Достоевском. Станным образом Бонеецкая противопоставляет карнавал диалогу как антиподы, она отмечает, говоря о их слиянии во втором издании книги, у Бахтина появляется вариант «карнавализованного диалога».

Тем не менее это нельзя назвать слиянием или гибридизацией идей, как ставит этот вопрос Бонеецкая. Нам же важно указать наличие здесь органичного развития идеи Бахтина, в центре которой не концепт, но принцип, – принципиальная незавершенность, прослеживающаяся не протяжении всего творчества, или то, что мы можем условно обозначить «полифонической герменевтикой» Бахтина, поскольку ни одна из идей раннего творчества не отрицается в позднем, и напротив, ни одна из идей позднего творчества не противоречит и не преодолевает идеи раннего Бахтина.

Книга о Рабле содержит в себе не только концепцию карнавала, но и особое понимание гротеска, с осмысления чего и начинаются размышления Бахтина о Рабле и через последнего – о мировой культуре в целом. «Гротескный образ, – по мысли Бахтина, – характеризует явление в состоянии его изменения, незавершенной еще метаморфозы, в стадии смерти и рождения, роста и становления. Отношение ко времени, к смене, к становлению – необходимая конститу-

тивная черта всякого подлинного гротескного образа. Другая, связанная с этим, необходимая черта его – амбивалентность: в нем в той или иной форме даны (или намечены) оба полюса изменения – и старое и новое, и умирающее, и рождающееся, и начало и конец метаморфозы. Лежащее в основе этих форм отношение к времени, ощущение и осознание его на протяжении процесса развития этих форм, длившегося тысячелетия, конечно, существенно эволюционирует, изменяется» [9. С. 31].

Применимо ли такое понимание гротеска к понятию диалога и к творчеству Достоевского? Исходя из понимания Бахтиным Достоевского – вне всякого сомнения. Но что такое гротеск, если не понимать его в рамках узкого литературоведения? Введя понимание гротеска в онтологию, мы оказываемся в состоянии вечно динамичного бытия, при котором любая завершенность, нацеленность на «последнюю правду», на монолог оказываются невозможными. Не случайно в качестве эпиграфа к работе о Рабле 1940 г. Бахтин взял один из известных фрагментов Гераклита. Фрагмент взят Бахтиным без перевода и каких бы то ни было в дальнейшем пояснений – αἰὼν παῖς ἐστὶ παῖς ὢν, πᾶσιν ἑαυτὸν παῖδός ἢ βασιλῆϊ (век – дитя играющее, кости бросающее, дитя на престоле!) [досл. «Эон – ребенок, играющий в песенку, ребенку принадлежит царская власть»] [10. С. 242]). Один из известнейших фрагментов Гераклита имеет различное толкование: «...одни видели здесь мысль о переменчивости человеческой судьбы, другие – космогоническую игру бога-творца (“гераклитовского Зевса”), наконец, третьи пытались прочесть “зашифрованные” в метафоре фрагмента числовые значения для космического и жизненного циклов» [11. С. 312].

В контексте исследования Бахтина о Рабле, являющейся одной из ключевых работ Бахтина, отражающей его философию культуры, мы можем предположить в этом корень понимания Бахтиным развития мировой культуры в ее целом, отсутствие в ней рациональных элементов и подчиненность воли игре случая. Кроме того, ссылка на Гераклита, на первого мыслителя, уловившего вечную динамику мира, неспособного быть схваченным и зафиксированным в конкретных понятиях, лишний раз убеждает нас в верности мысли, что внутреннее единство философии Бахтина – это его принципиальная внутренняя незавершенность и ориентированность на вечную динамику идеи, мысли. Говоря о принципиальной незавершенности мысли, мы, конечно, имеем не логическую завершенность, внутренней присущей целостности мысли, но онтологическую. Кроме того, несмотря на наличие временной дистанции, отделяющей книгу о Достоевском от книги о Рабле, в творчестве самого Бахтина обе концепции складывались почти одновременно, что в свою очередь проблематизирует дифференциацию периодизации творчества Бахтина на концептуальном уровне.

Важно отметить, что Бонеецкая указала нам верное направление в понимании концептуального единства позднего творчества Бахтина, и именно книга о Достоевском с содержащимся в ней карнавальным нача-

лом, являющимся следствием гротескного реализма, является вершиной творчества Бахтина, отражающей все ключевые идеи Бахтина в их органическом единстве. Ключевое понятие, применимое ко всему творческому наследию Бахтина, к его ключевым концептам и идеям, это внутренняя незавершенность, – не логическая, как если бы речь шла о неоконченности, но едва ли не в том, которое мыслилось Гераклитом по отношению к бытию. Конечно, онтология Бахтина – это результат реконструкции, однако реконструкции не произвольной, но основанной на содержании наследия Бахтина и интуициях исследовавших его творчество. Бахтин мыслил себя философом. Однако, как отмечает Ли Хонг, один из современных исследователей, Бахтина «обычно изучают и анализируют исключительно в литературоведческом смысле» [12. С. 40], что, на наш взгляд, сильно обедняет и сужает общее понимание Бахтина как интеллектуального феномена, обращение к которому не только не потеряло актуальности, но продолжает вызывать к себе интерес. При этом, если учесть содержание статьи Ли Хонг, создается впечатление, что на Западе Бахтина только начинают открывать как философа, новаторство которого, по мысли автора, «в применении сложившихся философских идей к литературному анализу» [12. С. 41]. На наш взгляд, это несколько неверно, поскольку, как отмечено выше, литература для Бахтина – не предмет научного исследования, но пространство, вокруг которого разворачивается философская мысль о культуре, истории, человеке. Подобно тому, как у В. Дильтея «занятия литературой слишком явно обнаруживают гораздо более широкую, историко-культурную постановку вопросов» [13. С. 497], так и у Бахтина мы наблюдаем невозможность удержаться в сфере только литературоведческого анализа, но с постоянным выходом в сторону культурологии, философской антропологии, онтологии. Другое дело, что без прояснения общих философских интенций Бахтина понять его как целое не представляется возможным. Обратившись к позднему творчеству Бахтина, мы попытались показать его внутреннее онтологическое единство, разворачивающееся на материале творчества Достоевского. Конечно, Достоевский для Бахтина – это не пример, позволяющий ему показать и обосновать теоретические литературоведческие идеи, но сама цель, равно как цель и сама литература. Последняя мыслится поздним Бахтиным как «неотрывная часть целостности культуры, ее нельзя изучать вне целостного контекста культуры. Ее нельзя отрывать от остальной культуры и непосредственно (через голову культуры) соотносить с социально-экономическими и иными факторами. Эти факторы воздействуют на культуру в ее целом и только через нее и вместе с нею на литературу. Литературный процесс есть неотторжимая часть культурного процесса» [14. С. 399]. Понимаемая таким образом литература позволяет нам утверждать ее определенный онтологический статус, отражающий содержание одной из «главных интуиций в связи с Достоевским», а именно «для показа человека как такового, “вечного человека”, “человека в человеке”, лишенных своих “соци-

альных” и “культурных” оболочек» [8. С. 523–524], т.е. человека, поглощенным онтологией гротеска.

В архиве М.М. Бахтина, хранящемся в отделе рукописей РГБ, содержится множество материалов, касающихся работы Бахтина над вторым изданием, и большая часть из которых еще не опубликована, поэтому в строгом смысле в исследовательской литературе о Бахтине, в частности в его связи с Достоевским, еще рано ставить точку. Мы же ставим для себя задачу показать философское составляющее в этом отношении, и, поскольку речь идет о позднем творчестве Бахтина, фактически в этом усматриваем корень позднего периода творчества М.М. Бахтина. Понятие «позднего Бахтина» не имеет четкого осмысления в бахтиноведении, и едва ли кто-то сможет концептуализировать его таким образом, что оно могло бы отражать не только временной отрезок жизни и творчества философа, но качественно содержание по отношению к ключевым идеям Бахтина. Проблема усугубляется тем, что до сих пор нет единого понимания философского значения творчества Бахтина. Имеющиеся «позиции оказываются с ярко выраженным акцентом на тот или иной аспект философии Бахтина, что придает исследованиям их уникальность, но ставит под сомнение объективное достоинство самой философии Бахтина. Они не исчерпывают всех возможных представлений о философии Бахтина даже в отечественной литературе о Бахтине, однако наиболее ярко отражают образы философии Бахтина в отечественном интеллектуальном пространстве, а возможные иные точки зрения в той или иной степени будут скорее вариациями на заданную тему» [15. С. 160]. Создается впечатление, что этого единства понимания не может состояться в силу диалогической специфики философского творчества самого Бахтина, принципиально предполагающей разноголосие, полифоничное толкование.

Среди позднего наследия М.М. Бахтина, говоря о Достоевском, мы находим небольшое интервью польского журналиста Збигнева Подгужеца, взятое им у Бахтина в начале 1971 г. Текст интервью опубликован под названием «О полифоничности романов Достоевского». К слову сказать, журналист к тому времени уже провел интервью с Эрнстом Неизвестным о его иллюстрациях к «Преступлению и наказанию» и с Андреем Тарковским о фильмовых инсценировках произведений Достоевского, о чем сообщает Бахтину в своем письме [16]. Интервью состоит из 11 вопросов, заранее подготовленных журналистом. Отвечая на них, Бахтин фактически подытоживает свою мысль о Достоевском, которая в философском отношении является отражением всего творчества знаменитого русского философа. В этом интервью в сжатой форме, минуя теоретические построения, притязающие на академическую точность, Бахтин фиксирует и подытоживает свою мысль о Достоевском. Так, говоря об основной мысли Достоевского, о последних и предельных истинах, содержащихся в творчестве великого писателя, Бахтин подчеркивает невозможность постановки окончательного ответа. Сама логика диалога, которому оставался верен Бахтин, предполагает

невозможность поставить последнюю точку в решении вопросов. По Бахтину, в Достоевском воплощена мысль, что конец диалога равносителен гибели самого человечества. Что же касается ключевой мысли Достоевского, то и здесь Бахтин подчеркивает, что как таковой ее нет, – и все дело в их множестве, воплощенном в разных личностях. Но он может сказать в двух словах об основной мысли книги о Достоевском – это полифоничность Достоевского. Достоевский – это вершина, достигнутая в области понимания человеческой мысли. Бахтин убежден, что у Достоевского будущее впереди, по-настоящему он не вошел в жизнь людей, – сказано это было 50 лет назад, что, вероятно, вынуждает внимательно отнестись и в наше время к тому положению, которое занимает Достоевский в современном мире. В широких массах Достоевского мало знают, – подчеркивает Бахтин, отвечая на вопрос о необходимости экранизации его произведений, Бахтин говорит, что это может способствовать его популяризации. При этом Бахтин попадает в ловушку общих мест, говоря, что передать сущность его произведений невозможно. Но важно другое – убежденность Бахтина, что время Достоевского еще впереди.

Ключевая проблема невозможности понять Достоевского, с точки зрения Бахтина, заключается в догматичном подходе к его изучению, в том, что пытаются видеть в его работах не постановку вопросов, но их окончательное решение, – это очень удобно, но избавляет читателя от усилия брать на себя ответственность перед истиной. Вероятно, Бахтин говорит о том читателе Достоевского, который, входя в пространство диалогической паутины, становится не столько читателем или соавтором текста, но одним из героев его произведений. Это предположение становится вполне ясным, если мы учитываем специфику героя в творчестве Достоевского. Герой – «особая точка зрения на мир и на себя самого, как смысловая и оценивающая позиция человека по отношению к себе самому и по отношению к окружающей действительности. Достоевскому важно не то, чем его герой

является в мире, а прежде всего то, чем является для героя мир и чем является он сам для себя самого» [17. С. 56]. Герой, и равно как в нашем тезисе читатель, возможен там, где возможно конституирование мира и равно самого себя. К этому выводу Бахтин явным образом не приходит, он не формулирует это в качестве кредо читателя Достоевского, однако к этому приходит логика самого текста Бахтина. Читателю явным образом нет места в философии литературы Бахтина, но это явность – лишь кажущаяся, и, в конечном счете, сам Бахтин оказывается таковым читателем, репрезентирующим собой отношение читателя к тексту.

Кажется, чтение Достоевского менее всего вызывает чувство эмпатии, что фактически означало бы не просто отождествление, но слияние двух сознаний в одно, сознания читателя и героя. Мы не находим себя ни в образе Раскольникова, ни в образе Порфирия Петровича, ни в образе Свидригайлова и Лужина... Для Бахтина это невозможно. Но возможно понимание, разворачивающееся между двух сознаний как пространство, заполненное смыслом, имеющим своим истоком индивидуальное присутствие одного сознания в сознании с другим. Догматизм же, который препятствует пониманию Достоевского, препятствует пониманию вообще, – пониманию себя, другого, мира, событий и явлений в нем. Понимание возможно, когда проделано усилие над самим собой, а уж каков предмет этого понимания – творчество Достоевского или зимний пейзаж за окном, – не столь принципиально. В этом смысле, разворачивая диалог полифонического пространства и говоря о месте и роли Достоевского, Бахтин фактически подходит вплотную к ключевой проблеме философской антропологии и герменевтики, – проблеме понимания. В этом одна из ключевых существенных идей позднего Бахтина, – понимание как событие, оставляющее нас перед пространством развернувшейся вечности, вглядываясь в которую, мы всегда оказываемся перед риском услышать в зове этой вечности большее, чем она способна нам сказать.

Список источников

1. Бочаров С.Г. Событие бытия // Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным / Вступ. ст. С.Г. Бочарова и В.В. Радзишевского; закл. ст. В.В. Кожина. М.: Прогресс, 1996.
2. Пушав Ю.В. Советский Достоевский: Достоевский в советской культуре, идеологии и философии // Философский журнал – Philosophy Journal. 2020. Т. 13, № 4. С. 102–118.
3. Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным / вступ. ст. С.Г. Бочарова и В.В. Радзишевского; закл. ст. В.В. Кожина. М.: Прогресс, 1996.
4. Бахтин М.М. Издательский договор с Государственным издательством художественной литературы об издании книги «Франсуа Рабле». 1963 г. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 913. К. 4. Ед. 7.
5. Emerson C. The First Hundred Years of Mikhail Bakhtin. Princeton. Princeton University Press. 1997. 293 p.
6. Бахтин М.М. Роман как литературный жанр // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 3. М.: Языки славянской культуры, 2012.
7. Бахтин М.М. О полифоничности романов Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянских культур.
8. Бонцакая Н.К. К сопоставлению двух редакций книги М. Бахтина о Достоевском // Бонцакая Н.К. Бахтин глазами метафизика. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
9. Бахтин М.М. Франсуа Рабле в истории реализма (1940) // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 4 (1). М.: Языки славянских культур, 2008.
10. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М.: Наука, 1989.
11. Лебедев А.В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова. СПб.: Наука, 2014.
12. Li H. Bakhtin's Evolving Relationship with 19th Century Russian and Christian Philosophies on Unity and Individualism // Философский полилог. 2020. Вып. 2 (8). С. 40–47.
13. Михайлов А.В. Вильгельм Дильтей как литературовед и эстетик // Дильтей В. Собрание сочинений в 6 т. / под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. Т. 4: Герменевтика и теория литературы; пер. с нем. под ред. В.В. Библихина и Н.С. Плотникова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.

14. Бахтин М.М. Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М., 2002. Русские словари. Языки славянских культур.
15. Маковцев В.С. К вопросу о целостном образе философии Михаила Бахтина в отечественном бахтиноведении. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: философия. 2021. № 2 (40). С. 155–161.
16. Подгужец З. Письмо к Бахтину М.М. 11 декабря 1970. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 913. Ед. 12, К. 24.
17. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М., 2002. Русские словари. Языки славянских культур.

References

1. Bocharov, S.G. (1996) Sobytiye bytiya [The event of being]. In: Kolyshkina, N.I. (ed.) *Besedy V.D. Duvakina s M.M. Bakhtinym* [Conversations of V.D. Duvakin with M.M. Bakhtin]. Moscow: Progress.
2. Pushchaev, Yu.V. (2020) Sovetskiy Dostoevskiy: Dostoevskiy v sovetskoy kul'ture, ideologii i filosofii [The Soviet Dostoevsky: Dostoevsky in Soviet Culture, Ideology and Philosophy]. *Filosofskiy zhurnal – Philosophy Journal*. 13 (4). pp. 102–118.
3. Kolyshkina, N.I. (ed.) (1996) *Besedy V.D. Duvakina s M.M. Bakhtinym* [Conversations of V.D. Duvakin with M.M. Bakhtin]. Moscow: Progress.
4. Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 913. Box 4. Item 7. Bakhtin, M.M. (1963) *Izdatel'skiy dogovor s Gosudarstvennym izdatel'stvom khudozhestvennoy literatury ob izdanii knigi "Fransua Rable"*. 1963 g. [Publishing contract with the State Publishing House of Fiction on the publication of the book Francois Rabelais].
5. Emerson, C. (1997) *The First Hundred Years of Mikhail Bakhtin*. Princeton. Princeton University Press.
6. Bakhtin, M.M. (2012) Roman kak literaturnyy zhanr [Novel as a literary genre]. In: Bakhtin, M.M. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol. 3. Moscow: Yazyki slavyanskiy kul'tur.
7. Bakhtin, M.M. (2002) O polifonichnosti romanov Dostoevskogo [On the polyphony of Dostoevsky's novels]. In: Bakhtin, M.M. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol. 6. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskikh kul'tur.
8. Bonetskaya, N.K. (2016) K sopostavleniyu dvukh redaktsiy knigi M. Bakhtina o Dostoevskom [Comparison of two editions of M. Bakhtin's book on Dostoevsky]. In: Bonetskaya, N.K. *Bakhtin glazami metafizika* [Bakhtin through the eyes of a metaphysician]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
9. Bakhtin, M.M. (2008) Fransua Rable v istorii realizma (1940) [Francois Rabelais in the history of realism (1940)]. In: Bakhtin, M.M. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol. 4 (1). Moscow: Yazyki slavyanskiy kul'tur.
10. Lebedev, A.V. (1989) *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov* [Excerpts from early Greek philosophers]. Pt. 1. Moscow: Nauka.
11. Lebedev, A.V. (2014) *Logos Geraklita. Rekonstruktsiya mysli i slova* [The Logos of Heraclitus. Reconstruction of thought and word]. St. Petersburg: Nauka.
12. Li, H. (2020) Bakhtin's Evolving Relationship with 19th Century Russian and Christian Philosophies on Unity and Individualism. *Filosofskiy polilog*. 2 (8). pp. 40–47.
13. Mikhaylov, A.V. (2001) Vil'gel'm Dil'tey kak literaturoved i estetik [Wilhelm Dilthey as a literary critic and aesthetician]. In: Dilthey, W. *Sobranie sochineniy v 6 t.* [Collected works in 6 volumes]. Vol. 4. Translated from German. Moscow: Dom intellektual'noy knigi.
14. Bakhtin, M.M. (2002) Rabochie zapisi 60-kh – nachala 70-kh godov [Working notes of the 60s – early 70s]. In: Bakhtin, M.M. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol. 6. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskikh kul'tur.
15. Makovtsev, V.S. (2021) K voprosu o tselostnom obraze filosofii Mikhaila Bakhtina v otechestvennom bakhtinovedenii. [On the integral image of Mikhail Bakhtin's philosophy in Russian Bakhtin studies]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: filosofiya*. 2 (40). pp. 155–161.
16. Podguzhets, Z. (1970) Pis'mo k Bakhtinu M.M. 11 dekabrya 1970. [Letter to Mikhail Bakhtin. December 11, 1970]. Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 913. Box 24. Item 12.
17. Bakhtin, M.M. (2002) Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's Poetics]. In: Bakhtin, M.M. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol. 6. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskikh kul'tur.

Информация об авторе:

Маковцев В.С. – ассистент кафедры гуманитарных наук Института социальных наук Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова Минздрава России (Москва, Россия); преподаватель кафедры философии Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н.И. Пирогова (Москва, Россия); аспирант кафедры истории русской философии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: vl.makovtsev@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.S. Makovtsev, assistant, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); lecturer, Pirogov Russian National Research Medical University (Moscow, Russian Federation); postgraduate student, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: vl.makovtsev@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.01.2022;
одобрена после рецензирования 17.04.2022; принята к публикации 20.05.2022.

The article was submitted 24.01.2022;
approved after reviewing 17.04.2022; accepted for publication 20.05.2022.

Научная статья
УДК 17.036.24
doi: 10.17223/15617793/478/6

Теория счастья в XXI в.: в поисках социально-экономических оснований

Антон Владимирович Суховерхов¹, Светлана Алексеевна Калитко²

^{1, 2} Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, Краснодар, Россия

¹ sukhoverkhov.ksau@gmail.com

² kalitkosvetlana@mail.ru

Аннотация. Изучается современное переосмысление проблемы счастья в философии, экономике, социальной политике и архитектуре. Показано, что в XXI в. возрос интерес к внешним (социально-экономическим, экологическим и градостроительным) аспектам счастья. Такой подход назван экстерналистским и противопоставлен более ранним, интерналистским подходам, отстаивающим внутренние (мировоззренческие) основания счастья. Приводятся примеры эффективной социальной и экономической политики, направленной на формирование внешних условий для счастья. Сопоставляются теории счастья как душевного спокойствия и как стремления к мечте (самореализации).

Ключевые слова: теории счастья, экономика счастья, счастливая архитектура, утилитаризм, позитивное мышление, эвдемонизм

Для цитирования: Суховерхов А.В., Калитко С.А. Теория счастья в XXI веке: в поисках социально-экономических оснований // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 50–57. doi: 10.17223/15617793/478/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/6

The theory of happiness in the 21st century: In search of the socioeconomic foundations

Anton V. Sukhoverkhov¹, Svetlana A. Kalitko²

^{1, 2} Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russian Federation

¹ sukhoverkhov.ksau@gmail.com

² kalitkosvetlana@mail.ru

Abstract. The article considers the modern revision of the problem of happiness in philosophy, economics, social policy and architecture. It shows that in the 21st century interest has increased in studies of external socioeconomic, environmental and urban planning aspects of happiness. In the article, this view is called externalistic and is contrasted with the earlier internalistic approaches that searched for and developed the internal (mindset-dependent) foundations of happiness. Examples of effective social and economic policies aimed to design *external conditions* for social well-being and happiness are considered. In the context of modern socioeconomic research, relevant philosophical approaches to happiness and conditions for its achievement are revised. The article juxtaposes theories of happiness as peace of mind and happiness as the pursuit of a dream (self-realization). The second paradigm is actively popularized in the modern society and in business management; however, it gives rise to people's overestimated expectations from and impracticable requirements for themselves. The results of recent research in the field of "happiness economics" demonstrate that happiness has scaled up in recent years from a private task of an individual to a system task that needs to be solved by society and government. Happiness has become a criterion of political and economic efficiency, as well as a significant factor in the company's high productivity and popularity. The article shows that both external (economic, political, environmental) and internal (philosophical, psychological) factors of happiness are broadly used in modern economic "happiness management". Special attention in the research is paid to new investigations that reveal the dependence of happiness, as well as others human qualities (like altruism or egoism), on reasonably or unreasonably arranged design of the urban/rural environment. The article also stresses that, among Silicon Valley developers, millionaire entrepreneurs and founders of large companies in the United States, the ideas of Stoic philosophy have gained great popularity. This philosophy is used as an effective "operating system" in conditions of constant stress and as a "mental tool" to overcome the fear of death. Stoic ideas of "negative thinking" and "defensive pessimism" are given in the article as examples of such "antistress" methods. Finally, the article cites research that show unique cultures in the world in which happiness is not the highest social value. Such studies allow reconsidering the universality of the category of happiness as a common measure of social well-being.

Keywords: theories of happiness, economics of happiness, happy architecture, utilitarianism, positive thinking, eudemonism

For citation: Sukhoverkhov, A.V. & Kalitko, S.A. (2022) The theory of happiness in the 21st century: In search of the socioeconomic foundations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 50–57. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/6

Введение: открывая счастье заново

Исследование счастья и средств его достижения столетиями являлось задачей философии и позднее психологии. В философии оно рассматривалось в контексте ответа на один из основных вопросов философии – в чем смысл жизни? В XX в. произошел своеобразный бум «счастье-центристской» литературы и исследований. Во многом они воспроизводят философские обсуждения прошлого, предлагая новые применения теории счастья. В частности, в этот период разрабатываются теории «позитивного мышления», изучается роль счастья для улучшения бизнеса и создания продуктивного микроклимата в рабочих коллективах, издаются «помоги себе сам» книги, предлагающие разные стратегии достижения счастья [1–3].

В последние годы можно наблюдать значительные изменения в *теории и методологии* изучения счастья. Понимание и достижение счастья перешли из категории личностных и философско-психологической задач в сферу социально-экономических интересов, превратившись в один из показателей уровня жизни и критерия успешности общественного процесса и государственного/бизнес управления [4–6]. Помимо политэкономической сферы, переосмысление счастья происходит в архитектуре (планировке городов, ландшафтов, дизайне интерьера), проводятся междисциплинарные эмпирические исследования в области «архитектуры счастья» [7, 8].

Если мыслители прошлого стремились сделать счастье человека *независимым от внешних факторов*, то исследователи современности перенесли фокус научного интереса с *внутренних*, мировоззренческих оснований счастья, на *внешние* (социальные, экономические, экологические) факторы, естественным образом предопределяющие счастье человека. Например, исследования показали, что жители небольших городов счастливее, чем обитатели мегаполисов, люди с побережья океана счастливее тех, кто живет далеко от океана, а люди, проживающие в районах с постоянными ветрами, менее счастливы, чем люди из спокойных районов [7. С. 35]. В сфере бизнеса создание «среды счастья» стало одним из требований по организации рабочего пространства в компании и для работы с ее клиентами. Ведется подготовка специалистов по оценке и развитию уровня счастья сотрудников в организациях, опираясь, например, на исследования в области *эмоционального интеллекта* [9]. В частности, в Университете Беркли разработан онлайн-курс «Наука счастья на работе» (The Science of Happiness at Work) с получением соответствующего сертификата на платформе edX.

Такие подходы, направленные на выявление и обоснование внешних факторов счастья, могут быть

названы *экстерналистскими*, а теории, ставящие счастье в зависимость от мышления человека, его установок и оценочных суждений – *интерналистскими*. Цель статьи состоит в переосмыслении и сопоставлении традиционных теорий счастья с современными междисциплинарными и системными подходами, опирающимися на эмпирические исследования в этой области. На современном этапе развития общества счастье перестало быть только лишь личной и(или) *внутренней* проблемой человека и превратилось в общественную, социально-экономическую задачу. Поэтому рассмотрение новых, ранее не учитываемых внешних факторов (политических, экономических, экологических, географических, архитектурных и др.), создающих основания и предпосылки для счастья человека и общества, является задачей статьи.

Счастье как философская категория в контексте современности

Теория эвдемонизма (др.-греч. εὐδαιμονία – счастье, блаженство, процветание), согласно которой единственным или высшим человеческим благом является счастье, была сформулирована у истоков появления философии. Ранние традиции восточной философии, представленные, например, буддизмом и даосизмом, связывали счастье с душевным спокойствием и отсутствием привязанностей к вещам. В Древней Греции для обозначения данного состояния использовался, например, термин *атараксия* (др.-греч. ἀταραξία – невозмутимость, хладнокровие, спокойствие), описывающий состояние душевного спокойствия, безмятежности, достигаемой мудрецами. В греческой традиции счастье понималось не как материальное благополучие или успех, а как правильное состояние ума, разумное отношение к вещам, обретение самодостаточности (др.-греч. αὐτάρκεια) и умеренности желаний [10–12]. Поэтому, как отмечает Г. Страйкер, в эллинистическую эпоху основным критерием полезности философской системы стала способность направлять ее последователей к счастью [12].

В данной традиции одним из средств достижения счастья были практики *аскетизма*, которые противопоставляются *гедонизму* и культуре *потребительства*. В последние годы в связи с возрастающими экологическими проблемами и появлением концепции устойчивого развития происходит *экономическое* переосмысление данных теорий. В частности, во второй половине XX в. появилась концепция «буддийской экономики», в которой счастье и общественное благополучие предлагается достигать за счет скромности желаний и уменьшения потребления (ажитажного потребления), что позволяет уменьшить производственную нагрузку на природу [13, 14]. В этом же

направлении работают и различные экологические движения.

Ряд философских школ и общественных движений (например, эпикурейцы, хиппи, сторонники дауншифтинга) допускают «мягкий гедонизм», но сочетают его с отказом от потребительства и теории счастья как успеха (славы, популярности, богатства). Еще Эпикур утверждал, что счастлив тот, кто достиг состояния полной безмятежности (атараксии) посредством умеренности желаний [15, 16]. Разработав классификацию желаний, он отнес жажду богатства и славы к вздорным желаниям, делающим человека несчастным. Сходные попытки «подсчитать» и классифицировать основания счастья проводились в работах основателя утилитаризма И. Бентама и его последователей [17]. Бентам тоже рассматривал счастье основной целью человека/общества, главным критерием легитимности власти и даже разработал *Felicific calculus* – своеобразную систему расчетов качества и количества счастья [18, 19]. Современные теории государственного управления, направленные на улучшение общественного благополучия и разработку концепции «экономики счастья», во многом опираются именно на этику утилитаризма, поскольку в них разрабатываются методики количественного измерения удовольствий, определения баланса удовольствий и страданий, суммирования полезности и т.д. [17, С. 77]. Научные методики оценки качества жизни населения еще находятся в стадии разработки, но, как отмечает А. А. Головин, в России еще не так популярны субъективные (социально-психологические) методы измерения [20].

Интересными с точки зрения современности являются всесторонние исследования смысла жизни человека и его счастья, проводившиеся в эпоху Возрождения. В частности, Эразм Роттердамский в работе «Похвала глупости» (*Stultitiae Laus or Moriae*) считал, что не только счастье, но и физическое здоровье людей обеспечивает их глупость и легкое отношение к жизни. По его мнению, люди, наделенные большим умом, угрюмы, болезненны, имеют меньше друзей и социально менее успешны [21]. Мишель де Монтень, другой представитель эпохи Возрождения, также видел основания счастья в истинной дружбе (др.-греч. *φιλία*) и в правильной, позитивной философии. В XXVIII главе его «Опытов», он вспоминает Аристотеля, который говорил, что хорошие законодатели больше опираются на дружбу, чем справедливость [22]. Современные исследования показывают, что дружба и счастье на рабочем месте имеют важное значение для улучшения и поддержания долгосрочной производительности в любой организации благодаря возникающему между коллегами доверию и позитивному отношению к задачам, но при условии, что нет излишней эмоциональной перегруженности отношений [23, 24]. Другие исследования в этой области показали, что города с более высоким уровнем доверия и дружелюбия счастливее, чем города с большим экономическим благополучием, но с меньшим доверием к окружающим [25]. Ученый Джон Ф. Хеллиуэлл даже вывел такое соотношение: «...если бы на 10% больше людей считали, что рядом с ними

есть человек, на которого можно положиться в трудную минуту, это сильнее повлияло бы на национальный уровень удовлетворенности жизнью, чем повышение дохода каждого на 50%» [7, С. 38].

Важно упомянуть традиции объединения счастья, личного и общественного благополучия *с любовью*. В конфуцианстве, моизме, работах В.С. Соловьева, Б.П. Вышеславцева, И.А. Ильина, и других мыслителей мы можем встретить, что любовь, в широком смысле этого слова, должна быть смыслообразующим началом для человека, лежать в основе этических и правовых систем, быть основой общественной гармонии и движущей силой общественного прогресса [26, 27]. В современных социально-экономических исследованиях тема любви как источника счастья и фактора общественной организации/прогресса не так популярна. Она представлена больше в психологических или религиозных работах, хотя принцип человеколюбия, предложенный Конфуцием и другими мыслителями, играет важную роль в формировании гармоничного общества, являясь как основой государственного управления, так и основополагающим воспитательным принципом, повышающим уровень доверия и благополучия в обществе.

Таким образом, мы видим, что теории счастья и различные способы его достижения, предложенные в прошлом, до сих пор являются общезначимыми и воспроизводятся в современных исследованиях и повседневной практике. Тем не менее помимо старых добрых традиций счастья в последнее столетие мы можем видеть новую тенденцию в его понимании. Счастье все больше связывается с экономическим, профессиональным или личностным успехом. Останемся более подробно на этом вопросе.

Счастье как (профессиональная) самореализация

Спецификой теории счастья именно XX и XXI вв. можно считать отождествление счастья с социально-экономическими достижениями личности, с максимальной карьерной реализацией, возможностью воплощения мечты. Это, например, выразилось в многочисленных работах по позитивному мышлению и теориях «визуализации мечты» [6, 28, 29]. В этих теориях позитивность выражается не только в отношении к миру и себе, но и позитивном настрое к поставленным практическим задачам и целям. Счастье стало увязываться с продуктивностью работы на предприятии, рассматриваться важным условием привлечения и сохранения большего числа клиентов, т.е. превратилось в новый социально-экономический фактор, учитываемый при развитии компании [30].

Однако ученые отмечают, что культивация позитивного (не критического) мышления, создание в обществе и предприятиях различных внешних мотивационных стимулов, побуждающих людей стремиться к вершинам «карьерных лестниц» и материального благополучия, приводят не только к позитивным, но и к негативным для личности и общества последствиям [31]. Связано это с тем, что этот путь сопровождается компромиссами с собственными внутренними мотивами.

вами, откладыванием принятия решений о создании семьи, рождении детей, отдыхе, развитии способностей или занятии любимым хобби. Исследования показывают, что карьера-ориентированные люди часто бывают несчастны, так как не достигают желаемого результата или, ставя слишком амбициозные задачи, подрывают здоровье и ради успеха жертвуют общением с друзьями и близкими [31. С. 92]. Во многих случаях человек испытывает разочарование, внутреннюю пустоту и одиночество, потому что достигнутая цель часто не способствует формированию ощущения счастья. Также широко используемые в мотивационных речах известных людей утверждения, что «все возможно», «нужно верить в мечту», приводит к тому, что люди ставят перед собой невыполнимые задачи или упорствуют в деле, которое объективно не принесет пользу человеку или обществу. Поэтому в последние годы идет пересмотр *ориентированной на успех* теории счастья, критически оцениваются теории позитивного мышления, разработанные в XX в., а исследователи возвращаются к восточным и древнегреческим традициям счастья как душевного спокойствия [32–34].

На наш взгляд, одними из причин появления таких негативных последствий теории счастья, как самореализации и стремления к мечте, являются отсутствие подготовки молодежи к выбору профессионального пути – профессиональная ориентация осуществляется бессистемно, выбор профессии без учета способностей, желаний и потребностей, только исходя из прагматических расчетов. Поэтому человек, который планирует самореализоваться в профессиональной сфере, должен установить свои приоритеты на основе *выявленных задатков* и далее думать об условиях их развития, заниматься тем, что является для него «органичным» или получается лучше других. Это позволило бы ему максимально самореализоваться и как личности, и как профессионалу своего дела.

Нарpinomics: счастье как социально-экономический показатель

Как было отмечено выше, в последние годы счастье из частной философской и психологической задачи стало показателем макро-, микроэкономической и политической эффективности.

На сегодняшний день наиболее известными исследованиями, оценивающими показатели уровня счастья в мире, являются *Международный индекс счастья* (The Happy Planet Index), который проводится британским исследовательским центром «Фонд новой экономики» (New Economic Foundation), и *Всемирный доклад о счастье* (World Happiness Report), который проводит ООН. Данные исследования имеют разные критерии оценки и «подсчета» общественного благополучия.

Международный индекс счастья учитывает эффективность, с которой страны используют экономический рост и природные ресурсы для того, чтобы обеспечить своим гражданам счастливую жизнь. Индекс измеряет: 1) субъективные показатели удовлетворен-

ности жителей каждой страны, 2) ожидаемую продолжительность жизни граждан, 3) степень социального неравенства (inequality of outcomes) и 4) экологический след (ecological footprint) – насколько разумно используются природные ресурсы не нанося ущерб окружающей среде [35].

Всемирный доклад о счастье проводится в ООН *Сетью по поиску решений в сфере устойчивого развития* (United Nations Sustainable Development Solutions Network). В нем оцениваются множество параметров, в частности, реальный ВВП на душу населения, ожидаемая продолжительность жизни, социальная поддержка, свобода выбора, степень коррупции и др. [36]. Результаты данного доклада по уровню счастья в разных странах отличаются от предыдущего индекса. Если в Международном индексе счастья наиболее счастливыми признаны многие государства центральной Америки, то во Всемирном докладе о счастье на первое место выходят преимущественно Скандинавские страны (Финляндия, Норвегия, Дания и др.).

Приведенные доклады показали, что ВВП, как индекс общего благосостояния страны, не так совершенен, как казалось. Данные и другие исследования выявили, что рост ВВП и рост доходов населения не всегда делает людей в стране счастливее. Так, экономист Ричард Истерлин выявил, что когда в развитых странах доход человека достигает уровня среднедушевого дохода населения, последующее его увеличение практически не влияет на рост его уровня счастья [4]. Также исследования показывают, что в число стран, жители которых считают себя «счастливыми», входят не только развитые, но и развивающиеся государства, где уровень дохода на душу населения значительно ниже. Кроме того, не всегда существует корреляция между средним уровнем доходов в стране и средним уровнем счастья [4. С. 32].

Возможно, поэтому новое экономическое переосмысление категории счастья было произведено в Королевстве Бутан. В нем, в качестве альтернативы понятию «валовой национальный доход» (ВНД), было предложено понятие «валовое национальное счастье» (Gross National Happiness), как мерило уровня счастья и основной показатель развития в стране [37]. В 2012 г. премьер-министр этой страны Джигме Тинлей председательствовал на первом заседании ООН «Счастье и благополучие: определение новой экономической парадигмы». Практическая реализация ВНС в Королевстве Бутан осуществляется путем планирования экономики на ближайшие годы таким образом, чтобы поддерживать и не разрушать традиционные ценности – семью, культуру, природу, буддийскую религию. Так, Бутан провел реформы по ВНС, суть многих из которых заключается в обретении человеком большей свободы и комфорта, стремлении к окружающей чистоте и красоте, развитию страны в различных направлениях [37, 38].

Таким образом, современные социально-экономические исследования категории счастья позволили увидеть системную природу этого явления, выявили не только внутренние философские и психо-

логические (мировоззренческие) основания счастья, но и внешние (экономические, политические, экологические) факторы, естественным образом содействующие общим показателям счастья в стране. До сих пор не ясно, какие *объективные и субъективные* показатели рассматривать в качестве социально-экономических критериев счастья, но это не снижает значимость и перспективность дальнейших исследований в этой области.

«Счастливая архитектура» и «города счастья»

Помимо «экономики счастья» бурно развиваются исследования в сфере создания «счастливой архитектуры» и «счастливых городов» [7, 39, 40]. Испанский архитектор Луис де Гарридо, работающий в этом направлении, в своем интервью указывает на два фактора, обеспечивающие счастье человека – физическое здоровье и психологическая гармония. По его словам, именно их должна поддерживать правильная архитектура. Например, для обеспечения *физического здоровья* дома должны иметь естественное освещение, хорошую вентиляцию, быть сделаны из экологичных и дышащих материалов. Психологическая гармония жильцов может достигаться, помимо известных экологических факторов (расположение на природе) и подборке приятных цветов интерьера, еще технологической простотой и минимальным техническим обслуживанием здания. Это позволяет людям экономить время и силы на уходе за домом, уменьшает количество раздражающих факторов, связанных с его обслуживанием и поломками [41].

В книге «Счастливый город: как городское планирование меняет нашу жизнь» журналист и урбанист Ч. Монтгомери, объединяя междисциплинарные исследования из области социологии, психологии, неврологии, экономики и других наук, показывает, что улучшение городской среды влияет не только на счастье людей, но и даже повышает уровень альтруистичности, доброжелательности и снижает уровень преступности в городах. В качестве примера он приводит г. Богота (Колумбия), где мэр горда Э. Пеньялоса, за счет сокращения автомобильного транспорта в городе, развития пешеходных и велосипедных дорожек и создания зеленых насаждений, улучшил «микроклимат счастья» в городе и, предположительно, благодаря этим изменениям даже сократил уровень преступности [7. С. 249].

Ф.Э. Куо и В.С. Салливан на базе эмпирических исследований в г. Чикаго (США) показали взаимосвязь между большими зелеными районами города и низким уровнем преступности в них. По их мнению, это позволяет даже *прогнозировать* среднее число преступлений на основе количества зеленых зон в том или ином районе города. Исследователи отмечают, что в зеленых районах люди более доброжелательны, знают и доверяют соседям, больше времени проводят на свежем воздухе, во дворах [42].

Другим примером, показывающим прямую взаимосвязь между качеством организации городского пространства и уровнем счастья жителей, является г. Нью-

Йорк с его «давящей» архитектурой, дороговизной жизни, большой плотностью населения, нехваткой парковочных мест и парков. Социологические исследования ученых из Университета Британской Колумбии и Гарварда показали, что Нью-Йорк является самым несчастным городом Америки [43]. В то же время ученые пояснили, что город притягивает людей, несмотря на неблагоприятные условия, потому что люди часто готовы жертвовать счастьем ради большего материального благополучия. Такую философию можно объяснить тем, что людям часто не хватает простого тихого благополучия, им хочется быть на «беговой дорожке счастья», стремясь получить его в стремлении к новым горизонтам развития и успеха [44].

В противовес данным теориям необходимо отметить, что некоторые проекты, направленные на создание в городах большего жизненного пространства с большим количеством зеленых насаждений и парков, оказались не так популярны, как ожидалось. Так, Канберра, столица Австралии, которая была построена по проекту города-сада, не стала местом притяжения значительного количества людей. Слишком много пространства и отсутствие больших скоплений людей создает ощущения одиночества, экзистенциальной «заброшенности». Как не парадоксально, но людям нравится толпиться, находиться в пучине жизни.

Однако исследования показывают, что жители сельской местности, живущие ближе к природе, более счастливы, чем городские жители, а жители небольших городов более счастливые, чем жители мегаполисов [45, 46]. Вероятно, поэтому мы можем видеть устойчивое повторение в истории человечества (например, в социально-философских движениях киников, эпикурейцев, хиппи, зеленых анархистов, трудах Ж.-Ж. Руссо, искусстве сентиментализма и др.) идеи о том, что город (цивилизация) с его скоростью, консюмеризмом и рационализмом искажает истинную природу человека, делает беспокойным, и что счастье необходимо искать путем сближения с природой, естественностью и уходом от цивилизации [39, 47, 48].

Подводя итог данным исследованиям, необходимо вспомнить, что в «Никомаховой этике» Аристотель подчеркивал, что всякая добродетель есть золотая середина между двумя крайностями [49. С. 87]. Можно предположить, что градостроители, при создании «счастливых городов», тоже должны искать золотую середину между различными архитектурными и мировоззренческими крайностями. Тем не менее всегда будут существовать люди с разнонаправленными установками на счастье: одни стремятся больше к душевному спокойствию и гармонии в единении с природой, другие видят счастье в непрерывном стремлении к новому, в совершенствовании, в том, чтобы быть на передовой социального и технологического прогресса.

Заключение

Сопоставляя традиции понимания и средства достижения счастья прошлого и настоящего в представленном исследовании, выявлено, что современ-

ная тенденция является *экстерналистской*, направленной на обнаружение и улучшение *внешних* (экономических, социальных, природных) факторов счастья. Ранние философские традиции исходили больше из *интерналистского* подхода. Мудрецы ставили перед собой противоположную задачу – *освободиться от влияния внешних факторов* и развивать «счастье, идущее изнутри», независимое от внешних обстоятельств.

Тем не менее в ряде государств и компаний для повышения общего уровня счастья предлагается использовать философские и религиозные «интерналистские» традиции (например, буддизм) в повседневной и политико-экономической деятельности [50]. У разработчиков Кремневой долины, у предпринимателей-миллионеров и основателей крупных компаний в США большую популярность (помимо практик медитации) получили идеи стоиков, которые применяются для преодоления страха смерти и в качестве эффективной «операционной системы» в условиях постоянного стресса [51]. Кроме того, идеи стоиков используются в работах, посвященных «негативному мышлению» и «защитному пессимизму», а книга В.Б. Ирвина «Руководство к хорошей жизни: древнее искусство стоической радости» [52] была даже рекомендована венчурным фондом Y Combinator для чтения предпринимателям. Помимо роли «негативного мышления» для счастья, ученые отмечают существование культур и народов, у которых счастье не является высшим благом и критерием благополучия [53], что заставляет пере-

смотреть универсальность категории счастья как *всеобщего* мерила блага.

Подводя итог, необходимо сказать, что на современном этапе развития общества мы видим экономическую и политическую востребованность идей, связанных с проблемой смысла жизни человека и достижения общественного счастья. Проблема счастья приобрела системный (производственный, общегосударственный, межгосударственный) характер и увязывается с экономической эффективностью и сбалансированностью развития общества. В связи с этим необходим новый, плюралистический и системный подход в этой области, основанный на синтезе экстерналистских и интерналистских теорий счастья, создании междисциплинарных научно-исследовательских программ и учебных курсов, направленных на изучение системной природы счастья и ее взаимосвязи с общественным благополучием.

На основании научных результатов, полученных в этой области, государство могло бы формировать стратегию по повышению уровня счастья граждан с учетом текущего уровня развития науки и культуры, изменений требований рынка труда и усложнения мотивационной структуры индивидов. Более того, в 2020 г., впервые в России, в г. Зверево Ростовской области уже была введена должность советника главы администрации по целостному развитию благополучия и счастья горожан. Поэтому поставленная задача уже сейчас находит свое практическое применение в Российском обществе.

Список источников

1. Carnegie D. How to stop worrying and start living. New York: Simon & Schuster, 1948.
2. Peale N.V. The Power of Positive Thinking. 1952. Greenwich: Fawcett, 1990.
3. Carlson R. You can be happy no matter what: Five principles for keeping life in perspective. New World Library, 1992.
4. Лаврова Н.А. «Экономика счастья» // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 4. С. 31–35.
5. Швецов Ю.Г. Духовно-нравственная несостоятельность современной экономической теории // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2016. № 2 (34). 262–286.
6. Pryce-Jones J. Happiness at work: Maximizing your psychological capital for success. John Wiley & Sons, 2011.
7. Montgomery C. Happy city: Transforming our lives through urban design. Macmillan, 2013.
8. Petermans A., Nuyts E. Happiness in place and space: Exploring the contribution of architecture and interior architecture to happiness // Proceedings of the 10th international conference on design and emotion: Celebration & Contemplation. 2016. P. 114–122.
9. Druskat V.U., Steven B.W. Building the emotional intelligence of groups // Harvard business review. 2001. Vol. 79, № 3. P. 80–91.
10. Петрова Л.А. Взаимосвязь «Физики» и этики в философии Демокрита и Эпикура на примере понятия счастья // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. Т. 10, № 48. С. 120–122.
11. Дзема А.И. Античная формула счастья // Психическое и психологическое здоровье человека в XXI веке: правовые, политические, социально-экономические и гуманитарные аспекты. 2016. С. 49–52.
12. Striker G. Ataraxia: Happiness as tranquility // The Monist. 1990. Vol. 73, № 1. P. 97–110.
13. Puntasen A. Buddhist economics as a new paradigm towards happiness // Society and Economy. 2007. Vol. 29, № 2. P. 181–200.
14. Schumacher E.F. Small is beautiful: A study of economics as if people mattered. Random House, 2011.
15. Бровкин В.В. Концепция добродетели у Эпикура // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2012. Т. 6, № 2. С. 340–349.
16. Комарова Л.А. Пути достижения истинного счастья в философском учении Эпикура // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2012. № 146. С. 47–52.
17. Деменев А.Г. Этика и экономика счастья: новые подходы к старой проблеме // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 1. С. 74–82.
18. Шапиро Я. Моральные основания политики / Пер. с англ. Е. В. Малаховой // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3, № 1. С. 20–34.
19. Baujard A. A return to Bentham's felicific calculus: From moral welfarism to technical non-welfarism // The European Journal of the History of Economic Thought. 2009. Vol. 16, № 3. P. 431–453.
20. Головин А.А. Критический анализ методов измерения и мониторинга качества жизни населения // Управление. 2021. Т. 9, № 4. С. 30–42.
21. Desiderius Erasmus. In Praise of Folly. Courier Corporation, 2012.
22. Монтень М. Опыты: В 3 кн. М.: Наука, 1979.
23. Wesarat P., Sharif M.Y., Majid A.H.A. A conceptual framework of happiness at the workplace // Asian Social Science. 2014. Vol. 11, № 2. P. 78–88.

24. Methot J.R. et al. Are workplace friendships a mixed blessing? Exploring tradeoffs of multiplex relationships and their associations with job performance // *Personnel psychology*. 2016. Vol. 69, № 2. P. 311–355.
25. Helliwell J.F., Shun W. Trust and well-being // *National Bureau of Economic Research*. 2010. № w15911. P. 1–43.
26. Бинова Г.П. Русская литературная эротика: исторические и эстетические метаморфозы. Масарькова университет, 2006.
27. Chan W.-T. The evolution of the Confucian concept Jen // *Philosophy East and West*. 1955. Vol. 4, № 1. P. 295–319.
28. Byrne R. The secret. Simon and Schuster, 2008.
29. Киреева М.В., Грибанова О.Н. Проблема позитивного мышления в отечественной и зарубежной психологии // *Вестник евразийской науки*. 2014. Т. 4, № 23. С. 1–6.
30. Robertson I., Cooper C. Well-being: Productivity and happiness at work. Palgrave Macmillan, 2011.
31. Burkeman O. The antidote: Happiness for people who can't stand positive thinking. Text Publishing, 2012.
32. Oettingen D. Rethinking positive thinking: Inside the new science of motivation. New York : Current, 2015.
33. Short L. The Lazy Guru's Guide to Life. A Mindful Approach to Achieving More by Doing Less. Hachette Books, 2016.
34. McCartney J. The Little Book of Sloth Philosophy. United Kingdom, 2018.
35. Abdallah S. et al. The Happy Planet Index: 2012 Report. A Global Index of Sustainable Well-Being NEF (The New Economics Foundation). London, 2012.
36. World Happiness Report 2019 / Helliwell J.F., Layard R., Sachs J. (eds.). New York : Sustainable Development Solutions Network, 2019.
37. Ura K. The experience of gross national happiness as development framework. 2015. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/177790/gnh-development-framework.pdf> (accessed 25 November 2021)
38. Yangka D. et al. Sustainability in an emerging nation: The Bhutan case study // *Sustainability*. 2018. Vol. 10, № 1622. P. 1–16.
39. Okulicz-Kozaryn A. Happiness and place: Why life is better outside of the city. Springer, 2015.
40. Hogan M.J. et al. Happiness and health across the lifespan in five major cities: The impact of place and government performance // *Social Science & Medicine*. 2016. Vol. 162. P. 168–176.
41. Классен Н. Луис де Гарридо Архитектор естественного счастья // *Архитектура и строительство*. 2013. Т. 9, № 119. URL: <http://www.ids55.ru/ais/articles/architect/1641-2013-09-21-09-47-59.html> (дата обращения: 25.11.2021).
42. Kuo F.E., Sullivan W.C. Environment and crime in the inner city: Does vegetation reduce crime? // *Environment and behavior*. 2001. Vol. 33, № 3. P. 343–367.
43. Glaeser E.L., Joshua D.G., Oren Z. Unhappy cities // *Journal of labor economics*. 2016. Vol. 34. S 2. P. S129–S182.
44. Brickman P., Campbell D.T. Hedonic relativism and planning the good society // *Adaptation Level Theory* / M. H. Apley (ed.). New York : Academic Press, 1971. P. 287–302.
45. Knight J., Gunatilaka R. The rural–urban divide in China: Income but not happiness? // *The Journal of Development Studies*. 2010. Vol. 46, № 3. P. 506–534.
46. Sørensen J.F.L. Rural–urban differences in life satisfaction: Evidence from the European Union // *Regional Studies*. 2014. Vol. 48, № 9. P. 1451–1466.
47. Занадворова Т.Л. Теория Руссо о возвращении к природе // *Французский ежегодник*. М. : Наука, 1981. С. 230–242.
48. Lévi-Strauss C. Jean-Jacques Rousseau, founder of the sciences of man // Jean-Jacques Rousseau. Routledge, 2017. P. 25–36.
49. Аристотель. Собрание сочинений в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1983.
50. Queen C.S. Engaged Buddhism in the west. Simon and Schuster, 2012.
51. Bowles Nellie. Why Is Silicon Valley So Obsessed With the Virtue of Suffering? // *The New York Times*. 2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/03/26/style/silicon-valley-stoics.html> (accessed 25 November 2021).
52. Irvine W.B. A guide to the good life: The ancient art of stoic joy. Oxford University Press, 2008.
53. Joshanloo M., Weijers D. Aversion to happiness across cultures: A review of where and why people are averse to happiness // *Journal of happiness studies*. 2014. Vol. 15, № 3. P. 717–735.

References

1. Carnegie, D. (1948) *How to stop worrying and start living*. New York: Simon & Schuster.
2. Peale, N.V. (1990) *The Power of Positive Thinking*. 1952. Greenwich: Fawcett.
3. Carlson R. (1992) *You can be happy no matter what: Five principles for keeping life in perspective*. New World Library.
4. Lavrova, N. A. (2012) *Ekonomika schast'ya* [The economics of happiness]. *Bulletin of the Saratov State Social and Economic University*. 4. pp. 31–35.
5. Shvetsov, Yu.G. (2016) Duhovno-nravstvennaya nesostoyatel'nost' sovremennoj ekonomicheskoy teorii [Moral inconsistency of modern economic theory]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal. Economics*. 2 (34). pp. 262–286.
6. Pryce-Jones, J. (2011) *Happiness at work: Maximizing your psychological capital for success*. John Wiley & Sons.
7. Montgomery, C. (2013) *Happy city: Transforming our lives through urban design*. Macmillan.
8. Petermans, A. & Nuyts, E. (2016) Happiness in place and space: Exploring the contribution of architecture and interior architecture to happiness. *Proceedings of the 10th international conference on design and emotion: Celebration & Contemplation*. pp. 114–122.
9. Druskat, V.U. & Steven, B.W. (2001) Building the emotional intelligence of groups. *Harvard Business Review*. 79 (3). pp. 80–91.
10. Petrova, L.A. (2014) Vzaimosvyaz' "Fiziki" i etiki v filosofii Demokrita i Epikura na primere ponyatiya schast'ya [The relationship between "Physics" and ethics in the philosophy of Democritus and Epicurus on the example of the concept of happiness]. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*. 10 (48). pp. 120–122.
11. Dzema, A.I. (2016) Antichnaya formula schast'ya [The ancient formula of happiness]. In: *Mental and psychological health of a person in the 21st century: legal, political, socio-economic and humanitarian aspects*. pp. 49–52.
12. Striker, G. (1990) Ataraxia: Happiness as tranquility. *The Monist*. 73 (1). pp. 97–110.
13. Puntasen, A. (2007) Buddhist economics as a new paradigm towards happiness. *Society and Economy*. 29 (2). pp. 181–200.
14. Schumacher, E.F. (2011) *Small is beautiful: A study of economics as if people mattered*. Random House.
15. Brovkin, V.V. (2012) Kontseptsiya dobrodeteli u Epikura [Epicurus's concept of virtue]. *Scholae. Philosophical Antiquity and Classical Tradition*. 6 (2). pp. 340–349. (In Russian).
16. Komarova, L.A. (2012) Puti dostizheniya istinnogo schast'ya v filosofskom uchenii Epikura [Ways to achieve true happiness in the philosophical teachings of Epicurus]. *Bulletin of Herzen State Pedagogical University of Russia*. 146. pp. 47–52.
17. Demenev, A.G. (2016) Etika i ekonomika schast'ya: novye podhody k staroy probleme [The ethics and economics of happiness: new approaches to the old problem]. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University: Humanitarian and Social Sciences*. 1. pp. 74–82.
18. Shapiro, I. (2003) Moral'nye osnovaniya politiki [The Moral Foundations of Politics]. *The Russian Sociological Review*, 3 (1). pp. 20–34.
19. Baujard, A. (2009) A return to Bentham's felicific calculus: From moral welfarism to technical non-welfarism. *The European Journal of the History of Economic Thought*. 16 (3). pp. 431–453.
20. Golovin, A.A. (2021) Kriticheskiy analiz metodov izmereniya i monitoringa kachestva zhizni naseleniya [Critical analysis of methods for measuring and monitoring of the population life quality]. *Management*. 9 (4). pp. 30–42.

21. Desiderius Erasmus. (2012) *In Praise of Folly*. Courier Corporation.
22. Montaigne, M. (1979) *Opyty* [The Essays]. Translated from French. Moscow: Nauka.
23. Wesarat, P., Sharif, M.Y. & Majid, A.H.A. (2014) A conceptual framework of happiness at the workplace. *Asian Social Science*. 11 (2). pp. 78–88.
24. Methot, J.R. et al. (2016) Are workplace friendships a mixed blessing? Exploring tradeoffs of multiplex relationships and their associations with job performance. *Personnel Psychology*. 69 (2). pp. 311–355.
25. Helliwell, J.F. & Shun, W. (2010) *Trust and well-being*. National Bureau of Economic Research. No. w15911. pp. 1–43.
26. Binova, G.P. (2006) *Russkaya literaturnaya erotika: istoricheskie i esteticheskie metamorfozy* [Russian literary erotica: historical and aesthetic metamorphoses]. Masarykov University.
27. Chan, W.-T. (1955) The evolution of the Confucian concept Jen. *Philosophy East and West*. 4 (1). pp. 295–319.
28. Byrne, R. (2008) *The secret*. Simon and Schuster.
29. Kireeva, M.V. & Gribanova, O.N. (2014) Problema pozitivnogo myshleniya v otechestvennoy i zarubezhnoy psikhologii [The problem of positive thinking in Russian and foreign psychology]. *Vestnik evraziyskoy nauki – The Eurasian Scientific Journal*. 4 (23). pp. 1–6.
30. Robertson, I. & Cooper, C. (2011) *Well-being: Productivity and happiness at work*. Palgrave Macmillan.
31. Burkeman, O. (2012) *The antidote: Happiness for people who can't stand positive thinking*. Text Publishing.
32. Oettingen, G. (2015) *Rethinking positive thinking: Inside the new science of motivation*. New York. Current.
33. Short, L. (2016) *The Lazy Guru's Guide to Life. A Mindful Approach to Achieving More by Doing Less*. Hachette Books.
34. McCartney, J. (2018) *The Little Book of Sloth Philosophy*. United Kingdom.
35. Abdallah, S. et al. (2012) *The Happy Planet Index: 2012 Report. A Global Index of Sustainable Well-Being*. NEF (The New Economics Foundation). London.
36. Helliwell, J.F., Layard, R. & Sachs, J. (eds) (2019) *World Happiness Report 2019*. New York: Sustainable Development Solutions Network.
37. Ura, K. (2015) *The experience of gross national happiness as development framework*. [Online] Available from: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/177790/gnh-development-framework.pdf> (Accessed: 25.11.2021).
38. Yangka, D., et al. (2018) Sustainability in an emerging nation: The Bhutan case study. *Sustainability*. 10 (1622). pp. 1–16.
39. Okulicz-Kozaryn, A. (2015) *Happiness and place: Why life is better outside of the city*. Springer.
40. Hogan, M. J., et al. (2016) Happiness and health across the lifespan in five major cities: The impact of place and government performance. *Social Science & Medicine*. 162. pp. 168–176.
41. Klassen, N. (2013) Luis de Garrido: Arkhitekt estestvennogo schast'ya [Luis de Garrido: Architect of Natural Happiness]. *Architecture and Construction* 9 (119). [Online] Available from: <http://www.ids55.ru/ais/articles/architect/1641-2013-09-21-09-47-59.html> (Accessed: 25.11.2021). (In Russian).
42. Kuo, F.E. & Sullivan, W.C. (2001) Environment and crime in the inner city: Does vegetation reduce crime? *Environment and Behavior*. 33 (3). pp. 343–367.
43. Glaeser, E.L., Joshua, D.G. & Oren, Z. (2016) Unhappy cities. *Journal of Labor Economics*. 34. S2: S129–S182.
44. Brickman, P. & Campbell, D.T. (1971) Hedonic relativism and planning the good society. In: Apley, H.M. (ed.) *Adaptation Level Theory*. New York: Academic Press New York: Academic Press. pp. 287–302.
45. Knight, J. & Gunatilaka, R. (2010) The rural–urban divide in China: Income but not happiness? *The Journal of Development Studies*. 46 (3). pp. 506–534.
46. Sørensen, J.F.L. (2014) Rural–urban differences in life satisfaction: Evidence from the European Union. *Regional Studies*. 48 (9). pp. 1451–1466.
47. Zanadvorova, T.L. (1981) Teoriya Russo o vozvrashhenii k prirode [Rousseau's theory of the return to nature]. In: *French Yearbook*. Moscow: Nauka. pp. 230–242. (In Russian).
48. Lévi-Strauss, C. (2017) Jean-Jacques Rousseau, founder of the sciences of man. In: *Jean-Jacques Rousseau*. Routledge. pp. 25–36.
49. Aristotle. (1983) *Sobranie sochineniy v 4-h tomah* [Collection of works in four volumes]. Translated from Old Greek. Vol. 4. Moscow: Mysl'.
50. Queen, C.S. (2012) *Engaged Buddhism in the west*. Simon and Schuster.
51. Bowles, N. (2019) Why Is Silicon Valley So Obsessed With the Virtue of Suffering? *The New York Times*. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/2019/03/26/style/silicon-valley-stoics.html> (Accessed: 25.11.2021).
52. Irvine, W.B. (2008) *A guide to the good life: The ancient art of stoic joy*. Oxford University Press.
53. Joshanloo, M. & Weijers, D. (2014) Aversion to happiness across cultures: A review of where and why people are averse to happiness. *Journal of Happiness Studies*. 15 (3). pp. 717–735.

Информация об авторах:

Суховерхов А.В. – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (Краснодар, Россия). E-mail: sukhoverkhov.ksau@gmail.com

Калитко С.А. – канд. экон. наук, доцент кафедры управления и маркетинга Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (Краснодар, Россия). E-mail: kalitkosvetlana@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.V. Sukhoverkhov, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Kuban State Agrarian University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: sukhoverkhov.ksau@gmail.com

S.A. Kalitko, Cand. Sci. (Economics), associate professor, Kuban State Agrarian University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: kalitkosvetlana@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.11.2021;
одобрена после рецензирования 06.05.2022; принята к публикации 20.05.2022.

The article was submitted 25.11.2021;
approved after reviewing 06.05.2022; accepted for publication 20.05.2022.

Научная статья
УДК 122/129+304.9
doi: 10.17223/15617793/478/7

Утопия в поисках субъекта, субъект в поисках утопии

Анастасия Павловна Фоменко¹

¹ Томский государственный университет, Томск, Россия, anastasy.ftd@mail.ru

Аннотация. Центральным понятием статьи является понятие утопии как оптимистического образа достижимого в будущем общественного устройства. В контексте все острее переживаемого кризиса утопий поднимается вопрос о факторах их возникновения. В качестве ключевого фактора называется наличие субъекта. Последовательное рассмотрение субъекта в его трех возможных ролевых аспектах по отношению к утопии с поправкой на современные социальные и философские реалии обнаруживает дополнительную проблему на пути выхода из утопического тупика.

Ключевые слова: конец утопии, постмодернизм, «смерть» субъекта, будущее, кризис развития, социальная утопия, субъект утопии, общество потребления, новый человек

Для цитирования: Фоменко А.П. Утопия в поисках субъекта, субъект в поисках утопии // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 58–63. doi: 10.17223/15617793/478/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/7

Utopia in search of the subject, the subject in search of utopia

Anastasiya P. Fomenko¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, anastasy.ftd@mail.ru

Abstract. The central concept of this article is the idea of utopia as an optimistic image of a societal order achievable in the distant future. Tracing the process of gradual decline in the emergence of new positive utopias through examples of literary dystopias over the last century, the author proceeds to discuss the topic of the end of utopia. The idea is that, despite its long existence, it is only recently that the absence of new models for a happy future becomes critical, that utopia begins to be recognized as a problem. In this regard, the author proposes to temporarily shift researchers' attention from the already fairly well developed matters of the characteristic features, signs, and functions of utopias of past centuries to factors contributing to the formation of social utopias in culture. Most theorists point to active transformational processes in societal structures and relationships as a factor stimulating the emergence of new utopian ideas, which the author admits to being true, but insufficient. An equally important factor is the obligatory presence of a certain subject of utopia. At closer examination, it seems that the status of the subject of utopia in the contemporary world is largely problematic for many reasons, unlike the subject of classical utopias of the modern era. Firstly, the idea that any utopian project could be brought to fruition raises serious concerns. Secondly, the tendency to perceive utopia as a naive project significantly reduces the degree of its possible influence on the way of thinking and the direction of social change. Thirdly, the lack of clarity about the subject's qualities required to create utopias hinders active creativity regarding new utopian projects. This, in turn, is directly related to the ongoing unresolved problem of the "death" of the subject, brought forth by postmodern philosophers. Against this background, there is a notable inconsistency of contemporary attitudes, which are focused, on the one hand, on the debunking of the subject as an exclusively rational being, and, on the other, on the rationalization of utopian impulses. In conclusion, the author puts forward a thesis about the need to regard the absence of utopia and the absence of a subject as causally interrelated situations. Finally, an idea is proposed about the priority of solving the problem of the subject in comparison with the problem of the end of utopia, or, in other words, about the impossibility of starting the process of forming new utopias until there is clarity about the figure of the new subject and the image of the new person.

Keywords: end of utopia, postmodernism, "death" of subject, future, development crisis, social utopia, subject of utopia, consumer society, new man

For citation: Fomenko, A.P. (2022) Utopia in search of the subject, the subject in search of utopia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 58–63. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/7

По историческим меркам еще не так давно люди увлеченно придумывали картины желаемого ими об-

щественного устройства, и неизменно вселявшие надежду утопии появлялись в культуре одна за одной.

Начиная с XVI в. и вплоть до начала XX в. такие авторы, как Т. Мор, Т. Кампанелла, Ф. Бэкон, Ш. Фурье, К.А. Сен-Симон, Э. Кабе, Р. Оуэн, Э. Беллами, В. Моррис, создавали утопические тексты, в которых будущее представало в самых светлых красках. В первой половине прошлого столетия в зените славы оказались антиутопии. Несмотря на то, что описываемые ими вымышленные общества рисовались в крайне мрачных тонах, в них все еще находилось крохотное место для надежды и в них все еще теплилась маленькая утопия. Такими островками счастья были старинный дом и пространство за стеклянной стеной у Е. Замятина [1], резервация и неосвоенные леса за кольцевым шоссе у О. Хаксли [2], комната старьевщика у Дж. Оруэллa [3], поселения на противоположном берегу реки и старая ферма у К. Воннегута [4], заброшенная железная дорога и леса за городской чертой у Р. Брэдбери [5]. Это были территории спасения, пристанища для героев, в которых им удавалось о другом мечтать и по-другому быть. Примерно с середины XX в. даже от такой утопии не остается и следа. В финале поначалу кажущегося оптимистичным «Острова», написанного в 1960 г., небольшое утопическое государство оказывается взято силой – силой большого, грозного, вооруженного внешнего мира [6].

Некоторым исследователям свойственно оценивать этот контрастный переход от преисполненных энтузиазмом фантазий о гарантированном социальном благополучии к ощущению полной бесперспективности и безысходности как эволюцию утопии и ее форм [7]. В качестве примера таких новых форм, помимо антиутопии, они приводят альтернативную историю, ролевые компьютерные игры и даже киберпанк, которому в целом как жанру никогда не было характерно обещать хоть сколько-нибудь позитивный исход для своих персонажей. Однако если все-таки не игнорировать этимологию термина, сконструированного так, чтобы обозначать страну благую, но не существующую, достаточно быстро свершившееся превращение утопии в собственную противоположность вряд ли можно назвать эволюцией. Гораздо логичнее было бы согласиться с Г. Маркузе [8], который спустя несколько лет после публикации «Острова» поставил вопрос о конце утопии, и Ж. Бодрийяром, который тогда же впервые назвал общество потребления открытием «эры реализованной утопии и конца истории» [9. С. 246].

Общепринятым является ассоциировать этот конец истории и утопии с философией постмодернизма, которую также считают ответственной за стоящие с ним в одном ряду конец социального и «смерть» человека, автора и субъекта. Что примечательно, не все кризисы в этом списке вызвали в культуре резонанс одновременно. Так, например, проблема «смерти» субъекта практически сразу спровоцировала шквал обсуждений и привела к тому, что появилась целая серия попыток зарубежных и чуть позже отечественных философов вернуть классического субъекта, восстановить его в правах или построить альтернативную модель субъекта на обновленных основаниях. Эта тенденция была обозначена как воскрешение, реабили-

литация, реставрация субъекта и не изжила себя до сих пор. Хотя, надо заметить, несмотря на то, что сегодня по-прежнему сложно найти в специальной литературе источник, который при рассмотрении вопроса о субъекте не упоминал бы кризис, приключившийся с ним полвека назад, былой ажиотаж вокруг некогда модной проблемы все-таки стих.

Несколько иначе обстоят дела с утопией. Нельзя сказать, что она была совсем позабыта теоретиками или существенно обделена вниманием с их стороны. Напротив, с 1970-х гг. за рубежом начала формироваться междисциплинарная область знания, получившая название «utopian studies» (утопические исследования) и на сегодняшний день находящаяся на пике своего развития. Что касается философской рефлексии на тему утопии в современной России, то она еще только становится [10]. Вместе с тем общей для западных и российских авторов на протяжении ряда лет была и остается склонность анализировать конкретные утопические произведения минувших эпох, обобщать свои наблюдения в виде многообразных классификаций утопии, а также ранжировать ее сущностные признаки и социально значимые функции. При этом в последние годы отечественные философы все чаще сокрушаются о том, что новых и современных утопий в полном смысле этого слова, к сожалению, нет. Так, например, А.Л. Никифоров свой обзор доминирующих в XXI в. сценариев общественного развития завершает словами: «Каждый век создавал свои утопии, свой образ будущего, к реализации которого звал человечество. <...> XX век оказался способен лишь на угнетающие антиутопии. Может быть, начавшееся столетие задаст новый светлый идеал, стремление к реализации которого вновь наполнит высоким смыслом нашу жизнь?» [11. С. 93].

Однако одного признания теоретиков, что новые утопии оказались бы полезными и пришлось бы сейчас к месту, еще недостаточно для того, чтобы обеспечить их возникновение. Подобные признания звучат уже какое-то время, но новых утопий все равно не появляется. Более того, часть исследователей, будто окопавшись в прошлом, до сих пор продолжает писать об утопии так, как если бы отсутствие у молодого третьего тысячелетия собственных утопических фантазий не являлось существенной проблемой, как если бы никакого кризиса никогда и не было или как если бы он не обладал достаточной степенью значимости и масштаба. Это позволяет заключить, что на протяжении довольно долгого времени пафос возрождения и возвращения утопии в культуру был заметно менее велик по сравнению с вопросом о статусе субъекта, а также высказать утверждение о том, что сегодня наблюдается своего рода перестановка приоритетов, когда одновременно с затуханием интереса к субъекту постепенно нарастает интерес к утопии.

На фоне того, как все большее и большее количество авторов осознает кризис утопии как реальный, становится очевидно, что популярная исследовательская стратегия по перечитыванию и каталогизации утопических текстов многовековой давности вряд ли сможет радикальным образом изменить сложившееся

положение и справиться с нехваткой новых позитивных утопий. Точно так же и широко распространенный структурно-функциональный подход к изучению утопии, вот уже несколько десятилетий анализирующий все те же критическую, аксиологическую, компенсаторную и другие функции утопического мировидения, обладает гораздо большей эвристической ценностью, когда утопии есть, и меньшей, когда они по каким-либо причинам отсутствуют [12]. В свете этого, возможно, имело бы смысл на какое-то время сосредоточить внимание на вопросе о факторах и условиях появления утопии в культуре.

Подавляющее большинство авторов согласны друг с другом в том, что утопии активно создаются в переходные моменты, когда общество претерпевает серьезные изменения. Тот факт, что современное общество трансформируется и переживает один кризис развития за другим, тоже практически никем не оспаривается. Казалось бы, в этой ситуации новые утопии уже давно должны были появиться. Однако в реальности ничего подобного не произошло. Это дает основания предположить, что социальные изменения и нестабильные состояния системы – важные, но еще недостаточные условия для формирования утопических проектов, а потому необходимо дальнейшее изучение таких условий и, весьма вероятно, дополнение их какими-то другими. В самом деле, стоит взглянуть в этот тезис о перестройке общественных отношений как фундаментальной причине «рождения» утопий. Приход в движение социальных структур, бесспорно, должен играть свою роль, но утопия все же не выпрыгивает сама из толщи событий как рыба из воды. Какой бы старомодной ни была эта идея, а все же утопию кто-то придумывает.

Вопрос о «ктоиности» утопии ставит И.В. Фролова. На примерах текстов уже давно минувших столетий она рассматривает субъектов социальной утопии и распределяет между ними роли следующим образом. Есть тот, кто создает утопию и кому принадлежит авторство той или иной утопической фантазии; есть носитель утопических идей, который не принимает никакого участия в их создании, но способен проникаться ими; и есть их деятельный исполнитель, который берет на себя задачу повести за собой других и совместными усилиями воплотить утопию в жизнь [13]. Поскольку в данном случае И.В. Фролова ведет речь о классических утопиях образца эпохи модерна, эта схема выглядит вполне релевантной. Для указанной поры субъект являлся опорной и смыслообразующей категорией практически во всех познавательных и общественных предприятиях. Гораздо меньшей ясностью и уверенностью в этом вопросе располагает день сегодняшний, ведь для него проблема субъекта пока еще не решена. «Хотя философы работают над этой проблемой давно и плодотворно, формулируя различные варианты выхода из обозначенного кризиса, до сих пор не достигнут консенсус относительно методологических и концептуальных оснований его преодоления. Также не проведена систематизация и обобщение уже разработанных теорий и концепций, предлагающих выходы из кризиса субъекта» [14.

С. 31]. В свете этого приходится констатировать, что если следовать только принципу аналогии, то просто вмонтировать в современные реалии обозначенные выше субъектные позиции всех причастных к существованию утопии вряд ли удастся.

Во-первых, потребность в ком-то, кто занимался бы претворением утопической мечты в действительность, сегодня выглядит довольно сомнительной. Основная причина этого заключается в том, что сама идея о возможности воплощения утопического замысла в жизнь с некоторых пор вызывает большие опасения. С одной стороны, это объясняется грандиозными масштабами организованного насилия, непременно возникающего при попытке построить идеальное общество в относительно короткие сроки. Так, например, подкрепляя свои доводы ссылкой на злоклучения фашистского и коммунистического режимов в XX в., К. Поппер утверждает, что «утопическая попытка достигнуть идеального государства <...> ведет к диктатуре» при том, что а priori любые «утопические планы невыполнимы в том виде, как они задуманы» [15. С. 202, 206].

Иначе говоря, всяческие амбиции утопии пустить корни в наличном неприемлемы, поскольку это представляет угрозу социуму и с практической точки зрения ни к чему хорошему не ведет. С другой стороны, если верить Ж. Бодрийяру, сама утопия оказывается под угрозой, когда сокращает до минимума расстояние между воображаемым и реальным и превращается в гиперреальность, меняя тем самым свой онтологический статус и лишаясь всего того, что обычно делает ее ею [16]. Таким образом, если запрос на возвращение утопии в современную культуру можно считать относительно сформированным, это все же никак не позволяет сделать вывод о том, что утопия непременно должна перешагнуть границы вымысла и утвердиться в фактичности, а раз последнего от нее не требуется, то не требуется и тот деятельный субъект, который бы отвечал за выполнение этой задачи.

Во-вторых, даже если не затевать спор относительно того, должна или не должна утопия предпринимать конкретные шаги, чтобы здесь и сейчас сделать сказку былью, а сосредоточить внимание на вопросе о субъектах, которые были бы способны как минимум просто воспринять утопические идеи, окажется, что и он является не менее проблемным. С легкой подачи философов-постмодернистов в культуре выработалась привычка рассматривать общество второй половины XX – начала XXI в. преимущественно как общество потребления, в котором основное назначение индивида сводится к тому, чтобы быть покупателем и, соответственно, потреблять. Тем не менее представляется, что у идеологии консьюмеризма, как в принципе у любой теории или концепции, должны существовать свои границы применимости. Например, если субъект сегодня – это потребитель, все ли он может потребить? Если субъект сегодня – это покупатель, на все ли он может, что называется, купиться? В частности, может ли он купиться на утопическое обещание социальной гармонии? В состоянии ли он «потребить» идею утопии, т.е. всерьез вос-

принять ее как нечто желанное, нужное и полезное для себя? Было бы крайне интересно посмотреть на результаты специальных социологических исследований, которые задавались бы целью выявить характер общественных настроений по этому поводу. Однако исследования, затрагивающие данную тематику, к сожалению, немногочисленны и, судя по вопросам, которые они адресуют респондентам, имеют к обсуждаемой здесь проблеме косвенное отношение, поскольку фокусируют свое внимание не столько на альтернативных картинах желаемого и пока не существующего будущего, сколько на оценках уже имеющегося политического режима и сложившегося материального положения [17]. В отсутствие иной научным образом верифицированной эмпирики остается лишь высказывать предположения с опорой на эмпирику субъективную, а она подсказывает, что на фоне тотального засилья гипотез о неизбежности разного рода катастроф озвучиваемый теоретиками запрос на позитивный проект социального развития парадоксальным образом вряд ли сможет гарантировать последнему в случае его появления сколько-нибудь радужный прием. Складывается впечатление, что сегодня оптимистичное настроение, не сопровождающееся выявлением разного рода недостатков, противоречий, угроз и не заканчивающееся высказыванием серьезных опасений, с высокой долей вероятности той же самой культурой, которая сформировала на него запрос, будет оценено как подозрительное или глубоко наивное, а потому воспринято в штыки. Следовательно, для того, чтобы с полным правом говорить о субъекте в статусе носителя утопических идей современности, пока тоже не находится существенных оснований.

Наконец, нет ясности и относительно того, какими качествами должен обладать сегодня социальный субъект, чтобы быть способным создавать утопию. До тех пор, пока субъект мыслился как *cogito*, утопии не воспрещалось быть фантазийной, счастливой, амбициозной, дерзкой, бредовой. С приходом философии постмодернизма парадигма сменилась. Представление о том, что человек – это мастер и хозяин своего разума, сместила с пьедестала установка на включение его иррациональных качеств во все, к чему тот прикладывает руку. Пленение субъекта его бессознательным, желанием, властью и языком стало новой нормой. Любопытно здесь то, что уже устоявшееся требование избегать абсолютизации рационализма при рассмотрении субъекта и той культуры, частью которой он является, по каким-то причинам не распространилось на утопию. Например, И. Валлерстайн убежден, что современному миру нужно такое утопийское, которое является трезвым, строго рациональным и обязательно коррелирует с научными законами, фактами и расчетами [18. С. 8]. Многие отечественные авторы из числа тех, кто ратует за возвращение утопии, точно так же согласны включить вопрос о ней в повестку дня только при условии, что она примерит на себя «образ рационализаторского мышления» [19. С. 38]. Отмечаемая и поощряемая исследователями тенденция сближения утопии с прогностикой и научным

планированием вплоть до их неразличимости зачастую оценивается позитивно именно по той причине, что так из утопии устраняется субъективный и иррациональный произвол. Получается, что чем менее «разумным» и все более эфемерным предстает для эпохи субъект, тем менее мечтательной и все более «разумной» должна делаться утопия. Однако даже если утопия сможет переобуться на ходу, чтобы удовлетворить этим требованиям, будут ли в таком случае ее прогнозы относительно судьбы каждого отдельного общества и мирового сообщества в целом принципиально отличаться от тех неутешительных и тоже построенных в соответствии с непредвзятыми научными расчетами прогнозов, которые дает глобалистика? Разве чаяния современных философов о том, что переломить ситуацию может появление новых надежд и утопий, не вызваны к жизни как раз тем, что сугубо рациональный инструментарий не в состоянии помочь разглядеть оптимистичное будущее на линии горизонта? По всей видимости, в настолько сухом здравомыслии исключительно «умной» утопии нет особенной надобности. Скорее, наоборот, есть вероятность, что гораздо больше пользы сегодня смогла бы принести та утопия, в которой бы еще оставалась хорошая доля безумия. Это, конечно, не значит, что теперь нужно стремиться с доподлинной точностью восстановить утопию в том виде, в каком она оставила наиболее яркий след в истории, но это как будто дает подсказку, что именно этот ее мечтательный, фантазийный и субъективный вектор был сравнительно истиннее, вернее. Отсюда, в ситуации, когда буквально «воскрешение» новейшего европейского субъекта как исключительно мыслящего *cogito* практически никому не представляется возможным или сколько-нибудь нужным, перед философией встает вопрос о том, какими иными свойствами и качествами должен обладать субъект, чтобы оставаться способным придумывать подобного рода утопии.

Итак, в отличие от предыдущих столетий, сегодняшние реалии не позволяют дать простой и позитивный ответ на вопрос о «ктойности» социальной утопии. В имеющихся обстоятельствах субъект утопии в качестве того, кто деятельно претворяет образ желаемой социальности в действительность, оказывается опасен и не нужен; субъект утопии в качестве носителя конкретных идей о счастливом будущем – невозможен; субъект утопии как генератор этих идей и создатель картин гармоничного человеческого сосуществования – потерян, неясен, непредставим. Коротко говоря, на данный момент субъект утопии является отсутствующим, а утопия предстает по существу бессубъектной. При этом если с потерей первых двух субъектных ролей можно смириться, поскольку они хотя и обедняют, но все же не отменяют существования социальной утопии как феномена культуры, то исчезновение субъекта, создающего утопический мир в своем воображении, заводит все рассуждения о перспективах появления новых и современных утопий в тупик.

Для того чтобы выйти из этого тупика, как нам кажется, необходимо вновь обратиться пристальное

внимание на фигуру и место субъекта как в уже сложившихся, так и в еще только складывающихся общественных отношениях, на образ человека в обозримом и необозримом будущем. Это соображение не отличается большой оригинальностью. Еще полвека назад Г. Маркузе, объявляя о конце утопии, писал, что нужна новая теория человека, который бы не воспроизводил в своих отношениях с другими репрессивность общества и которого мотивировали бы к действию совсем иные представления и потребности, отличные от тех, что препятствуют имеющимся возможностям изменить жизнь к лучшему [8. С. 20]. В том же духе уже на исходе второго тысячелетия рассуждал Ф. Аинса, когда в своем эссе приводил цитату из «Шестивия утопий» Освальда де Андраде. По мнению бразильского поэта, на которого он ссылался, новые утопии точно так же «появляются вследствие <...> открытия “нового человека”» [20. С. 177]. Отсюда совершенно очевидно, что сама идея о связи между проблемой утопии и проблемой субъекта не нова, тем не менее, как кажется, эта идея нуждается в напоминании о себе именно сейчас, когда обостряется первая упомянутая проблема и несколько забывается, отходит на задний план вторая.

Таким образом, судя по многочисленным данным и построенным на их основе прогнозам, регулярно

предоставляемым научным сообществом, современные социальные отношения и процессы, разворачивающиеся как в российском, так и в мировом масштабе, с высокой долей вероятности ведут к трагическому финалу. В связи с этим формируется и все более ясно осознается потребность в коренных изменениях. По этой причине достаточное количество исследователей в XXI в. приходит к убеждению, что «интеллектуальный вызов сегодняшнего дня – дать обществу утопию, без которой оно не может развиваться», то есть «обрисовать достижимый и желательный образ будущего <...>, к которому стоит стремиться» [21. С. 246]. Все острее обозначая себя проблема отсутствия этих принципиально важных позитивных сценариев развития современного общества, сколько бы авторы не превозносили актуальность и значимость последних, не может быть решена до тех пор, пока не будет затребован и концептуально оформлен субъект утопии, выступающий как одно из ключевых условий ее появления. В свою очередь, вопрос о субъекте утопии не может быть рассмотрен и решен вне зависимости от проблемы субъекта как таковой. Как это ни эгоистично и ни парадоксально, но перед лицом глобальных угроз существованию всего живого главным и первоочередным по-прежнему остается старый как мир вопрос человека о самом себе, о том, чего он хочет и каким сам себя видит и представляет.

Список источников

1. Замятин Е. Мы. М. : Эксмо, 2009. 608 с.
2. Хаксли О. О дивный новый мир / пер. с англ. О. Сороки. М. : АСТ, 2017. 350 с.
3. Оруэлл Дж. 1984 / пер. с англ. В. Голышева. М. : АСТ, 2018. 318 с.
4. Воннегут К. Механическое пианино / пер. с англ. М. Брухнова. М. : АСТ ; АСТ МОСКВА ; Транзиткнига, 2006. 381 с.
5. Брэдбери Р. 451° по Фаренгейту / пер. с англ. Т. Шинкарь. М. : Изд-во «Э», 2016. 288 с.
6. Хаксли О. Остров / пер. с англ. С. Шик. СПб. : Академический проект, 2000. 360 с.
7. Шишкин Д.П. Многообразие форм утопии в современной культуре : автореф. дис. ...канд. филос. наук. Ставрополь, 2009. 22 с.
8. Маркузе Г. Конец утопии / пер. с англ. А. Смирнова // Логос. 2004. № 6 (45). С. 18–23.
9. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры / пер. с фр. Е.А. Самарской. М. : Республика ; Культурная революция, 2006. 268 с.
10. Суслов М.Д. Утопия как предмет современных исследований на Западе и в России // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2013. № 7 (108). С. 34–41.
11. Никифоров А.Л. Какое будущее ждет человечество? // Философский журнал // Philosophy Journal. 2021. Т. 14, № 3. С. 82–95.
12. Бальчиндоржиева О.Б., Жамьянов Э.Б. Конструктивные функции утопий: социально-философский анализ // Вестник Бурятского государственного университета. 2018. № 3, Т. 1. С. 23–29.
13. Фролова И.В. К вопросу о «стойкости» социальной утопии: философско-политологические размышления // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17, № 1(1). С. 689–692.
14. Чистилина Т.А. Современные проблемы преодоления кризиса субъекта в социальной философии // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2015. № 1. С. 31–37.
15. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги: в 2 т. / пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. М. : Феникс ; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1.
16. Бодрийяр Ж. Америка / пер. с фр. Д. Калугина. СПб. : Владимир Даль, 2000. 203 с.
17. Немировский В. Г. Социокультурное развитие российских регионов в контексте современной российской антиутопии // Философские науки. 2015. № 8. С. 95–106.
18. Валлерстайн И. Утопийское, или Исторические возможности XXI века / пер. с англ. // Прогнозис. 2006. № 1 (5). С. 8–56.
19. Шатула Т.Г. Дефрагментация понятия утопии // Идеи и идеалы. 2012. Т. 2. № 4 (14). С. 32–42.
20. Аинса Ф. Реконструкция утопии / пер. с фр. Е. Гречаной, И. Стаф. М. : Наследие, 1999. 207 с.
21. Мартыанов В.С., Фишман Л.Г. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. М. : Весь мир, 2010. 256 с.

References

1. Zamyatin, E. (2009) *My [We]*. Moscow: Eksmo.
2. Huxley, A. (2017) *O divnyi novyi mir [Brave New World]*. Translated from English by O. Soroka. Moscow: AST.
3. Orwell, G. (2018) *1984*. Translated from English by V. Golyshev. Moscow: AST.
4. Vonnegut, K. (2006) *Mekhanicheskoe pianino [Player Piano]*. Translated from English by. M. Brukhnov. Moscow: AST: AST MOSKVA: Tranzitkniga.
5. Bradbury, R. (2016) *451° po Farengейtu [Fahrenheit 451]*. Translated from English by T. Shinkar'. Moscow: "E".
6. Huxley, A. (2000) *Ostrov [Island]*. Translated from English by S. Shik. St.Petersburg: Akademicheskii proekt.

7. Shishkin, D.P. (2009) *Mnogoobrazie form utopii v sovremennoi kul'ture* [The Diversity of Forms of Utopia in Contemporary Culture]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Stavropol. (In Russian).
8. Marcuse, H. (2004) The End of Utopia. *Logos*. 6 (45). pp. 18–23. (In Russian).
9. Baudrillard, J. (2006) *Obshchestvo potrebleniya: ego mify i struktury* [The Consumer Society: Myths and Structures]. Translated from French by E.A. Samarskaya. Moscow: Respublika: Kul'turnaya revolyutsiya.
10. Suslov, M.D. (2013) Utopia as a Subject of Modern Research in the West and in Russia. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. 7 (108). pp. 34–41. (In Russian).
11. Nikiforov, A.L. (2021) What kind of future is humanity facing? *Filosofskii zhurnal – Philosophy Journal*. 14 (3). pp. 82–95. (In Russian).
12. Bal'chindorzhieva, O.B. & Zham'yanov, E.B. (2018) The constructive functions of utopias: a socio-philosophical analysis. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3 (1). pp. 23–29. (In Russian).
13. Frolova, I.V. (2012) On the Question of the “Whoness” of Social Utopia: Philosophical and Political Reflections. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 17:1 (1). pp. 689–692. (In Russian).
14. Chistilina, T.A. (2015) Contemporary Problems of Overcoming the Crisis of the Subject in Social Philosophy. *Vestnik Poleskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya obshchestvennykh i humanitarnykh nauk*. 1. pp. 31–37. (In Russian).
15. Popper, K.R. (1992) *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi*, 2 t. [The Open Society and Its Enemies, 2 vols]. Translated from English & edited by V.N. Sadovskiy. Moscow: Feniks: Mezhdunarodnyi fond “Kul'turnaya initsiativa”.
16. Baudrillard, J. (2000) *Amerika* [America]. Translated from French by D. Kalugin. St.Petersburg: Vladimir Dal'.
17. Nemirowskiy, V.G. (2015) Socio-cultural Development of Russian Regions in the Context of Modern Russian Anti-utopia. *Filosofskie nauki*. 8. pp. 95–106. (In Russian).
18. Wallerstein, I. (2006) Utopistics, or, Historical Choices of the Twenty-First Century. *Prognosis*. 1 (5). pp. 8–56. (In Russian).
19. Shatula, T.G. (2012) Defragmentation of the Concept of Utopia. *Idei i idealy*. 2:4 (14). pp. 32–42. (In Russian).
20. Ains, F. (1999) *Rekonstruktsiya utopii* [The Reconstruction of Utopia]. Translated from French by E. Grechanaya, I. Staf. Moscow: Nasledie.
21. Mart'yanov, V.S. & Fishman, L.G. (2010) *Rossiya v poiskakh utopii. Ot moral'nogo kollapsa k moral'noi revolyutsii* [Russia in Search of Utopias. From Moral Collapse to Moral Revolution]. Moscow: “Ves' mir”.

Информация об авторе:

Фоменко А.П. – аспирант кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: anastasy.ftd@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.P. Fomenko, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: anastasy.ftd@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.02.2022;
одобрена после рецензирования 01.05.2022; принята к публикации 20.05.2022.

The article was submitted 12.02.2022;
approved after reviewing 01.05.2022; accepted for publication 20.05.2022.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316.4
doi: 10.17223/15617793/478/8

Интерсекциональный подход в изучении траекторий социокультурной интеграции людей с миграционным опытом

Игорь Станиславович Михеев¹

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, mikheevigst@gmail.com

Аннотация. Рассматривается теоретико-методологическая рамка интерсекционального подхода к изучению миграционного опыта, дискриминации и проблем социокультурной интеграции в целом. Аналитический обзор социальных, культурных, теоретических предпосылок зарождения и развития интерсекционального подхода позволяет оценить перспективы этой методологии и в контексте изучения вопросов, лежащих на стыке разнообразия, дискриминации и интеграции в России.

Ключевые слова: интерсекциональный подход, социокультурная интеграция, люди с миграционным опытом, социальное неравенство, социальные движения

Для цитирования: Михеев И.С. Интерсекциональный подход в изучении траекторий социокультурной интеграции людей с миграционным опытом // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 64–71. doi: 10.17223/15617793/478/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/8

Intersectional approach in the study of trajectories of sociocultural integration of people with migration experience

Igor S. Mikheev¹

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, mikheevigst@gmail.com

Abstract. This article proposes to consider the theoretical and methodological framework of the intersectional approach to the study of migration experience, discrimination and problems of sociocultural integration in general. The article describes an intersectional model of modern capitalist society, which is divided into micro and macro contexts of inequality production. Class, race, ethnicity, gender, and physicality can be viewed as structural positions (statuses) that produce unequal access to labor markets, distribution of income and public goods, and form cultural and social distance between different groups of people, including between the host society and migrants. In intersectional logic, the intersection of statuses generates a system of oppression (domination matrix), which allows a new assessment of the risks and potential of incorporated capitals. Migration experience is heterogeneous, due to the intersection of different statuses (gender, corporeality, ethnicity, race, class), it can have different effects in terms of producing inequality. Social inequality within the migration community (intracategory analysis of the social group of migrants) determines the direction of the trajectories of integration; they will be completely different, taking into account the intersection of statuses for one or another considered social subgroup. It is more and more difficult for people with migration experience to concentrate on the integration process under the influence of two groups of factors: (a) the availability of the digital information environment and transport, which make it possible to maintain intensive contact with the culture and language of the country of origin; (b) lack of an effective integration infrastructure (inclusive, transparent conditions for integration) and xenophobia of the host society. An analytical review of the social, cultural, theoretical prerequisites for the emergence and development of the intersectional approach allows assessing the prospects for intersectionality both in the context of social policy and in the field of academic research of issues at the intersection of diversity, discrimination and integration. With reference to the empirical material of the author's own qualitative research, an attempt is made to conceptually reflect the applicability of this approach in the conditions of Russian society. On the one hand, the ideas that are described in the framework of the intersectional approach seem quite obvious, but at the same time they are classic for the sociological theory of stratification and for the understanding of the root causes of existing inequalities.

Keywords: intersectional approach, sociocultural integration, people with migration experience, social inequality, social movements

For citation: Mikheev, I.S. (2022) Intersectional approach in the study of trajectories of sociocultural integration of people with migration experience. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 64–71. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/8

Модели однонаправленной ассимиляции как концептуальные подходы к реализации интеграции людей с миграционным опытом в принимающие общества маркируются современными исследователями как нерабочие [1]. Связано это не только с увеличивающимся разнообразием стилей жизни и интеркультурностью крупных мегаполисов [2], но и с изменением направленности и содержания самих миграционных потоков. Сегодня их можно описать как разнонаправленные, с растущей долей возвратности на место исхода [3]. Людям с миграционным опытом все сложнее концентрироваться на интеграционном процессе под влиянием двух групп факторов: (а) доступность информационной цифровой среды и транспорт, которые позволяют поддерживать интенсивный контакт с культурой и языком страны исхода; (б) отсутствие эффективной интеграционной инфраструктуры (инклюзивных, прозрачных условий для интеграции) и ксенофобия принимающего общества. В России в 2019 и 2020 гг. сохраняется тренд негативных установок по отношению к людям с миграционным опытом [4]. Подобные установки со стороны принимающего большинства осложняют осуществление агонального диалога [5], необходимого для успешной социокультурной интеграции, делая проблему исключения таких социальных групп системной.

Одним из базовых институтов интеграции является образование [6]. Как интеграционная среда образование включает в себя разных агентов по реализации этого процесса. Учителя, кураторы, тьюторы могут не рефлексировать специфику миграционного опыта как по причине отсутствия такого опыта, так и из-за нехватки специализированной подготовки или ресурсов. На примере анализа массива качественных данных, собранных в рамках кейс-стади в одном из интеграционных проектов для детей из семей с миграционным опытом в Московской области в 2019 г. [7], стало понятно, что некоторые из учителей, к примеру, могут объяснять проблемы, возникающие в процессе интеграции, исключительно культурной дистанцией с меньшинствами, что скрывало классовое, телесное, ментальное неприятие и др.:

«Разные семьи приходят, многие дети неблагополучные, дикие. Было несколько зажиточных – папа, у которого своя чайхана, его сын (имя), он вел себя совсем иначе, был вполне цивилизованным» (учитель, 26 лет).

Учителя формулируют дихотомическое восприятие идентичности у детей, могут делить их на группы «близкие к европейским» и нет:

«Я заметила, что кыргызские родители более мотивированы, более цивилизованы. Многие здесь считают, что кыргызы ближе к цивилизации, чем таджики и узбеки, из приезжающих. У них нормы поведения ближе к европейским, а у таджиков и узбеков немного другие» (учитель, 24 года).

Нам кажется необходимым рассмотреть рефлексию данного исследовательского опыта под новым углом, который позволил бы углубить представление об устройстве социального неравенства. Предложил бы более эвристичную оптику на уровне детального анализа устройства социальной структуры в сложно дифференцированных социальных контекстах.

Миграционный опыт в социологии анализируется не только через системные или феноменологические вопросы, связанные с классической проблемой «Чужака» [8], он также раскрывается как предмет исследования в рамках критической теории общества, частью которой является современный интерсекциональный подход. Миграционный опыт таким образом неоднороден, из-за пересечения различных статусов (гендер, телесность, этничность, раса, класс) он может иметь разные эффекты с точки зрения производства неравенства. Социальное неравенство внутри миграционного сообщества (внутрикатегориальный анализ социальной группы мигрантов), определяет направленность траекторий интеграции, они будут совершенно разными с учетом пересечений статусов для той или иной рассматриваемой социальной подгруппы. Такой подход позволяет многомерно описывать особенности социокультурной интеграции мигрантов, приглашает нас посмотреть на внутреннее устройство этого процесса в его многообразии форм от множественных пересечений различных статусов. Например, отсутствие отражения миграционного опыта женщин формирует ложное представление об их пассивности, способствует замалчиванию их потребностей, а также придает статус-кво их традиционным гендерным ролям (часто оправдывая жестокое отношение, насилие и обесценивание труда).

Однако ситуация может усугубляться патриархальными взглядами, существующими в самих сообществах мигрантов. Прекаризация рабочих мест влияет на качество их групповой солидарности [9], отсюда происходит риск использования патриархальных норм в качестве предлога для исключения наиболее уязвимых членов. В ситуации двойного давления – со стороны большинства и со стороны тех, кто оказался в аналогичной ситуации – приобретение голоса и ощущение безопасной среды человеком с опытом миграции становится важным для успешной адаптации.

С одной стороны, идеи, которые описываются в рамках интерсекционального подхода, кажутся достаточно очевидными, с другой – являются классическими для социологической теории стратификации и понимания первопричин существующих неравенств.

Подход к социальной дифференциации в логике градуалистской методологии – через линейные, одномерные факторы (такие как доход или уровень образования) – ограничивает аналитический потенциал использования тех контекстов, которые отражают многомерность существующих социальных структур. Данный тезис активно доказывается результатами исследований факторов гендерного неравенства [10]. Дилеммы стеклянного потолка или липкого пола [11] уже долгое время описываются в качестве классиче-

ских барьеров на пути достижения гендерного равенства во всем мире [12]. Традиционно проблема многофакторного уклада социального неравенства поднималась и в стратификационной теории, в частности в рамках неовеберовской традиции с ее концепциями классовой ситуации и жизненных шансов [13]. Замысел этих теоретических конструктов сводится к расширению представления о классовом неравенстве посредством добавления в такую модель не только переменных, связанных с экономическим положением индивидов и социальных групп, но и социокультурных факторов. Подобные методологические акценты находят свое развитие в современных подходах к социальной стратификации. К примеру, в понимании Пьера Бурдьё структура инкорпорированного капитала состоит не просто из перечисляемого набора его видов (от культурного до социального), но и может деформироваться Габитусом, образуя полноценные подклассовые формы, которые по-своему ограничены и по-своему привилегированы извлекать ренты [14].

Однако вопросы многофакторного уклада неравенства, на которых фокусируется интерсекциональная оптика, часто опускаются или не принимаются во внимание как исследователями проблем интеграции уязвимых социальных групп, так и агентами продвижения процесса социокультурной интеграции.

Интерсекциональный подход и критика политики идентичности

Как уже было отмечено ранее, интерсекциональный подход расширяет представление о дифференциации и стратификации не столько с позиции исследования жизненных шансов с точки зрения их потенциала для получения экономических преференций (ренды с тех форм капитала, которые индивид рассматривает как активы), сколько пытается качественно детализировать переменные, относящиеся к области культурных значений, социальной идентичности, социальных отношений и их роли в производстве неравенств.

Отсюда становится неувидимым тот факт, что интерсекциональная методология происходит из дискуссии, которая состоялась на Западе в области как критики, так и прямой разработки концепции политики идентичности, причем с разных сторон – как академического, так и акционистского сообщества.

Политика идентичности – теоретическая концепция, которая родилась в области исследований социальных движений, в частности движений за борьбу различных меньшинств за признание и равноправие [15]. Исследователями выделяется несколько значимых парадигм в этой сфере [16], которые отчасти взаимосвязаны. В основе каждой из них лежит уникальный подход к устройству социальной идентичности, пониманию истоков и способов преодоления социального неравенства.

Первой парадигмой, о которой принято говорить в данном случае, является марксизм и(или) неомарксизм. В её рамках идентичность четко увязывается с фактором классовой принадлежности, который здесь

соотносится с проблемами отношения социальной группы к собственности на средства производства, ко владению или управлению ею. Соответственно, главной целью в рамках социальных движений апологетами такого подхода считается борьба против экономического доминирования или угнетения, которые лежат в основании способа производства современного капитализма [17]. Марксизм выделяет основу для идентичности через классовую принадлежность индивида и группы индивидов (пролетариата, прекариата и иных форм классовых образований). Соответственно, единственно верным способом в борьбе со структурным неравенством в таком случае считается преодоление неравенства материального, т.е. экономического. Марксистские идеи хотя и рассматриваются как первоисточник по отношению к самой практике выдвижения социальными группами требований и борьбы за свои права, однако активно критикуются за обесценивание социокультурных факторов, также приводящих к дискриминации. В ответ представители марксистского подхода апеллируют к тому, что вопросы культуры в выделении социальной идентичности – неолиберальный конструкт, созданный для размывания фундаментальной повестки классовой борьбы в рамках современной капиталистической системы.

Вторая парадигма, отчасти выросшая из критики марксистского подхода к классовой идентичности, соотносится с исследованиями новых социальных движений (NSM). Его позиция вырастает вокруг идеи о том, что движения рабочих больше не отражают актуальных проблем угнетенных групп. Внедрение в повестку социальных движений вопросов, связанных с колонизацией жизненного мира и устройства гражданского общества [18], изменили фокус и поле теоретических построений. Сегодня на передний план выходит большое количество некогда «маргинальных» идентичностей, публично заявляющих о своих правах и проблемах. Подобная логика соотносится с кризисом стратификационной марксистской теории, которая долгое время пыталась определить изменившийся субъект классовой борьбы. «Потерянный» пролетариат в каком-то смысле заменялся маргинализированными группами общества, которые были четко очерчены по своим характеристикам, на них возлагалась эмансипаторная надежда на выдвижение новых требований революционного качества. Парадигма новых социальных движений активно критиковалась за расплывчатую терминологию и эссенциализм, так как описание новых идентичностей (особенно этно-расовых меньшинств) сопровождалось тем, что впоследствии определили в качестве проблемы институционализации культур [19]. Это чрезмерно обобщило опыт меньшинств, сделав групповые права и обязанности стереотипными, порождающими проблемы дискриминации на совершенно другом уровне.

Актуальная парадигма социальных движений, которую можно определить как «постмодернистскую», вырастает на фоне состоявшихся дискуссий насчет того, каким образом стоит определять движущий коллективный субъект социальных движений. В каком-то смысле постмодернистский (или постструктуралист-

ский) подход отказывается от выработки концептуальной платформы, в рамках которой можно было бы объяснять или описывать характер современных социальных движений [20]. Исследования политики идентичного в рамках этой парадигмы фокусируются в другом направлении: «Понимаются ли и используются ли статусные идентичности эссенциалистскими или конструкционистскими способами? Какова причинно-следственная связь между организацией, основанной на статусной идентичности, и множеством последствий движения? Чтобы ответить на эти вопросы, социологи использовали социальный конструктивизм, постмодернизм и квир-теорию» [16. С. 25]. Новый взгляд на власть, перспектива, которая идет из постструктуралистской парадигмы [21], концентрируется на вопросах ее производства и воспроизводства, на символическом характере властных социальных отношений. Данная парадигма также характеризуется разрывом с модернистскими категориями анализа (определяя их в качестве бинарных и эссенциалистских), переходит к радикальному конструктивизму, осуществляя «дискурсивизацию всего» посредством новых методологий.

Параллельно данной дискуссии о вопросах идентитаристской трансформации публичной сферы и социальных движений в целом, с их формулой, которая стремится четко увязать каждого индивида с конкретной социальной группой исходя из его идентичности, в поле гендерных исследований совершается ряд открытий, которые ставят под сомнение эффективность политики идентичности как способа достижения социального равенства. В этой связи можно выделить три основных аргумента:

1) в 70-е гг. из результатов многочисленных социологических и антропологических исследований (women studies) делается вывод, что женщины занимают неравное положение с мужчинами в системе патриархальной культуры и капиталистического способа производства [22, 23];

2) в контексте развития левого феминистского активизма становится ясно, что женский опыт сегментирован как классово, так и расово, этнически [24];

3) политика идентичности критикуется, с одной стороны, за эссенциализм, обобщение опыта, который чреват институционализацией «групповых прав», с другой стороны, впитавший в себя всю предыдущую критику постмодернистской поворот не отвечает целям эмансипации, так как на примере женской идентичности ставится совершенно неясно, за какие права выдвигать аргументы, слишком размытый фокус. Критика эссенциализации политики идентичности, которая либо размывала повестку, либо сводила женский вопрос до проблем белого, либерального феминизма. То есть универсалистские модели через критику эссенциализма терпят крах.

Таким образом, одним из ответов на обозначенные концептуальные противоречия становится интерсекциональный подход, зародившийся в поле критических исследованиях расы (critical race studies) [25]. Челсия Креншоу аккумулирует в своем анализе состоявшуюся рефлексию в отношении политики иден-

тичности как эмпирического факта и как концептуальной модели трансформации современных западных обществ. Изначально она описывает интерсекциональность как теоретическую модель, призванную выделить опыт цветных женщин в США, которые, по ее мнению, активно исключались белым либеральным феминизмом (критикуемым ею как часть политики идентичности). Интерсекциональный поворот в методологии делает необходимым в исследованиях обратиться к «внутри категориальному» анализу опыта дискриминации, ведь он сегментирован не только классово, но и расово. Креншоу предлагает начинать анализ любой социальной диспозиции индивида или группы с рассмотрения пересечения трех статусов, которые впоследствии она определила в качестве «матрицы доминирования» – гендер, класс, раса.

Таким образом, генеалогия критической рефлексии, которая привела к зарождению интерсекциональности как теории дискриминации и методологической ориентации при проведении эмпирических исследований неравенств, можно представить следующим образом: от классового активизма, зарождавшегося марксистской традицией, к идентитаристской трансформации социальных движений, от политики идентичности – к гендерным исследованиям, от интеграции выводов из поля гендерных исследований – к универсальной методологической оптике анализа жизненных шансов и дискриминации (интерсекциональности). Исчерпывающим определением характера интерсекциональной оптики можно назвать следующее: «Интерсекциональность создает разнообразный взгляд на сложные проявления социального неравенства и то, как они решаются в социальной практике. Дифференциация и социопространственная контекстуализация обстоятельств, которые раньше казались абстрактными и однородными (элементы культуры и т.д. – *Прим. авт.*), означают, что, по крайней мере, некоторые грубости классического анализа социальной структуры и структурного неравенства в отношении миграции могут быть преодолены» [26. С. 195].

Интерсекциональность как методологическая ориентация исследования социальных неравенств в обществах позднего капитализма

Для раскрытия потенциала интерсекциональной методологии с точки зрения её применимости в исследованиях интеграции и инклюзии стоит обозначить её базовые принципы. Американские исследователи Хи Чоу и Мира Ферри, продолжившие концептуальное развитие проекта, предложенного Креншоу, предлагают сохранить критический характер данного подхода и через его призму отразить следующие методологические принципы интерсекциональности на разных уровнях социального анализа – инклюзия, аналитическое взаимодействие статусов, институциональный приоритет [27].

Инклюзия в данном соотношении понимается как предоставление голоса уязвимым социальным группам (нередко подгруппам внутри выраженных мень-

шинств). Таким образом, инклюзивность в данной логике приглашает социолога включить в программу исследования партисипативные элементы. Партисипаторность многогранна по своим методикам и полю применения – от соцопросов до социальных театров (где действующими лицами являются люди, непосредственно имеющие жизненный опыт в поднимаемой в постановке проблеме) и музеев (не только применяющих практики соучастия в перформансах, но и реализующих голос меньшинств в кураторской практике). «Предоставление голоса угнетенным» рассматривается авторами [27. С. 131] как выражение базовых принципов интерсекциональности. На практике это определяется в качестве упора на включение и публичного проговаривания опыта множественно-маргинализированных (мультимаргинализированных) людей. «Множественные пересечения (множественная маргинализация)» определяется еще как «внутри-категориальный» подход [28], в первую очередь фокусирующийся на различиях опыта для подгрупп внутри одной группы или меньшинства (к примеру, «женский опыт» не универсален для белых и темнокожих женщин с разным уровнем экономического достатка).

Аналитическое взаимодействие статусов – принцип, призывающий исследователя пересекать и выделять такие статусы (вскрывать именно аспект множественной маргинализованности), которые бы наиболее полно описывали положение индивида или уязвленной группы. Интерсекциональность не рассматривает «добавочный» эффект от разных статусов, статусы в самом пересечении должны отражать сложность проживаемой эксклюзии и лишения социальных групп.

Институциональный приоритет – положение, которое закрепляет необходимость постоянной контекстуализации выводов, которые делает исследователь. Недостаточно просто подкрепить голос множественно маргинализированных социальных групп и уточнить специфику этой множественности, в интерсекциональной оптике предполагается соотнесение набора пересеченных статусов с релевантным опытом социальных институтов, которые часто влияют на специфику социальной дифференциации в том или ином обществе.

В итоге в интерсекциональной методологии исследователю предлагается совершить аналитический переход от сложения нескольких независимых цепей неравенства (статусов) к их умножению и, таким образом, преобразовать собственные выводы об их основных эффектах.

Европейские исследователи Габриель Винкер и Нина Дегле дополняют классическое представление о матрице доминирования, состоящей из трех статусов, и предлагают рассматривать четыре ключевые статусные позиции, производящие неравенство: класс, раса, гендер и телесность, которые встраиваются ими в трехуровневую контекстуальную структуру. Посредством социальной практики, т.е. социального поведения и интеракции, субъекты определяют свои позиции и исполняют роли в определенных социальных контекстах,

для этого они используют соответствующие конструкции идентичности. Посредством социальной практики индивиды могут усиливать или смягчать влияние определенных символических представлений о своих идентичностях, а также поддерживать или бросать вызов социальной структуре [29. С. 27].

На уровне структурных властных отношений (макроуровень) Винкер и Дегле приводят доводы в пользу четырех категорий, имеющих отношение к формированию интерсекциональности: класс, пол, раса и тело. Они относятся к историческим способам производства (капитализму), которые определяют и организуют распределение социальных позиций и ресурсов, а также порождают властные отношения, идеологии и нормы.

Межсекторальность относится к вмешательству этих категорий, основанному на социальной теории. Тем не менее эта концепция выходит за рамки старых концепций (таких как «большая тройка»), поскольку тщательно исследуется историческая и ситуационная значимость этих вмешательств. Что касается Бурдые, то структурные категории класса, пола, расы и тела рассматриваются как регулирующие доступ к рынкам труда, дифференцируя распределение доходов и распределяя репродуктивную работу.

Соответственно, основная задача интерсекционального анализа – восстановить взаимозависимости между социальной структурой, символическими представлениями и конструкциями идентичности. Эти взаимозависимости рассматриваются как интегрированные и контекстно-связанные с объектами.

Можно указать три уровня, которые рассматриваются как переплетенные контекстной структурой капиталистического накопления и социальной практикой конкретных социальных групп.

1. Социальное неравенство как производная социальной структуры (основанное на распределении материальных ресурсов и власти в рамках капиталистического способа производства).
2. Символы и символические репрезентации (нормы и ценности).
3. Конструирование идентичности (через микро-социальные процессы инклюзии, эксклюзии, самоидентификации (формирование принадлежности)).

Ханс Бюркнер перенимает принципы обозначенной аналитической модели, предлагая исследовать неравенство среди людей с миграционным опытом в рамках следующих положений, напрямую инспирированных интерсекциональной методологией Винкер и Дегле [26. С. 183]:

- а) существует необходимость способствовать дальнейшему превращению гендера в жизненно важную социальную категорию, тем самым содействуя эмпирической реконструкции связанных с гендером эксклюзии и лишений, особенно в сфере миграции;
- б) включая телесность, необходимо сделать возраст важной категорией анализа, особенно это важно в связи с другими факторами, способствующими «множественной маргинализации». В частности, это касается старения людей с миграционным опытом (особенно трудовым миграционным опытом), так как

неолиберальные идеологии эффективности, перформативности, рентабельности и т.д. оказывают особенное влияние на скорость роста социальной незащищенности и прекаризации этих групп людей;

в) интерсекциональность призвана углубить наше понимание «бодизма» как причины и символического выражения (видимой стигмы по Гоффману [30]), социального неравенства, которое оказывает особое влияние на мигрантов. Изучение факторов, связанных с телесностью, прояснит вклад идеологий неолиберальных и культивации рисков в формирование множественных пересечений, с которыми сталкиваются мигранты с инвалидностью или мигранты, демонстрирующие «отклоняющиеся» манеры (например, женщины, следующие «этническому» или религиозному дресс-коду) и поведение.

Методологические ориентации интерсекциональной оптики

Основываясь на существующих работах, посвященных интерсекциональной концепции устройства социальных неравенств в обществах позднего капитализма, можно сделать следующие методологические выводы о принципах этого подхода:

1. Траектории пересечения статусов позволяют проводить интерсекциональный анализ изучаемого случая, тем самым усложняя теоретико-методологическую модель, дополняя конструктивистскую критику в рамках деконструкции и критики эссенциалистского подхода к культурной или этнической идентичности.

2. Производство подхода, характеризующегося проактивной позицией исследователя, а не ценностной нейтральностью. Эмпатия к положению респондентов,

продвижение их голоса через академические тексты и методологию исследования. В грамотной репрезентации особенно нуждаются наиболее непривилегированные элементы социальной группы, так как они сталкиваются с многомерным опытом дискриминации, а также могут ощущать угнетение как со стороны принимающего общества, так и со стороны группы их социокультурной принадлежности. Продвижение голоса угнетенных групп, партисипативность и инклюзивность.

3. Интеграция социальных групп происходит в микро- и макроконтестах. На микроуровне она связана с борьбой за признание и приобретением инклюзивной идентичности, которая находится в диалектической связке с ценностями и нормами принимающего общества. Раса, класс, гендер и тело являются четырьмя связанными траекториями конструирования идентичности. Реализация инклюзии на микроуровне способствует началу успешной интеграции на макроуровне капиталистического распределения ресурсов и социальной власти. Интеграция людей с миграционным опытом и опытом вынужденного переселения как каждый раз призвана рассматриваться как уникальная биографическая траектория.

4. Рефлексия опыта собственных привилегий (внешнего агента интеграции и исследователя). Необходимо критически анализировать влияние собственных привилегий на исследовательский или интеграционный процесс. Власть репрезентировать – говорить о ключевых проблемах, жизненном опыте, формировать публичный образ индивида. Помимо тяжелого социального положения группы, усугубляемого конфликтными условиями общественных отношений, негативное влияние может оказать выбор модели оказания поддержки, несоответствующей её насущным потребностям, или методология исследования.

Список источников

1. Kivisto P. Incorporating diversity: Rethinking assimilation in a multicultural age. Routledge, 2015. 256 с.
2. Куропятник М.С. Супербразнообразие: реконфигурация культурной сложности контекстов современности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20, № 3. С. 461–470.
3. Lie J. From international migration to transnational diaspora // Contemporary Sociology. 1995. Т. 24, № 4. С. 303–306.
4. Левада Центр. Ксенофобия и национализм. URL: <https://www.levada.ru/2020/09/23/ksenofobiya-i-natsionalizm-2/> (дата обращения: 10.10.2021).
5. Pfeffer D. The integration of groups // Ethnicities. 2014. Т. 14, № 3. С. 351–370.
6. Козлова М.А. Транснационализм в контексте образования: ориентиры адаптации и интеграции в условиях поликультурной образовательной среды // Высшее образование сегодня. 2018. № 3. С. 62–67.
7. Козлова М.А., Михеев И.С. Управление многообразием эпоху транснационализма: перспективы и ограничения в образовательном пространстве // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18, № 4. С. 657–672.
8. Шлюс А. Избранное: Мир, светящийся смыслом: пер. с нем. и англ. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. С. 530–550.
9. Standing G. The precariat // Contexts. 2014. Т. 13, № 4. С. 10–12.
10. Bittman M. et al. When does gender trump money? Bargaining and time in household work // American Journal of sociology. 2003. Т. 109, № 1. С. 186–214.
11. Cotter D. A. et al. The glass ceiling effect // Social forces. 2001. Vol. 80, № 2. С. 655–681.
12. Fisher B., Naidoo R. The Geography of Gender Inequality // PLOS ONE. 2016. Vol. 11, № 3. С. 1–10.
13. Аникин В.А. Социальная стратификация по жизненным шансам: попытка операционализации для массовых опросов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4 (146). С. 39–67.
14. Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Journal of Economic Sociology. 2006. Т. 7, № 3. С. 11–26.
15. Alcoff L. et al. (ed.). Identity politics reconsidered. Springer, 2006. С. 31–54.
16. Bernstein M. Identity politics // Annual Review of Sociology. 2005. Vol. 31. С. 47–74.
17. Wright E.O. The comparative project on class structure and class consciousness An Overview // Acta Sociologica. 1989. № 1. С. 3–22.
18. Пархоменко Р.Н. Теория делиберативной демократии Ю. Хабермаса // Философия и культура. 2012. № 4. С. 40–49.
19. Benhabib S. The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era. Princeton University Press, 2002. С. 82–105.

20. Солдатова Е.Л., Погорелов Д.Н. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 5. С. 105–124.
21. Фуко М., Автономова Н.С., Визгин В.П. Слова и вещи. 1977. 487 с.
22. Ortner S.B. Is female to male as nature is to culture? // *Feminist studies*. 1972. Т. 1, № 2. С. 5–31.
23. Gayle R. The Traffic in Women: Notes on the "Political Economy" of Sex. 1975. С. 157–210.
24. Crenshaw K. Demarginalizing the intersection of race and sex: A black feminist critique of antidiscrimination doctrine, feminist theory and antiracist politics // *University of Chicago Legal Forum*. 1989. 139 с.
25. Crenshaw K. Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence Against Women of Color // *Stanford Law Review*. 1991. Vol. 43, № 6. P. 1241–1299.
26. Bürkner H.J. Intersectionality: How gender studies might inspire the analysis of social inequality among migrants // *Population, space and place*. 2012. Vol. 18, № 2. P. 181–195.
27. Choo H.Y., Ferree M.M. Practicing intersectionality in sociological research: A critical analysis of inclusions, interactions, and institutions in the study of inequalities // *Sociological theory*. 2010. Vol. 28, № 2. P. 129–149.
28. McCall L. *Complex inequality: Gender, class, and race in the new economy* // Psychology Press. 2001. 210 с.
29. Winker G., Degele N. Intersectionality as multi-level analysis: Dealing with social inequality // *European Journal of Women's Studies*. 2011. Vol. 18, № 1. P. 51–66.
30. Goffman E. *Stigma: Notes on the management of spoiled identity*. Simon and Schuster, 2009. P. 1–105.

References

1. Kivisto, P. (2015) *Incorporating diversity: Rethinking assimilation in a multicultural age*. Routledge.
2. Kuropyatnik, M.S. (2020) Superraznoobrazie: rekonfiguratsiya kul'turnoy slozhnosti kontekstov sovremennosti [Superdiversity: Reconfiguring the Cultural Complexity of Contemporary Contexts]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*. 20 (3). pp. 461–470.
3. Lie, J. (1995) From international migration to transnational diaspora. *Contemporary Sociology*. 24 (4). pp. 303–306.
4. Levada Center. (2020) *Ksenofobiya i natsionalizm* [Xenophobia and nationalism]. [Online] Available from: <https://www.levada.ru/2020/09/23/ksenofobiya-i-natsionalizm-2/> (Accessed: 10.10.2021).
5. Pfeffer, D. (2014) The integration of groups. *Ethnicities*. 14 (3). pp. 351–370.
6. Kozlova, M.A. (2018) Transnatsionalizm v kontekste obrazovaniya: orientiry adaptatsii i integratsii v usloviyakh polikul'turnoy obrazovatel'noy sredy [Transnationalism in the Context of Education: Guidelines for Adaptation and Integration in a Multicultural Educational Environment]. *Vyshee obrazovanie segodnya*. 3. pp. 62–67.
7. Kozlova, M.A. & Mikheev, I.S. (2020) Upravlenie mnogoobraziem epokhu transnatsionalizma: perspektivy i ogranicheniya v obrazovatel'nom prostranstve [Diversity management in the era of transnationalism: prospects and limitations in the educational space]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. 18 (4). pp. 657–672.
8. Schutz, A. (2004) *Izbrannoe: Mir, svetyashchisya smyslom* [Selected works: A world that glows with meaning]. Translated from German and English. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. pp. 530–550.
9. Standing, G. (2014) The precariat. *Contexts*. 13 (4). pp. 10–12.
10. Bittman, M. et al. (2003) When does gender trump money? Bargaining and time in household work. *American Journal of Sociology*. 109 (1). pp. 186–214.
11. Cotter, D. A. et al. (2001) The glass ceiling effect. *Social Forces*. 80 (2). pp. 655–681.
12. Fisher, B. & Naidoo, R. (2016) The Geography of Gender Inequality. *PLOS ONE*. 11 (3). pp. 1–10.
13. Anikin, V.A. (2018) Sotsial'naya stratifikatsiya po zhiznennym shansam: popytka operatsionalizatsii dlya massovykh oprosov [Social stratification by life chances: an attempt at operationalization for mass polls]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 4 (146). pp. 39–67.
14. Tikhonova, N.E. (2006) Resursnyy podkhod kak novaya teoreticheskaya paradigma v stratifikatsionnykh issledovaniyakh [Resource approach as a new theoretical paradigm in stratification studies]. *Journal of Economic Sociology*. 7 (3). pp. 11–26.
15. Alcoff, L. et al. (ed.) (2006) *Identity politics reconsidered*. Springer. pp. 31–54.
16. Bernstein, M. (2005) Identity politics. *Annual Review of Sociology*. 31. pp. 47–74.
17. Wright, E.O. (1989) The comparative project on class structure and class consciousness An Overview. *Acta Sociologica*. 1. pp. 3–22.
18. Parkhomenko, R.N. (2012) Teoriya deliberativnoy demokratii Yu. Khabermasa [The theory of deliberative democracy by J. Habermas]. *Filosofiya i kul'tura*. 4. pp. 40–49.
19. Benhabib, S. (2002) *The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era*. Princeton University Press. pp. 82–105.
20. Soldatova, E.L. & Pogorelov, D.N. (2018) Fenomen virtual'noy identichnosti: sovremennoe sostoyanie problemy [The phenomenon of virtual identity: the current state of the problem]. *Obrazovanie i nauka*. 20 (5). pp. 105–124.
21. Foucault, M. (1977) *Slova i veshchi* [The order of things]. Translated from French by N.S. Avtomova, V.P. Vizgin. Moscow: Progress.
22. Ortner, S.B. (1972) Is female to male as nature is to culture? *Feminist Studies*. 1 (2). pp. 5–31.
23. Gayle, R. (1975) The Traffic in Women: Notes on the "Political Economy" of Sex. In: Reiter, R.R. (ed.) *Toward an Anthropology of Women*. Monthly Review Press. pp. 157–210.
24. Crenshaw, K. (1989) Demarginalizing the intersection of race and sex: A black feminist critique of antidiscrimination doctrine, feminist theory and antiracist politics. *University of Chicago Legal Forum*. 1989. Article 8.
25. Crenshaw, K. (1991) Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence Against Women of Color. *Stanford Law Review*. 43 (6). pp. 1241–1299.
26. Bürkner, H.J. (2012) Intersectionality: How gender studies might inspire the analysis of social inequality among migrants. *Population, Space and Place*. 18 (2). pp. 181–195.
27. Choo, H.Y. & Ferree, M.M. (2010) Practicing intersectionality in sociological research: A critical analysis of inclusions, interactions, and institutions in the study of inequalities. *Sociological Theory*. 28 (2). pp. 129–149.
28. McCall, L. (2001) *Complex inequality: Gender, class, and race in the new economy*. Psychology Press.
29. Winker, G. & Degele, N. (2011) Intersectionality as multi-level analysis: Dealing with social inequality. *European Journal of Women's Studies*. 18 (1). pp. 51–66.
30. Goffman, E. (2009) *Stigma: Notes on the management of spoiled identity*. Simon and Schuster. pp. 1–105.

Информация об авторе:

Михеев И.С. – аспирант факультета социальных наук, стажер-исследователь международной лаборатории исследований социальной интеграции Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (Москва, Россия). E-mail: mikheevigst@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.S. Mikheev, postgraduate student, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation).
E-mail: mikheevigst@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.10.2021;
одобрена после рецензирования 05.05.2022; принята к публикации 20.05.2022.*

*The article was submitted 27.10.2021;
approved after reviewing 05.05.2022; accepted for publication 20.05.2022.*

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 94 (47).05+06; 314.148
doi: 10.17223/15617793/478/9

Иноземное население Санкт-Петербурга первой половины XVIII столетия: опыт статистической реконструкции

Александр Николаевич Андреев¹, Юлия Сергеевна Андреева²

^{1, 2} Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ alxand@yandex.ru

² iulyand@yandex.ru

Аннотация. С опорой на церковные метрические книги впервые воссоздаются демографические структуры иноземного населения Санкт-Петербурга в первой половине XVIII в. В разные временные срезы авторы определяют численность иноземцев, их религиозный, национальный и социальный состав. Установлено, что наибольшая концентрация иноземцев (на уровне 10–13%) в городе наблюдалась в Петровскую эпоху, а в дальнейшем их доля снизилась до 6–7%. Выяснено, что большинство петербургских иностранцев принадлежало к ремесленно-торговой среде.

Ключевые слова: иноземцы в России, историческая демография, Санкт-Петербург XVIII в., численность иноземцев, состав населения

Источник финансирования: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00030 «Иностранцы Санкт-Петербурга в первой половине XVIII столетия по метрическим книгам инославных приходов».

Для цитирования: Андреев А.Н., Андреева Ю.С. Иноземное население Санкт-Петербурга первой половины XVIII столетия: опыт статистической реконструкции // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 72–79. doi: 10.17223/15617793/478/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/9

The foreign population of St. Petersburg in the first half of the 18th century: An experience of statistical reconstruction

Aleksandr N. Andreev¹, Yulia S. Andreeva²

^{1, 2} South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation.

¹ alxand@yandex.ru

² iulyand@yandex.ru

Abstract. The article systematizes data about the number of St. Petersburg foreign population in the first half of the 18th century, for the first time cites quantitative and qualitative indicators characterizing the religious, national and social composition of its foreign diaspora. The materials for the statistical reconstruction were the results of the analysis of the St. Petersburg Catholic and Protestant parish registers and the foreigners' databases created on the basis of these church books. To identify demographic structures, the authors used the methods of descriptive statistics and comparative analysis of statistical indicators, and to determine the number of foreigners ("inozemtsy"), they used the method of reconstructing values using constant coefficients expressing the ratio of the adult believers' number to the sum of church rites for a certain time period. As a result, they found that the greatest concentration of foreigners (at the level of 10–13%) in St. Petersburg was observed in the Petrine era, and under Anna Ioannovna and Empress Elizabeth Petrovna their share fell to 6–7%. The number of foreigners was a relatively constant value and amounted to about 4 thousands adult men and women at the end of the reign of Peter the Great, and about 4–5 thousand people of both sexes in the 1730s and 1740s. As parts of the foreign population, the authors separately took into account groups of Germans, French, Italians, Poles, Dutch people, Finns, Swedes, Armenians, Tatars, and other nationalities. The authors publish the results of a special study, during which the size of various religious groups of St. Petersburg residents was determined – such as Catholics, Lutherans, Calvinists, believers of the Armenian Apostolic Church. They substantiate the conclusion that initially it was not Germans, as is traditionally considered, but Swedes and Finns that prevailed among the foreigners of St. Petersburg, and only by the middle of the 18th century the Germans became the most common group of foreigners, accounting for about half of their number. The largest social stratum

of the foreign population in the city was the craft-working (future petty-bourgeois), they included masters and apprentices of the guild craft, artisans, all kinds of civilian specialists and persons who were in service. In the 1730s, this layer of Petersburgians incorporated about three thousand foreigners of both sexes, they made up a significant percentage of the commercial and industrial population of the city and strengthened the stratum of Posadsky residents. Turning to the questions of the socioprofessional composition of the St. Petersburg foreign society of the first half of the 18th century, the authors came to the conclusion that the confessional factor affected the choosing of the type of activity by foreigners.

Keywords: foreigners (inozemtsy) in Russia, historical demography, Saint Petersburg of 18th century, number of foreigners, composition of population

Financial Support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-09-00030.

For citation: Andreev, A.N. & Andreeva, Yu.S. (2022) The foreign population of St. Petersburg in the first half of the 18th century: An experience of statistical reconstruction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 72–79. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/9

Демографические структуры иноземного населения Санкт-Петербурга в первой половине XVIII в. еще ни разу не исследовались статистически. Главным препятствием к тому было плохое знакомство историков с метрическими книгами инославных приходов столицы при отсутствии иных репрезентативных источников. Поэтому развернутыми сведениями о численности, национальном и социальном составе петербургских иноземцев на раннем этапе развития города ученые никогда не обладали. Сегодня исследование книг церковного учета позволяет восполнить этот пробел в наших знаниях о жителях самого «нерусского города» страны. Данная статья является опытом обобщения и систематизации сведений, полученных в процессе многолетней работы над церковными документами.

Критерием отношения людей к категории иноземцев в России издавна являлась их принадлежность к неправославным вероисповеданиям или нехристианским религиям. К иноземцам официально причисляли всех, кто не являлся членом Русской Православной Церкви – и иммигрантов из-за рубежа, и «внутренних» иностранцев из нерусских народов [1. С. 6]. При этом используемые нами определения «иноземный» (иноземного происхождения) и «иноземский» (относящийся к иноземцам) при характеристике неправославного населения являются синонимами.

Численность и структура иноземного населения Санкт-Петербурга в первые десятилетия XVIII в. были подвержены существенным изменениям и зависели от множества факторов – военно-политических событий, мероприятий по реализации реформаторских замыслов царя Петра, миграционных процессов, включая внутреннюю миграцию. Значительные последствия имели победы России в ходе Северной войны и захват в плен подданных шведской короны, подписание мира и возвращение бывших военнопленных на родину, расширение строительства в «Парадизе» и массовая контрактация иностранных рабочих, переселение британцев в связи с переводом английской фактории на берега Невы и иные акции. К концу Петровского царствования в городе насчитывалось около 1,9 тыс. взрослых представителей западнохристианских конфессий обоего пола, исключая финнов и шведов. Эти данные опираются на прямые указания численности прихожан в нарративных источниках и

подсчеты, сделанные на основании анализа динамики обрядов крещений и погребений. Показатель учитывает 1 200 католиков [2. С. 7; 3. С. 133], около 400 лютеран¹, примерно 150 кальвинистов² и чуть более сотни членов английской конгрегации [4. С. 167; 6. С. 8–9].

Серьезные затруднения возникают при попытке определить численность финнов и шведов «лютеранского закона». В отдельные годы Петровского царствования их совокупное число могло достигать пяти тысяч [4. С. 124], однако высокая смертность пленных на строительных работах, миграции финского крестьянского населения и другие причины делали эту группу иноземцев в количественном отношении малоустойчивой. В городе и его окрестностях исповедовавшие лютеранство финские крестьяне исчислялись тысячами: материалы первой ревизии 1719 г. в Санкт-Петербургском дистрикте зафиксировали 6,4 тыс. протестантов [7. С. 59]. После подписания Ништадтского мира количество финнов и шведов в городе должно было сократиться [8. С. 58]. За неимением иных данных воспользуемся сведениями Б. Янгфельдта, полагающего, что объединенный шведско-финский приход в начале 1730-х гг. насчитывал примерно 1 500–600 взрослых мужчин и женщин [8. С. 66; 9. С. 74]. Поскольку при ближайших преемниках Петра тенденция к сокращению доли шведов и финнов среди горожан в основном сохранялась, отмеченный показатель можно отнести к концу «Петрова века», считая его минимальным. Таким образом, с учетом шведско-финского населения в середине 1720-х гг. иноземцы западнохристианских конфессий в Санкт-Петербурге насчитывали не менее 3,4 тыс. человек.

Помимо западных христиан в структуре иноземного населения Санкт-Петербурга следует учитывать верующих Армянской Апостольской Церкви и мусульман. В 1710 г. армянская диаспора города состояла примерно из полусотни лиц [10. С. 229; 11. С. 95]. Возможно, к концу Петровской эпохи она достигла 300 верующих, поскольку в прошении армян о дозволении им иметь молитвенный дом, датированном сентябрем 1725 г., говорится о тридцати армянских дворах (в среднем двор населяли 10 и более человек) [12]. Впрочем, столкнувшись с препятствиями на пути своего развития при Елизавете Петровне, армянская ре-

лигиозная община даже на исходе XVIII столетия включала в себя менее ста персон [13. С. 282]. При преемниках Петра Великого целесообразно определять группу жителей «армянской» веры в 100 взрослых человек *saltem*. Численность же мусульманских народов существенно колебалась в зависимости от потребностей растущего города в рабочей силе: в 1709–1716 гг. на строительстве постоянно трудились порядка 1 600 поволжских и крымских татар, однако уже к началу 1720-х гг. число городских работников «вечного житья» татарской национальности уменьшилось в 10 раз [14. С. 224–226]. Кроме них в Татарской слободе к концу царствования Петра обособились татары-купцы – по документам, «торговых» татарских дворов было свыше двадцати (100–200 человек) [14. С. 230]. Таким образом, в начале 1720-х гг. мусульманская диаспора города вбирала в себя свыше 300 поволжских (преимущественно казанских) татар, а также немногочисленных турок, крымских татар, башкир, зафиксированных среди первых строителей Санкт-Петербурга. В Татарской слободе, кроме того, обитали некрещенные чувашаи, удмурты, калмыки и представители иных народов [15. С. 61]. Можно предположить, что вместе с ними всех иноземцев в Санкт-Петербурге к середине 1720-х гг. насчитывалось порядка 4 тыс. взрослых мужчин и женщин. По весьма приблизительным данным, доля иноземцев в общей численности постоянного населения города, определяемого в 30–40 тыс. человек к 1725 г. [16. С. 6], составляла 10–13%.

В 1730-е гг. ситуация с численностью иноземцев принципиально не изменилась. Религиозная структура иноземческого населения тех лет приблизительно выглядит так: в городе жили 1 500–2 000 взрослых католиков [2. С. 7], 2 000–2 500 лютеран³, 200 кальвинистов (реформатов) [5. С. 15], 100–120 англикан и представителей иных «британских» конфессий [6. С. 8], порядка 100 лиц армянской веры и небольшое количество мусульман. Численность западных христиан находилась в пределах 3,8–4,8 тыс., а общее число иноземцев, соответственно, могло составлять около 4–5 тыс. человек. Если исходить из того, что взрослое православное население столицы в 1737 г. насчитывало 68 141 душу мужского и женского пола [16. С. 6], долю иноземцев в это время можно определить на уровне 5,5–6,8%. Эти показатели в целом не противоречат ранее опубликованным данным, хотя и снижают их максимальную величину. Л.Н. Семенова полагала, что в 1737 г. неправославные жители столицы составляли примерно 6–9% от общего числа обывателей (т.е. порядка 4,3–6,7 тыс. человек), но при этом обоснования своим расчетам историк не представляла [16. С. 6].

К середине столетия состав иноземческого населения Санкт-Петербурга изменился, хотя его численность фактически осталась на прежнем уровне. В 1740-е гг. католический и англиканский приходы вступили в стагнационную фазу развития – их численный рост был крайне незначительным или отсутствовал вовсе. Реформатские общины (голландская и объединенная французско-немецкая) обнаружили явную

тенденцию к деградации. Лютеранский шведско-финский приход существенно сократился: по мнению ведущего специалиста по истории петербургских протестантов А.Э. Алакшина, даже в конце века, после благоприятного для всех «иноверцев» екатерининского царствования, взрослых финнов-лютеран в городе насчитывалось 800–900 человек, а шведов около 500 [4. С. 131]. При анализе статистики церковных обрядов шведско-финского прихода с применением при расчетах общего для лютеран коэффициента отношения совокупного числа взрослых прихожан к количеству крещений и (отдельно) погребений напрашивается вывод о том, что к середине XVIII в. приход вообще состоял только из двухсот мужчин и женщин⁴. Однако, судя по всему, эти данные нуждаются в корректировке в большую сторону. Вероятно, финское лютеранское население города имело иную половозрастную структуру, нежели немецкое, поэтому у финнов должен был быть свой коэффициент отношения числа прихожан к количеству проведенных обрядов. Этот коэффициент следует из статистических данных по финнам-лютеранам, приведенных академиком И.Г. Георги в конце правления Екатерины II: на 1 400 взрослых прихожан, по его сведениям, приходилось 100–125 крещений ежегодно ($k \approx 11,2$) [13. С. 277]. Если применить этот коэффициент, то к середине столетия шведско-финский приход мог состоять из трехсот взрослых верующих. Но даже эти данные свидетельствуют о снижении числа прихожан шведско-финской кирки минимум в пять раз. О причинах сокращения общины приходится гадать, однако наиболее вероятными кажутся две: во-первых, усилившаяся при Елизавете Петровне ассимиляция финского (в меньшей степени шведского) населения путем принятия лютеранами православия, а во-вторых, возвращение на родину тех бывших пленных, которые так и не пожелали за многие годы принять подданство и русскую веру. На заре елизаветинской эпохи (1743–1746) в ведомостях о принявших православие столичных жителях неслучайно преобладают две категории – магометане и женщины «финской нации» («девки» и «женки», реже вдовы) [17. Л. 68–68 об., 74–75, 87–91, 106–107, 224–227]. Массовое обращение последних в православие тормозило естественное воспроизводство лютеранского населения. В 1742 г., кроме того, возник важнейший законодательный прецедент: сенаторы распорядились отпустить в Финляндию «шведских пленных финских жителей», не желающих вступать в российскую службу [18. С. 724–725].

Устойчивое развитие в 1740-е гг. продолжали демонстрировать только немецкие лютеранские общины, но темпы этого развития не могли компенсировать убыль протестантского населения. К середине XVIII столетия в столице проживали приблизительно 1 800–2 100 католиков, 1 700–1 800 лютеран⁵, 100–150 реформатов [5. С. 15], 100–120 англикан [6. С. 8], 100 армян национальной веры и некоторое число мусульман. Таким образом, порядка 3,7–4,2 тыс. взрослых мужчин и женщин являлись представителями западнохристианских церквей и общин, а совокупное число иноземцев Санкт-Петербурга в данное время

могло составлять приблизительно 4,5–5 тыс. взрослых (6–7% от общей численности горожан в 74 283 человека на 1750 г. [16. С. 7]). Эти величины в целом согласуются с ведомостью петербургского генерал-полицмейстера о составе жителей, согласно которой из показанных в сентябре 1750 г. 74 283 петербуржцев и петербурженко 5 562 человека (включая 2435 «приезжих») относились к иностранным особам (почти 7,5%) [20. С. 19] (ср.: [21. С. 102]). Обратим внимание, что данная пропорция несколько меньше той, которой до сих пор оперируют историки, следуя за П.Н. Петровым, полагавшим, что в XVIII в. «иноверцы» (включая инославных христиан) составляли 10% от православного населения города [22. С. 663]. Свою пропорцию П.Н. Петров определил, исходя из статистических сведений конца XVIII в., опубликованных Санкт-Петербургскими ведомостями, и счел ее универсальной, т.е. применимой к ранней истории города [22. С. 665]. По его расчетам, в 1762 г. всех неправославных жителей столицы должно было насчитываться свыше 5 тыс. (10% от православного населения в 51 538 душ двух полов с детьми) [22. С. 664].

В век Екатерины II процент иноземцев среди петербуржцев действительно повысился: город стал гораздо более «иностраным», чем в середине столетия. Согласно подсчетам А.Л. Шлецера, в 1760-е гг. иноземцами являлись 12,5% горожан; по наблюдениям И.Г. Георги, только доля выходцев из стран Западной Европы в 1790-е гг. фиксировалась на уровне 1/8–1/9 (11–12,5% всего населения) [16. С. 20; 23. С. 4].

Национальный состав петербургских иноземцев был весьма разнообразным. Основные этнические группы иноземческого населения на конец Петров-

ской эпохи представлены в табл. 1. Из ее анализа следует, что примерно 40% иностранцев в то время являлись финнами и шведами (среди них могли быть и эстонцы, которых долгое время не отделяли от финского лютеранского населения). Немцы представляли собой вторую по численности, однако самую устойчивую в социально-демографическом отношении группу: почти каждый четвертый иностранец Санкт-Петербурга тогда был немцем (к немцам мы отнесли и германошвейцарцев). Таким образом, мнение, будто доля немцев «... в числе иностранных жителей Петербурга уже в Петровские времена достигала примерно 50%» [24. С. 177; 25. С. 157], надо признать ошибочным. Кроме того, в первой половине столетия численность петербургских немцев далеко не достигала пяти тысяч, как указывают некоторые авторы⁶. Отметим также, что католиков среди немцев, вопреки обычному их отождествлению с лютеранами⁷, было несколько больше. В целом число немцев-католиков примерно соответствовало количеству немцев-протестантов с учетом лютеран и кальвинистов. Татары, итальянцы, французы и поляки могут быть причислены к относительно распространенным категориям иностранцев – доля представителей каждой из этих национальностей среди иноземцев Санкт-Петербурга была весомой, но не превышала десятой части (составляла 5–6%, для татар – 7–8%). Довольно редкими оставались англичане, шотландцы и голландцы (всего 2–3% иноземцев). Экзотическими обитателями города были испанцы, португальцы, чехи, лужичане, латыши, фризы, фламандцы, датчане, норвежцы, турки и лица других национальностей, которые зафиксированы в метрических книгах инославных приходов.

Таблица 1

Национальная и религиозная структура иноземного населения Санкт-Петербурга в середине 1720-х гг.

Национальность	Религиозная принадлежность и численность адептов религии		Общая численность (обоих полов)
Финны и шведы	Лютеране	1 500–1 600	1 500–1 600
Немцы и германошвейцарцы	Католики	430–480	870–930
	Лютеране	400	
	Реформаты	40–50	
Татары	Мусульмане	300	300
Итальянцы	Католики	230–270	230–270
Французы и франкошвейцарцы	Католики	160–190	190–220
	Реформаты	30	
Поляки	Католики	170–200	180–210
	Лютеране	10	
Армяне	Армянские христиане	100–300	130–340
	Католики	30–40	
Выходцы из Британии (англичане, шотландцы, ирландцы)	Англикане	90–100	120–130
	Католики	20	
	Реформаты	10	
Голландцы	Реформаты	50–60	80–100
	Католики	30–40	
Итого:			3 600–4 100

Примечание. Таблица составлена по результатам анализа метрических книг и созданных на их основе баз данных: [5. С. 15–16; 6. С. 8–9; 19. С. 7–11; 27. С. 11].

В 1740-е гг. мы видим иную картину (табл. 2). В это время в структуре иноземного населения города уже, безусловно, преобладают немцы, которые вместе с немецкоязычными швейцарцами составляли примерно половину всех петербургских иностранцев. Среди немцев начинают превалировать лютеране. Также про-

исходит некоторое повышение доли итальянцев, поляков и французов – каждая из этих национальных групп занимала до 10% от общего числа иноземцев. В нашем распоряжении нет данных по татарам, но их удельный вес сокращался в связи с православизацией [16. С. 20]. Очень приблизительные и гипотетические данные

имеются об эстонцах, которые в это время входили как в шведскую общину, так и в финскую (в 1745 г. шведско-финский приход распался на две автономные части). Эстонцев в Петербурге не могло быть больше

финнов и шведов, хотя в губернии их проживало немало (например, в 1763 г. – 4 513 человек, среди которых преобладали жители Нарвы, подчинявшейся Петербургской губернской администрации) [28. С. 18].

Таблица 2

Национальная и религиозная структура иноземного населения Санкт-Петербурга в 1740-х гг.

Национальность	Религиозная принадлежность и численность адептов религии		Общая численность (обоих полов)
Немцы и германошвейцарцы	Католики	710–800	1 940–2 140
	Лютеране	1 200–1 300	
	Реформаты	30–40	
Итальянцы	Католики	380–460	380–460
Поляки	Католики	290–330	320–380
	Лютеране	30–50	
Французы и франкошвейцарцы	Католики	260–320	290–360
	Реформаты	30–40	
Финны и шведы	Лютеране	300	300
Эстонцы (эсты)	Лютеране	200	200
Армяне	Армянские христиане	100	150–170
	Католики	50–70	
Выходцы из Британии (англичане, шотландцы, ирландцы)	Англикане	100–120	130–150
	Католики	20	
	Реформаты	10	
Голландцы	Реформаты	40–60	100–130
	Католики	60–70	
Итого:			3 810–4 290

Примечание. Таблица составлена по результатам анализа метрических книг и созданных на их основе баз данных с присовокуплением сведений из специальной литературы: [4; 5. С. 15–17; 6. С. 8–9; 19. С. 7–11; 27. С. 11].

Социальный состав иноземного населения столицы лучше всего выявляется в Аннинский период, что обусловлено наличием метрических книг инославных церквей того времени, их сравнительно хорошей сохранностью и полнотой. Наиболее мощной иноземческой прослойкой следует признать ремесленно-рабочую (будущую мещанскую), к которой отнесены представители цехового ремесла, мастеровые, всевозможные гражданские специалисты и лица, находившиеся в услужении. По нашим подсчетам, в 1730-е гг. этот слой петербуржцев вбирал в себя около трех тысяч иноземцев обоих полов (с учетом шведов, которые в основной массе зарабатывали кустарным производством, а также финнов, нанимавшихся в качестве прислуги и рабочих по хозяйству). Согласно статистике начала 1730-х гг., «большинство мужчин шведско-финского прихода были ремесленниками», а «почти половина женщин-прихожанок трудились служанками, горничными и кормилицами» [8. С. 63]. Прослойка иноземных купцов и предпринимателей состояла примерно из двухсот человек (торговцев и их жен). Эти данные опираются на сведения о минимальных процентных долях представителей различных социальных групп среди мужчин инославных приходов, которые были получены при исследовании католических и протестантских метрических книг [5. С. 17–18; 6. С. 8–9; 19. С. 7–11; 27. С. 11–12]. Таким образом, иноземцы составляли ощутимую долю торгово-промышленного населения города, укрепляя посадскую прослойку. Православных посадских жителей столицы, занятых промыслами, ремеслом и торговлей, в 1737 г. насчитывалось всего 4 769 душ обоих полов (менее 7% православных), что наводило историков на мысль о том, что «посадское население зани-

мало весьма скромное место по сравнению с военно-служащими» [16. С. 6–7]. В действительности доля ремесленников и городских обывателей «среднего рода» (будущих мещан), хотя и уступала военным, была гораздо более значительной: вместе с иностранцами к этой прослойке должны быть отнесены не менее 10% всех жителей Аннинского Петербурга. Правда, судя по снижению числа прихожан шведско-финской кирки, к середине столетия доля иноземных ремесленников тоже, по-видимому, сократилась. Среди иноземцев имелись и крестьяне – жители окрестных ингермандландских сел, которые работали прислугой в городе и постепенно приобретали статус горожан [8. С. 66].

Военнослужащие западнохристианских вероисповеданий и взрослые члены их семей в Аннинском Петербурге не могли превышать пятисот человек, численно уступая военным служащим православного закона, которых в 1737 г. в городе насчитывалось 25 568 человек обоих полов [16. С. 6]. Вероятно, к иноземным военным служащим следует добавить еще пару сотен мусульман, ибо большая часть последних являлась рекрутами [29. С. 19]. Государственные служащие столичных ведомств иноземного происхождения исчислялись несколькими десятками, но при этом, несмотря на свою кажущуюся малочисленность, составляли немалый процент в составе российской бюрократии: в 1730-е гг. доля иностранцев среди чиновников колебалась от 15 до 30% [30. С. 32; 31. С. 405].

Социальнопрофессиональный состав петербургского иноземного социума сравнительно хорошо был изучен Л.Н. Семеновой по материалам конца XVIII столетия [16. С. 19–20]. Источники первой половины

века вносят в созданную исследователем картину ряд корректив. Так, среди петербургских немцев католического вероисповедания несколько чаще, в сравнении с немцами-лютеранами, обнаруживаются специалисты художественного профиля – скульпторы, декораторы, музыканты, садовники. Немцы-лютеране обычно занимались не столь «возвышенными» видами труда, работая кузнецами, каретниками, шорниками, стекольщиками, сапожниками, шляпниками, портными, пекарями, кондитерами, колбасниками и т.д. Многие из них служили горными рабочими, кучерами и конюхами, лакеями в частных домах. Впрочем, немецкие лютеранские общины тоже вбирали в себя немало лиц творческих профессий – граверов, резчиков, оружейников, золотых и серебряных дел мастеров и иных специалистов. Чиновники и ученые из немцев, наоборот, в подавляющем большинстве исповедовали лютеранство. Французы-католики в сравнении с гугенотами в своих рядах также насчитывали больше «служителей муз» – декораторов, скульпторов, живописцев, ювелиров, мастеров декоративно-прикладного искусства. Вообще французы занимались всевозможными видами ремесла, служили поварами, парикмахерами, гувернерами, как и немцы. Предпринимателей среди них было совсем немного, преимущественно реформатской веры.

Конфессиональный фактор часто сказывался на выборе иноземцами рода занятий: например, голландцы-реформаты в основном были представлены купцами, но среди них можно обнаружить также живописцев, граверов, архитекторов-строителей, мастеров и техников разного профиля и квалификации. Голландцы-католики – это в первую очередь ремесленники (кораблестроители) и садовники. Петербургские англичане преимущественно были заняты в торгово-промышленной сфере, служили моряками или занимались корабельным делом во всех его технологических звеньях, включая проектирование судов, изготовление лесопильного материала, слесарное и плотницкое дело, оснащение и украшение кораблей. Итальянцы занимали свою нишу в жизни города, выступая в качестве актеров театра, комедиантов, певцов, танцовщиков, музыкантов-исполнителей, деяте-

лей «изящных искусств» (зодчих, скульпторов, живописцев). Не были они чужды коммерции и военному делу. Армяне специализировались на торговле; поляки служили в вооруженных силах, а также являлись аптекарями, фармацевтами, поварами, мастерами. В Петербурге имели практику многочисленные врачи разных национальностей, но доминировали в этой сфере немцы и англичане.

Приведенные выше данные характеризуют иноземцев в официальном толковании этого термина (т.е. неправославных жителей города). В XVIII в. немцы, финны, армяне, татары и представители иных народов массово переходили в православную веру и вследствие этого переставали быть частью иноземного социума. С современной нам точки зрения их тоже можно считать нерусскими: с потерей религиозной идентичности они далеко не сразу утрачивали идентичность национальную и продолжали придавать новой столице соответственно «европейские» или «азиатские» черты. Учесть таких «русифицированных» иностранцев статистически сложно, и эта задача будущего большого исследования. Впрочем, сведений только о неправославных иноземцах вполне достаточно для того, чтобы признать факт их широкого присутствия и большого значения в жизни Санкт-Петербурга первой половины XVIII в. Наибольшая концентрация иноземцев (10–13%) в новой столице наблюдалась в Петровскую эпоху, в то время как при ближайших преемниках царя-реформатора город значительно «обрусел». Тем не менее, даже при снижении доли иностранного населения до 6–7%, ремесленно-торговая прослойка горожан в значительной мере (более чем на треть) состояла из иноземцев. Именно они, преимущественно люди европейских наций, делали Санкт-Петербург европейским городом не только структурно, но и функционально (т.е. с точки зрения развития социальных институтов, ремесел и технологий). Иноземцам было доверено внедрять принципы и достижения западной бытовой, художественной и производственной культуры в полном соответствии с теми задачами, которые Петр Великий ставил в Регламенте Главного магистрата и других регламентирующих жизнь города актах.

Примечания

¹ Учтены лютеране будущих общин Св. Петра, Св. Анны и Св. Екатерины, исходя из средних показателей числа обрядов, совершенных в 1720-е гг. Подсчитано по сведениям А.Э. Алакшина и по его методике [4. С. 99, 101, 108, 114–115].

² Данные следуют из численности персонально учтенных взрослых реформатов по метрическим записям 1721–1730 гг. [5. С. 16].

³ Подсчитано по числу церковных обрядов немецких общин с присовокуплением 1 500–1 600 прихожан шведско-финской кирки (данные Б. Янгфельдта) и 100 лютеран Сухопутного шляхетского кадетского корпуса [4. С. 99, 108, 115, 125, 133].

⁴ Коэффициент отношения совокупного числа взрослых прихожан к количеству крещений 7,3 умножен на 29 погребений и 24 крещения, совершаемых в среднем ежегодно [4. С. 101, 131–132].

⁵ В расчет приняты более 700 взрослых прихожан Петрикирхе, 400 – Анненкирхе, 200–250 – «Преображенской» общины (будущей Св. Екатерины) на Васильевском острове, 150 лютеран кадетского корпуса, 300 шведов и финнов [19. С. 6–10].

⁶ По мнению Н.В. Юхнёвой, численность немцев Санкт-Петербурга в XVIII в. в разные периоды и по разным источникам оценивается от 5 до 15 тыс. человек [26. С. 84].

⁷ Считается, что 90% петербургских немцев являлись протестантами и только около 5% – католиками [25. С. 157]. Это мнение ошибочно.

Список источников

- Опарина Т.А. Иноземцы в России в XVI–XVII вв.: Очерки исторической биографии и генеалогии. М.: Прогресс; Традиция, 2007. 384 с.
- Андреев А.Н. Конфессиональная жизнь петербургских католиков в XVIII столетии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2014. Т. 14, № 1. С. 6–14.
- Самыловская Е.А. Католическая община Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016. 206 с.

4. Алакшин А.Э. Протестантские общины в Петербурге в XVIII веке. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2006. 415 с.
5. Андреев А.Н. Реформатское население Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века по регистрационным журналам церковных приходов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2020. Т. 20, № 4. С. 14–23.
6. Андреев А.Н. Англикане и иноземцы других конфессий в Санкт-Петербурге первой половины XVIII века по метрикам англиканского прихода // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2019. Т. 19, № 4. С. 6–15.
7. Кабузан В.М. Распространение Православия и других конфессий в России в XVIII – начале XX в. (1719–1917 гг.). М. : Ин-т российской истории РАН, 2008. 271 с.
8. Янгфельдт Б. Шведские пути в Санкт-Петербург : главы из истории о шведах на берегах Невы / пер. с швед. Ю.Н. Беспятых. Стокгольм ; СПб. : Шведский институт – БЛИЦ, 2003. 360 с.
9. Янгфельдт Б. От варягов до Нобеля: шведы на берегах Невы / автор. пер. с швед. Ю.Н. Беспятых. М. : Ломоносов, 2010. 392 с.
10. Орлов К.В. Армянская церковь в Петербурге // Многонациональный Петербург : История. Религии. Народы. СПб. : Искусство-СПб., 2002. С. 226–233.
11. Ангаладян Р. Армянский Петербург // 21-й век : инф.-аналит. журнал. 2010. № 4 (16). С. 91–108.
12. РГИА. Ф. 796. Оп. 6. Д. 299: Дело «По прошению Армянского архиепископа Минаса Вартапеда и некоторых армян о дозволении им иметь в Санкт-Петербурге молитвенный дом» (15 сентября 1725 г. – 14 октября 1728 г.). 14 л.
13. Георги И.Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб. : Шляхетский сухопутный кадетский корпус, 1794. Ч. 2. 576 с.
14. Файзрахманов И.З. Татарский след на берегах Невы: из истории строительства Санкт-Петербурга в первой четверти XVIII в. // Научный Татарстан. 2009. № 2. С. 222–233.
15. Салмин А.К. Санкт-Петербург XVIII века и чувашы // Чувашский гуманитарный вестник. 2009. № 4. С. 58–78.
16. Семенова Л.Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). М. ; СПб. : Весь мир ; Рус.-Балт. Инф. центр БЛИЦ, 1998. 227, [27] с.
17. РГИА. Ф. 796. Оп. 25. Д. 297: О переходе в православие камергера Якова Балка и графини Марфы Скарвонской. О правилах перехода в православие из других вероисповеданий (1744–1750). 311 л.
18. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. СПб. : Типография 2-го Отделения, 1830. Т. 11. 990 с.
19. Андреев А.Н., Андреева Ю.С. Лютеранское население Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века по сведениям брачных реестров приходских церквей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2020. Т. 20, № 4. С. 6–13.
20. Юхнёва Н.В. Многонациональная столица империи // Многонациональный Петербург : История. Религии. Народы. СПб. : Искусство-СПб., 2002. С. 9–72.
21. Очерки истории Ленинграда. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1: Период феодализма (1703–1861 гг.). 896 с.
22. Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703–1782. СПб. : Тип. Глазунова, 1884. [2], XXIV, 848, 246, [6] с.
23. Семенова Л.Н. Национальный состав населения Петербурга в XVIII веке // Русско-немецкие контакты в биографии Петербурга : материалы междунар. конф. СПб. : Междунар. благотвор. Фонд спасения Санкт-Петербурга, 1992. С. 3–4.
24. Спивак Д.Л. Метафизика Петербурга: немецкий дух. СПб. : Алетейя, 2003. 448 с.
25. Дальман Д. Петербургские немцы в XVIII столетии: крестьяне, ремесленники, предприниматели // Немцы в России: петербургские немцы : сб. ст. / отв. ред. Г.И. Смагина. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. С. 156–163.
26. Юхнёва Н.В. Этнические группы и их общинная жизнь в старом Петербурге // Многонациональный Петербург : История. Религии. Народы. СПб. : Искусство-СПб., 2002. С. 73–141.
27. Андреев А.Н. Католический социум Санкт-Петербурга по метрическим записям прихода Греческой слободы (1710–1740 гг.): опыт составления и изучения базы данных // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2019. Т. 19, № 3. С. 6–15.
28. Pullat R. Peterburi eestlased. Ajaloolis demograafilise kätislu XVIII sajandi algusest kuni 1917. aastani. Tallinn : Eesti Raamat, 1981. 64 s.
29. Тагирджанова А.Н. Мечети Петербурга: проекты, воплощение, история мусульманской общины. СПб. : Полторак, 2014. 163 с.
30. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 548 с.
31. Андреев А.Н. Численность протестантов в верхнем звене гражданского управления России при Анне Иоанновне // Наука ЮУрГУ : материалы 68-й науч. конф. Секции социально-гуманитарных наук. Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2016. С. 404–409.

References

1. Oparina, T.A. (2007) *Inozemtsy v Rossii v XVI–XVII vv.: Ocherki istoricheskoy biografii i genealogii* [Foreigners in Russia in the 16th–17th centuries: Essays of historical biography and genealogy]. Moscow: Progress–Traditsiya.
2. Andreev, A.N. (2014) *Konfessional'naya zhizn' petersburgskikh katolikov v XVIII stoletii* [Confessional life of Petersburg Roman Catholics in the 18th century] *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Sotsial'no-Gumanitarnye nauki"*. 14 (1). pp. 6–14.
3. Samylovskaya, E.A. (2016) *Katolicheskaya obshchina Sankt-Peterburga v pervoy polovine XVIII veka* [Catholic community of St. Petersburg in the first half of the 18th century]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
4. Alakshin, A.E. (2006) *Protestantskie obshchiny v Peterburge v XVIII veke* [Protestant communities in St. Petersburg in the 18th century]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University.
5. Andreev, A.N. (2020) *Reformatskoe naselenie Sankt-Peterburga v pervoy polovine XVIII veka po registratsionnym zhurnalom tserkovnykh prikhodov* [Calvinist population of Saint Petersburg in the first half of the 18th century according to the registers of Church parishes] *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Sotsial'no-Gumanitarnye nauki"*. 20 (4). pp. 14–23.
6. Andreev, A.N. (2019) *Anglikane i inozemtsy drugikh konfessiy v Sankt-Peterburge pervoy poloviny XVIII veka po metrikam anglikanskogo prikhoda* [Anglicans and foreigners of other faiths in Saint Petersburg in the first half of the 18th century according to the Anglican parish register] *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Sotsial'no-Gumanitarnye nauki"*. 19 (4). pp. 6–15.
7. Kabuzan, V.M. (2008) *Rasprostraneniye Pravoslaviya i drugikh konfessiy v Rossii v XVIII – nachale XX v.* [The spread of Orthodoxy and other confessions in Russia in the 18th – early 20th centuries]. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.
8. Yangfeldt, B. (2003) *Shvedskie puti v Sankt-Peterburg: Glavy iz istorii o shvedakh na beregakh Nevy* [Swedish ways to St. Petersburg: Chapters from the history of the Swedes on the banks of the Neva]. Stockholm: Saint Petersburg: Blitz.
9. Yangfeldt, B. (2010) *Ot varyagov do Nobelya: Shvedy na beregakh Nevy* [From the Vikings to Nobel: The Swedes on the banks of the Neva]. Moscow: Lomonosov.
10. Orlov, K.V. (2002) *Armianskaya tserkov' v Peterburge* [Armenian Church in St. Petersburg]. In: *Mnogonatsional'nyy Peterburg: Istoriya. Religii. Narody* [Multinational St. Petersburg: History. Religions. Peoples]. Saint Petersburg: Iskustvo–SPb. pp. 226–233.
11. Angaladyan, R. (2010) *Armianskiy Peterburg* [Armenian Petersburg] *21st century: Information and Analytical Journal*. 4 (16). pp. 91–108.

12. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 796. List 6. File 299. *Delo "Po prosheniyu Armyanskogo arkhiepiskopa Minas Vartapeda i nekotorykh arмянan o dovolenii im imet' v Sankt-Peterburge molitvennyy dom"* ["At the request of the Armenian Archbishop Minas Vartaped and some Armenians for permission to have a house of prayer in St. Petersburg"] (1725–1728).
13. Georgi, I.G. (1794) *Opisanie rossiysko-imperatorskogo stolichnogo goroda Sankt-Peterburga i dostopamyatnostey v okrestnostyakh onogo* [Description of the Russian Imperial capital city of St. Petersburg and the sights in the vicinity of it]. Part 2. Saint Petersburg: Gentry Land Cadet Corps.
14. Fayzrakhmanov, I.Z. (2009) Tatarskiy sled na beregakh Nevy: iz istorii stroitel'stva Sankt-Peterburga v pervoy chetverti XVIII v. [The Tatar trace on the banks of the Neva: from the history of St. Petersburg construction in the first quarter of the 18th century] *Nauchnyy Tatarstan*. 2. pp. 222–233.
15. Salmin, A.K. (2009) Sankt-Peterburg XVIII veka i chuvashy [St. Petersburg of the 18th century and the Chuvash] *Chuvashskyy gumanitarnyy vestnik*. 4. pp. 58–78.
16. Semyonova, L.N. (1998) *Byt i naselenie Sankt-Peterburga (XVIII vek)* [Life and population of St. Petersburg (18th century)]. Moscow; St. Petersburg: Ves' mir: Blitz.
17. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 796. List 25. File 297. *O perekhode v pravoslaviye kamergera Yakova Balka i grafiny Marfy Skavronskoy. O pravilakh perekhoda v pravoslaviye iz drugih veroispovedaniy* [About the conversion to Orthodoxy of Kammerherr Yakov Balk and Countess Martha Skavronskaya. About the rules of conversion to Orthodoxy from other faiths] (1744–1750).
18. Russian Empire. (1830) *Polnoye sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Vol. 11. St. Petersburg: Printing House of the 2nd Branch of His Majesty's Chancery.
19. Andreev, A.N. & Andreeva, Yu.S. (2020) Lyuteranskoye naselenie Sankt-Peterburga v pervoy polovine XVIII veka po svedeniyam brachnykh reyestrov prikhodskikh tserkvey [Lutheran population of Saint Petersburg in the first half of the 18th century according to the parish marriage registers] *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Sotsial'no-Gumanitarnye nauki"*. 20 (4). pp. 6–13.
20. Yuhnyova, N.V. (2002) Mnogonatsional'naya stolitsa imperii [The multinational capital of the Empire]. In: *Mnogonatsional'nyy Peterburg: Istoriya. Religii. Narody* [Multinational St. Petersburg: History. Religions. Peoples]. Saint Petersburg: Iskustvo–SPb. pp. 9–72.
21. USSR Academy of Sciences. (1955) *Ocherki istorii Leningrada* [Essays on the Leningrad history]. Vol. 1. Moscow – Leningrad: USSR Academy of Sciences.
22. Petrov, P.N. (1884) *Istoriya Sankt-Peterburga s osnovaniya goroda do vvedeniya v deystvie vybornogo gorodskogo upravleniya po uchrezhdeniyam o guberniyakh. 1703–1782* [The history of St. Petersburg from the foundation of the city to the introduction of an elected city administration for the institutions of the provinces. 1703–1782]. Saint Petersburg: Glazunov Printing House.
23. Semyonova, L.N. (1992) *Natsional'nyy sostav naseleniya Peterburga v XVIII veke* [National composition of the Petersburg population in the 18th century]. In: *Russko-nemetskie kontakty v biografii Peterburga* [Russian-German contacts in the Petersburg biography]. Saint Petersburg: International Charitable Foundation for the Salvation of St. Petersburg. pp. 3–4.
24. Spivak, D.L. (2003) *Metafizika Peterburga: Nemetskiy dukh* [Metaphysics of St. Petersburg: The German spirit]. Saint Petersburg: Aletya.
25. Dahlmann, D. (1999) Peterburgskiy nemtsy v XVIII stoletii: krestiane, remeslenniki, predprinimateli [St. Petersburg Germans in the 18th century: peasants, artisans, businesspersons]. In: *Nemtsy v Rossii: Peterburgskiy nemtsy* [Germans in Russia: St. Petersburg Germans]. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin. pp. 156–163.
26. Yuhnyova, N.V. (2002) Etnicheskiye gruppy i ikh obsshinnaya zhizn' v starom Peterburge [Ethnic groups and their community life in Old St. Petersburg]. In: *Mnogonatsional'nyy Peterburg: Istoriya. Religii. Narody* [Multinational St. Petersburg: History. Religions. Peoples]. Saint Petersburg: Iskustvo–SPb. pp. 73–141.
27. Andreev, A.N. (2019) Katolicheskiy sotsium Sankt-Peterburga po metriceskim zapisyam prikhoda Grecheskoy slobody (1710–1740 gg.): opyt sostavleniya i izucheniya bazy dannykh [Catholic society of Saint Petersburg according to the metric records of the Greek township's parish (1710–1740): an attempt to compile and study the database] *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Sotsial'no-Gumanitarnye nauki"*. 19 (3). pp. 6–15.
28. Pullat, R. (1981) *Peterburi eestlased. Ajaloolis demograafiline kasitus XVIII sajandi algusest kuni 1917. aastani*. Tallinn: Kirjastus "Eesti Raamat".
29. Tagirjanova, A.N. (2014) *Mecheti Peterburga: proyekty, voplossheniye, istoriya musul'manskoy obsshiny* [Mosques of St. Petersburg: projects, implementation, history of the Muslim community]. St. Petersburg: Poltorak.
30. Mironov, B.N. (2003) *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genesis lichnosti, demokraticeskoy semyi, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [Social history of Russia during the Empire epoch (18th – early 20-th century): The genesis of personality, democratic family, civil society and the law abiding state]. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitry Bulanin.
31. Andreev, A.N. (2016) [Number of Protestants in the upper level of the Russian civil administration under Anna Ioannovna]. In: *Nauka YuUrGU [SUSU Science]. Proceedings of the 68th Conference. Sections of Social Sciences and Humanities*. Chelyabinsk: SUSU. pp. 404–409. (In Russian).

Информация об авторах:

Андреев А.Н. – д-р ист. наук, профессор кафедры теологии, культуры и искусства Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Россия). E-mail: alxand@yandex.ru

Андреева Ю.С. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник научно-образовательного центра “Актуальные проблемы истории и теории культуры” Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Россия). E-mail: iulyand@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.N. Andreev, Dr. Sci. (History), professor, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: alxand@yandex.ru

Yu.S. Andreeva, Cand. Sci. (History), senior researcher, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: iulyand@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.09.2021;
одобрена после рецензирования 19.10.2021; принята к публикации 20.05.2022.

The article was submitted 17.09.2021;
approved after reviewing 19.10.2021; accepted for publication 20.05.2022.

Научная статья
УДК 930.1
doi: 10.17223/15617793/478/10

Заграничные командировки антиковедов, их содержание и модели построения маршрутов в конце XIX – начале XX в.

Евгений Сергеевич Гицевич¹

¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия, mkultomskgic@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос о заграничных командировках отечественных антиковедов в конце XIX – начале XX в. Данная практика для интересующего нас направления исторической науки началась в дореволюционной России с момента командирования родоначальника отечественного антиковедения М.С. Куторги и реализовывалась до конца существования царского режима. Выделены две основные модели построения маршрутов исследователей, напрямую связанных с содержательной частью командировки. Отмечена некоторая специфика командировок именно представителей антиковедения.

Ключевые слова: антиковедение, заграничные командировки, дореволюционная Россия, М.С. Ростовцев, В.В. Латышев, В.К. Ернштедт, А.Н. Щукарев

Для цитирования: Гицевич Е.С. Заграничные командировки антиковедов, их содержание и модели построения маршрутов в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 80–86. doi: 10.17223/15617793/478/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/10

Overseas business trips of antiquity researchers: Content and models for building routes in the late 19th – early 20th centuries

Evgeniy S. Gitsevich¹

¹ Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, mkultomskgic@yandex.ru

Abstract. This article examines the overseas business trips of domestic antiquity researchers in pre-revolutionary Russia at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. For the professional development of a scholar of antiquity, the importance of foreign business trips was essential for a number of reasons. Firstly, during an overseas trip, future researchers received the opportunity to touch the materials of the epoch they were interested in while visiting museums, participating in archaeological excavations, and studying monuments. They could directly observe the places in which the historical events they were investigating took place and dive into the atmosphere and the spirit of these places. Secondly, contacts with the leading foreign professors from Germany, France, England, Italy were extremely important for young researchers. During such academic contacts, Russian researchers adopted new, advanced theories from foreign colleagues, and also mastered previously unknown methods of research and teaching work. This study was based on a wide range of sources, including sources of personal origin (letters, autobiographies), regulations governing the work of this institution, as well as obituaries of antiquity scholars who went to overseas business trips. As a result of the study, the author distinguished two models of building the routes for overseas business trips of antiquity researchers. The first model, which involved visiting leading European academic centers, was formed in the first half of the 19th century and was the most widespread until the 1880s. It was replaced by a “new” model, which suggested spending the entire period allotted for a business trip in the countries of classical antiquity rather than visiting advanced academic centers in Europe. Along with the change in the model of building routes, the content of such business trips changed significantly. If in the previous period the main occupation of antiquity scholars abroad was acquaintance with the achievements of foreign colleagues and studying with them, in the later period, it was participating in archaeological excavations, making independent archaeological discoveries, visiting local museums and monuments, conducting field work with representatives of European science in the form of equal cooperation. The emergence of a new model of building the routes for overseas business trips and its predominance at the time under consideration is due, first of all, to positive changes in our science. Achievements in the development of Russian classical studies by the end of the 19th century brought it to the level corresponding to European; therefore, there was no need to undergo additional postgraduate training with European professors. In this period of time, libraries of the capital’s universities were better supplied with advanced scholarly literature, including latest foreign works.

Keywords: overseas business trips, postgraduate studies, pre-revolutionary Russia, antiquity, routes

For citation: Gitsevich, E.S. (2022) Overseas business trips of antiquity researchers: Content and models for building routes in the late 19th – early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 80–86. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/10

Институт «заграничных командировок с целью приготовления к профессорскому званию» оказал существенное влияние на развитие дореволюционного отечественного антиковедения. Значительные успехи, достигнутые представителями данной отрасли исторической науки, во многом были обусловлены теми возможностями, которые открывались перед учеными благодаря функционированию рассматриваемого института. Мы разделяем мнение А.Ю. Трохимовского, утверждавшего, что такие командировки можно считать «заграничной аспирантурой», являющейся альтернативой послевузовскому образованию внутри страны [1. С. 165]. На наш взгляд, рассмотрение данного вопроса позволит более комплексно подойти к исследованию проблемы институционализации отечественного антиковедения в дореволюционной России, рассмотреть процесс формирования и развития данного направления исторической науки.

Возможными кандидатами для командирования выступали: «а) магистры; б) кандидаты, выдержавшие уже испытание на степень магистра, но еще не защитившие диссертацию; в) кандидаты, доказавшие свои специальные знания и преподавательские способности занятиями в университете, в течение не менее двух лет, в звании приват-доцента; г) кандидаты, имеющие известность благодаря своим научным трудам» [2. № 194. Стб. 444].

Об отправлении за границу будущего ученого ходатайствовал перед факультетом его учитель (научный руководитель), а далее вопрос направлялся на рассмотрение Совета университета и министра народного просвещения. Стоит отметить, что согласие министерства в значительной степени зависело от наличия свободных финансовых средств, по иным соображениям оно редко отклоняло или оспаривало предложенные кандидатуры. Так, согласно Правилам 1867 г., «...избранных университетами кандидатов для приготовления в профессора Министерство народного просвещения назначит к отправлению за границу по своему усмотрению такое число, какое может быть содержимо на имеющиеся денежные средства» [Там же]. В то же время оплату командировки мог взять на себя и университет, однако и его ресурсы были ограничены [3. № 2404, п. 145]. Кандидатов всегда было больше, чем возможностей для командирования, поэтому на уровне факультета и Совета университета проводился отбор наиболее достойных путем баллотирования. Министерство, в свою очередь, лишь одобряло принятое в университете решение, так как считалось, что профессора на местах могут рассматривать вопрос более обстоятельно.

Срок командирования, согласно Правилам 1867 г., устанавливался строго не более двух лет для представителей всех наук [2. № 194. Стб. 444]. Исследовавший заграничные командировки представителей школы М.С. Куторги А.М. Скворцов утверждает, что

в 50–70 гг. XIX в. продление командировок считалось большой удачей и допускалось крайне редко и лишь на незначительный срок – от одного до нескольких месяцев. Часто ради этого приходилось ссылаться на реальную или выдуманную болезнь [4. С. 410]. Однако с 1880 г. для антиковедов устанавливаются особые условия прохождения заграничных командировок. Долгое время служивший посланником в Греции П.А. Сабуров подал ходатайство с предложением создать в Афинах постоянно действующий русский научный институт по типу уже существующих и работающих в Греции и Италии Германского археологического института и Французской археологической школы [5]. Главная задача такого учреждения должна была заключаться в обеспечении возможности для отечественных антиковедов и археологов непрерывно заниматься исследованиями в самом сердце бывшего античного мира. Ходатайство Сабурова не было в полной мере удовлетворено, но при участии Ф.Ф. Соколова вопрос был решен в пользу возможности продления срока командирования до трех лет [6. С. 147]. Решение о продлении, судя по всему, принималось по каждому конкретному случаю отдельно и должно было быть обосновано в ходатайстве или отчетах. Начиная с 1880 г. мы действительно видим ряд таких трехгодичных командировок антиковедов (М.И. Ростовцев, В.К. Ернстштетт, В.В. Латышев, А.Н. Щукарев [7. С. 350], Р.Х. Лепер [8. С. 228], М.Н. Крашеников [3. С. 437], В.А. Шеффер [9. С. 543]).

Для профессионального становления ученого-антиковеда значение заграничных командировок было крайне велико по ряду причин. Во-первых, в ходе командировки будущий ученый получал возможность прикоснуться к материалам интересующей его эпохи во время посещения музеев, участия в археологических раскопках, изучения памятников. Здесь он мог непосредственно наблюдать места, в которых происходили исследуемые им исторические события, проникнуться атмосферой и духом этих мест [4. С. 409]. Во-вторых, для молодого ученого были чрезвычайно важны контакты с ведущими зарубежными профессорами из Германии, Франции, Англии, Италии. Во время таких академических контактов наши ученые перенимали у зарубежных коллег новые, передовые теории, а также осваивали ранее неизвестные методы научной и преподавательской работы [10. С. 6.]. Историк-антиковед И.В. Модестов, сам побывав за границей в 1862–1864 гг., высоко оценил значимость данного института для развития отечественной науки: «Русские молодые люди занимались наукой у самых ее источников, усваивали себе современные теории, новейшие приемы исследования, вникали в глущие вопросы, волновавшие ученых в разных областях знания. Через два-три года, проведенных в живейшем общении с современной наукой, молодые люди возвращались в Россию. Составляя диссертации, вступая

на кафедры, они, естественно, вносили и в свои учебные труды, и в университетское преподавание новые взгляды и иные приемы обращения с наукой, приемы ее исследования и преподавания» [11. С. 7], «в наших университетах после возвращения из-за границы большого количества молодых ученых и вслед за новой организацией университетов действительно началась научная жизнь» [11. С. 12].

Институт заграничных командировок сформировался в дореволюционной России еще в первой половине XIX в. [12. С. 17–18] и продолжал функционировать вплоть до 1917 г. Первым отечественным учебным-антиковедом, отправившимся в такую командировку в 1833 г., был признанный родоначальник данного направления исторической науки в России М.С. Куторга. С этого момента вплоть до 1880-х гг. командировки специалистов по античной истории, античной археологии и классической филологии осуществлялись по некоторой схеме, определяющей их маршрут и содержание и, в свою очередь, обусловленной спецификой науки и особенностями ее развития в нашей стране и за рубежом. Данную схему построения маршрутов мы обозначим как «классическую».

Основная суть этой «классической» схемы заключалась в совмещении двух целей в рамках одной командировки: усовершенствовать свои научно-исследовательские знания и навыки посредством обучения у зарубежных корифеев науки (преимущественно речь о Германии и Франции); посетить страны ареала античной цивилизации (Грецию и Италию). При этом первая цель имела больший приоритет.

Примеры таких командировок антиковедов мы можем наблюдать со времен Куторги и вплоть до начала 80-х гг. XIX в. Рассмотрим их более подробно по командировкам В.Г. Зубкова, О.Ф. Базинера, Ф.Г. Мищенко, Ф.Ф. Зелинского. Зубков был отправлен за границу сроком на два года в 1874 г. Первым пунктом его пребывания стал Кенигсберг, где он посещал занятия профессоров Жордана, Бласса, Лерса на протяжении семестра и в то же время занимался собором и обработкой материала для своей магистерской диссертации, исследуя труды греческих и римских авторов и знакомясь с новейшими трудами немецких историков в области античной культуры [13. С. 100]. 1875 год ученый полностью провел в Бонне, где обучался у профессоров Бергка, Бернаиса, Бюхелера и параллельно совершенствовался в знании древних языков, посещая занятия в филологической семинарии. Оставшуюся часть командировки, в 1876 г., Зубков посвятил Италии, где работал над исследованием рукописей Софокла. Результаты этой работы воплотились в диссертации «“Трахинянки” Софокла», успешно защищенной им по возвращении в Россию [13. С. 101]. Аналогичный набор стран (Германия, Франция, Италия) посетили во время своих командировок О.Ф. Базинер в период с 1877 по 1879 г. [14. С. 57] и Ф.Г. Мищенко в период с 1875 по 1877 г. [15. С. 42].

С 1880 по 1882 г., закончив учебу в Лейпцигской филологической семинарии, был командирован за границу Ф.Ф. Зелинский. В течение первого года он совершенствовался в науках под руководством ведущих специалистов в области античного искусства

Мюнхена и Вены, а на второй год отправился в Италию, где большую часть времени пребывал в Риме, работая в музеях и библиотеках [16. С. 88].

В исследуемый нами хронологический период конца XIX – начала XX в. происходят изменения в построении маршрутов командировок антиковедов, в связи с чем существенно меняется их содержание. Уже с начала 1880-х гг. большая часть исследователей античного мира отдает предпочтение странам классической древности Греции и Италии, реже обоем, в то же время осознанно отказывается от посещения передовых научных центров. Подобные изменения мы, вслед за мнением современников, связываем с успешным развитием отечественного антиковедения и его выходом на один уровень с европейской наукой, что сделало менее актуальным дополнительное обучение у зарубежных профессоров. В данном ключе показательны утверждения М.Н. Крашениникова и С.А. Жебелева. Крашениников всю свою командировку (1891–1893) посвятил Италии, при этом прямо заявляя: «...никаких лекций по предметам избранной специальности у заграничных знаменитостей не слушал, считая посещение таковых совершенно излишней роскошью после своих университетских занятий под руководством четырех русских корифеев классической филологии: В.К. Эрнштедта, К.Я. Люгебиля, П.В. Никитина, И.В. Помяловского» [17. С. 34]. Жебелеву не удалось побывать в заграничной командировке во время подготовки диссертации по семейным обстоятельствам. Тем не менее он разделял мнение Крашениникова по вопросу отсутствия необходимости дополнительной учебы за рубежом: «О том, что Жебелев не “штудировал” в заграничных университетах, он никогда особого сожаления не испытывал, так как считал пройденную им в С.-Петербургском университете “школу” вполне достаточной и хорошей. Но о том, что ему не удалось в начале своей деятельности на ученом поприще провести, подобно большинству его сотоварищей по специальности, два-три года в классических странах – Греции и Италии, он сожалел постоянно и видел в этом большой минус в своей научной подготовке» [18. С. 178].

Другой фактор, определивший изменение в маршрутах командировок антиковедов, на наш взгляд, заключается в улучшении наполняемости библиотек, по крайней мере столичных [19. С. 1–2]. Ранее одной из важных причин, побуждавших историков ехать в европейские научные центры, была необходимость в работе с новейшей литературой по своей тематике. В конце XIX – начале XX в. мы видим, что на пополнение библиотеки Петербургского университета выделяются внушительные средства [20. С. 38]. Более того, сами современники оценивали наполняемость столичных библиотек как удовлетворительную для того, чтобы исследователь мог быть в курсе новейших научных достижений [21]. Кроме того, идеи зарубежных коллег становились более доступными для ознакомления благодаря деятельности периодических изданий, тематически специализирующихся на вопросах, связанных с античным миром, таких как «Филологическое обозрение» и «Гермес». На страницах

данных журналов публиковались оригинальные статьи и переводы статей европейских ученых, а также обзоры, отзывы и рецензии на их исследования.

Рассмотрим командировки с соответствующим маршрутом на конкретных примерах. В.К. Эрнштедт провел в Греции и Италии три года. В данном случае показательно то, что изначально в его план входило также посещение Франции и Германии, но в процессе работы ученый отказался от намеченного маршрута, чтобы больше времени провести в странах классической древности. Н.И. Новосадский все отведенные ему два года командирования (1884–1886) провел в Греции [22. С. 173] и успел посетить Элевсин, Дельфы, Фивы, Мегары, Коринф, Аргос, Микены, Тиринф, южную Фессалию, а также практически весь Крит [23. С. 222–225]. А.В. Никитский в 1883–1884 гг. обошел пешком почти всю Грецию, посещая места раскопок и знакомясь с эпиграфическими материалами местных музеев [23. С. 200]. Ученому удалось сделать самостоятельное открытие ранее неизвестного науке храма Асклепия в Навпакте [24. С. 176]. В 1890 г. Р.Х. Лепер отправился сначала в Грецию, а затем в Италию. В общей сложности его командировка длилась почти четыре года, что является беспрецедентным случаем для этого периода [8. С. 228]. В 1880 г. на два года был командирован в Грецию В.В. Латышев. Ученый обошел пешком большую ее часть, собирая материалы для своего исследования, посвященного дорийским и эолийским календарям [25. С. 178]. Своей научной деятельностью он получил международное признание и во время пребывания в Афинах был избран членом-корреспондентом Германского археологического института, работал совместно с известным на тот момент ученым Ульрихом Кёлером, а также с директором Французской археологической школы в Греции Полем Фукаром [26. С. 186].

Своего рода компромиссный вариант между «классической» и «новой» моделью построения маршрута командировки демонстрирует нам А.Н. Щукарев. Первоначально министерство назначило ему два года, которые он полностью провел в Греции, принимая участие в археологических раскопках и работая с эпиграфическими материалами в местных музеях [27. С. 2–3]. Однако по окончании срока его командировка была продлена еще на один год. Первую его половину Щукарев посвятил Италии, преимущественно Риму, но также успел побывать в Сицилии, Неаполе и Тоскане, а также на раскопках Помпей. Лишь во втором полугодии Щукарев отправился в Германию, где слушал лекции местных профессоров [28. С. 48].

Тем не менее выделенная нами «новая» модель построения маршрутов командировок не должна быть абсолютизированной для данного периода. По словам Жебелева, большинство его коллег отдавали предпочтение странам классической древности, но не все [18. С. 178]. Мы уже отмечали, что еще в 1880–1882 гг. Зелинский придерживался «классического» варианта, были и другие исключения. Командированный в 1883–1885 гг. Г.Ф. Шульц все отведенное ему время провел в Германии и Франции, преимущественно в

Бонне, при этом не посетив Грецию – родину Софокла, исследованием которого он занимался и посвятил ему свою диссертацию, что совершенно нетипично [29]. Аналогичным образом М.М. Покровский с 1892 по 1894 г. находился в Германии и Франции. Однако стоит отметить, что его исследование имело чисто филологических характер и было посвящено грамматике латинского языка.

Исключением другого порядка были командировки М.С. Ростовцева и А.М. Миронова. Оба исследователя провели свое время за границей крайне плодотворно, не оставаясь подолгу на одном месте, они успели посетить достаточно широкий круг стран. Ростовцев был командирован в период с 1895 по 1898 г., и это был не первый его выезд за границу с ученой целью. Ранее, в 1893 г., он совершил путешествие за собственный счет (или при поддержке семьи) в Италию, побывал в Риме и на раскопках Помпей [6. С. 147; 30. С. 30–31]. В 1895 г. его путь начался с Константинополя, затем последовали Афины, острова Эгейского моря, Малая Азия (в особенности раскопки на месте Трои), города Пелопоннеса, а затем Италия и снова раскопки Помпей под руководством Августа Мау. Уже в ноябре того же года он отправился в Вену слушать лекции по эпиграфике Евгения Бормана – одного из учеников легендарного Т. Моммзена. Весной 1896 г. вместе со своим старшим коллегой Н.П. Кондаковым Ростовцев посетил север Италии. Особенно их интересовали музеи Вероны и Милана. Далее их внимание привлекли археологические раскопки в Испании. Затем последовали Париж и бесценный опыт проведения нумизматических исследований под руководством М. Пру и Э. Бабелона. Оттуда Ростовцев снова вернулся в Италию, а уже весной 1897 г. совершил путешествие по «римской Африке» – Тунису и Алжиру, и вновь вернулся в Рим. Далее на неделю отправился в Лондон и через Париж в очередной раз направился в «вечный город» [31. С. 56–57]. Опыт, полученный Ростовцевым за время многочисленных путешествий, сформировал его как выдающегося ученого. К моменту возвращения в Петербург он уже закончил работу над магистерской диссертацией, опубликовал 20 статей в наиболее солидных европейских научных изданиях [32. С. 242–246]. В одном из писем своему другу С.А. Жебелеву он отмечал, что ни минуты времени за границей не было потрачено бесплодно [33. С. 378. Письмо № 6 от 8 октября 1895 г.]. Даже в дни болезни, настигшей его в Афинах, он продолжал заниматься в местной библиотеке [33. С. 373. Письмо № 2 от 15 июня 1885 г.]. Даже учитель Ростовцева Зелинский, впечатленный успехами своего ученика, пришел к выводу, что время своей командировки не мог бы провести с большей пользой [16. С. 93].

Опыт Ростовцева среди других антиковедов можно сравнить только с А.М. Мироновым, исследовавшим греческую вазовую живопись. В течение двух лет пребывания за границей он посетил Германию, Францию, Англию, проехал почти всю Италию от Венеции до Неаполя, Константинополь, Афины, города Пелопонне-

са и территорию всей Аттики. Подобные командировки встречались чрезвычайно редко среди не только антиковедов, но и представителей других наук, поэтому мы считаем целесообразным не выделять их в отдельный тип или еще одну модель построения маршрута наравне с «классической» и «новой», но отметить как редкие исключения из существующих практик.

Подводя итог сказанному, можно отметить, что заграничные командировки в рассматриваемый период являлись важным институтом отечественной науки об античности. На протяжении почти столетия командирования за границу отечественных антиковедов сформировались две модели построения маршрутов командировок, определяющих их содержание: «классическая», абсолютно преобладавшая до 1880-х гг., и «новая», пришедшая ей на смену и вытеснившая первую в период конца XIX – начала XX в. Такая смена моделей была обусловлена особенностями развития и состояния отечественного антиковедения. В свою очередь, выбор схемы построения маршрута командировки напрямую влиял на ее содержание, опыт, навыки и знания, которые получал ученый, определял степень его знакомства

с материалом и в конечном итоге сказывался на том, какой вклад в науку он может сделать. Анализ занятий за рубежом командированных антиковедов в разные хронологические периоды и их сопоставление позволяют нам сделать некоторые выводы относительно содержания командировок. При «классической» модели предполагались продолжение учебы у европейских профессоров после окончания университета, знакомство с новейшими достижениями зарубежной науки, повышение своих исследовательских и преподавательских навыков. При «новой» модели построения маршрута основными занятиями антиковедов за границей становятся участие в археологических раскопках и совершение самостоятельных археологических открытий, посещение местных музеев и памятников, сбор эпиграфического материала, совместная работа с зарубежными учеными в формате равнозначного сотрудничества. На наш взгляд, подобные изменения в содержании и построении маршрутов командировок отражают институциональные изменения в самой отечественной науке об античности, что может и должно стать предметом дальнейших исследований.

Список источников

1. Трохимовский А.Ю. Заграничные командировки ученых Московского университета в 1856–1881 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 236 с.
2. О правилах для отправления за границу молодых людей с целью приготовления к профессорскому званию // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1871. Т. 4. Царствование императора Александра II, 1865–1870. 1040 с.
3. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802–1902). Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1903. Т. II. 656 с.
4. Сворцов А.М. Заграничные командировки как этап профессиональной подготовки антиковедов (на примере научной школы М.С. Куторги) // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. 2012. № 11. С. 403–418.
5. Латышев В.В. Ф.Ф. Соколов 1841–1909 (некролог) // Известия Императорской Академии наук. Сер. IV. 1909. Т. 3, вып. 14. С. 949–954.
6. Фролов Э.Д. Судьба ученого: М.И. Ростовцев и его место в русской науке об античности // Вестник древней истории. 1990. № 3. С. 143–165.
7. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета за истекшую треть четверть века его существования, 1869–1894. М. и др. : Тип. Б.М. Вольфа, 1898. Т. 2. 373 с.
8. Басаргина Е.Ю. К биографии Р.Х. Лепера // История и практика археологических исследований : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения А.А. Спицына, С.-Петербург, 26–30 нояб. 2008 г. СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, 2008. С. 228–231.
9. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб. : Семеновская типолит., 1903. Т. XXXIXA: Шень-Шуйский монастырь.
10. Обидина Ю.С. Роль академической мобильности в формировании русской науки об античности в XIX веке // Запад–Восток. 2013. № 6. С. 5–11.
11. Модестов В.И. Русская наука в последние двадцать пять лет. Одесса : Экон. тип., 1890. 27 с.
12. Зипунникова Н.Н. Правовое регулирование научных стажировок в Российской Империи (к характеристике государственной политики в области образования и науки) // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2010. № 3 (24). С. 17–29.
13. Соболевский С.А. В.Г. Зубков (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. Ч. CCCLII. С. 98–107.
14. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб. : Семеновская типолит., 1891. Т. II, вып. 22–30: Бабаджанов-Бензенгр. 424 с.
15. Шестаков С.П. Ф.Г. Мищенко (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1907. Ч. X. С. 39–74.
16. Зелинский Ф.Ф. Автобиография / пер. с нем. А.И. Рубана, коммент. А.И. Рубана при участии В.В. Зельченко // Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России. СПб. : Дмитрий Буланин, 2012. 456 с.
17. Акиншин А.Н., Немировский А.И. Михаил Никитич Крашениников – историк литературы и педагог // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2003. № 1. С. 33–47.
18. Жебелев С.А. Автонекролог // Вестник древней истории. 1993. № 2. С. 177–202.
19. От редакции // Филологическое обозрение. 1894. Т. I. С. 1–2.
20. Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета № 51 за 1895 год. СПб., 1896. URL: <https://history.museums.spbu.ru/files/Protokoly/1895.pdf> (дата обращения: 27.08.2021).
21. Идея редакции // Гермес : иллюстрированный научно-популярный журнал античного мира. 1907. № 1. С. 1–4.
22. Граков Б.Н. Николай Иванович Новосадский (80 лет жизни и 55 лет ученой деятельности) // Вестник древней истории. 1939. № 2. С. 173–174.
23. Пятидесятилетие Петроградского Историко-Филологического Института // Биографический словарь лиц, окончивших курс института / под ред. В.В. Латышева. Петроград : Научное дело, 1917. Ч. 1, вып. I–XXIII (1867–1917). 410 с.
24. Яйленко В.П. А.В. Никитский (к 50-летию со дня смерти) // Вестник древней истории. 1972. № 4. С. 175–188.
25. Тункина И.В. В.В. Латышев: Жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия) // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. С. 172–282.
26. Никитский А.В. Василий Васильевич Латышев // Вестник древней истории. 1972. № 4. С. 181–188.
27. Жебелев С.А. Памяти Александра Николаевича Щукарева. СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1900. 14 с.

28. Ростовцев М.И. Памяти Александра Николаевича Шукарева // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Ч. CCCXXXII. С. 46–50.
29. Бузескул В.П. Г.Ф. Шульц (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1908. Ч. XIV. С. 118–122.
30. Алипов П.А. А. Мау, Н.П. Кондаков и М.И. Ростовцев: к вопросу о научной кооперации историков // Вестник РГГУ. Сер. Политология. История. Международные отношения. 2017. № 1. С. 28–38.
31. Зуев В.Ю. М.И. Ростовцев. Годы в России: биографическая хроника // Скифский роман : сб. : о жизни и творчестве М.И. Ростовцева. М. : РОССПЭН, 1997. С. 50–85.
32. Тункина И.В. М.И. Ростовцев на перекрестке между русской и немецкой классической археологией до Первой мировой войны // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2015. № 4. С. 231–262.
33. Ростовцев М.И. Письма М.И. Ростовцева С.А. Жебелеву, Ф.И. Успенскому и Н.Я. Марру // Скифский роман : сб. : о жизни и творчестве М.И. Ростовцева. М. : РОССПЭН, 1997. С. 369–416.

References

1. Trokhimovskiy, A.Yu. (2007) *Zagranichnye komandirovki uchenykh Moskovskogo universiteta v 1856–1881 gg.* [Foreign business trips of scholars of Moscow University in 1856–1881]. History Cand. Diss. Moscow.
2. Ministry of Public Education. (1871) *O pravilakh dlya otpravleniya za granitsu molodykh lyudey s tsel'yu prigotovleniya k professorskomu zvaniyu* [On the rules for sending young people abroad for them to prepare for professorship]. In: *Sbornik postanovleniy po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya* [Collection of resolutions on the Ministry of Public Education]. Vol. 4. Saint Petersburg.
3. Anon. (1903) *Biograficheskiy slovar' professorov i prepodavateley Imperatorskogo Yur'evskogo, byvshego Derptskogo, universiteta za sto let ego sushchestvovaniya (1802–1902)* [Biographical Dictionary of Professors and Teachers of the Imperial Yuryev, former Dorpat, University for a hundred years of its existence (1802–1902)]. Vol. 2. Yuryev: Tip. K. Mattisena.
4. Skvortsov, A.M. (2012) *Zagranichnye komandirovki kak etap professional'noy podgotovki antikovedov (na primere nauchnoy shkoly M.S. Kutorgi)* [Business trips abroad as a stage of professional training of antiquity scholars (on the example of the school of M.S. Kutorga)]. *Mnemon: issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira*. 11. pp. 403–418.
5. Latyshev, V.V. (1909) F.F. Sokolov 1841–1909 (nekrolog) [F.F. Sokolov 1841–1909 (obituary)]. *Izvestiya Imperatorskoy Akademii nauk. Ser. IV*. 3 (14). pp. 949–954.
6. Frolov, E.D. (1990) Sud'ba uchenogo: M.I. Rostovtsev i ego mesto v russkoy nauke ob antichnosti [The fate of a scholar: M.I. Rostovtsev and his place in the Russian science of antiquity]. *Vestnik drevney istorii*. 3. pp. 143–165.
7. Anon. (1898) *Biograficheskiy slovar' professorov i prepodavateley Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta za istekshuyu tret'yu chetvert' veka ego sushchestvovaniya, 1869–1894* [Biographical dictionary of professors and teachers of the Imperial St. Petersburg University for the past third quarter of a century of its existence, 1869–1894]. Vol. 2. Moscow: Tip. B.M. Vol'fa.
8. Basarginam E.Yu. (2008) [To the biography of R.Kh. Leper]. *Istoriya i praktika arkhеologicheskikh issledovaniy* [History and practice of archaeological research]. Proceedings of the International Conference. St. Peterburg. 26–30 November. 2008. St. Peterburg: St. Peterburg State University. pp. 228–231. (In Russian).
9. Brockhaus, F.A. & Efron, I.A. (1903) *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. XXXIXA. Saint Petersburg: Semenovskaya tipolit.
10. Obidina, Yu.S. (2013) Rol' akademicheskoy mobil'nosti v formirovaniy russkoy nauki ob antichnosti v XIX veke [The role of academic mobility in the formation of Russian science of antiquity in the 19th century]. *Zapad-Vostok*. 6. pp. 5–11.
11. Modestov, V.I. (1890) *Russkaya nauka v poslednie dvadtsat' pyat' let* [Russian science in the last twenty-five years]. Odessa: Ekon. tip.
12. Zipunnikova, N.N. (2010) *Pravoe regulirovanie nauchnykh stazhirovok v Rossiyskoy Imperii (k kharakteristike gosudarstvennoy politiki v oblasti obrazovaniya i nauki)* [Legal regulation of scientific internships in the Russian Empire (on the characteristics of state policy in the field of education and science)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Pravo*. 3 (24). pp. 17–29.
13. Sobolevskiy, S.A. (1904) V.G. Zubkov (nekrolog) [V.G. Zubkov (obituary)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. CCCLII. pp. 98–107.
14. Anon. (1891) *Kritiko-biograficheskiy slovar' russkikh pisateley i uchenykh* [Critical and biographical dictionary of Russian writers and scientists]. Vol. 2. Saint Petersburg: Semenovskaya tipolit.
15. Shestakov, S.P. (1907) F.G. Mishchenko (nekrolog) [F.G. Mishchenko (obituary)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Novaya seriya*. X. pp. 39–74.
16. Zelinskiy, F.F. (2012) *Avtobiografiya* [Autobiography]. Translated from German by A.I. Ruban. In: *Drevniy mir i my. Klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii* [The ancient world and we. Classical heritage in Europe and Russia]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin.
17. Akin'shin, A.N. & Nemirovskiy, A.I. (2003) Mikhail Nikitich Krashennikov – istorik literatury i pedagog [Mikhail Nikitich Krashennikov – a literary historian and teacher]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*. 1. pp. 33–47.
18. Zhebelev, S.A. (1993) Avtonekrolog [Auto-obituary]. *Vestnik drevney istorii*. 2. pp. 177–202.
19. *Filologicheskoe obozrenie*. (1894) Ot redaktsii [From the Editor]. Vol. 1. pp. 1–2.
20. Council of the Imperial St. Petersburg University. (1896) *Protokoly zasedaniy Soveta Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta № 51 za 1895 god* [Minutes of the meetings of the Council of the Imperial St. Petersburg University No. 51 for 1895]. Saint Petersburg. [Online] Available from: <https://history.museums.spbu.ru/files/Protokoly/1895.pdf> (Accessed: 27.08.2021).
21. *Germes: illyustrirovanny nauchno-populyarnyy vestnik antichnogo mira*. (1907) Ideya redaktsii [Editors' idea]. 1. pp. 1–4.
22. Grakov, B.N. (1939) Nikolay Ivanovich Novosadskiy (80 let zhizni i 55 let uchenoy deyatel'nosti) [Nikolay Ivanovich Novosadsky (80 years of life and 55 years of scientific activity)]. *Vestnik drevney istorii*. 2. pp. 173–174.
23. Latyshev, V.V. (ed.) (1917) *Pyatidesyatiletie Petrogradskogo Istoriko-Filologicheskogo Instituta* [The fiftieth anniversary of the Petrograd Historical and Philological Institute]. In: *Biograficheskiy slovar' lits, okonchivshikh kurs instituta* [Biographical Dictionary of Persons Who Completed the Course of the Institute]. Vol. 1. Is. I–XXIII (1867–1917). Petrograd: Nauchnoe delo.
24. Yaylenko, V.P. (1972) A.V. Nikitskiy (k 50-letiyu so dnya smerti) [A.V. Nikitsky (on the 50th anniversary of his death)]. *Vestnik drevney istorii*. 4. pp. 175–188.
25. Tunkina, I.V. (1999) V.V. Latyshev: Zhizn' i uchenye trudy (po materialam rukopisnogo naslediya) [V.V. Latyshev: Life and Works (Based on Manuscript Heritage)]. In: *Rukopisnoe nasledie russkikh vizantinistov v arkhivakh Sankt-Peterburga* [Manuscript Heritage of Russian Byzantines in the Archives of St. Petersburg]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 172–282.
26. Nikitskiy, A.V. (1972) Vasilii Vasil'evich Latyshev [Vasily Vasilievich Latyshev]. *Vestnik drevney istorii*. 4. pp. 181–188.
27. Zhebelev, S.A. (1900) *Pamyati Aleksandra Nikolaevicha Shchukareva* [In memory of Aleksandr Nikolaevich Shchukarev]. Saint Petersburg: Tip. I.N. Skorokhodova.
28. Rostovtsev, M.I. (1900) *Pamyati Aleksandra Nikolaevicha Shchukareva* [In memory of Aleksandr Nikolaevich Shchukarev]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. CCCXXXII. pp. 46–50.
29. Buzeskul, V.P. (1908) G.F. Shul'ts (nekrolog) [G.F. Schultz (obituary)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Novaya seriya*. XIV. pp. 118–122.

30. Alipov, P.A. (2017) A. Mau, N.P. Kondakov i M.I. Rostovtsev: k voprosu o nauchnoy kooperatsii istorikov [A. Mau, N.P. Kondakov and M.I. Rostovtsev: on the issue of scholarly cooperation of historians]. *Vestnik RGGU. Ser. Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 1. pp. 28–38.
31. Zuev, V.Yu. (1997) M.I. Rostovtsev. Gody v Rossii: biograficheskaya khronika [M.I. Rostovtsev. Years in Russia: biographical chronicle]. In: *Skifskiy roman: sb.: o zhizni i tvorchestve M.I. Rostovtseva* [Scythian novel: About the life and work of M.I. Rostovtsev]. Moscow: ROSSPEN. pp. 50–85.
32. Tunkina, I.V. (2015) M.I. Rostovtsev na perekrestke mezhdru russkoy i nemetskoj klassicheskoj arkheologiyey do Pervoy mirovoy voyny [M.I. Rostovtsev at the crossroads between Russian and German classical archeology before World War I]. *Scripta antiqua. Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i material'noy kul'tury*. 4. pp. 231–262.
33. Rostovtsev, M.I. (1997) Pis'ma M.I. Rostovtseva S.A. Zhebelevu, F.I. Uspenskomu i N.Ya. Marru [Letters from M.I. Rostovtsev to S.A. Zhebelev, F.I. Uspensky and N.Ya. Marru]. In: *Skifskiy roman: sb.: o zhizni i tvorchestve M.I. Rostovtseva* [Scythian novel: About the life and work of M.I. Rostovtsev]. Moscow: ROSSPEN. pp. 369–416.

Информация об авторе:

Гицевич Е.С. – аспирант кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: mkultomskgic@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.S. Gitsevich, postgraduate student, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: mkultomskgic@yandex.ru

The author declares no conflicts of interest.

*Статья поступила в редакцию 01.10.2021;
одобрена после рецензирования 11.03.2022; принята к публикации 20.05.2022.*

*The article was submitted 01.10.2021;
approved after reviewing 11.03.2022; accepted for publication 20.05.2022.*

Научная статья
УДК 069.02:908(571.1.5)
doi: 10.17223/15617793/478/11

Проблемы изучения, сохранения и презентации историко-культурного наследия эпохи Гражданской войны в Сибири на примере фондов Музея-заповедника «Шушенское»

Юлия Олеговна Комарова^{1, 2}

¹ Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

² Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское», Шушенское, Россия
^{1, 2} kjo-shush@yandex

Аннотация. Дается краткий обзор хранящегося в фондах Музея-заповедника «Шушенское» историко-культурного наследия периода Гражданской войны. Обозначены общие проблемы сохранности памятников, которые можно решить лишь в случае их всестороннего исследования специалистами. Из-за не востребо-
ванности памятников истории отмечено повсеместное отсутствие практического использования наследия для презентации истории Гражданской войны в южном регионе Красноярского края.

Ключевые слова: Гражданская война, историко-культурное наследие, Енисейская губерния, Шушенская волость

Для цитирования: Комарова Ю.О. Проблемы изучения, сохранения и презентации историко-культурного наследия эпохи Гражданской войны в Сибири на примере фондов Музея-заповедника «Шушенское» // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 87–92. doi: 10.17223/15617793/478/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/11

The problems of studying, preserving and presenting the historical and cultural heritage of the Civil War epoch in Siberia on the example of the funds of the Shushenskoye Museum-Reserve

Yulia O. Komarova^{1, 2}

¹ Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

² Shushenskoye Museum-Reserve, Shushenskoye, Russian Federation
^{1, 2} kjo-shush@yandex.ru

Abstract. Historical and cultural heritage is a colossal arsenal in the study of the problems of the Civil War. The territory of the Shushenskaya Volost, which was part of the Minusinsk Uyezd, was distinguished by its opposition to the Bolshevik government and the presence of numerous hotbeds of the insurgent movement against the Soviet government. The presence of abandoned monuments in the region makes us think about the volume of preserved materials on the history of the Civil War, which are able to reflect the peculiarities and patterns of the region. The article highlights the types of historical and cultural monuments of the Civil War period, gives them a brief description with the designation of common problems. The key problem is the preservation of monuments; their lack of demand in educational, cultural and educational activities is noted. Most of the historical sources need restoration and conservation, many of them have lost their functionality for society. Using the example of the museum's collection, it is important to note that not only written and documentary sources can be classified as historical and cultural heritage, but also real estate monuments, mass graves, personal belongings of war participants. The analysis of the preserved historical monuments of the Civil War period was used as a research method, and their classification by type was carried out. In the course of working with objects, full-scale studies of objects were used. The author comes to the conclusion that the history of the Civil War should be considered and studied through the prism of the preserved historical and cultural heritage. Monuments should be systematically cared for, studied and popularized. It is advisable to create a thematic catalog of the preserved heritage, which will be used in further museum work. Only a timely appeal to the heritage, in this case of the period of the Civil War, will allow preserving the memory of dramatic events and ensure the revival of monuments. Only the use of authentic sources will allow us to give an impartial assessment of the events and look at them differently. At the moment, decisions have been made on the restoration of documentary monuments and the registration of some of them in the main fund of the museum in order to ensure the accessibility of citizens of the Russian Federation to objects through the State Catalog of the Museum Fund of the Russian Federation. The analysis of the preserved heritage complex will allow presenting the material to a wide range of researchers,

museum workers for further work with objects within the framework of scientific, cultural, educational, exhibition activities.

Keywords: Civil War, historical and cultural heritage, Yenisei Province, Shushenskaya Volost

For citation: Komarova, Yu.O. (2022) The problems of studying, preserving and presenting the historical and cultural heritage of the Civil War epoch in Siberia on the example of the funds of the Shushenskoye Museum-Reserve. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 87–92. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/11

Цель настоящего исследования – представить краткий анализ сохранившегося культурного наследия эпохи Гражданской войны в фондах шушенского музея, обозначить существующие трудности в области сохранения и презентации памятников и пути их преодоления. Главная задача исследователя – привлечь внимание специалистов к проблемам наследия и обеспечить широкий доступ к нему для общественности и ученых.

Проблемам Гражданской войны посвящено более 30 тысяч работ отечественных и зарубежных историков [1. С. 765]. Одним из крупных исследователей наследия Гражданской войны в Сибири является омский историк, директор краеведческого музея Петр Петрович Вибе. Он отмечает, что на территории Сибири существует немало памятников (зданий, сооружений, могил, памятных мест), относящихся к периоду этой войны. Но сохранившееся наследие, как правило, до сих пор неизвестно широким массам и даже профессиональным историкам. Советская идеология не позволяла показать многогранность событий Гражданской войны, поскольку внимание акцентировалось только на памятниках, связанных с борьбой за установление Советской власти, и это несмотря на то, что Сибирь была центром антибольшевистского движения. П.П. Вибе период после 1990-х гг. называет «войной с памятниками», так как многие из них были разрушены и заброшены. И, к сожалению, ситуация относительно культурного наследия эпохи Гражданской войны не улучшается. Справедливо суждение омского краеведа и о том, что памятники имеют право существовать – как «красные», так и «белые». Поэтому считаем, что задача современных историков – изучать, публично говорить и представлять культурное наследие как можно более беспристрастно для объективной трансляции прошлого [2].

Видными исследователями Гражданской войны на территории Енисейской губернии являются Андрей Викторович Мармышев и Алексей Гаврилович Елисенко. В монографии «Гражданская война в Енисейской губернии» ими с применением авторской хронологии рассмотрены этапы, последовательность, особенности и закономерности войны. В работе выделены особенности белого и партизанского движений. Достаточно подробно освещены социально-экономические закономерности в регионе, приводившие к смене «красной» власти на «белую» и наоборот. Одна из ярких черт региона – широкий состав инородческого населения, непокорность которого порождала «красный бандитизм» со стороны коммунистов. Это явление стало одной из причин подъема повстанчества на территории губернии. Именно в южной части Енисейской губернии отмечено большинство повстанческих выступлений [3].

Изучению войны на территории Минусинского уезда, входившего в состав Енисейской губернии, посвящено немало работ авторитетного исследователя Александра Петровича Шекшеева. Закономерности и особенности Гражданской войны он исследует в сопоставлении с социальным составом уезда. Краеведом справедливо замечено, что одной из особенностей южных территорий губернии было отсутствие серьезной опоры у каждой из враждующих сторон. При малой доле пролетариата преобладающей частью населения были зажиточные крестьяне, казаки и инородцы. Большевики же опирались на малочисленный рабочий класс и бедноту, казаки не находили поддержки у крестьян. Нерешение национального вопроса сыграло роковую роль и для антибольшевистских сил, и для большевиков, поскольку последние диктаторски вмешивались в дела местного самоуправления [4]. На примере хранящихся в шушенском музее материалов подтверждается факт сопротивления зажиточного крестьянства большевикам, о чем будет более подробно написано далее.

Историко-культурное наследие – это колоссальный арсенал в изучении проблем Гражданской войны. Территория Шушенской волости, которая была частью Минусинского уезда, отличалась оппозиционностью большевистскому правительству и многочисленными очагами повстанческого движения против Советской власти. Наличие заброшенных памятников в регионе заставляет задуматься над объемом сохранившихся материалов по истории Гражданской войны, которые способны отразить особенности и закономерности региона. В статье выделены виды памятников истории и культуры, которые связаны с трагическими событиями, а также дана их краткая характеристика с обозначением общих проблем.

Достаточно мало научных работ, темой которых стало изучение Гражданской войны в Сибири, посвящено сохранившемуся материальному наследию эпохи, в основном это труды советских авторов, которые обращались к историко-культурному наследию, исходя из существовавшей конъюнктуры. Именно поэтому мы решили обратиться к памятникам эпохи Гражданской войны, чтобы глубже осмыслить общенациональную трагедию. Исследуемые источники – это предметы, являющиеся частью фондового собрания Музея-заповедника «Шушенское», часть из них – основной фонд Российской Федерации, братское захоронение – объект культурного наследия регионального значения, а также архивные документы и периодическая печать, которые являются вспомогательным фондом музея и используются в образовательной, культурной и научной деятельности музея. Перечисленные виды источников в настоящее время недоста-

точно изучены в контексте локальной истории, не систематизированы и потеряли свою функциональность для общества. Чтобы сохранять историю кровавой трагедии XX в., исследователям следует обратить внимание на вышеуказанные источники, актуализировать и использовать их потенциал.

Один из видов историко-культурного наследия периода Гражданской войны – памятники недвижимости. Среди комплекса деревянных строений музея конца XIX – начала XX в. сохранился дом, в котором жил шушенский крестьянин Симон Афанасьевич Ермолаев. Летом 1898 г. он был поручителем со стороны политссыльного В.И. Ульянова (Ленина) во время его венчания с Н.К. Крупской в шушенской Петро-Павловской церкви [5. Л. 4]. С.А. Ермолаев был богатым землепользователем, по сибирским меркам имел хороший достаток и большое хозяйство. В 1906 г. он был избран депутатом I Государственной Думы от крестьян Енисейской губернии, подписывал Выборгское воззвание, за что и был заключен в Петербургскую тюрьму и лишен гражданских прав. Февральская революция позволила эти права вернуть. Симон Афанасьевич был против большевистской власти на территории Шушенской волости, о чем свидетельствуют архивные документы: в них говорится о том, что он вел «погромную агитацию против социалистов» [6. С. 3]. В фондах музея хранятся воспоминания крестьян, на основании которых можно утверждать, что в доме, который сейчас используется как выставочная площадка, находился штаб белой власти в волости [7. Л. 8].

Когда власть белого правительства в Енисейской губернии пала, началась расправа над теми, кто ей сочувствовал или помогал, не исключением была судьба Симона Афанасьевича Ермолаева. Из все тех же воспоминаний известно, что начались произвольная реквизиция со стороны бывших партизан и самосуд над жителями села. Был убит и сын С.А. Ермолаева Григорий, 14-летний мальчик, самому Ермолаеву удалось уехать в Красноярск [7. Л. 9]. В 1930-е гг. ему было предъявлено обвинение «за участие в контрреволюционной организации, был осужден особой внесудебной тройкой ПП ОГПУ ЗСК» [8. С. 207]. Реабилитирован в 1965 г., умер в Красноярске. Кроме самого дома и информации о его владельце в фондах музея хранится достаточно много предметов из семьи Ермолаевых, эти памятники являются частью мемориальной коллекции, так как Симон Афанасьевич был лично знаком с политссыльным В.И. Ульяновым (Лениным).

Одна из самых серьезных проблем данного памятника – физический износ, а также отсутствие документальной информации о том, что в доме был штаб белогвардейцев. История С.А. Ермолаева и его дома имеет огромный потенциал, который следует использовать в рамках выставочной и культурно-образовательной деятельности учреждения. Так как в основной экспозиции музея отсутствует презентация наследия истории XX в., то и этот дом не используется как памятник истории Гражданской войны.

Не менее интересен другой вид историко-культурного наследия – братские захоронения. Их на территории Шушенского района несколько, это связано с тем, что зажиточные слои населения Шушенской волости не приняли Советскую власть и жестоко расправлялись с агитаторами коммунистических ячеек. Один из таких памятников расположен на территории музея – объект культурного наследия «Братская могила борцов за Советскую власть и коллективизацию, погибших в 1928, 1930, 1938 гг.». Памятник включен в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ. Памятник сохранил информацию о трех шушенцах – участниках Гражданской войны. Один из них – Гаврила Петрович Парщиков, участник ноябрьского минусинского восстания 1918 г. По делу об этом восстании 60 участников были арестованы в Шушенском и помещены в волостную тюрьму. Среди них был и Парщиков, который по дороге на казнь совершил побег. Умер от «старых ран», полученных в годы Гражданской войны, в 1938 г. [9. С. 397].

Кузьма Федорович Козик стал одним из первых, кто вступил в комсомол, а затем в колхоз. Активный пропагандист коллективизации был убит односельчанами в возрасте 23 лет. В газете «Власть труда» от 23 октября 1928 г. опубликовано сообщение об убийстве комсомольца Козика: «Семья Козиков переселилась в Шушенское из Белоруссии. Кузьма писал заметки о сельской жизни в газету “Власть труда”. За проводимую пропаганду Кузьма не раз получал угрозы со стороны жителей. Убили Кузьму Козика Потеилицы Василий и его сын Константин, Ермолаев Никита и Сизина Вера. По материалам дела: 19 декабря 1928 г. пьяные жители Шушенского устроили драку с Никоновым и Козиком Кузьмой и Федором. После того как отец сбежал за помощью в сельский совет, его избили, и сын Кузьма выбежал из дома на улицу, в это время Василий выстрелил из ружья, Козик скончался в больнице в этот же день. На суде был вынесен приговор: 10 лет лишения свободы – Потеилицы Василию и Константину, Ермолаеву Федору и его сестре Евдокии – 10 лет лишения свободы, Сизиной Вере, учитывая наличие 3 малолетних детей, присудили 3 года условно» [10. Л. 7].

Михаил Федорович Воронцов родился в Шушенском. По поручению комсомольской ячейки он был послан для разъяснения и агитации за коллективизацию в д. Солба, где был убит в 1930 г., ему было всего 23 года.

Следует обратить внимание на это наследие по той причине, что памятник, как и еще три подобных в районе, не оформлен юридически в собственность муниципалитета. Такое положение влечет неисполнение охранных обязательств относительно памятников, а это, безусловно, грозит физическим разрушением. К тому же ни один из них сегодня, в том числе и расположенный на территории музея, не выполняет заложенную в них при создании функцию, т.е. информация об истории и ходе Гражданской войны в регионе широкому кругу людей неизвестна. С памятником

не работают ни на обзорной экскурсии, ни на тематических лекциях. Интерес со стороны посетителей музея к памятнику отсутствует. Следует либо обеспечить информационное сопровождение братского захоронения, либо разработать тематическую экскурсию о событиях Гражданской войны в Шушенской волости.

Документальные источники и периодическая печать – информационный кладезь для изучения проблем войны, ее особенностей в Сибири и в Енисейской губернии в частности. В шушенском музее есть относительно небольшой фонд документальных источников о красном движении – несколько воспоминаний современников и личное дело участника войны, жителя поселка Шушенское Букатова Василия Людвиговича. В фондах хранятся его полная автобиография, статьи, книга о партизанских подвигах в Гражданской войне и об организации помощи революционерам в Монголии [11]. За заслуги в партизанском движении в период Гражданской войны он был неоднократно поощрен: в музее находится его орден «Полярная звезда», врученный от Монгольской народной республики, а также другие награды. На примере личной истории В.Л. Букатова можно не только исследовать партизанское движение и революционную деятельность в Монголии, но и проследить противоречивость истории XX в., когда преданные делу революции активные члены партии подвергались впоследствии репрессиям [12. Л. 7]. Все упомянутые документы характеризуют социальный состав партизанского движения в Енисейской губернии: многие его участники – выходцы из переселенческих семей, которые в Сибири работали по найму, вели небольшое хозяйство или с юных лет трудились на заводах Красноярска. Эти особенности отмечаются во многих работах, посвященных Гражданской войне в Енисейской губернии, поэтому важно, чтобы подобные документы были систематизированы и доступны для исследователей. Предметы могут служить источниковой базой для краткой иллюстрации Гражданской войны в Шушенском. Однако в ходе исследования выяснилось, что достаточно подробная рукописная автобиография Василия Людвиговича – вспомогательный фонд музея, хотя, на наш взгляд, она претендует на то, чтобы являться частью основного фонда и стать доступной для любого гражданина России через Государственный каталог Музейного фонда РФ. История обращения к документам позволяет утверждать, что в рамках культурной, выставочной и образовательной деятельности музея настоящие источники также не используются.

Совершенно случайно в библиотечном фонде музея был найден чрезвычайно интересный документ – подшивка журналов «Новое земское дело» за 1919 г. Это еженедельный журнал Енисейской губернской земской управы. Газета печаталась в Красноярске в редакционно-издательском отделении губернской земской управы, расположенном в доме № 10 по ул. Воскресенской.

В печатном издании поднимаются общие вопросы и проблемы уездных, волостных земских управ и

сельских управлений. Это явно антибольшевистское издание каким-то образом попало и, самое главное, сохранилось в некогда идеологическом учреждении. В журнале несколько разделов, каждый по-своему интересен и информативен, на страницах газет – оппозиционные тексты против большевиков и их политики. Безусловно, к источнику нужно относиться беспристрастно и не принимать на веру все обвинения относительно большевиков, которые обозначены в статьях выражением «суррогат революции» [13. № 1. С. 11]. Также не следует доверять сведениям о повышающемся благосостоянии в губернии в результате прихода к власти белого правительства.

Печатное издание обличает большевизм, на его страницах пишут о реквизициях с населения, налогах на буржуазию, терроре. Ключевые фигуры обвинений – Ленин и Троцкий. Любопытными кажутся следующие строки: «Интеллигенция вырезывается едва не поголовно, власть теперь принадлежит единолично Троцкому, так как он арестовал Ленина за его попытку соглашения и переход к более человеческому способу управления. Вся власть в стране и на местах перешла к так называемым “чрезвычайным”...» [13. № 1. С. 24]. Новости о Льве Троцком: «Корреспондент “Таймса” из Варшавы передает, что в настоящее время направление русской политики зависит всецело от Троцкого, влияние которого далеко превосходит влияние Ленина. Троцкий живет в Кремлевском дворце, окруженный роскошью, имея в качестве телохранителей китайские войска и красногвардейцев. Он путешествует в особом поезде, составленном из роскошных спального, столового и других вагонов, которые ранее служили для исключительного пользования покойного царя... Троцкий сейчас организует новую армию, которая будет состоять из 6 000 красногвардейцев, 5 000 китайских войск и от 10 000 до 20 000 других людей» [13. № 1. С. 24–25].

Подшивка журналов – значимый и интересный документ, он претендует на отдельное освещение и анализ. Здесь лишь следует подчеркнуть, что каждый номер пронизан трагизмом, который переживала страна, пониманием, что братоубийственная война – это страдание для любой из враждующих сторон. В одном из номеров опубликовано открытое письмо, которое даже современным человеком читается «с комом в горле». В письме высказывается протест, оно пронизано отчаянием от вестей о насильственных смертях: «Неужели не охватывает ужас при виде беспрерывно льющейся человеческой крови? Неужели вас не охватывает ужас при сознании, что гибнут, убиваются самые глубокие и в то же время элементарнейшие основы существования человеческого общества: чувство гуманности, сознание ценности жизни человеческой личности, чувство и осознание необходимости правового строя в государстве? Неужели вас не охватывает ужас при сознании, что мы теряем, потеряли облик человека, носителя и служителя общественных начал правды, истины, добра и красоты?» [13. № 1. С. 14].

Историю Гражданской войны следует не только рассматривать, опираясь на архивные документы и

письменные источники, но и изучать сквозь призму сохранившегося историко-культурного наследия. Термин «культурное наследие» – довольно широкое понятие, которое включает в себя разные типы памятников. На примере фондов Музея-заповедника «Шушенское» можно поделить историко-культурного наследие на несколько видов: документы, памятники недвижимости, братские захоронения, личные предметы участников войны. Все это требует постоянного системного ухода, содержания, изучения и популяризации. Вероятно, целесообразно создать тематический каталог сохранившегося наследия, который будет использоваться в дальнейшем в музейной работе.

В ходе исследования были обнаружены существенные проблемы в области сохранности предметов, большая часть из которых требует реставрации и консервации. Главная задача историков, музейщиков – не допустить разрушения памятников. Только своевременное обращение к наследию, в данном слу-

чае периода Гражданской войны в России, позволит не утратить память о драматических событиях и обеспечить возрождение памятников. В настоящий момент остро стоит проблема отсутствия интереса к источникам, потери памятниками своей функциональной значимости для общества. Только лишь использование подлинных источников позволит дать беспристрастную оценку событиям и взглянуть на них с разных точек зрения. В настоящий момент приняты решения по реставрации документальных памятников и регистрации некоторых из них в основной фонд музея, чтобы обеспечить гражданам Российской Федерации доступ к предметам через Государственный каталог Музейного фонда РФ. Анализ комплекса сохранившегося наследия позволит представить материал широкому кругу исследователей, музейщикам для дальнейшей работы с предметами в рамках научной, культурно-образовательной, выставочной деятельности.

Список источников

1. Голдин В.И. Гражданская война в истории России: историография, современные подходы, подготовка нового академического издания // Историческая наука. Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 3. С. 758–774. URL: http://modernhistory.ru/f/goldin_2.pdf (дата обращения: 28.10.2021).
2. Вибе П.П. Об объективном отражении истории в памятниках Гражданской войны в Сибири // Музееведение, региональная история и краеведение в современных исследованиях и практиках / под ред. П.П. Вибе. Омск, 2015. Т. 2. С. 56–63. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29087472_93130471.pdf (дата обращения: 05.05.2021).
3. Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск : Версо, 2008. 416 с.
4. Шекшеев А.П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. Абакан : Хакас. кн. изд-во, 2006. 594 с.
5. Метрическая книга, данная из Енисейской Духовной Консистории причту Шушенской Петро-Павловской церкви для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших, на 1898 год (копия) // Музей-заповедник «Шушенское». ШМЗ-НВ 5637. 8 л.
6. Терентьева В.И. Депутат Первой Государственной Думы // Ленинская искра. 1993. 11 дек.
7. История села Шушенского. Воспоминания старожила села Россиева Г.Ф. // Музей-заповедник «Шушенское». Архив ШМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 437. 12 л.
8. Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края : Кн. 3. Красноярск : Изд. проекты, 2005. 448 с.
9. Памятники истории и культуры Красноярского края / под ред. Г.Л. Рукша. Красноярск : Кн. изд-во, 1995. Вып. 3. 430 с.
10. Кикилова Т.М. О братском захоронении // Музей-заповедник «Шушенское». Архив ШМЗ. 9 л.
11. Кожевин В.Е., Секерин В.П. Василий Букатый : очерк жизни и деятельности. Красноярск : Кн. изд-во, 1977. 128 с. // Музей-заповедник «Шушенское». ШМЗ-ОФ 11581.
12. Автобиография Букатого В.Л. // Музей-заповедник «Шушенское». ШМЗ-НВ 5192. 7 л.
13. Новое земское дело : еженедельный журнал Енисейской губернской земской управы. 1919. № 1–14 // Музей-заповедник «Шушенское». Фонд ШМЗ.

References

1. Goldin, V.I. (2019) *Grazhdanskaya voyna v istorii Rossii: istoriografiya, sovremennye podkhody, podgotovka novogo akademicheskogo izdaniya* [Civil War in the history of Russia: historiography, modern approaches, preparation of a new academic publication]. *Istoricheskaya nauka. Noveyshaya istoriya Rossii*. 9 (3). pp. 758–774. [Online] Available from: http://modernhistory.ru/f/goldin_2.pdf (Accessed: 28.10.2021).
2. Vibe, P.P. (2015) Ob ob"ektivnom otrazhenii istorii v pamyatnikakh Grazhdanskoy voyny v Sibiri [On the objective reflection of history in the monuments of the Civil War in Siberia]. In: Vibe, P.P. (ed.) *Muzeevedenie, regional'naya istoriya i kraevedenie v sovremennykh issledovaniyakh i praktikakh* [Museum studies, regional history and local history in modern research and practice]. Omsk. Vol. 2. pp. 56–63. [Online] Available from: https://elibrary.ru/download/elibrary_29087472_93130471.pdf (Accessed: 05.05.2021).
3. Marmyshev, A.V. & Eliseenko, A.G. (2008) *Grazhdanskaya voyna v Eniseyskoy gubernii* [Civil War in Yenisei Province]. Krasnoyarsk: Verso.
4. Sheksheev, A.P. (2006) *Grazhdanskaya smuta na Enisee: pobediteli i pobezhdennye* [Civil unrest on the Yenisei: winners and losers]. Abakan: Khakas. kn. izd-vo.
5. Shushenskoye Museum-Reserve. ShMZ-NV 5637. *Metricheskaya kniga, dannaya iz Eniseyskoy Dухovnoy Konsistorii prichtu Shushenskoy Petro-Pavlovskoy tserkvi dlya zapisi rodivshikhsya, brakom sochetavshikhsya i umershikh, na 1898 god* [Register of births given from the Yenisei Spiritual Consistory to the Shushenskoye Peter and Paul Church to record those born, married, and dead for 1898]. A copy
6. Terent'eva, V.I. (1993) Deputat Pervoy Gosudarstvennoy Dumy [Deputy of the First State Duma]. *Leninskaya iskra*. 11 Dec.
7. Shushenskoye Museum-Reserve. Archive ShMZ Fund 1. List 1. File 437. *Istoriya sela Shushenskogo. Vospominaniya starozhila sela Rossieva G.F.* [History of Shushenskoye. Memoirs of an old resident of the village G.F. Rossiev].
8. Anon. (2005) *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy Krasnoyarskogo kraya* [Book of memory of the victims of political repressions of Krasnoyarsk Krai]. Krasnoyarsk: Izd. Proekty.
9. Ruksh, G.L. (ed.) (1995) *Pamyatniki istorii i kul'tury Krasnoyarskogo kraya* [Monuments of history and culture of Krasnoyarsk Krai]. Vol. 3. Krasnoyarsk: Kn. izd-vo.
10. Shushenskoye Museum-Reserve. Archive ShMZ. Kikilova, T.M. *O bratskom zakhoroneni* [On the mass burial].
11. Shushenskoye Museum-Reserve. ShMZ-OF 11581. Kozhevina, V.E. & Sekerin, V.P. (1977) *Vasily Bukatyy: ocherk zhizni i deyatel'nosti* [Vasily Bukaty: essay on life and work]. Krasnoyarsk: Kn. Izd-vo.
12. Shushenskoye Museum-Reserve. ShMZ-NV 5192. *Avtobiografiya Bukatogo V.L.* [Autobiography of V.L. Bukatoy].

13. Shushenskoye Museum-Reserve. Fund ShMZ. *Novoe zemskoe delo: ezhenedel'nyy zhurnal Eniseyskoy gubernskoy zemskoy upravly* [New Zemstvo Case: weekly journal of the Yenisei Provincial Zemstvo Council]. (1919) 1–14.

Информация об авторе:

Комарова Ю.О. – аспирант кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия); главный хранитель фондов Историко-этнографического музея-заповедника “Шушенское” (Шушенское, Россия). E-mail: kjo-shush@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yu.O. Komarova, postgraduate student, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation); chief curator of funds, Shushenskoye Museum-Reserve (Shushenskoye, Russian Federation). E-mail: kjo-shush@yandex.ru

The author declares no conflicts of interest.

*Статья поступила в редакцию 12.11.2021;
одобрена после рецензирования 12.01.2022; принята к публикации 20.05.2022.*

*The article was submitted 12.11.2021;
approved after reviewing 12.01.2022; accepted for publication 20.05.2022.*

Научная статья
УДК 94(57)
doi: 10.17223/15617793/478/12

Правовая регламентация сословного положения городских казаков в «Уставе о сибирских городских казаках» 1822 г. (к 250-летию со дня рождения М.М. Сперанского)

Игорь Анатольевич Коновалов¹

¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия, konov77@mail.ru

Аннотация. В 2022 г. исполняется 250 лет со дня рождения выдающегося российского реформатора и государственного деятеля М.М. Сперанского. В статье рассматривается правовая регламентация сословного положения городских казаков в «Уставе о сибирских городских казаках» 1822 г. Автор приходит к выводу, что правовая регламентация и попытка реанимации сибирского городского казачества, хоть и улучшили положение казаков, а также снизили расходы государственного бюджета на полицейский аппарат, не увенчались успехом

Ключевые слова: Сибирь, городские казаки, полиция, губернатор, администрация, управление

Для цитирования: Коновалов И.А. Правовая регламентация сословного положения городских казаков в «Уставе о сибирских городских казаках» 1822 г. (к 250-летию со дня рождения М.М. Сперанского) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 93–98. doi: 10.17223/15617793/478/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/12

Legal regulation of the estate status of city Cossacks in the 1822 Charter on Siberian City Cossacks (To the 250th anniversary of the birth of Mikhail Speransky)

Igor A. Kononov¹

¹ Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, konov77@mail.ru

Abstract. The year 2022 celebrates the 250th anniversary of the birth of Mikhail Speransky, an outstanding Russian reformer and statesman, the author of the Statute on Siberian Provincial Administration, the creator of the Collection and Code of Laws of the Russian Empire. The aim of the article is to consider, on the basis of archival sources and pre-revolutionary legislation, the legal regulation of the estate status of city Cossacks in the 1822 Charter on Siberian City Cossacks, which became part of the Statute on Siberian Provincial Administration and was prepared by Speransky. The increased interest in the history of the Cossacks is connected not only with the desire of researchers to look deeper into the past and revive forgotten traditions, but also with urgent practical needs. Today you can hear about the proposals of organizing special Cossack formations, as part of the Rosgvardiya of Russia, that would carry out police and military service in their places of residence. Returning to the lost traditions, it is necessary to take into account the historical experience gained in the past. Taking into account modern realities, it is necessary to look at already known facts in order to overcome old myths and misconceptions and prevent the birth of new ones. The relevance of the chosen topic is also explained by its insufficient study in modern historical and legal science. The theoretical basis of the work is historicism, objectivity and alternativeness, which provide a critical attitude to the source under study and enable an unbiased approach to the analysis of the problem. The author comes to the conclusion that the legal regulation and the attempt to reanimate Siberian city Cossacks in the 1822 Charter on Siberian City Cossacks, at least to some extent, improved the situation of the Cossacks, and also reduced the state budget expenditures on the police apparatus in Siberia, but, in general, was not crowned with success. City Cossacks, who performed the main local police service in Siberia until 1867, ceased to be used to protect public safety and law and order, and their units were liquidated. By the 1870s, there was not a single city Cossack regiment left in Siberia, city Cossacks as a class ceased to exist. City Cossacks were transferred to the estate of state peasants with the right to transfer to the Siberian and Trans-Baikal Cossack troops, and their settlements – *stanitsas* – were renamed villages.

Keywords: Siberia, city Cossacks, police, governor, administration, management

For citation: Kononov, I.A. (2022) Legal regulation of the estate status of city Cossacks in the 1822 Charter on Siberian City Cossacks (To the 250th anniversary of the birth of Mikhail Speransky). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 93–98. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/12

Актуальность избранной темы объясняется ее недостаточной изученностью в современной исторической науке. Правовая регламентация сословного положения сибирских городских казаков в «Уставе о сибирских городских казаках» 1822 г. пока еще не стала объектом пристального внимания исследователей. Лишь отдельные аспекты проблемы были освещены в работах более общего характера. В дореволюционный период они нашли свое отражение в работе В.И. Вагина [1], среди современных исследователей следует обратить внимание на статьи В.И. Зуева [2] и И.А. Коновалова [3].

Как и все служилые люди, сибирские городские казаки изначально разделялись на две категории: по «отечеству» – родом из служилой семьи, и «по прибору» – рекрутированные или завербованные. Городские казаки были в «приборе» у своего казачьего головы, который набирал их на службу. Казачьи головы подчинялись непосредственно городским воеводам. Казаки подразделялись на сторожевых, конных и пеших, над ними стояли головы, атаманы, есаулы, сотники, пятидесятники и десятники, которые выбирались на годичный срок. «Приборы» были поделены на сотни под началом сотников. Сотни делились на полусотни (во главе с пятидесятником) и десятки (во главе с десятником). Права и обязанности должностных лиц у городских казаков соответствовали полномочиям таких же должностных лиц у стрельцов. Размещенные по городам казаки получали название того города, где они несли службу. У казаков, поступивших на службу отрядами (станциями), сохранялись свои выборные атаманы, подчинявшиеся городскому воеводе или казачьему голове.

Личный состав городских казаков складывался из разнообразных элементов, начало которым и традиции даю старинное рязанское казачество, а впоследствии оживлялись притоком донских, малороссийских и волжских казаков, по разным причинам попавших в далекую Сибирь. К этому основному казачьему ядру в большом числе присоединялись в разное время стрельцы, дети боярские, ссыльные, крестьяне, татары, калмыки, тунгусы, буряты, монголы, якуты и другие сибирские народы [4. С. 3].

Особенностью организации управления у сибирских казаков были их «учредительный характер» и «регулярность». Так, наиболее крупный исследователь сибирского казачества Г.Е. Катанаев считал, что местное управление у них было организовано почти исключительно по иному коронной власти [5. С. 4]. Поэтому в местном администрировании у сибирских казаков ведущую роль играли полковые атаманы, а не самоуправленческие органы.

Численность городских казачьих команд в Сибири менялась на протяжении первой четверти XVIII в., что отчасти определялось изменениями штатного расписания. Первые в XVIII в. штаты сибирских казаков были утверждены в 1703 г. руководителем Сибирского приказа – судьей А.А. Виниусом, и действовали они до 20-х гг. XVIII в., когда по предложению сибирского губернатора М.В. Долгорукова коронная власть составила новые штаты городских команд.

Новая реформа штатов городских казаков была осуществлена в 1737 г., причем при этом были утверждены «расписания» рядовым городским казакам [2. С. 24].

В начале XIX в. управление казаками, их распределение на команды по краю по-прежнему основывались на штате, составленном Сибирским приказом в 1737 г. сообразно тогдашним нуждам Сибири. Особенно большой была Красноярская команда, из которой до 500 казаков ежегодно отправлялись на пограничную службу. Штатом 1737 г. определялось также их содержание – годовой оклад офицерского жалования, но не более 20 рублей с выдачей провианта и фуража. Обмундирование, вооружение и лошадей казаки должны были приобретать за свой счет [1. С. 209].

По свидетельству В.И. Вагина, сибирские городские казаки вообще почти «не имели штатного положения и мало употреблялись к препровождению ссыльных и поимке разбойников, для чего в крае использовались башкирские и мешеряцкие казаки». Они были главным образом заняты командировками по земской полиции, разъездами и патрульно-постовой службой в городах. Ни в вооружении, ни в обмундировании городских казаков не было единообразия, в Забайкалье их в насмешку называли «унтовым войском». Кроме несения службы они занимались сельскохозяйственными промыслами и мелочной торговлей.

Численность сибирских городских казаков по штатам 1737 г. составляла 6 172 человека, из них в Тобольской провинции проходили службу 2 990 казаков. Штат Сибирского приказа 1737 г. никак не регламентировал самоуправленческие начала у сибирских казаков [6. Л. 35–44]. В местном самоуправлении сибирских казаков были некоторые особенности. Так, все казачьи начальники, начиная с урядников, назывались «старшинами». Сибирские городские казаки еще сохраняли предания о самостоятельности казачьего «круга», однако эта самостоятельность была сильно ограничена и даже подавлена местными властями [1. С. 210].

Уже в конце XVIII в. служба городских казаков была смещена на выполнение исключительно административных и полицейских полномочий. Они были включены в состав полицейских органов – городских управ благочиния и нижних земских судов, что серьезно сокращало расходы на содержание местного административно-полицейского аппарата [7. С. 112].

«Устав о сибирских городских казаках» 1822 г. был вызван неудовлетворительным состоянием городского казачества, которое, получая скудное содержание и добывая его по большей части многочисленными злоупотреблениями по службе, было превращено сибирскими администраторами в своеобразных опричников. Так, в начале XIX в. с помощью городских казаков Енисейский городничий Кукалевский держал в трепете два уезда и – чему едва верится, если бы не рассказы самих потерпевших, – совершил проезд по городу на уездных чиновниках, запряженных в экипаж, за то, что они осмелились составить

собрание для его отрешения. Казаки же были орудием для земского исправника Лоскутова при всех его злоупотреблениях в Иркутской губернии, в которую не без страха приезжали жители Западной Сибири, хотя теми же самыми казаками были истреблены в этой губернии разбои и грабежи и устроены удобные дороги [8. С. 235].

Как отмечал В.И. Вагин, городовые казаки наряду с местными чиновниками были настоящим бичом для сибиряков. Так, даже во время ревизии М.М. Сперанского крестьянин Кириенского округа Щепин «был избит до смерти казаком Сизых». Однако, будучи «деспотами» по отношению к местному населению, казаки были совершенно бесправны по отношению к своим начальникам. Так, Иркутский полк принес Сперанскому жалобу на то, что атаман Скороговоров привлекал их к работам для собственных нужд за минимальную плату. Тункинская сотня жаловалась на своего командира Чеусова, который заставлял их без оплаты строить провиантские магазины, заготавливать дрова для казенных нужд, приобретать канцелярские принадлежности, а также по завышенной цене продавал им боеприпасы. В 1813 г. в Иркутском полку были заведены строевые лошади, для которых казаки были обязаны заготавливать сено на собственных покосах, был учрежден омулевый промысел, которым они были вынуждены заниматься в пользу полковой казны. Особенно казаки жаловались на обучение боевой подготовке, которая осуществлялась в летнее время и отвлекала их как от полевых работ, так и от несения служебных обязанностей.

Помимо своих основных должностных обязанностей, казаки выполняли большое количество работ по поручению сибирских администраторов, были задействованы на самых разнообразных работах и должностях. Так, только при канцелярии генерал-губернатора состояли четверо казаков и их старшин из Иркутского полка и других команд. Казаки были задействованы даже для надзора за детьми в иркутской гимназии и для нужд городской больницы [1. С. 212].

«Устав о сибирских городских казаках» был высочайше утвержден 22 июля 1822 г. После принятия «Устава о сибирских городских казаках», входившего в состав «Учреждения для управления сибирских губерний и областей» 1822 г. М.М. Сперанского, городовые казаки были переведены из ведения Военного министерства в состав Министерства внутренних дел.

«Устав о сибирских городских казаках» состоял из введения и двух частей, разбитых на главы. В составе первой части, посвященной полковым городovým казакам, было 14 глав, в которых регламентировались правовой статус городских полковых казаков, их подсудность, обеспечение казаков жалованием и продовольствием, порядок несения службы и их должностные обязанности, а также Наказ полковому атаману. Вторая часть, посвященная станичным казакам, состояла из 9 глав, характеризующих состав станиц, организацию станичного управления, обязанности казаков относительно службы и местных повинностей, а также льготы и выгоды, предоставляемые станичным казакам [9. С. 532].

Устав устанавливал, что сибирские городовые казаки находятся в гражданском управлении и входят в составы губернских и окружных полиций. «Устав о сибирских городских казаках» 1822 г. делил всех сибирских городских казаков на полковых и станичных. К полковым относились казаки, не имевшие прочных хозяйств и несшие за жалование службу в местах, отдаленных от постоянного местожительства. Станичные казаки, не получавшие жалования, несли временную полицейскую службу в местах, расположенных в непосредственной близости к станицам, где они проживали. В каждом сибирском генерал-губернаторстве создавались городовые казачьи полки: три в западносибирском и четыре в восточносибирском генерал-губернаторстве. Во главе каждого полка стоял избираемый полковой атаман, полки делились на сотни под командованием сотников. Производство в офицеры по представлению местных губернаторов осуществлял Сенат [10. С. 532].

Полковой атаман приравнялся к чиновнику 9-го класса с жалованием в 400 руб. в год. Сотник – к 12-му классу с жалованием в 270 руб. Хорунжий – к 14-му классу с окладом в 20 руб. Урядники получали от 12 до 36 руб. Рядовые городовые полковые казаки получали по 6 руб. Всего в трех западносибирских полках проходили службу 1 824 казака, в четырех восточносибирских – 2 288. Казаки и урядники кроме жалования получали провиант: 5 четвертей муки, 2,25 четверика круп в год, им выделялись средства на приобретение обмундирования, вооружения и содержание лошадей [11].

Образование станиц было предоставлено самим казакам. Станицы составлялись из тех команд, которые или уже поступили в этот разряд прежде, или при образовании полка либо впоследствии пожелали поступить в станичный состав. Со станичных городских казаков предварительно были взяты подписки о том, что они желают оставаться в станицах по своему местожительству и отказываются от казенного обеспечения. После этого казаки не могли переселяться в другие станицы и вообще менять место своего жительства. На станичных городских казаков возлагались обязанности по охране от внутренних и внешних беспорядков мест, ими населяемых, в окружности 150 верст, они должны были содержать пограничные караулы, заниматься поимкой беглых, охранять находящиеся на подведомственной территории казенные имущества, а также исполнять службу по местному земскому полицейскому управлению [9. С. 541].

В каждой из учрежденных станиц должны были проживать от 50 до 100 городских казаков, которые находились в подчинении местного земского исправника. Станичные казаки освобождались от государственных податей и денежных земских сборов. Они могли заниматься торговлей и промыслами. Единообразие в обмундировании от них не требовалось, им разрешалось носить обычные казачьи мундиры с воротником синего цвета, без погон. Станичные городовые казаки были обязаны уметь владеть оружием и служить с ним в разъездах и караулах. При несении службы они должны были иметь на вооружении саб-

ли, пики и огнестрельное оружие, разновидность которого не оговаривалась.

«Устав о сибирских городских казаках» 1822 г. впервые установил законодательную регламентацию казачьего общественного управления в Сибири. Каждая станица избирала на три года голову и старшину; закон специально устанавливал, что избрание могло происходить на неограниченное количество сроков полномочий. Избранные головы и старшины утверждались в своих должностях местными губернаторами. Избранный голова приравнивался к званию хорунжего, а старшина – пятидесятника за уряд. Распорядительным органом казачьего общественного управления стал станичный сход, в котором имели право принимать участие достигшие 25-летнего возраста домохозяева-казаки, проживавшие на территории станицы, за исключением телесно наказанных и так называемых «порочных». Станичный сход решал вопросы местного хозяйства и земельного обеспечения станичников. Он утверждал годовой бюджет, контролировал деятельность должностных лиц и назначал наказания провинившимся казакам. Головы и старшины, кроме управления станицами, боевой и служебной подготовки казаков, разбирали мелкие гражданско-правовые споры и административные правонарушения, возникавшие в казачьей среде [9. С. 541].

Казачье общественное управление в станицах, как и крестьянское и городское сословные общественные управления, начиная с момента его правовой регламентации на сибирской окраине империи поглощалось местным государственным управлением, которое использовало сословные институты самоуправления для проведения в жизнь возложенных на него административно-хозяйственных полномочий. Казачье общественное управление использовалось для выполнения задач, стоящих перед государственной властью, которая его детально нормативно регулировала и не упраздняла его сословного характера. Правовая регламентация станичного управления у сибирских городских казаков устанавливала взаимоотношения на принципах централизма и этатизма между казачьим самоуправлением и местным государственным управлением, подчинявшим станичное управление органам местной коронной власти.

Работа в органах станичного управления была непрестижна и даже обременительна для офицеров и состоятельных казаков. Значительная их часть не стремилась к работе в органах управления, а в случаях избрания на должности проявляла халатное отношение к своим обязанностям. Офицеры, которые имели опыт административно-полицейской службы, не испытывали желания стать станичными атаманами из-за понижения в звании (приравнивались к хорунжим), а также небольшого жалования.

Городовым казакам, проживавшим в станицах, отводились сельскохозяйственные угодья по 15 десятин на человека. Они могли заниматься хлебопашеством и промыслами и в порядке очереди несли административно-полицейскую службу в радиусе 150 верст от мест проживания. Казакам было предоставлено право

обращаться в суды с гражданско-правовыми исками. По уголовным делам городские казаки получили особую юрисдикцию: казачьи офицеры были подсудны только губернским судам, а простые казаки – уездным. Рядовые казаки могли быть привлечены к уголовной ответственности только после согласия полкового атамана, а офицеры – местного губернатора. Предварительное расследование уголовных дел с участием казаков должно было проводиться при обязательном присутствии казачьих депутатов. В своих частных делах казаки могли разбираться и словесно, чрез голов и старшин. Они также получили право приносить жалобы в высшие инстанции на местное управление.

Каждый станичный казак мог по собственному желанию переходить в полк. Дети умерших станичных казаков, содержание которых станицы признают для себя обременительным, должны были воспитываться в полковых или сотенных школах и потом поступать в полки. Непосредственное руководство городскими казаками осуществлялось городничими, окружными начальниками, а также губернаторами [12. С. 6].

Сибирские городские казаки выступали в первой половине XIX в. в качестве рядовых сотрудников полиции, а также резерва полицейской системы управления. Привлечение казаков к службе в органах Министерства внутренних дел уменьшало государственные расходы на содержание административных и полицейских органов. Городовое казачество было замкнутой привилегированной корпорацией, готовой пресекать любые противоправительственные действия [13. С. 18].

Подразделения полиции, формировавшиеся из городских казаков, обходились государственному бюджету дешевле кадровых полицейских структур. Однако при этом у них был более низкий уровень служебной и боевой подготовки, чем у регулярных полицейских подразделений. Служба в полиции для большинства станичных городских казаков, которые имели, даже по рамкам Сибири, крупные и зажиточные хозяйства, составляла обременительную повинность, не вызывала интереса, и они разными путями стремились уклониться от нее. Кроме того, реформы 60–70 гг. XIX в. базировались на бессословных принципах формирования правоохранительных органов. Поэтому верховная власть встала на путь упразднения городского казачества через возврат к иррегулярной организации военной службы в казачьих войсках и ликвидации городского казачества как сословной организации [14. С. 296].

С 1851 г. начался перевод городских полковых казаков в военное ведомство по новым положениям. В этом году были преобразованы Иркутский, Енисейский и Забайкальский полки, причем последний поступил в состав Забайкальского казачьего войска. В 1861 г. три западносибирских полка – Тобольский, Сибирский Татарский и Томский – были причислены к Сибирскому линейному войску. Наконец, в 1868 г. был преобразован и Якутский полк [15. С. 293].

Городовое казачество, выполнявшее в Сибири до 1867 г. полицейскую службу на местах, перестало

применяться для охраны безопасности и правопорядка, а его подразделения были ликвидированы. Казаки были переведены в сословие государственных крестьян с правом перехода в Сибирское и Забайкальское казачьи войска, чем часть из них воспользовалась. Бывшим городовым казакам были прощены казенные долги, а их земли были переданы им в собственность, имевшиеся в наличии полковые капиталы были переданы бывшим казакам [16. Л. 102].

Станицы городских казаков были превращены в деревни и переданы в волостное управление. Казачьи офицеры были также исключены из сословия казаков, им были переданы в потомственное владение значительные участки земли – на каждого по 200 десятин, а урядникам и казакам – в собственность по 15 десятин земли [17. С. 5].

Устав и учреждение станиц преследовали цели, во-первых, заселения и охраны отдаленных или малообитаемых земель, во-вторых, исправления казенных надобностей без особенных издержек и уменьшения состава полков и расходов на их содержание [18. С. 203]. Без собственного согласия казаки не могли быть перемещены с одного места жительства на другое. Было запрещено командировать к ним других городских казаков под предлогом пособия в отправлении службы, а в сущности – для пользования их промыслами [17. С. 4].

До введения Устава большая часть казаков не имела отведенных земель, содержание казаков было недостаточным, у них не было ни непосредственного начальства, ни строго определенных обязанностей, казаки часто перемещались с места на место, служили вдали от своего постоянного места жительства и не имели возможности заниматься хозяйством.

«Устав о городских казаках» не учреждал нового сословия и даже не давал казакам новых прав, однако он устанавливал порядок в их делах, устранял злоупотребления, под гнетом которых находилось сибирское казачество, и точнее определял и порядок управления казаками, их служебные обязанности, и положение вне службы. Он указывал казакам верное средство к устройству их экономического быта – станичное положение. Станичные казаки должны были образовывать особый род сельского состояния – население, свободное от податей и повинностей и обязанное за это нести определенную службу. По Уставу все казаки имели право при соблюдении известных условий перейти на станичное устройство.

Устав Сперанского несколько упорядочил быт сословия городских казаков. Основной его целью было дать казакам однообразные правила управления, как полицейским и оседлым сельским жителям. В Уставе особенно было заметно желание как можно больше сократить личный состав казачьих городских полков и обратить казаков в поселян, несущих за льготы полицейскую повинность. Отсюда проистекали значительные преимущества станичных казаков и облегчение полковым командам перехода в станицы. Станичные казаки, до преобразования городских полков, вообще в Сибири пользовались полным благосостоянием и были одним из самых зажиточных сословий в крае [15. С. 37].

К 70-м гг. XIX в. в Сибири не осталось ни одного городского казачьего полка, ни станицы, управляемых по Уставу Сперанского 1822 г. По многочисленным свидетельствам современников, неизвестно, много ли выиграло от этого преобразования государство; но можно положительно сказать, что сами казаки и причисленные к ним крестьяне много от этого потеряли.

Список источников

1. Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири. СПб. : в тип. 2 отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1872. Т. 1. 801 с.
2. Зуев А.С. Штатная реформа Сибирского казачества 1737 года // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2007. Т. 6, вып. 1: История. С. 22–27.
3. Коновалов И.А. Особенности местного самоуправления у казаков Западной Сибири и Северного Казахстана в XIX – начале XX в. // Вестник РУДН. Сер. История России. 2020. Вып. 19, № 3. С. 578–590.
4. Савельев Е. Племенной и общественный состав казачества (исторические наброски) // Донские областные ведомости. 1913. № 129. С. 3–5.
5. Катанаев Г.Е. Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска (с 1582 по 1908 год). СПб. : В. Березовский, 1908. 67 с.
6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 8. Кн. 500. Л. 35–305 об.
7. Коновалов И.А. Роль и место общей полиции в системе местного управления в Сибири (XVIII – начало XX в.). М. : ИНФРА-М, 2020. 311 с.
8. Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. СПб. : Имп. Публ. б-ка, 1861. Т. 2. 388 с.
9. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание Первое. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 38. 1352 с.
10. ПСЗ РИ. Собрание Первое. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 43. 865, 786 с.
11. Обзорение главных оснований местного управления Сибири. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1841. [1], XIII, 61, II с.
12. Андреев С.М. Становление и развитие станичного самоуправления в Сибирском казачьем войске // Власть и общество в Сибири в XX веке : сб. науч. ст. / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск : Параллель, 2012. Вып. 3. С. 3–32.
13. Коновалов И.А. Реформа политической полиции Сибири во второй половине XIX в. // История государства и права. 2014. № 22. С. 17–22.
14. Недбай Ю.Г. История Сибирского казачьего войска. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2001. Т. 1. 404 с.
15. Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири. СПб. : в тип. 2 отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1872. Т. 2. 763 с.
16. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. Оц. Д. 639.
17. Савельев Е. Племенной и общественный состав казачества (исторические наброски) // Донские областные ведомости. 1913. № 205. С. 1–5.
18. Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX вв. Омск : Изд-во ОмГУ, 2015. 580 с.

References

1. Vagin, V.I. (1872) *Istoricheskie svedeniya o deyatel'nosti grafa M.M. Speranskogo v Sibiri* [Historical information about the activities of Count M.M. Speransky in Siberia]. Vol. 1. Saint Petersburg: v tip. 2 otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. kantselyarii.
2. Zuev, A.S. (2007) Shtatnaya reforma Sibirskogo kazachestva 1737 goda [Staff reform of the Siberian Cossacks in 1737]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya*. 6 (1). pp. 22–27.
3. Kononov, I.A. (2020) Osobennosti mestnogo samoupravleniya u kazakov Zapadnoy Sibiri i Severnogo Kazakhstana v XIX – nachale XX v. [Features of local self-government among the Cossacks of Western Siberia and Northern Kazakhstan in the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik RUDN. Ser. Istoriya Rossii*. 19 (3). pp. 578–590.
4. Savel'ev, E. (1913) Plemennoy i obshchestvennyy sostav kazachestva (istoricheskie nabroski) [Tribal and social composition of the Cossacks (historical sketches)]. *Donskie oblastnye vedomosti*. 129. pp. 3–5.
5. Katanaev, G.E. (1908) *Kratkiy istoricheskiy obzor sluzhby Sibirskogo kazach'ego voyska (s 1582 po 1908 god)* [Brief historical overview of the service of the Siberian Cossack army (from 1582 to 1908)]. Saint Petersburg: V. Berezovskiy.
6. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 248. List 8. Box 500. Page 35–305 rev.
7. Kononov, I.A. (2020) *Rol' i mesto obshchey politzii v sisteme mestnogo upravleniya v Sibiri (XVIII – nachalo XX v.)* [The role and place of the general police in the system of local government in Siberia (18th – early 20th centuries)]. Moscow: INFRA-M.
8. Korf, M.A. (1861) *Zhizn' grafa Speranskogo* [A Life of Count Speransky]. Vol. 2. Saint Petersburg: Imp. Publ. b-ka.
9. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 38. Saint Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. kantselyarii.
10. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 43. Saint Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. kantselyarii.
11. Anon. (1841) *Obozrenie glavnykh osnovaniy mestnogo upravleniya Sibiri* [Review of the main foundations of local government in Siberia]. Saint Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. kantselyarii.
12. Andreev, S.M. (2012) Stanovlenie i razvitiye stanichnogo samoupravleniya v Sibirskom kazach'em voyske [Formation and development of stanitsa self-government in the Siberian Cossack army]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and society in Siberia in the 20th century]. Vol. 3. Novosibirsk: Parallel'. pp. 3–32.
13. Kononov, I.A. (2014) Reforma politicheskoy politzii Sibiri vo vtoroy polovine XIX v. [Reform of the political police of Siberia in the second half of the 19th century]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 22. pp. 17–22.
14. Nedbay, Yu.G. (2001) *Istoriya Sibirskogo kazach'ego voyska* [History of the Siberian Cossack army]. Vol. 1. Omsk: OmSPU.
15. Vagin, V.I. (1872) *Istoricheskie svedeniya o deyatel'nosti grafa M.M. Speranskogo v Sibiri*. [Historical information about the activities of Count M.M. Speransky in Siberia]. Vol. 2. Saint Petersburg: v tip. 2 otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. kantselyarii.
16. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 24. List Ots. File 639.
17. Savel'ev, E. (1913) Plemennoy i obshchestvennyy sostav kazachestva (istoricheskie nabroski) [Tribal and social composition of the Cossacks (historical sketches)]. *Donskie oblastnye vedomosti*. 205. pp. 1–5.
18. Remnev, A.V. (2015) *Sibir' v imperskoy geografii vlasti XIX – nachala XX vv.* [Siberia in the imperial geography of power in the 19th – early 20th centuries]. Omsk: OmSU.

Информация об авторе:

Коновалов И.А. – д-р ист. наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: konov77@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.A. Kononov, Dr. Sci. (History), professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: konov77@mail.ru

The author declares no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 12.04.2022;
одобрена после рецензирования 18.04.2022; принята к публикации 20.05.2022.

The article was submitted 12.04.2022;
approved after reviewing 18.04.2022; accepted for publication 20.05.2022.

Научная статья
УДК 94; 327
doi: 10.17223/15617793/478/13

Лаос в потоках международной помощи развитию

Анастасия Михайловна Погорельская¹, Винават Пхонкео²

^{1, 2} Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ pogorelskaya@mail.tsu.ru

² vinavathphonekeo@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено проблемам развития Лаоса в новейшее время. Представлен обзор внутренней ситуации в ЛНДР и положения страны на мировой арене с 1970-х гг. по настоящее время. Работа основана на страновых исследованиях, опубликованных за рубежом в 1990–2000-х гг., а также на отдельных статьях российских авторов 2000-х гг.

Ключевые слова: ЛНДР, развитие, доноры помощи, наименее развитые государства

Для цитирования: Погорельская А.М., Пхонкео В. Лаос в потоках международной помощи развитию // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 99–107. doi: 10.17223/15617793/478/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/13

Laos in international development aid flows

Anastasia M. Pogorelskaya¹, Vinavath Phonekeo²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ pogorelskaya@mail.tsu.ru

² vinavathphonekeo@gmail.com

Abstract. Since the establishment of the Lao People's Democratic Republic (Lao PDR) in 1975, the development of the country has been uneven both due to domestic policy deficiencies as well as changing international environment. The aim of the article is to provide an overview of the domestic situation in the Lao PDR in connection with the position of the country at the world arena from the 1970s up to date. The study is based on the country-specific research issued abroad in the 1990s–2000s as well as individual papers provided by Russian authors in the 2000s. The sources used for the study include the World Bank and the UN agencies data as well as information from specialized bodies dealing with development including the USAID and the EEAS. The peculiarities of the political system attributed to the Lao PRD include one-party rule, state dominance on most spheres of life and high level of corruption. The economy of the country used to suffer from the land-locked character but nowadays the country strives to gain advantage from being a transit territory in the Mekong River region. Due to sharp turns in the state economic policy from nationalization and collectivization to market orientation, the economy has been rather weak. The efforts to make tourism one of the drivers of economic development along with mining, hydropower production and agriculture, were devalued by the pandemic. The opportunities for receiving education in the country are especially limited for the poor, representatives of ethnic minorities, and women. Due to the continuing growth of the population, it may become even more difficult to provide education in the country largely. The healthcare system is also understaffed and underfunded. Malnutrition is wide-spread among the poor population. However, the healthcare system has improved a lot during the last 30 years. Many social problems of the country are not duly solved partially due to large state deficit that is somehow balanced by foreign aid. Laos was acknowledged a least developed country (LDC) in 1971. Thus, Laos relied a lot on foreign aid. The volumes of official development aid provided to the Lao PDR by the OECD Development Assistance Committee in 1971–2020 changed a lot due to the changes in the main donors of development aid from France and the US at the beginning of the 1970s, then the Soviet Union and Socialist bloc countries in 1975–1990, then again Western states, Japan, UN agencies gaining the main donor position for the Lao PDR. Countering poverty and other social problems were declared the priorities for both Lao authorities and international aid donors, certain success was achieved: the average poverty rate has decreased, the GDP per capita has been growing, the public debt remained large, though. Since the country is expected to be deprived of the LDC status in 2026 due to achieving relatively good results, it is time for the Lao PDR to reformulate its domestic and foreign policy approaches.

Keywords: Lao PDR, development, aid donors, least developed countries

For citation: Pogorelskaya, A.M. & Phonekeo, V. (2022) Laos in international development aid flows. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 99–107. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/13

Введение

Международная система содействия развитию отстающих стран, которая насчитывает уже несколько десятилетий, в последние годы вынуждена трансформироваться в поисках новых форматов, с привлечением новых участников и через пересмотр целей развития. Несмотря на то, что ключевые доноры содействия развитию вложили значительные средства и усилия в помощь множеству стран, общий разрыв в уровне развития между Севером и Югом не был ликвидирован и вряд ли исчезнет в ближайшие десятилетия. Пандемия только усугубила ситуацию как в наименее развитых странах, так и объективно сократила возможности доноров помощи развитию в её предоставлении при росте необходимости в ней.

Россия вынуждена была значительно сократить свою помощь в 1990-х гг., тем самым предоставив другим донорам возможность укрепить свои позиции в соответствующих регионах, в том числе в Юго-Восточной Азии. Даже несмотря на объективно растущие объёмы российского содействия международному развитию в последние годы, отсутствие должного его позиционирования и рост влияния других доноров помощи приводит к тому, что отдача от российских усилий невелика с позиции укрепления престижа страны на международной арене [1].

В российской науке анализ содействия международному развитию осуществляется в основном с позиций доноров помощи, которым приписываются экономические интересы, цели распространения ценностей [2], стремление к обеспечению безопасности [3], регулирования иммиграции [4], хотя отмечается, что в последние два десятилетия ключевые доноры стараются подходить к распределению помощи с точки зрения нужд реципиентов [5. С. 87]. В этой связи анализ содействия международному развитию представляется наиболее плодотворным при сопоставлении степени удовлетворения интересов доноров и нужд реципиентов [6].

Данное исследование посвящено анализу особенностей внутренней ситуации в Лаосе (ныне Лаосской Народно-Демократической Республике, ЛНДР), имеющему статус наименее развитого государства мира, получающему международную помощь, и фокусируется на системе отношений, которая выстроилась вокруг Лаоса в связи с наличием такого статуса. Данный кейс примечателен тем, что демонстрирует смену доноров помощи развитию ввиду глобальных геополитических трансформаций. Таким образом, целью исследования стала оценка особенностей внутреннего развития и связанного с ним положения ЛНДР в международных отношениях с 1970-х гг. по настоящее время.

В России исследованиями Юго-Восточной Азии занимаются эксперты, работающие на базе Института востоковедения РАН и Центра АСЕАН при МГИМО (У) МИД России. Однако несмотря на наличие обшир-

ного пласта российской литературы по проблемам Юго-Восточной Азии в целом и АСЕАН в частности, работ, посвященных исключительно Лаосу относительно немного, исключение составляют отдельные статьи С.И. Иоанесян и Л.Н. Морева, которые были опубликованы ещё в 2000-х гг.

Данное исследование опирается отчасти на крупные страноведческие работы, изданные за рубежом в 1990–2000-е гг., в частности, в США [7] и Австралии [8]. Отсутствие актуальной литературы подчеркивает своевременность нашего исследования. Источниковую базу исследования составили данные международных организаций, в частности группы Всемирного банка, МВФ, ООН. Кроме того, представление об объёмах и приоритетах различных доноров помощи развитию в отношении Лаоса было получено с сайтов профильных ведомств крупных доноров, например Агентства международного развития США (USAID) и Европейской внешнеполитической службы (European External Action Service).

Структура статьи выглядит следующим образом: сначала приведена краткая характеристика особенностей политического и социально-экономического развития ЛНДР. Далее объясняются критерии включения страны в перечень наименее развитых государств мира. Затем дан обзор усилий отдельных доноров помощи по содействию развитию ЛНДР на протяжении последних 50 лет.

Особенности политической системы ЛНДР

До 1975 г. Лаос был монархией, затем страна была преобразована в Лаосскую Народно-Демократическую Республику (ЛНДР), которая объявила о приверженности коммунистическим началам. Появилась новая элита с привилегированным доступом к ограниченным благам, покровительства которой искали люди других социальных слоев для обеспечения социального статуса и материального благополучия.

Новый режим во многом напоминал своего ближайшего соседа и соратника – вьетнамский, особенно в первые годы существования ЛНДР, поскольку многие лаосские партийные лидеры были тесно связаны с этой страной межпартийными и личными связями. ЛНДР заимствовала у своего вьетнамского наставника концепцию центров перевоспитания или «лагерей для семинаров», куда в начале существования нового режима принудительно направлялись представители бывшей элиты, офицеры и т.д., который, однако, был отменен в 1986 г. [8. С. 181–183]

С 1975 г. ЛНДР остаётся однопартийным государством с правящей Народно-революционной партией Лаоса (НРПЛ), которая доминирует во всех аспектах политики и иных сферах жизни. Устойчивой оппозиции или гражданского общества в стране не сложилось. Высшее руководство страны (премьер-министры и президенты) чаще всего занимают свои

посты после продолжительного опыта работы во властной системе и в партии в частности. Например, нынешний президент страны Тхонггун Сисулит, избранный парией в 2021 г., ранее занимал посты в различных министерствах Лаоса с 1980-х гг. и был членом НРПЛ. Партия также традиционно получает абсолютное большинство мест в лаосском законодательном органе – Национальном собрании [9].

Конституция ЛНДР была принята только в 1991 г. и закрепила текущее положение ветвей власти, формально гарантировав права и указав обязанности граждан. Ввиду доминирования НРЛП и подконтрольных ей организаций в стране широко распространена самоцензура. Государству принадлежат почти все СМИ, отдельные независимые издания избегают политически острых тем. Например, обрушение плотины на реке Меконг в 2018 г. в Лаосе замалчивалось [10]. Тем не менее с 1990-х гг. в стране наметились перемены: контроль партии и государства над некоторыми аспектами жизни был ослаблен, иностранцы получили возможность свободно посещать страну и перемещаться по её территории [11. С. 129].

Коррупцию называют одной из серьезнейших проблем ЛНДР, которая особенно ярко проявилась в ходе приватизации ранее принадлежавших государству предприятий, начавшейся в 1988 г. В отличие от борьбы с коррупцией во Вьетнаме или Китае, где уголовному преследованию подвергались даже высокопоставленные чиновники, в ЛНДР традиционные межличностные связи между элитой, партийными и высшими государственными чиновниками препятствуют эффективной антикоррупционной кампании. Кроме того, лаосцы обычно неохотно идут на личную конфронтацию. Поскольку в стране межличностные связи традиционно открывали доступ к социальным, экономическим и политическим благам, то, что считается коррупцией в западном менталитете, является нормой для лаосского общества [9. С. 172].

Экономика ЛНДР

В экономическом плане важно то, что ЛНДР – единственная страна Юго-Восточной Азии, не имеющая прямого выхода к морю. Таким образом, географическое положение делает страну зависимой от соседей в торговле и доступе к морю. Экономика страны на протяжении существования ЛНДР пережила несколько реформ, которые не лучшим образом сказались на её состоянии.

Власти попытались провести национализацию ограниченных промышленных и торговых предприятий, что не способствовало повышению их производительности. Поэтому в конце 1970-х гг. произошла ограниченная экономическая и социальная либерализация. В первые годы существования коммунистического режима власти была объявлена коллективизация сельского хозяйства. Она была предпринята по двум причинам: политической – взять под контроль сельское население; экономической – получить финансирование на развитие государства. Однако в 1976 г. была умеренная засуха, а в 1977 г. – сильные

наводнения, усугубившие состояние сельского хозяйства. Поскольку нарушение производства в сельской местности стало очевидным, в конце 1981 г. политика коллективизации была приостановлена [12].

Учитывая, что государственный бюджет также страдал в результате таких экспериментов, основным источником покрытия огромного бюджетного дефицита была внешняя помощь, предоставляемая другими странами и международными организациями.

В декабре 1979 г. было объявлено о движении к рыночному социализму. Были сняты ограничения с малого частного бизнеса и цен на товары. В 1986 г. под влиянием перестройки в СССР ЛНДР была проведена реформа, установившая новый экономический механизм: были введены рыночные стимулы, были разрешены небольшие семейные фермы. Бюджетная поддержка госпредприятий была уменьшена, а затем прекращена, они были переведены на хозрасчет и должны были сами обеспечивать свою конкурентоспособность. В 1988 г. состоялся очередной этап экономической реформы – была объявлена ориентация на мировой рынок. Иностранные инвестиции были разрешены и более чем приветствовались. Установлен единый обменный курс национальной валюты Лаоса – кипа [13].

Хотя Конституция 1991 г. провозгласила рыночную экономику, государству досталась функция ее главного регулятора. Поскольку государственный бюджет не был сбалансирован, государственные инвестиции в здравоохранение и образование оставались очень низкими. Региональные различия в доходах стали еще больше, поскольку столица страны – Вьентьян получила большую часть инвестиций и доходов.

Сегодня экономика Лаосской НДР зависит в основном от добычи полезных ископаемых и сельского хозяйства, где в выращивании каучуконосов, кофе и даже опиума занято большинство населения. Дегradация окружающей среды из-за ее эксплуатации при добыче полезных ископаемых представляет собой долгосрочную проблему для страны, которую она не может решить самостоятельно [14. С. 24–25]. В начале XXI в. был провозглашен курс на индустриализацию и модернизацию экономики страны. С нуля создавались целые отрасли, в том числе гидроэнергетика, металлургия и т.д. Власти всячески стимулировали развитие туризма, чему препятствовал низкий уровень развития инфраструктуры. В начале 2010-х гг. промышленность давала около 27% ВВП. Сфера услуг, в основном благодаря развитию туризма, обеспечивала около 27% ВВП [15. С. 31–32]. В этой связи страна столкнулась с серьезными проблемами после того, как туризм рухнул под воздействием пандемии COVID-19. Сегодня ставка в экономике страны во многом делается на регион Большого Меконга [16], где ЛНДР стремится стать основной транзитной территорией, а также получать дешевую электроэнергию за счет ГЭС на реке Меконг.

Образование в ЛНДР

Начальные школы появились в Лаосе в конце XIX в., средние – в 1920-х гг. В период французского

колонииального правления образование в стране улучшалось и уровень грамотности вырос. В 1962 г. с третьего класса было введено двуязычное образование – на лаосском и французском. После создания ЛНДР была проведена реформа образования: общее образование стало 11-летним. Однако качество образования стало снижаться, в том числе из-за недостаточного финансирования со стороны государства и недостатка учителей. Французский стал постепенно изыматься из учебных планов, в последние годы заменяясь английским.

В 1990-х гг. прошли школьные реформы. Начальное образование стало бесплатным и обязательным в течение 5 лет начиная с 6-летнего возраста. Это привело к повышению уровня грамотности, особенно среди женщин, с 47,9% в 1995 г. до 63,2% в 2005 г. Однако в стране все ещё наблюдается значительная разница уровне школьного образования между городом и сельской местностью, между мужчинами и женщинами, между лао-тайским большинством и меньшинствами [17. С. 210–271]. Демографический рост, наметившийся с 1990 г., затрудняет предоставление образования всем гражданам, которые желают его получить. Так, если в 1990 г. население Лаосской НДР составляло 4,3 млн человек, то в 2019 г. оно достигло 7,2 млн человек, а к 2030 г., как ожидается, достигнет 8,2 млн человек [18]. Общий коэффициент охвата средним образованием по-прежнему относительно низок – 62,76% в 2020 г., но он все же значительно вырос с 45,78% в 2011 г. [19].

Система высшего образования начала складываться в Лаосе с 1958 г., когда в столице был основан первый вуз – Королевский институт права и администрации. Позже стали создаваться педагогические вузы, поскольку преподавателей в стране не хватало, затем медицинский и политехнический. К середине 1990-х гг. в ЛНДР было 6 высших учебных заведений. В 1995 г. началась реформа образования: было разрешено создавать частные вузы. В 2001 г. был принят национальный стандарт высшего образования. Лаосские вузы расположены, в основном, в столице; из них только 4 государственных. Конкуренция при поступлении в ведущий – Национальный университет – велика, а высшее образование в стране в целом не отличается качеством на уровне международных стандартов [17. С. 275–296]. Общий коэффициент охвата высшим образованием за последнее время снизился с 17,8% в 2011 г. до 13,5% в 2020 г. [19]. В этой связи традиционно молодежь из относительно обеспеченных семей выезжает для получения высшего образования за границу: в 1970–1980-е гг. в страны социалистического лагеря, в частности СССР и Вьетнам; позже – в соседние страны: Вьетнам, Таиланд, а также Австралию, Японию, США [20].

Здравоохранение

Из-за огромного бюджетного дефицита, который новый режим не смог преодолеть, государственные инвестиции в систему здравоохранения всегда были низкими. Расходы на здравоохранение составляли

около 3,8% ВВП в 2007–2008 гг. и увеличились до 5% в 2012–2013 гг. [21] Однако пандемия COVID-19 усугубила экономическую ситуацию в стране, а также увеличила нагрузку на медицинскую сферу. Таким образом, к 2020-м гг. расходы ЛНДР на здравоохранение вновь составили 2,5% ее ВВП. Из-за низкого уровня развития системы здравоохранения показатели здоровья в стране не впечатляющие. В результате ожидаемая продолжительность жизни при рождении составляет в среднем 67,9 лет. Детское недоедание в возрасте до 5 лет составляет 33,1% [22]. Тем не менее ЛНДР в последние три десятилетия добились значительного прогресса в улучшении охраны материнства и детства, хотя они пока и не соответствуют международным стандартам. Тем не менее материнская смертность существенно снизилась с 1 600 на 100 тыс. рождений в 1990 г. до 220 на 100 тыс. рождений в 2013 г. [21]. В стране широко встречается недоедание, в том числе среди детей, обусловленное статусом родителей, уровнем образования, здоровьем родителей, плохими санитарными условиями, отсутствием продовольственной безопасности в стране в целом [21].

Лаос в статусе наименее развитого государства

В 1971 г. Комитет по планированию развития при Экономическом и Социальном совете ООН попытался разработать критерии для определения наименее развитых стран (НРС). Таковыми стали ВВП на душу населения, а также преобладание сельского хозяйства или иного вида деятельности во вкладе в ВВП, низкий уровень производительности, низкий уровень индустриализации, отсутствие достаточно диверсифицированной структуры производства, преобладание экспорта сырьевых товаров, низкий уровень образования, слабые государственные институты, неадекватная экономическая инфраструктура и т.п. В соответствии с ними Лаос был включен в список наименее развитых государств ещё в 1971 г. и по планам должен выйти из него в 2026 г.

Первоначальные показатели Лаоса, из-за которых ООН включила его в эту категорию, были не самыми низкими в мире, но схожими с показателями африканских стран. Так, ВВП на душу населения по данным на 1968 г. в Лаосе равнялся 72 долл., а в Чаде – 73, в Руанде – 43, в Гамбии – 129 долл. [23]. Хотя основные усилия по устранению препятствий для развития этих стран были возложены на сами эти страны, международное сообщество обещало свою помощь. ЛНДР оказалась одной из трех наименее развитых стран АСЕАН и единственной наименее развитой страной, не имеющей выхода к морю.

По настоянию международных организаций, а именно Программы развития ООН и Всемирного банка, страна официально утвердила борьбу с бедностью в качестве своего приоритета в 2001 г. При содействии Международного валютного фонда была разработана специальная стратегия по борьбе с бедностью, эта цель также была включена в последующие пятилетние планы социально-экономического развития [9. С.169]. В последние годы в ЛНДР действительно произошло значи-

тельное снижение уровня бедности: с 33,5 до 23,2% за 2003–2013 гг., что вывело из бедности около полумиллиона человек. Однако долгосрочная проблема страны состоит в том, что торговля ресурсами не приводит к увеличению потребления домохозяйств в среднем, а приносит прибыль тем, кто уже богат [24].

ВВП на душу населения рос на протяжении многих лет и позволил ЛНДР добиться заметных успехов в своем развитии, а именно улучшить свои позиции в Индексе развития человеческого потенциала (137-е место в 2019 г.) [25]. Такой показатель, как валовый национальный доход на душу населения, в ЛНДР в среднем выше, чем в других наименее развитых странах, начиная с 2010-х гг. Тем не менее макроэкономическая ситуация сохраняет неустойчивость, в том числе ввиду большого государственного долга, а также растущего внешнего долга, что усугубилось в пандемию [26]. В целом пандемия COVID-19 вызвала экономический спад в стране, ударив, например, по туризму, где было занято порядка 11% работников. Хотя доля ВВП, обеспечиваемая денежными переводами граждан ЛНДР, работающих за границей, никогда не превышала 2%, она снизилась с 1,569% (296,5 млн долл. США) в 2019 г. до 1,213% в 2020 г. (232,2 млн долл. США) в связи с необходимостью возвращения на родину порядка 100 тыс. трудовых мигрантов [26].

Ключевые доноры международной помощи развитию Лаоса

Скромные результаты экономического развития вкпе с особенностями географического положения и ограниченными внешнеполитическими возможностями обусловили зависимость Лаоса от иностранной

помощи сначала от Франции, с 1975 г. – от Вьетнама и Советского Союза, а также стран Социалистического лагеря в целом. После его распада ЛНДР попала в зависимость от вклада агентств ООН, ЕС и США, а также региональных держав, а именно Австралии, Японии и Таиланда, способных обеспечить инвестиции в лаосскую экономику. Китай также начал наращивать свои усилия по содействию развитию ЛНДР для отстаивания своих позиций в регионе Юго-Восточной Азии.

Международные доноры помощи развитию

Объемы официальной помощи развитию, предоставляемые Лаосу/ЛНДР Комитетом по содействию развитию Организации экономического сотрудничества и развития (КСР ОЭСР) в 1971–2020 гг., значительно варьировались в зависимости от геополитической обстановки и, соответственно, ввиду смены основных доноров помощи развитию. Членами Комитета содействия развитию (КСР) сначала были Бельгия, Канада, Франция, Германия, Италия, Португалия, Великобритания, США и Комиссия Европейского экономического сообщества (1960 г.). Вскоре к ней присоединились Япония и Нидерланды (1960 г.), за ними последовали Норвегия (1962 г.), Дания (1963 г.), Австрия и Швеция (1965 г.), Австралия (1966 г.), Швейцария (1968 г.), Новая Зеландия (1973 г.), Финляндия (1975 г.), Ирландия (1985 г.), Португалия (вернувшаяся после выхода в 1974 г.) и Испания (1991 г.), Люксембург (1992 г.), Греция (1999 г.) [27]. Динамика объемов помощи развитию, предоставленной членами КСР ОЭСР Лаосу/ЛНДР, показана в таблице ниже.

Динамика помощи развитию КСР ОЭСР Лаосу/ЛНДР в 1971–2020 гг., млн долл. США [28]

1971–1980 гг.	1981–1990 гг.	1991–2000 гг.	2001–2010 гг.	2011–2020 гг.
1783,24	537,3	1699,39	2295,62	3002,46

В 1961 г. Лаос присоединился к Международному валютному фонду и Международному банку реконструкции и развития, входящему в группу Всемирного банка. В 1970-х гг. Всемирный банк оказывал помощь стране в обеспечении продовольственной безопасности. Позже повестка дня Всемирного банка расширилась, включив обеспечение доступа к социальным услугам и инфраструктуре, развитие институтов в ЛНДР и т.д. По данным на 2022 г., Всемирным банком реализуется 25 проектов в ЛНДР с финансированием в размере 706 млн долл. [29]

Помощь развитию ЛНДР со стороны социалистического блока

Дипломатические отношения с СССР были установлены в 1960 г. К 1979 г. СССР и его союзники предоставляли ЛНДР около 60% помощи развитию, а также военную помощь [8. С. 189]. К 1990 г. страны социалистического лагеря обеспечивали около 70% международной помощи развитию ЛНДР. Под эгидой СССР в стране осуществлялось множество инфраструктурных

проектов, включая строительство мостов, дорог, аэропортов, больниц, радиостанций, а также ЛНДР получала оборудование, в том числе военное [7. С. 251]. Вьетнам имел ограниченные возможности для оказания помощи в развитии ЛДР, поскольку его экономический потенциал также был невелик. Однако в 1975–1985 гг. Вьетнам запустил около 200 проектов помощи ЛНДР [7. С. 246]. Одним из каналов взаимодействия была образовательная миграция. Детей партийной элиты отправляли в страны «передового социализма», включая СССР и Болгарию, или во Вьетнам для получения высшего образования. С распадом СССР и социалистического лагеря возможности России по предоставлению помощи развитию ЛНДР значительно сократились, из-за чего её место довольно быстро заняли другие доноры помощи.

Помощь со стороны США

С 1961 г. Лаос во многом зависел от международной помощи со стороны США, предоставляемой по линии Агентства международного развития (USAID). Однако с установлением нового режима в 1975 г. США ввели ди-

пломатическое эмбарго в отношении ЛНДР, но контакты сохранялись, что давало ограниченные возможности для несистематической гуманитарной помощи. С окончанием холодной войны помощь со стороны США стала вновь востребована в ЛНДР. В 1990 г. Управление по борьбе с наркотиками США запустило проект экономической помощи на сумму 8,7 млн долл. США для содействия переходу от выращивания опиийного мака в горах к другим сельскохозяйственным культурам. В 1992 г. Агентство международного развития выделило 1,3 млн долл. на проект протезирования в ЛНДР. Лаосские граждане стали получать гранты Фулбрайта с 1993 г. С восстановлением дипломатических отношений участились визиты официальных лиц США в ЛНДР [30]. Агентству международного развития пришлось уйти из ЛНДР в 1970-х гг. вплоть до начала 2010-х гг., поэтому отдельные его проекты в ЛНДР в 1990–2000-х гг. реализовывались на базе офиса Агентства в Бангкоке, Таиланд. В 2011 г. офис USAID открылся в ЛНДР. Среди приоритетов работы Агентства в стране были указаны содействие устойчивому экономическому развитию и совершенствованию правовой базы торговой и инвестиционной деятельности, помощь в надлежащем лесопользовании, борьбу с последствиями изменения климата для местных сообществ, помощь в развитии здравоохранения и обеспечении питанием, а также в расширении возможностей для людей с инвалидностью [31].

Помощь развитию со стороны Европейского союза

Дипломатические отношения с большинством европейских стран были установлены Лаосом ещё в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Отношения с ЕЭС были установлены в 1975 г. Однако Соглашение о сотрудничестве между Европейским союзом и ЛНДР было подписано только в 1997 г. и устанавливало условия взаимодействия в сферах торговли, окружающей среды, экономики, сельского хозяйства, энергетики, науки и техники, культуры и т.д. Тогда же от Евросоюза стала поступать систематическая помощь развитию ЛНДР в первую очередь для целей сферы образования, обеспечения продовольствием и надлежащего управления.

ЛНДР, как и многие другие наименее развитые страны, участвует в программе ЕС «Все, кроме оружия», которая с 2001 г. предоставляет товарам из наименее развитых стран, за исключением оружия, беспогранный доступ на рынки государств – членов Европейского союза, не ограниченный также какими-либо квотами [32]. Позже ЕС принял первую стратегию в отношении ЛНДР на период 2002–2006 гг. Вторая такая стратегия была принята на период 2007–2013 гг.

Помощь ЕС в развитии ЛНДР сегодня сосредоточена на следующих сферах: образование; устойчивое сельское хозяйство и продовольственная безопасность и безопасность питания; государственное управление, права человека и верховенство закона. На 2007–2013 гг. ЕС выделил 69 млн евро на помощь развитию страны, в том числе на программу реформ в рамках Национальной стратегии развития, на поддержку устойчивого развития горных районов и переселение из отдельных регионов

страны, на поддержку торгово-экономического сотрудничества и правозащитную повестку [33]. За период 2014–2020 гг. ЕС предоставил ЛНДР 250 млн евро для содействия социально-экономическому развитию страны, особенно сфер образования, продовольственной безопасности, надлежащего управления и т.д. [34].

В 2018 г. была запущена Программа поддержки базового образования, особенно для детей из беднейших семей, этнических меньшинств, девочек, детей с ограниченными возможностями и детей из сельских районов. С 2019 г. ЕС реализует четырехлетнюю Программу поддержки в области питания, нацеленную на обеспечение продовольствием наиболее уязвимых групп населения. В целях обеспечения надлежащего управления в ЛНДР ЕС также поддерживает более 10 проектов в рамках Европейского инструмента демократии и прав человека и 12 проектов в рамках тематических программ Организаций гражданского общества. Поскольку в стране наблюдаются сложности с управлением государственными финансами, ЕС совместно со Всемирным банком с 2016 г. реализует в ЛНДР программы модернизации управления государственными финансами [35].

Наиболее активными государствами – членами ЕС в предоставлении помощи ЛНДР являются Финляндия, Франция, Германия, Венгрия, Люксембург и Нидерланды. Вместе со Швейцарией они пообещали выделить 475 млн евро на период 2021–2025 гг. для обеспечения зеленого и инклюзивного роста, эффективного управления и инвестиций в человеческий капитал ЛНДР. Европейский союз в целом активно поддерживает стратегию «зеленого роста» ЛНДР, принятую до 2030 г. [35].

Помощь развитию ЛНДР со стороны Китая

Отношения ЛНДР с Китаем не были лишены идеологической подоплеку на протяжении последних 60 лет и во многом зависели от позиции Китая в регионе Юго-Восточной Азии в целом. В 1961 г. Лаосом были установлены дипломатические отношения с китайским правительством в Пекине, но до прихода к власти коммунистического режима и установления ЛНДР они были очень ограниченными, хотя китайская сторона предоставляла помощь своим единомышленникам в Лаосе с 1961 г.

В 1979 г. отношения с КНР были испорчены в связи с поддержкой ЛНДР вьетнамского вторжения в Камбоджу, что сократило китайскую помощь развитию ЛНДР на период 1980-х гг. В 1990-х гг. отношения между ЛНДР и КНР улучшились, а в 2000 г. состоялся первый официальный визит китайского лидера в ЛНДР. С 1990-х гг. помощь развитию ЛНДР со стороны Китая стала носить систематический характер, а китайские инвестиции стали регулярно приходить в лаосские гидроэнергетику, добывающую промышленность, сельское хозяйство. В последние годы наблюдается рост присутствия китайских инвесторов и китайской помощи развитию в ЛНДР, что в том числе увеличивает долю Китая во внешнем долге ЛНДР [36]. В рамках китайской инициативы «Пояса и Пути» в ЛНДР строится транспортная инфраструктура

ра. Например, в декабре 2021 г. была запущена железная дорога, связывающая две страны [37].

Однако помощь развитию со стороны КНР вызывает беспокойство со стороны других доноров помощи, а также соседей ЛНДР. Традиционно КНР приписывается восприятие реципиентов его помощи и ЛНДР в частности как поставщиков сырья и транзитных территорий для китайских товаров. Вдобавок объемы этой помощи и инвестиций в точности не обнаруживаются, а в целях КНР неизменно усматривается усиление китайских позиций в экономике и политике ЛНДР для обеспечения китайских интересов в Юго-Восточной Азии в целом [38]. Отмечается, что Китаю благодаря его усилиям по содействию развитию уже удалось добиться доминирующего политического влияния в ЛНДР [39].

Заключение

ЛНДР меняла свои внешнеполитические приоритеты на фоне глобальных геополитических трансформаций. ЛНДР приходилось балансировать как между блоками времен «холодной войны», так и между силь-

ными соседями, включая Вьетнам, Таиланд и Китай. Серьезную роль в формировании международных отношений, выстроенных Лаосом, играет статус наименее развитой страны. Для ЛНДР такой статус играл ключевую роль в выстраивании отношений с другими странами. Так, ЛНДР, несмотря на формальную приверженность коммунистическим идеям, тем не менее, получала помощь от доноров из разных лагерей времён холодной войны, хотя и в разном масштабе. Ограниченные результаты экономического развития вместе с отсутствием выхода к морю и ограниченными внешнеполитическими возможностями обусловили зависимость Лаоса сначала от Франции, затем от США, Советского Союза и социалистического лагеря.

В 1990-х гг. для ЛНДР актуализировалась проблема поиска доноров помощи среди западных государств и соседей, которая была относительно успешно решена. Тем не менее планируемый ООН в 2026 г. отзыв статуса наименее развитого государства у ЛНДР делает актуальным переосмысление внешней и внутренней политики страны.

Список источников

1. Ермолов М. Границы и масштабы российского содействия международному развитию // Российский совет по международным делам (РСМД). 03.08.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/granitsy-i-masshtaby-rossiyskogo-sodeystviya-mezhdunarodnomu-razvitiyu/> (дата обращения: 05.05.2022).
2. Дегтерев Д.А. Содействие международному развитию как инструмент продвижения внешнеполитических и внешнеэкономических интересов // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 2 (23). С. 47–58.
3. Содействие международному развитию как инструмент внешней политики: зарубежный опыт / под ред. В.Г. Барановского, Ю.Д. Квашнина, Н.В. Тогановой. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 248 с.
4. Хахалкина Е., Погорельская А. Содействие развитию или управление миграцией? (Анализ европейского подхода) // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66, № 2. С. 80–89.
5. Морозкина А.К. Официальная помощь развитию: тенденции последнего десятилетия // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 9. С. 86–92.
6. Ермолов М. Помощь развитию: благотворительность или бизнес? // РСМД. 01.03.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pomoshch-razvitiyu-blagotvoritelnost-ili-biznes/>
7. Laos: a country study / ed. by Savada A.M. 3rd edition. US: Federal Research Division, Library of Congress, 1994. 366 p.
8. Evans G. A short history of Laos: the Land in Between. Allen & Unwin, 2002. 251 p.
9. Stuart-Fox M. Laos: Politics in a Single-party state // Southeast Asian Affairs. 2007. P. 161–180.
10. Laos // Freedom House. 2020. URL: <https://freedomhouse.org/country/laos/freedom-world/2020> (accessed: 08.05.2022).
11. Kyaw Yin Hlaing. LAOS: The State of the State // Southeast Asian Affairs. 2006. P. 129–147.
12. Burgess J. With Economy Stuck, Laos Soft-Pedals Collectivization // The Washington Post. 01.12.1980. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1980/12/01/with-economy-stuck-laos-soft-pedals-collectivization/8ee16bca-019c-450f-86f0-1ecabc78b8ae/> (accessed: 04.05.2022).
13. The Lao People's Democratic Republic systemic transformation and adjustment / ed. by Ichiro Otani and Chi Do Pham. Washington, D.C.: International Monetary Fund, 1995. 70 p.
14. Андреев В.А., Амхаван С. Социально-экономическое развитие ЛНДР на современном этапе: специфика, противоречия и перспективы // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2018. Т. 10, № 3. С. 19–28.
15. Морев Л.Н. Лаос. На пути к статусу «развивающейся страны» // Азия и Африка сегодня. 2010. № 2. С. 31–36.
16. Ariffin E. What is the CLV Development Triangle Area? // The ASEAN Post. 14.11.2018. URL: <https://theaseanpost.com/article/what-clv-development-triangle-area> (accessed: 07.05.2022).
17. The Political Economy of Educational Reforms and Capacity Development in Southeast Asia. Cases of Cambodia, Laos and Vietnam / ed. by Hirosato Y., Kitamura Y. Springer, 2009. 325 p.
18. Total population (millions) // UNDESA, 2019. URL: <https://hdr.undp.org/en/indicators/44206> (accessed: 03.05.2022).
19. Lao People's Democratic Republic // UNESCO Institute for Statistics. 2021. URL: <http://uis.unesco.org/en/country/la> (accessed: 05.05.2022).
20. Global Flow of Tertiary-Level Students // UNESCO UIS. URL: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> (accessed: 04.05.2022).
21. A Policy Snapshot of Health and Nutrition in Lao PDR // The World Bank. 2014. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/lao/publication/a-policy-snapshot-of-health-and-nutrition-in-lao-pdr> (accessed: 01.05.2022).
22. Lao People's Democratic Republic, Human Development Indicators // United Nations Development Programme. 2021. URL: <https://hdr.undp.org/en/countries/profiles/LAO> (accessed: 01.05.2022).
23. Report on the Seventh Session (22 March - 1 April 1971) // Committee for Development Planning, ECOSOC, UN. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/NL1/493/18/PDF/NL149318.pdf?OpenElement> (accessed: 02.05.2022).
24. Drivers of Poverty Reduction in Lao PDR // The World Bank. October 2015. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/590861467722637341/pdf/101567-REPLACENENT-PUBLIC-Lao-PDR-Poverty-Policy-Notes-Drivers-of-Poverty-Reduction-in-Lao-PDR.pdf> (accessed: 02.05.2022).
25. Human Development Report 2020 // UNDP. 2020. URL: <https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020.pdf> (accessed: 08.05.2022).

26. COVID-19 to Impact Lao PDR Growth, Debt in 2020: New World Bank Report // The World Bank. 20.05.2020. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/lao/publication/covid-19-to-impact-lao-pdr-growth-debt-in-2020-new-world-bank-report> (accessed: 29.04.2022).
27. DAC in dates. The History of IECD's Development Assistance Committee // OECD. 2006. URL: <https://www.oecd.org/dac/1896808.pdf#page=10> (accessed: 29.04.2022).
28. Aid (ODA) disbursements to countries and regions [DAC2a] // OECD. 2021. URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=TABLE2A#> (accessed: 29.04.2022).
29. The World Bank in Lao PDR // The World Bank. 06.04.2022. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/lao/overview#2> (accessed: 29.04.2022).
30. U.S. Relations With Laos // US Department of State. 2022. URL: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-laos/> (accessed: 29.04.2022).
31. Our Work. Laos // USAID. 2022. URL: <https://www.usaid.gov/laos/history> (accessed: 29.04.2022).
32. Everything but Arms (EBA) // European Commission. URL: <https://trade.ec.europa.eu/access-to-markets/en/content/everything-arms-eba> (accessed: 06.05.2022).
33. Lao PDR – European Community Strategy Paper for the Period 2007-2013 // The EU. 2007. URL: https://eeas.europa.eu/archives/delegations/laos/documents/eu_laos/07_13_sp_laos_en.pdf (accessed: 06.05.2022).
34. EU Statement at the Trade Policy Review of Lao PDR, 18 November 2019 // EEAS. 18.11.2019. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/world-trade-organization-wto/eu-statement-trade-policy-review-lao-pdr-18-november-2019_en (accessed: 06.05.2022).
35. The European Union and Lao PDR // Delegation of the European Union to the Lao PDR, 23.07.2021. URL: https://www.eeas.europa.eu/laos/european-union-and-lao-pdr_en?s=183 (accessed: 06.05.2022).
36. Sims K. On China's Doorstep, Laos Plays a Careful Game of Balancing // The Diplomat. 07.07.2021. URL: <https://thediplomat.com/2021/07/on-chinas-doorstep-laos-plays-a-careful-game-of-balancing/> (accessed: 08.05.2022).
37. Спустя месяц после запуска железная дорога Китай–Лаос работает без перебоев // Xinhua News Agency. 04.01.2022. URL: http://russian.news.cn/2022-01/04/c_1310407554.htm (дата обращения: 29.04.2022).
38. Калинин В.А., Трошин А.А., Балашов В.В. Экономические интересы китайского бизнеса в Лаосе: новые тенденции 2000–2010-х гг. // Экономические отношения. 2017. Т. 4, № 3. С. 295–304.
39. Кашин В.Б., Королев А.С., Пятачкова А.С. Китайская политика помощи зарубежным странам: основные принципы и направления // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: Института Дальнего Востока РАН, 2017. Т. 22. С. 204–218.

References

1. Ermolov, M. (2021) *Granitsy i masshtaby rossiyskogo sodeystviya mezhdunarodnomu razvitiyu* [Borders and scope of Russian international development assistance]. [Online] Available from: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/granitsy-i-masshtaby-rossiyskogo-sodeystviya-mezhdunarodnomu-razvitiyu/> (Accessed: 05.05.2022).
2. Degterev, D.A. (2012) Sodeystvie mezhdunarodnomu razvitiyu kak instrument prodvizheniya vneshnepoliticheskikh i vneshneekonomicheskikh interesov [Assistance to international development as a tool for promoting foreign policy and foreign economic interests]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2 (23). pp. 47–58.
3. Baranovskiy, V.G., Kvashnin, Yu.D. & Toganova, N.V. (eds) (2018) *Sodeystvie mezhdunarodnomu razvitiyu kak instrument vneshney politiki: zarubezhnyy opyt* [Promoting international development as an instrument of foreign policy: foreign experience]. Moscow: IMEMO RAN.
4. Khakhalkina, E. & Pogorel'skaya, A. (2022) Sodeystvie razvitiyu ili upravlenie migratsiei? (Analiz evropeyskogo podkhoda) [Development assistance or migration management? (Analysis of the European approach)]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 66 (2). pp. 80–89.
5. Morozkina, A.K. (2019) Ofitsial'naya pomoshch' razvitiyu: tendentsii poslednego desyatiletiya [Official development assistance: trends of the last decade]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 63 (9). pp. 86–92.
6. Ermolov, M. (2022) Pomoshch' razvitiyu: blagotvoritel'nost' ili biznes? [Development assistance: charity or business?]. [Online] Available from: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pomoshch-razvitiyu-blagotvoritelnost-ili-biznes/>
7. Savada, A.M. (ed.) (1994) *Laos: a country study*. 3rd edition. Washington, DC: Federal Research Division, Library of Congress.
8. Evans, G. (2002) *A short history of Laos: the Land in Between*. Allen & Unwin.
9. Stuart-Fox, M. (2007) Laos: Politics in a Single-party state. *Southeast Asian Affairs*. pp. 161–180.
10. Freedom House. (2020) *Laos*. [Online] Available from: <https://freedomhouse.org/country/laos/freedom-world/2020> (Accessed: 08.05.2022).
11. Kyaw Yin Hlaing. (2006) LAOS: The State of the State. *Southeast Asian Affairs*. pp. 129–147.
12. Burgess, J. (1980) With Economy Stuck, Laos Soft-Pedals Collectivization. *The Washington Post*. 01.12.1980. [Online] Available from: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1980/12/01/with-economy-stuck-laos-soft-pedals-collectivization/8ee16bca-019c-450f-86f0-1ecabc78b8ae/> (Accessed: 04.05.2022).
13. Otani, I. & Chi Do Pham (eds) (1995) *The Lao People's Democratic Republic systemic transformation and adjustment*. Washington, D.C.: International Monetary Fund.
14. Andreev, V.A. & Ampkhavan, S. (2018) Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye LNDR na sovremennom etape: spetsifika, protivorechiya i perspektivy [Socioeconomic development of the Lao PDR at the present stage: specifics, contradictions and prospects]. *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*. 10 (3). pp. 19–28.
15. Morev, L.N. (2010) Laos. Na puti k statusu "razvivayushcheyusa strany" [Laos. On the way to the status of a "developing country"]. *Aziya i Afrika segodnya*. 2. pp. 31–36.
16. Ariffin, E. (2018) What is the CLV Development Triangle Area? *The ASEAN Post*. 14.11.2018. [Online] Available from: <https://theaseanpost.com/article/what-clv-development-triangle-area> (Accessed: 07.05.2022).
17. Hirosato, Y. & Kitamura, Y. (2009) *The Political Economy of Educational Reforms and Capacity Development in Southeast Asia. Cases of Cambodia, Laos and Vietnam*. Springer.
18. UNDESA. (2019) *Total population (millions)*. [Online] Available from: <https://hdr.undp.org/en/indicators/44206> (Accessed: 03.05.2022).
19. UNESCO Institute for Statistics. (2021) *Lao People's Democratic Republic*. [Online] Available from: <http://uis.unesco.org/en/country/la> (Accessed: 05.05.2022).
20. UNESCO UIS. (2022) *Global Flow of Tertiary-Level Students*. [Online] Available from: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> (Accessed: 04.05.2022).
21. The World Bank. (2014) *A Policy Snapshot of Health and Nutrition in Lao PDR*. [Online] Available from: <https://www.worldbank.org/en/country/lao/publication/a-policy-snapshot-of-health-and-nutrition-in-lao-pdr> (Accessed: 01.05.2022).
22. United Nations Development Programme. (2021) *Lao People's Democratic Republic, Human Development Indicators*. [Online] Available from: <https://hdr.undp.org/en/countries/profiles/LAO> (Accessed: 01.05.2022).
23. Committee for Development Planning, ECOSOC, UN. (1971) *Report on the Seventh Session (22 March – 1 April 1971)*. [Online] Available from: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/NL1493/18/PDF/NL149318.pdf?OpenElement> (Accessed: 02.05.2022).

24. The World Bank. (2015) *Drivers of Poverty Reduction in Lao PDR*. October 2015. [Online] Available from: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/590861467722637341/pdf/101567-REPLACENENT-PUBLIC-Lao-PDR-Poverty-Policy-Notes-Drivers-of-Poverty-Reduction-in-Lao-PDR.pdf> (Accessed: 02.05.2022).
25. UNDP. (2020) *Human Development Report 2020*. [Online] Available from: <https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020.pdf> (Accessed: 08.05.2022).
26. The World Bank. (2020) *COVID-19 to Impact Lao PDR Growth, Debt in 2020: New World Bank Report*. 20.05.2020. [Online] Available from: <https://www.worldbank.org/en/country/lao/publication/covid-19-to-impact-lao-pdr-growth-debt-in-2020-new-world-bank-report> (Accessed: 29.04.2022).
27. OECD. (2006) *DAC in dates. The History of IECD's Development Assistance Committee*. [Online] Available from: <https://www.oecd.org/dac/1896808.pdf#page=10> (Accessed: 29.04.2022).
28. OECD. (2021) *Aid (ODA) disbursements to countries and regions [DAC2a]*. [Online] Available from: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=TABLE2A#> (Accessed: 29.04.2022).
29. The World Bank (2022) *The World Bank in Lao PDR*. 06.04.2022. [Online] Available from: <https://www.worldbank.org/en/country/lao/overview#2> (Accessed: 29.04.2022).
30. US Department of State. (2022) *U.S. Relations With Laos*. [Online] Available from: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-laos/> (Accessed: 29.04.2022).
31. USAID. (2022) *Our Work. Laos*. [Online] Available from: <https://www.usaid.gov/laos/history> (Accessed: 29.04.2022).
32. European Commission. (2022) *Everything but Arms (EBA)*. [Online] Available from: <https://trade.ec.europa.eu/access-to-markets/en/content/everything-arms-eba> (Accessed: 06.05.2022).
33. The EU. (2007) *Lao PDR – European Community Strategy Paper for the Period 2007–2013*. [Online] Available from: https://eeas.europa.eu/archives/delegations/laos/documents/eu_laos/07_13_sp_laos_en.pdf (Accessed: 06.05.2022).
34. EEAS. (2019) *EU Statement at the Trade Policy Review of Lao PDR*, 18 November 2019. 18.11.2019. [Online] Available from: https://www.eeas.europa.eu/delegations/world-trade-organization-wto/eu-statement-trade-policy-review-lao-pdr-18-november-2019_en (Accessed: 06.05.2022).
35. Delegation of the European Union to the Lao PDR, (2021) *The European Union and Lao PDR*. 23.07.2021. [Online] Available from: https://www.eeas.europa.eu/laos/european-union-and-lao-pdr_en?s=183 (Accessed: 06.05.2022).
36. Sims, K. (2021) On China's Doorstep, Laos Plays a Careful Game of Balancing. *The Diplomat*. 07.07.2021. [Online] Available from: <https://thediplomat.com/2021/07/on-chinas-doorstep-laos-plays-a-careful-game-of-balancing/> (Accessed: 08.05.2022).
37. Xinhua News Agency. (2022) *Spustiya mesyats posle zapuska zheleznaya doroga Kitay–Laos rabotaet bez pereboev* [A month after the launch, the China-Laos railway is operating without interruption]. 04.01.2022. [Online] Available from: http://russian.news.cn/2022-01/04/c_1310407554.htm (Accessed: 29.04.2022).
38. Kalinin, V. A., Troshin, A. A. & Balashov, V. V. (2017) Ekonomicheskie interesy kitayskogo biznesa v Laose: novye tendentsii 2000–2010-kh gg. [Economic Interests of Chinese Business in Laos: New Trends in 2000s–2010s]. *Ekonomicheskie otnosheniya*. 4 (3). pp. 295–304.
39. Kashin, V. B., Korolev, A. S. & Pyatachkova, A. S. (2017) Kitayskaya politika pomoshchi zarubezhnym stranami: osnovnye printsipy i napravleniya [Chinese Policy of Assistance to Foreign Countries: Main Principles and Directions]. In: *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'* [China in World and Regional Politics. History and modernity]. Vol. 22. Moscow: Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. pp. 204–218.

Информация об авторах:

Погорельская А.М. – канд. ист. наук, доцент кафедры мировой политики Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: pogorelskaya@mail.tsu.ru

Пхонкео Винават – аспирант кафедры мировой политики Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vinavathphonekeo@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.M. Pogorelskaya, Cand. Sci. (History), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pogorelskaya@mail.tsu.ru

Vinavath Phonekeo, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vinavathphonekeo@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.05.2022;
одобрена после рецензирования 19.05.2022; принята к публикации 20.05.2022.*

*The article was submitted 11.05.2022;
approved after reviewing 19.05.2022; accepted for publication 20.05.2022.*

Научная статья
УДК 902/904
doi: 10.17223/15617793/478/14

Бронзы из курганного могильника Арчекас на реке Кия (по материалам раскопок 1971 года на северо-востоке Кузбасса)

Анна Сергеевна Савельева¹

¹ *Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук, Кемерово, Россия, antverpen@mail.ru*

Аннотация. Публикуются результаты анализа инвентаря могильника Арчекас в Среднекиском археологическом микрорайоне. Материалы памятника имеют хронологически и территориально широкий круг аналогий. По данным о составе металла семи предметов, полученным рентгенофлюоресцентным методом и атомно-эмиссионной спектроскопией, выявлено соотношение рецептур бронз, указывающее на сходство с коллекциями бронз Верхнего Приобья, Кия-Чулымского междуречья и Тувы III–II вв. до н.э.

Ключевые слова: элементный состав бронз, химико-металлургические группы сплавов, рентгенофлюоресцентный анализ поверхности, атомно-эмиссионная спектроскопия с индуктивно связанной плазмой, курганный могильник Арчекас, Кия-Чулымское междуречье, Верхнеобский историко-культурный регион, ранний железный век

Источник финансирования: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Кемеровской области – Кузбасса в рамках научного проекта № 20-49-420005 p_a

Для цитирования: Савельева А.С. Бронзы из курганного могильника Арчекас на реке Кия (по материалам раскопок 1971 года на северо-востоке Кузбасса) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 108–118. doi: 10.17223/15617793/478/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/14

Bronzes from the Archekas burial mound on the Kiya River (Based on the materials from the excavations in the north-east of Kuzbass in 1971)

Anna S. Savel'eva¹

¹ *Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Kemerovo, Russian Federation, antverpen@mail.ru*

Abstract. To solve the problem of cultural and chronological affiliation of the Archekas burial mound, located on the right bank of the Kiya River (left tributary of the Chulym River), in the Middle Kiya archaeological microdistrict in the north-east of Kuzbass, the author analyzed the elemental composition of the metal of the accompanying inventory from two collective and one single burials of the burial ground, which consisted of two burial mounds. The materials of the archaeological site have a chronologically and territorially wide range of analogies; therefore, since the first comprehension of the results of excavations in 1971 (the works of A.M. Kulemzin), they entail conflicting dating and understanding of the cultural attribution of this object. The data published in the article about the composition of copper-bronze alloys of seven objects (two mirrors, a celt, two buckles, a knife and a badge-wheel) were obtained as a result of application of two methods – non-destructive X-ray fluorescence analysis of the surface and atomic emission spectroscopy with inductively coupled plasma, when a metal sample in the form of swarf is analyzed. The publication of the results of the analysis of metal products is accompanied by their description and illustrations. Statistical and archaeometallurgical interpretation of the data obtained showed that by the ratio of chemical and metallurgical groups of copper-based alloys (43% of tin bronzes, 14% of arsenous-tin bronzes, 29% of “pure” copper, 14% of arsenic copper) the studied collection of bronzes is close to the materials of the sites of the Upper Ob region (Kulay culture, Kamenny Cape burial ground), Kiya-Chulym interfluvium (Lepeshkinsky stage of the Tagar culture, Serebryakovo I burial ground) and Tuva (Uyuk-Saglym culture, Suglug-Khem burial ground) dated III–II centuries BCE. Like the Archekas collection, the sets of non-ferrous metal of this time are distinguished by the absence of pieces with a pronounced predominance of tin or arsenic alloys. This shows the transitional nature of the metallurgical strategy, which fits in terms of relative chronology between the tradition of tin alloys of the middle of the 1st millennium BCE and copper-arsenic alloys at the turn of the era. In combination with the analysis of the range of late analogies of the objects of the Archekas burial ground, covering the period from the II century BCE until the VI century BCE, the data on the elemental composition of the bronzes allow concluding that the metallurgical tradition is archaic, which is rec-

ordered on the basis of the materials of the only burial site investigated in the Archekas archaeological complex. The analogies given for the Archekas inventory from the monuments of the Bolsherechensk culture of the Upper Ob region, mainly of its Berezovsky stage (II–I centuries BCE), are supported by the hypothesis earlier expressed by V.V. Bobrov about the nearby Kuznetsk Basin as a seasonal pasture of the population of the Bolsherechensk culture.

Keywords: elemental composition of bronzes, chemical and metallurgical groups of alloys, X-ray fluorescence analysis of surface, atomic emission spectroscopy with inductively coupled plasma (ICP AES), Archekas burial mound, Kiya-Chulyum interfluvium, Upper Ob historical and cultural region, Early Iron Age

Financial Support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research and Kemerovo Oblast Administration, Project No. 20-49-420005 r_a.

For citation: Savel'eva, A.S. (2022) Bronzes from the Archekas burial mound on the Kiya River (Based on the materials from the excavation in the north-east of Kuzbass in 1971). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 108–118. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/14

Введение

В 1967 г. на горе Арчекас (правый берег реки Кия) А.М. Кулемзиным были обнаружены две земляные насыпи – курганный могильник Арчекас, или Арчекасские курганы I [1. С. 87; 2. С. 75] (рис. 1). С момента раскопок (1971) не прекращаются попытки специалистов определить культурно-хронологическую принадлежность могильника и специфику населения, оставившего его [1; 3. С. 75; 4]. Уточнению противоречивых представлений об атрибуции Арчекасских курганов может способствовать анализ элементного состава цветного металла, из которого был изготовлен сопроводительный инвентарь исследованных А.М. Кулемзиным захоронений (автор статьи выражает признательность автору раскопок доктору культурологии, профессору Анатолию Михайловичу Кулемзину за разрешение провести отбор проб для анализа состава металла).

Гора Арчекас: природно-географическая характеристика. Арчекасский кряж, или урочище Арчекас

(Мариинский муниципальный район Кемеровской области – Кузбасса), расположен в природном районе южной тайги, в зоне перехода северной лесостепи Западно-Сибирской равнины к горным сооружениям Кузнецкого Алатау, представляя собой его крайнюю северо-западную точку [5. С. 112–114]. Площадь геоморфологического участка составляет 1 615 га, диапазон высот – 135–251 м над ур. м. Расположен вблизи южной окраины города Мариинск. Главной водоносной артерией территории является река Кия – самый крупный левый приток р. Чулым.

Для Арчекасского кряжа характерно сочетание разнообразных растительных сообществ и высокая пересеченность местности. На территории выделена ключевая ботаническая территория «Арчекасский кряж» [6. С. 59; 7. С. 52, 53], в 2019 г. учреждена особо охраняемая природная территория «Государственный биологический (ботанический) природный заказник «Арчекасский кряж»».

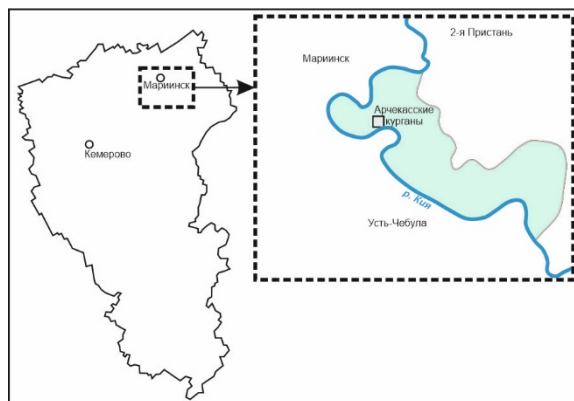

Рис. 1. Местоположение курганного могильника Арчекас в урочище Арчекас

Арчекасский археологический комплекс: история исследований

Первые археологические обследования горы Арчекас были произведены в 1960-х годах И.И. Баухником – учителем истории и краеведом из г. Мариинска. Им открыты и частично исследованы городище железного века Арчекас I (Мариинское) (1961), поселение эпохи бронзы и раннего железа Арчекас II (1961), поселение раннего железного века Арчекас V (1963), поселение эпохи бронзы Арчекас III (1965) [2. С. 73;

8; 9. С. 80]. В 1976 г. А.В. Циркиным были проведены раскопки городища Арчекас I [10] и небольшие разведывательные работы на поселении эпохи поздней бронзы Арчекас IV [2. С. 73]. В 1997 г. В.Н. Жаронкиным было открыто поселение переходного тагаро-таштыкского времени Арчекас VI и повторно обследовано поселение Арчекас V [9. С. 80; 11. С. 81]. В 2019 г. открыта вторая курганная группа на горе Арчекас – Арчекасские курганы II, предварительно датированная эпохой Средневековья [12. С. 16]. Ранее средневековый комплекс архекасских древностей был

представлен только отдельными предметами [8. Рис. 4, 7, 8; 12. С. 16].

Всего на Арчекасе известны десять археологических памятников – два курганных могильника, семь поселений и одно местонахождение датированных от эпохи неолита до Средневековья. Некоторые из объектов раскопаны полностью (курганный могильник Арчекас I). Небольшие работы разведочного характера проводились на поселениях Арчекас II, IV, V, Соколиное гнездо. В археологических публикациях гора Арчекас выступает как в известной степени обособленный район концентрации археологических местонахождений [8, 11] или относительно самостоятельный археологический комплекс в составе Среднекийского археологического микрорайона [13].

Культурно-хронологическая атрибуция Арчекасских курганов: краткая история вопроса

Раскопки Арчекасских курганов произведены А.М. Кулемзиным в 1971 г. В двух земляных насыпях были исследованы захоронения 14 человек в бревенчатых склепах и одно грунтовое захоронение. В ходе работ обнаружены 20 глиняных сосудов, 60 бронзовых, серебряных, костяных и каменных изделий [1. С. 88–89]. В публикации материалов и в последующих статьях прослеживается несколько ключевых положений относительно понимания памятника автором раскопок: 1) нетипичность материального комплекса могильника Арчекас для скифского времени [4. С. 206]; 2) необходимость для Южной Сибири сожжения склепа с последующим возведением кургана над догоравшими останками [1. С. 87–88]; 3) территориальная близость и синхронность с позднетагарскими погребениями при отсутствии типологической связи с последними [1. С. 97]; 4) датировка вещей по широкому кругу аналогий VI–III в. до н.э. [1. С. 94].

Относительно датирования Арчекасских курганов в историографии прослеживаются две концепции – ранняя (скифо-сарматское/тагарское время) и поздняя (таштыкское время). Ранняя концепция базируется на сходстве арчекасского сопроводительного инвентаря с тагарским, объясняемое его общескифской природой, а также на наличии соответствующих аналогий за пределами лесостепей Южной Сибири. В том и другом случае А.М. Кулемзиным установлена скифо-сарматская датировка [1. С. 97–98]. Г.Н. Курочкиным подвеска в форме бубенца из Арчекасских курганов приводится в качестве аналогий находкам из могилы 2 кургана 1 могильника Толстый Мыс V, датированной V–III вв. до н.э. (вторая половина сарагашенского этапа тагарской культуры) [14. С. 17, 20]. О.А. Митько и Ю.В. Тетерин фиксируемая на Арчекасских курганах традиция сожжения погребальных сооружений именуется тагарской. Специалистами ее проявление датировано концом подгорновского – началом сарагашенского этапов [15. С. 137]. П.И. Шульга, А.П. Уманский и В.А. Могильников привели захоронения Арчекаса как пример памятника раннепазырыкского времени [16. С. 175].

В рамках поздней концепции А.М. Кулемзиным сделано заключение о том, что подождение погребальной камеры на юге Сибири распространяется в позднетагарское время и широко применяется в таштыкской культуре [1. С. 94, 97]. На позднетагарских аналогиях – предметах из Степановского и Аскыровского кладов, курганов на Лысой Горе у пос. Яя – основано предположение автора раскопок об арчекасских погребениях как о памятнике скифо-сарматского времени нового типа [1. С. 98]. Вопрос о необходимости уточнения датировки погребений на горе Арчекас в сторону омоложения поставлен Э.Б. Вадецкой. По ее наблюдениям, подлинники подвески в форме котелков, подобные тем, что были найдены в Арчекасских курганах [1. Рис. 43, 6], «известны в таштыкских склепах не ранее V в.» [3. С. 75]. Н.Ю. Кузьминым Арчекасские курганы датированы I в. до н.э.: «...учитывая присутствие таких предметов, как железные ножи, миниатюрный бронзовый котелок-подвеска, бронзовая подвеска в виде прорезного бубенца, сосуды со сливом и ручкой, сосуд кубковидной формы, а также наличие ногтевидного орнамента на сосудах» [17. С. 94].

Таким образом, результаты исследований погребального обряда и сопроводительного инвентаря захоронений Арчекасских курганов приводили специалистов к противоречивым выводам относительно хронологической принадлежности памятника, а круг аналогий охватывал период от VI в. до н.э. до V в. н.э. Применение естественно-научных методов для анализа элементного состава металла и имеющиеся знания о металлургических традициях Западной и Южной Сибири в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. могут способствовать уточнению хронологии курганов на горе Арчекас.

Опыт изучения элементного состава бронз из Арчекасского археологического комплекса

Результаты анализа элементного состава бронз из памятника Арчекасского археологического комплекса, как северной составляющей Среднекийского археологического микрорайона, публикуются впервые. Ранее специалистами приводились результаты исследований состава металла случайных находок с горы Арчекас. Так, были приведены сведения о металле предметов скифского времени различных категорий [11]. Данные получены в отделе геохронологии кайнозоя Центра коллективного пользования ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск) методом энергодисперсионной спектроскопии с применением электронного микроскопа Hitachi TM 3000 (Япония) с приставкой Bruker Quantax-70 (Германия). Исследование показало, что котел изготовлен из оловянной бронзы [11. Рис. 2. С. 81], три наконечника стрел – из оловянной бронзы, один – из сплава с незначительной примесью мышьяка [11. Рис. 3. С. 82].

Опубликованы также результаты анализа проб металла, небольшой серии котлов и их фрагментов, случайно найденных на Арчекасе в разное время и, как предыдущая коллекция, датированных скифским вре-

менем [18]. Методом атомно-эмиссионной спектроскопии с индуктивно связанной плазмой выявлен элементный состав меди, мышьяковой меди, мышьяковистой бронзы (в том числе для котла, для которого энергодисперсионный анализ показал оловянную бронзу) [18. С. 83]. Происхождение находок из мышьяковой меди и мышьяковистой бронзы связано коллективом авторов «с Минусинским горно-металлургическим центром Саяно-Алтайской горно-металлургической области, по терминологии Е.Н. Черных, или среднеенисейским очагом горного дела и металлургии в пределах Саяно-Алтайской металлургической провинции, по терминологии С.С. Миняева» [18. С. 83–84].

Бронзы Арчекаских курганов и их элементный состав

Современную коллекцию медно-бронзовых изделий из погребений Арчекаских курганов составляют 12 предметов, хранящихся в Музее «Археология, этногра-

фия и экология Сибири» Кемеровского государственного университета (коллекция КМАЭЭ, 70, ОФ-А 69). Остальные предметы коллекции, полученной при раскопках, утрачены [19. Вып. 2. С. 52]. Ниже приводятся описания семи изделий из сплавов на основе меди, элементный состав металла которых проанализирован (вещи опубликованы А.М. Кулемзиным (1979), ниже предлагаются рисунки, выполненные С.Н. Леотьевым (рис. 2)).

Нож № 69/6 (курган 2, одиночное погребение) (рис. 2, 1). Уменьшенный, с прямым обушком и кольчатым навершием, без выраженного перехода от рукояти к лезвию, у острия лезвийной части согнут. Общая длина 100 мм, ширина 15 мм, диаметр навершия 19 мм.

Бляха-колесо № 69/12 (курган 2, коллективное погребение) (рис. 2, 2). Окружность, образованная широкой плоской полосой, соединяется в центре двумя перпендикулярными друг к другу прямыми полосами, примерно той же ширины, что и окружность. В месте пересечения полос на обороте помещается высокая подпрямоугольная петелька. Общий диаметр 53 мм.

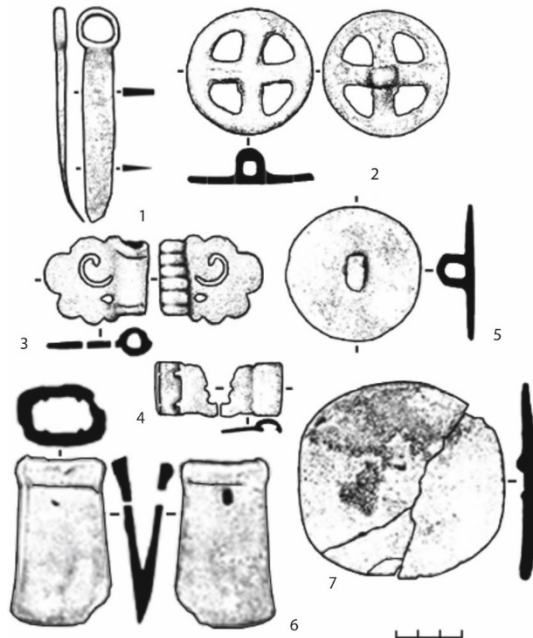

Рис. 2. Находки из погребений курганного могильника Арчекаские курганы:

1 – нож № 69/6 из оловянистой бронзы; 2 – бляха-колесо № 69/12 из мышьяковисто-оловянистой бронзы; 3, 4 – пряжки из оловянистой бронзы; 5, 7 – зеркала № 69/3 и № 69/7 из меди; 6 – кельт № 69/4 из мышьяковой меди

Пряжка № 69/2 (курган 2, коллективное погребение) (рис. 2, 3). Плоская пластина с ажурными краями, один край прямой, отогнут в виде полутрубочки, рубчатый по лицевой стороне, с оформленными на обороте двумя петельками для крепления, по плоскости пряжка украшена двумя прорезями. Одной в виде длинного завитка, напоминающего запягу, и второй – каплевидной. Длина 49 мм, ширина 4 мм.

Пряжка № 69/9 (курган 2, коллективное погребение) (рис. 2, 4). Большая часть плоскости, украшенной, по всей видимости, завиткам-прорезями, утрачена, прямой край отогнут в виде полутрубочки, на обороте сохранились лишь короткие шпеньки – возможно, остатки петелек для крепления. Длина 30 мм, ширина 25 мм.

Зеркало № 69/3 (курган 1) (рис. 2, 5). Дисковидное, с высокой подпрямоугольной петелькой. Диаметр 47 мм.

Кельт № 69/4 (курган 2, коллективное погребение) (рис. 2, 6). Литой, близкой к трапецевидной формы, профиль клиновидный, сечение втулки прямоугольное, по венчику у втулки выполнен валик для ее механического укрепления, без орнамента, в верхней трети орудия в обеих плоскостях помещены по отверстию разных размеров, утрачен фрагмент уголка лезвийной части. Общая длина 75 мм, ширина втулки 35 мм, ширина лезвия 45 мм, толщина 28 мм.

Зеркало № 69/7 (курган 2, коллективное погребение) (рис. 2, 7). Дисковидное, петелька утрачена, плоскость диска вогнута. Диаметр 100 мм.

Изучение элементного состава металла медно-бронзовых изделий из Арчекаских курганов проводилось дважды. В 2013 г. – в Томском материаловедческом центре коллективного пользования Томского государственного университета методом рентгенофлюоресцентного анализа поверхности портативным анализатором металлов Innov-X Alpha Series™ (оператор А.В. Кузнецов) (табл. 1).

В 2020 г. элементный состав проб металла этих же предметов был проанализирован в Центре коллективного пользования ФИЦ угля и углехимии СО РАН (г. Кемерово) методом атомно-эмиссионной спектроскопии с индуктивно связанной плазмой. Анализ произведен старшим научным сотрудником, канд. хим. наук Р.П. Колмыковым на спектрометре Thermo Scientific iCAP 6500 DUO (табл. 2).

Таблица 1

Элементный состав металла медно-бронзового инвентаря курганного могильника Арчекаские курганы по данным рентгенофлюоресцентного анализа (основа – медь; содержание в мас. %, погрешность измерений 0,03–0,6%)

Предмет	Инвентарный №	Участок анализа (№ анализа)	Sn	Pb	Sb	Fe	Ni
Зеркало	69/3	Сторона 1 (1)	0,05	нет	0,12	0,12	0,11
		Сторона 1 (2)	0,09	0,12	0,22	0,25	0,5
		Сторона 2 (1)	нет	нет	0,25	0,28	0,05
		Сторона 2 (2)	0,06	0,09	0,11	нет	0,06
		Сторона 2 (3)	0,09	0,1	0,17	0,06	нет
		Петелька (1)	0,19	0,18	0,37	0,05	нет
Нож	69/6	(1)	2,34	0,17	0,1	0,29	0,05
		(2)	2,59	0,26	0,15	0,34	нет
		(3)	2,42	0,2	0,14	0,3	нет
		(4)	1,96	0,15	0,13	0,3	0,05
Зеркало	69/7	(1)	нет	нет	0,27	0,08	нет
		(2)	нет	нет	0,16	0,1	нет
		(3)	нет	нет	0,22	0,09	нет
		(4)	нет	нет	0,21	0,05	нет
Кельт	69/4	(1)	0,41	0,06	0,14	0,04	нет
		(2)	0,46	0,17	0,2	0,04	нет
		(3)	0,72	0,16	0,24	0,08	нет
		(4)	0,44	0,15	0,31	0,1	нет
Бляха-колесо	69/12	(5)	0,38	0,07	0,14	0,06	нет
		Внешняя сторона (1)	1,34	0,22	0,22	0,08	нет
		Внешняя сторона (2)	1,54	0,32	0,17	0,07	нет
		Петелька (1)	1,51	0,66	0,24	0,25	нет
Пряжка	69/2	(1)	2,52	нет	нет	0,1	нет
		(2)	2,17	нет	нет	0,07	нет
Пряжка	69/9	(1)	7,5	нет	0,5	нет	нет
		(2)	8,5	нет	0,5	нет	нет
		(3)	8	нет	0,8	нет	нет
		(4)	7,5	нет	0,5	нет	нет

Таблица 2

Элементный состав металла медно-бронзового инвентаря из курганного могильника Арчекаские курганы по данным атомно-эмиссионного анализа (основа – медь; содержание в мас. %, погрешность измерений 0,000013–0,08%)

Предмет	Инв. №	Sn	Pb	As	Sb	Bi	Fe	Ni
Бляшка-зеркало	69/3	0,1351	0,047	0,4731	0,261	0,0234	0,1264	0,0317
Нож	69/5	0,10968	0,0473	1,093	0,080	0,0686	0,0598	0,1185
Кельт	69/4	0,4054	0,1794	1,273	0,328	0,0664	0,1498	0,0234
Зеркало	69/7	0,0358	0,0000	0,3712	0,755	0,0591	0,1768	0,0000
Пряжка	69/11	1,3401	0,1549	1,5938	0,119	0,1264	0,1225	0,0738
Бляшка-колесо	69/12	1,3799	0,3977	1,983	0,335	0,0762	0,0632	0,1231
Нож	69/6	1,914	0,129	0,4218	0,159	0,0229	0,3511	0,0748
Пряжка	69/2	4,18	0,1405	0,64	0,206	0,0326	0,1624	0,0486
Пряжка	69/9	10,302	0,3003	1,228	0,812	0,0860	0,0378	0,117
Бляшка-зеркало	69/3	0,0000	0,0000	0,0717	0,1980	0,00374	0,0529	0,4525
Нож	69/5	0,0000	0,00367	0,0803	0,1201	0,00299	0,03886	0,0611
Кельт	69/4	0,0028	0,00152	0,10976	0,01994	0,000928	0,07432	0,0943
Зеркало	69/7	0,0000	0,0000	0,0260	0,00167	0,0000	0,01349	0,0732
Пряжка	69/11	0,0000	0,0000	0,0964	0,0024	0,0010	0,00267	0,0214
Бляшка-колесо	69/12	0,0063	0,0000	0,1431	0,0373	0,0000	0,08151	0,0191
Нож	69/6	0,0071	0,0000	0,0412	0,0000	0,0000	0,00203	0,0166
Пряжка	69/2	0,0000	0,0000	0,0868	1,764	0,02734	0,120	0,0980
Пряжка	69/9	0,0294	0,0000	0,0677	0,0000	0,0000	0,0140	0,0297

Результаты

Сравнение полученных разными методами результатов показывает большую количественную чувствительность (до $10^{-5}\%$) атомно-эмиссионной спектроскопии. Качественно отличается и набор определяемых методиками элементов. Существенным отличием является отсутствие мышьяка в составе металла, выявляемом методом рентгенофлуоресцентного анализа поверхности.

По результатам элементного анализа проб металла предметов сопроводительного инвентаря из погребений Арчекасских курганов сделаны следующие статистические наблюдения.

Примеси олова к меди содержатся в концентрациях от 0,0358% (зеркало № 69/7) до 10,302% (пряжка № 69/9).

№ 69/9). Граница легирования оловом намечена при содержании этой примеси от 1,3799% (бляха-колесо № 69/12).

Примеси мышьяка к меди содержатся в концентрациях от 0,3712% (зеркало № 69/7) до 1,983% (бляха-колесо № 69/12), этот последний показатель трактуется как результат искусственного легирования меди мышьяком. Концентрации мышьяка 1,228% (пряжка № 69/9) и 1,273% (кельт № 69/4) трактуются как признак использования медных руд с повышенным содержанием мышьяка и позволяют именовать сплав мышьяковой медью.

Металл двух предметов содержат рудные примеси сурьмы в повышенных концентрациях – 0,755% (зеркало № 69/7) и 0,812% (пряжка № 69/9).

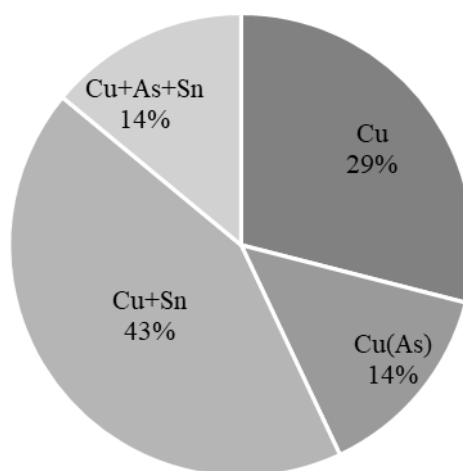

Рис. 3. Соотношение типов сплавов металла сопроводительного инвентаря из погребений курганного могильника Арчекасские курганы

В коллекции выделены следующие химико-металлургические группы сплавов на медной основе (ХМГ).

1. «Чистая» медь: зеркало № 69/3. К этой же группе отнесено зеркало № 69/7, металл которого содержит повышенные концентрации сурьмы.

2. Мышьяковая медь: кельт № 69/4.

3. Оловянистая бронза: нож № 69/6, пряжка № 69/2. К этой же группе отнесена пряжка № 69/9, металл которой содержит повышенные концентрации мышьяка и сурьмы.

4. Мышьяковисто-оловянистая бронза: бляха-колесо № 69/12.

Таким образом, немногим более половины проанализированных изделий изготовлены из сплавов на основе меди, легированных оловом – из оловянистой и мышьяковисто-оловянистой бронзы (рис. 3). Учитывая имеющиеся знания о ранее проанализированных случайных находках с горы Арчекас, можно сформулировать маркирующий арчекасские материалы признак – отсутствие явно преобладающей рецептуры бронз. Элементный состав проанализированного металла небольшой коллекции медно-бронзовых предметов из курганов на горе Арчекас позволяет также сделать заключение – предметы одной категории изготовлены из сплавов одной металлургической

группы, но с использованием меди из геохимически разных рудных источников. Так, оба зеркала медные, однако состав зеркала № 69/7 отличает повышенная (маркирующая месторождение) примесь сурьмы. Также из одного типа сплава – оловянистой бронзы – изготовлены пряжки. Однако металл пряжки № 69/9 отличает повышенные концентрации геохимических примесей сурьмы и мышьяка.

Важным показателем для исследуемого металла из погребений выступает соотношение типов медно-бронзовых сплавов и сравнение по этому критерию с металлом других коллекций эпохи раннего железа.

Так, по доле оловянистых бронз, равной 43%, наличию изделий из меди, мышьяковой меди и мышьяковисто-оловянистой бронзы арчекасский металл близок к коллекциям лепешкинского (заклчительно-го) этапа тагарской культуры, проанализированным по материалам памятников Кия-Чулымского междуречья и датированным III–II вв. до н.э. [20. С. 18]. С составом металла последующего переходного тагаро-таштыкского периода (II в. до н.э. – II в. н.э.) не позволяет проводить аналогии отсутствие вещей из мышьяковистой бронзы и относительно высокая доля металла, легированного оловом.

По доле сплавов, не содержащих лигатуру олова, содержащих лигатуру олова менее 1%, в концентрациях 1–3% и более 3% металл из погребений Арчекаского могильника находит сходство с составом медно-бронзовых сплавов уюкско-саглынской культуры Тувы из могильника Суглуг-Хем III–II вв. до н.э. (подсчеты по: [21]) и кулайской культуры Верхнего Приобья из могильника Каменный мыс III–II вв. до н.э. (подсчеты по: [22]).

Таким образом, анализ элементного состава бронз из курганов на горе Арчекас в Мариинской лесостепи позволяет говорить о его сходстве по соотношению типов медно-бронзовых сплавов и по различным показателям концентраций олова с бронзами из археологических памятников пространств от Верхнего Приобья до Тувы, датированных III–II вв. до н.э.

Датировке Арчекаских курганов не ранее III–II вв. до н.э. не противоречит наличие в числе сопроводительного инвентаря погребений следующих предметов, имеющих относительно поздние аналогии.

1. Бронзовый прямолезвийный нож с кольчатым навершием (№ 69/6, рис. 2, 1). По наблюдениям А.И. Мартынова, прямолезвийные ножи, у которых обух и лезвие идут почти параллельно друг другу, а ручка почти не выделена, связаны с поздними погребальными комплексами тагарской культуры III/II–I вв. до н.э., встречаются на всем пространстве тагарской культуры и в памятниках Тувы скифской эпохи [23. С. 39–40]. Арчекаский нож близок по форме железному ножу из кургана 11 могильника Бийск I березовского этапа большебереченской культуры (II–I вв. до н.э.) [24. Рис. 4, 11]. Железные ножи с прямым лезвием и прямой спинкой, с нерасчлененными рукоятью и клинком, с кольцом на рукояти, по наблюдениям М.П. Завитухиной, копируют алтайские бронзовые ножи, а наиболее близкие им аналогии имеются среди ножей с кольцом из могилы у с. Большая Речка и второго Пазырыкского кургана [24. С. 99]. Интересно также наблюдение о том, что «в эпоху сооружения бийских курганов нож, возможно, перестал быть обязательной принадлежностью мужского костюма» [24. С. 99]. Возможно, этим следует объяснять нахождение арчекаского ножа в ногах погребенной женщины (?) [1. С. 94].

2. Пряжки (прорезные бляхи). Экземпляр № 69/2 (рис. 2, 3) близок бронзовым элементам конской сбруи, найденным при скелете коня в кургане 12 могильника Бийск I березовского этапа большебереченской культуры (II–I вв. до н.э.) (рис. 4, 4), а также в могильнике Березовка (рис. 4, 5). Отличаются приведенные предметы большебереченской культуры оформлением крепежной детали. Такие изделия отнесены М.П. Завитухиной к категории пронизей от седельных ремней со стилизованным растительным орнаментом, которые «по форме и орнаментации тождественны многочисленным деревянным украшениям из Башадара 2 и Туекты» [24. С. 101]. По описанию А.М. Кулемзина, такие ажурные пряжки изображают «голову грифона в алтайском зверином стиле, трансформировавшуюся в растительный орнамент» [1. С. 94]. Здесь же следует отметить, что для арчекас-

ской бабочковидной бляхи [1. Рис. 45, 9] близкой аналогией также является находка из могильника большебереченской культуры Крохалевка-4 в лесостепном Приобье (бийский этап, VI – начало IV вв. до н.э.) [25. Рис. 19, 3].

3. Бронзовый крюк [1. Рис. 43, 5], по наблюдениям М.П. Завитухиной, относится к числу бронзовых или железных изделий, распространенных с V в. до н.э., которые могут быть круглыми или четырехгранными и различаться по устройству верхнего конца. Два железных четырехгранных крюка найдены в кургане 12 могильника Бийск I березовского этапа большебереченской культуры [24. Рис. 3, 7, 8]. Крюки из бронзы известны в Западной и Центральной Туве [24. С. 98]. Бронзовый колчанный крюк в сочетании с костяными застежками-костыльками и железными ножами встречен при раскопках кургана 4 могильника Осинцево 3, датированного III–II вв. до н.э. (начало березовского этапа большебереченской культуры) [26. С. 90]. Железные крючки для подвешивания в составе поясных наборов известны в материалах кургана Новые Мочаги тесинской культуры степей Среднего Енисея [17. Табл. 56, 32, 33].

4. Котловидная подвеска (рис. 4, 3). По классификации бронзовых миниатюрных подвесок-сосудов Южной Сибири, разработанной Ю.В. Тетериним, О.А. Митько и Е.А. Журавлевой, арчекаская находка относится к группе 1, типу 3, варианту 2 – подвескам-котлам, воспроизводящим металлические котлы с гладким туловом, поддоном или с петелькой для подвешивания, с вертикальными полукруглыми ручками, украшенными тремя гвоздевидными или заостренными выступами, имитирующими оформление ручек реальных бронзовых прототипов. Подвески такого облика отнесены к завершающему периоду хунно-сарматской эпохи и датированы II–VI вв. н.э. [27. С. 81, 88]. Большинство из них происходит из Минусинской котловины, Тувы, Горного и Степного Алтая, Верхнего Приобья, Прииртышья [27. С. 80, 85].

Наиболее близкие аналогии арчекаскому экземпляру – миниатюрные котелки из склепа 2 Ташебинского чаатаса (рис. 4, 1, 2), датированного VI – началом VII вв. н.э. Как и арчекаский, они подвешивались за колючку в нижней части поддона. Э.Б. Вадецкой такие находки квалифицированы как редкие [3. С. 128, 243].

5. Костяная пластинка, украшенная окружностями (концентрическими кругами) [1. Рис. 43, 10]. По типологии таштыкского орнамента, разработанной Л.Р. Кызласовым и Г.Г. Король для изделий из дерева, бересты и кости, такой декор относится к типу VI подтипу 1 [28. С. 20] и выполнялся на кости приемами циркульной и плоскорельефной резьбы [28. С. 54]. Для таштыкского орнамента концентрические круги на отличном от керамики материале, входят в поздний комплекс. Этот криволинейный элемент орнамента возник на территории Южной Сибири (на Алтае, в Туве, в Северной Монголии) в раннем железном веке и получил распространение в гуннскую эпоху, проникнув, в частности, в Хакаско-Минусинскую котловину в таштыкское время [28. С. 21].

6. Глиняный сосуд, представляющий собой низкую банку с одной вертикально ориентированной налепной ручкой [1. Рис. 43, 16]. Он напоминает сосуды типа кружковидных, выделенных Л.Р. Кызласовым по материалам комплексов I – II этапов таштыкской культуры (I в. до н.э. – II в. н.э.) [29. С. 49]. По наблюдениям специалиста, эти кружки горшковидной формы, с намеченным плечиком, слабо отогнутым венчиком, гладкие, низкие и широкие, с овальным отверстием в ручке для продевания пальца. Аналогичные глиняные кружки были широко распространены в гунно-сарматское время в Туве, Средней Азии, Нижнем Поволжье, на Кавказе. Сосуд с ручкой, но в форме закрытой банки, известен также по материалам тагарской культуры III в. до н.э. в северной лесостепи [23. Табл. 29, 35]. Как отмечено Л.Р. Кызласовым, в Туве ручки на сосудах появились в IV–III вв. до н.э.

7. Кубковидный сосуд на поддоне [1. Рис. 46, 23]. Такие сосуды характерны для позднетагарских и раннетагских погребений [1. С. 94]. Они впервые получили распространение на сарагашенском этапе и продолжили существовать в тесинский период и на всем протяжении таштыкской эпохи [30. С. 233]. По типологии Л.Р. Кызласова, относится к типу I кубковидных сосудов – сосуды на коническом поддоне без ручек – появившемуся в конце тагарского времени, существуя в переходное время и на протяжении всей таштыкской эпохи [29. С. 41]. По типологии глиняных сосудов тесинской культуры Н.Ю. Кузьмина, такие сосуды относятся к типу IX варианту 2 – сосуды на полом коническом поддоне с полусферическим туловом с широким устьем [17. С. 198]. Имеют они и более западные примеры. Сосуды на поддоне встречены в кургане 5 саргатского могильника Марково 1, в комплексе большереченского могильника Быстровка 1 (III–II вв. до н.э.) [25; 26. С. 103. Рис. 28, 6], большереченского могильника Новый Шарап-1 [25. Рис. 28, 5], могильника, атрибутированного каменной культурой, Новотроицкое-1 [16. Рис. 48, 2].

8. Подвеска «бубенец» (рис. 4, б) находит аналогии в материалах большереченского могильника

Быстровка-1 (рис. 4, 7), в свою очередь выступая аналогией большереченскому экземпляру. Такие изделия именуются специалистами прорезными пустотелыми бубенчиками с петлей, имеют широкое распространение [25. Рис. 26, 3–16] и выводятся из ритуальных шумящих наверший столбов или повозок, превратившихся в подвеску к рубежу эр [25. С. 99].

9. Два предмета из кургана 2, трактованные А.М. Кулемзиным как наконечники ремней [1. Рис. 46, 12, 13]. Эти изделия напоминают вещи, приводимые М.П. Завитухиной по материалам могильника Бийск I как предметы неизвестного назначения или костыльки – круглые в сечении бронзовые стерженьки с отверстием в верхнем конце [24. Рис. 4, 13–16]. По наблюдениям специалиста, «являются принадлежностью погребального инвентаря только на территории Алтая и Тувы и довольно часто встречаются в курганах V–I вв. до н.э. Можно упомянуть о находке костыльков в Березовке, Туэкте, Сростках II, Западной и Центральной Туве» [24. С. 101]. Костяные застежки-«костыльки», как указывалось выше, известны по материалам могильника Осинцево 3, курган 4, погребение 2 (III–II вв. до н.э.) [26. Рис. 47, 22, 23]. По Н.В. Полосмак, изделия «хорошо известны в погребениях большереченской культуры: в Новосибирском и Барнаульском Приобье они найдены в памятниках бийского этапа (V–III вв. до н.э.). Обнаружены в памятниках сарматской культуры IV в. до н.э.» [26. С. 83]. Разнообразие материалов, из которых изготавливались «костыльки» (бронза, железо, рог), прослеживается по находкам изделий этой категории из могильников, атрибутированных каменной культурой – Новотроицкое-1, 2 и 3 [16. Рис. 120, 1–12].

Немаловажным для решения вопросов хронологии является факт наличия в каждом из трех погребений курганного могильника Арчекас предметов из железа. По наблюдениям специалистов, в захоронениях как лесостепного Приобья, так и степных Минусинских котловин железо широко входит в обиход с III–II вв. до н.э. [25. С. 78; 26. С. 84; 31].

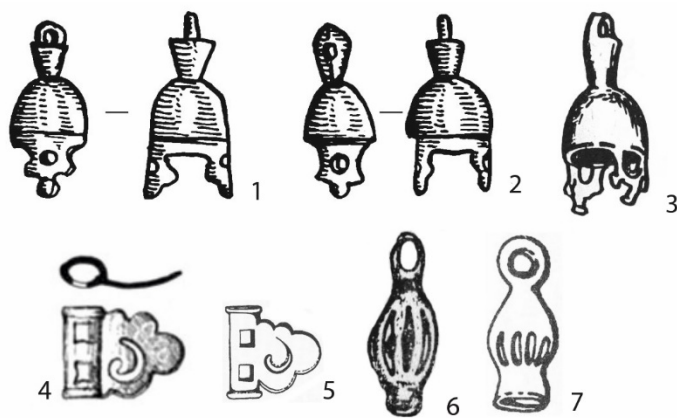

Рис. 4 (без масштаба). Некоторые аналогии находкам из погребений могильника Арчекас: 1–3 – миниатюрные котловидные подвески; 4, 5 – пряжки; 6, 7 – подвески-бубенцы; 1, 2 – Ташебинский чаатас; 3 – Арчекас; 4 – Бийск I; 5 – Березовка; 6 – Арчекас; 7 – Быстровка-1 [1, 2 – по: 3. Табл. 70 – изображения 3 и 4; 3 – по: 1. Рис. 43 – 6; 4 – по: 24. Рис. 7 – 6; 5 – по: 25. Рис. 23 – 2; 6 – по: 1. Рис. 46 – 17; 7 – по: 25. Рис. 27 – 3]

Заключение

По данным элементного состава медно-бронзовых сплавов, металлургическую традицию, фиксируемую по материалам Арчекасского могильника, можно охарактеризовать как переходную от оловянной к медно-мышьяковой. Такая производственная стратегия, в рамках которой ни олово, ни мышьяк не выступали в качестве явно преобладающей легирующей примеси, фиксируется для Западной и Южной Сибири по материалам могильников Серебряково I лепешкинского (заключительного) этапа тагарской культуры (Кия-Чулымское междуречье), могильника Суглуг-Хем уюско-саглынской культуры (Тува) и могильника Каменный мыс кулайской культуры (Верхнее Приобье), датированных III–II вв. до н.э.

Безусловную синхронизацию с этим историческим отрезком времени затрудняет состав предметного комплекса арчекассских погребений, в числе которого имеются вещи, бытовавшие на протяжении длительного периода существования культур скифо-сибирского круга (дисковидные зеркала, полусферические бляшки, бляха с грифонами, чекан с головкой грифона под бойком, кельты, крупные четырехгранные костяные наконечники стрел), а также наличие предметов, аналогии которым указывают на связи западной и восточной направленности – с населением большереченской культуры Верхнего Приобья, тагарской и таштыкской культур Среднего Енисея. Ареал последних включает гору Арчекас как периферию северо-западного лесостепного района культур скифо- и гунно-сарматского времени с метрополий в степях Среднего Енисея. Для большереченской культуры Арчекас может рассматриваться в контексте

пограничья Кузнецкой котловины с таежной зоной Западно-Сибирской низменности.

С такого ракурса актуализируется гипотеза В.В. Боброва о лесостепи Кузнецкой котловины как о сезонном пастбище большереченцев [32. С. 43; 33. С. 275–286]. Соприкосновение верхнеобских и среднеенисейских культурных традиций отражено сплетением в материалах Арчекассских курганов верхнеобских аналогий со среднеенисейской традицией коллективных погребений – редких в скифское время на Верхней Оби [16. С. 134]. Не исключено оно еще и при том, что восточные границы распространения большереченской культуры, а также значение в ее развитии бассейна Ини и Притомья специалистами не выяснены [25. С. 104]. И хотя связь большереченцев с носителями тагарской культуры прослеживается слабо [25. С. 73], предположение В.В. Боброва и В.Н. Добжанского о том, что большереченская культура могла распространяться до предгорий Кузнецкого Алатау [34], находит косвенное подтверждение в наличии у арчекассских находок аналогий в числе материалов из памятников эпохи раннего железа Верхнего Приобья.

Полученные данные об арчекасском металле позволяют полагать, что население, оставившее курганный могильник Арчекас, предметный комплекс которого имеет, помимо прочего, множество относительно поздних аналогий от II в. до н.э. до VI в. н.э., происходящих с пространств от Верхнего Приобья до Тувы, применяло архаичные для этого времени производственные стратегии составления медно-бронзовых сплавов (без явного предпочтения оловянной или мышьяковой лигатур), характерные для III–II вв. до н.э.

Список источников

1. Кулемзин А.М. Арчекассские курганы // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1979. С. 87–99.
2. Кулемзин А.М., Бородин Ю.М. Археологические памятники Кемеровской области. Материалы к своду памятников истории и культуры СССР. Вып. 1. Кемерово: Кемерово. кн. изд-во, 1989. 158 с.
3. Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999. 440 с.
4. Кулемзин А.М. Арчекассский феномен в памятниках скифского времени Центральной Азии // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи: сборник материалов междунар. науч. конф. Астана, 2008. С. 205–207.
5. Михайлов Н.И. Горы Южной Сибири. Очерк природы. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1961. 239 с.
6. Артемов И.А., Королюк А.Ю., Лашинский Н.Н. и др. Ключевые ботанические территории Алтае-Саянского экорегиона: опыт выделения. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2009. 260 с.
7. Буко Т.Е., Шереметова С.А., Куприянов А.Н. и др. Ключевые ботанические территории Кемеровской области. Кемерово: Ирбис, 2009. 112 с.
8. Баухник И.И. Археологические находки с горы Арчекас // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1970. Вып. 2. С. 49–53.
9. Перечень объектов культурного наследия (памятников археологии), находящихся на территории Кемеровской области // Историко-культурное наследие Кузбасса: сборник нормативных актов. Кемерово, 2007. С. 77–128.
10. Циркин А.В. Маринское городище и его место в материальной культуре Обь-Чулымского междуречья // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 1977. Вып. 9. С. 68–86.
11. Бобров В.В., Боброва Л.Ю. Бронзовые предметы скифского времени с горы Арчекас (Кузнецкий Алатау): новые находки // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45, № 2. С. 78–86.
12. Герман П.В., Савельева А.С., Марочкин А.Г., Веретенников А.В. Новые данные об археологических памятниках на северо-востоке Кузбасса // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2019. Вып. 10. С. 15–20.
13. Марочкин А.Г., Герман П.В., Савельева А.С., Плац И.А., Веретенников А.В. Археологические микрорайоны и проблемы культурной хроностратиграфии на юге Томь-Чулымья (неолит – палеометалл – Средневековье) // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 69. С. 37–44.
14. Курочкин Г.Н. Тагарские курганы в зоне Новоселовской оросительной системы. // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. По материалам раскопок 1980–1984 гг. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1988. С. 5–22.
15. Митько О.А., Тетерин Ю.В. Таштыкская кремация: проблемы интерпретации (по материалам исследования могильника Староозначенская Переправа I) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2008. Т. 7, вып. 3: Археология и этнография. С. 132–142.
16. Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 329 с.

17. Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб. : Айсинг, 2011. 456 с.
18. Бобров В.В., Боброва Л.Ю., Савельева А.С. Медно-бронзовые котлы скифского времени из Кузнецкой котловины и Мариинской лесостепи // Теория и практика археологических исследований. 2017. Т. 17, № 1. С. 104–122.
19. Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КеМГУ. Кемерово : СКИФ, 2006. Вып. 2. 124 с.
20. Савельева А.С. Цветная металлургия тагарской культуры северо-западного лесостепного района (по данным элементного состава) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2018. 33 с.
21. Хаврин С.В. Металл некоторых памятников Тувы в контексте металлургии Саяно-Алтая скифского времени // Семенов Вл.А. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб., 2003. С. 211–213.
22. Троицкая Т.Н., Галибин В.А. Результаты количественного спектрального анализа предметов эпохи раннего железа Новосибирского Приобья // Древние горняки и металлургия Сибири. Барнаул, 1983. С. 35–47.
23. Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск : Сиб. отд-е изд-ва «Наука», 1979. 208 с.
24. Завитухина М.П. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // АСГЭ. 1961. Вып. 3. С. 89–108.
25. Троицкая Т.Н., Бороодовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск : ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. 184 с.
26. Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск : Наука, 1987. 144 с.
27. Тетерин Ю.В., Митько О.А., Журавлева Е.А. Бронзовые миниатюрные подвески-сосуды Южной Сибири // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 7: Археология и этнография. С. 80–94.
28. Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. 216 с.
29. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины (I в. до н.э. – V в. н.э.). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1960. 199 с.
30. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. 493 с.
31. Зиняков Н.М. К истории освоения железа в Минусинской котловине // Скифо-сибирское культурно-историческое единство : материалы I Всесоюз. археол. конф. Кемерово, 1980. 358 с.
32. Бобров В.В. Одна случайная находка и одна проблема археологии Кузнецкой котловины // Музей и наука: к 35-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета : материалы Междунар. науч. конф. (10–12 ноября 2011 г., Кемерово). Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011. С. 42–43.
33. Бобров В.В. Погребения скифского времени Кузнецкой котловины в аспекте культурно-исторических процессов // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 275–286.
34. Бобров В.В., Добжанский В.Н. О восточной границе большереченской культуры // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 52–54.

References

1. Kulemzin, A.M. (1979) Archekasskie kurgany [Archekas mounds]. In: *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri* [Archeology of Southern Siberia]. Kemerovo. pp. 87–99.
2. Kulemzin, A.M. & Borodkin, Yu.M. (1989) *Arkheologicheskie pamyatniki Kemerovskoy oblasti. Materialy k svodu pamyatnikov istorii i kul'tury SSSR* [Archaeological monuments of Kemerovo Oblast. Materials for the collection of monuments of history and culture of the USSR]. Vol. 1. Kemerovo: Kemerov. kn. izd-vo.
3. Vadetskaya, E.B. (1999) *Tashtykская эпоха в древней истории Сибири* [Tashtyk epoch in the ancient history of Siberia]. Saint Petersburg: Tsentr "Peterburgskoe Vostokovedenie".
4. Kulemzin, A.M. (2008) [The Archekas phenomenon in the monuments of the Scythian time in Central Asia]. *Nomady kazakhskikh stepey: etnosotsiokul'turnye protsessy i kontakty v Evrazii skifo-sakskoy epokhi* [Nomads of the Kazakh steppes: ethno-socio-cultural processes and contacts in Eurasia of the Scythian-Saka era]. Proceedings of the International Conference. Astana. pp. 205–207.
5. Mikhaylov, N.I. (1961) *Gory Yuzhnoy Sibiri. Ocherk prirody* [Mountains of Southern Siberia. Essay on nature]. Moscow: Gos. izd-vo geogr. lit.
6. Artemov, I.A. et al. (2009) *Klyuchevye botanicheskie territorii Altae-Sayanskogo ekoregiona: opyt vydeleniya* [Key botanical territories of the Sayan-Altai ecoregion: An experience of identification]. Novosibirsk: Akademicheskoe izd-vo "Geo".
7. Buko, T.E. et al. (2009) *Klyuchevye botanicheskie territorii Kemerovskoy oblasti* [Key botanical territories of Kemerovo Oblast]. Kemerovo: Irbis.
8. Baukhnik, I.I. (1970) Arkheologicheskie nakhodki s gory Archekas [Archaeological finds from Mount Archekas]. *Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy*. 2. pp. 49–53.
9. Anon. (2007) Perechen' ob'ektov kul'turnogo naslediya (pamyatnikov arkheologii), nakhodyashchikhsya na territorii Kemerovskoy oblasti [The list of objects of cultural heritage (monuments of archeology) located on the territory of Kemerovo Oblast]. In: *Istoriko-kul'turnoe nasledie Kuzbassa: sbornik normativnykh aktov* [Historical and cultural heritage of Kuzbass: a collection of normative acts]. Kemerovo. pp. 77–128.
10. Tsirkin, A.V. (1977) Mariinskoe gorodishche i ego mesto v material'noy kul'ture Ob'-Chulym'skogo mezhdurech'ya [Mariinsk settlement and its place in the material culture of the Ob'-Chulym interfluvium]. *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri*. 9. pp. 68–86.
11. Bobrov, V.V. & Bobrova, L.Yu. (2017) Bronzovye predmety skifskogo vremeni s gory Archekas (Kuznetskiy Alatau): novye nakhodki [Bronze objects of the Scythian time from Mount Archekas (Kuznetsk Alatau): new finds]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 45 (2). pp. 78–86.
12. German, P.V. et al. (2019) Novye dannye ob arkheologicheskikh pamyatnikakh na severo-vostoke Kuzbassa [New data on archaeological sites in the north-east of Kuzbass]. *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika "Tomskaya Pisanitsa"*. 10. pp. 15–20.
13. Marochkin, A.G. et al. (2021) Arkheologicheskie mikrorayony i problemy kul'turnoy khronostratigrafii na yuge Tom'-Chulym'ya (neolit – paleometall – Srednevekov'e) [Archaeological microdistricts and problems of cultural chronostratigraphy in the south of Tom'-Chulym (The Neolithic – the Paleometallic – the Middle Ages)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 69. pp. 37–44.
14. Kurochkin, G.N. (1988) Tagarskie kurgany v zone Novoselovskoy orositel'noy sistemy. [Tagar mounds in the zone of the Novoselovskaya irrigation system]. In: *Pamyatniki arkheologii v zonakh melioratsii Yuzhnoy Sibiri. Po materialam raskopok 1980–1984 gg.* [Monuments of archeology in the reclamation zones of Southern Siberia. By the excavations of 1980–1984]. Leningrad: Nauka, Leningr. otd-e. pp. 5–22.
15. Mit'ko, O.A. & Teterin, Yu.V. (2008) Tashtykская крематизация: проблемы интерпретации (по материалам исследования могил'ника Starooznachenskaya Pereprava I) [Tashtyk Cremation: Problems of Interpretation (Based on the Study of the Starooznachenskaya Crossing I Burial Ground)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 7 (3). pp. 132–142.
16. Shul'ga, P.I., Umanskiy, A.P. & Mogil'nikov, V.A. (2009) *Novotroitskiy nekropol'* [Novotroitsk necropolis]. Barnaul: Altai State University.
17. Kuz'min, N.Yu. (2011) *Pogrebal'nye pamyatniki khunno-syan'biyskogo vremeni v stepyakh Srednego Eniseya: Tesinskaya kul'tura* [Funeral monuments of the Xiongnu-Xianbei time in the steppes of the Middle Yenisei: Tesinskaya culture]. Saint Petersburg: Aysing.
18. Bobrov, V.V., Bobrova, L.Yu. & Savel'eva, A.S. (2017) Medno-bronzovye kotly skifskogo vremeni iz Kuznetskoy kotloviny i Mariinskoy lesostepi [Copper-bronze cauldrons of the Scythian time from the Kuznetsk Basin and the Mariinsk forest-steppe]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*. 17 (1). pp. 104–122.

19. Anon. (2006) *Katalog kollektsiy muzeya "Arkheologiya, etnografiya i ekologiya Sibiri"* KemGU [Catalog of collection of the Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia Museum of Kemerovo State University]. Vol. 2. Kemerovo: SKIF.
20. Savel'eva, A.S. (2018) *Tsvetnaya metallurgiya tagarskoy kul'tury severo-zapadnogo lesostepnogo rayona (po dannym elementnogo sostava)* [Non-ferrous metallurgy of the Tagar culture of the northwestern forest-steppe region (by the elemental composition)]. Abstract of History Cand. Diss. Kemerovo.
21. Khavrin, S.V. (2003) Metall nekotorykh pamyatnikov Tuvy v kontekste metallurgii Sayano-Altaya skifskogo vremeni [Metal of some monuments of Tuva in the context of metallurgy of the Sayan-Altaï of the Scythian time]. In: Semenov, V.I.A. (2003) *Suglug-Khem i Khayyrakan – mogil'niki skifskogo vremeni v Tsentral'no-Tuvinskoy kotlovine* [Suglug-Khem and Khayyrakan: burial grounds of the Scythian time in the Central Tuva Basin]. Saint Petersburg. pp. 211–213.
22. Troitskaya, T.N. & Galibin, V.A. (1983) Rezul'taty kolichestvennogo spektral'nogo analiza predmetov epokhi rannego zheleza Novosibirskogo Priob'ya [he results of quantitative spectral analysis of objects of the Early Iron Age of the Novosibirsk Ob region]. In: *Drevnie gorniki i metallurgi Sibiri* [Ancient miners and metallurgists of Siberia]. Barnaul. pp. 35–47.
23. Martynov, A.I. (1979) *Lesostepnaya tagarskaya kul'tura* [Forest-steppe Tagar culture]. Novosibirsk: Sib. otd-e izd-va "Nauka".
24. Zavitukhina, M.P. (1961) Mogil'nik vremeni rannikh kochevnikov bliz g. Biyska [Burial ground of the time of early nomads near Biysk]. *ASGE*. 3. pp. 89–108.
25. Troitskaya, T.N. & Borodovskiy, A.P. (1994) *Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya* [The Bolsherechenskaya culture of the forest-steppe Ob region]. Novosibirsk: VO "Nauka". Sibirskaya izdatel'skaya firma.
26. Polos'mak, N.V. (1987) *Baraba v epokhu rannego zheleza* [Baraba in the Early Iron Age]. Novosibirsk: Nauka.
27. Teterin, Yu.V., Mit'ko, O.A. & Zhuravleva, E.A. (2010) Bronzovye miniaturnye podveski-sosudy Yuzhnoy Sibiri [Bronze miniature vessel-shaped pendants of Southern Siberia]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 9 (7). pp. 80–94.
28. Kyzlasov, L.R. & Korol', G.G. (1990) *Dekorativnoe iskusstvo srednevekovykh khakasov kak istoricheskiy istochnik* [Decorative art of medieval Khakass as a historical source]. Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury.
29. Kyzlasov, L.R. (1960) *Tashtykskaya epokha v istorii Khakassko-Minusinskoy kotloviny (I v. do n.e. – V v. n.e.)* [The Tashtyk era in the history of the Khakass-Minusinsk Basin (I century BCE – V century CE)]. Moscow: MState University.
30. Anon. (1992) *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [The steppe zone of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time]. Moscow: Nauka.
31. Zinyakov, N.M. (1980) [On the history of the development of iron in the Minusinsk Basin]. *Skifo-sibirskoe kul'turno-istoricheskoe edinstvo* [Scythian-Siberian cultural and historical unity]. Proceedings of the 1st All-Union Archeological Conference. Kemerovo. (In Russian).
32. Bobrov, V.V. (2011) [One accidental find and one problem of archeology of the Kuznetsk Basin]. *Muзей i nauka: k 35-letiyu muzeya "Arkheologiya, etnografiya i ekologiya Sibiri"* Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Museum and Science: on the 35th anniversary of the Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia Museum of Kemerovo State University]. Proceedings of the International Conference. Kemerovo. 10–12 November 2011. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 42–43. (In Russian).
33. Bobrov, V.V. (2013) Pogrebeniya skifskogo vremeni Kuznetskoy kotloviny v aspekte kul'turno-istoricheskikh protsessov [Burials of the Scythian time of the Kuznetsk Basin in the aspect of cultural and historical processes]. In: *Fundamental'nye problemy arkheologii, antropologii i etnografii Evrazii* [Fundamental problems of archeology, anthropology and ethnography of Eurasia]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. pp. 275–286.
34. Bobrov, V.V. & Dobzhanskiy, V.N. (1986) O vostochnoy granitse bol'sherechenskoy kul'tury [On the eastern border of the Bolsherechenskaya culture]. In: *Skifskaya epokha Altaya* [Scythian era of Altai]. Barnaul. pp. 52–54.

Информация об авторе:

Савельева А.С. – канд. ист. наук, научный сотрудник лаборатории археологии Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (Кемерово, Россия). E-mail: antverpen@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.S. Savel'eva, Cand. Sci. (History), researcher, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: antverpen@mail.ru

The author declares no conflicts of interest.

*Статья поступила в редакцию 09.06.2021;
одобрена после рецензирования 14.09.2021; принята к публикации 20.05.2022.*

*The article was submitted 09.06.2021;
approved after reviewing 14.09.2021; accepted for publication 20.05.2022.*

Научная статья
УДК 342,56: 94 (571,51)
doi: 10.17223/15617793/478/15

Линейный суд Енисейского (Восточно-Сибирского) бассейна в конце 1940-х – начале 1950-х гг.

Валентина Николаевна Тугужекова^{1, 2}, Владимир Арнольдович Печерский³

¹ Южно-Сибирский филиал Института изучения материальной культуры Российской академии наук, Абакан, Россия

² Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан, Россия

³ Хакасский Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия

^{1, 2} vtuguzhekova@yandex.ru

³ volody75.75@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с функционированием линейного суда Енисейского, а затем Восточно-Сибирского бассейна. Сделан вывод о том, что особенностью линейных судов было то, что данные инстанции рассматривали как дела, которые были как в юрисдикции народных, так и те, что находились в сфере деятельности краевых и областных судов и судов автономных республик.

Ключевые слова: транспортная юстиция, линейный суд Енисейского бассейна, линейный суд Восточно-Сибирского бассейна

Для цитирования: Тугужекова В.Н., Печерский В.А. Линейный суд Енисейского (Восточно-Сибирского) бассейна в конце 1940-х – начале 1950-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 119–129. doi: 10.17223/15617793/478/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/15

The Line Court of the Yenisei (East Siberian) Basin in the late 1940s – early 1950s

Valentina N. Tuguzhekova^{1, 2}, Vladimir A. Pecherskiy³

¹ South Siberian Branch of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Abakan, Russian Federation

² N.F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russian Federation

³ Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Abakan, Russian Federation

^{1, 2} vtuguzhekova@yandex.ru

³ volody75.75@mail.ru

Abstract. The aim of this article is to study the activities of the Line Court of the Yenisei and then the East Siberian Basin in the period from the transformation of transport tribunals into line courts until the death of Joseph Stalin. Hence, the lower limit of the chronological framework of the article is determined by the year 1948, when transport justice authorities were demilitarized, and the upper limit by the end of the first quarter of 1953. The source base for the study was documents from collections of the State Archive of Krasnoyarsk Oblast and published research papers. Employees of water transport and related enterprises were under the jurisdiction of the Line Court. In the third quarter of 1948, 101 cases were received in the Line Court of the Yenisei Basin, 61 of them were initiated by the Decree of June 26, 1940. Line courts of water basins had to consider cases typical for water transport and cases typical for courts of general jurisdiction. This is shown by the judicial practice of the Line Court of the Yenisei Basin in the first and second quarters of 1949. The Line Court considered cases of theft of goods, which were initiated under the Decrees of June 4, 1947, On Criminal Liability for Theft of State and Public Property and On Strengthening the Protection of Citizens' Personal Property. From April 1, 1949, to April 1, 1950, the Line Court received 123 cases, including 9 cases of theft of personal property. From April 1, 1949, to April 1, 1950, the Line Court received 11 cases about accidents with 13 people, and 5 cases about other violations of discipline in transport for 6 people. All these crimes fell under Article 59-3 "b" of the Criminal Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (violation of labor discipline by transport workers (violation of traffic rules, substandard repairs, etc.)). The Line Court rarely had to consider cases of "counter-revolutionary" crimes. From April 1, 1949, to April 1, 1950, the Line Court received 8 cases initiated under Article 58 of the Criminal Code of the RSFSR. On the merits, 5 cases were considered, 5 people were convicted on them. Based on this research, the authors came to the conclusion that the peculiarity of linear courts was that these instances considered both cases that were in the jurisdiction of people's courts, and those of regional courts and courts of autonomous republics. Therefore, it was necessary to send cassation appeals on cases of the first category directly to the Supreme Court of the USSR, whereas sentences handed down by people's courts

could undergo a long way through the county or regional court, the Supreme Court of the Union Republic and the Supreme Soviet of the USSR. This practice violated the rights of transport workers, since the possibility of reviewing the sentence was difficult for them.

Keywords: transport justice, Line Court of Yenisei Basin, Line Court of East Siberian Basin

For citation: Tuguzhekova, V.N. & Pecherskiy, V.A. (2022) The Line Court of the Yenisei (East Siberian) basin in the late 1940s – early 1950s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 119–129. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/15

По окончании Великой Отечественной войны начался переход страны на мирные рельсы. В ходе этого процесса происходила демилитаризация судебных органов, которые должны были судить уже по законам мирного времени.

Целью данной статьи является изучение деятельности линейного суда (ЛС) Енисейского, а затем Восточно-Сибирского бассейна в период от преобразования транспортных трибуналов в линейные суды до смерти И.В. Сталина. Соответственно, нижняя граница хронологических рамок статьи определяется 1948 г., когда органы транспортной юстиции были демилитаризованы, а верхняя – окончанием первого квартала 1953 г.

Деятельность транспортных судебных инстанций в послевоенный период исследована в работах А.Я. Кодинцева и Д.Г. Шкаревского [1–3].

2 мая 1948 г. вступил в силу Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене военного положения на железнодорожном, речном и морском транспорте». Этот нормативный правовой акт значительно изменил принципы правосудия на транспорте. С момента его вступления в действие работники транспорта за прогулы и самовольный уход с работы карались не как дезертиры из армии, а как штатские по Указу от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Это касалось и тех, кто опоздал на работу или покинул рабочее место до издания Указа от 2 мая 1948 г. Те же работники транспорта, которые были уже осуждены за названные проступки военными трибуналами, освобождались от наказания и направлялись на прежние места работы. Военные трибуналы и военные прокуратуры на транспорте преобразовывались в линейные суды и линейные прокуратуры [4. Л. 33–34].

В первые послевоенные годы транспорт был вынужден работать по законам военного времени. Нагрузка на пути сообщения оставалась высокой, необходимо было снабжать советские войска, находившиеся в освобождённых европейских странах, домой возвращались демобилизованные фронтовики, шла эвакуация. Подчинённые воинской дисциплине транспортники работали, осознавая ответственность перед страной. Через три года после Победы необходимость в военизации транспортных организаций отпала, все работники транспортной системы, в том числе судебных органов были демобилизованы.

Работа военных трибуналов транспорта накануне их демилитаризации оставляла желать лучшего. Если в 1946 г. было отменено 9,7% обжалованных приговоров, то в 1947 г. таковых было уже 14,9%. Члены три-

буналов часто не вникали должным образом в суть дела, ограничиваясь поверхностным знакомством с материалами [4. Л. 56–56 об.]. Такая работа транспортных трибуналов объяснялась слабой подготовкой судебного корпуса. На 1 января 1947 г. из 460 оперативных работников военного трибунала транспорта лишь 110, или 24%, имели высшее образование, 122, или 27%, – среднее, 228 (49%) – не имели юридической подготовки [1. С. 46].

Для советских судебных работников военного и послевоенного времени в целом был характерен подобный уровень образования. Многие члены как транспортных судебных инстанций, так и судов общей юрисдикции по разным причинам не имели возможности получить профессиональное образование.

На этом фоне суд Енисейского бассейна выгодно отличался от других. В первые месяцы после демобилизации линейный суд рассматривал дела своевременно, а наиболее сложные из них – непосредственно на месте совершения преступления. Оперативный состав всесторонне и тщательно изучал поступавшие в суд материалы, скрупулёзно анализировал обстоятельства каждого дела. Руководство ЛС Енисейского бассейна систематически проверяло правильность рассмотрения судебных дел, своевременно обнаруживая и исправляя ошибки подчинённых.

В линейном суде регулярно проводилось обобщение судебной практики по важнейшим категориям дел, что позволяло судебным работникам видеть недостатки в своей деятельности и достаточно быстро преодолевать их.

Успехи судей ЛС Енисейского бассейна объяснялись сравнительно высоким уровнем их профессиональной подготовки. Председатель суда К. Лыжин был выпускником заочного юридического института и работал над кандидатской диссертацией. Его заместитель М.В. Куроцапов окончил юридическую школу и готовился поступать во Всесоюзный заочный юридический институт (ВЮЗИ). К поступлению в ВЮЗИ готовился и член суда Б.И. Гидалевич.

Видя успехи данного судебного органа, начальник Главного Управления линейных судов железнодорожного, речного и морского транспорта Министерства юстиции СССР В.И. Ширвинский объявил благодарность председателю суда «За добросовестное отношение к работе, правильное осуществление руководства, в результате чего значительно улучшилась работа лиссуда» [4. Л. 98–99]. Работа региональных судебных инстанций во многом зависела от качества руководства ими. В непростых условиях председатели должны были проявлять свои лучшие качества, что получалось у К. Лыжина.

В подсудности линейного суда находились работники водного транспорта и связанных с ним предприятий. В третьем квартале 1948 г. в ЛС Енисейского бассейна поступило 101 дело, из которых 61 было возбуждено по Указу от 26 июня 1940 г. Это было на 60 дел больше, чем в предыдущем квартале. Такой большой рост объяснялся тем, что весной 1948 г. на Красноярский авиаремонтный завод № 477, занимавшийся в числе прочего выпуском катеров, прибыла большая группа выпускников ремесленного училища из Бердска. Администрация завода не создала молодым рабочим должных условий. Новичков часто назначали на должности, не связанные с их специальностью, вследствие чего они сильно проигрывали в оплате труда. Не имея возможности получить материальную помощь от родных, юноши самовольно покидали предприятие и уезжали домой, становясь по законам того времени преступниками. Завод № 477 дал в третьем квартале 1948 г. 52 «трудовых дезертира» [5. Л. 28].

Самовольно покидали предприятия в большинстве своём молодые рабочие, недавно начавшие трудовую деятельность. Нередко это были приезжие, как показывает приведённый выше пример. Оторванные от семьи и привычных для них бытовых условий, молодые люди не получали от предприятия должного внимания и, будучи, людьми ещё не зрелыми, нарушали закон.

Решения по Указу от 26 июня 1940 г. часто отменялись вышестоящими инстанциями. Так, линейный суд осудил по данному Указу на шесть месяцев исправительно-трудовых работ второго пилота лётной испытательной станции уже упомянутого завода № 477 В.Г. Юренкова. Василий Григорьевич 26 июня 1948 г. должен был отправиться в полёт, но не нашёл ничего лучшего, чем напиться перед самым вылетом. Поиск замены пьяного лётчика вызвал задержку самолёта на 1 ч. Председатель ЛС счёл, что действия пилота скорее попадают под действие ст. 59-3 УК РСФСР, в данном случае по пункту «г» (Нарушение работниками гражданской авиации и гражданского воздухоплавания служебных обязанностей), и направил в вышестоящую инстанцию представление о пересмотре приговора, с чем водно-транспортная коллегия Верховного суда согласилась, и дело В.Г. Юренкова было отправлено на пересмотр [5. Л. 31 об.].

Данная статья предусматривала санкцию в виде лишения свободы сроком до 10 лет, а при отягчающих обстоятельствах и высшую меру наказания. Авиарейс, который был задержан по вине лётчика, оказался слишком важен, что и сказалось на изменении квалификации преступления.

По тому же Указу была осуждена А.Я. Аликина. Анна Яковлевна, работавшая грузчиком в Красноярском речном порту, 2 июля 1948 г. отсутствовала на рабочем месте шесть часов и была осуждена ЛС к 4 месяцам исправительно-трудовых работ с удержанием 20% зарплаты. По протесту председателя линейного суда транспортная коллегия отменила приговор, поскольку суд первой инстанции не проверил объяснение подсудимой, которая утверждала, что не

пришла на работу потому, что занималась восстановлением потерянного паспорта [5. Л. 31 об.].

По делам, возбужденным за нарушение положений Указа от 26 июня 1940 г., не велось предварительное следствие. Руководство предприятий и учреждений несло ответственность за каждый случай сокрытия прогула или «трудового дезертирства», поэтому, стараясь перестраховаться, руководители передавали материалы по каждому такому случаю в суд, не разбираясь в обстоятельствах опоздания, прогула или оставления рабочего места. В тексте Указа содержалось требование к судам рассматривать такие дела в пятидневный срок, поэтому и судебные инстанции не утруждали себя проверкой всех обстоятельств дела. Исправлять ошибки коллег приходилось вышестоящим судам.

Линейным судам речных и морских бассейнов приходилось разбирать дела, как характерные для водного транспорта, так и случаи, типичные для судов общей юрисдикции. Это показывает судебная практика ЛС Енисейского бассейна за первый и второй кварталы 1949 г.

Если за первые три месяца 1949 г. в линейный суд поступило 56 дел, то во втором уже 71. В первом квартале ЛС рассмотрел 18 дел о прогулах, во втором – 24. С учетом оставшихся от предыдущих временных промежутков дел по таким обвинениям, суд рассмотрел во втором квартале 31 дело, до розыска обвиняемых было приостановлено 13 дел, двое подсудимых были оправданы, 3 дела прекращено. К 1 апреля 1949 г. в линейном суде накопилось 91 такое дело, которые он не мог рассмотреть, поскольку подозреваемые находились в розыске [6. Л. 20].

По фактам хищения в суд поступило 15 дел, из них было рассмотрено 12, осуждено 19 чел., из них получили поражение в правах – 12, а имущество конфисковано у троих. Двое были оправданы. Пять дел направили на следствие. За простой флота во втором квартале 1949 г. осудили 1 чел. – механика Маслова, которого приговорили к трём годам лишения свободы [6. Л. 20 об.].

Председатель ЛС отметил значительное повышение качества рассмотренных дел, во втором квартале транспортная коллегия отменила только один приговор линейного суда [6. Л. 21].

Активизация преступности в Енисейском бассейне пришлось на второй квартал, так как в это время началась навигация и, соответственно, возросло число краж с перевозивших грузы судов, дезертирство с них, простой флота.

Лестные аттестации работы линейного суда Енисейского бассейна в середине 1949 г. сошли на нет. Состав данного судебного органа серьезно обновился. В результате реорганизации он был преобразован в линейный суд Восточно-Сибирского бассейна: после упразднения линейного суда в Иркутске, в этом городе стала действовать постоянная сессия, подчинённая Красноярску.

Председателем ЛС в 1949 г. был назначен К.М. Брюханов, член ВКП(б) с 1940 г. В органах юстиции он трудился с 1933 г. и имел высшее юридиче-

ское образование. Заместителем председателя ЛС в январе 1951 г. стал А.И. Дмитриев, член партии с 1942 г., работавший в органах юстиции с 1937 г., выпускник Иркутской юридической школы, студент ВЮЗИ.

От старого состава остался член суда И.И. Зайцев. В ряды ВКП(б) вступил в 1947 г., в 1948 г. окончил Иркутскую юридическую школу. Работа в составе ЛС Енисейского бассейна была его дебютом в органах юстиции. Также от старого состава остался Б.И. Гидалевич. Членом партии он был с 1932 г. В 1937 г. окончил Одесскую юридическую школу, а в 1938 г. начал трудовую деятельность в органах юстиции. В составе судебного органа Енисейского бассейна служил с 1943 г.

Постоянную сессию в Иркутске возглавляла М.С. Босько. Член партии с 1938 г., выпускница Иркутской юридической школы, она пребывала на судебной работе с 1943 г. [7. Л. 70–71].

Новым членам линейного суда, несмотря на их опыт и относительно высокий уровень профессиональной подготовки, непросто входили в курс дела, что не замедлило сказаться на качестве судебной работы.

Проведённая ревизия Восточно-Сибирского линейного суда показала: с 1 апреля 1949 г. по 1 апреля 1950 г. в работе суда имелись «ряд серьёзных недостатков и грубых ошибок в судебной и организационной работе» [8. Л. 25]. Вина за ухудшение работы была возложена на бывшего председателя суда К. Лыжина, который «ослабил руководство судом, перестал предъявлять необходимую требовательность к подчинённым, ухудшил контроль за работой членов суда» [8. Л. 25].

Данная аттестация резко противоречила оценке работы Лыжина за предыдущие периоды. Было ли у бывшего главы суда «головокружение от успехов» или другие факторы не позволили ему сохранить высокий уровень работы ЛС, проследить по источникам не представляется возможным. Однако руководство линейными судами сочло необходимым обновить руководство судебного органа Енисейского бассейна.

Всего с 1 апреля 1949 г. по 1 апреля 1950 г. в ЛС Восточно-Сибирского бассейна поступило 519 дел против 583, поступивших за предыдущие 12 месяцев, или на 12,3% меньше. Из этого числа 19 дел вернули на исследование, прекращено 3 дела, направлено по подсудности – 30, по существу рассмотрено 31 дело в отношении 397 чел., из которых был оправдан – 21, в том числе обвиняемых по Указу от 26 июня 1940 г. – 15.

В водно-транспортной коллегии Верховного суда СССР обжаловались дела в отношении 160 чел. Кассационная инстанция оставила в силе приговоры в отношении 135 чел., или 84,4%, были отменены приговоры в отношении 20 чел. (10%). Изменены приговоры в отношении 5 чел. (3%). За предыдущие 12 месяцев водно-транспортная коллегия оставила в силе приговоры в отношении 81,6% осуждённых. Несмотря на то, что качество работы линейного суда немного улучшилось, процент отменённых приговоров, по мнению сотрудников МЮ, был слишком высок [8. Л. 25–26].

Исходя из приведённых выше цифр, нельзя сказать, что члены ЛС были чрезмерно перегружены. Количество дел, рассмотренных данным судебным органом, позволяло каждому из них уделять достаточно времени и сил. Поэтому довольно большой процент отмены приговоров был связан с плохой подготовкой некоторых судей.

Так, из рассмотренных с 1 апреля 1949 г. по 1 апреля 1950 г. под председательством М.С. Босько 9,7% обжалованных приговоров было отменено, а у И.И. Зайцева вовсе отменили 40% приговоров из числа обжалованных. Высокий уровень судебной работы поддерживали К.М. Брюханов, в силе оставили 86,9% вынесенных им приговоров, и Б.И. Гидалевич, который не ошибся, вынеся 97,8% приговоров [8. Л. 26].

Многолетний опыт работы позволял Брюханову и Гидалевичу работать с минимальным количеством ошибок, а новичок Зайцев часто ошибался, что было следствием недостаточной юридической практики у молодого судебного работника.

С 1 апреля 1949 г. по 1 апреля 1950 г. линейный суд рассмотрел 211 дел возбужденных по Указу от 26 июня 1940 г. ЛС осудил 196 чел., оправдал – 15. Главной ошибкой судей, рассматривавших подобные дела, являлась неполнота судебного следствия, провести которое было особенно важно, учитывая то, что предварительное следствие по ним не велось [8. Л. 27].

Так, 5 сентября 1949 г. линейный суд под председательством И.И. Зайцева приговорил к четырёхмесячному тюремному заключению молодого речника Виниченко. После окончания ремесленного училища Виниченко был направлен на пароход «Макаров». Он, проработав там две навигации, 23 августа 1949 г. самовольно оставил своё судно и выехал в краевой центр, где его задержали в отделе кадров пароходства. В приговоре констатировалось, что Виниченко оставил «Макаров», поскольку ему отказали в просьбе о переводе на должность масленщика.

Водно-транспортная коллегия Верховного Суда СССР отменила этот приговор, и дело вернулось на новое рассмотрение со стадии судебного следствия. Мотивом такого решения было то, что судья не проверил объяснения Виниченко причин оставления рабочего места, в частности его заявления о том, что после окончания ремесленного училища ему в течение двух навигаций не позволяли работать по специальности. При вторичном рассмотрении дела Виниченко был осужден к 6 месяцам исправительно-трудовых работ с удержанием 25% заработка [8. Л. 27 об.]. По действовавшему тогда законодательству Виниченко, несомненно, был виновен, однако суд допустил в отношении него несправедливость, не исследовав причин совершения им правонарушения.

По делам этой категории вследствие неудовлетворительной досудебной подготовки выносилось немало оправдательных приговоров. Например, оправдан был помощник механика парохода «Говоров» Конюшко, работавший в Игарке. Врачи признали его негодным для работы в условиях севера. По разрешению главного механика парохода Конюшко выехал в

Красноярск с намерением получить в отделе кадров пароходства направление на другое судно, работавшее в местности с более мягким климатом. Вследствие неразберихи на помощника механика было возбуждено уголовное дело, и, несмотря на то, что в материалах дела имелось заключение о состоянии здоровья обвиняемого, ЛС принял этот случай к производству. При его рассмотрении под председательством И.И. Зайцева Конюшко был оправдан [8. Л. 28]. Здесь же под суд попал человек, невиновность которого по действовавшему законодательству не вызывала сомнений, но лишь на стадии судебного следствия он избежал незаслуженного наказания.

Проверяющие из МЮ СССР были вынуждены отметить, что при принятии дел по Указу от 26 июня 1940 г. к своему производству линейный суд не всегда продуманно подходил к оценке квалификации действий обвиняемых, в результате чего в судебных заседаниях в 26 случаях изменил квалификацию состава преступления [8. Л. 28 об.].

Беспорядок в делах, рассмотренных по Указу от 26 июня 1940 г., мешал нормальному их рассмотрению. Недостаточно усидчивые и компетентные судьи порой отнимали у несправедливо обвинённых людей время, заставляя их чувствовать себя преступниками, а порой отбывать незаслуженное наказание.

Линейный суд рассматривали и дела о хищениях грузов, которые возбуждались по Указам от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан». С 1 апреля 1949 г. по 1 апреля 1950 г. в линейный суд поступило 123 дела, из них 9 дел о хищении личной собственности. По существу было рассмотрено 112 дел, по которым осудили 164 чел., оправдали четверых. По ст. 2 Указа за хищение государственного имущества (Хищение, совершаемое повторно, а равно совершённое организованной группой (шайкой), или в крупных размерах на срок от 10 до 25 лет осудили 70 человек, на 10 лет – 56, от 2 до 4 – 4, условно – 2. По ст. 1 (Кража, присвоение, растрата или иное хищение государственного имущества) – на 10 лет заключения – 2, на 7–8 – 4, на 7 – 14, на 2–4 – 1. Избирательных прав было лишено 111 осуждённых по данным Указа, конфисковали имущество у 34 [8. Л. 29].

В подавляющем большинстве случаев объектом хищений становилось государственное имущество. В стране, ещё не преодолевшей все последствия войны, граждане были бедны, и преступники старались украсть у наиболее зажиточного собственника – государства.

Большинство осуждённых за хищения обжаловали приговоры. С 1 апреля 1949 г. по 1 апреля 1950 г. через водно-транспортную коллегия прошло 76 дел, ранее рассмотренных в линейном суде Восточно-Сибирского бассейна, по этим делам проходило 129 чел. В силе были оставлены приговоры в отношении 111 чел., или 86% тех, кто пожелал пересмотреть свой приговор. Со стадии предварительного следствия были отменены приговоры в отношении 14 чел.,

прекращено дел производством в отношении – 1, изменены приговоры – 3. По данной категории дел линейный суд слабо проводил судебное следствие, для них была характерна недостаточная досудебная подготовка. Вследствие неполноты как предварительного, так и судебного следствия и неправильной оценки обстоятельств дела водно-транспортная коллегия отменила приговоры 8 осуждённым [8. Л. 29].

Указ от 4 июня 1947 г. заменил собой Закон от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации», который в качестве одной из мер наказания предусматривал смертную казнь. Несмотря на то, что по новому законодательному акту подсудимым не грозила высшая мера социальной защиты, они рисковали получить срок заключения до двадцати пяти лет, что и произошло с большинством признанных виновными. Тогда как по Закону от 7 августа 1932 г. можно было отделаться десятилетним лишением свободы, а в 1947 г. в СССР была отменена смертная казнь, запрет на смертные приговоры действовал до 1950 г. В этих обстоятельствах принятие нового закона можно считать ужесточением законодательства против расхитителей.

Специфические дела, характерные только для транспортных судов, а именно по делам об авариях флота и о нарушениях дисциплины на транспорте, а также по делам о простоях флота, составляли крайне незначительную долю в судебной практике ЛС Восточно-Сибирского бассейна.

С 1 апреля 1949 г. по 1 апреля 1950 г. в линейный суд поступило 11 дел на 13 чел. об авариях и 5 дел на 6 чел. о других нарушениях дисциплины на транспорте. Все эти преступления попадали под действие ст. 59-3 «в» УК РСФСР (Нарушение работниками транспорта трудовой дисциплины (нарушение правил движения, недоброкачественный ремонт и т.п.)). Из 13 обвиняемых в совершении аварий к лишению свободы были приговорены 7 человек, или 53,8%, к ИТР – 2, к условному наказанию – 4. Из 6 осуждённых по другим нарушениям за решётку отправились двое, столько же правонарушителей были приговорены к ИТР, и ещё двое отделались условным наказанием [8. Л. 30 об.].

Проводившие ревизию линейного суда сотрудники Министерства юстиции (МЮ) были недовольны чрезмерной практикой применения к виновникам аварий мер наказания не связанных с лишением свободы. Данная статья предусматривала достаточно суровые санкции, вплоть до смертной казни, в отсутствии оной, спровоцировавшие аварию могли получить до 10 лет лишения свободы.

По мнению ревизоров, члены линейного суда должны были проявить большую строгость, поскольку количество аварий в 1949 г. по сравнению с 1948 г. увеличилось. В 1948 г. на подведомственной ЛС территории произошла 41 авария, в результате которых были причинены убытки в размере 1 794 804 руб., а в 1949 г. случилось уже 86 аварий с убытком в 6 433 191 руб. В водно-транспортной коллегии с 1 апреля 1949 г. по 1 апреля 1950 г. было опротесто-

вано 8 дел об авариях в отношении 9 чел. Кассационная инстанция отменила один приговор со стадии предварительного следствия в отношении одного осужденного [8. Л. 30 об.].

Аварии на транспорте причиняли государству значительные убытки, поэтому кара за этот вид преступлений была столь суровой. Однако при нехватке кадров линейный суд предпочитал назначать наказание, не связанное с лишением свободы, чтобы осужденные имели возможность возместить нанесённый ущерб по месту своей работы.

По простому флота с 1 апреля 1949 г. по 1 апреля 1950 г. ЛС рассмотрел 3 дела, по которым осудил 4 чел., из них 3 к лишению свободы, 1 – к условному наказанию [8. Л. 31]. Простой флота также приносил немалые материальные потери, и за этот проступок следовало суровое наказание.

Линейному суду редко приходилось рассматривать дела о «контрреволюционных» преступлениях. С 1 апреля 1949 г. по 1 апреля 1950 г. в ЛС поступило 8 дел, возбужденных по ст. 58 УК РСФСР. По существу было рассмотрено 5 дел, по ним осудили 5 чел. [8. Л. 31–31 об.].

Дела, возбужденные по фактам «контрреволюционных» преступлений, носили политический характер. Судьям приходилось быть особенно внимательными и осторожными, разбирая их. Оправдания обвиняемых в «контрреволюции» происходили нечасто.

Проводившие ревизию работы ЛС Восточно-Сибирского бассейна старший инспектор Главного управления линейных судов транспорта МЮ СССР В. Иванов и инспектор отдела кадров специальных судов того же министерства А. Глумова отметили серьёзные недостатки в работе данной инстанции. Члены ЛС неудовлетворительно занимались досудебной подготовкой дел, серьёзные недочёты были отмечены и при проведении судебных заседаний. Следствием этих ошибок были частые отмены и изменения приговоров ЛС.

Недостатком в работе линейного суда ревизоры посчитали и то, что судьи не проявляли должной инициативы в выявлении причин, способствовавших совершению преступлений, и не ставили вопросов перед соответствующими органами о принятии необходимых мер к устранению этих причин [8. Л. 34].

Принятие частных определений являлось одной из обязанностей судебных инстанций. Они позволяли выявлять причины преступности и создавать условия для устранения таковых. По мнению проверяющих, ЛС не уделял должного внимания такому важному направлению работы, что не позволяло надлежащим образом бороться с преступностью.

Причину допущенных ошибок сотрудники МЮ объяснили тем, что члены ЛС «не прониклись чувством ответственности за правильное, в соответствии с требованиями закона разрешение каждого конкретного дела» [8. Л. 34]. Часть вины, по их мнению, лежала и на председателе суда К.М. Брюханове, который «недостаточно активно включился в работу, недостаточно активно осуществлял контроль за работой суда и не проявлял должной требовательности к подчинённым» [8. Л. 34].

Переложить всю вину на прошлое руководство ревизорам не удалось, и новому председателю пришлось разделить ответственность за недостатки в работе со своим предшественником.

Столь нелестная оценка работы суда всерьёз обеспокоила его сотрудников. На оперативном совещании, созванном по итогам ревизии 28 апреля 1950 г., члены линейного суда вместе с ревизорами обсудили недостатки в работе ЛС. Выступавшие отметили, что по многим делам о хищениях не были применены дополнительные меры наказания: поражение в правах и взыскание судебных издержек [9. Л. 7–8].

В ходе некоторых процессов судьи стремились навести страх на подсудимых, вопросы адвокатов прерывались председательствующими, судьи угрожали адвокатам, что порождало пререкание между судьёй и адвокатом, порой носившие резкий и грубый характер. Адвокаты протестовали, требуя занести в протокол то, что его права в суде ущемляются, а у публики создавалось впечатление, что у судьи уже есть готовый приговор [9. Л. 9].

Пренебрежительное отношение судей к адвокатам было характерно для советской судебной системы. Многие судебные работники, особенно старшего поколения, считали адвокатуру буржуазным пережитком, и министерству юстиции приходилось объяснять судьям роль и место адвокатов в процессе отправления правосудия.

А.Б.И. Гидалевич, напротив, был порой слишком весел, председательствуя в судебных процессах. Пытаясь помочь подсудимому Колесникову, Борис Исакович предложил ему: «Расскажите, как бы рассказали всё своей жене» [9. Л. 9]. Фраза прозвучала как анекдот, поскольку в ходе процесса выяснилось, что Колесников часто обманывал жену. В другом процессе в ответ на реплику подсудимого о том, что у него на иждивении находятся дети, Б.И. Гидалевич бросил фразу «Конечно у вас дети, а не кошки» [9. Л. 9]. По мнению других членов ЛС, эти фразы подрывали авторитет суда, поэтому следовало избегать таких «несолидных реплик» [9. Л. 9]. Специфический юмор, который порой использовал данный судья, уроженец Николаевской области, был непонятен сибирякам.

Слабым местом линейного суда Восточно-Сибирского бассейна являлась Иркутская постоянная сессия. Как отметил председатель ЛС, эта сессия давала снижение стабильности приговоров, а вызов председательствующего на оперативное совещание в Красноярск затруднялся по финансовым соображениям [9. Л. 12].

М.С. Босько прибыла в Красноярск лишь к следующему оперативному совещанию, которое проходило 7 июля 1950 г. Красноярские коллеги слышали от неё множество жалоб и претензий. По её мнению, «вся беда в том, что свернули линейный суд, этого не следовало делать, ибо работать в постоянной сессии при наличии только одного оперативного работника, то есть меня, невозможно» [9. Л. 18].

На плечи одной судьи легла нагрузка, которую до слияния двух судов выполняла целая инстанция. Упразднение водно-транспортного суда в Иркутске вынудило единственного члена Иркутской сессии

рассматривать дела, поступающие с Байкальского, Ангарского и Ленского бассейнов. Охватить такой объём работы было очень сложно.

Мешало успешной работе М.С. Босько и низкий уровень её профессиональной подготовки, в то время когда директивы МЮ требовали от судебных работников повышать уровень квалификации, глава Иркутской сессии заявила следующее: «В институте я учиться не могу, ибо вступительных экзаменов в институт за 10 классов мне не сдать. Я приняла решение поступить в партийную школу и перейти работать в партийные органы» [9. Л. 19].

Отношения между руководством ЛС и Иркутской сессией явно не сложились. М.С. Босько не пришлась по вкусу идея подчинения Красноярску. Привыкнув работать в одном городе с собственным начальством, она тяготилась обязанностью отчитываться перед новым руководством, находившемся в другом регионе. Не вызывали у неё энтузиазма и регулярные поездки в Красноярск.

Руководство Восточно-Сибирского ЛС также обременяло управление Иркутской сессией. В составе линейного суда Енисейского бассейна в прошлом были постоянные сессии, но все они работали на территории Красноярского края, поэтому любые вопросы, возникавшие в процессе взаимоотношений с такими филиалами, решались через краевые партийные органы. Наличие же сессии в Иркутской области заставляло идти на контакт с парткомами из этого региона.

На оперативном совещании 7 июля 1950 г. М.С. Босько, ссылаясь на мнение Иркутского обкома ВКП(б), предложила вернуться к старому порядку и восстановить линейный суд Восточно-Сибирского бассейна в Иркутске, а в Красноярске ЛС Енисейского бассейна. Это предложение поддержали и председатель ЛС К.М. Брюханов и другие члены суда. Так, Б.И. Гидалевич сказал: «Если бы восстановить, что было прежде, то есть линейный суд Енисейского бассейна и линейный суд Восточно-Сибирского бассейна, то это было бы очень хорошо. Считаю, что нам нужно было бы поддержать мнение областных иркутских организаций по этому поводу» [9. Л. 20].

Однако это предложение не нашло понимания у вышестоящих организаций, и красноярским и иркутским судьям пришлось продолжить работу в составе одного суда.

Поскольку в ходе ревизии ЛС Восточно-Сибирского бассейна в апреле 1950 г. в его работе были вскрыты существенные недостатки, которые предписывалось исправить, новая ревизия не заставила себя долго ждать. В сентябре 1951 г. в Красноярск прибыл старший инспектор-ревизор ГУЛСИ МЮ СССР Кравцов. Проведя ревизию работы суда с 1 августа 1950 г. по 1 августа 1951 г., он пришёл к выводу, что работники ЛС сделали для себя выводы из результатов предыдущей ревизии и добились серьёзного улучшения в своей работе. Основную заслугу в этом ревизор увидел в действиях К.М. Брюханова, который улучшил руководство судом и добился улучшения работы своих подчинённых, а А.И. Дмитриев оказывал Брюханову действенную помощь.

Об улучшении работы ЛС говорили следующие цифры: в предыдущий ревизуемый период из числа обжалованных и опротестованных приговоров ВТК ВС СССР оставила в силе 84,4% на 135 чел., отменены были приговоры в отношении 20 чел. (10%). А с 1 августа 1950 г. по 1 августа 1951 г. в силе были оставлены приговоры в отношении 158 чел., или 93%, изменены – 8 (5,3%), отменены – 2 (1,7%) [7. Л. 53].

Жёсткая партийная дисциплина заставила председателя и членов линейного суда с полной серьёзностью отнестись к замечаниям, сделанным по итогам предыдущей ревизии. Сохранение прежнего уровня работы, а тем более его ухудшение могли стоить судебным работникам партийных взысканий, вплоть до исключения из партии и, как следствие, краха дальнейшей карьеры.

Всего с 1 августа 1950 г. по 1 августа 1951 г. в линейный суд поступило 573 дела против 516 за аналогичный предыдущий период. Из этого числа на исследование было возвращено 9 дел, из них 4 из судебных заседаний и 5 из подготовительных заседаний. Было прекращено 2 дела, направлено по подсудности 4 следственных дела и 37, возбужденных по Указу от 26 июня 1940 г. По существу было рассмотрено 373 дела в отношении 439 чел. Оправдано было 24 чел., в том числе по следственным делам – 16 и 8 – по Указу от 26 июня 1940 г. [7. Л. 55]. Значительную долю оправданий по-прежнему давал Указ от 26 июня 1940 г.

С 1 августа 1950 г. по 1 августа 1951 г. в линейный суд поступило 373 дела, возбужденных по указу от 26 июня 1940 г., что составляло 60,3% всех поступивших дел. По существу с вынесением приговора было рассмотрено 184 дела, одно дело направили на исследование, а 37 передали по подсудности. Из числа осужденных по этому Указу приговоры обжаловали 27 чел. Водно-транспортная коллегия оставила в силе приговоры в отношении 25 человек, на двоих приговоры были отменены со стадии судебного разбирательства.

Столь малое количество рассмотренных по данному Указу дел объяснялось введением в действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля 1951 г. «О замене судебной ответственности рабочих и служащих за прогул, кроме случаев неоднократного и длительного прогула, мерами дисциплинарного и общественного воздействия». С этого момента те, кто совершил прогул в первый раз и находился в отлучке недолго, могли получить меры дисциплинарного взыскания либо увольнение с работы. На основании этого Указа линейный суд прекратил 330 дел [7. Л. 63].

Принятие Указа от 14 июля 1951 г. серьёзно повлияло судебную практику. С этого времени лишь малая часть нарушителей трудовой дисциплины подлежала уголовной ответственности. Подавляющее же большинство таковых теперь не подвергались судебному преследованию, что сняло с судебных инстанций значительную часть нагрузки.

Второе место по количеству поступивших дел занимали дела о хищениях, возбужденные по Указам от 4 июня 1947 г. На территории подведомственной ЛС

Восточно-Сибирского бассейна с 1 августа 1950 г. по 1 августа 1951 г. было зарегистрировано 276 случаев хищений, присвоений и растрат, в результате которых государству был причинён ущерб на 249 тыс. руб. Тогда как за предыдущие 12 месяцев было зафиксировано 467 таких случаев с ущербом на 461 тыс. руб. Дел о хищениях поступило 37 против 120 за предыдущий период. По существу ЛС рассмотрел 82 дела, осуждено было 107 человек, оправдано – 11. Всего 12 чел. были привлечены к ответственности за хищение личной собственности граждан [7. Л. 60].

Резко снижение количества хищений на водном транспорте говорило об усилении охраны грузов на судах и товаров на складах. В этом имела заслуга и линейного суда, который, после замечаний ревизоров, частными определениями заставлял различные организации уделять большее внимание проблеме сохранности имущества.

С 1 августа 1950 г. по 1 августа 1951 г. в линейный суд поступило 13 дел (против 12 за предыдущий период) об авариях и других нарушениях трудовой дисциплины, 6 дел о простоях флота (против 1) и 14 дел по другим нарушениям трудовой дисциплины (против 5), что составляло 2% от всех дел, поступивших в ЛС. По существу было рассмотрено 32 дела в отношении 41 чел., из которых 4 были оправданы. По данным судоходной инспекции, обстановка с авариями флота была достаточно тяжёлой, в навигацию 1949 г. в Восточно-Сибирском бассейне произошло 86 аварий, которые нанесли ущерб государству на 6 433 191 руб., а в навигацию 1950 г. случилось 84 аварии, результатом которых стал ущерб на 2 499 492 руб. Причиной высокой аварийности на флоте была низкая трудовая дисциплина среди работников водного транспорта. С 1 августа 1950 г. по 1 августа 1951 г. за нарушение правил технической эксплуатации и правил плавания было осуждено 15 чел., из них 7 к лишению свободы и 8 – к исправительно-трудовым работам. Из 7 осуждённых за непроизводительный простой судов 3 – были лишены свободы, 4 человека должны были отбывать ИТР. По данным делам были обжалованы приговоры в отношении 12 чел. Водно-транспортная коллегия оставила в силе приговоры в отношении 12 чел., а двум снизила меры наказания [7. Л. 62–63].

Трудовую дисциплину нарушали очень немногие работники речного флота. Однако действия и бездействие небольшого количества нарушителей приводили к серьёзным материальным потерям. Их осуждение являлось средством воздействия на потенциальных виновников простоев и аварий.

Наименьшее количество дел, рассмотренных ЛС с 1 августа 1950 г. по 1 августа 1951 г., было возбуждено по факту «контрреволюционных» преступлений. Таковых поступило 11 на 11 чел., или 1,9% от всех дел, против 10 на 10 чел. за предыдущие 12 месяцев. По существу ЛС рассмотрел 9 дел, 8 чел. осудили к лишению свободы на 10 лет, 1 – на 8. Все осуждённые были поражены в правах [7. Л. 60].

На оперативном совещании, состоявшемся 17 сентября 1951 г., А.И. Дмитриев подвёл итоги ревизии.

Несмотря на заметное улучшение работы суда, заместитель председателя был вынужден констатировать наличие недостатков в работе ЛС. По ряду дел суд неправильно квалифицировал преступления, поэтому водно-транспортная коллегия изменяла приговоры. По мнению А.И. Дмитриева, это объяснялось тем, что председательствовавшие по этим делам невнимательно и поверхностно относились к рассмотрению дела по существу. В этом были обвинены М.С. Босько и Б.И. Гидалевич.

Претензии к судье Иркутской сессии выражались в следующем. Несмотря на то, что в силе было оставлено 100% вынесенных ей приговоров, она, вследствие невнимательности, путала фамилии подсудимых, забывала подписывать протоколы заседаний, проводила мало докладов и бесед с населением. А.И. Дмитриев прозрачно намекнул: «Считаю, что если она останется у нас работать, то на её недостатки нужно обратить серьёзное внимание, что бы они немедленно были изжиты» [10. Л. 26–26 об.].

Самокритика всячески приветствовалась в органах власти СССР, таковая была фактически ритуалом при проведении подобных совещаний и свидетельствовала о личной скромности работников различных уровней. Однако нельзя было не назначить главных виновных. М.С. Босько всё ещё оставалась слабым местом ЛС. Вопреки своим намерениям, она не поступила в партийную школу и оставалась в составе суда, чем всерьёз докучала начальству.

Благоприятное заключение ревизора о работе линейного суда позволило ему работать в относительно нормальных условиях. Над членами ЛС больше не висел дамоклов меч различных санкций по партийной и служебной линиям.

В 1952 г. в линейный суд поступило 26 дел на 29 чел. против 8, возбуждённых на 8 чел. в 1951 г. по ст. 74 УК РСФСР (Хулиганство, то есть озорные, сопряжённые с явным неуважением к обществу, действия). Из них 22 дела были по ч. 2 ст. 74 (если означенные действия (хулиганство) заключались в буйстве или бесчинстве, или совершены повторно, или упорно не прекращались, несмотря на предупреждение органов, охраняющих общественный порядок, или отличались исключительным цинизмом и дерзостью), 4 – по ч. 1 той же статьи. К 5 годам лишения свободы ЛС осудил 5 «озорников», или 21% всех осуждённых, на 4 года – 3 (13,1%), на 3 – 9 (39,1), 2,5 – 2 (8,7%), на 2 – 3 (13,1%), на 1,5 – 1 (4,3%). 6 человек получили наказания, не связанные с лишением свободы [11. Л. 145–146]. Хулиганство на транспорте могло привести к авариям, поэтому к этому виду преступности ЛС относился с особой ответственностью.

Из 29 осуждённых 24, или 82,9%, совершили преступление в нетрезвом состоянии. Пьяные хулиганы мешали нормальной работе водного транспорта. Так, 18 августа 1951 г. бывший матрос парохода «Вейнбаум» по фамилии Дуреев в состоянии алкогольного опьянения явился на дебаркадер на пристани Красноярска. Ждавшие пароход женщины испытали на себе приставания пьяного матроса, который сопровождал

их нецензурной бранью. Не найдя понимания у пассажира, Дуреев ворвался в капитанскую рубку пришедшего парохода и попытался избить женщину-рулевого Карцеву, стоявшую у руля во время хода судна. При этом присутствовал сотрудник МГБ, который, предложив буяну прекратить бесчинства и покинуть рубку. Нагрубив работнику госбезопасности, бывший речник отправился в буфет, где перевернул стол и, схватив палку, погнался за работником МГБ. Члены команды были вынуждены связать пьяного хулигана. За эти «художества» линейный суд приговорил Дуреева к 5 годам лишения свободы [11. Л. 147]. Столь суровое наказание объяснялось тем, что нападение на рулевого могло спровоцировать аварию теплохода, а также тем, что одной из жертв преступника являлся сотрудник МГБ.

11 осужденных были в возрасте до 20 лет, от 21 до 25 – 14, 26–30 – 4, 31–35 – 1. Большинство актов хулиганства было совершено молодыми людьми, недавно работающими на водном транспорте [11. Л. 147–148].

В начале 1950-х гг. произошёл рост числа хулиганских выходов. Причина этого явления крылась в том, что вступили во взрослый возраст «дети войны», у значительного числа отцы погибли на фронте и, оставшись без мужского воспитания, часть из них потеряли жизненные ориентиры. Многие молодые люди в это время переселялись из деревень в города, чтобы работать на производстве и транспорте, оставшись без общественного контроля, характерного для сельской местности, они выходили за рамки закона и морали. Организации досуга молодёжи уделялось недостаточно внимания, и молодые рабочие проводили свободное время как умели.

В 1952 г. в линейный суд из Енисейского пароходства поступило 247 дел о нарушении правил охраны труда и техники безопасности, из которых в 5 имел место смертельный исход. Ещё 123 таких дела поступило из Восточно-Сибирского пароходства, из них в 4 погибли люди [12. Л. 23]. Число аварий, закончившихся трагически, заставило членов ЛС уделить особое внимание этой категории дел.

Характерным случаем нарушения правил, закончившийся гибелью человека, были действия шкипера баржи № 907 Васильева и капитана парохода «Фрунзе» Кошкина. Кошкин, в нарушение правил плавания по внутренним водам СССР, принял для буксировки баржу № 907 без наличия на ней спасательных средств. В результате 4 ноября 1952 г. в пути следования из Макарьева в Иркутск помощник шкипера баржи Никитин упал за борт, из-за отсутствия спасательных средств спасти его не удалось. Кошкин и Васильев были осуждены по ст. 59-3 «в» [12. Л. 25]. Так беспечность капитана и шкипера стоила жизни одному из речников.

Всего по 9 делам, в которых фигурировала гибель людей, было осуждено 10 чел. Из них 1 к условному наказанию, 8 – к ИТР, 1 – к лишению свободы на срок до 2 лет. Из 10 осужденных были капитан, шкипер, старшина-моторист, штурман, кранмейстер, начальник цеха, главный инженер судоремонтных мастер-

ских, 3 мастера лесопункта. 2 осужденных были в возрасте от 20 до 30 лет, 1 – от 30 до 40, 6 – от 40 до 50, 1 – старше 50 [12. Л. 26–27].

Большое количество несчастных случаев объяснялось несерьёзным отношением некоторых работников водного транспорта к правилам техники безопасности. Руководители недостаточно инструктировали рабочих и ненадлежащим образом контролировали действия рабочих, которые не имели должных производственных навыков. Часто те, кто нарушал правила техники безопасности, не получали наказания по месту работы, что порождало у них чувство безнаказанности и провоцировало новые правонарушения, заканчивавшиеся трагически.

Высокая аварийность имела место не только в Восточно-Сибирском бассейне. 6 февраля 1953 г. Главное управление линейных судов МЮ СССР разослало циркуляр председателям линейных судов водного транспорта. В министерстве отметили, что в 1952 г. на водном транспорте имело место значительное число аварий судов, в том числе с тяжёлыми последствиями, причинивших государству значительный материальный ущерб, а в ряде случаев спровоцировавших человеческие жертвы. Изучение судебной практики показывало, что аварии на флоте происходили вследствие грубого нарушения устава службы на судах, правил плавания и правил технической эксплуатации судов.

По мнению министерства, отдельные линейные суды недооценивали опасность таких преступлений, как аварии флота, и по некоторым делам выносили слишком мягкие наказания. ЛС часто не лучшим образом проводили судебное следствие по делам об авариях флота, глубоко не разбирались в причинах аварий, оставляли без выяснения обстоятельств по делу, имеющие существенное значение для правильного решения вопроса о виновности подсудимого. В министерстве решили, что главной причиной неадекватной оценки судами обстоятельств таких дел был недостаточный учёт выводов экспертизы. Приговоры подчас основывались на заключениях лиц, недостаточно квалифицированных и малокомпетентных в вопросах техники эксплуатации судовождения [13. Л. 21–22].

Сомнения в результатах экспертизы нередко были поводом для отмены приговоров. Так, водно-транспортная коллегия отменила приговор ЛС Восточно-Сибирского бассейна, вынесенный 19 августа 1952 г. Болотову, признанному виновным в посадке на мель парохода «Бурят-Монголия», осужденному по ст. 59-3 «в». Основанием для отмены приговора послужила необходимость квалифицированной судОВОДИТЕЛЬСКОЙ экспертизы [13. Л. 23].

Важность экспертной оценки в делах об авариях диктовалась некомпетентностью судей в специфических вопросах судовождения. Только оценка специалистов высокого класса могла дать точную картину происшествия, его причин и виновников. Самонадеянность же членов линейных судов, недооценивавших роль экспертизы в таких делах, приводила к неправосудным приговорам.

В первом квартале 1953 г. в линейный суд поступило 104 дела, из которых 5 было прекращено, 12 направлено по подсудности, 87 рассмотрено с вынесе-

нием приговора. По Указу от 4 июня 1947 г. за хищения государственного имущества поступило 9 дел, по Указу от 4 июня 1947 г. за хищение личного имущества – 2, по Указу от 14 июля 1951 г. – 57, по ст. 74 УК РСФСР – 4, по ст. 59-3 «в» – 3, по ст. 109 (злоупотребление властью или служебным положением) – 2, по ст. 111 (бездействие власти) – 4, по ст. 110 (превышение власти или судебных полномочий) – 2, ст. 58-10 (анти-советская пропаганда и агитация) – 1, ст. 59-3 (бандитизм) – 1, по другим статьям – 2 [12. Л. 44].

В первом квартале, пока ещё не началась навигация, суд работал в относительно спокойном режиме, на пятерых членов линейного суда в среднем пришлось 17 дел, т.е. рассматривали они по 5–6 дел в месяц. Несмотря на то, что Указ от 14 июля 1951 г. значительно сократил количество лиц, подлежащих уголовной ответственности за нарушение трудовой дисциплины, таковые по-прежнему составляли самую многочисленную категорию подсудимых.

За прогул ЛС были осуждены 26 чел., 6 чел. приговорили к ИТР на срок до 3 месяцев, 20 – свыше 3 месяцев. За самовольный уход с места работы ЛС осудил 27 чел., 2 осужденных должны были выполнять ИТР до 3 месяцев, 7 – свыше 3 месяцев, к лишению свободы были осуждены 18 чел., 4 оправданы [12. Л. 49]. Исправительно-трудовые работы были основным видом наказания для прогульщиков, поэтому речной транспорт и связанные с ним предприятия не лишались работников.

Особенностью линейных судов было то, что данные инстанции рассматривали как дела, которые были как в юрисдикции народных судов (о нарушении тру-

довой дисциплины, о хулиганстве и т.д.), так и те, что находились в сфере деятельности краевых и областных судов и судов автономных республик (о «контр-революционных» преступлениях, хищениях в особо крупных размерах). Поэтому кассационные жалобы по делам первой категории приходилось направлять сразу в Верховный Суд СССР, тогда как приговоры, вынесенные народными судами, могли проходить долгий путь через областной или краевой суд, Верховный суд Союзной Республики и ВС СССР. Подобная практика нарушала права работников транспорта, поскольку для них возможность пересмотра приговора затруднялась.

Наиболее многочисленной категорией дел являлись дела о нарушении трудовой дисциплины. Вторжение уголовного права в сферу деятельности права трудового seriously увеличило нагрузку на суды разных уровней. И судебным инстанциям, в том числе линейным судам, приходилось работать с трудными, наскоро оформленными делами, за неправильное рассмотрение которых им приходилось отвечать перед министерством юстиции.

Успешному отправлению правосудия членами ЛС мешала слабая профессиональная подготовка членов суда, вследствие чего не должным образом проводилось судебное следствие и нередко выносились неправосудные приговоры. Однако работа региональных судебных инстанций строго контролировалась как МЮ, так и Верховным Судом СССР. Под их давлением судьям на местах приходилось повышать свою квалификацию, что в дальнейшем сказывалось на качестве приговоров в лучшую сторону.

Список источников

1. Козинцев А.Я. Транспортная юстиция СССР в первые послевоенные годы // Транспортное право. 2008. № 3. С. 46–47.
2. Козинцев А. Я. Транспортная юстиция СССР в 1948–1957 гг. // Транспортное право. 2008. № 4. С. 41–44.
3. Козинцев А.Я., Шкаревский Д.Г., Янши В.В. Органы специальной юстиции СССР. Сургут: Издательский центр СурГУ, 2016. 255 с.
4. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-1454. Оп. 17. Д. 57.
5. ГАКК. Ф. Р-1454. Оп. 17. Д. 62.
6. ГАКК. Ф. Р-1454. Оп. 17. Д. 69.
7. ГАКК. Ф. Р-1454. Оп. 18. Д. 5.
8. ГАКК. Ф. Р-1454. Оп. 18. Д. 1.
9. ГАКК. Ф. Р-1454. Оп. 18. Д. 2.
10. ГАКК. Ф. Р-1454. Оп. 18. Д. 6.
11. ГАКК. Ф. Р-1454. Оп. 18. Д. 12.
12. ГАКК. Ф. Р-1454. Оп. 18. Д. 15.
13. ГАКК. Ф. Р-1454. Оп. 18. Д. 13.

References

1. Kodintsev, A.Ya. (2008) *Transportnaya yustitsiya SSSR v pervye poslevoennye gody* [Transport justice of the USSR in the first post-war years]. *Transportnoe pravo*. 3. pp. 46–47.
2. Kodintsev, A.Ya. (2008) *Transportnaya yustitsiya SSSR v 1948–1957 gg.* [Transport justice of the USSR in 1948–1957]. *Transportnoe pravo*. 4. pp. 41–44.
3. Kodintsev, A.Ya., Shkarevskiy, D.G. & Yanshi, V.V. (2016) *Organy spetsial'noy yustitsii SSSR* [Bodies of special justice of the USSR]. Surgut: SurSU.
4. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1454. List 17. File 57.
5. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1454. List 17. File 62.
6. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1454. List 17. File 69.
7. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1454. List 18. File 5.
8. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1454. List 18. File 1.
9. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1454. List 18. File 2.
10. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1454. List 18. File 6.
11. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1454. List 18. File 12.
12. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1454. List 18. File 15.
13. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1454. List 18. File 13.

Информация об авторах:

Тугужекова В.Н. – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Южно-Сибирского филиала Института изучения материальной культуры Российской академии наук (Абакан, Россия); профессор кафедры истории России Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (Абакан, Россия). E-mail: vtuguzhekova@yandex.ru

Печерский В.А. – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник сектора истории Хакасского Научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан, Россия). E-mail: volody75.75@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.N. Tuguzhekova, Dr. Sci. (History), leading researcher, South Siberian Branch of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (Abakan, Russian Federation); professor, N.F. Katanov Khakass State University (Abakan, Russian Federation). E-mail: vtuguzhekova@yandex.ru

V.A. Pecherskiy, Cand. Sci. (History), leading researcher, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History (Abakan, Russian Federation). E-mail: volody75.75@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.11.2021;
одобрена после рецензирования 12.01.2022; принята к публикации 20.05.2022.*

*The article was submitted 12.11.2021;
approved after reviewing 12.01.2022; accepted for publication 20.05.2022.*

Научная статья
УДК 93/94
doi: 10.17223/15617793/478/16

Сотрудничество с фашистами или борьба против них? Два течения в рядах казаков-эмигрантов в годы Второй мировой войны

Александр Леонидович Худобородов¹, Анна Владимировна Самохина²,
Надежда Владимировна Коршунова³

^{1, 2, 3} Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

¹ hudoborodoval@cspu.ru

² samokhinaav@cspu.ru

³ korshunovanv@cspu.ru

Аннотация. Исследуются причины появления двух течений накануне и в годы Второй мировой войны в рядах казачьей эмиграции: пораженчества, выступавшего за поражение СССР в войне и сотрудничество с нацистами, и патриотического (оборончества), поддерживавшего СССР в войне против агрессоров. Также проанализированы формы их проявления, перспективы дальнейшего научного исследования этой проблемы. Особое внимание уделяется неоднородности этих течений, различным оттенкам внутри них.

Ключевые слова: казачья эмиграция, русское зарубежье, патриотизм, оборончество, пораженчество, Общеказачье объединение в Германской империи, Казачье национально-освободительное движение, Общество ревнителей казачества

Для цитирования: Худобородов А.Л., Самохина А.В., Коршунова Н.В. Сотрудничество с фашистами или борьба против них? два течения в рядах казаков-эмигрантов в годы Второй мировой войны // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 130–136. doi: 10.17223/15617793/478/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/16

Collaboration with fascists or fighting against them? Two trends in the ranks of Cossack emigrants during the Second World War

Alexander L. Khudoborodov¹, Anna V. Samokhina², Nadezhda V. Korshunova³

^{1, 2, 3} South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation

¹ hudoborodoval@cspu.ru

² samokhinaav@cspu.ru

³ korshunovanv@cspu.ru

Abstract. The aim of this article is to analyze the reasons for the emergence of defeatism and defeatism trends in the Cossack emigration of the second half of the 1930s – mid-1940s, the forms of their manifestation, and the prospects for further research of this problem. Particular attention is paid to the heterogeneity of these trends, to the various shades in them. In the study, archival materials were examined, primarily the State Archive of the Russian Federation (funds of the former Russian Foreign Historical Archive in Prague). Published documents, memoirs, periodicals were involved. When preparing and writing the article, a number of methods of historical research were used such as problem-chronological, synchronous, comparative-historical, system-structural, anthropological. Comparing the influence of defeatism and defeatism among the foreign Cossacks, one must take into account that during the years of the Civil War it was the Cossacks who were the most consistent and irreconcilable fighters against the Soviet state and the power of the communists. Therefore, it is no coincidence that the defeatists constituted the majority in the ranks of Cossack emigrants, and relatively few Cossacks openly sided with the USSR, joining the fight against the Hitler regime. Among the defeatists, supporters of the free Cossack movement (self-styledists), who directly advocated the dismemberment of Russia and the creation of a special state of Cossacks, were distinguished by special activity in the struggle against the USSR, right up to participation in hostilities on the side of Germany. It was the self-styled Cossacks, who created the Cossack National Liberation Movement in emigration, who actively campaigned for sending emigrants to the Eastern Front in the summer of 1941, and later actively collaborated with the Gestapo. Many defeatists stood for the revival of a united national Russia, mistakenly believing that the Nazis would help them in this after the overthrow of the Soviets. Most of the emigrant Cossack associations did not heed to A.I. Denikin's caveats that cooperation with Germany and participation in a foreign invasion of Russia are unacceptable for Russian emigrants. As for the defeatists, the forms of their fighting against fascism and sympathy for their homeland – Russia –

were different: they provided assistance to partisans and members of the Resistance movement, helped Soviet people who escaped from fascist captivity, participated in the Slovak anti-fascist uprising in 1944 (Don Cossacks), fought as part of the People's Liberation Army of Yugoslavia led by I.B. Tito. In conclusion, we note that the assessment of the goals and motives of P.N. Krasnov with the Nazis, the number of individual Cossack military formations in the Wehrmacht has not been clarified, there is no complete holistic picture of the participation of defencist Cossacks in World War II.

Keywords: Cossack emigration, Russian diaspora, patriotism, defencism, defeatism, All-Cossack association in German Empire, Cossack National Liberation Movement, Society of Cossack Zealots

For citation: Khudoborodov, A.L., Samokhina, A.V. & Korshunova, N.V. (2022) Collaboration with fascists or fighting against them? Two trends in the ranks of Cossack emigrants during the Second World War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 130–136. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/16

В 1920–1930-е гг. в рядах российской эмиграции (в том числе казаков) политический раскол произошел по следующим направлениям: правое течение (монархисты), левое течение (сторонники социалистско-революционеров и народных социалистов) и умеренное, либеральное крыло. Во второй половине 1930-х гг. стала очевидной неизбежность вооруженного столкновения СССР и гитлеровской Германии. В такой обстановке среди российской эмиграции сложились два политических течения – оборонцы и пораженцы. Они оттеснили на второй план традиционное политическое деление эмиграции на правых, левых и умеренных (центристов).

Оборонцы стояли на патриотических позициях, они выступали за оборону, защиту СССР в случае нападения Германии или Японии, хотя большинство оборонцев и осуждало большевистский режим и советскую власть. В этом отношении характерны признания Нины Кристесен, проживавшей в Австралии. «Годы войны, – вспоминала она позднее, – помогли... возродить какую-то связь с русскими людьми. То, что мне было известно об их жизни при советском режиме, не имело значения. Я не хотела, чтобы они были поработаны нацистами. Я помню, как до войны отец и его друзья-офицеры склонялись над картами, планируя атаку на Ленинград из Финляндии, обсуждая силы белой армии в Сербии и мечтая о том, что они смогут сделать для поражения Советского Союза. Однако, когда грянула война, никто из русских изгнанников не желал победы Гитлеру... Россия была нашим союзником, и я до сих пор наслаждаюсь, погружаясь в атмосферу тех “про-русских” лет» [1. С. 150].

Пораженцы – представители тех слоев белой эмиграции, которые были непримиримыми врагами советской власти и выступали за поражение СССР в войне с Германией и Японией. Нередко понятие поражения отождествляют с понятием «коллаборационизм» – предательское сотрудничество коллаборационистов с оккупантами (от французского *collaboration* – сотрудничество, совместные действия). Следует, однако, отметить, что употребление термина «коллаборационизм» применительно к эмигрантам некорректно и неправомерно, так как с юридической точки зрения коллаборационист – это гражданин (подданный) государства, которое подверглось агрессии, нападению [2. С. 18]. Поэтому точнее будет сказать, что пораженцы – пособники врага.

В исторической литературе получила определенное освещение история поражения в рядах российской

эмиграции в конце 1930-х – середине 1940-х гг. [3–9], а также поражение среди казаков-эмигрантов [10–15], но значительно слабее исследованы проявления оборончества в зарубежном казачестве, а также специфика и особенности казачьего поражения в годы Второй мировой войны в сравнении с другими слоями русской эмиграции.

Поэтому авторы данной статьи поставили задачу исследовать особенности казачьего поражения и оборончества в 1939–1945 гг., рассмотреть различные оттенки внутри этих течений.

В качестве исторических источников были использованы архивные материалы, опубликованные документы, периодическая печать, мемуары.

Среди казаков-эмигрантов были представлены оба течения – оборончество и поражение. Но учитывая, что в годы Гражданской войны именно казаки были наиболее последовательными и непримиримыми борцами с советским государством и властью коммунистов, то пораженцы составляли большинство среди казаков-эмигрантов. Из новейших работ по истории Гражданской войны можно отметить работу Н.А. Глушенко [16]. Сравнительно немного казаков открыто встало на сторону СССР, вступив в борьбу с гитлеровским режимом.

В рядах казаков-эмигрантов пораженцы были сторонниками разных взглядов в вопросе о дальнейшей судьбе России. Одни выступали за возрождение единой национальной России, другие – за её расчленение и создание Казакии.

Довольно большим среди пораженцев был процент пассивных, которые не горели желанием участвовать в боевых действиях на стороне Германии, до них доходила информация о «новом порядке» и зверствах нацистов на оккупированной советской территории. Об этих пассивных пораженцах с сожалением и даже с раздражением писал атаман Общеказачьего объединения в Германской империи генерал Е.И. Балабин в одном из своих писем в конце января 1944 г.: «В Праге все спокойно. Казаки, кроме кубанцев, проявляющих деятельность, заняты только своими делами и не особенно охотно готовы променять удобства эмигрантской жизни на тяжелую службу в строю. О русских я уже не говорю. Некоторые из них готовы и с батюшкой Сталиным примириться» [17. Л. 43].

Эмигрантские казачьи организации, которые выступали за возрождение национальной России, не сразу заняли профашистскую, прогерманскую позицию. Тем более что государства – Югославия, Чехослова-

кия, Франция, принявшие их на своей территории, с Германией были в напряженных отношениях, а затем сами стали жертвой фашистской агрессии. Однако по мере усиления Германии большинство казаков-эмигрантов решило, что из двух зол – сталинский СССР и гитлеровская Германия – меньшим злом всё-таки является Германия. К тому же необходимо учитывать, что на чужбине казаки, как и вся белая эмиграция, оценивали СССР в духе Российского зарубежного съезда в Париже (апрель 1926 г.): СССР – не Россия и вообще не национальное государство, а русская территория, завоеванная III Интернационалом. Из этого легко следовал вывод, что возможен (а иногда просто необходим) союз с иностранными силами, в частности со странами Антикоминтерновского пакта, для спасения России от власти коммунистов.

А.И. Деникин предостерегал о том, что для русских эмигрантов недопустимо сотрудничество с Германией и участие в иностранном вторжении в Россию. Однако большинство казачьих эмигрантских организаций не прислушалось к этому.

Среди пораженцев особой активностью в борьбе против СССР, вплоть до участия в боевых действиях на стороне Германии, отличались сторонники вольно-казачьего движения (самостийники), прямо выступавшие за расчленение России и создание особого государства Казакии. Эта пораженческая позиция самостийников была особенно ярко выражена ещё до Второй мировой войны в докладе Шамбы Балинова, с которым он выступил 29 марта 1936 г. в Париже на публичном собрании, устроенном «Обществом ревнителей казачества». Характерно и название этого доклада – «Русское «оборончество» и казачье «пораженчество». В нём Шамба Балинов клеймил тех, кто «готов идти на поклон Сталину и вместе с ним казачьей кровью защищать целостность... русской территории» [18. С. 7].

О политической сущности этого движения писал генерал Е.И. Балабин в рукописи «О самостийниках» (март 1940 г.): «Самостийники составляют несколько враждующих между собой групп, но, в общем, их можно разделить на две различные части. К первой принадлежат фантазеры, мечтающие о создании самостоятельного казачьего государства – Казакии, независимого от России и от других европейских государств; им, создателям этого государства, должна принадлежать руководящая роль в будущей его жизни. Это политические честолюбцы, невежды, не знающие ни истории, ни основы политического равновесия Европы. Послевоенный европейский режим внушил им надежду на реализацию их мечтаний: если на обломках бывшей Австрийской монархии возник ряд новых государств, то почему же из развалин Российской державы не выкроить для их удовлетворения казачью самостоятельную республику.

Другая часть самостийников более практична: они просто ищут иностранных нанимателей, которые за проповедь дробления нашей Родины готовы заплатить деньги, пусть небольшие, но все же достаточные, чтобы им вести праздную жизнь и играть роль политических деятелей» [19. Л. 59].

Именно казаки-самостийники, создавшие в эмиграции «Казачье национально-освободительное движение» (КНОД), вели активную агитацию за отправку эмигрантов на Восточный фронт летом 1941 г., в дальнейшем активно сотрудничали с гестапо.

В целом тысячи казаков-эмигрантов воевали на стороне гитлеровцев в составе Охранного корпуса на Балканах и 15-го казачьего Кавалерийского корпуса фон Панвица, но не на советско-германском фронте, куда их не пустило командование вермахта, а в Югославии и в Северной Италии.

Казачьи части, в их составе и эмигранты, составляли одну из самых многочисленных национальных групп из числа иностранцев, участвовавших в подавлении Варшавского восстания «Армии Крайовой» в августе–октябре 1944 г. Среди них были 209-й казачий охранный батальон, IV казачий батальон 57-го охранного полка подполковника Цвиста, 69-й казачий эскадрон под командованием майора Виттмана, 572-й казачий батальон. После подавления восстания в Варшаве численность казачьих частей была следующей: IV батальон 57-го охранного полка – 490 солдат, 69-й эскадрон – 366, 580-й дивизион – 160, 572-й батальон – 260 [20. С. 177].

Что касается оборонцев, то симпатии к своей Родине – России и формы их борьбы с фашизмом были различными. Часть казаков-эмигрантов оказывала помощь участникам движения Сопротивления и партизанам. Бывший эмигрант протоиерей Г.Б. Старк писал, в частности, о казаках во Франции: «В годы войны эмигранты помогали русским пленным, прятали их. Вспоминаю, как в Лиможе я однажды попал на выступление русских казаков, которые зарабатывали себе на жизнь джигитовкой. После выступления мы встретились за чаем в домашней обстановке. Конечно, много говорили о России, пели песни, и вдруг один из казаков, молоденький мальчишка, упал на стол лицом и зарыдал. Оказалось, что он бежал из плена и казаки спрятали его в своей трупке под видом артиста» [21. С. 136].

Казаки-эмигранты иногда активно поддерживали СССР и Красную армию по идейным и политическим причинам. Словенцы, хорваты и сербы до сих пор чтут память оренбургского казака Фёдора Евдокимовича Махина. Ещё в 1930-е гг. он в белградском журнале «Русский архив» в своих статьях проанализировал военно-политическую обстановку в Европе и дал точный прогноз будущих направлений гитлеровской агрессии. В этом отношении его статья «Стратегическое положение Германии» отличается объективностью анализа, которая была опубликована в номерах 37 и 38 этого журнала. В 1939 г. бывший полковник Оренбургского войска Ф.Е. Махин вступил в ряды Компартии Югославии, находившейся в глубоком подполье, а с 1941 г. он в составе Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ). Ф.Е. Махин все годы войны был одним из руководителей отдела пропаганды верховного штаба НОАЮ и начальником его исторического отдела. Он был автором книг и статей о Красной армии, её истории, её роли в Великой Отечественной войне. Умер Ф.Е. Махин в июне 1945 г. в звании генерал-

лейтенанта НОАЮ. Его именем названа одна из улиц Белграда [22].

О казаках – участниках антифашистской борьбы в Чехословакии писал в своих воспоминаниях Д.И. Мейснер: «В Словакии русские эмигранты приняли участие в восстании 1944 года, носившем подлинно героический характер... В городе Банска-Бистрица – центре восстания – местный врач по происхождению донской казак В.П. Каклюгин ушел вместе с партизанами в горы, а когда они были в городе, предоставил свою квартиру в распоряжение борцов Сопротивления. Его задачей было содействие партизанам прежде всего врачебной помощью. В борьбу включилась также вся семья. Дочь Ирина, ныне живущая в Болгарии [воспоминания Д.И. Мейснера написаны в 1960-е гг. – А.Х., А.С., Н.К.] стала радисткой партизанского отряда, а 16-летний сын Владимир – связным словацкого Национального совета <...>

Бывали и более сложные случаи: инженер Поляков, тоже донской казак, не принадлежал к тем, кто радовался приходу русских. Партизаны после занятия Банска-Бистрицы его даже арестовали. Он просидел 2 месяца, пока партизаны были в городе, потом они взяли его в горы как арестованного. В ноябре горный район, где скрывались партизаны, был окружен бандеровцами и гитлеровскими отрядами. Они прорвали оборону партизан и принялись за расстрелы. В эти тяжёлые минуты Поляков сразу определил свое место. Он добился, чтобы ему дали оружие и героически дрался с немцами и бандеровцами. После окончательного освобождения страны он одним из первых стал советским гражданином и уехал на Родину» [23. С. 260].

Среди дискуссионных вопросов о роли казачьей эмиграции во Второй мировой войне самым спорным в исторической науке, публицистике и общественном мнении в современной России является жизнь и деятельность писателя, донского войскового атамана П.Н. Краснова в 1930-е – 1945 гг. В последние десятилетия все чаще наблюдается героизация участия П.Н. Краснова и других казаков-эмигрантов в борьбе против советского народа в составе вермахта.

Так, Георгий Кокунько заявил в 2002 г. в предисловии к воспоминаниям Н.Н. Краснова «Незабываемое, 1945–1956»: «Не против России они воевали – их врагом был ненавистный советский режим, уничтоживший области казачьих войск и казачьи вольности, режим, который уничтожил и обрек на вымирание от голода миллионы россиян. И вынужденным сотрудничеством с Германией в 1941 году для многих в СССР лишь возобновилась Гражданская война» [24. С. 2].

Другие авторы изображают П.Н. Краснова наивным политическим деятелем, который излишне доверился руководителем «Третьего рейха» и был ими жестоко обманут. Тверской исследователь В.А. Юдин в связи с этим утверждает: «Что сказать о сотрудничестве П. Краснова с гитлеровцами и трагической гибели генерала? Это черная страница его скорбной биографии. Борясь в эмиграции за автономию Дона, Краснов совершает роковой шаг: наивно поверив, что фашисты отдадут ему “независимый”, “освобожденный” от коммунистов Дон, он просчитался» (цит. по:

[25. С. 86]). Подобной точки зрения придерживается и автор книги о П.Н. Краснове А.А. Смирнов [26].

Думается, это односторонний, во многом политизированный подход к оценке П.Н. Краснова, который прямо или косвенно направлен на оправдание политической ориентации П.Н. Краснова в 1939–1945 гг.

Прагматизм П.Н. Краснова, его беспринципность в сотрудничестве с гитлеровцами, довольно быстрый и резкий переход от сторонника «единой и неделимой России» к казачьему сепаратизму и покровителю самостийников в 1943 г. вызвали непонимание и неодобрение многих белых эмигрантов, в том числе генерала А.А. фон Лампе. Начальник «Объединения русских воинских союзов в Германии» А.А. фон Лампе писал 9 октября 1943 г. начальнику Юго-Восточного отдела объединения князю Гегелашвили: «Меня очень пугает “выход казачьих войск широким фронтом на авансцену борьбы”. Пока что этот выход в лице генерала Краснова неудачен, так как знаменует собою (и в его лице, как это ни печально) возрождение недоброй памяти казачьего сепаратизма. Не того гнусного, что проповедают самостийники в Праге, но достаточно неприятного и теперь. Так, генерал Краснов сам сказал мне, что “немцы восстановят (?) казачьи республики”, и что “для приехавших с Дона понятия “большевик” и “русский” – синонимы”, точно у казаков большевиков не было! Рядовое казачество давно уверяет немцев, что большевики – это только русские, но как то же самое может делать Краснов?» [25. С. 86].

А.А. Смирнов в своей книге «Атаман Краснов» утверждает, что «вплоть до июня 1943 года писатель, донской генерал и атаман Краснов с нацистами практически не сотрудничал» [26. С. 267]. С этим трудно согласиться. Выявленные нами и опубликованные в журнале «Исторический архив» документы, в частности, переписка П.Н. Краснова с лидерами казачьей эмиграции явно свидетельствуют, что П.Н. Краснов был прекрасно осведомлен о всех аспектах политики германских властей в отношении российской эмиграции и настойчиво пропагандировал её среди казаков-эмигрантов. Об этом, например, прямо говорится в письме П.Н. Краснова атаману Общеказачьего объединения в Германской империи Е.И. Балабину в июле 1941 г. [27].

Более объективно и всесторонне анализируют эволюцию политической ориентации П.Н. Краснова в 1930–1940-е гг. современные отечественные историки С.В. Карпенко, С.И. Дробязко, Ю.С. Цурганов.

В литературе встречаются и явно спорные утверждения о характере участия казаков-эмигрантов в боевых действиях на стороне Германии на Восточном фронте. Например, Н.Е. Соничева в своей работе «На чужом берегу» пишет относительно Русского охранного корпуса на Балканах: «В составе корпуса формировались казачьи сотни, которые отправлялись в Россию на Дон» [28. С. 52]. С этим мнением нельзя согласиться. Архивные материалы однозначно свидетельствуют, что с первых дней нападения фашистской Германии на СССР германским руководством было запрещено массовое использование эмигрантов на Восточном фронте

[29], о чём, например, прямо заявил генерал-фельдмаршал фон Браухич начальнику Объединения русских воинских союзов в Германии фон Лампе в июне 1941 г. [30. Л. 153]. Такое положение сохранялось до 1943 г. включительно. Не случайно в апреле 1943 г. Управление делами российской эмиграции в Германии в специальном распоряжении уведомляло, что в действующую германскую армию на восток русские эмигранты могут быть приняты лишь как переводчики в индивидуальном порядке [31. Л. 5].

В июне 1943 г., когда немецкие войска ушли с Дона, начальник отдела связи с казачьими формированиями при Министерстве восточных дел доктор Гимпель в беседе с войсковыми казачьими атаманами Дона, Кубани, Терека и Астрахани заявил в Белграде: «Вопрос участия казачьей эмиграции в борьбе на Восточном фронте и в будущем воссоздании казачества пока остается неразрешенным» [32. Л. 61]. Лишь в сентябре 1944 г., когда война Германии против антигитлеровской коалиции была явно проиграна, появляется приказ начальника главного управления казачьих

войск генерала П.Н. Краснова о мобилизации всех казаков, в том числе и эмигрантов в Казачий резерв генерала А.Г. Шкуро [33. Л. 226].

Не выяснена до сих пор численность отдельных казачьих воинских формирований в составе вермахта. Так, некоторые исследователи определяют численность 15-го Казачьего кавалерийского корпуса под командованием Гельмута фон Панвица до 40–45 тыс. человек [34, 35], в то же время Николас Бетелл и Л.Е. Решин утверждают, что к концу войны накануне сдачи английским военным властям в этом корпусе было не более 18–19 тысяч человек [36, 37].

В заключение следует отметить, что тема истории зарубежного казачества, его роли во Второй мировой войне далеко не исчерпана. Предстоит огромная работа по поиску новых источников, в том числе и архивных, для исследования масштабов оборончества и пораженчества, различных форм их проявления, особенно важно обобщить весь имеющийся материал о казаках-патриотах, участвовавших в движении Сопротивления.

Список источников

1. Рудницкий Ю.А. Другая жизнь и берег дальний... Русские в австралийской истории. М.: Наука, 1991. 191 с.
2. Сеницын Ф.Л. Коллаборационизм: историко-правовой анализ терминологии // Пособники. Исследования и материалы по истории отечественного коллаборационизма: [Сборник] / ред.-сост. Д.А. Жуков и И.И. Ковтун. М.: Пятый Рим, Бестселлер, 2020. С. 17–41.
3. Александров К.М. Русские солдаты Вермахта: Герои или предатели. М.: Яуза, Эксмо, 2005. 792 с.
4. Дробязко С.И. Иностранные формирования Третьего рейха: Иностранцы на службе нацизма: история европейского коллаборационизма / С.И. Дробязко, О.В. Романько, К.К. Семенов. М.: АСТ: Астрель, 2011. 830 с.
5. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй Мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. 862 с.
6. Смирнов С.В. Отряд Асано. Русские эмигранты в вооруженных формированиях Маньчжоу-Го (1938–1945) / С.В. Смирнов, А.М. Буяков. М.: Алгоритм, 2015. 320 с.
7. Смыслов О.С. Проклятые легионы: изменники Родины на службе Гитлера. М.: Вече, 2007. 505 с.
8. Цурганов Ю.С. Белоэмигранты и Вторая Мировая война: попытка реванша. 1939–1945 гг. М.: Центрполиграф, 2010. 285 с.
9. Пособники. М., 2020. 464 с.
10. Дробязко С.И. Казачьи части в составе Вермахта // Материалы по истории Русского Освободительного Движения (1941–1945 гг.). Вып. 1. М.: Архив РОА, 1997. С. 182–232.
11. Дробязко С.И. Политика коллаборационизма и казачий вопрос в годы Второй Мировой войны // Наши вести. 1996. № 445. С. 13–15.
12. Крикунов П.Н. Идеология и политика коллаборационизма в среде казачества в годы Второй Мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 25 с.
13. Крикунов П.Н. Казаки между Гитлером и Сталиным. Крестовый поход против большевизма. М.: Яуза; Эксмо, 2005. 608 с.
14. Ратушняк О.В. Казачество в эмиграции (1920–1945 гг.). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013. 246 с.
15. Худобородов А.Л. Российское казачество на чужбине. 1920–1940-е годы / А.Л. Худобородов, М.А. Яшина. Челябинск: Край Ра, 2017. 360 с.
16. Глуценко Н.А. Гражданская война и интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке в оценках американской периодической печати: (конец 1917 – апрель 1920 гг.): по материалам газеты «The New York Times»: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2014. 263 с.
17. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5761. Оп. 1. Д. 1. Л. 43.
18. Балинов Ш.Н. Русское «оборончество» и казачье «пораженчество». Париж: Ковыльные волны, 1936. 15 с.
19. ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 1. Л. 59.
20. Куберский Х. Восточные добровольцы восточных частей вермахта, войск СС и полиции во время подавления Варшавского восстания (август–октябрь 1944 г.) // Пособники. М., 2020. С. 176–179.
21. Переписка на исторические темы. Диалог ведёт читатель: сборник / сост. и авт. предисл. В.А. Иванов. М.: Политиздат, 1989. 493 с.
22. Косик В.И. Русская Югославия: фрагменты истории 1919–1944 // Славяноведение. 1992. № 4. С. 20–32.
23. Мейснер Д.И. Миражи и действительность: записки эмигранта. М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1966. 298 с.
24. Краснов Н.Н. Незабываемое, 1945–1956. Сан-Франциско: Рус. жизнь, Сор. 1957. 351 с.
25. Россия в войнах XX века: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.Н. Ратушняк. Краснодар: Кубанькино, 2004. 270 с.
26. Смирнов А.А. Атаман Краснов. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. 365 с.
27. «Мы шепки, забытые в заводь, подле бурно несущегося потока...» Русская эмиграция в Третьем рейхе. 1941–1943 гг. (Публикация документов с комментариями и примечаниями. Публикацию подготовил А.Л. Худобородов) // Исторический архив. 1998. № 3. С. 153–163.
28. Соничева Н.Е. На чужом берегу: (К истории русской эмиграции в послеоктябрьский период). М.: Знание, 1991. 61 с.
29. ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 30. Л. 2–3 об.; Д. 4. Л. 8; Д. 9. Л. 149–149 об.
30. ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 4. Л. 153–153 об.
31. ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.
32. ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 11. Л. 61.
33. ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 11. Л. 226.
34. Хоффманн Й. История Власовской армии. Париж: YMKA-PRESS, 1990. 379 с.
35. Толстой-Милославский Н.Д. Жертвы Ялты. М.: Русский путь, 1996. 544 с.
36. Бетелл Н. Последняя тайна. М.: Новости, 1992. 253 с.

37. Решин Л.Е. Воинствующая некомпетентность // Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 51–53.

References

- Rudnitskiy, Yu.A. (1991) *Drugaya zhizn' i bereg dal'niy... Russkiye v avstraliyskoy istorii* [Another life and a distant shore... Russians in Australian history]. Moscow: Nauka.
- Sinitsyn, F.L. (2020) *Kollaboratsionizm: istoriko-pravovoy analiz terminologii* [Collaboration: Historical and Legal Analysis of Terminology]. In: Zhukov, D.A. & Kovtun, I.I. (eds) *Posobniki. Issledovaniya i materialy po istorii otechestvennogo kollaboratsionizma: Sbornik* [Accomplices. Research and materials on the history of Russian collaborationism: Collection]. Moscow: Pyatyy Rim, Bestseller.
- Alexandrov, K.M. (2005) *Russkiye soldaty Vermahta: Geroi ili predateli* [Russian soldiers of the Wehrmacht: Heroes or traitors]. Moscow: Yauza, Eksmo.
- Drobyazko, S.I. Romanko, O.V. & Semenov, K.K. (2011) *Inostrannyye formirovaniya Tret'yego reykh: Inostrantsy na sluzhbe natsizma: istoriya yevropeyskogo kollaboratsionizma* [Foreign Formations of the Third Reich: Foreigners in the Service of Nazism: A History of European Collaboration]. Moscow: AST: Astrel.
- Semiryaga, M.I. (2000) *Kollaboratsionizm. Priroda, tipologiya i proyavleniya v gody Vtoroy Mirovoy voyny* [Collaboration. Nature, typology and manifestations during the Second World War]. Moscow: ROSSPEN.
- Smirnov, S.V. & Buyakov, A.M. (2015) *Otryad Asano. Russkiye emigranty v vooruzhennykh formirovaniyakh Man'chzhou-Go (1938–1945)* [Asano's squad. Russian emigrants in the armed formations of Manchukuo (1938–1945)]. Moscow: Algoritm.
- Smyslov, O.S. (2007) *Proklyatyye legiony: izmenniki Rodiny na sluzhbe Gitlera* [Damned legions: traitors to the Motherland in the service of Hitler]. Moscow: Veche.
- Tsurganov, Yu.S. (2010) *Beloemigranty i Vtoraya Mirovaya voyna: popytka revansha. 1939–1945 gg.* [White emigrants and the Second World War: an attempt at revenge. 1939–1945]. Moscow: Tsentrpoligraf.
- Zhukov, D.A. & Kovtun, I.I. (eds) (2020) *Posobniki. Issledovaniya i materialy po istorii otechestvennogo kollaboratsionizma: Sbornik* [Accomplices. Research and materials on the history of Russian collaborationism: Collection]. Moscow: Pyatyy Rim, Bestseller.
- Drobyazko, S.I. (1997) *Kazach'i chasti v sostave Vermahta* [Cossack units in the Wehrmacht]. Materials on the history of the Russian Liberation Movement (1941–1945). Vol. 1. Moscow: Arkhiv ROA. pp. 182–232.
- Drobyazko, S.I. (1996) *Politika kollaboratsionizma i kazachiy vopros v gody Vtoroy Mirovoy voyny* [Collaboration policy and the Cossack question during World War II]. *Nashi vesti – Our News*. 445. pp. 13–15.
- Krikunov, P.N. (2004) *Ideologiya i politika kollaboratsionizma v srede kazachestva v gody Vtoroy Mirovoy voyny* [The ideology and policy of collaboration among the Cossacks during the Second World War]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
- Krikunov, P.N. (2005) *Kazaki mezdu Gitlerom i Staliny. Krestovyy pokhod protiv bol'shevizma* [Cossacks between Hitler and Stalin. Crusade against Bolshevism]. Moscow: Yauza: Eksmo.
- Ratushnyak, O.V. (2013) *Kazachestvo v emigratsii (1920–1945 gg.)* [Cossacks in emigration (1920–1945)]. Krasnodar: Kuban State University.
- Khudoborodov, A.L. & Yashina, M.A. (2017) *Rossiyskoye kazachestvo na chuzhbine. 1920–1940-ye gody* [Russian Cossacks in a foreign land. 1920–1940s]. Chelyabinsk: Kray Ra.
- Glushchenko, N.A. (2014) *Grazhdanskaya voyna i intervensiya v Sibiri i na Dal'nem Vostoke v otsenkakh amerikanskoy periodicheskoy pechati: (konets 1917 – april' 1920 gg.): po materialam gazety "The New York Times"* [Civil war and intervention in Siberia and the Far East in the estimates of the American periodicals: (late 1917 – April 1920): based on the materials of the newspaper "The New York Times"]. History Cand. Diss. Tomsk.
- State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund. 5761. List. 1. File. 1. Page. 43.
- Balinov, Sh.N. (1936) *Russkoye "oboronchestvo" i kazach'ye "porazhenchestvo"* [Russian "defencism" and Cossack "defeatism"]. Paris: Kovyl'nyye volny.
- State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund. 5761. List. 1. File. 1. Page. 59.
- Kubersky, H. (2020) *Vostochnyye dobrovol'tsy vostochnykh chastey vermahta, voysk SS i politzii vo vremya podavleniya Varshavskogo vostaniya (avgust–oktyabr' 1944 g.)* [Eastern volunteers of the eastern parts of the Wehrmacht, SS troops and police during the suppression of the Warsaw Uprising (August–October 1944)]. In: Zhukov, D.A. & Kovtun, I.I. (eds) *Posobniki. Issledovaniya i materialy po istorii otechestvennogo kollaboratsionizma: Sbornik* [Accomplices. Research and materials on the history of Russian collaborationism: Collection]. Moscow: Pyatyy Rim, Bestseller.
- Ivanov, V.A. (ed.) (1989) *Perepiska na istoricheskiye temy. Dialog vedot chitatel': Sbornik* [Correspondence on historical topics. The reader leads the dialogue: Collection]. Moscow: Politizdat.
- Kosik, V.I. (1992) *Russkaya Yugoslaviya: fragmenty istorii 1919–1944* [Russian Yugoslavia: Fragments of History 1919–1944]. *Slavyanovedeniye – Slavic studies*. 4. pp. 20–32.
- Meisner, D.I. (1966) *Mirazhi i deystvitel'nost': zapiski emigranta* [Mirages and Reality: The Notes of an Emigrant]. Moscow: Publishing house of the Novosti Press Agency.
- Krasnov, N.N. (1957) *Nezabyvayemoye, 1945–1956* [Unforgettable, 1945–1956]. San Francisco: Russian Life, Cop.
- Ratushnyak, V.N. (ed.) (2004) *Rossiya v voynakh XX veka* [Russia in the wars of the 20th century]. Proceedings of the All-Russian Conference]. Krasnodar: Kubankino.
- Smirnov, A.A. (2003) *Ataman Krasnov* [Ataman Krasnov]. Moscow: AST; Saint Petersburg: Terra Fantastica.
- Khudoborodov, A.L. (1998) "My shchepki, zabityye v zavod", podle burno nesushchegosya potoka..." Russkaya emigratsiya v Tret'yem reykh. 1941–1943 gg. (Publikatsiya dokumentov s kommentariyami i primechaniyami) ["We are chips, hammered into a backwater, beside a stormy rushing stream ..."] Russian emigration in the Third Reich. 1941–1943 (Publication of documents with comments and notes). *Istoricheskiy arkhiv – Historical archive*. 3. pp. 153–163.
- Sonicheva, N.E. (1991) *Na chuzhom beregu: (K istorii russkoy emigratsii v posleoktyabr'skiy period)* [On a foreign shore: (To the history of Russian emigration in the post-October period)]. Moscow: Znaniye.
- State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund. 5761. List. 1. File. 30. Page. 2–3 rev.; File. 4. Page. 8; File. 9. Page. 149–149 rev.
- State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund. 5761. List. 1. File. 4. Page. 153–153 rev.
- State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund. 5761. List. 1. File. 10. Page. 5.
- State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund. 5761. List. 1. File. 11. Page. 61.
- State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund. 5761. List. 1. File. 11. Page. 226.
- Hoffmann, J. (1990) *Istoriya Vlasovskoy armii* [The history of the Vlasov army]. Paris: YMKA-PRESS.
- Tolstoy-Miloslavsky, N.D. (1996) *Zhertvy Yalty* [Victims of Yalta]. Moscow: Russkiy put'.
- Bethell, N. (1992). *Poslednyaya tayna* [The last secret]. Moscow: Novosti.
- Reshin, L.E. (1992) *Voinsvuyushchaya nekompetentnost'* [Militant incompetence]. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal – Military-historical magazine*. 2. pp. 51–53.

Информация об авторах:

Худобородов А.Л. – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск, Россия). E-mail: hudoborodoval@cspu.ru

Самохина А.В. – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск, Россия). E-mail: samokhinaav@cspu.ru

Коршунова Н.В. – д-р ист. наук, декан исторического факультета, профессор кафедры отечественной истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск, Россия). E-mail: korshunovanv@cspu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.L. Khudoborodov, Dr. Sci. (History), professor, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: hudoborodoval@cspu.ru

A.V. Samokhina, Cand. Sci. (History), associate professor, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: samokhinaav@cspu.ru

N.V. Korshunova, Dr. Sci. (History), dean of the Faculty of History, professor, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: korshunovanv@cspu.ru

The authors declare no conflicts of interest.

*Статья поступила в редакцию 19.09.2021;
одобрена после рецензирования 07.11.2021; принята к публикации 20.05.2022.*

*The article was submitted 19.09.2021;
approved after reviewing 07.11.2021; accepted for publication 20.05.2022.*

Научная статья
УДК 94(47)
doi: 10.17223/15617793/478/17

Теория революции Ленина

Эдуард Эдуардович Шульц¹

¹ Московский государственный областной университет, Москва, Россия, nuap1@yandex.ru

Аннотация. Проводится анализ концепции В.И. Ленина в теории революции. Рассматривается научная база, на основании которой Ленин создал эту концепцию, и те новые принципиальные идеи и положения, которыми он обогатил теорию революции. Анализируются ключевые положения теории революции, сложившиеся к началу XX в., и их эволюция в концепции Ленина: определение явления, его причины и последствия, классификация и стадийность революций, проблем социальной базы революций, террора в революциях, различных социальных, психологических и культурных факторов в революции.

Ключевые слова: теория революции, социология революции, закономерности революций, причины революции, последствия революции, классификация революций, теория революции Маркса, марксизм и революция, марксизм Ленина

Для цитирования: Шульц Э.Э. Теория революции Ленина // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 137–144. doi: 10.17223/15617793/478/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/17

Lenin's theory of revolution

Eduard E. Shults¹

¹ Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation, nuap1@yandex.ru

Abstract. The article analyzes Lenin's concept in the theory of revolution. The scientific background on the basis of which Lenin created this concept, and those new basic ideas and provisions with which he enriched the theory of revolution are considered. The author considers the key provisions of the theory of revolution, developed by the beginning of the 20th century, and their evolution in Lenin's concept: definition of the phenomenon, its reasons and consequences, classification and stages of revolutions, problems of social basis of revolutions, terror in revolutions, various social, psychological and cultural factors in revolution, i.e., all that forms a complete authorial concept of the theory of revolution. In the author's opinion, Lenin was not only a recognized practitioner of revolution and the developer of the principles of the armed antigovernment struggle, but also a large theorist in the scientific development of revolutionary theory as a scientific area, and he contributed significantly to the development of the theory of revolution whose provisions had a huge impact on all subsequent research. In particular, Lenin: (1) completed Marx' definition and classification of revolutions, (2) made additions to the problem of stages and change of stages in revolutions, (3) offered a slightly different concept of the social basis of revolutions, (4) put forward the principle of "revolutionary situation" (without it no revolution, without looking at any objective reasons, will take place), (5) put forward the principle of a huge role of political factors in revolutions, (6) considered the problem of the reasons of revolutions not only in the obligatory and objective change of formations in connection with the conflict of a way of production and productive forces, but also in the light of various social factors, (7) supported and developed Marx's idea about modernization in revolution, but put forward his own principle of revolution as an instrument of accelerated modernization.

Keywords: theory of revolution, sociology of revolution, patterns of revolutions, reasons of revolution, consequences of revolution, classification of revolutions, Marx's theory of revolution, Marxism and revolution, Lenin's Marxism

For citation: Shults, E.E. (2022) Lenin's theory of revolution. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 137–144. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/17

В.И. Ульянова-Ленина рассматривают как практика революций, но очень редко как теоретика – в качестве последнего вспоминают о разработке принципов революционной ситуации, но, как правило, редко больше. С точки зрения теории ему, безусловно, от-

дают дань в тактике восстаний и повстанческой вооруженной борьбы [1. С. 24–25], но не революций. Кроме того, традиционно считается, что Ленин в понимании революций искажил Маркса (в угоду практической реализации революции в России). Но справед-

ливы ли эти утверждения спустя столетие Русской революции и в 150-летнюю годовщину со дня рождения В.И. Ульянова-Ленина? Современный анализ показывает, что Ленин разработал собственную законченную теорию революции, на базе современных ему научных достижений и доработал позиции Маркса, которые были наиболее уязвимыми.

Революции считали радикальным изменением в устройстве государства за короткие промежутки времени, как правило, насильственным путем; которые вовлекали в свою орбиту большое количество людей, уничтожили старые формы и учреждения и устанавливали новые [2].

Маркс рассматривал революции как коренные перевороты, радикальные изменения в устройстве государства, ведущие к смене общественных формаций, к смене производственных отношений [3. С. 6–7; 4. С. 424, 435].

Для Ленина «революции рождаются из противоречий между старым, между направленным на разработку старого и абстрактнейшим стремлением к новому» [5. С. 401]. Для Ленина-марксиста «переход государственной власти из рук одного в руки другого класса есть первый, главный, основной признак революции как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия» [6. С. 133].

При этом хотелось бы обратить внимание на другое ленинское определение революции, которое часто списывается на публицистику и политическую деятельность В.И. Ульянова, но нам представляется, что история значительно глубже и имеет вполне научный характер. «Недаром говорят, – писал Ленин, – что революция есть удавшийся бунт, а бунт есть неудавшаяся революция» [7. С. 207].

То есть обязательным критерием является победа восставших для того, чтобы провести изменения в государстве – ключевая характеристика революций, что отличает их от других политических явлений – реформ, восстаний, мятежей и т.д. И здесь Ленин более логичен и последователен, чем Маркс, так как последний называл революциями и неудавшиеся революции в Европе 1848–1849 гг. и Парижскую коммуну, которые, по сути, должны считаться только попытками, т.е. восстаниями.

Причинами революций назывались личностный фактор, фактор социальной психологии, борьба за свободы и уничтожение абсолютной власти, необходимость уничтожения феодальных устоев и построение нового общества [8. С. 36; 9. С. 69–70]. К. Маркс выдвинул системную концепцию о неизбежности и детерминированности революций историческим процессом. Причиной революции становится, по Марксу, конфликт между производственными отношениями и производительными силами. Производительные силы становятся более прогрессивными и через революцию ведут к смене производственных отношений [3. С. 6–7; 10. С. 612]. Таким образом, последствия революции – это новые, более прогрессивные, производственные отношения – новая общественная формация.

Видный марксист конца XIX – начала XX в. Карл Каутский пришел к выводу (1909 г.), что состояния

конфликта производственных отношений с производительными силами недостаточно для того, чтобы произошла революция, требуются дополнительные условия, чтобы потенциальная революция перешла в реальную и имела успех: 1) режим должен быть решительно враждебен народным массам; 2) должна существовать крупная партия, находящаяся в непримиримой оппозиции к этому режиму и поддерживаемая организованными массами; 3) эта партия должна представлять интересы огромного большинства населения и пользоваться его доверием; 4) доверие к господствующему режиму, вера в его силу и устойчивость должны быть поколеблены у самих орудий его – бюрократии и армии [11. С. 77].

Это состояние, когда общество готово к революции, В.И. Ленин определил как «революционная ситуация», но, в отличие от Каутского, дал ей совершенно иную характеристику. По Ленину существуют три признака революционной ситуации: 1) верхи не могут управлять по-старому, 2) низы не хотят жить по-старому и 3) складывается особое состояние, когда революционный класс способен на революционные действия [12. С. 300; 13. С. 219–220].

Третий пункт – революционная активность масс возникает в связи с обострением «выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов» [13. С. 219]. Но само по себе угнетение «как бы велико оно ни было, – это недостаточный фактор для революционного положения в стране. Как само по себе недостаточно и условие нежелания низов жить как прежде – требуется, чтобы и верхи уже не могли по-прежнему управлять [12. С. 300].

Революция, – утверждает Ленин, – невозможна без революционной ситуации, однако не каждая революционная ситуация обязательно ведет к революции [13. С. 219]. Первые два пункта – неспособность верхов и нежелание низов – Ленин считает объективными факторами (это оригинальная переработка идеи Маркса о конфликте способа производства и производительных сил). Третий – субъективным, но именно этот фактор решает вопрос об успешности революции, так как массовые революционные действия должны быть достаточно сильные, чтобы «сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не “упадет”, если его не “уронят”» [13. С. 219–220].

Личностному фактору и способностям правителей Ленин вообще уделял большое значение в вопросе возможности революции состояться и победить. Так, обсуждая вопрос возможности революции в Европе вслед за российской, Ленин писал: «Пролетариат в Европе несколько не больше зачумлен, чем в России, а трудней там начало революции потому, что там нет во главе власти ни идиотов, вроде Романова, ни хвастунов, вроде Керенского, а есть серьезные руководители капитализма, чего в России не было» [14. С. 269].

Принцип революционной ситуации Ленина оказал огромное влияние в теории революции. Многие марксисты стали отказывать исключительному праву экономического детерминизма на появление революции

[9. С. 70–72]. Принцип *верхи не могут управлять по-старому* трансформировался в положение Вильфредо Парето о неспособности действующих элит и появлении контрэлит, известное сегодня как *теория элиты* [15. С. 347–349]. (Итальянский социолог считал причинами революций слабость правящего класса, который «преимущественно довольствуется настоящим и мало беспокоится о будущем» [15. С. 347].)

Здесь следует отметить и еще один важный аспект. Ленин, как и Маркс, видел в революциях переход на принципиально иную стадию развития общества, более совершенную, современную и прогрессивную. В дальнейшем этот процесс получил название *модернизация в революциях*. Ленин ставил перед Русской революцией задачу модернизации государства для преодоления отсталости страны, достижения уровня самых развитых стран, а затем и экономического лидерства [16. С. 138–140]. Эта *догоняющая модернизация* после Ленина легла в основу идей большинства революций XX в.

Впервые более или менее четкая классификация революций встречается у Маркса. Классифицирующим признаком выступало определение класса, чьи интересы реализуются в ходе революции. Исходя из этого, немецкий социальный философ отмечал три разных типа: 1) буржуазная революция (уничтожила феодальный строй в Англии и Франции); 2) пролетарская (социалистическая или коммунистическая) революция (установит последнюю социально-экономическую формацию на Земле); 3) революционные события в ряде стран Европы в 1848–1849 гг., как некий промежуточный вариант, где пролетариат уже главный движущий класс, но все еще в союзе с буржуазией (поэтому и не решает задачи по установлению диктатуры пролетариата) [17. С. 114–115; 18. С. 339; 19. С. 378].

Проблемы этой систематизации проявились достаточно быстро. Во-первых, в эту схему не вписывались национально-освободительные революции, которые в большом количестве должны были быть известны Марксу и произошли до конца XIX в.: Нидерландская (1566–1609 гг.), Американская (1776–1783 гг.), 1821–1829 гг. в Греции, 1808–1814 гг. в Испании и Португалии, революции 1810–1826 гг. в Мексике, Венесуэле, Перу, Чили, Боливии, Аргентине (война за независимость испанских колоний в Америке). Маркс обходился проблемой их места в своей системе: так, например, Нидерландскую революцию он чаще называет восстанием нидерландцев против Испании, а не революцией [17. С. 116]. Во-вторых, с точки зрения детерминирования революций сменой формаций, не понятно все-таки, куда относить третий тип: эти революции не меняли способ производства. В-третьих, как можно называть революциями события, которые не только не привели к смене формации, но в результате которых, даже власть не перешла к новому революционному правительству, которое, соответственно, и не смогло провести кардинальные реформы. А это касалось восстаний в Германии, в Австро-Венгрии и других странах Европы в 1848–1849 гг., и Парижской коммуны 1871 г., которые Маркс называл революци-

ями (последнюю – даже первой пролетарской революцией [18. С. 339]). Здесь неминуемо еще вставал и вопрос: а чем, собственно, тогда революция отличается от восстания?

В.И. Ленин попытался решить этот логический разрыв. Он ввел определитель «народная» к буржуазной революции, чтобы обосновать третий тип революций: от «буржуазных революций» «народные буржуазные» отличает, с точки зрения Ленина, классовый состав – союз пролетариата с беднейшим крестьянством («Оба класса и составляли тогда “народ”» [20. С. 39]). Исходя из ряда замечаний, Ленин к такому типу революций относил Парижскую коммуну и события в России 1905–1907 гг. [20. С. 39–40]. В дальнейшем в советской и части зарубежной марксистской классификации этот тип (вид) революций получил название «буржуазно-демократических». До 1917 г. в этот разряд зачисляли только «проигравшие революции» (по сути – восстания), затем – Февральскую революцию 1917 г. в России [9. С. 34–37].

Маркс и Энгельс использовали словосочетание «народная революция» в качестве синонима «революции», «истинной революции». В такой же коннотации употребляли и многие оппоненты Маркса, и различные революционеры. Правда, у Маркса встречаются и иные представления. Например, он писал, что Великую Французскую революцию совершила законодательная власть [10. С. 607; 21. С. 284; 22. С. 418].

Ленин считал «народной» только те революции, в которых обязательно принимает участие «масса народа, громадное большинство его активно, самостоятельно, со своими собственными экономическими и политическими требованиями» [20. С. 39]. «“Народная” революция, – писал Ленин, – втягивающая в движение действительно большинство, могла быть таковою, лишь охватывая и пролетариат, и крестьянство» [20. С. 39]. Исходя из этого принципа, к «народной революции» Ленин причислял, например, «русскую буржуазную революцию 1905–1907», но отказывал в таком статусе революциям начала XX в. в Португалии и Турции [20. С. 39].

Такой подход прочно утвердился в обыденном сознании и в исследовательской мысли: понятие «народная революция», которой присущи массовые народные выступления и преобразования в государстве, направленные на благо народа, стало определением настоящей революции.

На начало XX в. существовало два подхода в определении этапов революции, которые во многом отражали схожие идеи в описании явления. Карл Маркс выделял в революциях «восходящий этап» (движение революции влево) и этап реакции (контрреволюция и окончание революции) [23. С. 206; 24. С. 206]. Франсуа Минье выделял этап умеренных преобразователей и этап наиболее крайних [8. С. 307].

Для Маркса и Энгельса революция и контрреволюция – это взаимосвязанные процессы, обуславливающие друг друга [24. С. 206; 25. С. 38]. Ф. Энгельс отмечал сходство (вплоть до полного повторения) в этапах и процессах Английской революции и Великой Французской [26. С. 602].

Ленин постоянно указывал на разницу между Русской революцией и предшествовавшими ей революциями, однако, несмотря на эту разницу, отмечал, что в них много схожего, особенно что касается контрреволюции. Вся эта разница «может изменить лишь форму выступления Кавеньяков, момент, внешние поводы и т.п., – писал Ленин. – Суть дела все это изменить не может, ибо суть заключается в взаимоотношении классов» [27. С. 346]. Ленин часто указывал на аналогии российским событиям в предшествовавших европейских революциях, особенно французских 1789, 1848 и 1871 гг. [28. С. 102; 29. С. 175]. Сходство в революциях определяется именно их стадиями и сменой этапов.

Вызывает огромный интерес, с точки зрения определения взглядов Ленина на стадильность революций, их этапы и датировку, отношение Ленина к датировке Русской революции. Ленин выделял в ней как этапы 1) период 1905–1907 гг.; 2) контрреволюционную эпоху 1907–1914 гг., 3) восьмидневную февральско-мартовскую революцию 1917 г.; 4) политический переворот 25 октября 1917 г. и 5) Гражданскую войну [28. С. 102–103; 30. С. 12].

Таким образом, можно заключить, что Ленин рассматривал Русскую революцию в датировке 1905–1922 гг. (окончание Гражданской войны). Этап первых революционных выступлений не привел к конституционной монархии, как в Великой Французской революции, однако после «вклинившегося» в сценарий этапа реакции все равно пришло свержение монархии, затем власть умеренных и власть радикалов (октябрьский период).

Революции в Германии, Турции и Иране – современные или близкие по времени с Русской революцией – подтверждают такую периодизацию и возможность такой датировки революции [16. С. 62–71].

Ключевыми в вопросах стадий революций являются *термидор* и *бонапартизм*.

Психологический феномен термидора и бонапартизма описали в XIX в. первые историки Великой Французской революции, которые выводили его из страха нации перед якобинцами и роялистами. В том же ключе рассуждал и К. Маркс [9. С. 62–63; 23. С. 196–197].

Понятие бонапартизма, закрепившееся в марксизме, приписывается Карлу Марксу [31. С. 61], при этом обычно ссылаются на «18 брюмера Луи Бонапарта» [23]. Однако Маркс не дал определения этому понятию ни в данной статье, ни в какой-либо другой. Если собрать все, что писал Маркс о «бонапартизме», то он в первую очередь понимает под ним *режим Луи Бонапарта* [32. С. 341; 33. С. 434; 34. С. 438, 530, 551; 35. С. 333] и лишь однажды использует *бонапартизм* по отношению к Наполеону Бонапарту [36. С. 2]. Для Маркса этот режим – это военный режим, поддерживаемый массой консервативного французского крестьянства [23. С. 207–208; 37. С. 559]. Для Энгельса *бонапартизм* – это форма правления Луи Бонапарта, в основе которой лежит опора на армию (состоящую из «мелких крестьян, желавших отдохнуть от городских смутянов»), на офицерскую и чиновничью касту. Бонапартизм мешает рабочим и капиталистам набро-

ситься друг на друга, «лишает как тех, так и других всяких признаков политической власти» [38. С. 71–72; 39. С. 254].

Ленин существенно развивает идеи Маркса и Энгельса. Он приравнивает бонапартизм во Франции 1799 и 1849 гг. [40. С. 51] и определяет это явление как «лавирование монархии, потерявшей свою старую, патриархальную или феодальную опору», «монархии, которая принуждена эквилибрировать, чтобы не упасть, – заигрывать, чтобы управлять, – подкупать, чтобы нравиться...» [41. С. 273]. Ленин ставил во главу угла тот принцип, что «основной исторический признак бонапартизма: лавирование опирающейся на военщину (на худшие элементы войска) государственной власти между двумя враждебными классами и силами, более или менее уравнивающими друг друга» [40. С. 49].

Примечательно, что именно эти принципы легли в основу современного понимания феномена бонапартизма.

Для Маркса движущие силы буржуазной революции – это буржуазия, пролетарской – пролетариат; в революциях 1848–1849 гг. в Европе движущая сила пролетариат, но все еще в союзе с буржуазией. Ленин выдвигает несколько иной принцип: в «народных буржуазных революциях», как он их называет, – революционные события в Европе 1848–49 гг., события в России 1905–07 гг. – движущей силой был пролетариат с беднейшим крестьянством [20. С. 39–40].

В предстоящей революции в России Ленин видел социальную базу в союзе «пролетариев города и пролетариев деревни» [42. С. 111]. При этом в понятие «пролетарий» вкладывается достаточно широкий круг социальных групп: фабрично-заводские рабочие и члены их семей, строители, кустари, промысловики, батраки и поденщики [43. С. 175; 44. С. 326–327; 45. С. 533].

Если отбросить влияние требований политической борьбы и необходимость занести октябрьский период Русской революции в пролетарские революции, то Ленин достаточно точно указал социальный состав наиболее активных групп в революциях, по крайней мере, значительно ближе к истине, чем Маркс. Крестьянство сыграло огромную роль и в Нидерландской, и в Американской, и даже в Великой Французской революции, а также в революциях XIX и начала XX в.: в Греции (1821–1829 гг.), в Бельгии (1830 г.), Швейцарии (1848 г.), Мексике (1854–1867 гг. и 1910–1920 гг.), ряде испанских и португальских революций и всех Латинско-американских революциях (1810–1826 гг.). Значительная роль интеллигенции и крестьянства в Русской революции (хотя это ярко проявилось уже в Мексиканских революциях) создало шаблон для революций XX в. в Азии, Африке и Латинской Америке.

Причем, отношение к террору в революции сходно у представителей разных направлений. То, что политическая власть – это организованное насилие и «главное средство политики – насилие», сходились и Карл Маркс и Макс Вебер [4. С. 447; 46. С. 697].

Революция, с точки зрения Маркса, невозможна без насилия и революционного террора [18. С. 363; 47. С. 279]. Но существуют и другие высказывания класси-

ков марксизма. Так, Маркс называл якобинский террор плебейством [17. С. 114], а Энгельс – *большой частью бесполезными жестокостями* [48. С. 45]. «Я убежден, – писал Энгельс, – что вина за господство террора в 1793 г. падает почти исключительно на перепуганных, выставивших себя патриотами буржуа, на мелких мещан, напускавших в штаны от страха, и на шайку прохвостов, обдelyивавших свои делишки при терроре» [48. С. 45]. (При том, что Маркс поддерживал взятие заложников, расстрел пленных и т.д. [18. С. 363].)

У Ленина, кроме указанных высказываний Маркса и Энгельса, было и утверждение Маркса, что пролетарской революции будет тяжелее разделаться с республиканскими формами [47. С. 10; 49. С. 279] (т.е. предстоит большее ожесточение борьбы). Кроме того, пример Парижской коммуны наглядно продемонстрировал судьбу революции в случае мягкости ее лидеров, и повторение такой ошибки Ленин считал недопустимым [50. С. 452]. Возможно, Ленин понимал, что отсутствие репрессивных действий «коммунаров» в 1871 г. было вызвано, в том числе, негативным отношением к событиям 1793–1794 гг. большой части населения, в том числе и значительной части революционеров. Вопрос террора в революции для Ленина очевиден: «подавление сопротивления эксплуататоров» [29. С. 172]; «беспощадную в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов, революционную власть» [51. С. 279–280].

В отношении к революционному террору и спорам вокруг него, на наш взгляд, отразилось общее отношение интеллигенции к насилию и соответствующее желание обособить его от такого прогрессивного акта как революция. Следует отметить, что и на сегодняшний день в теории революции положение о терроре, как имманентной части революции, является преобладающим [52. Р. 4; 53. Р. 169].

Итак, можно констатировать, что Ленин создал собственную оригинальную научную теорию революции.

Ленин: а) доработал определение и классификацию революций Маркса, которые не соответствовали логике и существующим реалиям; б) внес дополнения в проблему стадийности революций и смены этапов; в) собрал замечания Маркса и Энгельса в определении понятия бонапартизм; г) предложил несколько иную концепцию социальной базы революций, которая нашла свое подтверждение не только в Русской революции, но и в большинстве революций XX в.; д) выдвинул принцип «революционной ситуации», без которой ни одна революция, несмотря ни на какие объективные причины, не произойдет; е) рассмотрел проблему причин революций не только в обязательной и объективной смене формаций в связи с конфликтом способа производства и производительных сил, но в свете различных социальных факторов (что, как принцип, легло в основу труда Питирима Сорокина и целого направления «социология революции», а также в смещении поиска причин революций у исследователей всего XX в. и начала XXI в. в сторону социальных факторов; ж) поддержал и развил идею Маркса о модернизации в революции, но выдвинул собственный принцип революции как инструмента ускоренной модернизации, который нашел как практических сторонников во всех революциях XX в., так и теоретических – в положениях модернизационной теории в теории революции, которая получила наибольшее развитие в 60–70-х гг. XX в. и ряд положений которой до сих пор являются структурообразующими во многих концепциях и достаточно популярными (в том числе идеи множественной модернизации и различных путей в модернизационных процессах); з) выдвинул принцип огромной роли политического фактора в революциях, что противоречило принципам Маркса о базисе и надстройке, но нашло подтверждение в десятках революций и большое количество адептов такого подхода в научной среде. Концептуальные идеи В.И. Ленина в теории революции оказали огромное влияние на дальнейшее развитие этого направления научной мысли.

Список литературы

1. Шульц Э.Э. Технологии бунта. (Технологии управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте). М. : ПФОП, 2014. 512 с.
2. Шульц Э.Э. Революция: к вопросу об определении термина // Социологические исследования. 2014. № 2. С. 132–142.
3. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. М. : Политиздат, 1959. С. 1–167.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М. : Политиздат, 1955. С. 419–459.
5. Ленин В.И. Лучше меньше, да лучше // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 45. М. : Политиздат, 1970. С. 389–406.
6. Ленин В.И. Письма о тактике // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 31. М. : Политиздат, 1969. С. 131–144.
7. Ленин В.И. Революционные дни // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 9. М. : Политиздат, 1967. С. 205–229.
8. Минье Ф. История Французской революции с 1789 по 1814 гг.: пер. с фр. М. : ГПИБР, 2006. 548 с.
9. Шульц Э.Э. Теория революции: революции и современные цивилизации. М. : ЛЕНАНД, 2016. 400 с.
10. Маркс К. Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 18. М. : Политиздат, 1961. С. 579–624.
11. Каутский К. Путь к власти. (Политические очерки о вращении в революции). М. : Гос. изд-во политической литературы, 1959. 153 с.
12. Ленин В.И. Маевка революционного пролетариата // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 23. М. : Политиздат, 1973. С. 296–305.
13. Ленин В.И. Крах II Интернационала // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 26. М. : Политиздат, 1969. С. 209–265.
14. Ленин В.И. Заключительное слово по докладу об очередных задачах Советской власти (Заседание ВЦИК 29 апреля 1918 г.) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 36. М. : Политиздат, 1969. С. 268–276.
15. Парето В. Компендиум по общей социологии: пер. с итал. 2-е изд. М. : ИД ГУ ВШЭ, 2008. 511 с.
16. Шульц Э.Э. Великая русская революция (1905–1922 гг.): Причины. Последствия. Технологии. События и люди. М. : ЛЕНАНД, 2019. 400 с.
17. Маркс К. Буржуазия и контрреволюция // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 6. М. : Политиздат, 1957. С. 109–134.

18. Маркс К. Гражданская война во Франции. Воззвание генерального Совета Международного Товарищества рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 52-е изд. Т. 17. М. : Политиздат, 1960. С. 317–370.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М. : Политиздат, 1955. С. 7–544.
20. Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 33. М. : Политиздат, 1969. С. 1–120.
21. Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. М. : Политиздат, 1955. С. 219–368.
22. Маркс К., Энгельс Ф. Альянс социалистической демократии и международное товарищество рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 18. М. : Политиздат, 1961. С. 323–452.
23. Маркс К. 18 брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 8. М. : Политиздат, 1957. С. 115–217.
24. Маркс К. Монтескьё LVI // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 6. М. : Политиздат, 1957. С. 192–207.
25. Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 8. М. : Политиздат, 1957. С. 3–113.
26. Энгельс Ф. Положение Англии. Восемнадцатый век // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 1. М. : Политиздат, 1955. С. 598–617.
27. Ленин В.И. Из какого классового источника приходят и «придут» Кавеньяки? // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 32. М. : Политиздат, 1969. С. 343–346.
28. Ленин В.И. Новые времена, старые ошибки в новом виде // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 44. М. : Политиздат, 1970. С. 101–109.
29. Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 36. М. : Политиздат, 1969. С. 165–208.
30. Ленин В.И. Письма из далека. Письмо 1 // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 31. М. : Политиздат, 1969. С. 11–22.
31. Джери Д., Джери Д. Большой толковый социологический словарь: пер. с англ. Т. 1. М. : Вече, 1999. 544 с.
32. Маркс К. Отношение Австрии, Пруссии и Германии к войне // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. М. : Политиздат, 1959. С. 338–342.
33. Маркс К. Эрфуртовщина в 1859 году // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. М. : Политиздат, 1959. С. 432–434.
34. Маркс К. «Господин Фогт» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 14. М. : Политиздат, 1959. С. 395–691.
35. Маркс К. Лондонская газета «Times» о принцах Орлеанских в Америке // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 15. М. : Политиздат, 1959. С. 332–336.
36. Маркс К. Положение во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 15. М. : Политиздат, 1959. С. 1–5.
37. Маркс К. Митинг в защиту Гарibaldi // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 15. М. : Политиздат, 1959. С. 558–560.
38. Энгельс Ф. Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 16. М. : Политиздат, 1960. С. 35–78.
39. Энгельс Ф. К жилищному вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 18. М. : Политиздат, 1961. С. 203–284.
40. Ленин В.И. Начало бонапартизма // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 34. М. : Политиздат, 1969. С. 48–52.
41. Ленин В.И. Об оценке текущего момента // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 17. М. : Политиздат, 1968. С. 271–284.
42. Ленин В.И. Письмо Э. Авенару, 1 (14) марта 1907 // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 47. М. : Политиздат, 1970. С. 110–111.
43. Ленин В.И. Петербургская стачка // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 9. М. : Политиздат, 1967. С. 174–177.
44. Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 1. М. : Политиздат, 1967. С. 125–346.
45. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 3. М. : Политиздат, 1971. С. 1–609.
46. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. М. : Прогресс, 1990. С. 644–706.
47. Маркс К. Контрреволюция в Берлине // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 6. М. : Политиздат, 1957. С. 10–17.
48. Энгельс Ф. Письмо К. Марксу, 4 сентября 1870 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 33. М. : Политиздат, 1964. С. 43–45.
49. Маркс К. Разделение труда в «Kölnische Zeitung» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 6. М. : Политиздат, 1957. С. 277–282.
50. Ленин В.И. Уроки коммуны // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 16. М. : Политиздат, 1973. С. 451–454.
51. Ленин В.И. Шесть тезисов об очередных задачах Советской власти // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 36. М. : Политиздат, 1969. С. 277–280.
52. Mayer A.J. The Furies. Violence and Terror in the French and Russian Revolutions. Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 2000. 716 p.
53. Miller M.A. A Natural History of Revolution: Violence and Nature in the French Revolutionary Imagination, 1789–1794. Cornell University Press, 2011. 231 p.

References

1. Shul'ts, E.E. (2014) *Tekhnologii bunta. (Tekhnologii upravleniya radikal'nyimi formami sotsial'nogo protesta v politicheskom kontekste)* [Riot technologies. (Technologies for managing radical forms of social protest in a political context)]. Moscow: PFOP.
2. Shul'ts, E.E. (2014) *Revolutsiya: k voprosu ob opredelenii termina* [Revolution: on the definition of the term]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2. pp. 132–142.
3. Marx, K. (1959) *K kritike politicheskoy ekonomii* [To the critique of political economy]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German. 2nd ed. Vol. 13. Moscow: Politizdat. pp. 1–167.
4. Marx, K. & Engels, F. (1955) *Manifest kommunisticheskoy partii* [Manifesto of the Communist Party]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German. 2nd ed. Vol. 4. Moscow: Politizdat. pp. 419–459.
5. Lenin, V.I. (1970) *Luchshe men'she, da luchshe* [Better less, but better]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 45. Moscow: Politizdat. pp. 389–406.
6. Lenin, V.I. (1969) *Pis'ma o taktike* [Letters on tactic]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 31. Moscow: Politizdat. pp. 131–144.
7. Lenin, V.I. (1967) *Revolutsionnye dni* [Revolutionary days]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 9. Moscow: Politizdat. pp. 205–229.
8. Mignet, F. (2006) *Istoriya Frantsuzskoy revolyutsii s 1789 po 1814 gg.* [History of the French Revolution from 1789 to 1814]. Translated from French. Moscow: GPIBR.
9. Shul'ts, E.E. (2016) *Teoriya revolyutsii: revolyutsii i sovremennye tsivilizatsii* [The theory of revolution: revolutions and modern civilizations]. Moscow: LENAND.
10. Marx, K. (1961) *Konspekt knigi Bakunina "Gosudarstvennost' i anarkhiya"* [Bakunin's Statehood and Anarchy]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German. 2nd ed. Vol. 18. Moscow: Politizdat. pp. 579–624.
11. Kautskiy, K. (1959) *Put' k vlasti. (Politicheskie ocherki o vrastanii v revolyutsiyu)* [The path to power. (Political essays on growing into a revolution)]. Moscow: Gos. izd-vo politicheskoy literatury.

12. Lenin, V.I. (1973) Maevka revolyutsionnogo proletariata [Mayovka of the revolutionary proletariat]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 23. Moscow: Politizdat. pp. 296–305.
13. Lenin, V.I. (1969) Krakh II Internatsionala [The collapse of the II International]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 26. Moscow: Politizdat. pp. 209–265.
14. Lenin, V.I. (1969) Zaklyuchitel'noe slovo po dokladu ob ocherednykh zadachakh Sovetskoy vlasti (Zasedanie VTsIK 29 aprelya 1918 g.) [Closing remarks on the report on the immediate tasks of the Soviet government (Meeting of the All-Russian Central Executive Committee on April 29, 1918)]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 36. Moscow: Politizdat. pp. 268–276.
15. Pareto, V. (2008) *Kompendium po obshchey sotsiologii* [Compendium of General Sociology]. Translated from Italian. 2nd ed. Moscow: HSE.
16. Shul'ts, E.E. (2019) *Velikaya russkaya revolyutsiya (1905–1922 gg.): Prichiny. Posledstviya. Tekhnologii. Sobytiya i lyudi* [The Great Russian Revolution (1905–1922): Causes. Effects. Technology. Events and people]. Moscow: LENAND.
17. Marx, K. (1957) Burzhuaiziya i kontrevolyutsiya [The bourgeoisie and counter-revolution]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German. 2nd ed. Vol. 6. Moscow: Politizdat. pp. 109–134.
18. Marx, K. (1960) Grazhdanskaya voyna vo Frantsii. Vozzvanie general'nogo Soveta Mezhdunarodnogo Tovarishestva rabochikh [Civil War in France. Appeal of the General Council of the International Workingmen's Association]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German. 2nd ed. Vol. 17. Moscow: Politizdat. pp. 317–370.
19. Marx, K. & Engels, F. (1955) Nemetskaya ideologiya [German ideology]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German. 2nd ed. Vol. 3. Moscow: Politizdat. pp. 7–544.
20. Lenin, V.I. (1969) Gosudarstvo i revolyutsiya. Uchenie marksizma o gosudarstve i zadachi proletariata v revolyutsii [State and revolution. The doctrine of Marxism about the state and the tasks of the proletariat in the revolution]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 33. Moscow: Politizdat. pp. 1–120.
21. Marx, K. (1955) K kritike gegelevskoy filosofii prava [To the criticism of the Hegelian philosophy of law]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Politizdat. pp. 219–368.
22. Marx, K. & Engels, F. (1961) Al'yans sotsialisticheskoy demokratrii i mezhdunarodnoe tovarishchestvo rabochikh [The Alliance of Socialist Democrats and the International Workers' Association]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German. 2nd ed. Vol. 18. Moscow: Politizdat. pp. 323–452.
23. Marx, K. (1957) 18 bryumera Lui Bonaparta [18 Brumaire Louis Bonaparte]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German. 2nd ed. Vol. 8. Moscow: Politizdat. pp. 115–217.
24. Marx, K. (1957) Montesk'e LVI [Montesquieu LVI]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German. 2nd ed. Vol. 6. Moscow: Politizdat. pp. 192–207.
25. Engels, F. (1957) Revolyutsiya i kontrevolyutsiya v Germanii [Revolution and counter-revolution in Germany]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German. 2nd ed. Vol. 8. Moscow: Politizdat. pp. 3–113.
26. Engels, F. (1955) Polozhenie Anglii. Vosemnadtsatyy vek [Situation of England. Eighteenth century]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Politizdat. pp. 598–617.
27. Lenin, V.I. (1969) Iz kakogo klassovogo istochnika prikhodyat i "pridut" Kaven'yaki? [What class source do and will the Cavaignacs come from?]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 32. Moscow: Politizdat. pp. 343–346.
28. Lenin, V.I. (1970) Noye vremena, starye oshibki v novom vide [New times, old mistakes in a new form]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 44. Moscow: Politizdat. pp. 101–109.
29. Lenin, V.I. (1969) Ocherednye zadachi Sovetskoy vlasti [Immediate tasks of Soviet power]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 36. Moscow: Politizdat. pp. 165–208.
30. Lenin, V.I. (1969) Pis'ma iz daleka. Pis'mo 1 [Letters from afar. Letter 1]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 31. Moscow: Politizdat. pp. 11–22.
31. Jary, D. & Jary, J. (1999) *Bol'shoi tolkovyi sotsiologicheskii slovar'* [Collins Dictionary of Sociology]. 2nd ed. Moscow: Veche.
32. Marx, K. (1959) Otnoshenie Avstrii, Prussii i Germanii k voyne [Attitudes of Austria, Prussia and Germany to the war]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German. 2nd ed. Vol. 13. Moscow: Politizdat. pp. 338–342.
33. Marx, K. (1959) Erfurtovschchina v 1859 godu [Erfurtery in the Year 1859]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German. 2nd ed. Vol. 13. Moscow: Politizdat. pp. 432–434.
34. Marx, K. (1959) Gospodin Fogt [On Herr Vogt]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German. 2nd ed. Vol. 14. Moscow: Politizdat. pp. 395–691.
35. Marx, K. (1959) Londonskaya gazeta "Times" o printsakh Orleanskikh v Amerike [The London newspaper Times about the Princes of Orleans in America]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German. 2nd ed. Vol. 15. Moscow: Politizdat. pp. 332–336.
36. Marx, K. (1959) Polozhenie vo Frantsii [Situation in France]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German. 2nd ed. Vol. 15. Moscow: Politizdat. pp. 1–5.
37. Marx, K. (1959) Miting v zashchitu Garibal'di [Rally in defense of Garibaldi]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German. 2nd ed. Vol. 15. Moscow: Politizdat. pp. 558–560.
38. Engels, F. (1960) Voennyi vopros v Prussii i nemetskaya rabochaya partiya [The military question in Prussia and the German workers' Party]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German. 2nd ed. Vol. 16. Moscow: Politizdat. pp. 35–78.
39. Engels, F. (1961) K zhilishchnomu voprosu [On the housing issue]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German. 2nd ed. Vol. 18. Moscow: Politizdat. pp. 203–284.
40. Lenin, V.I. (1969) Nachalo bonapartizma [The Onset of Bonapartism]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 34. Moscow: Politizdat. pp. 48–52.
41. Lenin, V.I. (1968) Ob otsenke tekushchego momenta [On the assessment of the current moment]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 17. Moscow: Politizdat. pp. 271–284.
42. Lenin, V.I. (1970) Pis'mo E. Avenaru, 1 (14) marta 1907 [Letter to E. Avenar, March 1 (14), 1907]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 47. Moscow: Politizdat. pp. 110–111.
43. Lenin, V.I. (1967) Peterburgskaya stachka [Petersburg strike]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 9. Moscow: Politizdat. pp. 174–177.
44. Lenin, V.I. (1967) Chto takoe "druz'ya naroda" i kak oni voyuyut protiv sotsial-demokratov [What are "friends of the people" and how they fight against the social democrats]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 1. Moscow: Politizdat. pp. 125–346.
45. Lenin, V.I. (1971) Razvitie kapitalizma v Rossii [Development of capitalism in Russia]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 3. Moscow: Politizdat. pp. 1–609.
46. Weber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from German. Moscow: Progress. pp. 644–706.
47. Marx, K. (1957) Kontrevolyutsiya v Berline [Counter-revolution in Berlin]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German. 2nd ed. Vol. 6. Moscow: Politizdat. pp. 10–17.
48. Engels, F. (1964) Pis'mo K. Marksu, 4 sentyabrya 1870 g. [Letter to K. Marx, September 4, 1870]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German. 2nd ed. Vol. 33. Moscow: Politizdat. pp. 43–45.

49. Marx, K. (1957) Razdelenie truda v "Kölnische Zeitung" [The division of labor in Kölnische Zeitung]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German. 2nd ed. Vol. 6. Moscow: Politizdat. pp. 277–282.
50. Lenin, V.I. (1973) Uroki kommuny [The lessons of the commune]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 16. Moscow: Politizdat. pp. 451–454.
51. Lenin, V.I. (1969) Shest' tezisov ob ocherednykh zadachakh Sovetskoy vlasti [Six theses on the immediate tasks of Soviet power]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 36. Moscow: Politizdat. pp. 277–280.
52. Mayer, A.J. (2000) *The Furies. Violence and Terror in the French and Russian Revolutions*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
53. Miller, M.A. (2011) *A Natural History of Revolution: Violence and Nature in the French Revolutionary Imagination, 1789–1794*. Cornell University Press.

Информация об авторе:

Шульц Э.Э. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России Средних веков и Нового времени Московского государственного областного университета (Москва, Россия). E-mail: nuap1@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.E. Shults, Cand. Sci. (History), associate professor, Moscow State Regional University (Moscow, Russian Federation). E-mail: nuap1@yandex.ru

The author declares no conflicts of interest.

*Статья поступила в редакцию 22.07.2021;
одобрена после рецензирования 19.11.2021; принята к публикации 20.05.2022.*

*The article was submitted 22.07.2021;
approved after reviewing 19.11.2021; accepted for publication 20.05.2022.*

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 796.88
doi: 10.17223/15617793/478/18

Актуальные аспекты советской системы подготовки квалифицированных тяжелоатлетов к соревнованиям

Александр Владимирович Большой^{1, 2}, Олег Иннокентьевич Загrevский^{2, 3}

¹ Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск, Россия

² Томский государственный университет, Томск, Россия

³ Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

^{1, 2} troofta@mail.ru

^{2, 3} o.zagrevsky@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются основные особенности тренировочного процесса квалифицированных тяжелоатлетов Советского Союза, касающиеся дозирования нагрузок и организации процесса предсоревновательной подготовки, в период с 1972 по 1992 г. В процессе исследования авторы обращались к научно-методической литературе, выпущенной в СССР в разные годы. Проведен анализ дневников восьми спортсменов, проходивших предсоревновательную подготовку в основном и резервном составе сборной команды СССР в период с 1978 по 1991 г. Приведены рекомендации относительно распределения и дозирования тренировочной нагрузки в период подготовки тяжелоатлетов к соревнованиям.

Ключевые слова: тяжелая атлетика, советская система, тренировка, параметры нагрузки, соревновательная подготовка

Для цитирования: Большой А.В., Загrevский О.И. Актуальные аспекты советской системы подготовки квалифицированных тяжелоатлетов к соревнованиям // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 145–153. doi: 10.17223/15617793/478/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/18

Relevant aspects of the Soviet system of training qualified weightlifters for competitions

Alexander V. Bolshoy^{1, 2}, Oleg I. Zagrevsky^{2, 3}

¹ Tomsk State University of Architecture and Building, Tomsk, Russian Federation

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

³ University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

^{1, 2} troofta@mail.ru

^{2, 3} O.Zagrevsky@yandex.ru

Abstract. The first performance of Soviet weightlifters at the Olympic Games took place in 1952 in Helsinki. There they won three gold medals, taking away the palm of the championship from American weightlifters. The basis for the success of Soviet weightlifters on all world platforms was the system of sports training, which was based on the principle of optimal dosing of training load. The use of this system made it possible to form a national team capable of holding a leading position in the world until the end of the 20th century. The aim of the study was to identify the main features of the training process of qualified weightlifters of the Soviet Union, concerning the dosing of loads and the organization of training, in the period from 1972 to 1992. During the preparation of the article, we analyzed scientific and methodological literature on the research topic, and the diaries of eight athletes who underwent competitive training in the main and reserve composition of the USSR national team in the period from 1978 to 1991. In conclusion, we give recommendations regarding the distribution and dosing of the load of qualified weightlifters in preparation for competitions. As a result of the conducted research, we have found that the amount of load by volume in the preparation of weightlifters for competitions should be 1,000–1,300 number of rod lifts per month, depending on the athlete's athletic qualifications. The parameters of the load volume (number of rod lifts and tonnage) increase with the increase in weightlifters' athletic qualifications. Tonnage increases more significantly than the number of rod lifts. At the same time, the training load of qualified weightlifters should consist of 75–85% of sets for 1, 2 and 3 repetitions in jerk and push exercises. We have revealed that qualified weightlifters should perform a new amount of load in preparation for competitions in competitive and specially preparatory weightlifting exercises. The relative intensity of the load in the preparatory and competitive periods of training of qualified weightlifters should be more than 70% in competitive exercises and more than 90% in special preparatory exercises. Load planning of weightlift-

ers in different periods of competitive training should be carried out taking into account the principle of variability, in particular, by various microcycling schemes using several types of microcycles with a load value from 10% to 40% of its total volume per mesocycle. Based on the data on the optimal amount of load in terms of volume and intensity, as well as data on the distribution of load by the number of repetitions in the approach and by types and groups of weightlifting exercises obtained as a result of the study, it is possible to develop universal models of various types of microcycles of competitive training.

Keywords: weightlifting, Soviet system, training, load parameters, competitive training

For citation: Bolshoy, A.V. & Zagrevsky, O.I. (2022) Relevant aspects of the Soviet system of training qualified weightlifters for competitions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 145–153. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/18

Введение

Актуальность. В период с 1896 г., когда прошли первые международные соревнования по поднятию тяжестей, и до настоящего времени тяжелоатлетический спорт прошел основные этапы становления и развития. В 40-х гг. XX в. тяжелая атлетика как вид спорта уже имела четкие правила проведения соревнований, касающиеся в том числе весовых категорий атлетов, упражнений и снаряда, используемого для их выполнения. До настоящего момента тяжелая атлетика является единственным силовым видом спорта, представленным в олимпийской программе. Престижность и популярность данного вида, а также высокий уровень соревновательных результатов способствовали тому, что именно специалистами, работающими в тяжелой атлетике, были разработаны, обоснованы и применены на практике наиболее эффективные методы силового тренинга, направленные на развитие основных физических качеств, необходимых штангисту: силы, гибкости, скорости [1–3].

Сборная команда Советского Союза по тяжелой атлетике впервые выступила на XV Летних Олимпийских играх 1952 г., которые проходили в Хельсинки (Финляндия). Штангисты СССР стали победителями в трех весовых категориях из семи, отобрав пальму первенства у американских тяжелоатлетов, которые были победителями неофициального командного зачета на олимпиаде в Лондоне в 1948 г. На Играх 1960, 1964 и 1968 гг. сборная Советского Союза по тяжелой атлетике одержала победу в командном зачете. Именно в этот период началось активное становление методической части мировой тяжелой атлетики благодаря исследованиям советских ученых, методистов и тренеров. Работы отечественных ученых были посвящены вопросам совершенствования методики тренировки тяжелоатлетов, оптимизации техники выполнения соревновательных упражнений, развитию специальных физических качеств, необходимых в данном виде спорта для достижения высоких результатов. Большое внимание уделялось работе с отягощениями в период непосредственной подготовки к соревнованиям. Были разработаны критерии и параметры оценки тренировочной нагрузки. На сегодняшний день в отечественной теории и методике тяжелоатлетического спорта имеется существенный научный материал. Данные мониторинга параметров предсоревновательной физической нагрузки советских штангистов на протяжении десятилетий с успехом применялись практикующими специалистами в многолетнем процессе подготовки тяжелоатлетов. Опираясь на результаты исследований,

проверенных на практике, подтвержденных успехами отечественных штангистов на международной арене, можно констатировать, что советская система тренировки тяжелоатлетов существует и является эффективной [1–4].

Передовые методы тренировки успешно внедрялись в систему подготовки ведущих штангистов СССР. Тяжелая атлетика в Советском Союзе являлась очень популярным видом спорта. К результатам советских тяжелоатлетов было приковано внимание общественности не только внутри страны, но и за рубежом, что оказывало положительное влияние на имиджевую составляющую отечественного спорта. В процессе подготовки советских тяжелоатлетов к международным соревнованиям использовались результаты разработок различных областей науки, оперативно внедрялись новейшие достижения спортивной медицины, фармакологии и других направлений медико-биологических и педагогических исследований.

Однако основой успеха советских тяжелоатлетов на всех мировых помостах стала система спортивной тренировки, в основе на которой лежал принцип оптимального дозирования тренировочной нагрузки. Применение данной системы позволило в достаточно короткие сроки сформировать команду, способную с момента дебюта сборной Советского Союза по тяжелой атлетике на Олимпийских играх и до конца 20-го столетия удерживать лидирующие позиции в мире.

Цель исследования – изучить основные параметры объема и интенсивности предсоревновательных тренировочных нагрузок квалифицированных тяжелоатлетов Советского Союза в период с 1972 по 1992 г.

Материал и методы исследования. Для достижения цели исследования авторы использовали следующие методы: анализ научно-методической литературы, анализ тренировочных планов и дневников высококвалифицированных тяжелоатлетов.

Результаты исследования и их обсуждение

В 1972 г. из программы соревнований тяжелоатлетов был исключен жим. С этого момента и до настоящего времени соревнования проводятся в классическом двоеборье: рывок и толчок штанги. С отменой жима тяжелая атлетика окончательно сформировалась как скоростно-силовой вид спорта, предъявляющий жесткие требования к развитию целого ряда физических качеств. Существенные изменения в связи с этим претерпели методики тренировки тяжелоатлетов в подготовительном и соревновательном периодах.

Предлагаемые методистами параметры объема и интенсивности тренировочных нагрузок в процессе выполнения основных упражнений также изменились.

Особое внимание в работах советских ученых [1–5] сосредоточено на изучении средств и методов развития у спортсменов-тяжелоатлетов гибкости, скоростных и силовых качеств. Именно уровень развития силы и быстроты оказывает наибольшее влияние на спортивный результат. Кроме того, эти два физических качества наиболее тесно связаны между собой, так как развитие одного из них дает существенный прирост в развитии другого [6]. Для достижения высоких результатов спортсмену необходима и выносливость. Развивать специальную выносливость следует таким образом, чтобы не затормозить развитие силы и быстроты. Развитию и поддержанию на необходимом уровне такого физического качества, как гибкость, также уделяется большое внимание. Кроме развития специальной выносливости и гибкости, спортсмены постоянно совершенствуют технику соревновательных упражнений, улучшают и координационные способности, которые в тяжелой атлетике также являются определяющими. Определяющими факторами успешности спортсмена-тяжелоатлета, по мнению советских ученых, являются совокупный уровень развития перечисленных физических качеств и каждого из них в отдельности [7].

На протяжении многолетнего учебно-тренировочного процесса тяжелоатлеты используют различные специализированные средства и методы тренировки. Объем тренировочной нагрузки регулируется путем определения веса используемого снаряда или отягощения, вариативного подбора упражнений, количества подходов в конкретном упражнении и количества подъемов в каждом подходе. При этом повышение уровня функционального развития организма спортсмена достигается за счет постепенного увеличения тренировочных нагрузок.

Изменение параметров совокупной тренировочной нагрузки квалифицированных тяжелоатлетов осуществляется в основном за счет сбалансированности двух показателей – объема и интенсивности.

Оптимизация нагрузки, ее адекватность физическому и психологическому состоянию спортсмена

является одним из главных вопросов, которые решают теоретики и практики тяжелой атлетики. Именно адекватность тренировочных нагрузок и грамотный подбор упражнений обеспечивают наибольший прирост спортивного результата [7].

Ведущие исследователи в области физической культуры и спорта в СССР [1, 2, 6] сходились во мнении, что к повышению соревновательного результата и росту уровня спортивного мастерства ведут адаптивные перестройки в организме спортсмена. Эффективным методом достижения таких перестроек является применение определенной системы организации тренировочного процесса, обеспечивающей наиболее грамотное дозирование нагрузки в различных периодах подготовки к соревнованиям.

Основной задачей в процессе планирования тренировочного процесса является адекватность физических нагрузок, которая определяется в том числе и степенью психофизической готовности спортсмена в конкретный период времени.

Как упоминалось ранее, основными оценочными критериями тренировочной нагрузки тяжелоатлета являются ее объем и интенсивность. Эти критерии постоянно изменяются как в процессе отдельного занятия, так и всего тренировочного процесса. Так, увеличение количества подъемов штанги в конкретном упражнении влечет за собой и увеличение объема выполненной работы. Аналогичный подсчет тренировочной нагрузки осуществляется и в процессе выполнения ее за тренировку, микроцикл, мезоцикл и т.д. Кроме перечисленных, к числу оценочных критериев тренировочной нагрузки тяжелоатлета относятся: *количество тренировочных упражнений за одно занятие, величину используемого отягощения, количество подъемов максимальных и субмаксимальных весов и т.д.*

Объем тренировочной нагрузки – это количественный показатель, который характеризуется суммой поднятых на тренировке килограммов (тоннаж) или количеством подъемов штанги (КПШ).

В табл. 1. приведены данные советских исследователей тяжелоатлетического спорта [3, 5, 6] относительно рекомендуемых объемов тренировочной нагрузки спортсменов различной квалификации в течение мезоцикла.

Таблица 1
Рекомендуемый средний тренировочный объем нагрузки за месяц для советских тяжелоатлетов различной квалификации независимо от периода подготовки к соревнованиям

Объем	Квалификация спортсмена									
	III разряд		II разряд		I разряд		КМС		МС	
	М	м	М	м	М	м	М	м	М	м
Тонны	70	30	93	33,5	109	34,7	119	31	139	34
КПШ	986	37	1069	39	1094	38	1169	35	1306	41

Примечание. М – среднее значение, м – вариация

Таким образом, повышение спортивной квалификации является следствием прироста тренировочных объемов (например, у мастеров спорта по отношению к спортсменам III разряда тоннаж увеличивается практически на 100%, а количество подъемов штанги – на 32%).

По мнению А.Н. Воробьева [4], объем нагрузки должен индивидуально подбираться для каждого

спортсмена с учетом уровня его спортивной квалификации, физиологических особенностей организма и других факторов. Заниженный объем нагрузки не будет способствовать в полной мере реализации потенциала спортсмена как в плане развития физических качеств, так и в плане совершенствования технического мастерства. Завышенные объемы нагрузки на тренировках могут вызвать ряд негативных по-

следствий (состояние перетренированности, ошибки при выполнении упражнений на фоне переутомления, травматизм и др.).

Отдельно взятые значения объема тренировочной нагрузки не позволяют в полной мере судить о ее качестве или характере. Интенсивность – это тот критерий, который характеризует именно качественную сторону тренировочного процесса.

Приведенные выше параметры объема нагрузки актуальны лишь при нагрузках определенной интенсивности. Интенсивность тренировочной нагрузки квалифицированных тяжелоатлетов в большинстве упражнений должна быть $\geq 70\%$ от максимума [7].

Единогласия критерия интенсивности тренировочной нагрузки в тяжелой атлетике не установлено [8]. Таким образом, интенсивность при планировании тренировочной нагрузки в тяжелой атлетике определяется комплексно. Рассмотрим критерии интенсивности, оказывающие, по мнению советских ученых, максимальное влияние на спортивный результат.

1. Средний вес штанги (V_{cp}) – показатель абсолютной интенсивности, который выражается в килограм-

мах и определяется делением объема нагрузки в килограммах на КПШ. Средний вес штанги можно вычислить как в отдельно взятом упражнении, так и суммарно за тренировку, за микроцикл, мезоцикл и т.д.;

2. Коэффициент интенсивности (КИ) выражает относительную интенсивность и вычисляется по формуле [4]:

$$КИ = V_{cp} \cdot 100 / C_{дв},$$

где КИ – коэффициент интенсивности суммарной нагрузки; V_{cp} – средний тренировочный вес штанги, кг; $C_{дв}$ – соревновательный результат в двоеборье, кг.

Оптимальный КИ суммарной тренировочной нагрузки тяжелоатлетов высокой квалификации (МС, МСМК) составляет $38\% \pm 2\%$ [4–6]. Используя оптимальные значения КИ, можно определить оптимальный средний вес штанги как для отдельно взятого упражнения, так и для суммарной нагрузки.

В исследованиях [3, 5] определена тесная взаимосвязь показателей среднего тренировочного веса штанги с показателями абсолютной силы спортсмена. Установлено [4, 5], что показатель среднего веса штанги напрямую определяет уровень подготовки и спортивную квалификацию тяжелоатлета (табл. 2).

Таблица 2

Показатели среднего веса штанги советских тяжелоатлетов весовой категории 75 кг в зависимости от уровня спортивного мастерства

Спортивная квалификация	Средний тренировочный вес, кг	Отклонение, кг
III–II разряды	67,5	5,0
I разряд	85	3,0
КМС	92,5	2,5
МС	105	3,5
МСМК	115	2,5

Таким образом, значения показателя среднего веса штанги напрямую отражают результаты занимающихся, хотя показатель среднего тренировочного веса определяется с учетом подъемов штанги во всех применяемых упражнениях.

3. Тренировочный вес штанги, выраженный в процентах от максимального результата, – показатель относительной интенсивности, который широко применяется при планировании тренировочной нагрузки. При этом тренировочный вес штанги в рывковых упражнениях планируется на основании результатов тяжелоатлета в рывке, тренировочные веса в толчковых упражнениях и различных приседаниях определяются с учетом результатов тяжелоатлета в толчке классическом [3, 7]. Величину тренировочной нагрузки принято дифференцировать по зонам интенсивности, как правило, с интервалом в 10%. К зоне малой интенсивности (1-я зона) относят нагрузки, величина которых не превышает 60% от максимума; в зоне околомаксимальной интенсивности (5-я зона) нагрузки достигают 100%. В зонах с 6-й по 9-ю интенсивность тренировочной нагрузки превышает стопроцентный рубеж и достигает 101–140%. Данная нагрузка, как правило, применяется при выполнении специально-подготовительных упражнений (рывковые и толчковые тяги, приседания). Советские исследователи [3–5] сходились во мнении, что для эффективного трениро-

вочного процесса рабочий вес снаряда в соревновательных упражнениях должен составлять $> 70\%$ от максимума, а в специально-подготовительных упражнениях – достигать значений $> 90\%$.

Одним из важнейших условий для составления рационального тренировочного плана и учета выполняемой по объему и интенсивности нагрузки является четкая классификация и ранжирование специализированных упражнений, применяемых тяжелоатлетами в тренировочном процессе [6, 8]. На рис. 1 приведены классификация и ранжирование соревновательных и специально-подготовительных тяжелоатлетических упражнений.

Основными средствами, обеспечивающими выполнение необходимой по объему и интенсивности нагрузки при подготовке тяжелоатлетов к соревнованиям, являются общеразвивающие упражнения (ОРУ), специально-подготовительные упражнения (СПУ) и соревновательные упражнения (СОРУ). Максимальный прирост спортивного результата связан с выполнением тренировочной нагрузки при относительной её интенсивности $> 70\%$ [4, 6, 10]. Соревновательные упражнения в тяжелой атлетике – это рывок и толчок штанги, основные специально-подготовительные упражнения – различные виды тяг и приседаний со штангой, различные вариации подводящих рывковых и толчковых упраж-

нений, а также некоторые жимовые упражнения. Основными общеразвивающими выступают различные варианты прыжковых упражнений, гиперэкстензия, упражнения с гантелями, на брусках и

перекладине. Распределение доли нагрузки по основным типам специализированных упражнений с учетом спортивной квалификации тяжелоатлетов представлено в табл. 3.

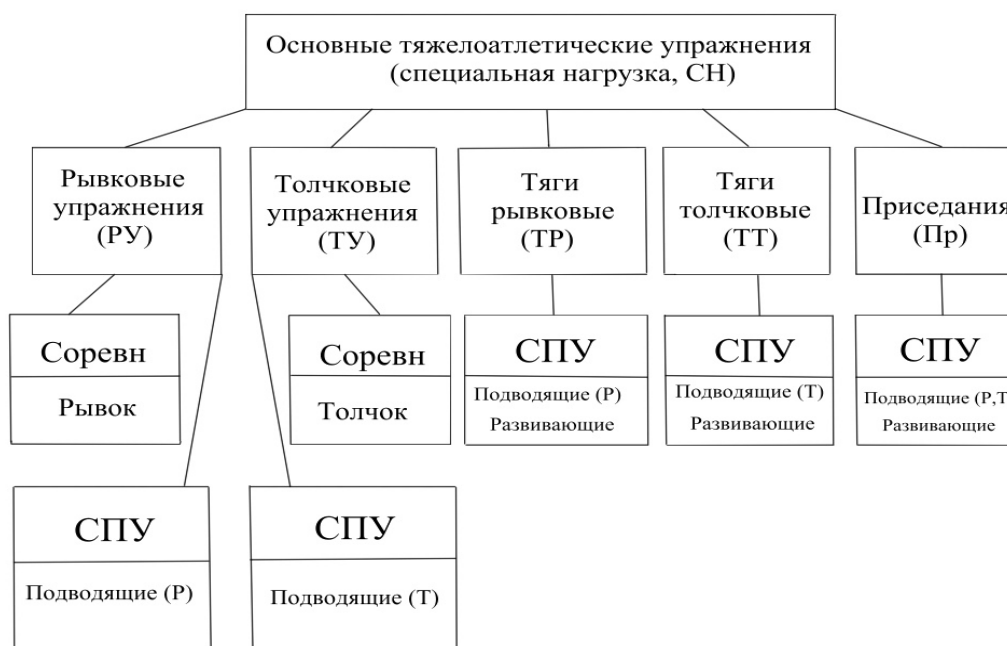

Рис. 1. Классификация и ранжирование соревновательных и специально-подготовительных тяжелоатлетических упражнений на основе данных В.Е. Смирнова [9]

Таблица 3

Распределение нагрузки по типам упражнений в тренировочном процессе тяжелоатлетов

Квалификация тяжелоатлета	Доля нагрузки в %		
	СПУ	СОПУ	ОРУ
II–III разряды	40–50	20–30	30–35
I разряд, КМС	50–60	20–30	20–25
МС, МСМК	60–70	30–40	менее 10

Анализ табл. 3 показывает, что основной объем нагрузки при подготовке тяжелоатлетов к соревнованиям выполняется в специально-подготовительных и соревновательных упражнениях. С повышением спортивной квалификации доля ОРУ в тренировочном процессе снижается при параллельном увеличении доли СПУ.

В советских литературных источниках, посвященных спортивной тренировке тяжелоатлетов, наибольшее распространение имеют рекомендации по выполнению 1–3 либо 4–6 подъемов за один подход к штанге, в зависимости от выполняемого упражнения и решаемых в данном периоде подготовки или конкретном тренировочном занятии задач. Ученые сошлись во мнении [2–4], что выполнение спортсменом упражнения на 2–3 повторения не ведет к существен-

ному утомлению, позволяет при этом работать с достаточно высоким уровнем интенсивности (75–85% от максимума), что является оптимальным для прироста силы. При этом появляется возможность выявления и оперативного устранения технических проблем, которые часто проявляются только при работе спортсмена со значительным тренировочным весом. Считается, что выполнение за один подход 4–6 подъемов необходимо и целесообразно выполнять с весом 50–70% от максимума. Такой характер работы в меньшей степени способствует увеличению силы, чем высокоинтенсивные подходы на 1–3 повторения, но значительно стимулирует процесс увеличения мышечной массы спортсмена. Оптимальное количество подъемов в подходе при выполнении рывковых и толчковых упражнений представлено в табл. 4.

Таблица 4

Распределение нагрузки по числу повторений в подходе (% от общего числа подъемов) для советских тяжелоатлетов высокой квалификации (по данным А.Н. Воробьева, 1981)

Упражнения	Повторность в %					
	Однократные	Двукратные	Трехкратные	Четырехкратные	Пятикратные	Шестикратные
Рывковые (РУ)	19,4	59,4	19,4	1,2	0,6	-
Толчковые (ТУ)	19,3	57,4	17,9	3,4	1,8	0,2

Анализ табл. 4 показывает, что основная тренировочная нагрузка атлетов высокой квалификации в толковых и рывковых упражнениях распределяется между подходами на 1–3 повторения. Интенсивность нагрузки для двухповторных и трехповторных подходов составляет 75–85%. При весе штанги более 85% от максимума планируется, как правило, одноповторный подход. Данные положения актуальны при планировании нагрузки квалифицированных тяжелоатлетов в соревновательных упражнениях и в специально-подготовительных рывковых и толковых упражнениях. Для атлетов, перед которыми стоит задача по набору собственного веса (мышечной массы), целесообразно выполнение подходов на 4–6 повторений. Доля таких подходов может составлять 10–15% от суммарного объема нагрузки в рывковых и толковых упражнениях.

В рамках одной тренировки советские квалифицированные тяжелоатлеты выполняли 4–6 упражнений в мезоциклах подготовительного периода. При необходимости разгрузки включались восстановительные тренировки, в которых объем нагрузки снижался, и выполнялось 2–3 упражнения. В предсоревновательном мезоцикле квалифицированные тяжелоатлеты, как правило, выполняли 3–4 упражнения за одно тренировочное занятие. Данный количественный показатель был характерен для 5–6-разовых занятий в микроцикле (*не более одного занятия в день*). При двухразовых ежедневных занятиях количество применяемых тренировочных упражнений, как в подготовительном, так и в предсоревновательном мезоциклах, увеличивалось от 3 до 5. Содержание учебно-тренировочного процесса в двух ранее отмеченных мезоциклах, по мнению советских специалистов, предполагает включение в основную часть тренировочного занятия упражнений динамического характера, сходных по своей структуре с соревновательными упражнениями. К их числу относят рывковые и толковые СПУ, а также СОРУ [11]. Стоит отметить, что тренировка тяжелоатлетов, как правило, начинается с подводящих рывковых упражнений, выполняемых, чаще всего полуприседом, с весом 60–70% максимума. Это обусловлено порядком выполнения 2 соревновательных упражнений (*рывок – первое упражнение, толчок – второе*). После выполнения рывковых упражнений могут следовать основные соревновательные, тренировочные веса в которых не превышают 75–95% максимума. Во второй части тренировочного занятия используются специально-подготовительные упражнения высокой интенсивности, направленные в основном на развитие силы (*тяги и приседания*). В заключительную часть включают упражнения ОФП, в том числе направленные на раз-

витие силовой выносливости, гибкости, координации движений, а также упражнения на расслабление.

Большое внимание в исследованиях советских ученых уделялось и распределению тренировочных нагрузок в мезоциклах – по 4 микроциклам. Дифференцирование нагрузок по объему и интенсивности в микроциклах осуществлялось с использованием принципа вариативности их содержания, достижение которого обеспечивалось путем применения различных схем тренировочных занятий в микроциклах и постоянной ротацией средств и методов [11, 12].

Тренировочный процесс, по мнению советских специалистов [1, 2, 4], должен планироваться с учетом постоянного повышения его эффективности, которая достигается за счет непрерывного совершенствования необходимых тяжелоатлету физических качеств, опосредованно способствующих улучшению адаптационных возможностей к тренировочным нагрузкам. При этом объем и интенсивность предстоящей работы в микроциклах распределяется неравномерно, чтобы избежать привыкания организма к однообразным и монотонным нагрузкам. Кроме того, при распределении тренировочных нагрузок планируются также их пики и спады с целью минимизации фактов перетренированности и травматизма [12].

По результатам исследований [1, 2, 6] были сформированы понятия о типах микроциклов и объемах нагрузки, применяемой тяжелоатлетами в данных микроциклах. Микроцикл, доля которого составляет 30–35% от величины нагрузки в месяц, принято называть ударным, или ударно-развивающим. При величине нагрузки за микроцикл 25–34% микроцикл считается «развивающим». При величине нагрузки 20–24% микроцикл считается поддерживающим. Советскими специалистами по методике тяжелой атлетики также часто используются такие понятия, как *базовый микроцикл, восстановительный микроцикл, соревновательный микроцикл*.

В табл. 5 представлены данные об основных типах микроциклов, применяемых советскими тяжелоатлетами при подготовке к соревнованиям.

Анализ табл. 5 показывает, что объем нагрузки за микроцикл при подготовке к соревнованиям варьирует в пределах 200–650 КППШ, т.е. доля нагрузки за месяц составляет от 15 до 40%. По мнению ученых, формирование алгоритма рациональной последовательности микроциклов при подготовке к соревнованиям должно строиться на основе результатов текущих и этапных наблюдений за восстановлением функций организма под воздействием тренировочных воздействий различной величины и направленности [10, 12].

Таблица 5

Параметры объема нагрузки квалифицированных тяжелоатлетов для основных типов микроциклов

Тип микроцикла	Объем нагрузки	
	% от величины за месяц	Количество подъемов штанги
Поддерживающий	20 - 24	312 ± 34
Ударный	35 и более	583 ± 92
Развивающий	25 - 34	417 ± 49
Восстановительный	12 - 19	220 ± 26

Как уже было сказано ранее, при планировании нагрузок необходимо обеспечивать такой выбор применяемых средств и методов, при котором направленность, величина и содержание нагрузки соответствуют целям занятий, задачам подготовки в том или ином периоде и адекватны текущему состоянию организма спортсмена.

Исследования советских ученых позволили установить, что рациональное распределение величины нагрузки между упражнениями является одним из важнейших факторов, обеспечивающих повышение спортивного результата в тяжелой атлетике [2, 3, 5]. Данное положение особенно актуально в мезоциклах подготовительного периода и в предсоревновательном мезоцикле. Система соревновательной подготовки тяжелоатлетов СССР предполагала рациональное сочетание нагрузки в соревновательных и специально-подготовительных упражнениях, выполняемых в различных зонах интенсивности. Соответствующие рекомендации изложены в трудах Р.А. Романа,

А.Н. Воробьева, А.С. Медведева и других исследователей [2, 9].

Важным моментом является рекомендация советских ученых повышать долю рывковых и толчковых упражнений за счет увеличения КПШ в соревновательных движениях – классическом рывке и толчке штанги [3–5]. В предсоревновательном мезоцикле, при этом рекомендуется снижение доли тяги и приседаний в среднем по 5% на каждый вид упражнения. В работах советских теоретиков четко прослеживается тенденция к повышению доли максимальных напряжений в тренировочном процессе квалифицированных спортсменов.

Однако помимо подъемов максимальных и суб-максимальных весов имеют значения и другие подъемы, призванные оказывать тренировочный эффект в соревновательных и специально-подготовительных упражнениях. Усредненный объем работы квалифицированных штангистов с различным относительно предельного максимума весом приведен в табл. 6.

Таблица 6

Удельный вес работы с различными отягощениями относительно предельного максимума в соревновательных и специально-подготовительных упражнениях при планировании соревновательной подготовки квалифицированных тяжелоатлетов Советского Союза

Вес штанги в % от максимума (относительная интенсивность)	Удельный вес	
	Соревновательные упражнения	Специально-подготовительные упражнения
Менее 45	0,09	1,79
45–50	0,13	3,10
51–55	5,42	8,85
56–60	2,29	11,15
61–65	3,89	4,55
66–70	12,34	10,54
71–75	8,38	12,55
76–80	8,37	7,27
81–85	27,32	7,89
86–90	11,33	11,67
91–95	11,51	8,88
96–100	8,94	4,35
Более 100	–	7,51

Анализ табл. 6 говорит о том, что основная нагрузка в соревновательных упражнениях приходится на вес 70% и более. Нагрузка менее 70% от максимума составляет минимальную величину – около 10%. В специально-подготовительных упражнениях, таких как приседания и тяги, некоторый объем работы приходится также на веса более 100% от предельного максимума. При этом необходимо понимать, что процентные соотношения тренировочных весов штанги в рывковых упражнениях и тягах принимаются относительно максимального результата в рывке, а во всех остальных упражнениях – относительно максимального достижения в толчке [3, 8].

Выявленные советскими учеными количественные и качественные показатели тренировочной нагрузки для тяжелоатлетов различной квалификации позволили повысить эффективность и прогнозируемость соревновательной подготовки спортсменов. Планирование нагрузки в различных периодах подготовки должно выполняться с учетом спортивной квалификации тяжелоатлета, календаря соревнований и дру-

гих факторов. Главенствующими принципами при этом являются адекватность тренировочных нагрузок, их вариативность по направленности и основным критериальным показателям, что создает предпосылки для активации адаптационных процессов в организме спортсмена. Соблюдение данных принципов планирования позволяет одновременно с высокой эффективностью проводить не только специальную физическую, но и специальную техническую подготовку тяжелоатлетов [5].

Выводы

1. Объем тренировочной нагрузки тяжелоатлетов в процессе подготовки к соревнованиям зависит от спортивной квалификации спортсмена и должен составлять не менее 1 000–1 300 *КПШ* в течение микроцикла.

Параметры тренировочной нагрузки (*КПШ* и объем) увеличиваются с повышением спортивной квалификации; с повышением же тренированности спортс-

мена увеличение общего объема выполняемой работы в учебно-тренировочном процессе более значимо, чем величина КПШ.

2. Основной объем тренировочной нагрузки при подготовке к соревнованиям должен выполняться квалифицированными тяжелоатлетами за счет увеличения соревновательных и специально-подготовительных упражнений. Интенсивность СПУ (*тяги и приседания*) должна составлять 90% и более. СОРУ, а также подводящие СПУ в этот период целесообразно выполнять в основном с интенсивностью 65% и выше.

3. Тренировка атлетов высокой квалификации с использованием толковых и рывковых упражнений должна осуществляться с весом 75–85% от максимума и не более трех повторений в подходе. С весом 85% и более выполняется не больше двух повторений в подходе в соревновательных, а также подводящих

рывковых и толковых специально-подготовительных упражнениях.

4. Вариативный подход в процессе планирования нагрузки тяжелоатлетов в различные периоды соревновательной подготовки должен осуществляться путем использования различных схем и типов микроциклов с величиной нагрузки, не превышающей 40% от ее общего объема.

5. Данные, полученные в процессе исследования, позволили провести дифференцирование объема и интенсивности тренировочных нагрузок, а также их распределение в учебно-тренировочном процессе в зависимости от числа повторений в подходе и разновидностей тяжелоатлетических упражнений.

На этом основании возможна разработка различных вариантов микроциклов в процессе подготовки тяжелоатлетов высокой квалификации к соревновательной деятельности.

Список источников

1. Медведев А.С. Система многолетней тренировки в тяжелой атлетике. М.: Физкультура и спорт, 1986. 272 с.
2. Черняк А.В. Методика планирования тренировки тяжелоатлета. М.: Физкультура и спорт, 1978. 136 с.
3. Роман Р.А. Тренировка тяжелоатлета. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Физкультура и спорт, 1986. 175 с.
4. Воробьев А.Н. Сила как физическое качество и методы ее развития // Тяжелая атлетика: Ежегодник. 1981. М.: Физкультура и спорт, 1981. С. 117–131.
5. Медведев А.С. Проблема дальнейшего совершенствования методики тренировки тяжелоатлетов на соревновательном этапе // Теория и практика физической культуры. 1996. № 6. С. 51–54.
6. Скотников В.Ф., Смирнов В.Е., Громов В.А. Модельные характеристики суммарного объема нагрузки с отягощением свыше 70% в трёх группах весовых категорий тяжелоатлетов высшей квалификации // Ученые записки университета им П.Ф. Лесгафта. 2019. № 4 (170). С. 304–306.
7. Большой А.В., Загrevский О.И. Тенденции тренировочного процесса тяжелоатлетов высокой квалификации // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 3. doi: 10.17513/spno.28822. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=28822> (дата обращения: 12.09.2021).
8. Большой А.В., Загrevский О.И. Параметры объема и интенсивности тренировочной нагрузки квалифицированных тяжелоатлетов при подготовке к соревнованиям // Педагогический ИМИДЖ. 2020. Т. 14, № 4 (49). С. 629–638. doi: 10.32343/2409-5052-2020-14-4-629-638
9. Смирнов В.Е., Медведев А.С. Технология обработки тренировочных нагрузок тяжелоатлетов с использованием персонального компьютера: метод, разработ. для преподавателей, тренеров, слушателей ВШТ и ФПК, аспирантов и студентов, обучающихся в РГАФК по прогр. бакалавра и магистра. М., 1997. 60 с.
10. Сивохин И.П., Скотников В.Ф., Федоров А.И. и др. Моделирование тренировочного процесса тяжелоатлета // Теория и практика физической культуры. 2020. № 9. С. 12–14.
11. Большой А.В., Загrevский О.И. Вариативное распределение нагрузки по основным группам упражнений в соревновательном мезоцикле тяжелоатлетов высокой квалификации // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 458. С. 185–193. doi: 10.17223/15617793/458/23
12. Chernogorov D.N., Tusher Yu.L., Belyaev V.S., Gross E.R., Kuznetsov S.V. A technique for fast physical training of qualified weightlifters at the training stage of preparation // Journal of Physical Education and Sport. 2019. Т. 19, № 2. С. 1078–1082. doi: 10.7752/jpes.2019.02156

References

1. Medvedev, A.S. (1986) *Sistema mnogoletney trenirovki v tyazhelyoy atletike* [The system of long-term training in weightlifting]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
2. Chernyak, A.V. (1978) *Metodika planirovaniya trenirovki tyazheloatleta* [Methodology for planning a weightlifter's training]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
3. Roman, R.A. (1986) *Trenirovka tyazheloatleta* [Weightlifter training]. 2nd ed. Moscow: Fizkul'tura i sport.
4. Vorob'ev, A.N. (1981) *Sila kak fizicheskoe kachestvo i metody ee razvitiya* [Strength as a physical quality and methods of its development]. In: *Tyazhelaya atletika: Ezhegodnik. 1981* [Weightlifting: Yearbook. 1981]. Moscow: Fizkul'tura i sport, 1981. pp. 117–131.
5. Medvedev, A.S. (1996) *Problema dal'neyshego sovershenstvovaniya metodiki trenirovki tyazheloatletov na sorevnovatel'nom etape* [The problem of further improvement of weightlifters' training methods at the competitive stage]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 6. pp. 51–54.
6. Skotnikov, V.F., Smirnov, V.E. & Gromov, V.A. (2019) *Model'nye kharakteristiki summarnogo ob'ema nagruzki s otyagoshcheniem svyshe 70% v trekh gruppakh vesovykh kategoriy tyazheloatletov vysshey kvalifikatsii* [Model characteristics of the total volume of load with weights over 70% in three groups of weight categories of highly qualified weightlifters]. *Uchenye zapiski universiteta im P.F. Lesgafta*. 4 (170). pp. 304–306.
7. Bol'shoy, A.V. & Zagrevskiy, O.I. (2019) *Tendentsii trenirovochnogo protsessa tyazheloatletov vysokoy kvalifikatsii* [Trends in the training process of highly qualified weightlifters]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 3. DOI: 10.17513/spno.28822. [Online] Available from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=28822> (Accessed: 12.09.2021).
8. Bol'shoy, A.V. & Zagrevskiy, O.I. (2020) *Parametry ob'ema i intensivnosti trenirovochnoy nagruzki kvalifitsirovannykh tyazheloatletov pri podgotovke k sorevnovaniyam* [Parameters of the volume and intensity of the training load of qualified weightlifters in preparation for competitions]. *Pedagogicheskiy IMIDZh*. 14:4 (49). pp. 629–638. DOI: 10.32343/2409-5052-2020-14-4-629-638
9. Smirnov, V.E. & Medvedev, A.S. (1997) *Tekhnologiya obrabotki trenirovochnykh nagruzok tyazheloatletov s ispol'zovaniem personal'nogo komp'yutera* [Technology for processing training loads of weightlifters using a personal computer]. Moscow.
10. Sivokhin, I.P. et al. (2020) *Modelirovanie trenirovochnogo protsessa tyazheloatleta* [Modeling of the training process for weightlifters]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 9. pp. 12–14.

11. Bol'shoy, A.V. & Zagrevskiy, O.I. (2020) Variativnoe raspredelenie nagruzki po osnovnym gruppam uprazhneniy v sorevnovatel'nom mezotsikle tyazhelootletov vysokoy kvalifikatsii [Variable load distribution by the main groups of exercises in the competitive mesocycle of highly qualified weightlifters]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 458. pp. 185–193. DOI: 10.17223/15617793/458/23
12. Chernogorov, D.N. et al. (2019) A technique for fast physical training of qualified weightlifters at the training stage of preparation. *Journal of Physical Education and Sport*. 19 (2). pp. 1078–1082. DOI: 10.7752/jpes.2019.02156

Информация об авторах:

Большой А.В. – начальник спортивного клуба Томского государственного архитектурно-строительного университета (Томск, Россия); аспирант кафедры теоретических основ и технологий физкультурно-спортивной деятельности Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: troofta@mail.ru

Загrevский О.И. – д-р пед. наук, профессор кафедры теоретических основ и технологий физкультурно-спортивной деятельности Томского государственного университета (Томск, Россия); профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных основ физической культуры и спорта Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: o.zagrevsky@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.V. Bolshoy, head of the Sports Club, Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation); National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: troofta@mail.ru

O.I. Zagrevsky, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: O.Zagrevsky@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.04.2022;
одобрена после рецензирования 28.04.2022; принята к публикации 20.05.2022.*

*The article was submitted 04.04.2022;
approved after reviewing 28.04.2022; accepted for publication 20.05.2022.*

Научная статья
УДК 37.01
doi: 10.17223/15617793/478/19

О методах исследования в сфере воспитания: взгляд на проблему с позиции науки и практики

Ирина Дмитриевна Демакова¹, Инна Юрьевна Шустова², Ирина Николаевна Попова³

¹ Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия, idd1938@yandex.ru

² Российская академия образования, Москва, Россия, innashustova@yandex.ru

³ Федеральный институт развития образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, Popovain@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы анализа методов исследования в сфере воспитания с позиции науки и практики. Акцент делается на вопросах научной рефлексии способов получения знаний в области теории воспитания и возможностей их практического применения. Представлен анализ результатов анкетирования членов научного сообщества и педагогов-воспитателей из 27 регионов Российской Федерации. В результате сделан вывод о «качественных методах» в изучении «живых систем» как о наиболее результативных в развитии методологии воспитания на современном этапе.

Ключевые слова: воспитание, методология воспитания, теоретико-методологические основания воспитания, методы исследования в сфере воспитания, методы теоретического и эмпирического познания, критерии отбора методов исследования, логика исследования в сфере воспитания, позиция педагога

Источник финансирования: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00184.

Для цитирования: Демакова И.Д., Шустова И.Ю., Попова И.Н. О методах исследования в сфере воспитания: взгляд на проблему с позиции науки и практики // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 154–161. doi: 10.17223/15617793/478/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/19

Research in education: Theory and practice working side by side

Irina D. Demakova¹, Inna Yu. Shustova², Irina N. Popova³

¹ Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation, idd1938@yandex.ru

² Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation, innashustova@yandex.ru

³ Federal Education Development Institute RANEPa, Moscow, Russian Federation, Popovain@yandex.ru

Abstract. Definition and description of research methods in modern educational theory are growing in importance because of the need for a scholarly reflection on how knowledge is acquired in this field. It is necessary to understand the theoretical relevance of research methods and their practical implementation. The aim of this study is to identify effective research methods for modern educational theory and practice and to systematize research methods in the educational theory. The research is methodologically grounded in the systematic approach to the educational theory providing a holistic view of the interrelation of educational phenomena and processes and their relevance to a child's personal development (V. Zagvyazinsky, I. Kolesnikova, V. Krayevsky, A. Mudrik, L. Novikova, N. Selivanova, V. Serikov). For the purposes of this study, a large-scale survey Research Methods in Education was conducted in February and March 2021. It was designed as a questionnaire consisting of three parts: (a) Research methods in education, (b) Experience of using research methods in education, (c) Analysis of professional difficulties in selecting methods in education. 672 people from 27 regions of the Russian Federation were surveyed. The results provided some important insights into the modern trends in the educational methodology, as the existing classification of methods into theoretical methods, empirical methods and the statistical analysis of empirical data does not quite take into account the modern findings in education. The educational science now can (and must) embrace methods from other realms of scientific knowledge. The choice of research methods should be based on the following: (a) essential theories and approaches of pedagogical science and related sciences; (b) ways in which information is gathered and used that are relevant to the specific goals of the research. Research methods should be chosen having in mind the aim of the research and how its result will be analyzed. As part of the study, many approaches to the classification of research methods in education have been proposed. The main accomplishment of this study is that the findings take us to the whole new level in discovering research solutions thus enabling educational science to push the boundaries in development of the educational methodology.

Keywords: education, educational methodology, theoretical and empirical learning methods, science and practice, research methods, result, research activities, pedagogue's attitude

Financial Support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-013-00184.

For citation: Demakova, I.D., Shustova, I.Yu. & Popova, I.N. (2022) Research in education: Theory and practice working side by side. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 154–161. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/19

Введение

Воспитание относится к особым сферам научного познания. Эта сфера отличается сложной природой предмета исследования, связанного с трудностью изучения процесса личностного развития ребенка в условиях постоянно меняющегося мира. Сегодня перед воспитанием подрастающего поколения стоят серьезные вызовы, детерминированные глобальными вызовами в экономической и социальной сферах. Среди них выделяются «нестабильность экономического развития; столкновение процессов глобализации и регионализации; рост националистических, ксенофобских настроений, экстремистских проявлений у подрастающего поколения; криминализация молодежной среды в некоторых российских регионах; превалирование декларативных моральных норм над реально действующими в обществе» [1] и многие другие факторы, оказывающие существенное влияние на ценности, сознание, поведение и жизнь человека в целом и влияющие на процесс воспитания. Следствием этой зависимости становятся изменения, происходящие как в предмете и с предметом воспитания, так и в постановке исследовательских задач, что не может не сказываться на процессе освоения новых методов исследования, обновления смыслов традиционных методов, обогащения сферы научного знания [2].

Представители научной школы академика РАО Л.И. Новиковой вот уже на протяжении 30 лет ищут ответы на вопросы методологии воспитания и методов исследования в сфере воспитания. Главное, что отличает поиски этой научной школы от других, – опора на союз науки и практики. Вопросам развития теоретико-методологических оснований воспитания посвящены научные исследования отечественных ученых: И.Д. Демаковой – воспитательная деятельность педагога в условиях парадигмального сдвига: методологический аспект [3], В.А. Караковского – исследование потенциала воспитательной системы [4], Е.В. Киселевой, И.Д. Демаковой, И.Н. Поповой – гуманитарная экспертиза в сфере воспитания [5, 6], А.В. Мудрика – включенное наблюдение как метод психолого-педагогических исследований [7, 8], Л.И. Новиковой – педагогический эксперимент [9], С.Д. Полякова – психопедагогика воспитания [10] и др.

Большой вклад в вопросы методологии педагогической науки внесли В.И. Загвязинский – о методах исследования и системном подходе к реформированию отечественного образования [11]; В.В. Краевский – научное исследование в педагогике основы теории и практики [12]; Е.В. Бондаревская – гумани-

тарная методология науки о воспитании [13]; И.А. Колесникова – трансдисциплинарная стратегия исследования в образовании [14]; В.В. Сериков – гуманитарная парадигма как перспектива преодоления методологического кризиса в педагогике, как основа методов исследования [15].

Наблюдая современные трансформационные процессы в культуре и социуме, объективно оказываясь погруженными в среду эпохи неопределенности, ученые испытывают острую потребность в анализе современных методов исследования в сфере воспитания. В этой связи особое значение приобретает обращение к научным позициям Л.И. Новиковой, В.А. Караковского, Н.Л. Селивановой, раскрывающим суть принципиальных вопросов методологии воспитания [4, 16]. Мы имеем в виду междисциплинарную природу исследования в сфере воспитания («использование знаний смежных наук»), опору на теоретические подходы к анализу предмета воспитания, к отбору исследовательских методов, связи теории и практики воспитания как необходимого условия научной рефлексии в данной сфере познания [17].

Необходимость осмысления и переосмысления теоретических оснований развития методологии воспитания подчеркивается в работах Н.Л. Селивановой, П.В. Степанова [18]. Отстаивая значимость опоры на научные подходы в изучении и понимании природы воспитания, авторы указывают на сформированность определенной исследовательской позиции в анализе существующих проблем и способов их разрешения. Из общей массы теоретико-методологических подходов в настоящее время выделяются современные развивающиеся направления гуманитарного познания: философско-антропологический (Л.М. Лузина), акмеологический (А.А. Бодалев), синергетический (Л.И. Новикова, Н.Л. Селиванова), средовой (Ю.С. Мануйлов), событийный (Д.В. Григорьев), герменевтический (И.Д. Демакова), позиционный (А.И. Григорьева) подходы. Каждый из названных подходов обладает специфическими методами изучения и анализа предмета воспитания. Соответственно, от каждого исследователя требуется не только знание о методах как инструментах познания, но и глубинное проникновение в специфику их использования в процессе исследования, необходимое для понимания возможностей их применения в решении возникающих задач [19. С. 16].

Отдельное влияние на методы исследования в педагогике, теории и практике воспитания оказали международные исследования П. Мортимора об улучшении эффективности школы [20], исследования Davis, Reynolds, Murray, Shulman, Berliner

David [21], направленные на изучение возможностей эффективного педагога, педагогическую экспертизу и пр.; исследования П. Блэка, С. Харрисона, С. Ли, Б. Маршала, Д. Уильяма, отражающие вопросы оценивания образовательного процесса в кольном классе [22]. Данные исследования связаны с пониманием и оценкой различных аспектов образовательного процесса, влияющих на развитие личности ребенка, соответственно на его воспитание.

Материалы и методы

В настоящее время в ситуации глобально распространяющейся эпохи нестабильности и неопределенности, под влиянием которой во многом происходят качественные изменения в процессах воспитания, анализ методов исследования воспитания, причины и условия их выбора и применения в теории и практической деятельности представляют особый объективно выраженный научный интерес. Как и чему отдают предпочтение представители теории и практики в выборе методов изучения воспитания – это вопрос, который определил логику и содержание настоящего исследования.

Для решения поставленной задачи в феврале–марте 2021 г. был проведен масштабный опрос, получивший название «Методы исследования в сфере воспитания». Для его проведения была разработана оригинальная методика, ориентированная на получение информации по трем основным блокам вопросов: «Методы исследования в теории воспитания», «Опыт применения методов исследования в сфере воспитания», «Анализ профессиональных затруднений в отборе методов исследования в сфере воспитания». Основным методом исследования, примененным в данном опросе, стало анкетирование.

В опросе приняли участие 672 человека из 27 регионов Российской Федерации. Из них ученые-исследователи (доктора и кандидаты педагогических наук) – 79 человек (12% от общего числа участников опроса), педагоги, связанные с практикой воспитания детей и молодежи (учителя школ, педагоги дополнительного образования) – 593 человека (88% от общего числа участников опроса). Субъектная позиция участников исследования неоднородна: 13,5% участников опроса работают со взрослыми (педагогами и студентами), 79% – с детьми – учащимися общеобразовательных школ и других образовательных организаций, 7,5% работают как с детьми, так и со взрослыми.

В блоке вопросов о методах исследования в теории воспитания участникам предлагалось представить авторскую теоретическую платформу в сфере воспитания. Для этого формулировки вопросов включали в себя определение научной школы, в рамках которой осуществляется профессиональная деятельность (вопрос № 1), определение понятия «воспитание» (вопрос № 2), определение методов воспитания как фундаментальных (вопрос № 3) и

эффективных для эмпирического исследования (вопрос № 4), а также вопрос о роли математических методов исследования в теории воспитания (вопрос № 5). Наиболее сложным в данном блоке, требующим сформированности научной зрелости и определенной исследовательской позиции, был вопрос о критерии/критериях эффективности отбора методов исследования в сфере воспитания (вопрос № 6).

Результаты исследования

Анализ ответов на данные вопросы дал нам следующую картину:

- 20% респондентов относят себя к представителям и последователям научной школы Л.И. Новиковой;

- 12% респондентов определяют своей теоретической платформой другие научные школы (Ш.А. Амонашвили, А.А. Бодалев, Н.М. Борытко, Л.С. Выготский, О.С. Газман, В.В. Краевский, А.Н. Леонтьев, Ю.С. Мануйлов, А.В. Мудрик, С.Д. Поляков, Г.К. Селевко, К.Д. Ушинский, Н.Е. Щуркова, Д.Б. Эльконин и др.);

- 45,4% руководствуются достижениями практики и личным опытом в области воспитания (С.Н. Лысенкова, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский, В.Ф. Шаталов, С.Т. Шацкий и др.);

- 22,6% участников опроса затруднились ответить на данный вопрос.

Такая эклектика и мозаичность определения участниками опроса теоретических оснований своей профессиональной деятельности в сфере воспитания позволяет констатировать, что за каждым выбором стоит собственная система ценностей и взглядов на изучение и решение проблем воспитания, а значит, во многом и уровень готовности участников решать исследовательские задачи. То, что 68% респондентов (учителя-практики) указали в качестве теоретических оснований педагогический опыт или затруднились ответить на поставленный вопрос, свидетельствует об устойчивой позиции, опирающейся на жизненный опыт и педагогическую интуицию, но никак не на знания в области теории воспитания. Отметим, что такая ситуация ухода от теории и погружения в практику свойственна неравновесным периодам общественного развития, когда работающие с детьми педагоги ищут ответы на свои вопросы в «правде жизни», накапливающейся и оформляющейся в категории «опыт», в том числе личный опыт и опыт профессиональной деятельности.

Однако то, что каждый третий участник опроса (32%) указал принадлежность к научной школе или принятие за основу достижений тех или иных ученых, свидетельствует о существующей потребности в обретении теоретико-методологической платформы. Следует отметить, что среди этих участников опроса только 12% относятся к представителям научного сообщества (исследователи, имеющие научные степени и ученые звания). Остальные 20% – практики. Это значит, что только каждый пятый практик организует свою профессиональную деятельность с опорой на научные подходы.

Такое положение дел вызывает озабоченность и делает необходимым поиск путей внедрения научных подходов в сфере воспитания и формирования готовности педагогов-практиков работать на их основе.

Традиционно ключевое понятие в сфере исследования определяется исходя из понимания принадлежности к определенной научной школе или на иных теоретических основаниях (признание научных и практических достижений в качестве основы). Однако в нашем случае воспитание как научная категория в ответах участников опроса определяется без учета такой закономерности.

Анализ ответов респондентов показал, что о воспитании как целенаправленном процессе управления развитием личности посредством создания благоприятных условий говорят 20% опрошенных, относящих себя к научной школе Л.И. Новиковой. Но интересно другое: еще примерно 20% респондентов, отметивших иные теоретические основания, берут за основу это определение, что указывает на факт общенародного признания сути воспитания, оформленного в научной школе Л.И. Новиковой.

Среди иных определений воспитания обращают на себя внимание ответы:

– «воспитание – это взаимодействие с учащимися с целью формирования нравственных качеств»;

– «деятельность, направленная на развитие личности, по созданию условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил, и норм поведения в интересах человека, семьи общества и государства»;

– «забота и поддержка ребенка в процессе его социализации»;

Указанные в ответах определения опираются на теоретические основания научных школ А.А. Амонашвили, О.С. Газмана, А.В. Мудрика, Г.К. Селевко. В ответах участников это просматривается у 23% респондентов.

Для педагогов-практиков также характерны такие определения, как «искусство взращивания Человека», «социализация личности», «воздействие на личность», «труд», «ответственность» и т.п. Одним из самых распространенных ответов у данной группы респондентов (24%) является ответ «передача детям опыта поколений, ценностей, норм и правил поведения в обществе». Оставшимся 13% участников определение воспитания не удалось оформить и представить в ответе на поставленный вопрос.

Полученные результаты еще раз подтверждают то, что в среде педагогов-практиков нет устойчивой научной платформы в сфере воспитания, а каждый четвертый практик ориентирован на опытническую позицию без опоры на теорию воспитания.

Вопрос о фундаментальных методах исследования в теории воспитания вызвал острую реакцию: «Неточный вопрос, что понимается под “фундаментальными методами”? Это то, что дает наиболее существенное знание или чаще используемые методы?». Такие ответы поступили от группы ученых-исследователей. Это качественный ответ, отражающий значимую реакцию активного субъекта научного

познания. Поставленные в данном ответе вопросы свидетельствуют о необходимости искать на них ответы и давать их научное обоснование. Это указывает на перспективы развития теории воспитания в части конкретизации и систематизации методов в сфере воспитания. Здесь, однако, возникает закономерный вопрос: что должно стать основанием для такой систематизации, учитывая неустойчивость, неопределенность и стремительность изменений, происходящих в современном мире?

Такой дискуссионный ответ был один. Основная масса участников опроса как со стороны научного сообщества, так и со стороны практиков ответили на вопрос о фундаментальных методах исследования достаточно однородно. В среднем 83,6% респондентов указали на наблюдение, 80,21% – на анализ, 66,4% отметили систематизацию, 48,5% – моделирование, 38,8% респондентов – синтез. 30,2% участников отметили эксперимент.

Участниками опроса были указаны такие фундаментальные методы: словесные, методы классификации, рефлексия, проектирование, теоретическое обобщение. Среди предложенных фундаментальных методов важное место уделено методам классификации и теоретического обобщения, что свидетельствует о знании традиционных классических оснований методологии образования (В.И. Загвязинский, В.В. Краевский, А.М. Новиков). Сфера воспитания, отличающаяся своей особенной природой, в эпоху неопределенности стремится к преодолению шаблонов, поиску новых теоретических оснований систематизации исследовательского инструментария. Вопрос об основаниях отбора методов становится краеугольным камнем в этом процессе. Отвечая на него, авторы рискуют выступить с предположением, что к фундаментальным методам в сфере исследования воспитания могут быть отнесены не только общенаучные, но и методы, сущностно определяющие изменения в природе человека. Мы имеем в виду методы исследования «живых» систем, «мягкие» методы, в число которых могут войти из предложенных участниками опроса словесные методы и рефлексия. Среди них займут достойное место педагогическая герменевтика, лонгитюд, гуманитарная экспертиза и другие методы гуманитарного познания.

Часть из вышеобозначенных методов в настоящее время рассматриваются как эффективные методы эмпирического исследования. На их значимость с позиции практиков указало следующее количество участников опроса:

- 68,8% – наблюдение;
- 64,4% – диагностические методы сбора данных (анкетирование, опросы и др.);
- 57,9% – анализ опыта воспитательной деятельности;
- 49,7% – анализ продуктов деятельности;
- 40% – эксперимент.

По мнению ученых, наиболее эффективными эмпирическими методами являются диагностические методы (анкетирование, опросы и др.) и анализ продуктов деятельности (ответили 63% участников данной группы, более 50 человек), анализ опыта воспитательной дея-

тельности и наблюдение – указали 47 и 46 человек, что составляет в среднем 59,5% участников данной группы. На эксперимент указали почти 50% респондентов (выше, чем у педагогов), что вполне закономерно. Анализ документации и сравнение тоже встречается достаточно часто – у 30% респондентов группы ученых.

Вопрос о роли математических методов исследования можно отнести к разряду неоднозначно трактуемых. Об этом свидетельствуют предпочтения, отданные разным формулировкам в ответе на данный вопрос. Для сравнения результатов в табл. 1 приводим сведения о выборе ответов в разных группах респондентов.

Таблица 1

Сведения о выборе ответов в разных группах респондентов на вопрос о роли математических методов в теории воспитания

Вариант ответов	Группа респондентов, %	
	Ученые	Практики
1. Изучение количественных зависимостей между изучаемыми явлениями	36,7	37,2
2. Сбор статистической информации	49,3	64,3
3. Повышают надежность выводов по итогам исследования	35,4	39
4. Дают основания для теоретических обобщений	41,7	42,3
5. Являются обязательным условием математического моделирования	15,2	18,9
6. Крайне усложняют и затягивают исследовательский процесс	12,7	4
7. Не являются определяющими в оформлении выводов по итогам исследования	24	10,6

Выбор ответов 1–4 объясним и обоснован практикой организации исследований в сфере воспитания и объективно научного интереса в данной области научного познания. Полученные результаты указывают на недостаточное внимание к методам математической статистики, поскольку работа с массивами математических данных никогда не представляла большого значения в данной области исследовательской деятельности. Здесь всегда приоритет научных интересов отдавался единичному в противовес множественному. Сделанный нами вывод в некоторой степени подкрепляет результаты выбора ответа о значимости математических методов в оформлении выводов по итогам исследования, а также эмоциональные высказывания в среде ученых-исследователей об усложнении и затягивании исследовательского процесса.

Будет ли меняться ситуация в данном направлении научных предпочтений в исследовании вопросов воспитания, пока трудно предположить. Однако педагогически интересен во всем мире интерес к анализу Big Data сегодня нельзя не принимать во внимание. Эта тенденция может оказать свое влияние на выдвижение новых исследовательских задач и, как следствие, появление новых направлений исследований в сфере воспитания.

Вопрос о критериях эффективности отбора методов исследования в сфере воспитания (вопрос № 6) был сформулирован в целях установления мотивации участников к применению того или иного метода и отражения их профессиональных предпочтений в этом аспекте деятельности. Результаты получились неоднородными (табл. 2).

Таблица 2

Сведения о выборе ответов в разных группах респондентов на вопрос о критериях эффективности отбора методов исследования

Вариант ответов	Группа респондентов, %	
	Ученые	Практики
Системность в отборе методов исследования	40,5	55
Доказательность результатов исследования	53,1	47,9
Объективность выбора научного инструментария проведения исследования	27,8	47,5
Ориентация на доказательство выдвинутой гипотезы	25,3	20,6
Классическое сочетание теории и практики в процессе организации исследования	27,8	35,7
Убедительность избранных инструментов в решении поставленных целей и задач	34,2	18,5
Если методы исследования ориентированы на оценку качественных результатов воспитания (ценности, смыслы, отношения и др.)	43,2	27,4
Вариативность применения методов с ориентацией на развитие процесса воспитания	25	12

Полученные результаты не отличаются парадоксальностью: представленная в ответах мотивация достаточно закономерна, она отражает специфику деятельности участников исследования. Но тем не менее некоторые данные заставляют задуматься:

– почему в группе ученых только каждый четвертый ответил, что эффективность выбора методов исследования связана с ориентацией на доказательство выдвинутой гипотезы;

– почему в этой же группе респондентов только каждый третий указал на убедительность избранных инструментов в решении поставленных целей и задач;

– почему только каждый второй связывает эффективность выбора методов исследования в сфере воспитания с доказательностью ее результатов?

Эти вопросы погружают в размышления о логике построения исследовательского процесса, в которой преобладает научная интуиция, представленная желанием разобраться в ценностях и смыслах, а не жесткая научная платформа с четко выстроенной системой доказательств. Это архисложная задача. Но ее решение в настоящее время становится необходимым и востребованным, поскольку оно позволяет использовать в современных исследованиях методы, адекват-

ные предмету воспитания. Мы полагаем, что теоретическое обоснование научной состоятельности «мягких» методов изучения и анализа «живых» систем позволит снять те противоречия и затруднения при выборе методов, о которых пишут участники опроса в ответе на последний вопрос анкеты «Какие сложности и затруднения при выборе методов исследования в сфере воспитания вы испытываете?».

Авторы подчеркивают:

– «сложность исследования в области воспитания связана с его быстрой динамикой и малой предсказуемостью, множеством факторов, влияющих на изучаемый процесс или явление»;

– «характерная черта педагогических процессов – это неоднозначность их протекания; педагогические процессы характерны своей неповторимостью. Вот почему «чистый» эксперимент в педагогике невозможен, как бы тщательно он ни был подготовлен и проведен»;

– «неоднозначный характер воспитательных процессов ограничивает возможность применения методов исследования, вынуждает прибегать к различным ухищрениям для извлечения правдивой информации».

Данные высказывания педагогов-практиков убедительно доказывают, что результаты воспитания могут оцениваться лишь в логике качественных изменений. Увидеть результат можно, только наблюдая воспитанника достаточно долгое время, чтобы понимать изменения, которые произошли.

В ответах ученых-исследователей, кроме вышеобозначенных, акцентируется внимание на инструментальной стороне современного исследовательского процесса: «налицо недостаточность арсенала, официальная недооценка качественных методов исследования, сложность обработки результатов»; «недостаточное владение имеющимися цифровым инструментарием, который позволяет применять традиционные методы исследования в новых форматах; трудности в получении достоверной информации количественного характера»; «сложности возникают не при выборе методов исследования, а при выборе конкретных диагностических методик. Не все они валидны. Крайне мало высококачественных методик, позволяющих использовать способы количественной обработки эмпирических данных. Заимствованные («переводные») методики далеко не всегда отвечают принципу культуросообразности. Процесс применения герменевтических методов (интерпретация и др.) в педагогическом исследовании не описан алгоритмически; «выход современных исследований в области воспитания на междисциплинарный уровень; сложность в четком разделении психологических и педагогических методов исследования; малая адаптированность в педагогике психологических и социологических методов исследования».

Приведенные примеры высказываний группы респондентов, профессионально занимающихся исследовательской деятельностью, свидетельствуют о глубоко противоречии между выраженной потребностью исследовать процесс воспитания в условиях новой реальности и недостаточным уровнем готовности

методологии воспитания к обеспечению современного исследователя актуальным инструментарием, отвечающим высоким требованиям достоверности, обоснованности и доказательности полученных в ходе исследований результатов. Это вызов, который интуитивно вызывает в недрах практики. Вызов, который науке еще только предстоит осознать и одним из ответов на который должно стать обоснование систематизации «мягких» методов изучения «живых» систем.

Таким образом, полученные результаты позволили нам сформулировать ряд значимых выводов о тенденциях развития методологии воспитания на современном этапе:

1. Традиционное разделение методов на теоретические, эмпирические и методы математической (статистической) обработки эмпирических данных не вполне учитывает специфику современных исследований в сфере воспитания.

2. В настоящее время, когда, с одной стороны, получила дальнейшее развитие педагогическая наука, а с другой – увеличился массив информационных источников, есть реальная возможность расширить использование в педагогике методов из других сфер научного знания.

3. Выбор методов исследования в сфере воспитания должен соответствовать: ключевым теориям и концепциям педагогики и смежных наук (психоаналитическим, НЛП, гуманистическим, социально-психологическим, герменевтическим и др.); способам организации исследовательского процесса – по способу познания (непосредственного и опосредованного познания); способу сбора информации, особенностям использования (собственно методы, диагностические методики, методические приемы).

4. Методы исследования выбираются в соответствии со спецификой анализа результата воспитания, на который ориентировано исследование: формирование, коррекция, мотивация личности, приобретение положительного опыта и др. (в том числе по характеристике формируемых личностных качеств воспитанника); способ фиксации результатов, качественные и количественные результаты; результаты (процессуальные и продуктивные); в соответствии с позицией исследователя (специфика и степень видимой включенности исследователя в процесс) и др.

Заключение

Наше исследование подтвердило гипотезу о внутренней глубинной связи между методологией исследования и методиками (совокупностью методов) его организации. При этом считаем важным подчеркнуть, что понятия «методология» и «методы» для нас не являются синонимами – методологию мы понимаем, как учение о системе принципов и способов теоретической и практической деятельности, а методы – как путь, посредством которого познается предмет науки (воспитательный процесс, воспитательная система, воспитательная деятельность педагога и т.д.). За последние 10–20 лет методологические основания исследований в сфере воспитания значительно расширились. Если в научных работах

двадцатилетней давности ученые называли в качестве методологического основания диалектику, то сегодня перед нами весьма серьезный перечень методологических подходов: аксиологический, междисциплинарный, системный, личностно ориентированный и т.д. Каждое из названных методологических оснований позволяет ученым ввести в исследовательский арсенал новые методы, которые используются в той или иной сфере знаний, а также появляется возможность использования этих методов в самых разных комбинациях.

Главный вывод, который можно сделать, – это то, что наиболее результативными методами исследова-

ний в сфере воспитания сегодня являются «качественные методы»: методы педагогической герменевтики, гуманитарной экспертизы, лонгитюда, методы стимулирования научной рефлексии как основы развития теории систематизации «мягких» методов изучения «живых» систем.

Сделан шаг, позволяющий выйти в процессе поиска ответов на вопросы о методах исследования на новый качественный уровень, что позволяет направить усилия педагогической науки на формирование новых горизонтов развития методологии воспитания.

Список источников

1. Селиванова Н.Л. Школьное воспитание: новые возможности и потенциальные риски : доклад для обсуждения на заседании бюро отделения философии образования и теоретической педагогики РАО. 22.09.2020.
2. Demakova I.D., Shustova I.Yu., Valeeva R.A. Reconsidered Content of Upbringing in Modern Pedagogy // ARPHA Proceedings, 1. V International Forum on Teacher Education. 2019. P. 907–914.
3. Демакова И.Д. Воспитательная деятельность педагога в условиях парадигмального сдвига: методологический аспект // Образование и саморазвитие. 2013. Т. 38. С. 22–30.
4. Караковский В.А., Новикова Л.И., Селиванова Н.Л. Воспитание? Воспитание... Воспитание! Теория и практика школьных воспитательных систем. М. : Педагогическое общество России, 2000.
5. Киселева Е.В. Педагогическая экспертиза в теории воспитания // Сибирский педагогический журнал. 2017. № 4. С. 20–29.
6. Демакова И.Д., Попова И.Н. Гуманитарная экспертиза как метод научного знания в педагогике // Вестник ПСТГУ. Педагогика. Психология. 2021. Вып. 60. С. 37–48.
7. Леванова Е.А., Мудрик А.В., Серякова С.Б., Пушкарева Т.В., Тарабакина Л.В., Звонова Е.В., Зотова О.Н. Социально-педагогические основы исследования систем воспитания в мегаполисе // Образование личности. 2019. № 2. С. 12–20.
8. Мудрик А.В. Включенное наблюдение как метод психолого-педагогических исследований // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2017. № 47. С. 109–116.
9. Новикова Л.И. Педагогика воспитания: Избранные педагогические труды / под ред. Н.Л. Селивановой, А.В. Мудрика ; сост. Е.И. Соколова. М. : ООО «ПЕР СЭ», 2010.
10. Поляков С.Д. От прошлого к будущему. Психолого-педагогические очерки о социокультурном контексте развития отечественной школы. М. : ФИРО, 2016.
11. Загвязинский В.И. О системном подходе к реформированию отечественного образования // Педагогика. 2016. № 1. С. 12–18.
12. Краевский В.В. Научное исследование в педагогике и современность // Педагогика. 2015. № 2. С. 13–21.
13. Бондаревская Е.В. Гуманитарная методология науки о воспитании // Педагогика. 2012. № 7. С. 11–24.
14. Колесникова И.А. Трансдисциплинарная стратегия исследования непрерывного образования // Непрерывное образование: XXI век. 2014. № 4 (8). С. 14–22.
15. Пичугина В.К., Сериков В.В. Гуманитарная парадигма как перспектива преодоления методологического кризиса в педагогике // Педагогика. 2016. № 1. С. 19–27.
16. Selivanova N.L., Stepanov P.V., Shakurova M.V. Novikova's research school: main ideas and prospects for development // Russian Education and Society. 2016. Т. 58. № 1. С. 1–11.
17. Демакова И.Д., Шустова И.Ю. Междисциплинарный подход к выбору методов исследования в теории воспитания // Педагогический журнал Башкортостана. 2021. № 1 (91) С. 30–44.
18. Селиванова Н.Л., Степанов П.В. Теоретические основы оценки качества воспитания в системе общего образования // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014. № 3 (76). С. 176–185.
19. Селиванова Н.Л. Воспитание в современной школе: от теории к практике. М. : ИТИП, 2010. 211 с.
20. Мортимор П. Исследование проблемы эффективности школы // Пинский А. Образование свободы и несвобода образования. Свердловск : Изд-во УРАО, 2004. С. 58–72.
21. Berliner D.C. Educational psychology and pedagogical expertise: New findings and new opportunities for thinking about training // Educational psychologist. 1991. № 26.2. P. 145–155.
22. Black P., Harrison S., Lee S., Marshall B., William D. Learning Assessment: Application in Practice. Maidenhead : Open University Press, 2003.

References

1. Selivanova, N.L. (2020) *Shkol'noe vospitanie: novye vozmozhnosti i potentsial'nye riski: doklad dlya obsuzhdeniya na zasedanii byuro otdeleniya filosofii obrazovaniya i teoreticheskoy pedagogiki RAO* [School education: new opportunities and potential risks: a report for discussion at a meeting of the Bureau of the Department of Philosophy of Education and Theoretical Pedagogy of the Russian Academy of Education]. 22.09.2020.
2. Demakova, I.D., Shustova, I.Yu. & Valeeva, R.A. (2019) Reconsidered Content of Upbringing in Modern Pedagogy. *ARPHA Proceedings*, 1. V International Forum on Teacher Education. pp. 907–914.
3. Demakova, I.D. (2013) *Vospitatel'naya deyatel'nost' pedagoga v usloviyakh paradigmalnogo sdviga: metodologicheskii aspekt* [Educational activity of a teacher in conditions of a paradigm shift: a methodological aspect]. *Obrazovanie i samorazvitie*. 38. pp. 22–30.
4. Karakovskiy, V.A., Novikova, L.I. & Selivanova, N.L. (2000) *Vospitanie? Vospitanie... Vospitanie! Teoriya i praktika shkol'nykh vospitatel'nykh sistem* [Education? Education... Education! Theory and practice of school educational systems]. Moscow: Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii.
5. Kiseleva, E.V. (2017) *Pedagogicheskaya ekspertiza v teorii vospitaniya* [Pedagogical expert examination in the theory of education]. *Sibirskiy pedagogicheskii zhurnal*. 4. pp. 20–29.
6. Demakova, I.D. & Popova, I.N. (2021) *Gumanitarnaya ekspertiza kak metod nauchnogo znaniya v pedagogike* [Humanitarian expert examination as a method of scientific knowledge in pedagogics]. *Vestnik PSTGU. Pedagogika. Psikhologiya*. 60. pp. 37–48.
7. Levanova, E.A. et al. (2019) *Sotsial'no-pedagogicheskie osnovy issledovaniya sistem vospitaniya v megapolise* [Sociopedagogical foundations of the study of education systems in megacities]. *Obrazovanie lichnosti*. 2. pp. 12–20.

8. Mudrik, A.V. (2017) Vkluychennoe nablyudenie kak metod psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniy [Participant observation as a method of psychological and pedagogical research]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya*. 47. pp. 109–116.
9. Novikova, L.I. (2010) *Pedagogika vospitaniya: Izbrannye pedagogicheskie trudy* [Pedagogy of education: Selected pedagogical works]. Moscow: OOO "PER SE".
10. Polyakov, S.D. (2016) *Ot proshlogo k budushchemu. Psikhologo-pedagogicheskie ocherki o sotsiokul'turnom kontekste razvitiya otechestvennoy shkoly* [From past to future. Psychological and pedagogical essays on the socio-cultural context of the development of the national school]. Moscow: FIRO.
11. Zagvyazinskiy, V.I. (2016) O sistemnom podkhode k reformirovaniyu otechestvennogo obrazovaniya [On a systematic approach to reforming domestic education]. *Pedagogika*. 1. pp. 12–18.
12. Kraevskiy, V.V. (2015) Nauchnoe issledovanie v pedagogike i sovremennost' [Scientific research in pedagogics and modernity]. *Pedagogika*. 2. pp. 13–21.
13. Bondarevskaya, E.V. (2012) Gumanitarnaya metodologiya nauki o vospitanii [Humanitarian methodology of the science of education]. *Pedagogika*. 7. pp. 11–24.
14. Kolesnikova, I.A. (2014) Transdistsiplinarnaya strategiya issledovaniya nepreryvnogo obrazovaniya [ransdisciplinary strategy for the study of lifelong education]. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek*. 4 (8). pp. 14–22.
15. Pichugina, V.K. & Serikov, V.V. (2016) Gumanitarnaya paradigma kak perspektiva preodoleniya metodologicheskogo krizisa v pedagogike [Humanitarian paradigm as a prospect for overcoming the methodological crisis in pedagogics]. *Pedagogika*. 1. pp. 19–27.
16. Selivanova, N.L., Stepanov, P.V. & Shakurova, M.V. (2016) Novikova's research school: main ideas and prospects for development. *Russian Education and Society*. 58 (1). pp. 1–11.
17. Demakova, I.D. & Shustova, I.Yu. (2021) Mezhdistsiplinarnyy podkhod k vyboru metodov issledovaniya v teorii vospitaniya [Interdisciplinary approach to the choice of research methods in the theory of education]. *Pedagogicheskiy zhurnal Bashkortostana*. 1 (91) pp. 30–44.
18. Selivanova, N.L. & Stepanov, P.V. (2014) Teoreticheskie osnovy otsenki kachestva vospitaniya v sisteme obshchego obrazovaniya [Theoretical foundations for assessing the quality of education in the system of general education]. *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. 3 (76). pp. 176–185.
19. Selivanova, N.L. (2010) *Vospitanie v sovremennoy shkole: ot teorii k praktike* [Education in modern school: from theory to practice]. Moscow: ITIP.
20. Mortimor, P. (2004) Issledovanie problemy effektivnosti shkoly [Study of the problem of school efficiency]. In: Pinskiy, A. *Obrazovanie svobody i nesvoboda obrazovaniya* [Education of freedom and non-freedom of education]. Sverdlovsk: Izd-vo URAO. pp. 58–72.
21. Berliner, D.C. (1991) Educational psychology and pedagogical expertise: New findings and new opportunities for thinking about training. *Educational Psychologist*. 26.2. pp. 145–155.
22. Black, P. et al. (2003) *Learning Assessment: Application in Practice*. Maidenhead: Open University Press.

Информация об авторах:

Демакова И.Д. – д-р пед. наук, профессор кафедры психологической антропологии Института детства Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия). E-mail: idd1938@yandex.ru

Шустова И.Ю. – д-р пед. наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории развития личности в системе образования Института стратегии развития образования Российской академии образования (Москва, Россия). E-mail: innashustova@yandex.ru

Попова И.Н. – канд. пед. наук, ведущий научный сотрудник НИЦ социализации и персонализации образования детей Федерального института развития образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: Popovain@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.D. Demakova, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Institute of Childhood, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: idd1938@yandex.ru

I.Yu. Shustova, Dr. Sci. (Pedagogics), leading researcher, Institute for Strategic Development of Education, Russian Academy of Education (Moscow, Russian Federation). E-mail: innashustova@yandex.ru

I.N. Popova, Cand. Sci. (Pedagogics), leading researcher, Federal Education Development Institute of RANEPa (Moscow, Russian Federation). E-mail: Popovain@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.11.2021;
одобрена после рецензирования 18.04.2022; принята к публикации 20.05.2022.*

*The article was submitted 09.11.2021;
approved after reviewing 18.04.2022; accepted for publication 20.05.2022.*

Научная статья
УДК 378
doi: 10.17223/15617793/478/20

Ценностно-смысловые приоритеты субъект-субъектного взаимодействия в высшей школе в ракурсе когнитивной парадигмы

Алсу Рауфовна Камалеева¹, Анастасия Викторовна Фахрутдинова²,
Ирина Германовна Кондратьева³

¹ Институт педагогики, психологии и социальных проблем, Казань, Россия

^{2,3} Казанский федеральный университет, Казань, Россия

¹ kamaleyeva_kazan@mail.ru

² avfach@mail.ru

³ irina.kondrateva.67@mail.ru

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена необходимостью определения роли когнитивной парадигмы в повышении эффективности субъект-субъектного взаимодействия в высшей школе. Цель статьи – раскрыть эмпатичные резервы и механизмы взаимодействия педагога и обучающихся, способствующие его протеканию в атмосфере комфортности и доверительности. Определяется значимость когнитивного компонента эмпатии как связующего звена развития ценностного осознания, понимания и регуляции когниций и эмоций субъектов образования, влияющих на успешность их взаимодействия.

Ключевые слова: субъект-субъектное взаимодействие, обучающиеся, педагог, партисипация, эмпатия, основные партисипативные умения, продвинутые партисипативные умения

Для цитирования: Камалеева А.Р., Фахрутдинова А.В., Кондратьева И.Г. Ценностно-смысловые приоритеты субъект-субъектного взаимодействия в высшей школе в ракурсе когнитивной парадигмы // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 162–171. doi: 10.17223/15617793/478/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/20

Axiological priorities of subject-subject interaction in higher education from the perspective of the cognitive paradigm

Alsu R. Kamaleeva¹, Anastasia V. Fakhrutdinova²,
Irina G. Kondrateva³

¹ Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems, Kazan, Russian Federation

^{2,3} Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

¹ kamaleyeva_kazan@mail.ru

² avfach@mail.ru

³ irina.kondrateva.67@mail.ru

Abstract. The relevance of the article is due to the need to determine the role of the cognitive paradigm in increasing the effectiveness of subject-subject interaction in the educational process of higher education, this interaction contributing to the development of the educational process's subjects with axiological priorities. The authors solve the problem of revealing empathic reserves and mechanisms of interaction between a teacher and students that allow the educational process to be carried out in an atmosphere of comfort, trust, openness, which determines humanistic semantic formations and value-based transformations of the individual. In the article, on the basis of participation seen as the opposite of domination, coercion and authoritarianism, and as a reserve for creating a favorable psychological climate for cooperation, the authors compare the basic and advanced participatory skills of the teacher. The authors define the importance of the cognitive component of empathy as a connecting link in the development of value-based awareness, understanding and regulation of educational subjects' cognitions and emotions that affect the success of their interaction. Empathy is revealed as a form of rational-emotional-intuitive reflection of another person, which predicts one's behavior in subject-subject interaction. The authors define the position of the teacher in subject-subject interaction from the perspective of the cognitive paradigm, which, in the logic of empathic conditioning of this interaction, is transformed into the role of a guide. Such a position of the teacher is formed on the basis of the development of a step-by-step algorithm for the development of the teacher's emotional identification as a structural component of empathy. Experimental results of the study of empathic reserves and mechanisms of interaction between a teacher and students are presented on the basis of a survey of 48 second-year students of two groups

(Gr.07-911 and Gr.07-911k) of the Chemical Education specialty, the Institute of Chemistry named after I.M. Butlerov of Kazan Federal University, and 41 people of two groups (Gr. 3A and Gr. 3B) in the Art of Ballet and Art of Dance specialties of the final year of the Kazan Choreographic School. The survey used the method of diagnosing the level of empathic abilities of V.V. Boyko. The selected diagnostics made it possible not only to obtain the qualitative characteristics of each channel of empathy of the students and their identification, but also, most importantly, to obtain personality-oriented information about the attitudes that promote or hinder empathy in subject-subject interaction for each surveyed student.

Keywords: subject-subject interaction, student, educator, participation, empathy, basic participatory skills, advanced participatory skills

For citation: Kamaleeva, A.R., Fakhrutdinova, A.V. & Kondrateva, I.G. (2022) Axiological priorities of subject-subject interaction in higher education from the perspective of the cognitive paradigm. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 162–171. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/20

В современной психолого-педагогической литературе представлен обширный материал по изучению различных форм субъект-субъектного взаимодействия в системе высшего образования (М.Н. Винникова, Т.А. Жданова, Г.А. Касен, А.М. Кудайбергенова, В.А. Курина, Т.А. Логиновских, Ф.Г. Мухаметзянова, Э. Рангелова, Н.М. Романенко, Н.С. Шкитина, Р.Р. Хайрутдинов и др.) [1–13]. Формирование и распространение когнитивной парадигмы образования, базирующейся на обращении к многоуровневым способам, видам и технологиям мышления, восприятия и переработки информации в целях создания субъектом собственной системы знаний и представлений в конкретной предметной области (сфере учебных дисциплин, будущей профессиональной деятельности), предполагает коренные изменения в организации учебно-познавательных взаимоотношений между

обучающими и обучаемыми в системе высшего образования. Назрела жизненно важная необходимость осуществлять любой вузовский познавательный процесс (лекцию, семинар, лабораторный практикум) в условиях атмосферы доверительности, открытости, когда каждый субъект образовательного процесса всем своим поведением и отношением способствует словесно-эмоциональному обмену (проникающая способность в эмпатии).

Составители терминологического словаря «Современный образовательный процесс: основные понятия и термины» М.Ю. Олешков и В.М. Уваров дают, по нашему мнению, наиболее приемлемое определение понятия «взаимодействие»: согласованная деятельность участников образовательного процесса по достижению совместных целей, результатов и решению значимой для них проблемы или задачи [14. С. 50].

Таблица 1

Авторские трактовки феномена «субъект-субъектное взаимодействие» применительно к высшей школе в психолого-педагогических исследованиях

Трактовка субъект-субъектного взаимодействия в психолого-педагогических исследованиях	Авторы
Под взаимодействием субъектов образовательного процесса понимается взаимопонимание–действие–влияние и т.д., обеспечивающие многогранность данного феномена [3. С. 64]	Г.А. Касен, А.М. Кудайбергенова
Субъект-субъектные отношения рассматриваются как особенность организации образовательного процесса вуза с позиции организации взаимодействия профессорско-преподавательского состава с обучающимися, направленного на овладение профессиональными и общекультурными компетенциями	М.Ю. Казарян, А.Е. Тарасова, Р.Р. Хайрутдинов
Субъект-субъектные отношения рассматриваются с позиции творческого подхода и подразумевают обоюдозначимое сотрудничество, определяемое общими целями, построенное на определенной системе ценностей. Такие отношения подразумевают равноправие, взаимоуважение сторон и строятся на эмпатии	Н.С. Шкитина, Н.С. Касаткина
Субъект-субъектное общение является особой формой проявления личностной активности, в основе которой лежит информационный обмен участников образовательного процесса, подразумевающий корректировку, дешифровку знания и позволяющий осуществлять все виды общения [4]	В.А. Курина
Студент как субъект образовательного процесса динамичен, поскольку подвержен изменению в процессе отношений, возникающих в процессе образовательной деятельности. В основе таких отношений – принципы сотрудничества, самоуправления, самовыражение, самореализация и саморазвитие, результатом которых является готовность к творчеству [2]	Т.А. Жданова
«Взаимодействие “преподаватель – студент” рассматривается как два самостоятельных фактора, две относительно самостоятельные социальные системы. Эти системы входят одна в другую, не теряя свою идентичность; устанавливаются отношения партнерства, взаимоуважения и учета Я другого» [7. С. 93].	Э. Рангелова

Таким образом, большинство ученых рассматривает субъект-субъектное взаимодействие с двух сторон: «преподаватель – студенты» и «студенты – преподаватель». Можно, таким образом, констатировать линейный характер этого взаимодействия (см. рис. 1).

преподаватель – студенты ↔ студенты – преподаватель

Рис. 1. Линейный характер субъект-субъектного взаимодействия

Но это взаимодействие предполагает и участие студентов, и взаимодействие их между собой, особенно в процессе парной работы и работы в малых подгруппах во время семинарских и лабораторных заня-

тий. Поэтому нужно учитывать и этот (иногда мало управляемый) характер взаимодействий. Следовательно, характер субъект-субъектного взаимодействия уже не будет иметь линейный вид (см. рис. 2).

Рис. 2. Трехсторонний характер субъект-субъектного взаимодействия

В методологии когнитивной дидактики высшего образования значимым является максимальное использование внутренних когнитивных резервов каждого субъекта образовательного процесса. И в этом отношении нам импонирует позиция Н.С. Шкитиной и Н.С. Касаткиной, выдвинувших тезис партисипативной подготовки студентов педагогических вузов, в котором партисипация «...рассматривается как противоположность доминированию, принуждению и авторитарности и реализуется в совместном принятии решений, совместном выявлении проблем и вариантов их решения, делегировании прав, а также создании благоприятного для сотрудничества психологического климата» [9. С. 197]. Они четко выделяют необходимость формирования у будущих педагогов профессионально-нравственного качества – партисипативности как обязательного элемента оптимального проектирования субъект-субъектных отношений в процессе обучения [9. С. 203] и считают, что педагог должен обладать и применять в процессе взаимодействия основные и продвинутое партисипативные умения.

Детализация деятельности педагога при построении субъект-субъектных отношений с обучаемыми коррелирует с мнением Н.Ф. Родионовой и А.П. Тряпицыной о том, что роль преподавателя прежде всего направлена на поддержку деятельности обучающегося и что современный преподаватель – это и педагог-консультант, и педагог-модератор, и педагог-тьютор [15. С. 13].

Говоря об использовании внутренних когнитивных резервов студентов как полноправных субъектов образовательного процесса, авторы статьи «Интенции психодидактики в высшем образовании» В.А. Ерохи-

на, М.Ю. Казарян и А.Е. Тарасова обращают внимание на возможность использования цифровых навыков студентов в методическом обеспечении занятий. Это не только создание презентаций к лекционному материалу и практико-ориентированным занятиям, но и разработка «форм отчета самообразовательной самостоятельной работы студентов и различных форм групповой деятельности (кейс-стади, деловые и ролевые игры, конференции, дискуссии), а также создание тестового материала по дисциплинам, проведение микроисследований возможностей объединения теоретических и практических дисциплин» [16. С. 13–14]. Главное, как отмечает С.И. Беленцов, взаимодействие способствует развитию индивида, развитию его гражданских и патриотических качеств [17, 18].

Интересными, на наш взгляд, являются выводы болгарского коллеги, доктора педагогических наук, председателя ассоциации профессоров славянских стран Эмили Рангеловой о том, что проведенный ею анализ мнений болгарских студентов единственного классического университета в Республике Болгарии – СУ «Св. Климент Охридски», а также студентов государственных университетов в городах Бургас, Габрово, Стара Загора позволил выявить ряд открытых проблем взаимодействия преподаватель – студент: умение общаться и понимать другого человека; сочувствовать другим и прийти им на помощь; уступать и уважать в каждом человеке личность. Автор считает, что «своевременное диагностирование позволило бы найти адекватные решения для оптимальной гуманизации и демократизации педагогического процесса в современной высшей школе» [7. С. 70].

Одним из существенных условий гуманизации и демократизации педагогического взаимодействия в вузе

выступает понимание эмпатии как личностного качества субъектов образования, которое позволяет обеспечить развитие познавательных, ценностно-смысловых и гуманистически-концептных составляющих образовательного процесса.

Попытаемся провести краткий анализ подходов к определению эмпатии и выявлению ее функциональных характеристик. В современном толковом словаре русского языка представлено следующее определение эмпатии: «Способность входить в чужое эмоциональное состояние, сопереживать. Интеллектуальная идентификация собственных чувств с чувствами и мыслями другого человека» [19. С. 978]. В «Большом психологическом словаре» представлены характеристики эмоциональной, когнитивной и предикативной эмпатии. Эмоциональная эмпатия раскрывается как системная целостность моторных и аффективных подражательных реакций, когнитивная – включает интеллект, аналогию, логику, а предикативная эмпатия выступает как способность определения аффективных реакций другого в конкретных ситуациях.

Психологизация наук о человеке и обществе первой половины XX в. выступила базисом для обозначения эмпатии предметом научного анализа в зарубежных исследованиях. Т. Липпс представил теорию чувствования, которая легла в основу дискуссионной полемики и послужила отправной точкой для дальнейших дискуссий об эмпатии [20]. Исследование Т. Липпса объяснило сущностные характеристики механизмов эмпатии: чувствование и умозаключение по аналогии.

К. Роджерс отмечал, что быть в состоянии эмпатии означает воспринимать внутренний мир другого точно, с сохранением эмоциональных и смысловых оттенков. Как будто становишься этим другим, но без потери ощущения «как будто» [21]. Он выделяет следующие характеристики эмпатии:

- «– в процессе эмпатии необходимо сохранение собственной позиции и психологической дистанции;
- важно наличие сопереживания, а не просто эмоционального отношения (симпатии);
- эмпатия – это динамичный процесс, а не статичное состояние» [22. С. 28].

В отечественной психологии и педагогике эмпатия исследовалась А.А. Бодалевым [23], Л.И. Божович [24], Т.П. Гавриловой [25], А.Ф. Лазурским [26], Н.Н. Обозовым [27], определяющими эмпатию как логически осмысленную эмоциональную сопричастность к переживаниям другого.

Отдельные ученые раскрывают эмпатию во взаимосвязи с понятиями эмоциональной идентификации и сопереживания. Т.П. Гаврилова вводит понятие устойчивой эмпатии. Она отмечает отличительные признаки сопереживания (собственное благополучие индивида) и сочувствия (потребность в благополучии другого) [28].

В исследованиях В.В. Знакова эмпатия включает обязательную оценку личности другого. Одновременно он подчеркивает, что существуют негативная или нейтральная реакции субъекта на переживания другого в конкретный момент [29].

В.В. Бойко определяет эмпатию как отражение партнеров в процессе общения; он подчеркивает взаимообусловленность рационального восприятия, интуиции и эмоциональной сопричастности [30]. Эмпатия предоставляет возможность понять смысл чувств и действий другого человека, определить суть и причины его лжи или искренности.

Когнитивный компонент эмпатии обусловлен точностью определения сущностных характеристик личности другого человека на основе направленности познавательных процессов на другого собеседника с целью аналитической переработки информации. Эмоциональный аспект способствует пониманию другого с использованием эмоциональных ассоциаций. Возрастает значимость интуиции в обработке информации.

Таким образом, В.В. Бойко раскрывает эмпатию как форму рационально-эмоционально-интуитивного отражения другого человека, которая прогнозирует его поведение [30].

Сущностным слагаемым в эмпатии выступает когнитивный компонент. N.D. Feshbach условием проявления эмпатии называет ее когнитивный компонент. Она подчеркивает, что распознавание только эмоций другого человека – недостаточный фактор для эмпатии; ею разработана трехкомпонентная структура эмпатии:

- первый когнитивный фактор – идентификация эмоциональных проявлений других;
- второй когнитивный фактор определяет значимость принятия роли другого как когнитивной способности;
- третий фактор – эмоциональная реакция [31].

Все три фактора эмпатии, по мнению автора, выступают в единой целостности.

По мнению М. Davisa, эмпатия выступает конструктом, объединяющим аффективный и когнитивный аспекты. Идентификация с другим входит в когнитивный компонент; переживание и сочувствие – в эмоциональный компонент [32].

В логике эмпатийной обусловленности субъект-субъектного взаимодействия в ракурсе когнитивной парадигмы существенно меняется позиция педагога: роль преподавателя высшей школы постепенно трансформируется в роль консультанта, сталкера. Эмпатия в педагогической деятельности имеет свою особенность – это способ когнитивной деятельности обучающегося, который подразумевает анализ личностных установок индивида, направленный на формирование моделей поведения. Р.Б. Карамуратова, отмечает роль педагога при организации воспитательного процесса, построенного на интеллектуальном воздействии и направленного на формирование точки зрения, согласованной с внутренней позицией обучающегося. В данном случае эмпатия рассматривается как ключевое условие запланированного педагогического воздействия, определяющего все его составные компоненты (например, организаторский, коммуникативный, дидактический и др.). В свою очередь эмпатия должна проявляться при организации аудиторной и внеаудиторной учебной деятельности, а также социально-коммуникационного

взаимодействия и любых видов воспитательной деятельности. Важно понимать, что принятие позиции другого человека, уважительное отношение к его мнению, принятие иной точки зрения должны вырабатываться в различных учебных, воспитательных, каждодневных социально проектируемых ситуациях. Способность к эмпатии формируется у педагога в различных ситуациях, которые подразумевают систематическую работу над собой [33. С. 25].

Эмпатия в профессиональной деятельности каждого конкретного преподавателя является ключевым навыком при организации взаимодействия с обучающимися; по мнению С.Б. Борисенко, от неё зависит успешность организации образовательного процесса, поскольку она влияет на эмоциональный уровень восприятия не просто информации, но и личности педагога. И, как справедливо полагает автор, эмпатия – это личностно значимое образование, определяющее успешность педагогического воздействия, основанного на доверительном контакте с обучающимся [34. С. 4–6].

Восприятие обучающегося педагогом и восприятие педагога обучающимся предполагает взаимодоверие, построенное на эмоциональном понимании друг друга, что позволяет понять мотивы, переживания и проблемы, которые важны для построения коммуникативного взаимодействия. Педагог, способный к эмпатии, легче сможет понять внутренний мир студента, вовремя оказать ему поддержку, помочь решить проблемы личностного, когнитивного, интерсоциального уровней. Эмпатия – явление многоэтапное, которое подразумевает принятие внутреннего мира другого, построенного на восприятии малейших оттенков чувств, ощущений, что позволяет сопереживать и сочувствовать.

Акценты смещаются на саморегуляцию, самоуправление обучающихся. Такое взаимодействие становится способом бытия личности, поэтому педагог, обладающий эмпатией, быстрее принимает решения в нестандартных ситуациях; его решения оригинальны и часто являются результатом когнитивного моделирования. Этому способствует испытываемый им эмоциональный комфорт, являющийся результатом понимания значимости своих знаний и действий, в том числе когнитивных. Педагог, способный к формированию когнитивно-мыслительных и гуманистически ориентированных поведенческих стратегий обучающихся с использованием когнитивного компонента эмпатии, успешен в профессиональном, социальном и личностно значимом пространстве.

Эмпатия педагога входит как составляющий элемент в его эмоциональный интеллект, обеспечивающий ценностное осознание и смысловую регуляцию на основе интеграции когниций и эмоций субъектов образования.

Эмоциональный интеллект является связующим звеном развития гуманистических смыслов, ценностного осознания, понимания и регуляции когниций и эмоций субъектов образования и влияет на успешность их взаимодействия. Эмоциональный интеллект в данном контексте выступает целостным динамич-

ным образованием, интегрирующим когнитивный и эмоционально-образный компоненты познания, а также обеспечивающим оптимистичное ценностное осознание, понимание и смысловую регуляцию собственных эмоций и эмоций окружающих, что влияет на комфортность их взаимодействия.

Развитие эмоционального интеллекта может происходить параллельно с развитием когнитивных способностей на всех стадиях обучения, в одинаковой степени способствуя общему развитию человека в процессе обучения и оказывая влияние на успешность его взаимодействия в личной и профессиональной деятельности.

В плане воспитательных резервов эмоционального интеллекта выступают: учет эмоционального состояния обучающихся при выборе педагогического воздействия, профилактика дидактогении и эмоционального выгорания, сохранение и восстановление утраченных отношений доверия в процессе субъект-субъектного взаимодействия. Соответственно, возникает необходимость в просвещении относительно роли эмоционального интеллекта как составляющей эффективного взаимодействия субъектов образовательного процесса. Кроме того, встает вопрос об использовании уже самими педагогами эмоционального интеллекта как ресурса личностного развития.

Таким образом, эмпатия как доминантный показатель эмоционального интеллекта в ракурсе когнитивной парадигмы опосредует гуманистическую направленность взаимодействия субъектов образовательного пространства, способствует реализации индивидуального подхода в развитии личности в процессе обучения и воспитания, повышает уровень личностно-профессиональной зрелости педагога. Акцентуация на внимании обучающегося, его эмоционально-ценностном восприятии знаний ведет к их прочному усвоению. Это означает, что человек не может полностью усвоить и изучить что-то до тех пор, пока полностью не воспримет информацию и эмоционально не осмыслит ее. Развитие эмпатии может происходить параллельно с развитием когнитивных способностей на всех стадиях обучения, в одинаковой степени способствуя общему развитию человека в процессе обучения, а в дальнейшем оказывая влияние на успешность его личной и профессиональной деятельности.

Эмпатийное взаимодействие субъектов образовательного процесса с учетом специфики диалогической сущности образовательной среды вуза обеспечивает формирование когнитивно-мыслительных и гуманистически ориентированных поведенческих стратегий субъектов образования в процессе их взаимодействия и является условием развития умения педагога проявлять себя в речи диалогической и монологической с использованием средств эмоционально-смысловой образности.

Эмоционально-когнитивная самореализация педагога связана с герменевтическим направлением, согласно которому, педагоги должны подготовить обучающихся к восприятию, настроить их на переживание и сопереживание. Сущностным для образовательной среды положением герменевтики является утвер-

ждение диалогичности понимания. Главным в «понимающем» образовании является возможность и желание открыться тому, что нельзя сказать, и способность переживать эту открытость.

Важным звеном в «понимающем образовании» в ракурсе когнитивной парадигмы выступает эмоциональная идентификация, феномен, функционирующий на различных этапах образовательного процесса. *На первом этапе* – этапе возникновения педагогического замысла – эмоциональная идентификация педагога выступает в самом общем виде. Здесь обдумываются принципы воздействия. *На втором этапе* – этапе разработки замысла – эмоциональная идентификация действует уже более активно, получаются возможные варианты в системе педагогического общения. *На третьем этапе* – этапе воплощения и осуществления замысла – эмоциональная идентификация выступает как общий принцип обратной связи в общении. На этапе педагогического творчества – *четвертый этап* – эмоциональная идентификация помогает педагогу представить результаты деятельности. Здесь эмоциональная идентификация выступает как элемент оценочно-уточняющий. Продуктивность эмоциональной идентификации проверяется законами педагогической логики и выступает как эмоционально-сопереживающая эмпатийная самореализация педагога, разновидность его образного педагогического мышления, развивающаяся на основе расширения информационного поля благодаря доступности и скорости получения аудио- и видеоматериалов, что позволяет обращаться к эталонным записям мастер-классов; это становится своего рода школой профессионального мастера педагога и открывает новые горизонты межличностного взаимодействия в ракурсе когнитивной парадигмы.

Обобщая вышеописанные позиции ученых, необходимо отметить, что все их предложения связаны с когнитивной стороной вопроса [35]. На наш взгляд, возникает необходимость оптимально организовать процесс взаимодействия обучающего и обучаемых на основе оценки умения сопереживать, понимать мысли и чувства другого, т.е. на основе взаимной эмпатии.

Соответственно, *гипотеза* нашего исследования: организация субъект-субъектных отношений в учебно-познавательном процессе высшей школы в контексте когнитивной парадигмы будет наиболее эффективной в результате изучения и принятия во внимание когнитивных и эмоциональных особенностей проявления эмпатии студентов.

Цель исследования – определить и использовать сходство поведенческих, когнитивных и эмоциональных реакций студентов в процессе организации субъект-субъектных отношений в учебно-познавательном процессе в контексте когнитивной парадигмы, а также решить задачу максимального использования полученной информации для разработки адекватных личностно-ориентированным данным

системы методов обучения, контроля и оценки обучения в вузе.

Методы

Формирование и распространение когнитивной парадигмы образования, базирующейся на обращении к многоуровневым способам, видам и технологиям мышления, восприятия и переработки информации в целях создания субъектом собственной системы знаний и представлений в конкретной предметной области (сфере учебных дисциплин, будущей профессиональной деятельности), предполагает коренные изменения в организации учебно-познавательных взаимоотношений между обучающими и обучаемыми в системе высшего образования [36. С. 4]. В основе нашего исследования следующие каналы эмпатии:

- рациональный канал характеризует направленность внимания, восприятия и мышления эмпатирующего;
- эмоциональный канал фиксирует способность эмпатирующего сопереживать, соучаствовать;
- интуитивный канал «свидетельствует о способности человека видеть поведение партнеров, действовать в условиях нехватки объективной информации о них, опираясь на опыт, хранящийся в подсознании» [37].

Непременным условием успешной эмпатии в соответствии с выбранной нами методикой диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко является идентификация как умение понять другого на основе сопереживаний, постановки себя на место партнера. А также эта методика предоставляет необходимые для преподавательской работы сведения об установках, способствующих или препятствующих эмпатии, облегчающих или затрудняющих действие всех эмпатических каналов.

Таким образом, выбранная нами диагностика дала возможность получить не только качественные характеристики каждого канала эмпатии личности студента, но и его идентификации и, главное, получить личностно-ориентированные сведения об установках, способствующих или препятствующих эмпатии в процессе субъект-субъектного взаимодействия по каждому исследуемому студенту.

Результаты

В опросе участвовали 48 студентов второго курса Казанского федерального университета (группы 07-911 и 07-911к Института химии им. И.М. Бутлерова), обучающиеся по специальности «Химическое образование», а также 41 студент выпускного курса Казанского хореографического училища (группы 3А и 3Б), обучающийся на отделениях «Искусство балета» и «Искусство танца».

Объединенные результаты представлены на рис. 3.

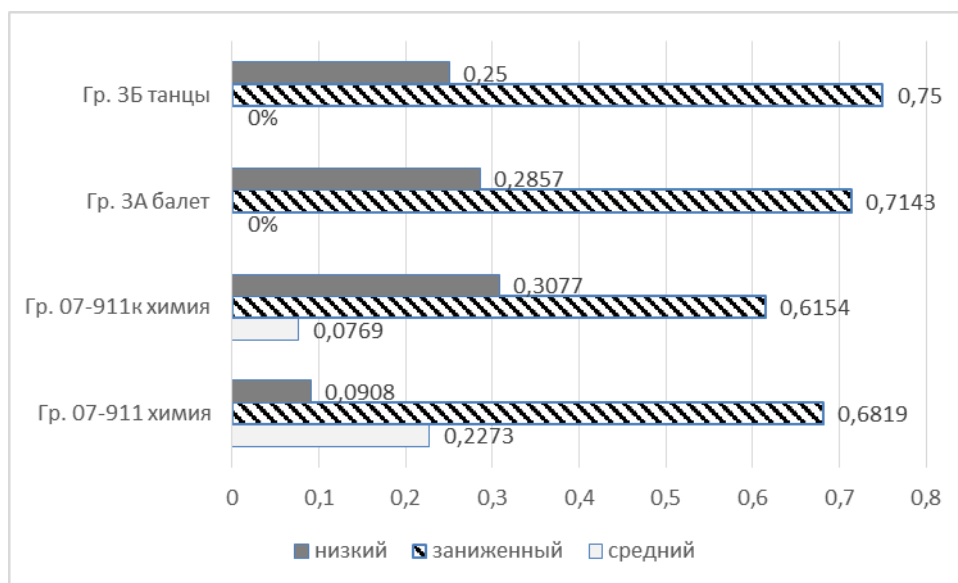

Рис. 3. Объединенные результаты уровней сформированности эмпатии респондентов

В соответствии с диагностикой В.В. Бойко предлагается определенное распределение баллов по уровням сформированности эмпатии: высокому уровню соответствует отрезок от 30 до 36 баллов, среднему – от 22 до 29, заниженному – от 15 до 21, низкому – от 0 до 14 баллов.

Распределение баллов по уровням сформированности эмпатии респондентов свидетельствует о том, что ни один студент не вышел на высокий уровень сформированности эмпатии (см. рис. 1).

Распределение цифр по уровням сформированности эмпатии респондентов для групп 07-911 и 07-911к примерно одинаковое. Лишь у студентов-иностранцев из Республики Таджикистан в группе 07-911к цифры чуть ниже, что связано с языковым и ментальными отличиями их от русскоязычных студентов группы 07-911. Примерно одинаково распределение цифр и для студентов хореографического училища, но они вышли лишь на уровни *заниженный* и *низкий*.

Это связано с тем, что профессия актера требует максимального эмоционального включения в эмпатийный диалог со своим хореографическим персонажем в условиях художественной реальности. Но этот диалог часто приводит его к эмоциональному выгоранию, которое обусловлено высокой самооценкой и ситуативной тревогой в проживании жизни художественного персонажа. Такое эмоциональное выгорание требует от актера в условиях взаимодействия с реальными людьми осуществлять постоянный контроль за своими эмоциями. Как правило, он способен понять мысли и чувства большинства людей, но в сопереживании демонстрирует сдержанность и некоторую отстраненность с целью сохранения своей эмоционально-профессиональной устойчивости, которая позволяет ему на сцене вступать в отношения с художественным образом на высоком уровне эмпатии.

Таким образом, назрела жизненно важная необходимость осуществлять любой вузовский познавательный процесс (лекция, семинар, лабораторный практи-

кум) в условиях атмосферы комфортности, доверительности, открытости, когда каждый субъект образовательного процесса своим поведением и отношением способствует когнитивному и эмоциональному контактам, что обеспечивает ценностно-смысловые приоритеты субъект-субъектного взаимодействия в высшей школе в ракурсе когнитивной парадигмы.

Заключение

1. Формирование когнитивной парадигмы образования, базирующейся на обращении к многоуровневым способам, видам и технологиям мышления, предполагает коренные изменения в организации учебно-познавательных взаимоотношений между обучающими и обучаемыми в системе высшего образования на основании развития ценностно-смысловых приоритетов субъектов образовательного процесса.

2. В методологии когнитивной дидактики высшего образования значимым является максимальное использование внутренних когнитивных резервов каждого субъекта образовательного процесса. И в этом отношении значима партисипация как противоположность авторитарности, реализующаяся в совместном принятии решений и сотрудничестве в процессе субъект-субъектного взаимодействия с использованием основных и продвинутых партисипативных умений.

3. Раскрыты эмпатийные резервы и механизмы взаимодействия педагога и обучающихся, позволяющие осуществить образовательный процесс в условиях атмосферы комфортности, доверительности, открытости, детерминирующей гуманистические смысловые образования и ценностные преобразования субъектов образовательного процесса.

4. Определена позиция педагога в процессе субъект-субъектного взаимодействия в ракурсе когнитивной парадигмы, которая в логике эмпатийной обусловленности данного взаимодействия трансформируется в роль демократического проводника в учебно-познавательном про-

цессе на основе поэтапного алгоритма развития его эмоциональной идентификации как структурного компонента эмпатии.

5. Диагностика по методике определения уровня эмпатических способностей В.В. Бойко предоставила

необходимые сведения об установках, способствующих или препятствующих эмпатии, и позволила получить качественные характеристики каждого канала эмпатии в процессе субъект-субъектного взаимодействия по каждому исследуемому студенту.

Список источников

- Vinnikova M.N., Fakhrutdinova A.V., Dulmukhametova G.F. Modern use of the pedagogical technology team-teaching in the training of teacher candidates // QUID-Investigacion Ciencia Y Tecnologia. 2017. Is. 28. P. 767–772.
- Жданова Т.А. К вопросу о субъект-субъектных отношениях в дидактике высшей школы // Проблемы высшего образования. 2006. № 1. С. 118–121.
- Касен Г.А., Кудайбергенова А.М. Опыт преподавания с применением инновационных приемов и техник // Неофилология. 2015. № 3 (3). С. 64–70.
- Курина В.А. Технологическое проектирование субъект-субъектного образовательного пространства в системе высшей школы // Вестник Самарского государственного технического университета. Психолого-педагогические науки. 2013. № 2. С. 99–103.
- Логиновских Т.А. Преподаватель и студент в условиях модернизации высшей школы: философско-социальный аспект // Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции «Инновационные процессы в образовании: стратегия, теория и практика развития». Екатеринбург, 2013. С. 237–239.
- Мухаметзянова Ф.Г., Мустафина З.Г., Вафина В.Р. Субъектность студента негосударственного вуза. Казань : ЧОУВПО «Академия социального образования», 2013. 174 с.
- Рангелова Э. Взаимодействие «преподаватель – студент» в образовательном пространстве университета // Труды БГТУ. 2016. № 5. С. 93–96.
- Романенко Н.М. Учет специфики взаимодействия «студент–педагог» как фактор эффективной профессиональной подготовки специалистов высшей школы // Человеческий капитал. 2015. № 7 (79). С. 25–28.
- Шкитина Н.С., Касаткина Н.С. Педагогические модели партисипативной подготовки студентов педагогических вузов // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2019. № 2. С. 194–209.
- Khairutdinov R.R., Korchagin E.A., Safin R.S., Fakhrutdinova A.V., Nikishina S.R. The content of educational programs in technical universities: Quality of applying the modern professional standards // International Journal of Instruction. 2019. Vol. 12, Is. 1. P. 357–360.
- Абакумова Н.Н. Аутентичные формы оценивания в педагогическом мониторинге индивидуальных достижений обучающихся // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=10741> (дата обращения: 11.03.2022).
- Абакумова Н.Н., Богомаз С.А. Мониторинг образовательных результатов в вузе: проблема содержания психолого-педагогической диагностики // Психология обучения. 2015. № 3. С. 62–68.
- Цигулева О.В., Абакумова Н.Н., Поздеева С.И. Гуманитарные характеристики человеческого капитала в контексте компетентностного подхода к образованию // Язык и культура. 2022. № 57. С. 292–307. doi: 10.17223/19996195/57/15
- Олешков М.Ю., Уваров В.М. Современный образовательный процесс: основные понятия и термины [краткий терминологический словарь]. М. : Компания Спутник+, 2006. 189 с.
- Родионова Н.Ф., Тряпицына А.П. Перспективы развития педагогического образования: компетентностный подход // Человек и образование. 2006. № 5, 6. С. 7–14.
- Ерохина В.А., Казарян М.Ю., Тарасова А.Е. Интенции психодидактики в высшем образовании // Образование и проблемы развития общества. 2019. № 2 (8). С. 12–20.
- Belentsov S.I., Fakhrutdinova A.V., Grevtseva G.Y. Free education: Fundamentals of humanistic pedagogics (on the example of activity of the German public figures of the second half of XIX - the beginning of the XX centuries of F. Gansberg, L. Gurlitt, G. Sharrelman) // European Journal of Contemporary Education. 2019. Vol. 8, Is. 1. P. 201–207.
- Belentsov S.I., Fakhrutdinova A.V., Okulich-Kazarin V. Education of civic consciousness in George Kershenshteyner's creativity // European Journal of Contemporary Education. 2017. Vol. 6, Is. 1. P. 5–13.
- Большой психологический словарь. М. : СПб. : АСТ ; АСТ-Москва ; Прайм-Еврознак, 2009. 867 с.
- Липпе Т. Философия природы. М. : Ленанд, 2015. 240 с.
- Rogers C.R. A theory of therapy, personality and interpersonal relationships as developed in the clientcentered framework // Koch S. (ed.). Psychology: A study of a science. Vol. 3. New York, 1959.
- Роджерс К. Эмпатия // Психология эмоций. Тексты / под ред. В.К. Виллюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М. : Изд-во МГУ, 1984. С. 235–237.
- Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М. : Изд-во МГУ, 1982. 199 с.
- Божович Л.И. Избранные психологические труды: Проблемы формирования личности / под ред. Д.И. Фельдштейна. М. : Междунар. пед. акад., 1995. 209 с.
- Гаврилова Т.П. Понятие «эмпатия» в зарубежной психологии // Вопросы психологии. 1975. № 2. С. 147–158.
- Лазурский А.Ф. Очерк науки о характерах. М. : Наука, 1995. 271 с.
- Психологическая культура отношений. СПб. : АО НПО ЦКТИ, 1995. 32 с.
- Гаврилова, Т.П. Экспериментальное изучение эмпатии у детей младшего и среднего школьного возраста // Вопросы психологии. 1974. № 5. С. 107–114.
- Знаков В.В. Понимание в познании и общении. Самара : СамГПУ, 2010. 188 с.
- Бойко В.В. Энергия эмоций в общении. М. : Просвещение, 2006. 75 с.
- Feshbach N.D. Parental empathy and child adjustment/maladjustment // Empathy and its development / N. Eisenberg, J. Strayer (Eds.). New York : Cambridge University Press, 1987. P. 271–291.
- Davis M. Empathy: a social psychological approach. Boulder : Westview Press, 1996. 44 p.
- Карамуратова Р.Б. Психологическое исследование роли оценочной эмпатии в педагогическом процессе : дис. ... канд. психол. наук. Алма-Ата, 1984. 213 с.
- Борисенко С.Б. Методы формирования и диагностики эмпатии учителей : дис. ... канд. пед. наук. Л., 1989. 196 с.
- Kamaleeva A.R., Gilmanshina S.I., Gruzskova S.Yu. The problem of stage-by-step cognitive modeling of pedagogical situations in domestic didactics // International Journal of Advanced Studies. 2018. Vol. 8, No. 3. P. 46–60.
- Когнитивная педагогика: учебно-методическое пособие / Р.Х. Гильмеева и др. Казань : Ин-т педагогики, психологии и социальных проблем, 2020. 228 с.
- Методика диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко (Тест-опросник на эмпатию Бойко). URL: <https://psycabi.net/testy/229-metodika-dagnostiki-urovnya-empaticheskikh-sposobnostej-v-v-bojko-test-na-empatiyu-bojko> (дата обращения: 03.12.2020).

References

- Vinnikova, M.N., Fakhrutdinova, A.V. & Dulmukhametova, G.F. (2017) Modern use of the pedagogical technology team-teaching in the training of teacher candidates. *QUID-Investigacion Ciencia Y Tecnologia*. 28. pp. 767–772.
- Zhdanova, T.A. (2006) K voprosu o sub"ekt-sub"ektnykh otnosheniyakh v didaktike vysshey shkoly [On subject-subject relations in the didactics of higher education]. *Problemy vysshego obrazovaniya*. 1. pp. 118–121.
- Kasen, G.A. & Kudaybergenova, A.M. (2015) Opyt prepodavaniya s primeneniem innovatsionnykh priemov i tekhnik [Teaching experience with the use of innovative methods and techniques]. *Neofilologiya*. 3 (3). pp. 64–70.
- Kurina, V.A. (2013) Tekhnologicheskoe proektirovanie sub"ekt-sub"ektnogo obrazovatel'nogo prostranstva v sisteme vysshey shkoly [Technological design of the subject-subject educational space in the system of higher education]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Psikhologo-pedagogicheskie nauki*. 2. pp. 99–103
- Loginovskikh, T.A. (2013) [Teacher and student in the conditions of modernization of higher education: A philosophical and social aspect]. *Innovatsionnye protsessy v obrazovanii: strategiya, teoriya i praktika razvitiya* [Innovative Processes in Education: Strategy, Theory and Practice of Development]. Proceedings of the VI All-Russian Conference. Yekaterinburg. pp. 237–239. (In Russian).
- Mukhametzyanova, F.G., Mustafina, Z.G. & Vafina, V.R. (2013) Sub"ektnost' studenta negosudarstvennogo vuza [Subjectivity of a student of a non-state university]. Kazan: ChOUVPO "Akademiya sotsial'nogo obrazovaniya".
- Rangelova, E. (2016) Vzaimodeystvie "prepodavatel' – student" v obrazovatel'nom prostranstve universiteta [Interaction "teacher – student" in the educational space of the university]. *Trudy BGTU*. 5. pp. 93–96.
- Romanenko, N.M. (2015) Uchet spetsifiki vzaimodeystviya "student–pedagog" kak faktor effektivnoy professional'noy podgotovki spetsialistov vysshey shkoly [Account of the specifics of the interaction "student–teacher" as a factor in the effective professional training of specialists in higher education]. *Chelovecheskiy kapital*. 7 (79). pp. 25–28.
- Shkitina, N.S. & Kasatkina, N.S. (2019) Pedagogicheskie modeli partisipativnoy podgotovki studentov pedagogicheskikh vuzov [Pedagogical models of participatory training of students of pedagogical universities]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*. 2. pp. 194–209.
- Khairutdinov, R.R. et al. (2019) The content of educational programs in technical universities: Quality of applying the modern professional standards. *International Journal of Instruction*. 12 (1). pp. 357–360.
- Abakumova, N.N. (2013) Autentichnye formy otsenivaniya v pedagogicheskom monitoringe individual'nykh dostizheniy obuchayushchikhsya [Authentic Forms of Evaluation in Pedagogical Monitoring of Individual Achievements of Students]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 5. [Online] Available from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=10741> (Accessed: 11.03.2022).
- Abakumova, N.N. & Bogomaz, S.A. (2015) Monitoring obrazovatel'nykh rezul'tatov v vuze: problema soderzhaniya psikhologo-pedagogicheskoy diagnostiki [Monitoring of educational results in the university: the problem of the content of psychological and pedagogical diagnostics]. *Psikhologiya obucheniya*. 3. pp. 62–68.
- Tsiguleva, O.V., Abakumova, N.N. & Pozdeeva, S.I. (2022) Gumanitarnye kharakteristiki chelovecheskogo kapitala v kontekste kompetentnostnogo podkhoda k obrazovaniyu [Humanitarian characteristics of human capital in the context of a competence-based approach to education]. *Yazyk i kul'tura*. 57. pp. 292–307. DOI: 10.17223/19996195/57/15
- Oleshkov, M.Yu. & Uvarov, V.M. (2006) *Sovremennyy obrazovatel'nyy protsess: osnovnye ponyatiya i terminy [kratkiy terminologicheskii slovar']* [Modern educational process: basic concepts and terms [brief terminological dictionary]]. Moscow: Kompaniya Sputnik+.
- Rodionova, N.F. & Tryapitsyna, A.P. (2006) Perspektivy razvitiya pedagogicheskogo obrazovaniya: kompetentnostnyy podkhod [Prospects for the Development of Pedagogical Education: a Competence-Based Approach]. *Chelovek i obrazovanie*. 5, 6. pp. 7–14.
- Erokhina, V.A., Kazaryan, M.Yu. & Tarasova, A.E. (2019) Intentsii psikhodidaktiki v vysshem obrazovanii [Intentions of psychodidactics in higher education]. *Obrazovanie i problemy razvitiya obshchestva*. 2 (8). pp. 12–20.
- Belentsov, S.I., Fakhrutdinova, A.V. & Grevtseva, G.Y. (2019) Free education: Fundamentals of humanistic pedagogics (on the example of activity of the German public figures of the second half of XIX – the beginning of the XX centuries of F. Gansberg, L. Gurlitt, G. Sharrelman). *European Journal of Contemporary Education*. 8 (1). pp. 201–207.
- Belentsov, S.I., Fakhrutdinova, A.V. & Okulich-Kazarin, V. (2017) Education of civic consciousness in George Kershenshteyner's creativity. *European Journal of Contemporary Education*. 6 (1). pp. 5–13.
- Avdeeva, N.N. et al. (2009) *Bol'shoy psikhologicheskii slovar'* [Large psychological dictionary]. Moscow; Saint Petersburg: AST; AST-Moskva; Praym-Evroznak.
- Lipps, T. (2015) *Filosofiya prirody* [Philosophy of nature]. Moscow: Lenand.
- Rogers, C.R. (1959) A theory of therapy, personality and interpersonal relationships as developed in the clientcentered framework. In: Koch, S. (ed.). *Psychology: A study of a science*. Vol. 3. New York.
- Rogers, C.R. (1959) Empatiya [Empathy]. In: Vilyunas, V.K. & Gippenreyter, Yu.B. (eds) *Psikhologiya emotsiy. Teksty* [Psychology of emotions. Texts]. Moscow: Moscow State University. pp. 235–237.
- Bodalev, A.A. (1982) *Vospriyatie i ponimanie cheloveka chelovekom* [Perception and understanding of person by person]. Moscow: Moscow State University.
- Bozhovich, L.I. (1995) *Izbrannye psikhologicheskie trudy: Problemy formirovaniya lichnosti* [Selected psychological works: Problems of personality formation]. Moscow: Mezhdunar. ped. akad.
- Gavrilova, T.P. (1975) Ponyatie "empatiya" v zarubezhnoy psikhologii [The concept "empathy" in foreign psychology]. *Voprosy psikhologii*. 2. pp. 147–158.
- Lazurskiy, A.F. (1995) *Ocherk nauki o kharakterakh* [Essay on the science of characters]. Moscow: Nauka.
- Obozov, N.N. (1995) *Psikhologicheskaya kul'tura otnosheniy* [Psychological culture of relations]. Saint Petersburg: AO NPO TsKTI.
- Gavrilova, T.P. (1974) Eksperimental'noe izucheniye empatii u detey mladshogo i srednego shkol'nogo vozrasta [Experimental study of empathy in children of primary and secondary school age]. *Voprosy psikhologii*. 5. pp. 107–114.
- Znakov, V.V. (2010) *Ponimanie v poznanii i obshchenii* [Understanding in cognition and communication]. Samara: Samara State Pedagogical University.
- Boyko, V.V. (2006) *Energiya emotsiy v obshchenii* [Energy of emotions in communication]. Moscow: Prosveshchenie.
- Feshbach, N.D. (1987) Parental empathy and child adjustment/maladjustment. In: Eisenberg, N. & Strayer, J. (eds) *Empathy and its development*. New York: Cambridge University Press. pp. 271–291.
- Davis, M. (1996) *Empathy: a social psychological approach*. Boulder: Westview Press.
- Karamuratova, R.B. (1984) *Psikhologicheskoe issledovanie roli otsenочноy empatii v pedagogicheskom protsesse* [Psychological study of the role of evaluative empathy in the pedagogical process]. Psychology Cand. Diss. Alma-Ata.
- Borisenko, S.B. (1989) *Metody formirovaniya i diagnostiki empatii uchiteley* [Methods of formation and diagnostics of teachers' empathy]. Pedagogics Cand. Diss. Leningrad.
- Kamaleeva, A.R., Gilmanshina, S.I. & Gruzskova, S.Yu. (2018) The problem of stage-by-step cognitive modeling of pedagogical situations in domestic didactics. *International Journal of Advanced Studies*. 8 (3). pp. 46–60.
- Gil'meeva, R.Kh. et al. (2020) *Kognitivnaya pedagogika* [Cognitive pedagogy]. Kazan: In-t pedagogiki, psikhologii i sotsial'nykh problem.

37. Psycabi.net. (2020) *Metodika diagnostiki urovnya empaticheskikh sposobnostey V.V. Boyko (Test-oprosnik na empatiyu Boyko)* [Methodology for diagnosing the level of empathic abilities by V.V. Boyko (Boyko's Empathy Test)]. [Online] Available from: <https://psycabi.net/testy/229-metodika-diagnostiki-urovnya-empaticheskikh-sposobnostey-v-v-boyko-test-na-empatiyu-boyko> (Accessed: 03.12.2020).

Информация об авторах:

Камалеева А.Р. – д-р пед. наук, ведущий научный сотрудник Института педагогики, психологии и социальных проблем (Казань, Россия). E-mail: kamaleyeva_kazan@mail.ru

Фахрутдинова А.В. – д-р пед. наук, профессор кафедры иностранных языков Казанского федерального университета (Казань, Россия). E-mail: avfach@mail.ru

Кондратьева И.Г. – канд. пед. наук, зав. кафедрой иностранных языков Казанского федерального университета (Казань, Россия). E-mail: irina.kondrateva.67@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.R. Kamaleeva, Dr. Sci. (Pedagogics), leading researcher, Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems (Kazan, Russian Federation). E-mail: Kamaleyeva_kazan@mail.ru

A.V. Fakhrutdinova, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: avfach@mail.ru

I.G. Kondrateva, Cand. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Foreign Languages, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: irina.kondrateva.67@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.03.2022;
одобрена после рецензирования 12.04.2022; принята к публикации 20.05.2022.*

*The article was submitted 21.03.2022;
approved after reviewing 12.04.2022; accepted for publication 20.05.2022.*

Научная статья
УДК 372.881.1
doi: 10.17223/15617793/478/21

Специфика оценки иноязычной подготовки взрослых к межкультурной и межэтнической коммуникации

Ольга Георгиевна Оберемко¹, Елена Александровна Малютина²

^{1, 2} Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия
¹ ogoberemko@lunn.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5074-6690>
² eamalutina@lunn.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7900-6581>

Аннотация. Описано структурное содержание и выделены уровни культурной самоидентичности взрослых обучающихся, а также проанализирована возможность внедрения авторского этнически ориентированного подхода в дополнительное языковое образование взрослых. Представлены результаты опытно-экспериментального обучения, по итогам которого сделан вывод о положительном влиянии разработанного авторами подхода на развитие культурной самоидентичности личности обучающихся.

Ключевые слова: межэтническая коммуникация, самоидентичность, этнически ориентированный подход, непрерывное образование

Для цитирования: Оберемко О.Г., Малютина Е.А. Специфика оценки иноязычной подготовки взрослых к межкультурной и межэтнической коммуникации // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 172–181. doi: 10.17223/15617793/478/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/21

Specifics of assessing adult foreign language training for intercultural and interethnic communication

Olga G. Oberemko¹, Elena A. Maliutina²

^{1, 2} Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russian Federation
¹ ogoberemko@lunn.ru
² eamalutina@lunn.ru

Abstract. The article deals with the problem of adults' language teaching for intercultural communication. The novelty of the work lies in the scientific substantiation of the priority of the development of adults' cultural identity. The authors determine its levels and the possibility of its development with the introduction of an ethnically oriented approach. International relations, the language policy of the state, the high degree of Russia's involvement in international cooperation, the expansion of interethnic contacts led to the social order of society for foreign language training and retraining of the adult contingent of students. In this article, the authors describe the structural content and highlight the levels of cultural self-identity of adult learners, and analyze the possibility of introducing the author's ethnically oriented approach into additional adult language education. In order to test the effectiveness of using the elaborated methodology for the development of cultural self-identity of adults on the basis of ethnically oriented, competence-based, communicative-cognitive, personal-activity and linguistic approaches, in the 2019–2020 academic year, the first series of experimental training was conducted for students of the Communicative English Course for Adults program at Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University. The classroom load was 120 hours. Adult education aimed at the development of cultural identity is based on the following approaches: competence-based, communicative-cognitive, personal-activity, linguo-cultural, ethnically oriented. Cultural self-identity has the following levels: initial, associative-analytical, verbal-analytical, and verbal-creative. The obtained results of experimental training indicate that the training conducted in the experimental group, which aimed at developing cultural identity for effective intercultural and interethnic communication, was successful. Based on the results of the experimental training, it can be concluded that the ethnically oriented approach developed by the authors has a positive impact on the development of the students' cultural identity. It is necessary to build training on a contrast-comparative basis with the use of an ethnically oriented approach, using a set of exercises, which give adults a real opportunity to compare, analyze, mentally penetrate into the linguistic and cultural phenomena of their country and countries speaking the language adults study.

Keywords: interethnic communication, self-identity, ethnically oriented approach, continuing education

For citation: Oberemko, O.G. & Maliutina, E.A. (2022) Specifics of assessing adult foreign language training for intercultural and interethnic communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 172–181. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/21

Введение

Потребность в непрерывном образовании специалистов обуславливается стремительными изменениями в современном мире. Глубина межкультурной интеграции, языковая политика государства, высокая степень вовлеченности России в международное сотрудничество, расширение межэтнических контактов привели к социальному заказу общества на иноязычную подготовку и переподготовку взрослого контингента обучающихся [1].

В настоящее время знание как минимум одного иностранного языка является неотъемлемой частью современного специалиста. В настоящее время широкое распространение получили различные курсы иностранных языков, программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки, ориентированные на практическую цель обучения.

Современная геополитическая, геоэкономическая и геокультурная ситуация обуславливает необходимость эффективной организации межкультурной коммуникации, под которой мы понимаем взаимодействие между представителями различных культур народов мира. Это весьма широкий взгляд, охватывающий различные формы взаимодействия вплоть до уровня правительств этих стран. Но быстрое изменение мира приводит к изменению условий, задач, содержания процессов взаимодействия людей, что предполагает межкультурную коммуникацию. Межкультурная коммуникация представляет собой более близкий фокус, отражающий детальную оценку многочисленных этносов, живущих в той или иной стране. Обучение и межкультурной, и межкультурной коммуникации должно, на наш взгляд, быть включено в учебный процесс. Целью лингвистического образования разных категорий обучающихся является развитие межкультурной иноязычной коммуникативной компетенции, что предполагает развитие умений межкультурного общения, способности использовать иностранный язык в качестве инструмента достижения взаимопонимания в условиях диалога культур [2]. Готовность к межкультурному диалогу, способность достойно представить Россию на мировой арене, преодолеть стереотипы, избежать или грамотно выйти из межкультурного конфликта имплицитно заявлены в целях обучения иностранному языку. На практике, однако, взрослые часто испытывают трудности в реальной коммуникации с партнерами по межкультурному общению, показывают дефицит языковых и речевых средств, демонстрируют отсутствие способности «заявить о себе» и своей культуре на иностранном языке. С нашей точки зрения, данная проблема вызвана преобладанием в иноязычном образовании фокуса на изучение культурных явлений лингвистического большинства представителей стран осваиваемого языка и фрагментарностью материала о собственной культуре, ее базовых понятиях и ее уникальности,

отсутствием ориентации современного дополнительного лингвистического образования на развитие культурной самоидентичности взрослого обучающегося.

Проанализировав программы краткосрочных курсов по иностранному языку, мы пришли к следующим выводам:

- культура стран изучаемого языка представлена с основным акцентом на культуру этнических групп подавляющего лингвистического большинства, что влечет появление стереотипов и ложных обобщающих выводов о народах-носителях;

- факты российской культуры представлены фрагментарно и без учета этносов, населяющих РФ, либо отражены лишь самые общие факты российской действительности;

- отсутствуют материалы по способам выхода из неизбежных межнациональных конфликтов и сглаживанию межкультурных противоречий, стратегий и тактик общения с представителями другого этнокультурного общества;

- остается нерешенной проблема культурной самоидентификации обучающихся средствами иностранного языка.

Исследование проблем этнической и культурной самоидентичности приобретает особую актуальность в настоящее время.

В работах В. Хоуэлла [3] представлены уровни восприятия иноязычной культуры, в исследованиях Г.В. Елизаровой [2. С. 152–156] обозначены стадии освоения иноязычной культуры (табл. 1).

Таблица 1

Уровни восприятия и процессы освоения иноязычной культуры

Уровни восприятия иноязычной культуры (Howell)	Процесс освоения иноязычной культуры (Г.В. Елизарова)
Бессознательная некомпетентность	Отрицание культурных различий
Сознательная некомпетентность	Защита культурной идентичности
Сознательная компетентность	Толерантность
Бессознательная компетентность	Принятие
	Адаптация
	Интеграция в иноязычную культуру

Образование новых государств после распада Советского Союза способствовало обострению межкультурных и межкультурных отношений. В то же время наблюдается и процесс интенсивного взаимодействия разных этнокультурных общностей на мировой арене. Российское общество характеризуется многонациональностью и поликультурностью, в нем происходит непрерывный поиск способов сосуществования, учета интересов представителей различных этнокультурных общностей, что обуславливает актуальность диалога между национальным и интернациональным. В процессе межкультурной коммуникации происходит передача как социального, так и эмоционального опыта, поэтому человек, общаясь с представителем

другой этнической группы, выступает в роли ответственного субъекта диалога культур [4]. Для успешного взаимодействия с представителями другой культуры необходимо знание не только правил и норм этнокультурного большинства, но и этнических групп, представляющих страну, язык которой подлежит усвоению [5. С. 857]. Следовательно, процесс развития культурной самоидентичности личности необходимо включить в содержание обучения иностранному языку с целью обеспечения продуктивного и эффективного межкультурного взаимодействия на различных уровнях.

Целью статьи является оценка эффективности внедрения этнически ориентированного подхода для развития культурной самоидентичности на курсах обучения иностранному языку для взрослых.

Методологические основания исследования

В данной статье мы опишем структурное содержание и выделим уровни культурной самоидентичности взрослых обучающихся, а также проанализируем возможность внедрения авторского этнически ориентированного подхода в дополнительное языковое образование взрослых.

Мы разграничиваем понятия «этническая самоидентификация», что означает *осознание* себя частью определенного этноса, ощущение своей принадлежности к определенному народу, и «этнокультурная самоидентификация», что понимается нами как *приобщение* себя к этносу. В процессе обучения, а затем и диалога культур взрослым необходимо осуществлять оба вида идентификаций. Однако в языковом образовании взрослых эти направления идентификации не учитывались и не реализовывались осознанно.

Термины «идентичность» и «идентификация» не обладают тождественным характером. Идентичность рассматривается как результат, а идентификация подразумевает процесс, ведущий к идентичности. Собственная оценка и признание человеком своей принадлежности к чему-либо есть самоидентификация [6].

Структурное содержание культурной самоидентичности включает следующие составляющие:

1. Компонентами культурной самоидентичности являются когнитивный, эмоционально-оценочный и поведенческий элементы, за счет которых происходит формирование этнокультурных стереотипов поведения.

2. Этнообразующие компоненты, включающие осознание и осмысление традиций, обычаев, праздников, ритуалов и т.д.

3. Средства общения, к которым относятся язык и символы.

4. История (географическая территория, религия, искусство).

5. Культурный фон (background knowledge), рассматривающийся с точки зрения лингвострановедения [7].

Изучение особенностей этнического сознания народа – представителя стран изучаемого языка, механизмов его формирования и проявления в речи необходимо с целью корректной и адекватной передачи собственных мыслей, идей, точки зрения на ино-

странном языке собеседнику. Без понимания иноязычной культуры и ментальности невозможно заявить «о себе», о своей стране и культуре. В то же время возникает необходимость и осознанного изучения своей собственной культуры, особенностей менталитета, быта, традиций, достояния жителей нашей страны. Принимая во внимание вышеописанные факты и противоречия, мы приходим к необходимости развития у взрослых культурной самоидентичности, т.е. отождествления себя со своей нацией, культурой, наряду с развитием умений межкультурного общения, позволяющих заявить о себе на иностранном языке, адекватно донести свою позицию до иностранца.

С учетом изложенного, методологическими основаниями для нашего исследования являются следующие подходы: компетентностный; коммуникативно-когнитивный; личностно-деятельностный; лингвострановедческий; этнически ориентированный. Выделенные нами подходы составляют научную базу принятого в настоящее время коммуникативного метода обучения иностранным языкам в школе и вузе. Их комплексное применение дает основания ставить цель овладения взрослыми обучающимися иноязычной коммуникативной компетенции на уровне В1, что позволяет реально вести межкультурный и межэтнический диалог.

Компетентностный подход, являясь ведущим в государственных образовательных документах, непременно должен быть учтен в дополнительном языковом образовании взрослых. Данный подход направлен на формирование способности у обучающихся решать задачи, непосредственно связанные с их профессиональной деятельностью. В рамках компетентностного подхода предъявляются определенные требования к уровню владения иностранным языком. Базовый уровень подразумевает владение языком как инструментом общения, в то время как продвинутый уровень включает знания, навыки и умения, позволяющие специалистам использовать язык в профессиональной среде, успешно осуществлять межкультурный диалог с зарубежными партнерами.

Коммуникативно-когнитивный подход позволяет нам учесть лингвopsихологические и социальные характеристики взрослого контингента обучающихся. Сочетание «познания» и «общения» способствует получению знаний непосредственно об иностранном языке и развитию умений говорения.

В центре личностно-деятельностного подхода находится личность, выступающая активным субъектом образовательной деятельности. Предполагается учет мотивов, целей, индивидуальных характеристик, а также профессиональных потребностей обучающихся.

Лингвострановедческий подход подразумевает раскрытие дополнительного культурного компонента значения, стоящего за языковыми формами (лексикой, грамматикой, фонетикой, языковой афористикой), которые дают возможность избегать лингвострановедческой интерференции, часто возникающей между коммуникантами различных культур, вкладывающих в одно и то же понятие разные значения, что зачастую приводит к недопониманию и неэффективности межкультурного диалога.

На наш взгляд, изучение иноязычной культуры не должно быть направлено лишь на изучение культуры подавляющего лингвистического большинства (например, англичан и американцев, если речь идет об английском языке). При обучении иностранному языку следует учитывать этнический состав населения, проживающего на территории данных стран, с целью подготовки взрослых обучающихся к последующим многочисленным межэтническим контактам. Более того, Россия является многонациональной страной, соответственно, слушателями курсов иностранного языка часто выступают представители разных этнических групп, проживающих на территории РФ. Не учитывать их ментальность и культуру при обучении иностранным языкам не представляется возможным.

Общей целью этнически ориентированного подхода является развитие культурной самоидентичности взрослых, обучающихся средствами иностранного языка, подготовка к продуктивному межкультурному диалогу с формированием способностей корректно отстаивать собственную точку зрения, рассказать о своей стране и родной культуре.

Частные цели и задачи этнически ориентированного подхода усматриваются в следующем:

- изучение основных характеристик родного и иностранного этнокультурного общества;
- формирование представлений об изменчивости культур под воздействием времени, а также взаимодействия с другими культурами;
- изучение истории, осмысление национально-культурных традиций, обычаев, ритуалов как своего этноса, так и других этнических групп;
- компарация родной и иностранной культуры;
- формирование способностей к анализу культурных фактов, преодолению стереотипов, умений избегать межнациональных конфликтов и противоречий, при этом отстаивать свою точку зрения на иностранном языке, адекватно заявить о себе, своей культуре, достичь взаимопонимания в диалоге культур.

Этнически ориентированный подход может применяться при разработке: тематического наполнения учебных программ и УМК по иностранному языку, направленных на формирование у обучающихся знаний о многообразии культур, представляющих страну

изучаемого языка, что окажет влияние на поликультурное развитие обучающихся; межкультурных тренингов, комплекса упражнений и проблемных заданий, направленных на культурную самоидентификацию обучающихся средствами иностранного языка.

Следующей задачей исследования является определение уровней культурной самоидентичности взрослых обучающихся.

Исследователь Дж. Марша [6] выделяет четыре этапа самоидентификации личности:

1. Диффузная идентичность (Identity Diffusion). Предполагает состояние неопределенности, размытости. Согласно исследователю, на данном этапе человек не определился с профессией, направлением своей будущей деятельности. Данное состояние может проявляться у взрослой личности в виде ее безразличия к внешнему миру, удовлетворенности своим незначительным местом в социальной иерархии, отсутствия стремлений к достижению целей, нежелания принимать какие-либо обязательства.

2. Предрешенная идентичность (Foreclosure Identity) характеризуется отсутствием внутреннего поиска, а идеалы, цели, образцы поведения заданы другими авторитетными для данной личности людьми (родителями, учителями, преподавателями, руководителями). Таким образом, выбор жизненного пути, целей, установок на будущее происходит не в результате внутреннего конфликта, а под влиянием окружения.

3. Этап моратория (Moratorium). Индивид переживает кризис самоидентичности, но на данном этапе четкий образ самоидентификации еще не обозначен. Выбор жизненного пути, идеалов откладывается на будущее.

4. Этап достигнутой идентичности (Identity Achievement). Человек прошел определенные этапы своей жизни, сделал выбор, четко определил свои цели, осознал свои ценности и убеждения о себе, о мире, об окружающих. Кризис завершен, индивид имеет собственные установки, взгляды, четкие представления о собственной личности [6].

Базируясь на классификации Дж. Марша, мы попытались определить уровни развития культурной самоидентичности взрослых, отражающиеся и проявляющиеся в умениях межкультурного общения (рис. 1).

Уровни идентичности по Дж. Марша		Уровни культурной самоидентичности
Identity Diffusion		Стартовый уровень
Foreclosure Identity		Ассоциативно-аналитический уровень
Moratorium		Вербально-аналитический уровень
Identity Achievement		Вербально-креативный уровень

Рис. 1. Уровни культурной самоидентичности

Итак, мы определили уровни:

1. Стартовый. В корреляции с первым этапом «диффузной идентичности» по Дж. Марша мы отмечаем следующие черты данного уровня: знание родной культуры носит поверхностный характер, культурная специфика осознается не в полном объеме. Взрослый обучающийся не способен связно рассказать о России на иностранном языке, обладает ярко выраженным этностереотипным мышлением. Культурные различия не анализируются.

2. Ассоциативно-аналитический. Как и на этапе «предрешенной идентичности», у индивида наблюдается зарождение рефлексии на тему культурных различий, а также роли и места собственной культуры в мире. Компарация культур происходит преимущественно с подачи преподавателя. Отмечается переосмысление собственного межкультурного опыта, эпизодические проявления эмпатии, активности, самостоятельности и толерантности к другим культурам. Однако в процессе диалога культур личность все еще затрудняется представить свою страну на иностранном языке, достичь консенсуса и взаимопонимания с иностранным собеседником.

3. Вербально-аналитический. Как и на этапе «мотория» по Дж. Марша, отмечается кризис культурной самоидентификации, появляется потребность в обогащении знаний о родной культуре, желание и способность заявить о себе, представить собственную культуру на иностранном языке.

4. Вербально-креативный. На данном этапе культурная самоидентичность достигнута, процесс культурной самоидентификации завершен. Личность характеризуется глубоким стремлением к анализу, обобщению ценностей, установок и фактов собственной культуры, высоким проявлением эмпатии к собеседнику, независимостью от стереотипов, сознательному осуществлению диалога культур, ответственностью за его развитие, стремлением к полноте и прочности знаний для эффективной организации межкультурного общения на поликультурном пространстве. Человек способен адекватно донести свою точку зрения на иностранном языке до собеседника, достичь компромисса, рассказать о фактах и явлениях собственной культуры, понять и принять ментальность другого.

Отметим, что культурная самоидентификация не статична, она не завершается к определенному возрасту, а может происходить много раз на протяжении жизни человека при условии влияния разных факторов [8. С. 23–24].

Опишем дизайн опытно-экспериментального обучения и проанализируем результаты опытно-экспериментальной проверки.

С целью проверки эффективности использования разработанной методики для развития культурной самоидентичности взрослых на основе этнически ориентированного, компетентностного, коммуникативно-когнитивного, личностно-деятельностного и лингвострановедческого подходов, в 2019–2020 учебном году была проведена первая серия опытно-экспериментального обучения для слушателей про-

граммы «Коммуникативный курс английского языка для взрослых» в НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Объем аудиторной нагрузки составил 120 часов. В группы испытуемых входило 15 (экспериментальная группа) и 13 (контрольная группа) взрослых равного уровня обученности (B1).

Структура опытно-экспериментального обучения представлена следующим образом: подготовительный этап; диагностический этап; опытно-экспериментальное обучение, проводившееся по предложенной авторской методике; итоговый этап; обработка данных методами математической статистики.

На этапе подготовительной работы нами были разработаны анкеты и тестовые задания для обучающихся и преподавателей по проблеме исследования, а также задания для проведения диагностического среза, проведены отбор и подготовка учебного материала для опытного обучения.

Среди 102 взрослых слушателей курсов иностранных языков и 32 преподавателей Института непрерывного образования НГЛУ им. Н.А. Добролюбова проводилось анкетирование. Нами была поставлена следующая задача: определить отношение слушателей не только к культуре страны изучаемого языка, но и к своей собственной. Преподаватели отвечали на вопросы, касающиеся их личного опыта преподавательской деятельности с точки зрения развития культурной самоидентичности взрослых и применения соответствующих материалов в учебном процессе. Также нами было проведено тестирование обучающихся, направленное на определение их уровня знания родной культуры на иностранном языке, готовности к межкультурной и межкультурной коммуникации, навыков и умений заявить о себе, преодолеть стереотипы и избежать межнациональных конфликтов. В результате мы получили следующие данные: 76% преподавателей считают важным развивать культурную самоидентичность взрослых, однако ввиду отсутствия материалов, а также недостатка часов не осуществляют развитие искомых умений на практике, 24% преподавателей ограничиваются лингвострановедческим подходом и считают достаточным сообщение кратких сведений о культуре стран изучаемого языка без акцента на собственную идентичность и этнический состав стран изучаемого языка. Результаты анкетирования и тестирования обучающихся показали, что 85% взрослых слушателей курсов испытывают трудности, когда возникает необходимость рассказать иностранцам о собственной культуре.

Диагностический срез состоял из заданий, направленных:

- на выявление знаний лексических единиц, отражающих этнические особенности народов своей страны и изучаемой (когнитивный компонент);
- определение способности к принятию межкультурных различий как неизбежных, проявлению доброжелательного отношения к собеседнику и теме разговора, преодолению стереотипов, отрицательных эмоций (эмоционально-оценочный компонент);
- выявление знаний обучающихся касательно норм повседневного общения, невербальных средств комму-

никации, корректной трактовки речевого поведения собеседника, осознание этнокультурных особенностей собственной речи (поведенческий компонент).

Опытно-экспериментальное обучение проводилось в течение одного года в форме межкультурных тренингов (вебинар, ролевая игра, проект, коворкинг, создание коммуникативных ситуаций) с применением разработанного комплекса упражнений и проблемных заданий. Разработанный комплекс упражнений и межкультурные тренинги спроектированы таким образом, чтобы оказать воздействие на когнитивный, эмоционально-оценочный и поведенческий компоненты культурной самоидентичности взрослых. Задания были разработаны с учетом потребностей обучающихся, носили проблемный характер, способствовали развитию умений межкультурного общения, ориентированного на коммуникацию с представителями разных этнокультурных обществ, а также на собственную этническую принадлежность обучающихся.

С целью определения эффективности предложенной методики по окончании курса обучения (июнь

2020 г.) был проведен итоговый срез, спроектированный по аналогии с диагностическим срезом, включающий межкультурные тренинги и упражнения на развитие культурной самоидентичности.

Приведем результаты полученных данных после серий проведенного тестирования. В табл. 2 представлены результаты первого тестирования на знание языковых реалий, фоновых и коннотативных лексических единиц, отражающих этнические особенности изучаемых народов, а также российской культуры (когнитивный компонент, до опытно-экспериментально обучения).

В табл. 3 отражены результаты, полученные после экспериментального обучения (когнитивный компонент). Как показали результаты тестирования, знание языковых реалий, фоновых и коннотативных лексических единиц, отражающих этнические особенности изучаемых народов, а также российской культуры по завершении опытного обучения в КГ увеличились с 46 до 55%, в ЭГ – с 48 до 79%, что свидетельствует об эффективности предложенной методики.

Таблица 2

Результаты тестирования (диагностический срез)

п/п	Экспериментальная группа	Верные ответы, %	Контрольная группа	Верные ответы, %
1	Азалия Б.	50	Александра Т.	45
2	Денис М.	55	Александр К.	50
3	Дмитрий Г.	20	Владислав М.	60
4	Елена И.	40	Вера Л.	35
5	Лилия А.	45	Дмитрий Д.	40
6	Леонид П.	50	Екатерина С.	55
7	Марина А.	40	Елизавета А.	35
8	Михаил Т.	65	Ирина С.	30
9	Ника Д.	35	Константин С.	60
10	Оксана С.	55	Мария Ф.	50
11	Светлана Д.	50	Николай К.	55
12	Савелий С.	65	Ольга А.	35
13	Сергей Х.	50	Юман С.	50
14	Ульяна Д.	55		
15	Эльмира К.	45		
Средний показатель, %		48		46

Таблица 3

Результаты тестирования (итоговый срез)

п/п	Экспериментальная группа	Верные ответы, %	Контрольная группа	Верные ответы, %
1	Азалия Б.	85	Александра Т.	50
2	Денис М.	70	Александр К.	65
3	Дмитрий Г.	60	Владислав М.	70
4	Елена И.	70	Вера Л.	40
5	Лилия А.	80	Дмитрий Д.	40
6	Леонид П.	85	Екатерина С.	50
7	Марина А.	90	Елизавета А.	40
8	Михаил Т.	90	Ирина С.	35
9	Ника Д.	95	Константин С.	50
10	Оксана С.	70	Мария Ф.	45
11	Светлана Д.	80	Николай К.	50
12	Савелий С.	100	Ольга А.	45
13	Сергей Х.	75	Юман С.	60
14	Ульяна Д.	70		
15	Эльмира К.	70		
Средний показатель, %		79		55

Второй тест предполагал выявление умений межкультурного общения с точки зрения развития самоидентичности и проходил в устной форме. Слушатели выполняли следующие виды заданий: 1) составление диалога – обмена мнениями в пределах условий задания; 2) подготовленное монологическое высказывание. К *критериям оценивания* отнесены следующие: 1) владение речевыми лексико-грамматическими средствами устного межкультурного общения в четырех сферах общения: бытовой, социально-культурной, учебно-трудовой и профес-

сиональной; 2) владение вербальными и невербальными формами речевого этикета в устном межкультурном общении; 3) умение использовать лингвострановедческий комментарий; 4) объем высказывания и темп речи взрослых слушателей; 5) логичность высказывания.

Математическая обработка данных диагностического среза (табл. 4) установила, что взрослые обучающиеся имеют одинаково низкий уровень развития культурной самоидентичности, следовательно, и умений межкультурного общения.

Таблица 4

Исходные уровни развития самоидентичности в ЭГ и КГ (диагностический срез)

Число взрослых слушателей	Стартовый уровень (результат: менее 2,9 балла)	Ассоциативно-аналитический уровень (результат: 3–3,9 балла)	Вербально-аналитический уровень (результат: 4–4,4 баллов)	Вербально-креативный уровень (результат: 4,5–5 балла)
Число взрослых слушателей в экспериментальной группе (ЭГ)	7 (47%)	6 (40%)	2 (13%)	0 (0%)
Число взрослых слушателей в контрольной группе (КГ)	6 (46%)	4 (31%)	3 (23%)	0 (0%)

Этап опытно-экспериментального обучения включал серию межкультурных тренингов (вебинар, ролевая игра, проект, коворкинг, создание коммуникативных ситуаций) и комплекса упражнений проблемного характера, направленных на развитие культурной самоидентичности. В качестве учебного материала использовали: 1) УМК «English File 3rd Edition»; 2) дополнительные материалы (в формате аудио и видео) и тексты, отобранные авторами, в четырех сферах общения: бытовой, социально-культурной, учебно-трудовой, профессиональной.

Итоговый срез, проведенный по окончании опытно-экспериментального обучения, продемонстрировал уровни развития культурной самоидентичности у испытуемых экспериментальной и контрольной групп. Задания были аналогичны заданиям диагностического среза. Приведем примеры предлагаемых заданий экспериментального среза.

1. A group of Irish businesspeople are going to spend a few days visiting your company. Your boss has asked you and your partner to show them around your city. With

your partner, discuss where you would like to take them and draw up an itinerary. What do you think might interest them in terms of cultural identity and business opportunities?

2. What might be the reaction of a foreigner when they first use our public transport? What do you think will attract their special attention? What might seem unusual to them? What might shock them?

Обработка результатов итогового среза показала, что обучающиеся ЭГ продемонстрировали значительно более высокий уровень развития культурной самоидентичности и умений межкультурного общения соответственно (табл. 5).

Результаты проведенного компаративного анализа данных показали положительную динамику в повышении уровня развития культурной самоидентичности и, в корреляции, умений межкультурного общения в ЭГ. На начальном этапе (диагностический срез) не было выявлено обучающихся с вербально-креативным уровнем развития культурной самоидентичности.

Таблица 5

Итоговые уровни развития самоидентичности в ЭГ и КГ (итоговый срез)

Число взрослых слушателей	Стартовый уровень (результат: менее 2,9 балла)	Ассоциативно-аналитический уровень (результат: 3–3,9 балла)	Вербально-аналитический уровень (результат: 4–4,4 баллов)	Вербально-креативный уровень (результат: 4,5–5 баллов)
Число взрослых слушателей в экспериментальной группе (ЭГ)	0 (0%)	3 (20%)	7 (47%)	5 (33%)
Число взрослых слушателей в контрольной группе (КГ)	5 (38%)	4 (31%)	3 (23%)	1 (8%)

Однако после опытно-экспериментального обучения с применением авторских методик наблюда-

ется увеличение данного показателя на 33% в ЭГ и на 8% в КГ. Показатель вербально-аналитического

уровня развития культурной самоидентичности вырос на 34% в ЭГ и не изменился в КГ. Количество слушателей с ассоциативно-аналитическим уровнем самоидентичности сократилось: 20% в ЭГ, и не из-

менилось в КГ. Число обучающихся, имеющих стартовый уровень, уменьшилось в ЭГ на 47%, в КГ – на 8%. Результаты представлены на диаграмме (рис. 2).

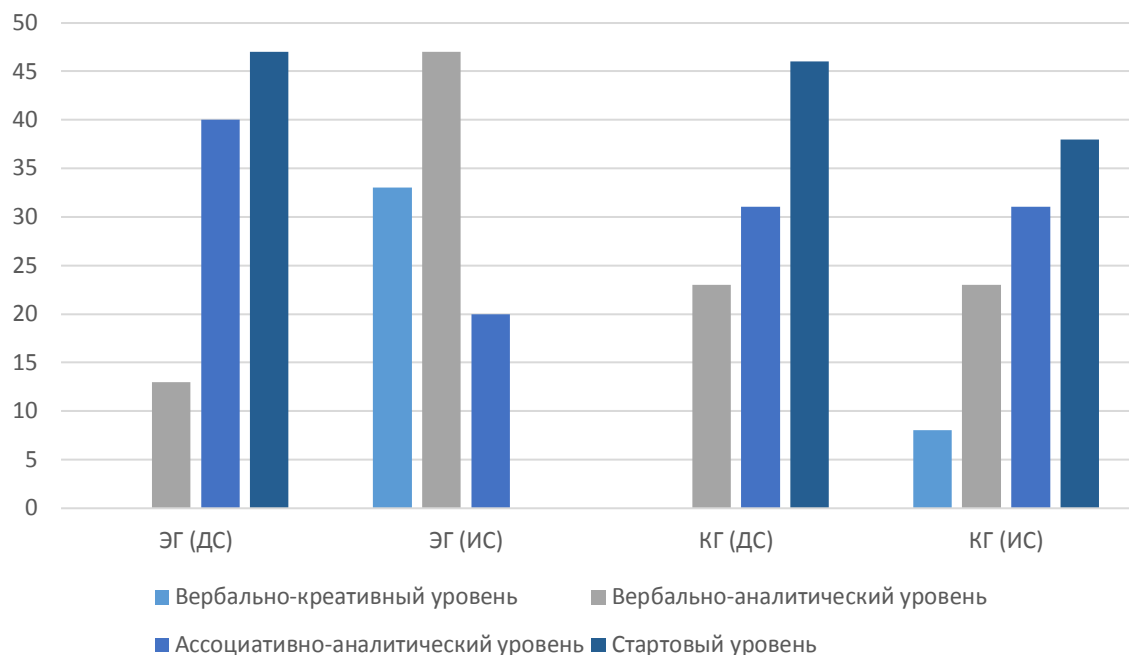

Рис. 2. Уровни развития культурной самоидентичности взрослых, %

Вычислен коэффициент успешности, полученный в результате проведения экспериментального среза в ЭГ и КГ: $K(ЭГ) = 15/15 = 1$, $K(КГ) = 8/13 = 0,62$. В качестве вывода можно отметить, что работа по развитию культурной самоидентичности взрослых выполнена успешно.

Дискуссионные вопросы

Обозначенное состояние образования на сегодняшний день вызывает необходимость дальнейшей конкретизации понятия культурной самоидентичности личности, выявления механизмов ее формирования и развития. Анализ научной литературы по проблеме обучения взрослых иностранному языку, нормативных требований к лингвистическому образованию в поствузовском пространстве, собственный опыт педагогической деятельности позволили определить противоречия между: социальным заказом, обуславливающим потребность личности во владении иностранным языком как инструментом межкультурного общения, умеющей донести свою точку зрения и предотвратить возможность межэтнического конфликта, и отсутствием учебной базы, обеспечивающей научно-методическую организацию процесса обучения взрослых иностранному языку с акцентом на развитие культурной самоидентичности; преобладанием в дополнительном лингвистическом образовании фокуса на изучение культурных явлений представителей стран осваиваемого языка и недостаточностью и фрагментарностью материала о собственной культуре, ее базовых понятиях и ее уникальности.

Анализ результатов исследований по проблемам поликультурного образования показал, что обучающиеся имеют собственное понимание понятия «культура», для большинства из которых она существует лишь в собственном национальном измерении, ассоциируется с этническими группами. Более того, изучающие иностранный язык сталкиваются с трудностями представления своей страны зарубежным партнерам [9].

В ряде современных исследований ставятся подобные рода проблемы, а именно вопросы самоосознания, самоидентификации, культурной принадлежности, но зачастую данные работы, предоставляя серьезную научную базу для размышления, останавливаются на уровне рефлексии. Так, например, проанализированные научные труды охватывают сходную проблему многоаспектно, тем не менее, останавливаются на самопознании, самоощущении и рефлексии, что является промежуточной задачей нашего исследования и соответствует ассоциативно-аналитическому и вербально-аналитическому уровням развития культурной самоидентичности [10. Р. 290]. Обучающиеся осознают собственную самоидентичность, делают аналитические выводы, тогда как мы, в отличие от большинства отечественных и зарубежных исследователей, ставим перед собой задачу выйти непосредственно в реальную межкультурную и межэтническую коммуникацию. Более того в условиях диалога культур, в различных ситуациях общения самоидентичность следует демонстрировать для создания благоприятного имиджа своей страны, культуры, отстаивания собственных позиций, а в ка-

ких-то случаях, напротив, спрятать, чтобы избежать межнационального конфликта.

Заключение

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что обучение иностранному языку не может происходить посредством ознакомления обучающихся лишь с культурой страны изучаемого языка и игнорируя собственную самоидентичность. Обучение взрослых, направленное на развитие культурной самоидентичности, строится с использованием следующих подходов: компетентностный, коммуникативно-когнитивный, личностно-деятельностный, лингвострановедческий, этнически ориентированный. Культурная самоидентичность имеет следующие уровни: стартовый, ассоциативно-аналитический, вербально-

аналитический и вербально-креативный. Полученные результаты опытно-экспериментального обучения свидетельствуют о том, что проведенное обучение в ЭГ, направленное на развитие культурной самоидентичности для эффективного межкультурного и межкультурного общения, успешно. По итогам опытно-экспериментального обучения можно сделать вывод о положительном влиянии разработанного авторами этнически ориентированного подхода на развитие культурной самоидентичности личности обучающихся. Необходимо строить обучение на контрастно-сопоставительной основе с применением этнически ориентированного подхода, с использованием комплекса упражнений, за счет чего взрослые получают реальную возможность сопоставлять, анализировать, ментально проникать в лингвокультурные явления своей страны и стран, говорящих на изучаемом языке.

Список источников

1. Оберемко О.Г., Шимичев А.С. Этнокультурная идентификация как фактор иноязычной профессиональной подготовки бакалавров по направлению подготовки «Лингвистика» // Язык и культура. 2020. № 51. С. 213–228.
2. Елизарова Г.В. Формирование межкультурной компетенции студентов в процессе обучения иноязычному общению : дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2001. 374 с.
3. Howell W. The Empathetic Communicator. Belmont, C.A. : Wadsworth, 1982. 255 p.
4. Obdalova O.A., Minakova L.Yu., Soboleva A.V. Indirect Reporting and pragmatically enriched context: A case study into Russian learners of English // *Pragmatics and Cognition*. 2019. Vol. 26, Is. 1. P. 85–111. doi: 10.1075/pc.19011.obd
5. Пантелеева М.В., Валеева Р.А. Формирование межкультурной компетенции в условиях поликультурного взаимодействия (на материале американских исследований) // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 5 (ч. 4). С. 854–859.
6. Marcia J.E. Identity and Psychosocial Development in Adulthood // *Identity: An International Journal of Theory and Research*. 2002. Vol. 2, № 1. P. 7–28.
7. Обдалова О.А., Одегова О.В. Межкультурная и межъязыковая коммуникация как новая реальность в контексте глобализации // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2018. № 44. С. 70–81. doi: 10.17223/1998863X/44/7
8. Сысоев П.В. Концепция языкового поликультурного образования (на материале культуроведения США) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2004. 28 с.
9. Обдалова О.А. Когнитивно-дискурсивный подход как методологическая основа формирования межкультурной компетенции в современном иноязычном образовании // *Новые подходы в лингвистике и педагогическом образовании*. Н. Новгород, 2020. С. 103–128.
10. Janusik L., Keaton S. Toward Developing a Cross-Cultural Metacognition Instrument for Listening in First Language Contexts: The (Janusik-Keaton) Metacognitive Listening Instrument // *Journal of Intercultural Communication Research*. 2015. Vol. 44, Is. 4. P. 288–306.

References

1. Oberemko, O.G. & Shimichev, A.S. (2020) Etnokul'turnaya identifikatsiya kak faktor inoyazychnoy professional'noy podgotovki bakalavrov po napravleniyu podgotovki "Lingvistika" [Ethnocultural identification as a factor of foreign language professional training of bachelors in Linguistics]. *Yazyk i kul'tura*. 51. pp. 213–228.
2. Elizarova, G.V. (2001) *Formirovanie mezhkul'turnoy kompetentsii studentov v protsesse obucheniya inoyazychnomu obshcheniyu* [Formation of intercultural competence of students in the process of teaching foreign language communication]. Pedagogics Dr. Diss. Saint Petersburg.
3. Howell, W. (1982) *The Empathetic Communicator*. Belmont, C.A.: Wadsworth.
4. Obdalova, O.A., Minakova, L.Yu. & Soboleva, A.V. (2019) Indirect Reporting and pragmatically enriched context: A case study into Russian learners of English. *Pragmatics and Cognition*. 26 (1). pp. 85–111. DOI: 10.1075/pc.19011.obd
5. Panteleeva, M.V. & Valeeva, R.A. (2014) Formirovanie mezhkul'turnoy kompetentsii v usloviyakh polikul'turnogo vzaimodeystviya (na materiale amerikanskikh issledovaniy) [Formation of Intercultural Competence in Conditions of Multicultural Interaction (on the Material of American Studies)]. *Fundamental'nye issledovaniya*. 5 (4). pp. 854–859.
6. Marcia, J.E. (2002) Identity and Psychosocial Development in Adulthood. *Identity: An International Journal of Theory and Research*. 2 (1). pp. 7–28.
7. Obdalova, O.A. & Odegova, O.V. (2018) Mezhhul'turnaya i mezh'yazykovaya kommunikatsiya kak novaya real'nost' v kontekste globalizatsii [Intercultural and interlingual communication as a new reality in the context of globalization]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 44. pp. 70–81. DOI: 10.17223/1998863X/44/7
8. Sysoev, P.V. (2004) *Kontseptsiya yazykovogo polikul'turnogo obrazovaniya (na materiale kul'turovedeniya SSHA)* [The conception of linguistic multicultural education (on the material of US cultural studies)]. Abstract of Pedagogics Dr. Diss. Moscow.
9. Obdalova, O.A. (2020) Kognitivno-diskursivnyy podkhod kak metodologicheskaya osnova formirovaniya mezhkul'turnoy kompetentsii v sovremennom inoyazychnom obrazovanii [Cognitive-discursive approach as a methodological basis for the formation of intercultural competence in modern foreign language education]. In: *Novye podkhody v lingvistike i pedagogicheskoy obrazovanii* [New approaches in linguistics and pedagogical education]. N. Novgorod. pp. 103–128.
10. Janusik, L. & Keaton, S. (2015) Toward Developing a Cross-Cultural Metacognition Instrument for Listening in First Language Contexts: The (Janusik-Keaton) Metacognitive Listening Instrument. *Journal of Intercultural Communication Research*. 44 (4). pp. 288–306.

Информация об авторах:

Оберемко О.Г. – д-р пед. наук, профессор кафедры методики преподавания иностранных языков, педагогики и психологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия). E-mail: ogoberemko@lunn.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5074-6690>

Малютина Е.А. – аспирант кафедры методики преподавания иностранных языков, педагогики и психологии, ассистент кафедры английского языка Высшей школы перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия). E-mail: eamalutina@lunn.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7900-6581>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.G. Oberemko, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: ogoberemko@lunn.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5074-6690>

E.A. Maliutina, postgraduate student, Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: eamalutina@lunn.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7900-6581>

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.01.2022;
одобрена после рецензирования 19.03.2022; принята к публикации 20.05.2022.*

*The article was submitted 28.01.2022;
approved after reviewing 19.03.2022; accepted for publication 20.05.2022.*

Научная статья
УДК 377
doi: 10.17223/15617793/478/22

Формирование смысла педагогической деятельности у будущих учителей

Илья Яковлевич Хазанов^{1, 2}

¹ *Курганский государственный университет, Курган, Россия*

² *Курганский педагогический колледж, Курган, Россия*

^{1, 2} *hazanovilya@gmail.com*

Аннотация. Дано определение смысла педагогической деятельности, выделены его основные характеристики. Проанализированы результаты исследования мнений будущих учителей о смысле педагогической деятельности. Обобщен методический опыт формирования смысла педагогической деятельности у студентов педагогического колледжа. Делается вывод, что формирование смысла педагогической деятельности должно стать одним из ведущих направлений профессиональной подготовки.

Ключевые слова: смысл, педагогическая деятельность, формирование, будущий учитель, профессиональное образование

Для цитирования: Хазанов И.Я. Формирование смысла педагогической деятельности у будущих учителей // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 182–193. doi: 10.17223/15617793/478/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/22

Formation of the meaning of pedagogical activity in future teachers

Ilya Ya. Hazanov^{1, 2}

¹ *Kurgan State University, Kurgan, Russian Federation*

² *Kurgan Pedagogical College, Kurgan, Russian Federation*

^{1, 2} *hazanovilya@gmail.com*

Abstract. The effectiveness of any type of professional activity is associated with a clear and scientifically grounded understanding of its meaning. The article proves that the formation of the meaning of pedagogical activity should become one of the leading directions of the educational process in a professional pedagogical educational institution. The similar approaches of Russian and foreign scientists to the organization of professional training of future teachers are revealed, which consist in taking into account such components of the meaning of pedagogical activity as value, purpose and motive. The meaning of pedagogical activity is defined as a complex category of professional worldview that integrates the interconnected system of “values-goals-motives-actions”, implemented in the aggregate of interactions of participants in the educational process. Among the main characteristics of the meaning of pedagogical activity, the following are highlighted: determination by the level of professional outlook and practical experience; determination by the sociohistorical context and features of the national education system, in which the personality of the future teacher is formed; dynamism and continuity of development; stability due to professional convictions; interrelation and interdependence of the meaning of life and professional activity of the teacher, as well as the meanings of the participants in the educational process. The results of the study of the opinions of future teachers (first year students and graduates) about the meaning of pedagogical activity are analyzed. The leading role of a professional educational institution in the formation of the meaning of pedagogical activity among future teachers is discovered. The methodological experience of the formation of the meaning of pedagogical activity among students of a pedagogical college is described. Within the framework of the “multi-technology” approach, methods of various educational technologies that can be combined in the formation of the meaning of pedagogical activity are highlighted. The forms and methods of organizing the educational process, the most effective in the formation of the meaning of pedagogical activity, are highlighted. These are problematic and heuristic questions and tasks, the solution of pedagogical situations, the discussion pedagogical club, the study of the activities and main ideas of humanist teachers in the course of an educational project and practice at school. It has been established that the content of academic disciplines should include such interrelated components as the meaning of the subject-subject interaction of the participants in the educational process, the meaning of the implementation of the mission of the teacher and the pupil, the meaning of professional self-education and self-development.

Keywords: meaning, pedagogical activity, future teacher, formation, professional education

For citation: Hazanov, I.Ya. (2022) Formation of the meaning of pedagogical activity in future teachers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 182–193. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/22

Введение

Современного человека характеризует разрушение смыслов жизни и деятельности. Это особенно заметно у молодого поколения, которое «не хочет хотеть», т.е. утрачивает способы построения фундамента своего бытия, не умеет анализировать и конструировать свои потребности и интересы, не видит перспективы. Это во многом связано с ситуацией материальной пресыщенности, преобладанием материальных ценностей над духовными, инфантилизмом, отсутствием условий для нравственных переживаний, разрушением эмпатии как важнейшей характеристики нравственного мира личности. Если жизнь – это движение, то отсутствие смысла означает отсутствие цели, а следовательно, и отсутствие какого-либо значимого результата жизни. В. Франкл называл отсутствие смысла существованием и любого стремления к нему экзистенциальным вакуумом [1]. Однако молодой человек всегда стремится к постижению смысла жизни. Если смысл не понят или разрушен, значит, не были созданы условия для полноценного развития личности, в первую очередь нравственного.

Смысл профессиональной деятельности связан со смыслом жизни многими взаимопроникающими аспектами. Профессиональная деятельность является способом бытия личности в обществе. Каждый человек в ходе профессиональной деятельности производит какой-либо общественно значимый продукт, обмен этими продуктами позволяет обществу существовать и развиваться. Поэтому подготовка к профессиональной деятельности неизбежно должна включать создание благоприятных условий для формирования смысла. Смысл профессиональной деятельности может быть многовекторным, это особенно касается профессий гуманитарного характера, связанных со служением другим людям. Важное место занимает профессия педагога. Учитель является проводником в мир взрослой жизни для своих учеников, наставником, создающим условия для раскрытия личностного потенциала обучающихся. Педагогическая профессия требует постоянного самообразования и самосовершенствования, умения понять уникальный внутренний мир ученика, сделать процесс познания для него увлекательным и продуктивным. Неизбежный контекст профессии учителя – изменения и интенсификация труда, оказывающие влияние на мотивацию [2]. Современное обучение связано с активным взаимодействием студента с миром, с выработкой на этой основе многомерной способности к самоопределению в рамках морали [3].

Для формирования смысловых ориентаций будущих педагогов необходима концептуализация сознания. Содержанием концептосферы является совокупность субъективно интерпретированных будущим педагогом профессионально-педагогических ценностей, включённых в контекст его жизнедеятель-

ности и определяющих характер профессионально значимых отношений и поведения [4]. В процессе становления ценностно-смыслового отношения студентов к профессии выделяются три основных этапа: возникновение личного смысла; собственная жизнь личностного смысла в индивидуальном сознании; экстерииоризация ценностно-смыслового отношения в практической деятельности [5]. Среди основных условий, обеспечивающих смыслообразование в педагогическом процессе, современные исследователи выделяют следующие: контекст как систему направленной трансляции смысла (исторический, культурологический, педагогический и др.); возможность принятия обучающимися решений для достижения задач занятия; смысловое разнообразие учебного материала; наполнение программного материала смыслами; опору на предыдущий опыт; поддержку инициатив обучающихся; фасилитацию в работе педагога [6]. Определены особенности педагогического взаимодействия по пути движения смыслов: наличие потенциала существенных различий по предметному и смысловому содержанию взаимодействующих сторон («специалист (профессионал) – осваивающий профессию»); специально организованная совместная деятельность со стороны специалиста по предметному и смысловому содержанию взаимодействия; открытость педагогического взаимодействия достижениям предметного содержания науки и смыслам мировой и национальной культуры; обязательное проявление и развитие субъектных качеств взаимодействующих сторон и индивидуальная ответственность за их реализацию; осуществление перехода предметного и смыслового содержания взаимодействия в личностные позиции и смыслы одной стороны сопровождается целенаправленной реализацией или актуализацией личностных позиций и смыслов другой стороны и возникновением их соотношения как выхода за пределы самого себя; завершённость перехода предметного и смыслового содержания от инициатора педагогического взаимодействия к усваивающей и осваивающей стороне происходит в смысловом соотношении ценностей, знаний, целей, потребностей, способностей, эмоций и чувств с сопровождающим оцениванием его результатов и др. [7].

Для качественной подготовки будущих учителей надо расширять направления сотрудничества преподавателей и школы, создавать условия для преодоления стресса, предоставлять им современные средства информации и технологии для взаимодействия с учащимися, создавать условия для постоянного обновления и улучшения профессиональных и личных навыков преподавателей [8]. Образовательные учреждения часто при подготовке специалистов делают главный акцент на формировании практических умений в ущерб формированию ценностно-смысловой сферы. Это – ошибка. Это напоминает строительство дома без фундамента. Такой дом неизбежно разрушится.

Практическая деятельность, не подкреплённая пониманием её смысла, не может быть успешной. Поэтому формирование смысла профессиональной деятельности должно быть одним из ключевых компонентов процесса профессиональной подготовки любого специалиста.

Формирование смысла педагогической деятельности осуществляется, в первую очередь, в ходе изучения общепрофессиональных учебных дисциплин. Ведущую роль играет учебная дисциплина «Педагогика», результатом освоения которой является комплекс лично осознанных студентом ценностных оснований. Цель нашего исследования – теоретически обосновать, разработать и апробировать формы и методы профессиональной подготовки будущих учителей к освоению смысла педагогической деятельности и реализации этой философской категории в образовательном процессе. Мы ставим следующие основные вопросы:

1. Должен ли смысл педагогической деятельности быть в центре профессиональной подготовки будущих учителей или это периферийная категория?
2. Какие личные и общественные факторы влияют на формирование смысла педагогической деятельности?
3. Какова роль преподавания общепрофессиональных дисциплин в формировании смысла педагогической деятельности? Как можно совершенствовать методы преподавания для качественной ориентации на формирование смысла педагогической деятельности?

Методы и материалы

Исследование основано на опыте преподавания педагогических дисциплин в течение 2002–2021 гг. в университете и педагогическом колледже. Нами проведён теоретический анализ проблемы формирования смысла педагогической деятельности и анализ нормативной документации в сфере российского образования. Мы также опирались на результаты профессиональных бесед с преподавателями, в том числе в ходе разработки и проведения мероприятия «Профессиональный разговор» городского этапа профессионального конкурса «Учитель года России».

Мы провели анкетирование студентов, обучающихся в педагогическом колледже по специальности «Коррекционная педагогика в начальном образовании». Это одна из наиболее востребованных сегодня педагогических специальностей, по которым ведется профессиональная подготовка в колледже. Мы выбрали лишь одну специальность, учитывая возможные отличия в содержании подготовки, которые могут повлиять на отношение студентов к проблеме смыслообразования. Для исследования была разработана специальная анкета, которая включает логически расположенные вопросы, предоставляет право выбирать предложенные варианты и предлагать свои собственные. Анкета направлена на выявление представлений студентов о ключевых характеристиках смысла педагогической деятельности: целеполагание педагогической деятельности, роль осознания смысла педагогической

деятельности в выборе профессии, структура смысла как компонента профессионализма, факторы, влияющие на формирование личного смысла педагогической деятельности у студентов. В анкетировании участвовали 82 студента на добровольной основе. Исследование позволило выявить представления студентов о смысле педагогической деятельности и определить роль образовательного процесса в профессиональном учреждении в формировании смысла педагогической деятельности у будущих учителей. При обработке результатов использовались методы математической статистики, выделялись ведущие показатели в ответах. Мы также провели анализ продуктов деятельности студентов (в частности, эссе по теме исследования, отчёты по итогам педагогической практики). Рассматривалось, выделяют ли будущие педагоги смысл своей профессиональной деятельности как объект для описания, какие факторы аудиторного обучения и производственной практики они считают ведущими в формировании смысла педагогической деятельности, связывают ли смысл жизни и профессиональной деятельности, планируют ли они заниматься самообразованием по различным аспектам данной проблемы.

Самоанализ профессиональной деятельности позволил выделить наиболее эффективные методы преподавания педагогических дисциплин в плане создания условий для формирования смысла педагогической деятельности. В то же время мы находимся в постоянном поиске новых эффективных методов и технологий.

Какое место занимает формирование смысла педагогической деятельности в профессиональной подготовке?

М. Эндрюс рассматривает мотивы и смыслы студентов, которые нужно учитывать при организации образовательного процесса. Он опирается на положения «теории ожидаемой ценности», которая объясняет, что у студентов есть взаимосвязанные желания и убеждения к тому, что произойдет, если и когда они займутся определенной деятельностью. Автор выявил, что большинство студентов понимают ценность образования как путь к карьерному росту, но лишь некоторые считают моральные последствия для других в результате их обучения. Он доказал, что интеграция смысла жизни может быть эффективным способом повысить значимое участие учащихся в любой деятельности [9].

Американские исследователи предлагают переосмыслить педагогику образования учителей, которое должно быть организовано вокруг основных практик. Разработанный ими цикл коллективного обучения для участия в аутентичной и амбициозной учебной деятельности предполагает, в соответствии с основными этапами (анализ принятия закона и движение вперед, знакомство с мероприятием, проведение упражнения со студентами, подготовка и репетиция упражнения) использование таких форм работы, как видеонализ, написание размышлений, моделирование, совместное

обучение, совместное планирование, микропреподавание и др. [10].

Г. Товканец обосновывает значимость педагогических ценностей как внутреннего эмоционально усвоенного регулятора деятельности, определяющего отношение к окружающему миру, к себе, моделирующего выполняемое содержание и характер профессиональной деятельности. Автор рассматривает педагогические ценности как ориентир и стимул социально-профессиональной деятельности учителя. Среди них выделяются совесть и педагогический такт как основы морального авторитета. Большую важность приобретает культура педагогического общения. Для нас важно утверждение автора о том, что главной характеристикой педагогической профессии является нравственность – особое внутреннее состояние, в котором проявляется гармония душевных и нравственных сил человека. Нравственность является основополагающим принципом педагогического творчества [11].

А. Райяла рассматривает педагогику как культурное вмешательство в человеческое развитие в процессе коммуникации. Он использует определение педагогической деятельности как относительно прочного предметно-ориентированного социального формирования, которое реализуется посредством определенных действий и взаимодействий и опосредовано материальными и концептуальными инструментами, разделением труда, сообщества и правил. Ученый показывает важность расширения контекста педагогической деятельности через обучение за пределами образовательного учреждения или использование ресурсов, разработанных вне образовательного учреждения, в ходе обучения [12].

М. Бернардес и А. Алвес отмечают важность жизненного опыта каждого студента в формировании его личности, который отражает социальные установки и значения и воздействует на образ мышления и действия студентов в различных сферах деятельности. Ученые считают, что необходимо анализировать конкретные условия, в которых студенты могут реализовать свой жизненный опыт в педагогической практике [13].

А. Лефштейн, Д. Веддер-Вэйс и А. Сегал, исследуя эффективные способы подготовки учителей, опираются на теорию «teacher on-the-job discourse» и выделяют «педагогически продуктивный разговор» как образовательный инструмент. Они считают, что это совместный дискурс учителей, который ориентирован на проблемы практики; включает педагогические рассуждения; опирается на богатые репрезентации практики, например студенческие работы, видеозаписи занятий в классе; представляет разные точки зрения; включает генеративные ориентации по отношению к студентам, обучению, содержанию и проблемам практики; сочетает в себе поддержку и критику, укрепляет доверие и коллегиальность [14]. Серьезное внимание уделяется взаимодействию начинающих и опытных учителей (совместное планирование, критический анализ практики, сочетание рефлексивного мышления с систематическим исследованием) [15].

К. де Симон полагает, что обучение учителей — это сложное аналитическое и комплексное предприятие, которое касается не только повседневной деятельности, но и всего учебного ландшафта. Его ключевая проблема – устранение разрыва между теорией и практикой. Этому способствует проблемно ориентированное обучение, соединенное с педагогической практикой [16].

Коллектив исследователей из Нидерландов доказывает, что одним из эффективных путей улучшения подготовки учителей является внедрение смысло-ориентированного обучения. Такое обучение предполагает наличие у студентов способности регулировать их обучение, размышлять о развитии собственной профессиональной идентичности в сочетании с исследовательской и проектной деятельностью [17]. Обучение педагогов – это динамичный, непрерывный процесс на протяжении всей карьеры учителя, который встроен в целый ряд контекстов и мероприятий, таких как «классная комната», курсы профессионального развития и семинары, беседы с учениками и родителями, а также сотрудничество с коллегами. Сотрудничество учителей в средних школах может создать плодотворный контекст для профессионального обучения учителей [18].

Ю.А. Верхотурова и Ю.Н. Галагузова актуализируют специфическую особенность педагогической деятельности – наличие субъектной позиции и педагога, и обучающихся, что определяет ее совместный характер. По их мнению, педагогическую деятельность следует рассматривать как целостный психолого-педагогический феномен. Наиболее близкими понятию «смысл» являются такие компоненты педагогической деятельности, как «мотив» и «цель». Среди мотивов приоритетными должны быть гуманистические, а высшей целью – развитие личности в гармонии с самим собой и социумом [19].

Е.И. Ерошенкова выделяет просоциальную направленность педагогической деятельности, которая выражается в сформированности у педагогов профессионально-ценностных просоциальных установок, просоциальных личностных смыслов (фасилитация, гуманистическая направленность, добровольность, социальная ответственность), просоциальных качеств (альтруизм, аффилиация, высокий уровень самосознания, высокая эмпатийность, социальный оптимизм, социальная активность и др.). При этом сущность просоциальной направленности педагогической деятельности понимается как действия, позитивно оцениваемые обществом; весь спектр поступков, совершаемых педагогом ради другого и ради его пользы; соотношение части и целого и наоборот по отношению к «помогающему поведению» педагога; чисто альтруистическое поведение педагога [20].

Коллектив российских ученых подчеркивает, что в процессе профессиональной подготовки, состоящей из педагогической и просветительской деятельности, учитель овладевает педагогическими ценностями и делает их субъективными. Каждой ценности присущи две особенности – функцио-

нальный смысл и индивидуальный смысл. Индивидуальное чувство ценности, с одной стороны, определяется предметом, выполняющим функцию ценности, но с другой стороны, зависит от человека. Процесс профессионально-педагогической подготовки должен быть ориентирован на систему общечеловеческих ценностей с акцентом на аксиологические аспекты содержания педагогической направленности, целенаправленное развитие педагогических идеалов, норм этико-педагогического поведения, принципы и цели педагогической деятельности, субъективные ценности, лежащие в основе индивидуального чувства, общечеловеческие ценности, определяющие тактику и стратегию педагогической деятельности [21].

Ю.С. Серяпина выделяет в структуре готовности к педагогической деятельности такой важный компонент, как мотивационная готовность. Автор уделяет внимание следующим мотивам: мотивы долга, глубокой заинтересованности предметом, мотивы общения со студентами, финансовые мотивы, мотивы для исследования и инновационной работы. Ученый утверждает, что любая профессиональная подготовка преследует две основные цели: развитие профессиональных навыков и умений и формирование позитивного отношения к полученной профессии [22].

Мы видим общие подходы к организации профессиональной подготовки будущих учителей, заключающиеся в учете таких компонентов смысла педагогической деятельности, как ценность, цель и мотив. Большинство современных исследователей выделяют значимость ориентации профессиональной подготовки на практическое взаимодействие в реальном пространстве школы. Таким образом, дискуссия может идти о соотношении компонентов смысла педагогической деятельности в содержании конкретной учебной дисциплины и о выработке преподавателями профессионального образовательного учреждения общей стратегии продвижения студентов в сфере профессиональных смыслов. Мы не противопоставляем теоретический и практический компоненты подготовки. Гармоничное соединение теории и практики, их взаимная обусловленность должны стать основным принципом организации образования. Необходим поиск путей реализации положений философии образования в профессиональной деятельности конкретного учителя, так как любой смысл требует своего подтверждения в личном профессиональном опыте.

Формирование смысла педагогической деятельности у будущих учителей: актуальные аспекты

Опираясь на современные научные подходы, мы понимаем смысл педагогической деятельности как комплексную категорию профессионального мировоззрения, интегрирующую взаимосвязанную систему «ценности–цели–мотивы–действия», реализуемую в совокупности взаимодействий участников образова-

тельного процесса. Смысл педагогической деятельности как мировоззренческой категории обладает следующими основными характеристиками:

1. Детерминированность уровнем профессионального кругозора и опыта практической деятельности.
2. Детерминированность социально-историческим контекстом и особенностями национальной системы образования, в которых формируется личность будущего учителя.
3. Динамичность и непрерывность развития.
4. Устойчивость, обусловленная профессиональными убеждениями.
5. Взаимосвязь и взаимовлияние смысла жизни и профессиональной деятельности учителя, а также смыслов участников образовательного процесса (ученики, родители, педагоги, представители различных социальных институтов).
6. Основная концептуальная идея педагогической деятельности – служение другим людям, направленное на создание благоприятных условий для их самореализации и продуктивной жизни.

Анализ государственных нормативных документов Российской Федерации [23–25] показал, что, хотя термин «смысл педагогической деятельности» там прямо не употребляется, список профессиональных трудовых действий и умений учителя, предназначенных к обязательному овладению, имеет видимую связь с пониманием смысла. В данных документах можно отметить тенденцию к выделению умения создавать условия для развития и самореализации личности обучающегося как основного профессионального умения.

Нами разработана анкета для будущих учителей, состоящая из 11 вопросов. В исследовании участвовали студенты первого и второго курсов (46 человек) и выпускных групп (36 человек). Данные по этим двум категориям подсчитывались отдельно, так как респонденты имеют разный опыт обучения и разный уровень практической подготовки.

На вопрос «Считаете ли вы осознание учителем смысла своей педагогической деятельности обязательным показателем его профессионализма?» 91,3 % начинающих студентов ответили положительно, 8,7% затруднились с ответом. Среди выпускников положительно ответили 88,9%, отрицательно – 2,8%, затруднились с ответом 8,3%.

На вопрос «Учитывали ли вы при выборе педагогической профессии смыслы педагогической деятельности?» студенты первых курсов ответили так: 63% – «да, в полной мере»; 34,8% – «учитывал, но не придавал главной значимости»; 2,2% – «не учитывал». Студенты-выпускники показали соответственно 58,3, 33,3 и 8,3%.

На вопрос «Считаете ли вы, что формирование смысла педагогической деятельности должно быть одной из основных задач обучения в профессиональном учреждении?» студенты первых курсов ответили: 65,2% – «да, это одна из основных задач»; 34,8% – «это одна из задач, но не основная». Выпускники полагают по-другому: 58,3% и 38,9% – «да», но 2,8% считают, что это не должно быть задачей обучения.

Студентам было предложено выбрать, какие из факторов стали определяющими в формировании их личного смысла педагогической деятельности. Начинаящие студенты считают главным фактором обучение в колледже (личность преподавателей, содержание обучения и др.) – 69,6%, также названы такие факторы: члены семьи – 58,7%; личность и деятельность педагогов-классиков – 43,5%; художественная литература и ресурсы интернета – 34,8%. Выпускники также считают главным фактором обучение в колледже – 86,1%; 47,2% указали членов семьи; 41,7% – личность педагогов-классиков; 36,1% – профессиональную педагогическую литературу. К сожалению, малое количество выборов получил вариант «учителя в моей школе» (2,2 и 0%).

На вопрос «Что является основным компонентом вашего смысла педагогической деятельности?» студенты первых курсов четко выделили четыре варианта: 80,4% – любовь к людям и детям; 65,2% – возможность развить лучшие природные задатки, личностные качества и умения ребёнка, подготовить его к жизни в обществе; 60,9% – возможность постоянного самообразования и саморазвития; 58,7% – возможность обогатить ребёнка знаниями, ценностями, компетенциями. Выпускники дали похожие ответы: 69,4% – любовь к людям и детям; 63,9% – возможность постоянного самообразования и саморазвития; 61,1% – возможность развить лучшие природные задатки, личностные качества и умения ребёнка, подготовить его к жизни в обществе; 52,8% – возможность обогатить ребёнка своими знаниями, ценностями, компетенциями.

По вопросу «Считаете ли вы, что смысл педагогической деятельности должен совпадать со смыслом жизни?» у студентов разные мнения. Начинаящие студенты ответили так: 13% – «да, в полной мере»; 65,2% – «да, в отдельных аспектах»; 21,7% – «нет, это разные явления». Выпускники показали другую статистику: 33,3, 50 и 16,7%, соответственно.

Студенты отметили факторы образовательного процесса в профессиональном учреждении, наиболее повлиявшие на формирование их смысла педагогической деятельности. Студенты первых курсов дали такие ответы: 84,8% – «личность преподавателей, их профессиональные ценности»; 63% – «общение и взаимодействие с другими студентами»; 41,3% – «содержание учебных дисциплин» и «внеурочная деятельность»; 19,6% – «педагогическая практика». Выпускники повысили роль педагогической практики (77,8%), они также придают большое значение личности преподавателей (80,6%), содержанию учебных дисциплин (50%), общению и взаимодействию с другими студентами (38,9%).

На вопрос «Какие учебные дисциплины наиболее повлияли на формирование вашего смысла педагогической деятельности?» студенты-первокурсники ответили так: 82,6% – педагогика; 69,6% – психология. Также были названы такие дисциплины, как специальная педагогика и психология, основы внеурочной деятельности, литература. Студенты старших курсов

также выделили педагогику (86,1%), руководство классом (66,7%), психологию (50%), коррекционную педагогику (30,6%).

При ответе на вопрос «Какие литературные произведения и медиа (фильмы, телепередачи, сайты, блоги, группы в социальных сетях и т.п.) повлияли на формирование вашего смысла педагогической деятельности?» мнения разделились. Студенты первых курсов чаще всего указывали группы в социальных сетях, отдельные блоги из российской блогосферы. Также упоминались книги известных педагогов и французский фильм «Игрушка» (1976), анализ которого мы проводим на занятии по педагогике. Выпускники более часто упоминали произведения художественной литературы, сайты учителей начальных классов, некоторые российские фильмы о школе, группы в социальных сетях по темам саморазвития и методической помощи, телепрограммы, научные конференции по педагогике.

Среди факторов, которые могут негативно влиять на смысл педагогической деятельности, приводить к его разрушению, студенты первых курсов отметили «проблемы в построении общения с участниками образовательного процесса» и «осознание в какой-либо период деятельности, что выбор профессии не соответствовал личностным потребностям и способностям» (65,2%), «низкий статус педагогической профессии в современном российском обществе» (58,7%), «высокую физическую, интеллектуальную, эмоциональную нагрузку педагога, отсутствие возможностей ее компенсации» (47,8%). Студенты старших курсов отдали этим вариантам почти одинаковое предпочтение: 52,8, 63,9, 50 и 41,7% соответственно.

На вопрос: «Считаете ли вы ваш смысл педагогической деятельности окончательно сформировавшимся?» студенты первых курсов ответили так: 8,7% – «да, он окончательно сформировался», 76,1% – «он находится в стадии формирования и может измениться», 15,2% затруднились с ответом. Выпускники показали более высокие результаты: 36,1, 52,8 и 11,1% соответственно.

Проведенное анкетирование непосредственно связано со всеми основными вопросами, поставленными нами в начале исследования. Оно позволяет выявить уровень сформированности смысла педагогической деятельности как мировоззренческой категории на разных этапах обучения. По итогам анкетирования можно отметить, что будущие учителя придают большое значение осознанию смысла педагогической деятельности, включая его в число своих профессиональных ценностей. Многие признают взаимосвязь и даже совпадение смысла жизни и педагогической деятельности. Было выявлено, что обучение в колледже и семья стали факторами наибольшего влияния на понимание смысла педагогической деятельности. Смысл педагогической деятельности, по мнению студентов, связан с созданием условий для развития личности ребёнка, для проявления любви к нему. Выявлена ведущая роль учебной дисциплины «Педагогика» в формировании смысла педагогической деятельности. Очевиден динамический характер смысла педагогиче-

ской деятельности, который находится в стадии формирования у большинства студентов. Результаты анкетирования позволяют нам корректировать содержание и методы преподавания с целью усиления ориентации профессиональной подготовки на формирование смысла педагогической деятельности, поиска путей преодоления отдельных негативных факторов.

При разработке программ учебных дисциплин «Педагогика» и «Классное руководство» мы ставили цель – создание условий для овладения студентами знаниями, умениями и навыками, компетенциями в области общих основ педагогики, педагогической деятельности, дидактики, педагогических технологий и теории и методики воспитания, необходимыми для грамотного решения практических задач педагогической деятельности. В курсе педагогики, в частности, рассматриваются такие вопросы, как возникновение и развитие педагогической профессии в разные исторические периоды; роль и место педагога в информационный век; требования к современному педагогу со стороны общества, семьи, государства. Личность учителя анализируется по совокупности следующих характеристик: нравственное богатство, креативность, гражданская активность, конкурентоспособность. Изучается структура педагогической деятельности и содержание ее основных видов (диагностическая, ориентационно-прогностическая, конструктивно-проектировочная, организаторская, информационно-объяснительная, коммуникативно-стимулирующая, аналитико-оценочная, исследовательско-творческая). Важным аспектом обсуждения является проблема «Общество и учитель: каким образом происходит их взаимное влияние?». Мы предлагаем студентам найти в художественной литературе, статьях из газет и журналов описания личностей учителей и объяснить, что из опыта этих учителей они хотели бы воспринять.

Для выявления специфических отличий педагогической профессии от других профессий мы предлагаем студентам провести сравнительный анализ по следующим параметрам: коммуникативный, познавательный, воспитательный, социокультурный. Студенты также могут использовать другие параметры. Будущие учителя обнаруживают лидерство педагогической профессии по всем приведенным выше параметрам, что обуславливает сложность и разнообразие требований к профессиональной подготовке.

Мы просим студентов провести контент-анализ российских телеканалов: как представлены в них педагогическая профессия и деятели просвещения? Какой телеканал имеет наиболее выраженную образовательную и просветительскую направленность? У студентов вызывает интерес задание изучить материалы видеоконференции TED. Они обнаруживают, что у российских учителей и их западных коллег много общих проблем, взглядов на педагогическую профессию. Это гуманистический подход и стремление развивать творческие способности учащихся.

Студенты создают и представляют собственный «банк афоризмов» на педагогическую тематику, подробно объясняя свое понимание одного из высказываний. Мы также организуем мини-дискуссию по

проблеме: может ли учитель иметь в классе «любимчиков» и «отверженных»? К чему приводит такой стиль взаимоотношений и как осуществлять профессиональный самоконтроль?

По итогам первого практического занятия по теме «Учитель современной школы» студенты создают эссе «Роль педагогической профессии в современном обществе и моей жизни» и выступают с его обоснованием. При изучении эссе мы выявляли, используют ли студенты терминологию, связанную со смыслом педагогической деятельности, могут ли они выделить ключевые характеристики смысла профессиональной деятельности учителя. Анализ эссе студентов, написанных в 2017–2021 гг., показал, что будущие учителя понимают значение такой категории, как «призвание», осознают социальный смысл профессии – служение другим людям. Более 30% обучающихся используют в эссе термины «цель педагогической деятельности», «смысл работы учителя». Студенты особо выделяют влияние учителя на личность учащихся, на их будущий жизненный путь. Более 50% авторов понимают необходимость постоянного профессионального саморазвития и самообразования, но еще не имеют достаточных представлений о формах и способах их организации. Значительным фактором для многих в выборе профессии является позиция родителей. Разработка в ходе занятия модели личности современного учителя (с использованием профессиональной программы учителя начальных классов) помогает студентам более четко связывать смысл деятельности педагога с ее основными направлениями.

Проблемные и эвристические вопросы и задания являются основой практических занятий. Приведем примеры некоторых из них, раскрывающих студентам понятие «смысл педагогической деятельности»:

– Исходя из известных вам тенденций развития общества и образования, попробуйте определить перспективы развития системы наук о человеке: значение каких наук возрастет? Какие новые научные дисциплины могут или должны появиться?

– Один из предметов исследования педагогики – миссия ученика. В чем она выражается?

– Выделите основные закономерности и особенности развития образовательных систем в России и в других странах. Какие из них вам показались интересными, специфическими? Афинская и спартанская системы образования: почему оказалась востребованной первая? Должна ли современная педагогика учитывать исторический путь развития образования в мире?

– Опишите принципы и методы организации обучения в технологии «Обучение через приключение». В чем вы видите ее достоинства и недостатки? Изучите работу Дэйва Берджеса «Обучение через приключение: Как сделать уроки интересными и увлекательными» (2015). Используя материалы интернет-ресурсов и педагогических журналов, найдите и проанализируйте примеры применения данной технологии современными педагогами.

– Опишите особенности целеполагания школьного урока. Как реализовать систему «цель–мотивация–

потребность–интерес»? Выделите основные способы привлечения обучающихся к определению и осмыслению целей урока.

Одной из форм практических занятий является дискуссионный педагогический клуб. Студенты заранее получают вопросы для обсуждения, но форма клуба позволяет им вносить собственные вопросы, приглашать для участия в занятии представителей педагогического сообщества. Свободная дискуссия выявляет как сходные, так и различающиеся позиции, при этом обязательным требованием является наличие аргументации. Студенты узнают сущность понятия «профессиональная позиция». Так, в теме «Ценностные ориентации современного воспитательного процесса», в частности, обсуждаются следующие вопросы:

– Духовные или материальные ценности должны быть доминирующими у современного молодого человека? Как их гармонично совместить?

– Любовь как ценность. Нужна ли она современному человеку? В чем она проявляется? Должна ли педагогическая любовь быть в числе ценностей современного педагога?

– Актуальна ли сегодня Свобода как личностная и общественная ценность? Как определить границы личной свободы? Как обеспечить в учебном процессе свободу мысли, совести и действий обучающихся?

– Дайте характеристику Чести и Достоинства как непреходящих ценностей. Какие факторы влияют на их разрушение в современном обществе? Как создавать в педагогическом процессе условия для формирования чести и достоинства?

– Кто больше влияет на определение ценностных ориентаций образовательного процесса школы – органы управления образованием, социум, педагоги, администрация, родители, обучающиеся? Приведите примеры.

Итогом занятия является совместное формулирование студентами базовых профессиональных ценностей педагога. Дискуссионный педагогический клуб становится фактором развития критического мышления студентов и помогает показать связь ценностной сферы со смыслом жизни и профессиональной деятельности. Такая форма занятий значительно активизирует мотивацию студентов к изучению педагогических дисциплин. Обсуждение некоторых вопросов дискуссионного клуба продолжается в публикациях в социальной сети ВКонтакте. Одна из предложенных студентами тем для будущих заседаний клуба – «Учитель в цифровом мире: мировоззрение и подходы к взаимодействию с участниками образовательного процесса».

Одним из практико-ориентированных заданий является анализ педагогических ситуаций. Студенты анализируют ситуации, предложенные преподавателем, или разрабатывают собственные ситуации, исходя из личного опыта и представлений о возможных событиях в процессе обучения. Анализ ситуаций проводится в микрогруппах в соответствии со следующим алгоритмом:

1. Определите, кто из участников образовательного процесса может быть вовлечен в ситуацию (от-

дельный ученик, классный коллектив, педагоги, родители и т.п.) – в момент возникновения ситуации и позднее.

2. Выделите основные риски, возникающие при неправильном решении ситуации (отрицательный воспитательный эффект, нарушение прав ребенка, ухудшение взаимоотношений в детском коллективе и др.).

3. Сформулируйте педагогическую проблему.

4. Сформулируйте воспитательные задачи для решения ситуации (в соответствии с тем, кто в нее вовлечен).

5. Представьте возможные варианты решения с обоснованием их эффективности (выбор форм, методов и приемов воспитательного взаимодействия, их соответствие возрастным особенностям обучающихся, соблюдение этических требований, прав обучающихся и родителей). Выберите оптимальный вариант.

6. При необходимости опишите последствие – закрепление итогов решения ситуации в дальнейшей воспитательной работе.

Мы считаем, что осмысление инновационных процессов, происходящих в системе российского и международного образования, невозможно без изучения деятельности выдающихся педагогов-новаторов, обусловивших развитие гуманистической педагогической мысли в XX–XXI вв. Поэтому в ходе изучения педагогики студенты выполняют учебный проект «Гуманистическая педагогика: история и современность», который направлен на изучение жизни и профессиональной деятельности выдающихся отечественных и зарубежных педагогов-гуманистов, анализ их основных работ, выделение основополагающих педагогических идей, сопоставление их с современной теорией и практикой образования, нахождение путей их реализации в собственной практической деятельности. Студенты делятся на шесть микрогрупп, каждая из которых исследует одного из таких педагогов, как Я. Корчак, А. Нилл, С. Френе, В. Сухомлинский, Ш. Амонашвили, С. Соловейчик. Происходит публичная защита проекта, а затем проводится «круглый стол», где, в частности, предлагаются такие вопросы: 1. Совместимы ли инструменты гуманистического подхода с современными требованиями к системе образования? Как сочетать гуманистическую организацию образовательного процесса со стандартизацией? Будете ли вы осуществлять идеи гуманистической педагогики в своей профессиональной деятельности? Почему это необходимо именно вам? 2. Возможна ли реализация авторских педагогических систем в практике массовой школы? Какие условия необходимы для их создания? Какими качествами должен обладать педагог-новатор? 3. Насколько различны идеи гуманистической педагогики и способы их реализации в отечественном и зарубежном образовании? Что их объединяет? В чем причины сходства и различий?

Для понимания студентами смысла педагогической деятельности, по нашему мнению, очень важны такие идеи, как «педагогические инварианты» С. Френе; право ребенка быть собой и участвовать в

собственном воспитании (Я. Корчак); «...нет ничего важнее счастья ребенка, а оно невозможно без личной свободы» (А. Нилл), «Воспитывается не тот, кого любят, а тот, кто любит... Для воспитания нам надо, чтобы дети любили нас. А точнее – чтобы они любили хоть кого-нибудь, чтобы они вообще были способными любить» (С. Соловейчик). Выдающимся примером педагогического долга и мужества является подвиг Януша Корчака, пожертвовавшего своей жизнью ради воспитанников.

Огромную роль в создании условий для понимания смысла педагогической деятельности играет практическая работа студентов в школе. В ходе изучения курса «Классное руководство» предусмотрены две практики, которые включают ряд преемственных заданий. Эти задания связаны с анализом нормативной документации, диагностикой личности ученика и классного коллектива, разработкой и реализацией мероприятий для учеников и их родителей. В ходе практики студенты получают консультации учителей и представителей администрации школы. Во время конференции по итогам практики студенты обсуждают трудности и успехи, рассказывают о том, как они решали возникшие педагогические ситуации. В требованиях к содержанию отчетов по практике мы включили формулирование вывода о роли практики в формировании представлений студентов о смысле и целеполагании педагогической деятельности. Анализ отчетов по итогам практики последних пяти лет показал, что смысл педагогической деятельности не только осознается студентами, но и положительно влияет на выбор стиля общения с детьми и методов преподавания. Воспитательная деятельность, тесно связанная с ценностной сферой, отражением представлений о смысле жизни во взаимодействии со школьниками, положительно влияет на понимание будущими педагогами смысла профессиональной деятельности. Более 80% студентов отмечают, что практика в школе позволила расширить и углубить понимание смысла педагогической деятельности, что рассмотрение нравственного и эстетического смысла различных аспектов жизни включалось в содержание воспитательных мероприятий. Среди основных целей педагогической деятельности выделяются раскрытие совместно с учениками моральных принципов и правил поведения в обществе, создание условий для осознания детьми своего места в жизни, смысла различных видов деятельности школьника, для самообразования, самовоспитания и саморазвития детей.

Обосновав принцип мультитехнологичности в педагогическом образовании [26], мы сочетаем элементы и приемы таких образовательных технологий, как проблемное и эвристическое обучение, обучение в сотрудничестве, проектное обучение, медиаобразование, «перевернутый класс». Мы также активно приглашаем студентов к участию в диалоге с более опытными коллегами – учителями-практиками (онлайн-конференции, вебинары, онлайн-курсы по педагогической проблематике). В частности, студенты вовлекаются в участие в качестве слушателей в такие онлайн-мероприятия, как Московский междуна-

родный салон образования, I Всероссийский форум классных руководителей, Всероссийская неделя родительской компетентности и др.

По итогам изучения курса педагогики мы предлагаем студентам написать эссе «Роль дисциплины “Педагогика” в моем профессиональном становлении», ответив в нем на следующие вопросы:

– В чем актуальность, профессиональная необходимость изучения дисциплины?

– Какие знания, полученные вами, будут наиболее востребованы в профессиональной деятельности?

– Какие умения и навыки, приобретенные в ходе освоения дисциплины, помогут вам эффективно организовывать учебно-воспитательную работу?

– Выделите наиболее интересные темы и проблемы. Чем они привлекательны? Какие вопросы вы хотели бы добавить в содержание дисциплины?

– Какие трудности вы испытывали при изучении дисциплины и как их преодолевали?

– Можете ли вы сформулировать тему для индивидуальной исследовательской работы по педагогике?

Анализ данных эссе показал, что наиболее полезными знаниями студенты считают: особенности возрастного развития обучающихся, принципы и методы обучения и воспитания. Наиболее полезные умения: изучение личности учащихся, построение общения, разработка уроков и воспитательных мероприятий. Уже более 70% работ содержат терминологию, связанную со смыслом педагогической деятельности. Более 90% студентов отмечают ведущую роль дисциплины «Педагогика» в формировании их представлений о смысле и содержании профессии. Более 80% студентов среди наиболее интересных тем дисциплины называют две темы дискуссионного клуба («Ценностные ориентации современного воспитательного процесса» и «Актуальные проблемы обучения»). Выбранные студентами темы исследования позднее реализуются в курсовых и дипломных работах, связанных с формированием универсальных учебных действий, культуры общения, нравственной культуры у обучающихся. Увеличивается количество тем, связанных с цифровыми компетенциями учителя.

Таким образом, мы описали лишь некоторые основные приемы работы по формированию смысла педагогической деятельности у будущих учителей. Данное исследование взаимосвязано с нашими работами по вопросам формирования у студентов понятия «педагогическое общение», формирования мировоззренческой компетентности будущих учителей, модели выпускника педагогического колледжа, ценностного самоопределения будущих педагогов. Мы видим необходимость рассмотрения смысла педагогической деятельности как одного из ключевых результатов подготовки студентов в профессиональном педагогическом учебном заведении, поскольку этого требует логика профессиональной подготовки (от понимания смысла – к выбору и эффективному использованию форм и методов педагогической деятельности). По нашему мнению, каждая учебная дисциплина (не только общепрофессиональная) должна быть направлена на освоение студентами соответ-

ствующих аспектов смысла педагогической деятельности. Следовательно, возникает проблема согласования подходов преподавателей к определению смысла педагогической деятельности и организации обмена опытом по ориентации содержания учебных дисциплин на смыслообразование.

Выводы

Учителя создают условия для подготовки будущих поколений к жизни в многообразном поликультурном мире. Отсутствие у учителей смысла педагогической деятельности либо недостаточное внимание к его формулированию могут привести к негативным последствиям для общества. Формируя смысл профессиональной деятельности у будущих учителей, мы обеспечиваем условия для профессионального саморазвития. Изучение смысла любого вида деятельности ведет к совершенствованию содержания и способов этой деятельности. Необходим поиск форм диалога студентов с профессионалами по данной проблематике.

Очевидно, что мировоззренческие позиции учителей должны находить практическое воплощение. Практическая философия педагогической деятельности – это гуманистические установки на служение обществу, культуре и прогрессу. Смысл педагогической деятельности – это многогранная категория, но ее основной концепт – создание условий для свободного развития и саморазвития личности ученика.

Смысл педагогической деятельности во многом определяет выбор содержания учебных дисциплин. Оно должно включать такие взаимосвязанные компоненты, как смысл субъект-субъектного взаимодействия

участников образовательного процесса, смысл реализации миссии педагога и ученика, смысл профессионального самообразования и саморазвития.

Наше исследование не исчерпывает всех многообразных проблем формирования смысла педагогической деятельности. Среди актуальных направлений следующих этапов исследования мы можем выделить: поиск и обоснование методических приемов раскрытия взаимосвязи смысла жизни и профессиональной деятельности; аспекты влияния смысла деятельности учителя на формирование смысла жизни и деятельности школьников; выявление способов сохранения и саморегулирования учителем смысла своей профессиональной деятельности в конкретных условиях жизни общества (в частности, в ситуации неопределенности); вовлечение студентов в диалог о профессии с обучающимися школы – будущими абитуриентами и представителями педагогического сообщества; создание условий для отражения осмысления студентами категории «смысл педагогической деятельности» в ходе государственной итоговой аттестации. Одной из востребованных форм функционирования дискуссионного педагогического клуба могут стать совместные видеоконференции студентов различных профессиональных учебных заведений по педагогической проблематике. Расширение профессионального кругозора должно достигаться интенсификацией профессиональных взаимодействий, включением студентов в контекст ведущих современных трендов образования, участием будущих педагогов в профессиональных конкурсах, связанных с обоснованием смысла педагогической деятельности.

Список источников

1. Frankl V. Man's Search for Meaning. Beacon Press, 1992. 155 p.
2. Yim J.S.C., Moses P. Work factors and teacher satisfaction: The mediating effect of cynicism toward educational change // *Issues in Educational Research*. 2016. Vol. 26 (4). P. 694–709.
3. Rucker T. Teaching and the Claim of Bildung: The View from General Didactics // *Studies in Philosophy and Education*. 2020. Vol. 39. P. 51–69. doi: 10.1007/s11217-019-09673-0
4. Дмитриева Е.Н. Парадигма смыслообразующей педагогической подготовки учителя // *Высшее образование в России*. 2011. № 3. С. 75–80.
5. Басалаева Н.В. Становление ценностно-смыслового отношения к будущей профессии у студентов // *Сибирский педагогический журнал*. 2010. № 11. С. 113–118.
6. Евдокимова Е.Г. Педагогический контекст смыслообразования // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика*. 2014. № 14 (4). С. 95–99.
7. Герт В.А. Со-бытийная природа смыслообразования в педагогическом взаимодействии // *Педагогическое образование в России*. 2011. № 4. С. 186–192.
8. Asio J.M.R., De Dios E.E.R. The college students' perspective on what makes an educator well-qualified // *Journal of Pedagogical Research*. 2019. Vol. 3 (3). P. 126–138.
9. Andrews M.C. A dissertation submitted to the school of education and the committee on graduate studies of Stanford University in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy. 2007. 159 p. URL: <http://purl.stanford.edu/qp476bx9339>
10. McDonald M., Kazemi E., Schneider Kavanagh S. Core Practices and Pedagogies of Teacher Education: A Call for a Common Language and Collective Activity // *Journal of Teacher Education*. 2013. Vol. 64 (5). P. 378–386. doi: 10.1177/0022487113493807
11. Tovkanets G. Moral values in pedagogical activity // *Lubelski Rocznik Pedagogiczny*. 2018. Vol. 37 (3). doi: 10.17951/lrp.2018.37.3.237-2443
12. Rajala A. Expanding the Context of Pedagogical Activity to the Surrounding Communities // *Psychology & Society*. 2019. Vol. 11 (1). P. 161–175.
13. Bernardes M.E.M., Alves A.A. The Pedagogical Activity in the Training of Teachers: Contributions from the Cultural-Historical Theory // *Creative Education*. 2015. Vol. 6. P. 1496–1507.
14. Lefstein A., Vedder-Weiss D., Segal A. Relocating Research on Teacher Learning: Toward Pedagogically Productive Talk // *Educational Researcher*. 2020. Vol. 49 (5). P. 360–368.
15. Eshchar-Netz L., Vedder-Weiss D. Teacher learning in communities of practice: The affordances of co-planning for novice and veteran teachers' learning // *Journal of Research in Science Teaching*. 2020. Vol. 1(26). doi: 10.1002/tea.21663
16. De Simone C. Problem-Based Learning: a framework for prospective teachers' pedagogical problem solving // *Teacher Development: An international journal of teachers' professional development*. 2008. Vol. 12 (3). P. 179–191. doi: 10.1080/136645308022592064
17. Van der Wal-Maris S., Beijard D., Schellings G.L.M., Geldens J. How meaning-oriented learning is enhanced in Dutch academic primary teacher education // *Teacher Development*. 2018. Vol. 22 (3). P. 375–393. doi: 10.1080/13664530.2018.1442874

18. De Jong L., Meirink J., Admiraal W. School-based teacher collaboration: Different learning opportunities across various contexts // *Teaching and Teacher Education*. 2019. Vol. 86. doi: 10.1016/j.tate.2019.102925
19. Верхотурова Ю., Галагузова Ю. Педагогическая деятельность как психолого-педагогический феномен // *Педагогическое образование в России*. 2019. Vol. 3. С. 62–66. doi: 10.26170/po19-03-09
20. Ерошенкова Е.И. Просоциальная направленность педагогической деятельности в современной науке и образовании: от сущности к содержанию // *Научный результат. Педагогика и психология образования*. 2019. № 5 (2). С. 3–16. doi: 10.18413/2313-8971-2019-5-2-0-1
21. Evsetsova E., Dobrotvorskaya S., Ponomarev A. Pedagogical Orientation of Student Teachers to Universal Values // *Proceedings IFTE-2019*. 2019. P. 115–120. doi: 10.3897/ap.1.e0105
22. Seryapina Y. The concept of «readiness for pedagogical activity»: motivational readiness, psychological readiness, readiness to innovative activity // *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Education. Educational Sciences*. 2018. Vol. 10 (4). P. 77–86. doi: 10.14529/ped1804109
23. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования по специальности 44.02.05 Коррекционная педагогика в начальном образовании. 2018 // Гарант.ру. URL: <https://base.garant.ru/71910764/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/>
24. Профессиональный стандарт «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)». 2013 // Гарант.ру. URL: <https://base.garant.ru/70535556/>
25. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. 2015 // Правительство России – официальный сайт. URL: <http://static.government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qJ0tEFnyHlBitwN4gB.pdf>
26. Hazanov I. The main methodological approaches and the principle of multi-technology to teaching pedagogy in the process of training of future teachers: Russian experience // *Journal of Educational Sciences and Psychology*. 2019. № 2. P. 53–64.

References

1. Frankl, V. (1992) *Man's Search for Meaning*. Beacon Press.
2. Yim, J. S.C. & Moses, P. (2016) Work factors and teacher satisfaction: The mediating effect of cynicism toward educational change. *Issues in Educational Research*. 26 (4). pp. 694–709. [Online] Available from: <http://www.iier.org.au/iier26/yim.html>
3. Rucker, T. (2020) Teaching and the Claim of Bildung: The View from General Didactics. *Studies in Philosophy and Education*. 39. pp. 51–69. [Online] Available from: <https://doi.org/10.1007/s11217-019-09673-0>
4. Dmitriyeva, Y.N. (2011) Paradigma smysloobrazuyushchey pedagogicheskoy podgotovki uchitelya [The paradigm of meaning-forming pedagogical training of a teacher]. *Vysshaya obrazovaniye v Rossii*. 3. pp. 75–80.
5. Basalayeva, N.V. (2010) Stanovleniye tsennostno-smyslovogo otnosheniya k budushchey professii u studentov [Formation of an axiological attitude to the future profession among students]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal*. 11. pp. 113–118.
6. Yevdokimova, Y.G. (2014) Pedagogicheskiy kontekst smysloobrazovaniya [Pedagogical Context of Meaning Formation]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. 14(4). pp. 95–99. (In Russian).
7. Gert, V.A. (2011) So-bytiynaya priroda smysloobrazovaniya v pedagogicheskom vzaimodeystvii [Co-existential nature of meaning formation in pedagogical interaction]. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii*. 4. pp. 186–192. (In Russian).
8. Asio, J.M.R. & De Dios, E.E.R. (2019) The college students' perspective on what makes an educator well-qualified. *Journal of Pedagogical Research*. 3(3). pp. 126–138.
9. Andrews, M.C. (2011) *A dissertation submitted to the school of education and the committee on graduate studies of Stanford University in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy*. [Online] Available from: <http://purl.stanford.edu/qp476bx9339>
10. McDonald, M., Kazemi, E. & Schneider Kavanagh, S. (2013) Core Practices and Pedagogies of Teacher Education: A Call for a Common Language and Collective Activity. *Journal of Teacher Education*. 64(5). pp. 378–386. [Online] Available from: <https://doi.org/10.1177/0022487113493807>
11. Tovkanets, G. (2018) Moral values in pedagogical activity. *Lubelski Rocznik Pedagogiczny*. 37 (3). [Online] Available from: <https://doi.org/10.17951/lrp.2018.37.3.237-244>
12. Rajala, A. (2019) Expanding the Context of Pedagogical Activity to the Surrounding Communities. *Psychology & Society*. 11 (1). pp. 161–175.
13. Bernardes, M. E. M. & Alves, A. A. (2015) The Pedagogical Activity in the Training of Teachers: Contributions from the Cultural-Historical Theory. *Creative Education*. 6. pp. 1496–1507.
14. Lefstein, A., Vedder-Weiss, D. & Segal, A. (2020) Relocating Research on Teacher Learning: Toward Pedagogically Productive Talk. *Educational Researcher*. 49(5). pp. 360–368.
15. Eshchar-Netz, L. & Vedder-Weiss, D. (2020) Teacher learning in communities of practice: The affordances of co-planning for novice and veteran teachers' learning. *Journal of Research in Science Teaching*. 1 (26). [Online] Available from: <https://doi.org/10.1002/tea.21663>
16. De Simone, C. (2008) Problem-Based Learning: a framework for prospective teachers' pedagogical problem solving. *Teacher Development: An international journal of teachers' professional development*. 12 (3). pp. 179–191. [Online] Available from: <https://doi.org/10.1080/13664530802259206>
17. Van der Wal-Maris, S., Beijgaard, D., Schellings, G.L.M. & Geldens, J. (2018) How meaning-oriented learning is enhanced in Dutch academic primary teacher education. *Teacher Development*. 22 (3). pp. 375–393. [Online] Available from: <https://doi.org/10.1080/13664530.2018.1442874>
18. De Jong, L., Meirink, J. & Admiraal, W. (2019) School-based teacher collaboration: Different learning opportunities across various contexts. *Teaching and Teacher Education*. 86. [Online] Available from: <https://doi.org/10.1016/j.tate.2019.102925>
19. Verkhoturova, Y. & Galaguzova, Y. (2019) Pedagogicheskaya deyatel'nost' kak psikhologo-pedagogicheskii fenomen [Pedagogical activity as a psychological and pedagogical phenomenon]. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii*. 3. pp. 62–66. [Online] Available from: <https://doi.org/10.26170/po19-03-09>
20. Eroshenkova, E. (2019) Prosotsial'naya napravlennost' pedagogicheskoy deyatel'nosti v sovremennoy nauke i obrazovanii: ot sushchnosti k soderzhaniyu. Rezul'tat issledovaniya [Prososocial orientation of pedagogical activity in modern science and education: from essence to content. Scientific result]. *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya*. 5 (2). pp. 3–16. [Online] Available from: <https://doi.org/10.18413/2313-8971-2019-5-2-0-1>
21. Evsetsova, E., Dobrotvorskaya, S. & Ponomarev, A. (2019) Pedagogical Orientation of Student Teachers to Universal Values. *Proceedings IFTE-2019*. pp. 115–120. [Online] Available from: <https://doi.org/10.3897/ap.1.e0105>
22. Seryapina, Y. (2018) The concept of “readiness for pedagogical activity”: motivational readiness, psychological readiness, readiness to innovative activity. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Education. Educational Sciences*. 10(4). pp. 77–86. [Online] Available from: <https://doi.org/10.14529/ped1804109>
23. Russia. (2018) *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart srednego professional'nogo obrazovaniya po spetsial'nosti “Korrektionnaya pedagogika v nachal'nom obrazovanii”* [Federal state educational standard of secondary vocational education in the specialty 44.02.05 Correctional pedagogy in primary education]. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/71910764/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/>
24. Russia. (2013) *Professional'nyy standart “Pedagog (pedagogicheskaya deyatel'nost' v sfere doshkol'nogo, nachal'nogo obshchego, osnovnogo obshchego, srednego obshchego obrazovaniya)”* [Professional standard “Teacher (pedagogical activity in the field of preschool, primary general, basic general, secondary general education) (educator, teacher)”]. (2013) (In Russian). [Online] Available from: <https://base.garant.ru/70535556/>

25. Russia. (2015) *Strategiya razvitiya obrazovaniya v Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 g.* [Strategy for the development of education in the Russian Federation for the period up to 2025]. [Online] Available from: <http://static.government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHlBitwN4gB.pdf>
26. Hazanov, I. (2019) The main methodological approaches and the principle of multi-technology to teaching pedagogy in the process of training of future teachers: Russian experience. *Journal of Educational Sciences and Psychology*. 2. pp. 53–64.

Информация об авторе:

Хазанов И.Я. – канд. пед. наук, доцент кафедры профессионального обучения, технологии и дизайна Курганского государственного университета (Курган, Россия); преподаватель педагогики Курганского педагогического колледжа (Курган, Россия). E-mail: hazanovilya@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.Ya. Hazanov, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation); lecturer, Kurgan Pedagogical College (Kurgan, Russian Federation). E-mail: hazanovilya@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.10.2021;
одобрена после рецензирования 28.03.2022; принята к публикации 20.05.2022.*

*The article was submitted 26.10.2021;
approved after reviewing 28.03.2022; accepted for publication 20.05.2022.*

Научная статья
УДК 81'34
doi: 10.17223/15617793/478/23

Формирование иноязычных ритмико-интонационных навыков у студентов направления «Лингвистика» с использованием стихотворного материала

Ольга Геннадьевна Шевченко¹, Дарья Сергеевна Шевякова²

^{1, 2} Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

¹ olga-ivleva@yandex.ru

² i.kazachikhina@gmail.com

Аннотация. Рассматривается проблема создания критериев отбора материала и успешности формирования иноязычных ритмико-интонационных навыков с помощью использования стихотворного материала в рамках овладения коммуникативной компетенцией студентами-лингвистами. Представлены модель формирования таких навыков в специально организованной образовательной среде и результаты ее экспериментальной проверки. Было обнаружено, что использование стихотворений способствует быстрой отработке навыка ритмико-интонационного оформления речи и обеспечивает возможность самостоятельного закрепления навыка обучающимися.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, фонетическая компетенция, ритмико-интонационные навыки, критерии отбора материала, модель формирования ритмико-интонационных навыков

Для цитирования: Шевченко О.Г., Шевякова Д.С. Формирование иноязычных ритмико-интонационных навыков у студентов направления «Лингвистика» с использованием стихотворного материала // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 194–202. doi: 10.17223/15617793/478/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/23

Developing foreign rhythm and intonation skills of linguistic students through poems

Olga G. Shevchenko¹, Daria S. Shevyakova²

^{1, 2} Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation

¹ olga-ivleva@yandex.ru

² shevyakova97@bk.ru

Abstract. The article focuses on the problem of implementing poems into the process of developing rhythm and intonation skills in linguistic students as one of the most important goals of professional training. Rhythm and intonation skills are part of phonetic competence which in its turn forms linguistic competence. Linguistic competence constitutes the basis of communicative competence. The formation of a foreign language communicative competence is one of the fundamental requirements of our time. The aim of the article is to present a model for the rhythm and intonation skills formation in linguistic students and the results of its verification. The research methods include the literature observation of the problem, experimental verification, quantitative and qualitative analysis of the results. The article firstly makes a theoretical overview of the student books which are used by linguistic students while studying foreign language phonetics. The authors learned that poems are not used to the full extent in the formation of phonetic competence despite their rich linguistic potential. The article secondly hypothesizes the effectiveness of introducing poems into the process of rhythm and intonation skills formation. The authors develop a model of a six-stage implementation of developing rhythm and intonation skills through poems. As a result of the purposeful selection of poems using specific criteria, the six-stage implementation of poems in developing rhythm and intonation skills, with the help of the system of exercises and with specific recommendations, the model achieves the expected results. At the first four stages of the rhythm and intonation skills formation, the receptive type of exercises is presented, while the next two stages tend to implement exercises of productive type, in which foreign language learners majoring in Linguistics produce speech phonetically formed in a perfect way. Students use a variety of English scales; determine the stressed and unstressed syllables along with identifying authentic pauses and diverse forms of nuclear tones. An evaluating test for diagnosing the level of rhythm and intonation skills formation as part of phonetic competence is created. The process and results of experimental verification are made for determining the effectiveness of the chosen model for developing rhythm and intonation skills in a specifically selected informational educational environment. The results of the research have proved the efficiency of the selected methods.

Keywords: phonetic competence, rhythm and intonation skills, principles of choice of the material, model of rhythm and intonation formation

For citation: Shevchenko, O.G. & Shevyakova, D.S. (2022) Developing foreign rhythm and intonation skills of linguistic students through poems. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 194–202. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/23

Концептуальная цель обучения иностранным языкам в вузе состоит в формировании поликультурной многоязычной личности посредством развития иноязычной коммуникативной компетенции (ИКК). Формирование ИКК становится ведущей целью подготовки профессионального лингвиста. Лингвистическая (языковая) компетенция является одним из основных компонентов коммуникативной компетенции. Особое место среди субкомпетенций ИКК занимает фонетическая компетенция. Следовательно, формирование фонетической составляющей коммуникативной компетенции (а именно формирование слухо-произносительных и ритмико-интонационных навыков) оказывается одной из первостепенных задач вузовского курса обучения иностранному языку [1. С. 86; 2. С. 225; 3. С. 11].

Язык как средство общения проявляется прежде всего в звуке как на сегментном, так и сверхсегментном уровнях, что обеспечивает понимание смысла высказывания, а следовательно, и достижение целей коммуникации. Отсутствие коммуникативно-фонетической составляющей речи приводит к непониманию, нарушению коммуникации, а значит, к невозможности решить основные задачи обучения иноязычной речи [3. С. 11–12].

Цель статьи – представить модель для формирования ритмико-интонационных навыков (как составной части фонетического навыка) с использованием стихотворного материала и результаты ее опытно-экспериментальной проверки на занятиях по английскому языку у студентов-лингвистов. В статье представлен анализ данных обучающего эксперимента. Обучающий эксперимент включает две фазы: собственно экспериментальное обучение и итоговый срез.

Гипотеза исследования основана на предположении о том, что формирование ритмико-интонационных навыков иноязычной устной речи может эффективно осуществляться посредством специально организованной образовательной среды с использованием стихов при условии правильного отбора стихотворного материала.

По мнению Д.Н. Толстой, реализация целей и задач обучения фонетической стороне иноязычной речи обеспечивается при условии соблюдения определенных принципов обучения фонетике, таких как: 1) принцип опережающего слушания; 2) принцип многократного повторения; 3) принцип расчленения потока речи и паузирования; 4) принцип имитации речевых образцов; 5) принцип сравнения, самоконтроля и самокоррекции. Названные выше принципы относятся к группе специальных методических принципов. Общедидактические принципы представлены принципом преемственности, последовательности, наглядности и активности, систематичности. К собственно методическим принципам обучения сту-

дентов-лингвистов иноязычному произношению следует отнести принципы дифференциации и интеграции процесса обучения фонетике [3. С. 14–15].

В данном исследовании мы будем понимать ритмико-интонационный навык как сформированную и доведенную до уровня автоматизма способность, заключающуюся в верном восприятии на слух, дифференциации, соотнесении со значением и воспроизведении особенностей ударения, ритма, интонационной структуры, темпа, тембра и расстановки пауз [4. С. 274].

Анализ особенностей формирования ритмико-интонационных навыков [4–6] позволяет определить основные трудности, которые мы разделили на три группы: акустические трудности; трудности, связанные с воспроизводством интонационных и ритмических структур; трудности, связанные с организацией самостоятельной работы обучающихся при обучении произношению.

Для преодоления указанных трудностей одним из предпочтительных вариантов является использование стихов, которые позволяют соблюсти два важнейших принципа, необходимых при обучении иностранному языку, в том числе и произношению: принцип наглядности и принцип индивидуализации [7. С. 158]. Кроме того, ритмическую организацию английской речи удобнее всего рассматривать в поэзии, поскольку в стихотворении насчитывается до 15 ритмообразующих параметров [8. С. 233].

Стихи также позволяют наиболее наглядно продемонстрировать мелодику, или мелодическую структуру английской речи, которая рассматривается многими исследователями как компонент интонации и включает в себя тоны и ритмические группы [6. С. 105]. При этом с помощью стихов также можно организовать самостоятельную работу учащихся, а на продвинутом уровне сформированности навыков использовать в работе стихи, выбранные самими студентами. Это особенно важно, поскольку к факторам, влияющим на формирование фонетических навыков, помимо степени влияния родного языка, развитости речевого слуха (интонационного и фонематического) и степени «погружения» в изучаемый язык, относится интерес и мотивация обучающихся [9. С. 4–8]. Их может обеспечить эмоциональная и эстетическая функция стихов. Кроме того, межкультурный компонент обучения произношению можно усилить за счет использования стихов с ярко выраженным национально-маркированным характером [10. С. 375].

Прежде всего мы рассмотрели использование стихов в качестве языкового материала в различных учебных пособиях. Так, в рамках данного исследования было отобрано и проанализировано 13 российских учебных пособий по практической фонетике для языковых вузов и факультетов, изданных с 1998 по 2019 г. (табл. 1).

Таблица 1

Использование стихов в российских учебных пособиях по практической фонетике

Учебное пособие (автор и год издания)	Наличие стихов/ упражнений на основе стихов	Наличие аудио на звуковом носителе
Колыхалова Е.В. (1998)	–	–
Лебединская Б.Я. (2000)	+/-	–
Меркулова Е.М. (2001)	–	–
Михальчук В.А. (2001)	+/+	–
Соколова М.А. (2001)	+/+	+
Кичигина Е.В. (2002)	–	–
Усачева Я.В. (2007)	–	–
Бондаренко Л.П. (2009)	–	–
Казак О.Г. (2012)	+/-	–
Карневская Е.Б. (2013)	+/+	+
Бурая Е.А. (2014)	+/-	+
Васильев В.А. (2017)	+/-	+
Мучкина Е.С. (2019)	–	–

Так, из 13 рассмотренных пособий только семь из них содержат учебные материалы на основе стихотворений. При этом упражнения на основе стихов присутствуют лишь в трех пособиях. В некоторых учебных пособиях стихи классифицируются авторами согласно изучаемым гласным и согласным звукам, однако в большинстве рассмотренных пособий они часто выносятся в отдельный раздел в конце издания и предлагаются только в качестве дополнительного материала для чтения. Среди стихотворений представлены как короткие рифмовки и лимерики, так и стихотворения английских и американских поэтов.

Рассмотрим пособия, содержащие стихотворный материал, более подробно. В книге В.А. Васильева выделен раздел с упражнениями, в которых отрабатывается материал из приведенных ранее глав с теоретической информацией. Для обучения интонации в данном пособии используется несколько коротких стихов (*nursery rhymes*). Транскрипции не предлагаются, но автором отмечены ударные слова и тоны. Пять стихотворений английских поэтов вынесены в приложение в конце издания и выступают в качестве дополнительного материала [11]. Каждое стихотворение интонировано, что позволяет обучающимся ознакомиться с аутентичными особенностями интонационной структуры и их графической разметкой. Однако готовый интонированный вариант не предоставляет возможность самостоятельной работы со стихотворением. Для более эффективной работы рекомендуется использовать первые два-три стихотворения с готовым вариантом разметки, после чего выполнить транскрипцию других стихотворений и интонировать их самостоятельно, ориентируясь только на аудиозапись носителя.

Упражнения в практическом курсе фонетики Е.Б. Карневской направлены на формирование фонетического навыка как компонента речевого навыка. Автор вводит короткие стихотворения, содержащие определенные фонетические явления, и предлагает работать с ними в рамках имитативного метода. В пособии представлены стихотворные тексты с транскрипцией и обозначенными фонетическими и просодическими явлениями [12]. В учебном пособии, пред-

лагаемом В.А. Михальчук, стихи также использованы для демонстрации изучаемых фонетических явлений в разделе «Тренировка звуков в связной речи» [13]. Материалы из данных пособий могут быть использованы для демонстрации различных фонетических явлений и их осознанной имитации.

В методическом пособии О.Г. Казак использованы стихотворения английских поэтов для обучения интонации декламационного стиля. Демонстрируется интонационная структура стихотворений с расставленными паузами, ударениями и тонами, как и в пособиях, предлагаемых В.А. Васильевым и Е.Б. Карневской [14]. С одной стороны, это обеспечивает возможность тренировки правильного интонационного варианта ввиду отсутствия звукового носителя, а с другой – не позволяет обучающемуся самостоятельно определять интонационную структуру предложения. В данном случае рекомендуется дополнение задания со стороны преподавателя: прочтение стихотворения преподавателем для восприятия обучающимися на слух и последующее самостоятельное интонирование.

В отличие от рассмотренных выше изданий, стихотворения, предлагаемые в учебном пособии М.А. Соколовой, необходимо прослушивать, транскрибировать и интонировать самостоятельно, после чего требуется подготовиться к выразительному чтению и заучиванию наизусть [15]. Такие упражнения не только способствуют формированию интонационных навыков, но и позволяют улучшать аудитивные навыки за счет многократного прослушивания. Тем не менее в пособии не представлены упражнения, направленные на формирование ритмического компонента навыка.

В учебном пособии Б.Я. Лебединской стихам посвящен отдельный раздел для выразительного чтения и заучивания наизусть. Для тренировки каждого гласного и согласного звука приводятся несколько стихотворений американских и английских поэтов [16]. В пособии Е.А. Бурой предлагаются скороговорки, лимерики и стихотворения для прочтения в быстром темпе с четким артикулированием всех звуков [5]. Преимуществом данных пособий является значительная база собранных стихотворных материалов, которые могут быть использованы на занятиях по практи-

ческой фонетике на среднем и продвинутом этапах формирования фонетического навыка. Правильное прочтение предложенных стихотворений на начальном этапе обучения фонетике является достаточно затруднительным и требует наличия конкретных упражнений или методических рекомендаций.

Так, проанализировав представленные пособия, мы пришли к выводу, что значительным преимуществом является классификация стихов по преобладающим звукам. Благодаря использованию в стихах конкретного преобладающего звука у обучающихся складывается более четкое представление о тренируемом звуке или паре звуков. Дополнительные упражнения, включающие в себя чтение с конца с добавлением слов и тренировку отдельных слов с последующим увеличением числа интонационных групп, позволяют студентом правильнее воспринять звуковой образец, отработать отдельные звуковые сочетания, а затем воспроизвести их.

Тем не менее, несмотря на выявленные преимущества, ни в одном из рассмотренных пособий не предлагается самостоятельно обозначить ударные слова и отметить ядерные тоны, а также изобразить их на тонограмме для понимания ритма и интонации и даль-

нейшего прочтения. Кроме того, в некоторых пособиях чтение стихотворений предлагается осуществлять без предварительного прослушивания аудиозаписи на звуковом носителе. Несмотря на то что предлагаются готовые варианты стихотворений с отмеченными ударениями и тонами, предложенный способ не позволяет обучающемуся самостоятельно определять аутентичную интонацию для выразительного прочтения стихотворения в рамках конкретного упражнения, а также для дальнейшего использования полученных навыков в живой разговорной речи на английском языке. Таким образом, актуальность предлагаемой модели формирования ритмико-интонационного навыка с использованием стихотворного материала повышается.

Для реализации функционального потенциала стихов мы определили критерии отбора стихотворного материала, а также разработали на его основе систему упражнений и методических рекомендаций для формирования ритмико-интонационных навыков. При определении критериев отбора следует ориентироваться на наиболее характерные трудности, возникающие у обучающихся в процессе формирования ритмико-интонационного навыка (табл. 2).

Таблица 2

Определение критериев отбора стихотворного материала на основе часто встречающихся ритмико-интонационных трудностей

Категория трудностей	Критерий отбора материала
Акустические трудности	1. Аутентичность (наличие аутентичной аудиозаписи стихотворения на английском языке). 2. Наличие качественной записи на звуковом носителе
Трудности, связанные с непосредственным воспроизведением интонационных структур	Разнообразие интонационных структур (наличие нисходящих и восходящих тонов разной высоты)
Трудности, связанные с непосредственным воспроизведением ритмических структур	Наличие повторяющегося интонационного ритмического рисунка в строфах одного стихотворения.
Трудности, связанные с организацией самостоятельной работы обучающихся и самоконтролем	Умеренная лексико-грамматическая сложность

Критерий аутентичности обусловлен тем, что данное исследование основано на дифференцированном подходе, сочетающем в себе особенности артикуляторного и акустического подходов [17. С. 70]. Так как в дифференцированном подходе большое значение придается восприятию на слух, то одним из основополагающих критериев является аутентичность. Для формирования верного восприятия интонационных и ритмических структур важно использовать аутентичные аудиозаписи стихотворного материала, созданные носителями английского языка.

В качестве дополнительного критерия мы также выделяем наличие качественной и четкой записи на звуковом носителе, так как на начальном этапе формирования навыка важно обеспечить необходимое количество прослушиваний и добиться верного восприятия. Звуковые искажения препятствуют восприятию звукового образца. В связи с этим при отсутствии приемлемого звукового носителя рекомендуется записать прочтение стихотворного текста преподавателем с помощью диктофона и использовать в качестве аудиоматериала. Поскольку в данном случае нарушается критерий аутентичности, указанный способ

представления материала следует использовать в качестве дополнительного источника и комбинировать с аудиозаписями, выполненными носителями языка.

Критерий, связанный с разнообразием интонационных структур, предполагает наличие в стихотворении, по крайней мере, двух типов интонационных моделей (например, нисходящей и восходящей или нисходяще-восходящей и восходяще-нисходящей). Помимо разнообразия интонационных моделей, представленных в стихотворении, рекомендуется наличие внутренних созвучий, рифмы (особенно на начальном этапе), а также наличие таких особенностей, как аллитерация и ассонанс. Представленные элементы способствуют развитию слухо-произносительных навыков благодаря многократной тренировке преобладающих звуков или сочетаний звуков.

Похожий ритмический и интонационный рисунок в стихотворениях с несколькими строфами также является важным критерием отбора стихотворного материала. Повторяющееся определенным образом чередование ударных и безударных слогов и повторяющиеся интонационные модели позволяют обучающимся осуществлять работу над разными строфами

по принципу аналогии. Использование стихотворений, соответствующих данному критерию, позволяет преодолеть трудности, относящиеся одновременно к двум категориям. Во-первых, обучающиеся осваивают ритмические особенности посредством работы над похожими образцами. Во-вторых, работа по аналогии позволяет более эффективно организовать самостоятельную работу обучающихся.

Особенности введения различных интонационных моделей и возможности их самостоятельной отработки также связаны с их лексико-грамматическим наполнением. В связи с этим при работе со стихами, как и при работе с учебными диалогами, важно уделять внимание смысловой составляющей. Так как интонация выполняет смыслодифференцирующую функцию [18. С. 87], в процессе формирования интонационного навыка обучающимся важно понимать смысл произносимого текста. В таком случае чрезмерная усложненность лексических или грамматических компонентов стиха не позволяет сосредоточить внимание обучающихся на фонетических особенностях стихотворения.

Что касается начального этапа формирования фонетических навыков, то отбор стихотворений рекомендуется осуществлять преподавателю. Однако в дальнейшем работа со стихотворениями может способствовать формированию навыков самоорганизации при развитии ритмико-интонационных навыков. Основными этапами самостоятельной деятельности обучающихся являются планирование, мониторинг и оценка [19. С. 385]. Как уже было отмечено, на более продвинутом этапе формирования навыка студенты могут самостоятельно выбирать стихотворения, планировать работу над ними и отслеживать собственный прогресс путем сравнения аутентичных аудиозаписей с записями собственного голоса. Значительным преимуществом обладает механизм взаимооценивания [19. С. 390]. По нашему мнению, организованная работа обучающихся в парах может создать дополнительный мотивационный фон для демонстрации произношения и прочтения стихотворения.

Кроме того, помимо рассмотренных критериев важно учитывать следующие методические рекомендации при введении и предъявлении стихотворного материала на занятии со студентами. Предлагаемые нами рекомендации основаны на особенностях дифференцированного подхода к формированию фонетических навыков.

1. На начальном этапе возможно замедление темпа работы с фонетическим материалом. Преподаватель может предлагать построчное прослушивание стихотворения при первом предъявлении. Рекомендуется постепенное увеличение темпа после успешного освоения ритмической и интонационной структуры. Это обеспечивает более точное и правильное первичное восприятие конкретного звукового образца.

2. В рамках дифференцированного подхода, который заключается в комбинировании акустического и артикуляторного подходов, важно поддерживать равномерное соотношение процессов рецепции и репродукции. Иными словами, прослушиванию стихотворения

должно уделяться почти столько же времени, сколько его прочтению.

3. Целесообразно задействование различного рода наглядных опор и ориентиров (как вербальных, так и невербальных). К ним могут относиться не только аудиовизуальные средства, обеспечивающие комбинацию зрительных и звуковых средств, но и готовые транскрипции и тонограммы используемых стихотворений.

4. Многократное предъявление фонетического материала способствует развитию аудитивных навыков, которые заключаются в правильном восприятии, узнавании и различении как интонационных структур, так и звуко сочетаний в потоке речи.

Целью предлагаемой системы упражнений является формирование навыков ритмического и интонационного оформления речи.

Система упражнений соотносится с основными стадиями формирования ритмико-интонационного навыка, а именно: восприятие интонации на слух и понимание ее смыслодифференцирующей функции; графическое и голосовое интонационное и ритмическое оформление речи; воспроизводство и дальнейшее самостоятельное производство ритмической и интонационной структуры английского языка.

1. Обучающиеся прослушивают первую строфу два раза, после чего выполняют упражнение «эхо-повтор», заключающееся в одновременном прослушивании и проговаривании (повторении) определенного отрезка иноязычной речи.

2. После нескольких прослушиваний обучающимся предлагается записать услышанное построчно. Аудиозапись необходимо останавливать после каждой строки, чтобы обеспечить достаточное количество времени для восприятия, понимания и фиксации услышанного текста в письменном виде.

3. После прослушивания первой строфы еще 2–3 раза обучающиеся выполняют транскрипцию и обозначают ударные слова, ядерные тоны и фонетические явления. Далее выполненная работа сравнивается с готовым затранскрибированным вариантом, выданным преподавателем.

4. Далее обучающиеся получают мультимедийно текст второй строфы без предварительного построчного прослушивания. Суть упражнения состоит в определении интонационной и ритмической структуры, ориентируясь на опыт, полученный при работе с первой строфой. Данное упражнение может выполняться студентами в рамках самостоятельной работы, поскольку основано на принципе аналогии.

При этом следует отметить, что при работе со второй строфой преподавателю необходимо допускать расхождения между интонацией на записи и интонацией, предложенной обучающимся, в случае если они не противоречат правилам интонационного оформления английского языка и не нарушают смысловую составляющую стихотворения. При работе со стихами, как и при работе с учебными диалогами, важно уделять внимание смысловой составляющей при отработке как слухопроизносительных, так и ритмико-интонационных

навыков. В связи с этим в качестве дополнительного этапа может быть добавлено задание перевода стихотворного текста учащимися.

5. Обучающиеся самостоятельно прослушивают вторую строфу построчно и детально прорабатывают ее интонационную и ритмическую структуру.

6. На заключительном этапе работы, который представляет собой этап репродукции, рекомендуется сначала предложить обучающимся сравнить собственные результаты после первичного и вторичного прослушивания, а затем прочитать две строфы вслух, соблюдая рассмотренные ранее ритмические и инто-

национные особенности и записать речь на диктофон. Обучающиеся работают самостоятельно вне аудитории, а затем сформированные умения проверяются в аудитории.

Важно отметить, что данная система упражнений ориентирована как на формирование ритмических и интонационных навыков, так и навыков самостоятельного графического интонирования. Разработанные упражнения и методические рекомендации позволили сконструировать модель формирования ритмико-интонационных навыков с помощью стихов, которая представлена в табл. 3.

Таблица 3

Модель формирования ритмико-интонационных навыков с помощью стихов

Стадия обучения	Восприятие интонации и ритма первой строфы стиха на слух	Фиксация Услышанного в письменной речи и смысло-различение	Графическое и голосовое интонирование и ритмическая организация речи (письменная и устная речь)	Автоматизация аудитивных и артикуляционных навыков. Работа со второй строфой стихотворения	Применение аудитивных и артикуляционных навыков	Самостоятельная работа со стихами, выбранными студентами
Система упражнений	Тип 1. Рецептивные Слуховые-артикуляционные. Ритмико-интонационные. Языковые			Тип 1. Рецептивные Слуховые-артикуляционные. Ритмико-интонационные. Языковые	Тип 2. Репродуктивные Слуховые-артикуляционные. Ритмико-интонационные – языковые. Собственно произносительные. Речевые	
Форма работы	Непосредственная работа преподавателя и студентов в аудитории	Непосредственное взаимодействие преподавателя и студентов в аудитории	Непосредственное взаимодействие преподавателя и студентов в аудитории	Опосредованное взаимодействие преподавателя и студентов через интернет-технологии	Опосредованное взаимодействие преподавателя и студентов в аудитории с помощью интернет-технологий	Опосредованное взаимодействие преподавателя и студентов вне аудитории
Методические рекомендации	Построчное прослушивание	Построчное прослушивание	Сочетание рецепции и репродукции	Построчное прослушивание. Увеличение темпа предъявления материала	Вербальные и зрительные опоры	Использование Предложенных рекомендаций преподавателя в самостоятельной работе

Эффективность спроектированной модели обучения ритмико-интонационному навыку с использованием стихотворений выявлялась в ходе опытно-экспериментального обучения на 1-м курсе факультета гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета. В обучающем эксперименте (экспериментальное обучение и итоговый срез) предложенной модели участвовали 32 студента, обучающихся на первом курсе направления 45.03.02 Лингвистика, Профиль: Перевод и переводоведение. Бакалавриат.

Экспериментальное обучение по предложенной модели проходило в течение 15 недель весеннего семестра 2021 г. в двух группах на 1-м курсе на дисциплине «Практическая фонетика английского языка». Авторами исследования были выбраны стихотворения английских авторов Редьярда Киплинга (“If”) и Альфреда Нойеса (“The Highwayman”). Аутентичные записи взяты с ресурса PoetryFoundation.org. Выбранные стихотворения соответствовали предложенным критериям отбора материала по формированию ритмико-интонационного навыка. Работа велась в специально организованной образовательной среде с использованием интернет-

ресурсов, а на последних этапах обучения была организована опосредованная работа со студентами как в аудитории, так и вне ее. Далее студенты представляли ритмико-интонационное (графическое и голосовое) оформление самостоятельно выбранных стихотворений. Достаточно продолжительный этап работы со стихотворениями по спроектированной модели позволил выработать навык работы по этапам, а повторяющиеся упражнения позволили изучить ритмическую организацию и мелодическую структуру английской речи.

Итоговый срез по определению интонационной структуры стихотворения представляет результаты овладения ритмико-интонационным навыком студентами 1-го курса (табл. 4).

Показатели из табл. 4 свидетельствуют о том, что работая со стихотворением по принципу аналогии, большинство обучающихся сумели верно определить и графически разметить ударные слоги и ядерные тоны. Низкие показатели в определении ядерных тонов чаще всего связаны с их неверной или недостаточной графической разметкой. Средние показатели определения интонационной структуры стихотворения представлены в табл. 5.

Таблица 4

Результаты определения интонационной структуры стихотворения студентами 1-го курса без предварительного построчного прослушивания, %

Студент	Количество верно определенных ядерных тонов		Количество верно расставленных пауз	Количество отмеченных ударных слогов
	нисходящий тон	восходящий тон		
1	63,6	0,0	20,0	96,9
2	72,7	0,0	60,0	78,8
3	54,5	14,3	40,0	84,9
4	90,9	71,4	40,0	100
5	54,5	28,6	20,0	81,8
6	90,9	14,3	80,0	100,0
7	63,6	42,9	20,0	90,9
8	54,5	85,7	20,0	81,8
9	81,8	57,1	80,0	90,9
10	90,9	57,1	20,0	75,6
11	63,6	57,1	0,0	93,9
12	54,5	57,1	60,0	100,0
13	63,6	57,1	40,0	87,9
14	27,3	42,9	100,0	45,5
15	27,3	42,9	100,0	45,5
16	45,5	42,9	60,0	54,5
17	0,0	0,0	20,0	60,6
18	54,5	42,9	20,0	60,6
19	100,0	71,4	60,0	90,9
20	100,0	71,4	100,0	81,8
21	72,7	85,7	0,0	90,9
22	100,0	57,1	0,0	87,9
23	90,9	71,4	60,0	84,8
24	90,9	71,4	0,0	69,7
25	90,9	71,4	0,0	69,7
26	72,7	57,1	0,0	27,3
27	36,4	57,1	100,0	60,6
28	81,8	42,9	0,0	51,6
29	72,7	42,9	20,0	72,7
30	100,0	85,7	0,0	96,9
31	81,8	85,7	20,0	66,7
32	90,9	57,1	20,0	81,8

Таблица 5

Средние показатели определения интонационной структуры студентами 1-го курса без предварительного построчного прослушивания, %

Количество верно определенных ядерных тонов			Количество верно расставленных пауз	Количество отмеченных ударных слогов
нисходящий тон	восходящий тон	Всего тонов		
69,9	51,3	60,6	36,9	77,2

Из таблицы 5 видно, что всем студентам удалось верно определить более половины ядерных тонов, а количество правильно отмеченных ударных слов достигает 77%. Данные результаты свидетельствуют о том, что многократное прослушивание и детальный разбор интонации первой строфы способствовали лучшему пониманию студентами ритмической и интонационной структуры всего стихотворения. Достаточно высокий процент верно отмеченных ударных слогов позволяет утверждать о сформированном понимании чередования ударных и безударных слогов, что напрямую связано с понятием ритма.

Однако также важно отметить, что в среднем процент верной расстановки пауз является относительно низким и составляет всего около 40%. Такие показатели свидетельствуют о недостаточной сформированности данного компонента ритмико-интонационных навыков при выполнении предложенного задания.

Так, в результате экспериментального среза было доказано, что работа со стихотворениями в рамках дифференцированного подхода к формированию фонетических навыков позволяет сформировать способность воспроизводить верное чередование ударных и безударных слогов, определять ядерные тоны и интонационную структуру в целом. Это возможно благодаря концентрации на слуховом восприятии и особой повторяющейся ритмической организации стихотворений.

Таким образом, нам удалось выявить следующие преимущества использования упражнений на основе стихов в процессе обучения английскому ритму и интонации:

1. Повторяющаяся ритмическая структура стихотворного материала позволяет отрабатывать навык на примере нескольких строф по принципу аналогии, после чего обучающийся может осуществлять пере-

нос структуры в речь для дальнейшей отработки и совершенствования.

2. Разнообразие интонационных структур способствует более широкому охвату всех интонационных особенностей в рамках короткого отрывка, что позволяет сократить время на отработку навыка в условиях нехватки часов аудиторной работы.

3. Принцип работы со стихотворным материалом по аналогии обеспечивает возможность самостоятельных занятий обучающихся, поскольку предложенные упражнения, отвечающие данному принципу, состоят из конкретных шагов и рекомендаций к их последовательному выполнению.

Важно отметить, что упражнения, представленные в данном исследовании, при необходимости могут быть изменены и адаптированы для формирования не только ритмико-интонационных, но и слухо-произносительных навыков, что способствует комплексному процессу развития фонетического навыка. Таким образом, дальнейшего изучения требует использование упражнений на основе стихов для формирования аудитивных и произносительных навыков, а также других компонентов ритмико-интонационных навыков, к которым относятся такие важные просодические характеристики, как паузы и темп иноязычной речи.

Список источников

1. Павлова И.П. Проблемы формирования фонологической составляющей коммуникативной компетенции у студентов-нефилологов, изучающих английский язык // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 659. С. 86–99.
2. Трусова Т.С. Изучение фонетики как отдельной дисциплины английского языка в вузе // Вопросы педагогики. 2021. № 3-2. С. 225–229.
3. Толстова Д.Н. Методика формирования аудитивных фонетических навыков иноязычной речи на основе использования мультимедийного комплекса : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2013.
4. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика : учеб. пособие для студентов лингв. ун-тов и факультетов ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. 3-е изд., стер. М. : Изд. центр «Академия», 2006. 336 с.
5. Бурая Е.А., Карташевская Ю.В. Вводный курс практической фонетики английского языка : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. 122 с.
6. Щукин А.Н., Фролова Г.М. Методика преподавания иностранных языков : учебник для студентов учреждений высш. обр. М. : Изд. центр «Академия», 2015. 288 с.
7. Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность / А.А. Миролубов, Н.Д. Гальскова, И.Л. Бим [и др.] ; под ред. А.А. Миролубова. Обнинск : Титул, 2010. 464 с.
8. Бурая Е.А., Галочкина И.Е., Шевченко Т.И. Фонетика современного английского языка. Теоретический курс : учебник для студентов лингв. вузов и факультетов. 3-е изд., стер. М. : Изд. центр «Академия», 2009. 272 с.
9. Kenworthy J. Teaching English Pronunciation. London : Longman, 1987. 164 p.
10. Фатхулина Г.Г. Содержание обучения фонетическому аспекту английского языка в свете теории межкультурной коммуникации // Вопросы лингводидактики и межкультурной коммуникации в контексте современных исследований : сб. науч. ст. Чебоксары, 2019. С. 372–376.
11. Васильев В.А., Катанская А.Р., Лукина Н.Д. Фонетика английского языка: Практический курс. Новое издание / под ред. Ж.Б. Верениной. Дубна : Феникс+, 2017. 376с.
12. Карневская Е.Б. Практическая фонетика английского языка (с электронным приложением) : учебник / Е.Б. Карневская [и др.] ; под общ. ред. Е.Б. Карневской. 12-е изд., стер. Минск : Выш. шк., 2013. 366 с.
13. Михальчук В.А., Лисенко М.В. Практическая фонетика английского языка. Модификации английских согласных в связной речи. СПб. : Изд. дом «Книжный мир», 2001. 143 с.
14. Казак О.Г., Фраш С.С. Методическое пособие по практической фонетике английского языка (для студентов I, II курсов) : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2012. 96 с.
15. Практическая фонетика английского языка : учеб. для студентов высш. учеб. заведений / М.А. Соколова, К.П. Гинтовт, Л.А. Кантер [и др.]. М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. 384 с.
16. Лебединская Б.Я. Практикум по английскому языку: Английское произношение. 2-е изд., испр. М. : Изд-во Астрель ; Изд-во АСТ, 2000. 176 с.
17. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций : пособие для студентов пед. вузов и учителей. 3-е изд. М. : Просвещение, 2005. 239 с.
18. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : Изд-во ИКАР, 2009. 448 с.
19. Шевченко О.Г. Формирование навыков самоорганизации при изучении иноязычной фонетики // Научный диалог. 2017. № 10. С. 383–394.

References

1. Pavlova, I.P. (2012) Problemy formirovaniya fonologicheskoy sostavlyayushchey kommunikativnoy kompetentsii u studentov-nefilologov, izuchayushchikh angliyskiy yazyk [Problems of Formation of the Phonological Component of the Communicative Competence of Non-Philologist Students Studying English]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 659. pp. 86–99.
2. Trusova, T.S. (2021) Izuchenie fonetiki kak otdel'noy distsipliny angliyskogo yazyka v vuze [The study of phonetics as a separate discipline of the English language at the university]. *Voprosy pedagogiki*. 3-2. pp. 225–229.
3. Tolstova, D.N. (2013) *Metodika formirovaniya auditivnykh foneticheskikh navykov inoyazychnoy rechi na osnove ispol'zovaniya mul'timediy'nogo kompleksa* [Methodology for the formation of auditory phonetic skills of foreign language speech based on the use of a multimedia complex]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Nizhny Novgorod.
4. Gal'skova, N.D. & Gez, N.I. (2006) *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam. Lingvodidaktika i metodika* [Theory of teaching foreign languages. Linguodidactics and methodology: textbook. manual for students of lingv. un-tov and faculties in. lang. higher ped. textbook establishments]. 3rd ed. Moscow: Izd. tsentr "Akademiya".
5. Buraya, E.A. & Kartashevskaya, Yu.V. (2014) *Vvodnyy kurs prakticheskoy fonetiki angliyskogo yazyka* [Introductory course of practical phonetics of the English language]. 2nd ed. Moscow: MSLU.
6. Shchukin, A.N. & Frolova, G.M. (2015) *Metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Methods of teaching foreign languages]. Moscow: Izd. tsentr "Akademiya".

7. Miroyubov, A.A. (ed.) (2010) *Metodika obucheniya inostrannym yazykam: traditsii i sovremennost'* [Methods of teaching foreign languages: traditions and modernity]. Obninsk: Titul.
8. Buraya, E.A., Galochkina, I.E. & Shevchenko, T.I. (2009) *Fonetika sovremennogo angliyskogo yazyka. Teoreticheskiy kurs* [Phonetics of modern English. Theoretical course]. 3rd ed. Moscow: Izd. tsentr "Akademiya".
9. Kenworthy, J. (1987) *Teaching English Pronunciation*. London: Longman.
10. Fatkhulina, G.G. (2019) Soderzhanie obucheniya fonetichesk omu aspektu angliyskogo yazyka v svete teorii mezkhul'turnoy kommunikatsii [The content of teaching the phonetic aspect of the English language in the light of the theory of intercultural communication]. In: *Voprosy lingvodidaktiki i mezkhul'turnoy kommunikatsii v kontekste sovremennykh issledovaniy* [Issues of linguodidactics and intercultural communication in the context of modern research]. Cheboksary. pp. 372–376.
11. Vasil'ev, V.A., Katanskaya, A.R. & Lukina, N.D. (2017) *Fonetika angliyskogo yazyka: Prakticheskiy kurs* [Phonetics of the English language: A practical course]. New edition. Dubna: Feniks+.
12. Karnevskaia, E.B. et al. (2013) *Prakticheskaya fonetika angliyskogo yazyka (s elektronnyim prilozheniem): uchebnik* [Practical phonetics of the English language (with an electronic application): textbook]. 12th ed. Minsk: Vysh. shk.
13. Mikhail'chuk, V.A. & Lisenko, M.V. (2001). *Prakticheskaya fonetika angliyskogo yazyka. Modifikatsii angliyskikh soglasnykh v svyaznoy rechi* [Practical phonetics of the English language. Modifications of English consonants in connected speech]. Saint Petersburg: Izd. dom "Knizhnyy mir".
14. Kazak, O.G. & Frash, S.S. (2017) *Metodicheskoe posobie po prakticheskoy fonetike angliyskogo yazyka (dlya studentov I, II kursov)* [Methodological manual on practical phonetics of the English language (for students of I, II courses)]. Tomsk: TPU.
15. Sokolova, M.A. et al. (2001) *Prakticheskaya fonetika angliyskogo yazyka* [Practical phonetics of the English language]. Moscow: Gumanit. izd. tsentr VLADOS.
16. Lebedinskaya, B.Ya. (2000) *Praktikum po angliyskomu yazyku: Angliyskoe proiznoshenie* [Practicum in English: English pronunciation]. 2nd ed. Moscow: Izd-vo Astrel'; Izd-vo AST.
17. Solovova, E.N. (2005) *Metodika obucheniya inostrannym yazykam: bazovyy kurs lektsiy* [Methods of teaching foreign languages: a basic course of lectures]. 3rd ed. Moscow: Prosveshchenie.
18. Azimov, E.G. & Shchukin, A.N. (2009) *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [A new dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of teaching languages)]. Moscow: Izd-vo IKAR.
19. Shevchenko, O.G. (2017) Formirovanie navykov samoorganizatsii pri izuchenii inoyazychnoy fonetiki [Formation of self-organization skills in the study of foreign phonetics]. *Nauchnyy dialog*. 10. pp. 383–394.

Информация об авторах:

Шевченко О.Г. – канд. филос. наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарного факультета Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: Olga-ivleva@yandex.ru

Шевякова Д.С. – магистрант кафедры иностранных языков гуманитарного факультета Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: shevyakova97@bk.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.G. Shevchenko, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: olga-ivleva@yandex.ru

D.S. Shevyakova, master's student, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: shevyakova97@bk.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.09.2021;
одобрена после рецензирования 03.05.2022; принята к публикации 20.05.2022.*

*The article was submitted 02.09.2021;
approved after reviewing 03.05.2022; accepted for publication 20.05.2022.*

Научная статья
УДК 372.881.1
doi: 10.17223/15617793/478/24

Полилингвальный подход в обучении иностранным языкам студентов гуманитарных направлений

Маргарита Алексеевна Юрченко¹, Ирина Анатольевна Казачихина²

¹ Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Новосибирск, Россия, x7484@yandex.ru

² Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия, i.kazachikhina@gmail.com

Аннотация. Представлены доказательства эффективности применения полилингвального подхода в обучении второму иностранному языку. Результаты текущего исследования обосновывают валидность предложенных автором модели и алгоритма применения полилингвального подхода. Полученные данные свидетельствуют о том, что модель универсальна и может использоваться в любой полилингвальной аудитории в качестве базовой.

Ключевые слова: полилингвальный подход, полилингвальный класс, преподавание иностранных языков

Для цитирования: Юрченко М.А., Казачихина И.А. Полилингвальный подход в обучении иностранным языкам студентов гуманитарных направлений // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 203–211. doi: 10.17223/15617793/478/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/24

Polylingual approach in teaching several foreign languages to humanities students

Margarita A. Yurchenko¹, Irina A. Kazachikhina²

¹ Siberian Institute of Management – Branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation, x7484@yandex.ru

² Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation, i.kazachikhina@gmail.com

Abstract. This article provides qualitative and quantitative data to establish the effectiveness of the polylingual approach application in the second foreign language classroom. The relevance of the research is associated with the need to develop guidelines and teaching materials for polylingual classrooms. In the context of classroom polylingualism, one of the key elements is the phenomenon of the cross-language interference, which generates problems in intercultural communication at the discourse level. The studies of interference conducted so far are mainly dedicated to its phonetic and lexical sub-species, attention is drawn to the morphosyntactic aspect of teaching a second foreign language. The novelty of the research is that for the first time a purposeful study of cross-language interference as a pedagogical resource in teaching several foreign languages is carried out, the expediency of using the polylingual approach is substantiated. Previous research in the field has shown that the polylingual approach might be applied in a polylingual classroom studying foreign languages, but has neither established the conditions and principles, nor proposed the corresponding teaching materials. This study substantiates the need for the implementation of the polylingual approach based on taking into account cross-language interference; the rationale is determined by the solution of professional tasks which students of the humanities are facing when acquiring both universal and professional skills, the visible presence of positive and negative cross-language interference in the grammatical aspect of the second foreign language. Due to the fact that there is no single definition of cross-language interference, we have developed one that is relevant for our research, emphasizing that interference can be both an independent transfer of the norms of one language to another, and the result of code-switching. During the first term we surveyed and observed the target audience, pursuing the aim to collect and classify the data referring to the typical mistakes made in the classroom caused by cross-language interference. A total of 56 1st- and 2nd-year students and 43 professors participated in the research. The students took part in the trial training of the polylingual approach (two terms), which contained the application of the designed teaching and learning materials and a block of module assessment and final assessment, evaluating progress in studies and the decline of the mistakes marked on the 1st stage. The professors commented on their experience of the application of the approach and their wish to apply it in general. The results reveal that the polylingual approach may be successfully implemented in the chosen context if the proposed model and algorithm are followed. The findings suggest that the polylingual model is universal and can be further used in any polylingual classroom of the second foreign language as a basis for its unique educational context.

Keywords: polylingual approach, polylingual classroom, teaching foreign languages

For citation: Yurchenko, M.A. & Kazachikhina, I.A. (2022) Polylingual approach in teaching several foreign languages to humanities students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 203–211. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/24

Определение полилингвального подхода было предложено Советом Европы в 2001 г.: «...полилингвальный подход подчеркивает тот факт, что по мере расширения языкового опыта человека в культурных контекстах он или она не “сохраняет” эти языки и культуры в строго разделенные ментальные ячейки, а, скорее, создает коммуникативную компетенцию, которой способствует все имеющееся знание, а языки взаимопроникают и взаимодействуют...» [1. Р. 117]. По данным международных организаций, таких как ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО и Европейская комиссия, доля полилингвизма в аудитории повсеместно растет в результате быстрого роста глобальной мобильности и миграции [2], вследствие чего все больше и больше преподавателей переходят в своей работе от теории применения полилингвального подхода к практике. Вслед за С.Т. Золян мы считаем, что язык – это прежде всего средство общения, а не врожденная реальность [3]. В этом случае отсутствие ошибки (отрицательная межязыковая интерференция) является не признаком владения языком, а лишь признаком того, что учебный материал можно усвоить, поэтому в процессе обучения следует учитывать ключевые особенности обучающихся и условия формирования компетенций, а также цели конкретной образовательной программы.

Недавние исследования показывают, что использование обучающимися родного языка и языков, которые им «уже знакомы», а также соответствующих культурных ориентиров в классе укрепляет их идентичность и создает основу для изучения и повышения уровня владения академическим целевым языком. В своей работе мы используем более узкое и конкретное определение полилингвального подхода, не противоречащего официальному; так, под полилингвальным подходом мы подразумеваем набор методов и приемов обучения, когда более двух языков одновременно действуют как инструменты обучения, средства коммуникации и конечная цель обучения. Как следует из определения, ключевое отличие полилингвального подхода к обучению второму иностранному языку от традиционного заключается в том, что в его рамках субъекты образовательного процесса не стремятся изолировать какой-либо язык, наоборот, преподаватель апеллирует ко всему лингвистическому репертуару, который есть у студента – полилингвального обучающегося [4].

Весь лингвистический репертуар студентов может быть использован двумя основными компонентами полилингвальной методики обучения:

1) создание фонда учебных материалов: полилингвальных пособий по чтению и письму, содержащих упражнения для практики устной речи, позволяющих студентам получить доступ к культурным ресурсам, повышающим осознание их вклада в общую работу, а также расширяющим доступ к общим знаниям через тексты на нескольких языках;

2) code-switching как один из наиболее важных компонентов полилингвального преподавания и обучения – это целенаправленное и одновременное использование нескольких языков в одном классе.

На основе анализа зарубежного опыта мы выделили ряд приемов успешной реализации полилингвального подхода. Используя эти методы, можно ускорить и упростить обучение студентов гуманитарных направлений нескольким иностранным языкам, тем самым «оживив» полилингвизм в классе:

1. «Ежедневное общение на нескольких языках открывает возможности для дальнейшего обсуждения культурных практик в сообществах носителей языка.

2. Начало урока с крылатого выражения, цитаты или пословицы на разных языках, что позволит обучающимся понять разные способы выражения одного и того же значения.

3. Уголок поэзии на нескольких языках, поскольку лирическое мировосприятие, являясь наиболее естественной формой выражения в любом языке, разрушает языковой барьер.

4. Представление литературы на нескольких языках позволяет студентам одновременно формировать свои собственные идеи в рамках дисциплин и расширять свой кругозор в любом направлении по своему выбору.

5. Научный анализ идиом на разных языках увеличивает металингвистическую осведомленность: преподаватели могут обращаться к темам, в которых обучающиеся способны наблюдать и анализировать, сравнивать и противопоставлять похожие явления на разных языках.

6. При изучении языков в формальной университетской среде необходимо делать все “правильно” с самого начала, но небольшая гибкость и терпимость к ошибкам очень помогут повысить уверенность и мотивацию студентов» [5. С. 335].

Пытаясь применить полилингвальный подход в группах, изучающих второй иностранный язык, преподаватели сталкиваются с двумя основными проблемами:

– модерация межязыковой интерференции, которая может спровоцировать дискурсивное и социокультурное вмешательство в межкультурное общение, однако в то же время это явление может быть использовано в качестве инструмента обучения в случае пары родственных языков, таких как английский и немецкий;

– противоречия между целями и задачами обучения иностранному языку, определенными Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования, и результатом, не полностью отвечающим современным требованиям к подготовке специалистов гуманитарного профиля, включающим в себя готовность, навыки и умение взаимодействовать межкультурно в полилингвальных пространствах глобализированных институтов – отсутствие полилингвального измерения в учебных планах и материалах.

Вышеупомянутые противоречия определяют вопросы исследования:

1. Как смоделировать курс второго иностранного языка?

2. Как учебные материалы могут отражать межъязыковую интерференцию и использовать положительный перенос?

3. Предоставляет ли полилингвальный подход методологию, отвечающую как потребностям современных студентов, так и государственным требованиям?

Цель данного исследования – предложить полилингвальную образовательную модель, объясняющую принципы применения полилингвального подхода при обучении второму иностранному языку в университете. Наша цель – доказать, что занятия по второму иностранному языку, проводимые по модели и соответствующему алгоритму, учитывают как ключевые особенности обучающихся и среду аудиторного полилингвизма, так и соответствуют требованиям ФГОС.

Настоящее исследование базируется на следующей методологии: идеи стратегии гуманитарного образования; личностно-деятельностный подход к преподаванию и обучению; комплексный и функциональный подходы в образовании; полилингвальный подход к обучению иностранным языкам.

Для достижения цели исследования мы использовали комплекс исследовательских методов: теоретические – изучение, анализ и обобщение отечественного и зарубежного опыта педагогики, психологии, лингводидактики и лингвистики; изучение официальной документации; эмпирические – наблюдение, беседы со студентами и преподавателями, опрос, пробное обучение. Экспериментальная часть исследования проводилась в Новосибирском государственном техническом университете. Она включала три этапа:

1) подготовительный: а) диагностика – опрос студентов (45.03.02 Лингвистика, 41.03.01 Регионоведение) относительно их опыта переключения кодов и преодоления межъязыковой интерференции; б) наблюдение за процессом обучения, исправление

типовых ошибок, их классификация и анализ; в) посещение занятий других учителей (всего 43) и опрос на предмет применения ими многоязычного подхода (продолжительность – один семестр);

2) основной – пробное обучение на основе полилингвального подхода с участием 56 студентов: учебные материалы и процедуры разработаны на основе предложенной полилингвальной модели и соответствующего алгоритма, пробного применения целостной системы упражнений (продолжительность – два семестра: дистанционно и очно);

3) итоговый – анализ результатов пробного обучения (продолжительность – один семестр).

Исследование ответило на следующие поставленные нами вопросы:

1. Как смоделировать курс второго иностранного языка?

В ходе исследования мы посетили уроки опытных (19) и начинающих (24) преподавателей НГТУ и СИУ РАНХиГС. По нашим наблюдениям, только 21% опытных и 25% начинающих преподавателей использовали полилингвальный подход. Многие начинающие преподаватели выражают желание применять полилингвальный подход, но не понимают, как он должен работать [6. С. 120]. Создание полилингвальной модели курса второго иностранного языка осуществлялось на основе анализа требований к овладению иностранным языком ФГОС. В обоих поколениях ФГОС 3 [7] и 3 ++ [8] суть компетенций, формируемых в рамках дисциплины «Практический курс второго иностранного языка», одинакова. Можно сделать вывод о том, что 13 из 18 требований к результатам обучения иностранному языку студентов-гуманитариев в университете включают полилингвальный компонент: иностранные языки, межкультурность, способность интегрировать коммуникативные навыки на нескольких языках, помимо родного, выбор кода и переключения кодов с соответствующими проявлениями межъязыковой интерференции (табл. 1).

Таблица 1

Требования к результатам обучения иностранному языку

Код компетенции	Расшифровка компетенции (на основе ПООП [9])	Полилингвальность заложена ФГОС ВО и ПООП	Применение полилингвального подхода по РП
УК-4	1. «Выбирает на государственном и иностранном(-ых) языках коммуникативно приемлемые стиль делового общения, вербальные и невербальные средства взаимодействия с партнерами»	Да	Нет
	2. «Ведет деловую переписку, учитывая особенности стилистики официальных и неофициальных писем, социокультурные различия в формате корреспонденции на государственном и иностранном(-ых) языках»	Да	Нет
	3. «Демонстрирует интегративные умения использовать диалогическое общение для сотрудничества в академической коммуникации»	Да	Нет
	4. «Демонстрирует умение выполнять перевод профессиональных текстов с иностранного(-ых) на государственный язык и обратно»	Да	Нет
УК-5	1. «Находит и использует необходимую для саморазвития и взаимодействия с другими информацию о культурных особенностях и традициях различных социальных групп»	Да	Нет
	2. «Демонстрирует уважительное отношение к историческому наследию и социокультурным традициям различных социальных групп»	Да	Нет

Код компетенции	Расшифровка компетенции (на основе ПООП [9])	Полилингвальность заложена ФГОС ВО и ПООП	Применение полилингвального подхода по РП
	3. «Умеет недискриминационно и конструктивно взаимодействовать с людьми с учетом их социокультурных особенностей в целях успешного выполнения профессиональных задач и усиления социальной интеграции»	Да	Нет
ОПК-1	1. «Адекватно анализирует основные явления и процессы, отражающие функционирование языкового строя изучаемого иностранного языка в синхронии и диахронии»	Нет	Нет
	2. «Адекватно интерпретирует основные проявления взаимосвязи языковых уровней и взаимоотношения подсистем языка»	Нет	Нет
	3. «Адекватно применяет понятийный аппарат изучаемой дисциплины; соблюдает основные особенности научного стиля в устной и письменной речи»	Нет	Нет
ОПК-3	1. «Адекватно интерпретирует коммуникативные цели высказывания, полно выявляет релевантную информацию, адекватно идентифицирует принадлежность высказывания к официальному, нейтральному и неофициальному регистрам общения»	Нет	Нет
	2. «Корректно передает семантическую информацию, а также стилистическую и культурную коннотацию языковых единиц, используемых в устной и письменной коммуникации»	Да	Нет
	3. «Адекватно использует лексико-грамматические и фонетические средства организации целого текста с соблюдением семантической, коммуникативной и структурной преемственности между частями устного и/или письменного высказывания»	Нет	Нет
	4. «Достигает ясности, логичности, содержательности, связности, смысловой и структурной завершенности устных и/или письменных текстов в соответствии с языковой нормой, прагматическими и социокультурными параметрами коммуникации»	Да	Нет
ОПК-4	1. «Адекватно идентифицирует лингвокультурную специфику вербальной и невербальной деятельности участников межкультурного взаимодействия»	Да	Нет
	2. «Адекватно реализует собственные цели взаимодействия, учитывая ценности и представления, присущие культуре изучаемого языка»	Да	Нет
	3. «Соблюдает социокультурные и этические нормы поведения, принятые в иноязычном социуме»	Да	Нет
	4. «Корректно использует модели типичных социальных ситуаций и этикетные формулы, принятые в устной и письменной межкультурной коммуникации»	Да	Нет

Сопоставляя с анализом требований, результаты опроса студентов, проведенного на первом этапе обучения, показали: первый иностранный язык (на уровне профессионального владения) существенно помогает 78% студентов в изучении второго иностранного языка, 57% отмечают полезность «разметки» грамматических явлений, 92% положительно оценивают практику использования полилингвального подхода, 3% – нейтрально и 5% – отрицательно. Последняя группа объясняет свою позицию тем, что их уровень английского языка недостаточен, чтобы полагаться на него [10. С. 875].

Мы использовали ключевые векторы современного образовательного процесса, обозначенные Джули Коутс, как основу для создания полилингвальной модели обучения второму и последующим иностранным языкам: индивидуально-личностный подход, учебно-педагогическое сотрудничество, практико-ориентированный учебный план, использование ИТ для повышения качества обучения и мотивации студентов, настраиваемость образовательных траекторий [11].

Предлагаемая модель (рис. 1) является личностно-ориентированной и отражает субъектно-субъектные

отношения преподавателя и студентов. Преподаватель и студенты обладают одним и тем же набором кодов и способны, имеют желание и объективные причины переклестаться между ними. В результате взаимодействия преподавателя и студентов, студентов друг с другом (процесс обучения) последние совершенствуют навыки и умения на изучаемом языке, формируя профессиональную коммуникативную компетенцию на иностранном языке в условиях психологического комфорта, решая реальные коммуникативные проблемы, в том числе интерактивно. Педагог обеспечивает эффективность учебного процесса за счет:

1) гибкости – умения анализировать особенности конкретной группы учащихся, адаптировать и дифференцировать работу с учебным материалом;

2) межкультурности – осознания культурных связей и культурных различий, их отражения в процессе работы с аутентичными материалами;

3) лингвистических знаний – владения техниками устранения межъязыковой интерференции и стимулирования положительного переноса.

2. Как учебные и учебные материалы могут отражать межъязыковую интерференцию и использовать положительный перенос?

Рис. 1. Полилингвальная образовательная модель

Наблюдение за студентами, исправление типичных ошибок и их последующая классификация позволили нам понять, какими должны быть учебные материалы – в чем заключается потребность. Только начинающие изучение второго иностранного языка студенты сталкиваются с межъязыковой интерференцией с наибольшей долей вероятности. Мы зафиксировали случаи как положительной, так и отрицательной интерференции: наиболее частыми были случаи фонетической интерференции, затем – грамматической и наименее частой – лексической. Оценивая «качество» ошибок, мы выявили, что: 1) положительный перенос может быть подкреплён как нормой на родном языке, так и ошибкой на первом иностранном языке и наоборот; 2) фонетическая интерференция (почти) никогда не бывает положительной; 3) грамматическая интерференция языков одной группы и подгруппы часто бывает положительной; 4) лексическая интерференция будет иметь положительную или отрицательную окраску в зависимости от части речи, принадлежности к слою международной лексики [12. С. 772]. Таким образом, мы сосредоточились на грамматическом аспекте при разработке учебных материалов.

Улучшение грамматических навыков требует понимания общих черт немецкого и английского языков из-за их принадлежности к германской группе, запад-

ногерманской подгруппе. Мы работали со следующими темами грамматического аспекта, в рамках которых было бы уместно полагаться на межъязыковую интерференцию: артикли (как положительное (+), так и отрицательное вмешательство (–)); инфинитив после глагола (+); модальные глаголы (+); частицы *zu/to* (+/–); настоящее время: глагол в Present Simple/Präsens (+); прошедшее время: глагол в Past Simple/Präteritum, Present Perfect/Perfekt, Past Perfect/Plusquamperfekt (+); будущие времена: Future Indefinite/Futur I (+); числительные (+); притяжательные, неопределённые местоимения (+); сравнительные и превосходные степени прилагательных и наречий (+); место наречий неопределённого времени, частота и способ действия в предложении; голос (пассивный/активный) (+); Partizip I и II (вторая и третья формы глагола в английском языке) как определение и обстоятельство способа действия (+); формальное подлежащее (*it/es*).

Приёмы полилингвального подхода в грамматическом аспекте следующие: 1. Излагая новый грамматический материал, преподаватель обращается не только к изучаемому языку, но также к первому иностранному и родному языку обучающихся, чтобы наиболее полно изложить информацию. 2. Преподаватель не игнорирует предсказание возможных ошибок и активно использует положительный перенос. 3. Во время выполнения грамматических упражнений и заданий допускается

активное переключение кодов. В процессе формирования и совершенствования грамматических навыков мы видим следующие преимущества полилингвального подхода: 1) контекст (прагматизм); 2) творчество; 3) инкультурация; 4) социальная дифференциация (субкоды); 5) более высокая скорость обучения за счет положительного переноса; 6) психологический комфорт студентов.

Мы предлагаем выстроить занятие на основе аутентичного видеоматериала. Для стандартного

занятия в университете (90 мин) мы отобрали 2–3 коротких (2–3 мин) современных видеоклипа, отражающих ситуации реального общения. Наилучший сценарий – когда на протяжении всего курса (семестр/год) все видеоклипы не только относятся к одной теме, но и имеют единый сюжет. Мы предлагаем алгоритм занятий по второму иностранному языку, который, на наш взгляд, отвечает современным требованиям [13. С. 337]. Пример плана урока пробного обучения представлен в табл. 2.

Таблица 2

Пример плана урока по грамматическому аспекту второго языка (немецкого)

Тема	Präsens
Цели	
Образовательная	Изучение лексического материала по теме; повторение модальных глаголов в настоящем времени
Развивающая	Развитие у учащихся памяти, внимания, навыков говорения на базе использования лексического материала по теме, закрепление употребления модальных глаголов
Воспитательная	Развитие у учащихся положительной мотивации к дальнейшему изучению немецкого языка
Практические задачи	– Развитие лексических навыков; – развитие грамматических навыков; – развитие навыков аудирования
ТСО	Zoom [14], Dispace [15], Edmodo [16]
	Языковой материал
Грамматика	Понятие типов глаголов, окончания настоящего времени, общеупотребительные глаголы сильного и смешанного типов
Сопутствующая лексика	Приветствие, первая встреча
Тип урока	Комбинированный
Контроль	Текущий
Ход занятия	1. Приветствие, организационные моменты. 2. Скороговорка/разминка артикуляционного аппарата – разогрев. Sieben Ziegen blieben liegen, sieben Fliegen flogen weg. 3. Просмотр фрагмента 1. 4. Ввод новой лексики (guessing from the context, matching the definitions). Обсуждение. Formelle und informelle Begrüßungen. 5. Создание и презентация мини-диалогов с новой лексикой. 6. Просмотр фрагмента 2. 7. Eliciting grammar. Проведение аналогий употребления артиклей на примере реплик из видео (наст. вр.). 8. Переводное упражнение по международной лексике. Работа в группах с разными мини-текстами (группы по 3–4 человека). Сравнение исходных текстов. 9. Просмотр фрагмента 3. Создание mindmap ключевых точек фрагментов 1–3 во время просмотра. 10. Работа в парах – рефлексия по своим mindmaps. 11. Predicting next steps. 12. Подготовка к домашнему письменному заданию – «записка на холодильник»: семейные обязанности (Инструкции по структуре. Ответы на вопросы по материалу занятия). 13. Домашнее задание, баллы. Выучить окончания глаголов настоящего времени, выучить глаголы с изменением корневой гласной, которые встретились в упражнениях, написать «записку на холодильник»: семейные обязанности

3. Предоставляет ли полилингвальный подход методологию, отвечающую как потребностям современных студентов, так и государственным требованиям?

Чтобы установить степень сформированности навыков как в процессе работы над темой, так и на этапе итогового контроля, мы выбрали устную и письменную речь в качестве форм контроля, что позволяет обучающимся использовать новые структуры органично и творчески в момент решения определенной коммуникативной задачи. Если обучающиеся активно обращаются к грамматической конструкции, правильно определяя форму, значение и функцию, то с большой

вероятностью материал усвоен и навык сформирован. Мы провели несколько письменных и устных модульных тестов и 1 итоговый. Среди письменных заданий были задания с кратким ответом, задания на расстановку слов, задания на перевод, задания на заполнение пробелов и др.; устная часть включала монологическую и диалогическую речь на темы «Meine Familie», «Mein Studium», «auf der Post», «Essen und trinken», «Im Wohnhaus», мы оценивали гибкость, осознанность и устойчивость спонтанной речи.

Результаты тестов во всех группах представлены на рис. 2–4. Групповой анализ (ИЯ-81): модульные и

итоговые тесты показывают, что средний балл в контрольных точках находится в пределах 70–79%, медианный балл распределяется от 73 до 85%, наивысшие баллы по каждому типу теста – 85, 95 и 97% соответственно («отлично») (рис. 2). Групповой анализ (ИЯ-82): модульные и итоговые тесты показывают, что средний балл в контрольных точках находится в пределах 64–77%, медианный балл распределяется от 66 до 79%, наивысшие баллы по каждому типу теста – 82, 89 и 97% соответственно («хорошо» и «отлично»)

(рис. 3). Групповой анализ (РГ-03 и ИЯ-91): итоговый тест групп показывает, что средний составил балл 72%, медианный балл – 73%, наивысший балл в этой контрольной точке 97% («отлично») (рис. 4). Объективные данные подтверждают, что цель исследования достигнута. Во время пробного обучения нам удалось сохранить высокий темп работы (3–5 мин на упражнение); использовать все три языка учащихся во взаимосвязи; вовлечь студентов в учебный процесс; поддерживать высокий уровень успеваемости.

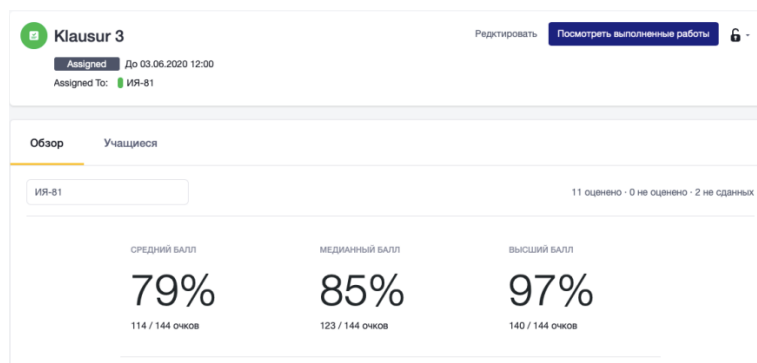

Рис. 2. Результаты итогового теста (ИЯ-81)

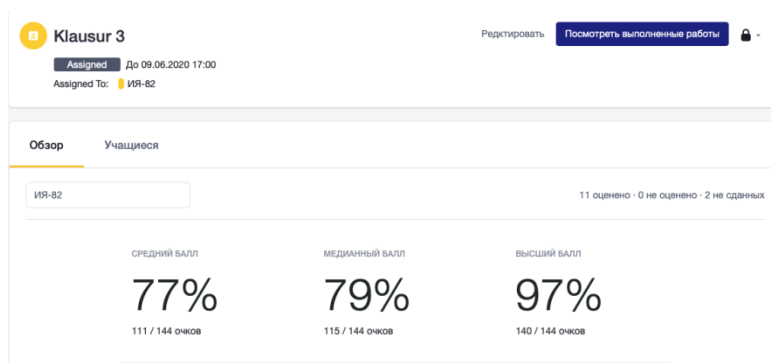

Рис. 3. Результаты итогового теста (ИЯ-82)

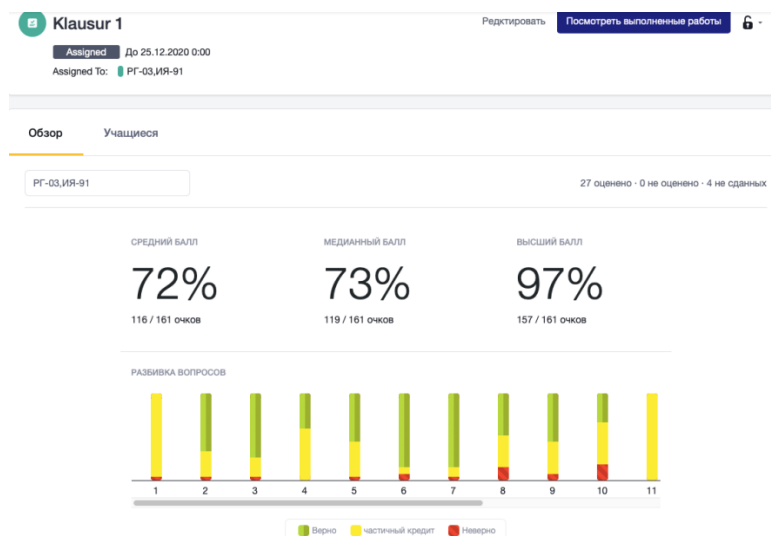

Рис. 4. Результаты итогового теста (РГ-03, ИЯ-91)

В рамках данного исследования нам удалось доказать, что обучение студентов гуманитарных специальностей второму иностранному языку (на примере

дисциплины «Практический курс второго иностранного языка (немецкого)») должно строиться с учетом принципов полилингвального подхода. Это исследо-

вание объясняет необходимость применения полилингвального подхода, работая с его основным компонентом – межъязыковой интерференцией. Мы руководствовались принципами личностно-деятельностного подхода к обучению, ставя в центр учебного процесса самого студента его мотивы, цели, психологические особенности.

Мы провели пробное обучение с применением полилингвального подхода: полилингвальная модель фокусируется на коммуникативной задаче и содержании, которое передается собеседнику на иностранном языке, речевые намерения студентов реа-

лизуются в условиях психологического комфорта. Анализ результатов пробного обучения с использованием полилингвального подхода подтверждает, что разработанный алгоритм успешно работает, помогая разработать планы занятий и видоизменить программу практического курса второго иностранного языка для студентов гуманитарных специальностей. Таким образом, можно сделать вывод о том, что результаты пробного обучения подтверждают эффективность использования полилингвального подхода при обучении грамматическому аспекту второго иностранного языка.

Список источников

- Schwab S. From a monolingual to a multilingual approach in language teaching // *FORTELL*. 2017. № 35. P. 113–122.
- Language teaching and learning in multilingual classrooms / ICF Consulting Services Ltd. European Commission. Directorate-General for Education and Culture. Directorate B – Education policy and programme, 2015. 96 p.
- Золян С.Т. «Языкотворчество» и процесс усвоения второго языка (к постановке проблемы) // Текст как инструмент общения. М., 1983. С. 50–60.
- Gorter G., Cenoz J. A Multilingual Approach: Conclusions and Future Perspectives: Afterword // *The Modern Language Journal*. 2011. Vol. 95. № 3. P. 442–445.
- Юрченко М.А. Полилингвальный подход: мировой опыт и перспективы для высшего образования РФ // Актуальные проблемы совершенствования высшего образования : тезисы докладов конференции. Ярославль : Филигрань, 2020. С. 333–336.
- Юрченко М.А. Перспективы полилингвального подхода в обучении иностранным языкам // Лингвистика, перевод, межкультурная коммуникация : материалы XXI науч.-практ. конф. 21–22 ноября 2019 г. / [отв. ред. И.А. Вылегжанина]. Екатеринбург : ООО Универсальная типография «Альфа Принт», 2020. С. 119–123.
- Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования (бакалавриат), направление подготовки 45.03.02 Лингвистика: утвержден Приказом Минобра РФ от 07.08.2014 № 940. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/450302_Lingvistika.pdf
- Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования (бакалавриат), направление подготовки 45.03.02 Лингвистика: утвержден Приказом Минобрнауки РФ от 12.08.2020 № 969. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/450302_B_3_31082020.pdf
- Примерная основная образовательная программа, направление подготовки 45.03.02 Лингвистика направленность (профиль) Перевод и переводоведение (уровень бакалавриата). Проект 2017 г. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/Projects_POOP/BAK/45.03.02_perevod_i_perevodovedenie.pdf
- Юрченко М.А., Казачихина И.А. Полилингвальность как альтернатива монологичности в обучении иностранным языкам // Наука. Технологии. Инновации : сб. науч. тр. : в 9 ч. / под ред. А.В. Гадюкиной. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2021. Ч. 8. С. 873–877.
- Коатс Дж. Поколения и стили обучения. М. : МАПДО ; Новочеркасск : НОК, 2011. 121 с.
- Юрченко М.А., Влавацкая М.В. Межъязыковая интерференция: типы ошибок и причины их возникновения // Наука. Технологии. Инновации : сб. науч. тр. : в 9 ч. / под ред. А.В. Гадюкиной. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2019. Ч. 8. С. 768–773.
- Юрченко М.А. Обучение иностранным языкам поколения Z // Актуальные проблемы современного общества : сб. материалов XVII Междунар. науч.-практ. конф. молодых учёных / под ред. И.А. Казачихиной, И.О. Онал, А.К. Тарабакиной и др. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2020. С. 333–342.
- Zoom : video chat service. URL: <https://us04web.zoom.us>
- Dispace : платформа ДО НГТУ. URL: <https://dispace.edu.nstu.ru>
- Edmodo : open educational online platform. URL: <https://edmodo.com>

References

- Schwab, S. (2017) From a monolingual to a multilingual approach in language teaching. *FORTELL*. 35. pp. 113–122.
- ICF Consulting Services Ltd. (2015) *Language teaching and learning in multilingual classrooms*. European Commission. Directorate-General for Education and Culture. Directorate B – Education policy and programme.
- Zolyan, S.T. (1983) “Yazykotvorchestvo” i protsess usvoeniya vtorogo yazyka (k postanovke problemy) [“Language Creation” and the mastering a second language (to the formulation of the problem)]. In: *Tekst kak instrument obshcheniya* [Text as a tool of communication]. Moscow. pp. 50–60.
- Gorter, G. & Cenoz, J. (2011) A Multilingual Approach: Conclusions and Future Perspectives: Afterword. *The Modern Language Journal*. 95 (3). pp. 442–445.
- Yurchenko, M.A. (2020) [Multilingual approach: world experience and prospects for higher education in the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya vysshego obrazovaniya* [Topical issues of improving higher education]. Abstracts of the conference reports. Yaroslavl: Filigran'. pp. 333–336. (In Russian).
- Yurchenko, M.A. (2019) [Prospects for a multilingual approach in teaching foreign languages]. *Lingvistika, perevod, mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Linguistics, translation, intercultural communication]. Conference Proceedings. 21–22 November 2019. Yekaterinburg: OOO Universal'naya tipografiya “Al'fa Print”. pp. 119–123. (In Russian).
- Ministry of Education of the Russian Federation. (2014) *Federal State Educational Standard of Higher Education (bachelor's degree). Field of study: 45.03.02 Linguistics. Approved by the Order of the Ministry of Education of the Russian Federation of 07.08.2014 No. 940*. [Online] Available from: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/450302_Lingvistika.pdf (In Russian).
- Ministry of Education of the Russian Federation. (2020) *Federal State Educational Standard of Higher Education (bachelor's degree). Field of study: 45.03.02 Linguistics. Approved by the Order of the Ministry of Education of the Russian Federation of 12.08.2020 No. 969*. [Online] Available from: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/450302_B_3_31082020.pdf (In Russian).
- Ministry of Education of the Russian Federation. (2017) *Approximate basic educational program, field of study: 45.03.02 Linguistics; focus (profile): Translation and translation studies (bachelor's degree). Project of 2017*. [Online] Available from: http://fgosvo.ru/uploadfiles/Projects_POOP/BAK/45.03.02perevod_i_perevodovedenie.pdf (In Russian).

10. Yurchenko, M.A. & Kazachikhina, I.A. (2021) Polilingval'nost' kak al'ternativa monolingval'nosti v obuchenii inostrannym yazykam [Multilingualism as an alternative to monolingualism in teaching foreign languages]. In: Gadyukina, A.V. (ed.) *Nauka. Tekhnologii. Innovatsii* [Science. Technology. Innovations]. Part 8. Novosibirsk: NSTU. pp. 873–877.
11. Coats, J. (2011) *Pokoleniya i stili obucheniya* [Generations and learning styles]. Translated from English. Moscow: MAPDO; Novocherkassk: NOK.
12. Yurchenko, M.A. & Vlavatskaya, M.V. (2019) Mezhyazykovaya interferentsiya: tipy oshibok i prichiny ikh voznikoveniya [Interlingual interference: types of errors and their causes]. In: Gadyukina, A.V. (ed.) *Nauka. Tekhnologii. Innovatsii* [Science. Technology. Innovations]. Part 8. Novosibirsk: NSTU. pp. 768–773.
13. Yurchenko, M.A. (2020) [Teaching foreign languages to Generation Z]. *Aktual'nye problemy sovremennogo obshchestva* [Topical issues of modern society]. Proceedings of the XVII International Conference of Young Researchers. Novosibirsk: NSTU. pp. 333–342. (In Russian).
14. Zoom: video chat service. [Online] Available from: <https://us04web.zoom.us>
15. Dispace: platforma DO NGTU [Dispace: DL platform of NSTU]. [Online] Available from: <https://dispace.edu.nstu.ru>
16. Edmodo: open educational online platform. [Online] Available from: <https://edmodo.com>

Информация об авторах:

Юрченко М.А. – ассистент кафедры иностранных языков и лингводидактики Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Новосибирск, Россия). E-mail: x7484@yandex.ru

Казачихина И.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: i.kazachikhina@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.A. Yurchenko, assistant, Siberian Institute of Management – Branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: x7484@yandex.ru

I.A. Kazachikhina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: i.kazachikhina@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.08.2021;
одобрена после рецензирования 03.04.2022; принята к публикации 20.05.2022.*

*The article was submitted 23.08.2021;
approved after reviewing 03.04.2022; accepted for publication 20.05.2022.*

ПРАВО

Научная статья
УДК 343.13
doi: 10.17223/15617793/478/25

Обусловленность англосаксонского и романо-германского типов уголовного процесса

Николай Васильевич Азарёнок¹

¹ Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия, Azarenok_96@mail.ru

Аннотация. Посредством историко-правового анализа устанавливаются факторы, лежащие в основе формирования англосаксонского и романо-германского типов уголовного процесса. Обосновывается, что к таковым относятся географические и религиозные особенности, повлекшие за собой различные отношения между государством и личностью в Англии и континентальной Европе, приведшие в итоге к формированию двух правовых систем с состязательным и смешанным типами уголовного производства.

Ключевые слова: тип, форма, модель уголовного процесса, состязательность, розыск, смешанное уголовное производство

Для цитирования: Азарёнок Н.В. Обусловленность англосаксонского и романо-германского типов уголовного процесса // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 212–217. doi: 10.17223/15617793/478/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/25

Conditionality of Anglo-Saxon and Romance-Germanic types of criminal procedure

Nikolay V. Azarenok¹

¹ Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation, Azarenok_96@mail.ru

Abstract. The aim of the article is to establish the factors that led to the emergence of the Anglo-Saxon and Romance-Germanic types of criminal procedure. In accordance with the aim, first of all, the conceptual apparatus is determined, in particular, such categories as “model”, “type”, and “form” of the criminal procedure. The author notes that these categories are based on the original conditions of life, which determined in their totality the mentality of the population living there and formed separate nations from it. In this connection, the reasons for the emergence in Europe of two fundamentally different forms of criminal proceedings – adversarial and mixed – should be sought in the mental characteristics of the society of England and the European continent. The author substantiates that geographic and religious factors are backbone for the mentality. Thus, the separation of England from the mainland predetermined its special historical path, associated with the limited influence of the Roman Empire, which allowed the British to preserve their historical identity. Europe, by virtue of its geographical position, has undergone widespread Romanization. This in turn led to religious differences. On the basis of the comparative legal and historical-legal analysis, it is noted that the role of law in European society was subordinate to the authorities, while in England the state acted on the legal field as only one of its subjects, along with private individuals. As a result of the study, the author came to the conclusion that it was the geographical and religious features that led to the different relations between the state and the individual in England and continental Europe, which eventually resulted in the formation of two legal systems with different types of criminal proceedings. This is confirmed by the evolutionary development of unified European criminal proceedings, when after the 17th century, under the influence of geographical and religious factors, the relationship between the state and the individual vertical to the authorities finally prevailed in continental countries, which eventually led to the widespread distribution of a mixed criminal procedure with pre-trial search proceedings. At the same time, in England, on the contrary, horizontal relations were firmly rooted, which excluded the dominance of the public over the private in public life and thus fixed adversarial criminal proceedings.

Keywords: type of criminal procedure, form of criminal procedure, model of criminal procedure, adversariality, search, mixed criminal proceedings

For citation: Azarenok, N.V. (2022) Conditionality of Anglo-Saxon and Romance-Germanic types of criminal procedure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 212–217. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/25

Возникновение в Европе, несмотря на социально-культурную общность проживающих народов, двух систем права – англосаксонской и романо-германской,

получивших впоследствии мировое признание, оказало на отечественный уголовный процесс существенное влияние, отчетливо проявляющееся в наши дни.

Анализ этого явления позволит более точно установить обусловленность российского уголовного производства и определить пути его совершенствования.

Данный вопрос ученые рассматривают, как правило, сквозь призму категорий «модель», «тип» и «форма» уголовного процесса. По мнению исследователей, модель является мысленным образом, который содержательно наполняется реальными чертами и выступает формализованным образцом или аналогом какого-то идеального явления [1. С. 222–223]. Эволюционное становление уголовного процесса как общественно-правового явления находит свое отражение в той или иной типологии уголовно-процессуальной деятельности. Как отмечает К.Б. Калиновский, тип процесса выражает развитие уголовного процесса в той совокупности свойств, которая характерна для определенного этапа общественного развития [2. С. 49]. При этом, выделяя большое количество реально существующих или существовавших в прошлом режимов судопроизводства, мы переходим от общего – понятия типов и их видов – к особому и частному, от внутреннего – к внешнему, т.е. получаем понятие «формы процесса», которая также является типом судопроизводства, однако не абстрактно-идеальным, а реальным [3. С. 15]. В таком понимании модель дает представление об уголовном процессе на самом высшем уровне общности, тогда как тип позволяет максимально обобщить наши знания об уголовно-процессуальной деятельности, а форма характеризует конкретно-историческую организацию отдельного вида национального уголовного производства. Ученые едины в том, что изучение конкретных правовых систем необходимо производить путем исторического анализа. Этот подход, подчеркивает Л.В. Головкин, имеет не только абстрактно-теоретическое, но и практическое значение, позволяя правильно понять вектор развития уголовного производства той или иной страны, определить наиболее близкие ему уголовно-процессуальные системы других государств, уяснить место национальной модели на сравнительно-правовой карте мира [4. С. 67]. В связи с этим логичен вопрос: почему в едином европейском пространстве появились разные формы судопроизводства?

Очевидно, ответ на этот вопрос необходимо искать в сложившихся на данном пространстве самобытных условиях жизнедеятельности, определивших в своей совокупности менталитет проживающего там населения и сформировавших из него отдельные нации. Еще в 1957 г. один из авторитетных ученых, Ф. Бродель, активно выступил против господства «событийной истории». Главное внимание он уделял факторам, делающим тщетными усилия и надежды людей, ключевую роль отводя при этом понятию «время большой напряженности», тесно связывая его с понятиями «структура» и «менталитет» [5. С. 25]. Справедливо указывает на это А.В. Смирнов: «Трудность в том, что причины существования архетипов судопроизводства весьма глубоки и имеют не современно-политическое, а историческое объяснение. Политические бури проносятся над этими глубинными течениями, вызывая на поверхности завихрения и водовороты, но на про-

тяжении целых столетий не в силах изменить главного направления их движения» [3. С. 133]. При этом сам автор, к сожалению, данный вопрос обходит стороной, сосредоточивая свое внимание на теоретическом описании того или иного типа уголовного судопроизводства, не углубляясь в причины, приведшие к его формированию. На то, что уголовно-процессуальный закон является элементом культуры соответствующего народа, указывают в своей работе А.С. Барабаш и А.А. Брестер [6. С. 25].

Таким образом, причины возникновения в Европе двух принципиально разных форм уголовного судопроизводства – состязательного и смешанного – следует искать в ментальных особенностях их носителей, установив национальную специфику между в целом схожими народами Англии и Европейского континента и проследив при этом ее влияние на образование двух обозначенных форм уголовного судопроизводства. Как известно из философии, общее постигается через частное. Методологический подход к решению этого вопроса уже предложен Александром Сергеевичем Барабашом, обосновавшим такие формирующие менталитет факторы, как географический, религиозный, отношения государства и личности, роль права в обществе [7. С. 5–6]. Принимая данную позицию, следует иметь в виду, что именно первые два фактора лежат в основе государственно-правовой сферы, формируя тем самым и его уголовное производство.

Географическое положение сыграло решающую роль в развитии Англии, отделив ее от большой земли проливом Ла-Манш. Такой естественный водораздел сформировал у местного населения чувство собственной «идентичности», отличия от своих соседей. Благодаря этому сформировались предпосылки для «особого исторического пути», связанные с ограниченным влиянием Римской империи, что позволило англичанам сохранить свою историческую самобытность. Европа же в силу своего географического положения подверглась повсеместной романизации. Это, в свою очередь, привело к религиозным различиям. Так, католической церкви были подчинены в основном страны, находящиеся в «пешей» доступности от ее центра – Рима. Однако в Англии Папа Римский никогда не имел такого влияния. Кроме этого, одним из значимых исторических событий, способствовавших гражданским вольностям и либерализму в Англии, стала реформация местной церкви, когда в противовес римскому влиянию особое распространение здесь получили протестантские идеи Мартина Лютера, положившие начало расколу западного христианства на католическую и протестантскую духовные традиции. Восприятие идей Реформации повлекло за собой кардинальные последствия для развития Англии. В 1534 г. произошел церковно-административный разрыв с Римом. Историки традиционно высоко оценивают значение Реформации в истории Англии: в их толковании учреждение религиозных свобод стало, в сущности, исходной точкой в развитии политического либерализма, стимулируя также и развитие предпринимательства [8. С. 127–130]. Таким образом, протестантизм закрепил полную независимость Англии от

Римской католической церкви. Более того, его идеи окончательно сформировали в англичанах свободную и предприимчивую нацию, в которой личные права каждого в государстве стояли на первом месте.

В Европе же, наоборот, как отмечают исследователи, «на протяжении всей истории Средних веков в духовной жизни общества главенствующую роль играла христианская католическая церковь. В условиях всеобщего упадка культуры, произошедшего после распада Римской империи, только церковь в течение долгого времени оставалась единственным социальным институтом, общим для всех стран Западной Европы. Церковь предлагала людям стройную систему знаний о мире и его устройстве, о действующих в нем законах» [9. С. 139]. При этом Церковь выстраивала «вертикальные» отношения с верующими, основанные на безусловном послушании. Этот подход, с одной стороны, позволил ей сохраниться в период общественных потрясений, а с другой – тормозил социальное развитие, препятствуя становлению личных прав граждан.

Проявляющиеся все сильнее различия в отношениях государства и личности в Англии и континентальной Европе, помимо прочего, были обусловлены нормандским завоеванием Англии в 1066 г. Легкость победы Вильгельма, по мнению авторитетного ученого Н. Хайама, автора монографии «Гибель англосаксонской Англии», объясняется не его военным превосходством; здесь вступили в действие иные факторы – политические и психологические [10]. Так, после нормандского завоевания в Англии сложилась уникальная ситуация, при которой франкоговорящая правящая элита оказалась оторванной от основной массы местного населения, и потому для того, чтобы удерживать власть, ей пришлось идти на компромиссы по целому ряду вопросов. В результате начала формироваться договорная культура между королем и обществом. Необходимость поиска соглашений во всех сферах общественной жизни стала залогом существования нормандской Англии и определила ее будущее развитие [11]. Об определяющей роли уступок между властью и обществом пишет А.В. Смирнов: «В дальнейшем компромисс приобрел чисто политические формы. Бурный и неконтролируемый рост королевской власти на “закваске” нормандского завоевания был скоро и грамотно приостановлен баронами (“Великая хартия Вольностей” 1215 г.), что положило начало ограничению власти монарха и формированию в XIII–XIV вв. сложной формы управления, согласующей права короля с правами “общин”, члены которых привыкли ставить во главу угла свои права, подкрепленные обычаем, законом и судом. Этот компромисс также способствовал дальнейшему становлению суда присяжных как суда “равных”, отделению его от большого жюри, которое охраняло права членов общин, контролируя вопрос о предании их суду. Был введен институт не оплачиваемых государством (а значит, ничем ему не обязанных) мировых судей, назначавшихся из представителей мелкопоместного дворянства» [3. С. 156].

Таким образом, англичане напрямую договаривались с властью, которая не имела у них такого авторитета, как в Европе, поскольку пришла извне и была чуждой им. Привнесение нормандской завоевательной культуры в массы местного населения (бриттов-язычников) потребовало построения организационно-управленческой системы на принципиально иной, чем на континенте, основе. В результате исторически характер англичан сформировался так: надо самостоятельно отстаивать свои права («мой дом – моя крепость»), – поэтому вся последующая история Англии состоит в поиске компромисса между двумя равнозначными интересами: государственным и частным. При этом уникальность Англии в том, что это было обоюдное движение: завоеватели-норманны также были заинтересованы в договоренностях с местным (коренным) населением, чтобы сохранить свое влияние на него.

По-другому строились взаимоотношения государства и личности в континентальной Европе: в их основе была вера людей в сакральность и целительную силу королевской власти. «Монарх, – писал С.С. Аверинцев, – сам по себе есть только человек; но, с другой стороны, власть над людьми не может принадлежать человеку и принадлежит только богу (и богочеловеку Христу как единственно правомочному “царю” верующих). При таких условиях небожественный монарх может участвовать в божественной власти как ее живая икона и эмблема, так что все ее бытие становится церемониалом» [12. С. 313]. В результате были сформированы «вертикальные» связи власти-подчинения. Авторитет правителя (короля), подкрепленный католической церковью, объяснявший его божественное происхождение, был незыблемым. В этих условиях речь не могла идти ни о каких компромиссах. Обществу приходилось мириться с вечным подданством. В итоге отношения государства и личности на едином Европейском пространстве стали иметь принципиально разную природу: если на островной его части они строились на «горизонтальных» условиях равноправия, то на континенте действовала «вертикаль» подчинения.

Изложенное обусловило, в свою очередь, различия в правовых системах Англии и остальной Европы. Одно дело – формировать право для народа, которому оно привычно, а другое – преподнести завоевателями извне местному населению какую-то правовую культуру, незнакомую для них. Вот почему норманнам понадобилось выстраивать совершенно иную правовую конструкцию с учетом местных традиций и отсутствия опоры на сильную централизованную власть, в том числе церковную. Как следствие, в Англии в соответствии с принципом верховенства права не признается его деление на частное и публичное. Такое подразделение, пожалуй, отрицается с особым пафосом, так как это различие всегда рассматривалось как реализация идеи о том, что государство и правительство могут праву не подчиняться. Согласно данному положению, все равны перед правом, поскольку закон – это не единственный или преимущественный источник правовых норм, вместе с ним существует

судебный прецедент, обычай. Государство является на правовом поле лишь одним из его субъектов наряду с частными лицами. Тем самым государству, преследующему публичный интерес, и отдельным людям с частными устремлениями всякий раз приходится доказывать в суде свою правоту, когда они обращаются к нему за правосудием. Английский суд в такой конструкции не выступает на стороне государства, поскольку здесь отсутствует законодательно оформленное деление государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную. Судебная система занимает обособленное положение и пользуется огромным уважением и авторитетом. Исполнительная и законодательная ветви на нее практически никакого влияния не оказывают. Более того, у данных институтов различные интересы, т.е. интерес государства (исполнительной власти) не присущ судебной власти.

По-другому складывалась ситуация на континенте, где право было подчинено властным интересам, что стало возможным из-за рецепции римского права, постулирующего положение: *Quod principi placuit, legis habet vigorem* (лат.) – что угодно государю, да имеет силу закона. В результате государственным институтам на континенте изначально придавалась ведущая роль в упорядочивании социальных отношений, тогда как в Англии правительство выступало лишь в качестве посредника, претворяющего в жизнь правовые требования [13. С. 2]. Во Франции эта тенденция началась еще в XIII–XIV вв. «И уже после Революции (имеется в виду Великая Французская революция 1789–1799 гг. – Н.А.), – пишет А.С. Волков, – Наполеон I Бонапарт задумал и организовал само французское государство как инструмент, позволяющий ему превратить консервативное феодальное общество в либеральное, основанное на равных правах граждан. Наполеон хотел, чтобы страна была защищена от консервативных судей, поэтому фактически ему пришлось отделить публичное (общественное) право от частного. Даже сегодня судья административного суда имеет ограниченные полномочия для осуществления своих решений в отношении государственной администрации. Суд стал просто органом, который применяет закон, а законотворческие полномочия полностью перешли от суда к законодательному органу. Наполеон создал новую сферу правовых норм – публичное право, не подконтрольное и, следовательно, отделенное от традиционного частного права. Появление публичного права дало больше полномочий исполнительной власти. Это решение Наполеона, вероятно, имело критическое влияние на формирование различий между англосаксонской правовой системой и романо-германской, поскольку в англосаксонской правовой системе разделение на частное и публичное право отсутствует» [16. С. 56].

В связи с этим закон в системе источников права имел особую значимость, что обусловило первичность законодательства и вторичность судебной практики. Закон стоял выше в иерархии источников права по отношению к прецеденту. Как следствие, в романо-германской правовой семье судебная система яв-

ляется частью государства наряду с исполнительными и законодательными органами. А это означает, что суд находится на одном уровне с исполнительной властью (обвинением). В основе их деятельности лежит общий интерес – государственный. При этом государство, в лице законодательной власти издающее законы и их же исполняющее, не может быть равнозначным (имеющим равные права и обязанности) субъектом наряду с человеком. Особенно это касается такой публичной отрасли права, как уголовный процесс.

Таким образом, именно географические и религиозные особенности, повлекшие за собой различные отношения между государством и личностью в Англии и континентальной Европе, привели в итоге к формированию двух правовых систем с различными типами уголовного производства. Данный вывод подтверждается эволюционным развитием когда-то единого европейского уголовного судопроизводства.

Так, уголовно-процессуальный порядок в период Римской империи был обвинительным и одинаковым как для Англии, так и для стран континентальной Европы. Его суть сводилась к судебным спорам обвинителя и обвиняемого в виде поединков, клятв, различного рода испытаний огнем, водой, раскаленным железом и т.д. Как пишет Л.В. Головкин, «...перед доказыванием в таком процессе не ставилась задача установления истины, поскольку в то время были широко распространены различного рода предрассудки, включающие какую-либо объективность. Кроме этого, роль церкви еще не была достаточной для отыскания “воли Божьей”» [15]. При этом древние греки уже тогда обособляли выделение в познании объективной и юридической истины, и если первая рассматривалась в контексте божественной воли, то вторая выступала мерой согласования точек зрения различных группировок афинского общества. Однако истина в то время не была востребована уголовным судопроизводством, поскольку его познание находилось под влиянием суеверий, случая и т.д. Как такового исследования события преступления не было, все решалось в поединке или иным образом.

В дальнейшем, к середине XI в., в Англии и странах Европы на смену обвинительному процессу приходят частно-исковые процедуры. Как следствие, вместо судебных поединков и ордалий начинают использоваться свидетельские показания и иные доказательства. Именно в Англии такая модель судопроизводства оказалась наиболее востребованной, окончательно возобладав после буржуазной революции XVII в. и сохранившись вплоть до второй половины XIX в. Это произошло в силу обозначенных исторических особенностей, проявившихся в либеральной концепции отношений государства и личности, приведших к установлению перманентного компромисса между ними, что в области уголовного судопроизводства обусловило преобладание формальной истины как итога судебного состязания равноправных сторон.

Однако во Франции всплеск частно-искового процесса, пришедший на XIII–XV вв., постепенно сошел на нет по причине значительного усиления коро-

левской власти, а также набравшей силу инквизиции с широко применяемыми розыскными процедурами. В результате в XV–XVI вв. частно-исковая форма была поглощена инквизиционной, что проявилось в Большом уголовном ордонансе Людовика XIV (1670 г.), уже предусматривавшем в уголовном процессе досудебный этап в виде предварительного следствия. Неудивительно, что, по мнению французских юристов, предварительное следствие рассматривается как наиболее значительная часть уголовного процесса в целом, даже по отношению к судебному разбирательству [16. С. 55].

Таким образом, развитие Европейского уголовного судопроизводства шло в едином русле вплоть до XVII в., после чего под влиянием географического и религиозного факторов в континентальных странах окончательно возобладали «вертикальные» отношения между государством и личностью, приведшие в итоге к повсеместному распространению смешанного уголовного процесса с розыскным досудебным

производством. При этом в Англии, наоборот, прочно укоренились «горизонтальные» отношения, исключившие доминирование в общественной жизни публичного над частным и закрепившие в связи с этим состязательное уголовное судопроизводство. Подтверждение этому мы находим у А.В. Смирнова, указывающего на то, что классическому английскому типу уголовного процесса и старофранцузскому XIV–XVI вв. известны многие общие институты. Однако те самые формы, которые в Англии к XVII в. приобрели живой характер спора сторон, на французской почве надолго застыли мрачными фигурами инквизиции. Французский судья был правительственным чиновником и считал своим долгом сам исследовать все обстоятельства дела, в то время как институт английских мировых судей изначально был задуман как управа на местную исполнительную власть со стороны подданных, т.е. как элемент системы сдержек и противовесов, потому-то они и стремились предоставить выяснение истины самим сторонам [3. С. 144].

Список источников

1. Стойко Н.Г. Модель уголовного процесса как концептуальное выражение его осуществления на практике // Пробелы в российском законодательстве : юридический журнал. 2009. № 1. С. 222–227.
2. Калиновский К.Б. Законность и типы уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999. 208 с.
3. Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. СПб. : Наука ; Альфа, 2000. 224 с.
4. Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян [и др.]; под ред. Л.В. Головки. М. : Статут, 2016. 1277 с.
5. Гирько А.А. Влияние российского менталитета на правовое сознание граждан в современных условиях : дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2006. 180 с.
6. Барабаш А.С., Брестер А.А. Метод российского уголовного процесса. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2013. 218 с.
7. Барабаш А.С. Сущность отечественного уголовного процесса в свете российского национального менталитета : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. 203 с.
8. Dickens A.G. The English Reformation. London : Longmans ; Green and Co., 1973.
9. Бежко И.С., Моисеева О.Г. Инквизиция и инквизиционный процесс в странах Западной Европы // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2015. Т. 2, № 12. С. 139–142.
10. Higham N. The death of Anglo-Saxon England. Sutton, 2000. 234 p.
11. Ridyard S. Condigna veneratio: post-conquest attitudes to the saints of the Anglo-Saxons // Anglo-Norman studies. Cambridge, 1987. Vol. 9. P. 179–206.
12. Аверинцев С.С. Символика раннего Средневековья (к постановке вопроса) // Семиотика и художественное творчество / ред. кол.: Ю.Я. Барабаш (отв. ред.) и др. М. : Наука, 1977. С. 308–337.
13. Fleiner T. Common Law and Continental Law: Two Legal Systems. 2005. URL: <https://studyres.com/doc/13021050/common-law-and-continental-law--two-legal-systems> (accessed: 19.02.2021).
14. Волков А.С. Влияние Европейского Союза на современную правовую систему Великобритании // Право и политика. 2018. № 8. С. 52–60.
15. Головки Л.В. Российский уголовный процесс и объективная истина // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность : сб. ст. по материалам Международ. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию со дня рождения проф. Н.С. Алексеева / под ред. Н.Г. Стойко. СПб. : СПб. гос. ун-т, 2015. С. 60–68.
16. Головки Л.В. Допзнание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. М. : СПАРК, 1995. 130 с.

References

1. Stoyko, N.G. (2009) Model' ugovornogo protsessa kak kontseptual'noe vyrazhenie ego osushchestvleniya na praktike [Model of the criminal procedure as a conceptual expression of its implementation in practice]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve: yuridicheskiy zhurnal*. 1. pp. 222–227.
2. Kalinovskiy, K.B. (1999) *Zakonnost' i tipy ugovornogo protsessa* [Legality and types of criminal procedure]. Law Cand. Diss. Saint Petersburg.
3. Smirnov, A.V. (2000) *Modeli ugovornogo protsessa* [Models of the criminal procedure]. Saint Petersburg: Nauka; Al'fa.
4. Arutyunyan, A.A. et al. (2016) *Kurs ugovornogo protsessa* [A course of the criminal procedure]. Moscow: Statut.
5. Gir'ko, A.A. (2006) *Vliyaniye rossiyskogo mentaliteta na pravovoe soznanie grazhdan v sovremennykh usloviyakh* [Influence of the Russian mentality on the legal consciousness of citizens in modern conditions]. Philosophy Cand. Diss. Stavropol.
6. Barabash, A.S. & Brester, A.A. (2013) *Metod rossiyskogo ugovornogo protsessa* [The method of the Russian criminal procedure]. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr-Press.
7. Barabash, A.S. (2013) *Sushchnost' otechestvennogo ugovornogo protsessa v svete rossiyskogo natsional'nogo mentaliteta* [The essence of the domestic criminal procedure in the light of the Russian national mentality]. Law Cand. Diss. Yekaterinburg.
8. Dickens, A.G. (1973) *The English Reformation*. London: Longmans; Green and Co.
9. Bezhko, I.S. & Moiseeva, O.G. (2015) *Inkvizitsiya i inkvizitsionnyy protsess v stranakh Zapadnoy Evropy* [The Inquisition and the Inquisition Process in the Countries of Western Europe]. *Trudy molodykh uchennykh Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2 (12). pp. 139–142.
10. Higham, N. (2000) *The death of Anglo-Saxon England*. Sutton.
11. Ridyard, S. (1987) Condigna veneratio: post-conquest attitudes to the saints of the Anglo-Saxons. *Anglo-Norman studies*. 9. pp. 179–206.

12. Averintsev, S.S. (1977) Simvolika rannego Srednevekov'ya (k postanovke voprosa) [Symbolism of the early Middle Ages (to the formulation of the question)]. In: Barabash, Yu.Ya. et al. (eds) *Semiotika i khudozhestvennoe tvorchestvo* [Semiotics and artistic creativity]. Moscow: Nauka. pp. 308–337.
13. Fleiner, T. (2005) *Common Law and Continental Law: Two Legal Systems*. [Online] Available from: <https://studyres.com/doc/13021050/common-law-and-continental-law-two-legal-systems> (Accessed: 19.02.2021).
14. Volkov, A.S. (2018) Vliyaniye Evropeyskogo Soyuza na sovremennuyu pravovuyu sistemu Velikobritanii [Influence of the European Union on the modern legal system of the UK]. *Pravo i politika*. 8. pp. 52–60.
15. Golovko, L.V. (2015) [Russian criminal procedure and objective truth]. *Obvinenie i zashchita po ugovolnym delam: istoricheskiy opyt i sovremennost'* [Prosecution and defense in criminal cases: historical experience and modernity]. Proceedings of the International Conference. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 60–68. (In Russian).
16. Golovko, L.V. (1995) *Doznanie i predvaritel'noe sledstvie v ugovolnom protsesse Frantsii* [Inquiry and preliminary investigation in the criminal procedure of France]. Moscow: SPARK.

Информация об авторе:

Азарёнок Н.В. — канд. юрид. наук, докторант кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург, Россия). E-mail: Azarenok_96@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.V. Azarenok, Cand. Sci. (Law), associate professor, doctoral student, Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: Azarenok_96@mail.ru

The author declares no conflicts of interest.

*Статья поступила в редакцию 08.02.2022;
одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 20.05.2022.*

*The article was submitted 08.02.2022;
approved after reviewing 10.03.2022; accepted for publication 20.05.2022.*

Научная статья
УДК 341.641
doi: 10.17223/15617793/478/26

Идеология коллегияльности в практике международного уголовного правосудия

Екатерина Дмитриевна Ветошкина¹, Елена Сергеевна Кошечева²

^{1, 2} Волго-Вятский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Киров, Россия

¹ vetoshkina@msalkirov.ru

² koscheeva@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу оптимальной идеологической основы для принятия решений коллегией судей в органах международного уголовного правосудия. Цель исследования – на основании системного анализа коллегияльности в практике органов международного уголовного правосудия, механизма ее применения, влияния на принятие решения и специфики нормативного закрепления определить наиболее оптимальную идеологическую основу для достижения действительного единогласия при соблюдении международных стандартов отправления правосудия. Идеология коллегияльности рассматривается в качестве базового процесса, определяющего наиболее эффективный способ формирования единого мнения коллегией судей.

Ключевые слова: коллегияльность, органы международного уголовного правосудия, состав суда, принятие решений, особое мнение

Для цитирования: Ветошкина Е.Д., Кошечева Е.С. Идеология коллегияльности в практике международного уголовного правосудия // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 218–225. doi: 10.17223/15617793/478/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/26

The ideology of collegiality in international criminal justice practice

Ekaterina D. Vetoshkina¹, Elena S. Koshcheeva²

^{1, 2} Volga-Vyatka Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University, Kirov, Russian Federation

¹ vetoshkina@msalkirov.ru

² koscheeva@yandex.ru

Abstract. One of the two key issues that were put on the agenda of the third annual judicial seminar of the International Criminal Court on 23 January 2020 was the question of the expression of dissenting views by the judges of the International Criminal Court. Traditionally, scholarly discussions on the issue of expressing dissenting opinions have focused on their perceived impact on the authority of judgments and decisions of international tribunals, and even on the authority of these institutions themselves. The article considers the optimal ideological basis for decision-making by a panel of judges in international criminal justice bodies. In particular, it analyzes: the history of the normative reflection of the idea of collegiality in normative acts regulating the activities of international criminal justice bodies, the main doctrinal approaches to the ideas of an individual and collegial approach in decision-making, the practice of expressing dissenting opinions when considering cases by these bodies. The authors' position comes down to considering the ideology of collegiality as a basic process that determines the most effective way of forming a unanimous opinion by a panel of judges. In this regard, emphasis is placed on the link between the objectives of the International Criminal Court and the approach to expressing a dissenting opinion. Judicial collegiality implies that judges have a common interest in the correct presentation of facts and interpretation of the law, and therefore they must be willing to interact and listen to each other, mutually convincing and being convinced by their colleagues. The legal phenomenon under consideration is analyzed through an understanding of the differences in the personal composition of judges of international criminal justice bodies, which is consistent with the idea of freedom of expression, provided for in Article 10 of the European Convention on Human Rights. The conclusion generalizes that the transformation should take place in the direction of strengthening the ideology of collegiality in the adoption of a judicial decision, including at the level of appeal against a judicial decision, which is due to the achievement of the common goals of international cooperation in the field of criminal justice: preserving peace, fixing historical conclusions. The aim of this work is a systematic analysis of collegiality in the practice of international criminal justice bodies, the mechanism of its application, the impact on decision-making and the specifics of normative consolidation. The identification and substantiation of such proposals provides for the novelty of the research. The materials and results of the study can be used as a theoretical basis for further scientific development of topics related to the development of legal

regulation of the procedure for making decisions by a collegium of judges both at the international level and at the national level.

Keywords: collegiality, international criminal justice bodies, composition of court, decision-making, dissenting opinion

For citation: Vetoshkina, E.D. & Koshcheeva, E.S. (2022) The ideology of collegiality in international criminal justice practice. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 218–225. doi: 10.17223/15617793/478/26

Введение. Постановка проблемы

Одна из двух ключевых проблем, которые были поставлены на повестку третьего ежегодного судебного семинара Международного уголовного суда (МУС) 23 января 2020 г., – вопрос о выражении судьями МУС особых мнений [1. Р. 6]

Традиционно научные дискуссии по проблемам выражения особых мнений сосредоточены на их предполагаемом влиянии на авторитет постановлений и решений международных трибуналов и даже на авторитет самих указанных институтов [2. С. 148; 3; 4. С. 401]. Вместе с тем следует учитывать, что особые мнения прежде всего затрагивают эффективность органов международного уголовного правосудия, поскольку прямо влияют на порядок принятия коллегиального решения, выступающего их ключевой задачей.

Особое мнение и судебное несогласие не являются типичными для уголовного правосудия, хотя с точки зрения международного судопроизводства эти термины не новы. Деятельность органов международного уголовного правосудия всегда находится под пристальным вниманием мирового сообщества, получая самые разнообразие оценки. Преступления, отнесенные к юрисдикции этих органов, обладают наивысшей степенью общественной опасности, посягают на основы мирового правопорядка и безопасность всего человечества. Решения же международных трибуналов и судов должны носить основополагающий характер, определяющий вектор развития международного сотрудничества государств в деле борьбы с такими преступлениями и их предупреждения [5. С. 303]. Проблема, решению которой посвящена настоящая статья, находится в сфере формирования окончательности и убедительности судебных решений, принимаемых МУС и иными органами международного уголовного правосудия. Публичное выражение особых мнений судьями, входившими в состав коллегии судей МУС или иных органов международного уголовного правосудия, за пределами совещательной комнаты ставит под сомнение убедительность и однозначность выводов суда, а также цель уголовного правосудия на уровне международных органов.

Порядок принятия решений составом судей органов международной уголовной юстиции

Начало международной уголовной юстиции было положено после окончания Второй мировой войны. 8 августа 1945 г. был принят Устав Международного

Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. В пункте «с» ст. 4 Устава содержалось требование о том, что все решения принимаются большинством голосов, решающий голос у председательствующего, а решение о виновности должно быть принято большинством – не менее чем тремя членами Трибунала (общее количество членов – 4). Позднее, 19 января 1946 г., был учрежден Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока, Устав которого во многом соответствовал его предшественнику. Количество членов Трибунала устанавливалось от 6 до 11, кворум составлял не менее 6 членов, а решение, включая признание виновности, принималось большинством голосов присутствующих членов, голос председательствующего признавался решающим. Ни тот ни другой уставы не содержали положений о возможности выражения особого мнения их членами. Это, безусловно, правильное решение.

В послевоенной обстановке при наличии двух противоборствующих лагерей странам-победителям важно было уйти от политизированного решения и не подрывать авторитет судебной власти созданного надгосударственного органа. Единогласие при принятии решения демонстрировало объединение усилий всех стран в борьбе с международными преступлениями.

Однако после оглашения приговора судья Радхабинод Пал, представлявший Индию, подписал и опубликовал на 1 235 страницах особое мнение, в котором он оправдывал всех 25 подсудимых, а легитимность Токийского трибунала ставил под сомнение. Он указывал, что этот процесс является правосудием победителя, а Трибунал не имеет права привлекать к ответственности за преступления, которые были определены уже после окончания Второй мировой войны. Это особое мнение вызвало беспрецедентную реакцию. Судья Пал стал героем для Японии, ему были воздвигнуты мемориалы. Исследователи отмечают два значения рассматриваемого особого мнения судьи Пала [6. Р. 450–456]: во-первых, оно раскрывает силу судебного инакомыслия и его потенциал; во-вторых, оно может стимулировать дискуссию за пределами суда и создавать почву для поиска исторической правды.

Учрежденные в дальнейшем суды и трибуналы принято относить к трем институциональным моделям [7. С. 65].

Первой модели соответствуют трибуналы *ad hoc*, учрежденные Советом Безопасности ООН: Международный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международ-

ного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 г. (МТБЮ) и Международный уголовный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств, в период с 1 января 1994 г. по 31 декабря 1994 г. (МТР).

В п. 2 ст. 23 Устава МТБЮ указывалось, что решение принимается большинством голосов и к нему могут прилагаться отдельные или особые мнения. Аналогичное положение содержится и п. 2 ст. 22 Устава МТР.

Одним из процессов, получивших широкую огласку и весьма неоднозначную оценку, стало дело в отношении двух хорватских генералов – Анте Готовина и Младлена Маркача. В 2001 г. МТБЮ осудил первого к 24, а второго к 18 годам тюремного заключения за преступления против гражданского населения, в результате которых погибли от 1 до 5 тыс. человек. В частности, было признано, что при обстреле в 1995 г. четырех городов снаряды, упавшие в радиусе 200 м от целей, являются намеренно выпущенными, а те, что легли в более чем 200 м, должны быть признаны доказательствами неизбежного обстрела [8]. Это правило получило наименование «200-метровый стандарт». Однако в ноябре 2012 г. Апелляционная палата вынесла вердикт, полностью отменивший данный приговор. Апелляционная палата посчитала, что Судебная палата ошиблась при установлении 200-метрового стандарта. Судебное решение не содержит каких-либо указаний на то, что были получены доказательства, предполагающие погрешность в 200 м, и оно лишено какой-либо конкретной аргументации относительно того, как Судебная палата пришла к этой допустимой погрешности. Ошибки Судебной палаты в отношении 200-метрового стандарта достаточно серьезны. В связи с этим Апелляционная палата посчитала, что оставшиеся доказательства недостаточны, чтобы подтвердить вывод о незаконности артиллерийского нападения на четыре города [9].

Это решение Апелляционной палаты вызвало большой общественный резонанс. Двое из пяти судей приложили к нему «несогласные» особые мнения. Судья Фаусто Покар указал, что вынесенное Апелляционной палатой решение противоречит принципам правосудия. Судья Камел Агиус отметил, что доказательства не были рассмотрены в совокупности: выделено одно «главное» обстоятельство, которое было отвергнуто, а затем на этом основании отброшены остальные как взаимосвязанные с ним. И в том и в другом особом мнении очень резко критиковалось вынесенное Апелляционной палатой решение в связи с нарушением объема возможного пересмотра. Вместо рассмотрения «ошибки права» была дана оценка фактам дела. Опубликование указанных особых мнений показало, насколько глубоки были разногласия среди судей трибунала.

Вторая институциональная модель включает в себя смешанные (гибридные) суды (трибуналы), в частности Специальный суд по Сьерра-Леоне, Специальный трибунал по Ливану и др. Статьи их уставов, посвященные порядку вынесения приговора, предусматривают публикацию отдельных или особых мнений.

Третья институциональная модель охватывает национальные суды, осуществляющие юрисдикцию в отношении международных преступлений с участием международных судей. Поскольку эти суды применяют национальное процессуальное право, публикация особых мнений зависит от законодательства той страны, на территории которой они осуществляют правосудие.

Международный уголовный суд – четвертая, современная институциональная модель. Согласно п. 3 ст. 74 Римского статута судьи должны стремиться к единодушию в решении, в противном случае выносить его большинством голосов, а п. 5 этой же статьи гласит, что вынесенное решение является единственным, но должно содержать мнение большинства и меньшинства. В ст. 83 Римского статута Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. (Римский статут МУС), регламентирующей апелляционное производство, указывается, что каждый судья имеет право высказать особое мнение [10]. За время работы МУС его судьи неоднократно пользовались своим правом на выражение особого мнения, в том числе выражая свое фундаментальное несогласие с вынесенным решением.

Выражение судьей особого мнения

С доктринальной точки зрения вопрос выражения особого мнения судьей при вынесении решения коллегиальным составом судей имеет многоаспектный характер. С одной стороны, особое мнение является важным компонентом статуса судьи и может рассматриваться с идеологической и этической позиции, с другой – как правовой институт, являющийся частью процедуры рассмотрения дела, с формально-юридической точки зрения. Отдельные исследования посвящены вопросам связи между институтом особого мнения и авторитетом органов международного уголовного правосудия [11].

Право судьи на выражение особого мнения закрепляется как необходимая часть его статуса и условие надлежащего уровня исполнения долга. Более того, принцип независимости, установленный Бангалорскими принципами поведения судей [12], предполагает необходимость «постоянно осознавать важность служения обществу» [13. С. 25]. В частности, Кодекс судейской этики МУС содержит указание на «долг судьи» [14. Р. 3]. По мнению соавторов, наличие прямой связи между указанными категориями (элементами правового статуса судьи) и правом на выражение особого мнения очевидна.

Таким образом, право на выражение особого мнения является необходимым элементом статуса судьи, инициатива его выражения обуславливается профессиональным долгом судьи. Декларация мотивов, вы-

сказанных устно или изложенных письменно, осуществляется в рамках реализации принципа независимости судей и обеспечивается действием процессуальной гарантии – тайны совещательной комнаты.

В соответствии с положениями ст. 74 Римского статута МУС [10] основным правилом при принятии решения является «единодушие» решения. В качестве отступления от этого общего правила допускается принятие решения «большинством судей».

Нормоположения Римского статута МУС также устанавливают правило окончательности решения, в соответствии с которым выносимое решение является единственным. При отсутствии единодушия в решении, принятом большинством судей МУС, различаются понятия «мнение меньшинства» (*minority view*¹) первой инстанции и «особое мнение» (*separate or dissenting opinion*²).

Мнение меньшинства указывается как в решении Судебной палаты, рассматривавшей дело по существу (первая инстанция), так и в решении Апелляционной палаты МУС. При этом в обоих случаях вынесение подобных решений рассматривается как отступление от общего правила «единодушия» в принятии решения. Особое мнение судьи предполагается только в рамках решения дела Апелляционной палатой и не предусматривается смыслом норм для судей Судебной палаты.

Вместе с тем особое мнение судьи Апелляционной палаты имеет определенные разновидности. К первому виду относится мнение судьи, выражающее общее согласие по выводам коллегии, но не разделяющее при этом мотивы (*separate opinion*). Ко второму – несогласие как с мотивами, так и с выводами в целом (*dissenting opinion*).

Если проводить аналогию с институтом несогласия и его нормативным регулированием в отношении Международного Суда ООН, то подходы отличаются. Так, ч. 2 ст. 95 Регламента Международного Суда ООН [15] указывает на три возможных варианта выражения несогласия: особое мнение (*individual opinion*), выражающее согласие или несогласие с указанием мотивов, а также немотивированное особое мнение в форме заявления (*declaration*).

Следует отметить, что в юридической науке изучение разновидностей особого мнения в практике международного уголовного правосудия представляет собой активный вектор. В частности, немотивированное особое мнение в форме заявления подвергается критике, поскольку фактически используется для «кратких заявлений или мнений» [16], которые не имеют общих признаков с формами судебного несогласия с решением коллегии. Однако высказываются и идеи поддержки «радикального несогласия» в органах международного уголовного правосудия, которые формируются за счет особых мнений судей, поскольку нельзя утверждать, что оно «пренебрегает или не воспринимает всерьез массовые убийства, пытки и изнасилования... позволяет оспаривать наличие этих преступлений, а также их масштабы» [17. С. 1165].

Таким образом, в нормативных актах, определяющих порядок отправления международного уголовно-

го правосудия, в качестве основного правила фиксируется «единодушие» в принятии решений коллегией судей. Выражение особого мнения судьей допускается, но является отступлением от общего правила. Наиболее полно указанная идея реализована в Римском статуте МУС.

Ценность особого мнения в контексте цели международного уголовного правосудия

Определение значения особого мнения невозможно без установления цели и задач международного уголовного правосудия.

Совет Безопасности ООН в своих резолюциях неоднократно провозглашал цели, которые мировое сообщество ставит перед международным правосудием: положить конец преступлениям в сфере международного гуманитарного права, обеспечить наказание лиц, виновных в таких преступлениях, способствовать восстановлению и поддержанию мира.

Анализируя преамбулу Римского статута, можно увидеть, что МУС ставит своей целью положить конец безнаказанности лиц, совершающих международные преступления, угрожающие всему миру, безопасности и благополучию, и тем самым способствовать предупреждению подобных преступлений, т.е., по сути, речь идет об обеспечении мирового правопорядка уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными средствами. А задача МУС – осуществление юрисдикции в отношении лиц, виновных в совершении международных преступлений, путем осуществления расследования и судебного разбирательства и защита потерпевших от преступлений.

Это достаточно формальное определение цели международного уголовного правосудия. Ввиду общественной значимости рассматриваемых в процессе деятельности вопросов, наивысшей степени общественной опасности преступлений, подпадающих под юрисдикцию органов международной юстиции, цель международного правосудия необходимо рассматривать в том числе в контексте Целей устойчивого развития, поставленных ООН в 2015 г. Цель 16 «Мир, правосудие, построение открытых обществ» говорит о необходимости построения миролюбивых и открытых обществ в интересах устойчивого развития, обеспечении доступа к правосудию для всех и создании эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях. ООН обращает внимание, что даже демократические страны сталкиваются с преступным нарушением прав человека, во всем мире совершаются преступления, ставящие под угрозу мирное сосуществование. Бездействие может привести к губительным последствиям: процветанию насилия, отсутствию безопасности, экономическому упадку. Отсутствие правосудия или доступа к нему, по сути, означает отсутствие защиты и произвол. Государства-члены в рамках этой цели должны объединить свои усилия для торжества и доступности правосудия в каждой точке планеты. Закрепление в предметной юрисдикции международных судов определенных деяний свидетельствует о до-

стижении государствами принципиального согласия относительно того, какие преступления несут наибольшую угрозу миру и безопасности.

Анализируя деятельность органов международной юстиции, можно выделить две цели международного правосудия – ретроспективную и перспективную, и рассматривать эти цели необходимо в различных аспектах.

Ретроспективная цель не сводится просто к наказанию лиц, виновных в совершении международных преступлений. Деятельность международных трибуналов и Международного уголовного суда способствует написанию «исторического отчета» о тех событиях, в рамках которых совершались преступления. Указанные органы действительно «пишут историю», к материалам процессов в последующем обращаются иные международные и государственные органы, ученые, деятели искусства. Учитывая, что отдельные судьи, выражая особое мнение, могут действовать в угоду политическим интересам государства своего гражданства, такое инакомыслие препятствует установлению исторической правды. С учетом политических процессов, происходящих в современном мире, набирающих популярность ревизионизма и негационизма многие страны, в том числе Российская Федерация, выступают за защиту общепринятой историографии и устанавливают в своем национальном законодательстве ответственность, вплоть до уголовной, за отрицание выводов, полученных международными трибуналами. Это еще раз подчеркивает роль органов международной уголовной юстиции в «написании истории».

До учреждения Международного уголовного суда деятельность органов международной юстиции носила только ретроспективный характер и была связана с рассмотрением тех событий, которые уже произошли. С появлением указанного органа международное правосудие стало играть и превентивную роль. Перспективная цель носит воспитательный характер и способствует предотвращению будущих преступлений. В своих приговорах трибуналы разъясняют закон, в соответствии с которым должны действовать субъекты права. Органы международной юстиции определяют границы законного поведения, они повествуют о том, что такое «добро» и «зло», «правильное» и «неправильное» поведение, а угроза преследования выступает сдерживающим фактором.

И в том и в другом случае единодушие и коллегиальность усиливают легитимность принятого решения. Судья, высказывая несогласие с принятым решением, может выражать скрытые интересы и дестабилизировать тем самым политический дискурс. Как верно отмечает А.С. Исполинов, в современном международном правосудии не существует процессуального механизма, отделяющего «хорошие» особые мнения от «плохих» [18. С. 226]. С учетом относительно недолгой истории деятельности МУС особые мнения могут нанести урон его авторитету и сказаться на легитимности и целостности принятых им решений. Как следствие, подвергнутый сомнению самими судьями приговор не сможет выполнять в пол-

ной мере ни ретроспективную историческую, ни воспитательную функцию.

Значение идеологии коллегиальности при принятии решений

Существует представление о различиях в рассмотрении дела судом единолично и коллегиально. Общепринятым является представление о том, что решение коллегиального суда – это не просто совокупность индивидуальных мнений по существу рассматриваемого дела, а коллективное решение суда как единое и принятое большинством голосов. В этом понимании идеология коллегиальности означает, что состав судей как орган правосудия должен сформировать вывод по делу, который представляет собой окончательное решение, не оставляющее никаких сомнений в том, что внутри суда могло быть и другое мнение.

Римский статут МУС оперирует термином «абсолютное большинство голосов»³, исключая любые формы несогласия по отдельным вопросам. Судебная коллегиальность предполагает, что судьи имеют общую заинтересованность в правильном изложении фактов и толковании закона, и поэтому они должны быть готовы взаимодействовать и выслушивать друг друга, взаимно убеждая и будучи убежденными своими коллегами. Вектор в развитии идеологии коллегиальности нашел свое отражение посредством нормативного закрепления. В Кодексе судейской этики, принятом 19 января 2021 г., в ст. 5 прямо закреплено, что «судьи всегда действуют по отношению друг к другу в духе коллегиальности и профессионализма» [14].

Развитие идеологии коллегиальности как необходимой основы при принятии решений коллегией судей в последнее время имеет немало сторонников [19, 20]. Здесь стоит обратить внимание на проведенное исследование социальной роли судьи международного суда [21], автор которого подчеркивает, что основной ролью судьи международного суда является «сведение к минимуму конфликта в социальной системе», в противном случае «она может подвергаться серьезной опасности» [21. Р. 476].

При этом особое мнение как практика публичного выражения точки зрения одного из судей, не согласного с мнением большинства, должна быть сведена к минимуму в рамках деятельности органов международного уголовного правосудия, в первую очередь деятельности МУС. Даже в рамках текстов особых мнений судьи акцентируют вынужденный исключительный характер особого мнения и подчеркивают необходимость соблюдения общего правила о единодушном принятии решения [22], а в качестве значения особого мнения сходятся на необходимости «дать пищу для размышлений» [23]. Отказ от возможности выразить несогласие с мнением коллегии за рамками совещательной комнаты не умаляет возможности обсуждения всех нюансов фактов и права по конкретному делу. Все диспуты судей коллегии должны оставаться под охраной тайны совещания судей.

В ряде научных публикаций отказ следовать идеологии коллегиальности рассматривается как нежела-

ние судей действовать независимо от их конкретных индивидуальных мнений, участвовать в вынесении решения и брать на себя ответственность за него [24], определяется как «инакомыслие» [6], а роль судьи международного суда, высказывающего особое мнение, «вряд ли соответствует традиционно ожидаемой беспристрастности» [21. Р. 476]. Также в рамках третьего ежегодного судебного семинара МУС 23 января 2020 г. была высказана обеспокоенность тем, что возможность обращения к особому мнению может отбить у судей желание проводить процесс внутренних консультаций и обмена идеями друг с другом с целью достижения соглашения [1. Р. 9].

Сразу оговоримся, что установление идеологии коллегиальности как основы принятия решений не подходит для всех международных органов правосудия, а должна вводиться в тех случаях, когда это напрямую соотносится с целями деятельности органа.

Основной идеологической целью деятельности МУС, а также других органов международного уголовного правосудия, является «поддержание мира и безопасности» [25. С. 219], что подразумевает выводы коллегии судей в решении, касающиеся общечеловеческих ценностей и моральных категорий: нанесен ли вред человечеству или нет, наличие оценки «добра» и «зла». В идеологическом контексте роль судебного решения сводится не столько к основным выводам о совершенных виновных деяниях против человечества, сколько к «укреплению мира, фиксации исторических выводов» [26]. В этом контексте важны убедительность и окончательность судебного решения.

В настоящее время под сомнение ставятся основы традиционного позитивного взгляда на роль особых мнений в практике международных судов, поскольку они могут быть использованы участниками международных отношений для подрыва убедительности решения [27].

Заклучение

По мнению авторов, наиболее оптимальной идеологической основой для достижения действительного единогласия при соблюдении международных стандартов отправления правосудия в деятельности МУС является идеология коллегиальности. Применение

указанной идеологии базируется на следующих исходных положениях:

- особое мнение судьи составляет неотъемлемую часть статуса судьи, и инициатива его выражения обуславливается профессиональным долгом судьи;

- процессуальная гарантия – тайна совещательной комнаты – предполагает возможность судьи выразить особое мнение составу коллегии судей при проведении итогового обсуждения по делу;

- основным правилом в принятии решения является «единодушие» решения, что означает необходимость достигнуть единого окончательного решения в рамках обсуждения;

- изложенные выше положения предполагают невозможность оглашения и формулирования в виде отдельного документа особого мнения судьи, которое бы подвергалось широкой огласке;

- идеология коллегиальности как основа принятия решения напрямую соотносится с целями деятельности органа и должна применяться в деятельности МУС и других органов международного правосудия, поскольку роль судебного решения обуславливает его окончательность.

В заключение отметим необходимость расширения идеологии коллегиальности в деятельности органов международного уголовного правосудия, прежде всего МУС. Решение должно приниматься единое, большинством голосов. Отдельные и несовпадающие мнения должны использоваться умеренно, в духе смирения и коллегиальности – как крайний инструмент, а не как замена подлинным усилиям по достижению консенсуса [1].

Развитие коллегиальности при принятии судебных решений органами международного уголовного правосудия обусловлено идеологическими целями деятельности, предполагающими окончательность судебных решений и исключение «обсуждения окончательности исторической оценки» [17. Р. 1171].

Более широкое применение идеи коллегиальности позволит сохранить убедительность и окончательность решений, исключить двусмысленность при определении моральных основ в сфере безопасности человечества, сохранения мира и будет способствовать формированию единого смыслового пространства в рамках международного сотрудничества.

Примечания

¹ Article 74. Requirements for the decision.

² Article 83. Proceedings on appeal.

³ См., напр.: Статьи 40, 48, 52.

Список источников

1. Summary of the Third Annual Judicial Seminar of the ICC // International Criminal Court. 2020. 23 Jan. URL: <https://www.icc-cpi.int/news/seminars/Documents/2020-Judicial-Seminar-Summary-EN.pdf> (accessed: 10.12.2021).
2. Лепешков Ю.А. Об особом мнении судей международных судов // Беларусь в современном мире : материалы XVIII Междунар. науч. конф., посвящ. 98-летию образования Белорусского гос. ун-та, Минск, 30 октября 2019 г. Минск : Белорус. гос. ун-т, 2019. С. 144–149.
3. Исполинов А.С. Палка о двух концах: особые мнения в Суде ЕАЭС. URL: https://zakon.ru/blog/2018/01/22/palka_o_dvuh_koncah_osobye_mneniya_v_sude_eaes (дата обращения: 17.05.2022).
4. Капустин А.Я. Влияние правовых позиций международных судов на национальную судебную практику // Судебная практика в современной правовой системе России / под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. М. : ИЗИСП при Правительстве Российской Федерации ; Норма ; Инфра-М, 2017. 432 с.
5. Волеводз А.Г. Современная система международной уголовной юстиции: понятие, правовые основы, структура и признаки // Международное уголовное правосудие: современные проблемы / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М. : Ин-т права и публичной политики, 2009. С. 305–323.

6. Mistry H. The Paradox of Dissent: Judicial Dissent and the Projects of International Criminal Justice // *Journal of International Criminal Justice*. 2015. Vol. 13, is. 3. P. 449–474.
7. Волеводз А.Г. Международное уголовное правосудие: от идеи к современной системе // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 2. С. 56–66.
8. International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the Former Yugoslavia since 1991. Prosecutor v. Gotovina et al. [TC]. Case № IT-06-90-T. Judgment and Sentence of 15 April 2011. URL: https://www.icty.org/x/cases/gotovina/tjug/en/110415_summary.pdf (accessed: 10.12.2021).
9. International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the Former Yugoslavia since 1991. Prosecutor v. Ante Gotovina and Mladen Markač [AC]. Case № IT-06-90-A. Judgment and Sentence of 16 November 2012. URL: https://www.icty.org/x/cases/gotovina/acjug/en/121116_summary.pdf (accessed: 10.12.2021).
10. Rome Statute of the International Criminal Court // International Criminal Court. 2011. URL: <https://www.icc-cpi.int/Publications/Rome-Statute.pdf> (accessed: 06.12.2021).
11. Mistry H. The different sets of ideas at the back of our heads: Dissent and authority at the International Court of Justice // *Leiden Journal of International Law*. 2019. Vol. 32, is. 2. P. 293–313.
12. Укрепление основных принципов поведения судей : резолюция Экономического и Социального Совета ООН от 27 июля 2006 г. № 2006/23. Приложение: Бангладорские принципы поведения судей. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangalore_principles.shtml (дата обращения: 01.12.2021).
13. Комментарий к Бангладорским принципам поведения судей. URL: https://www.unodc.org/documents/corruption/Publications/2017/Bangalore_principles_commentary_Russian.pdf (дата обращения: 10.12.2021).
14. Code of Judicial Ethics. Official Journal Publication: 27 January 2021 // International Criminal Court. 2020. 02 Feb. URL: <https://www.icc-cpi.int/Pages/item.aspx?name=icc-cje> (accessed: 11.12.2021).
15. Rules of Court // International Court of Justice. 1978. URL: <https://www.icj-cij.org/en/rules> (accessed: 30.11.2021).
16. Thirlway H. The International Court of Justice. The Decision, 12 Judges Separate and Dissenting Opinions. URL: <https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law/9780198779070.001.0001/law-9780198779070-chapter-12> (accessed: 10.12.2021).
17. Jain N. Radical Dissents in International Criminal Trials // *European Journal of International Law*. 2017. Vol. 28, is. 4. P. 1163–1186. URL: <https://academic.oup.com/ejil/article/28/4/1163/4866314> (accessed: 02.12.2021).
18. Исполинов А.С. Особые мнения в международных судах: доктрина и практика // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 218–233.
19. Edwards H.T. The effects of collegiality on judicial decision making // *University of Pennsylvania Law Review*. 2003. Vol. 151, № 5. P. 1639–1690.
20. Carcano A. On the exercise of the judicial function at the International Criminal Court: Issues of credibility and structural design // *Questions of International Law*. 2020. Vol. 67, № 67. P. 3–23.
21. Prott L.V. The role of the judge of the International court of justice // *Belgian Review International Journal*. Vol. 2. P. 473–504.
22. Separate concurring opinion of judge Eboe-Osuji. Prosecutor v Gbagbo & Blé Goudé – Appeal Judgment – 31 March 2021. URL: https://www.icc-cpi.int/RelatedRecords/CR2021_03355.PDF (accessed: 12.12.2021).
23. Separate opinion of judge Sidhwa on the defence motion for interlocutory appeal on jurisdiction. Prosecutor v. Dusko Tadic. Appeal Judgment – 2 October 1995. URL: <https://www.icty.org/x/cases/tadic/acdec/en/510027234562.htm> (accessed: 10.12.2021).
24. Sadat L.N. Fiddling While Rome Burns? The Appeals Chamber's Curious Decision in Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba Gombo // EJIL: Talk! Blog of the European Journal of International Law. URL: <https://www.ejiltalk.org/fiddling-while-rome-burns-the-appeals-chambers-curious-decision-in-prosecutor-v-jean-pierre-bemba-gombo/> (accessed: 10.12.2021).
25. Грицаев С.А. Теоретико-правовые и институциональные основы международного уголовного правосудия // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 9. С. 217–231.
26. Swart B., Zahar A., Sluiter G. The Legacy of the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia. Published to Oxford Scholarship online: September 2011. URL: <https://oxford.universitypressscholarship.com/view/10.1093/acprof:oso/9780199573417.001.0001/acprof-9780199573417-chapter-18> (accessed: 10.12.2021).
27. Ulfstein G. Majority and Individual Opinions: Constructive Dialogue or the Worst of Two Worlds? // Forthcoming, Research Handbook on the International Court of Justice (Elgar). PluriCourts Research Paper. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3370897> (accessed: 13.12.2021).

References

1. International Criminal Court. (2020) *Summary of the Third Annual Judicial Seminar of the ICC*. 23 Jan. [Online] Available from: <https://www.icc-cpi.int/news/seminarsDocuments/2020-Judicial-Seminar-Summary-EN.pdf> (Accessed: 10.12.2021).
2. Lepeshkov, Yu.A. (2019) [On the dissenting opinion of judges of international courts]. *Belarus' v sovremennoy mire* [Belarus in the modern world]. Proceedings of the International Conference. Minsk. 30 October 2019. Minsk: BSU. pp. 144–149. (In Russian).
3. Ispolov, A.S. (2018) *Palka o dvukh kontsakh: osobyie mneniya v Sude EAES* [A double-edged sword: dissenting opinions in the EAEC Court]. [Online] Available from: https://zakon.ru/blog/2018/01/22/palka_o_dvuh_koncah_osobyie_mneniya_v_sude_eaes (Accessed: 17.05.2022).
4. Kapustin, A.Ya. (2017) Vliyaniye pravovykh pozitsiy mezhdunarodnykh sudov na natsional'nyu sudebnuyu praktiku [Influence of the legal positions of international courts on national judicial practice]. In: Khabrieva, T.Ya. & Lazarev, V.V. (eds) *Sudebnaya praktika v sovremennoy pravovoy sisteme Rossii* [Judicial practice in the modern legal system of Russia]. Moscow: IZiSP pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii; Norma; Infra-M.
5. Volevodz, A.G. (2009) *Sovremennaya sistema mezhdunarodnoy ugodovnoy yustitsii: ponyatie, pravovye osnovy, struktura i priznaki* [Modern system of international criminal justice: concept, legal foundations, structure and features]. In: Bogush, G.I. & Trikoz, E.N. (eds) *Mezhdunarodnoye ugodovnoye pravosudie: sovremennyye problemy* [International criminal justice: modern problems]. Moscow: In-t prava i publichnoy politiki. pp. 305–323.
6. Mistry, H. (2015) The Paradox of Dissent: Judicial Dissent and the Projects of International Criminal Justice. *Journal of International Criminal Justice*. 13 (3). pp. 449–474.
7. Volevodz, A.G. (2009) *Mezhdunarodnoye ugodovnoye pravosudie: ot idei k sovremennoy sisteme* [International criminal justice: from an idea to a modern system]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2. pp. 56–66.
8. International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the Former Yugoslavia since 1991. (2011) *Prosecutor v. Gotovina et al. [TC]. Case № IT-06-90-T. Judgment and Sentence of 15 April 2011*. [Online] Available from: https://www.icty.org/x/cases/gotovina/tjug/en/110415_summary.pdf (Accessed: 10.12.2021).
9. International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the Former Yugoslavia since 1991. (2012) *Prosecutor v. Ante Gotovina and Mladen Markač [AC]. Case № IT-06-90-A. Judgment and Sentence of 16 November 2012*. [Online] Available from: https://www.icty.org/x/cases/gotovina/acjug/en/121116_summary.pdf (Accessed: 10.12.2021).

10. International Criminal Court. (2011) *Rome Statute of the International Criminal Court*. [Online] Available from: <https://www.icc-cpi.int/Publications/Rome-Statute.pdf> (Accessed: 06.12.2021).
11. Mistry, H. (2019) The different sets of ideas at the back of our heads: Dissent and authority at the International Court of Justice. *Leiden Journal of International Law*. 32 (2). pp. 293–313.
12. UN. (2006) *Ukrepnenie osnovnykh printsipov povedeniya sudey: rezolyutsiya Ekonomicheskogo i Sotsial'nogo Soveta OON ot 27 iyulya 2006 g. № 2006/23. Prilozhenie: Bangalorskie printsipy povedeniya sudey* [Strengthening the basic principles of judicial conduct: UN Economic and Social Council resolution of July 27, 2006 No. 2006/23. Appendix: Bangalore Principles of Judicial Conduct]. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangalore_principles.shtml (Accessed: 01.12.2021).
13. UN. (2017) *Kommentariy k Bangalorskim printsipam povedeniya sudey* [Commentary on the Bangalore Principles of Judicial Conduct]. [Online] Available from: https://www.unodc.org/documents/corruption/Publications/2017/Bangalore_principles_commentary_Russian.pdf (Accessed: 10.12.2021).
14. International Criminal Court. (2020) *Code of Judicial Ethics*. Official Journal Publication: 27 January 2021. 02 Feb. [Online] Available from: <https://www.icc-cpi.int/Pages/item.aspx?name=icc-cje> (Accessed: 11.12.2021).
15. International Court of Justice. (1978) *Rules of Court*. [Online] Available from: <https://www.icj-cij.org/en/rules> (Accessed: 30.11.2021).
16. Thirlway, H. (n.d.) *The International Court of Justice. The Decision, 12 Judges Separate and Dissenting Opinions*. [Online] Available from: <https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law/9780198779070.001.0001/law-9780198779070-chapter-12> (Accessed: 10.12.2021).
17. Jain, N. (2017) Radical Dissents in International Criminal Trials. *European Journal of International Law*. 28 (4). pp. 1163–1186. [Online] Available from: <https://academic.oup.com/ejil/article/28/4/1163/4866314> (Accessed: 02.12.2021).
18. Ispolinov, A.S. (2018) *Osobyie mneniya v mezhdunarodnykh sudakh: doktrina i praktika* [Dissenting opinions in international courts: doctrine and practice]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 1. pp. 218–233.
19. Edwards, H.T. (2003) The effects of collegiality on judicial decision making. *University of Pennsylvania Law Review*. 151 (5). pp. 1639–1690.
20. Carcano, A. (2020) On the exercise of the judicial function at the International Criminal Court: Issues of credibility and structural design. *Questions of International Law*. 67 (67). pp. 3–23.
21. Prott, L.V. (n.d.) The role of the judge of the International court of justice. *Belgian Review International Journal*. 2. pp. 473–504.
22. Icc-cpi.int. (2021) *Separate concurring opinion of judge Eboe-Osui. Prosecutor v Gbagbo & Blé Goudé – Appeal Judgment – 31 March 2021*. [Online] Available from: https://www.icc-cpi.int/RelatedRecords/CR2021_03355.PDF (Accessed: 12.12.2021).
23. Icty.org. (2021) *Separate opinion of judge Sidhwa on the defence motion for interlocutory appeal on jurisdiction. Prosecutor v. Dusko Tadic. Appeal Judgment – 2 October 1995*. [Online] Available from: <https://www.icty.org/x/cases/tadic/acdec/en/510027234562.htm> (Accessed: 10.12.2021).
24. Sadat, L.N. (2021) *Fiddling While Rome Burns? The Appeals Chamber's Curious Decision in Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba Gombo*. EJIL: Talk! Blog of the European Journal of International Law. [Online] Available from: <https://www.ejiltalk.org/fiddling-while-rome-burns-the-appeals-chambers-curious-decision-in-prosecutor-v-jean-pierre-bemba-gombo/> (Accessed: 10.12.2021).
25. Gritsaev, S.A. (2013) *Teoretiko-pravovye i institutsional'nye osnovy mezhdunarodnogo ugolovnogo pravosudiviya* [Theoretical-legal and institutional foundations of international criminal justice]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 9. pp. 217–231.
26. Swart, B., Zahar, A. & Sluiter, G. (2011) *The Legacy of the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia*. Published to Oxford Scholarship online: September 2011. [Online] Available from: <https://oxford.universitypressscholarship.com/view/10.1093/acprof:oso/9780199573417.001.0001/acprof-9780199573417-chapter-18> (Accessed: 10.12.2021).
27. Ulfstein, G. (2021) Majority and Individual Opinions: Constructive Dialogue or the Worst of Two Worlds? In: *Forthcoming, Research Handbook on the International Court of Justice* (Elgar). PluriCourts Research Paper. [Online] Available from: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3370897> (Accessed: 13.12.2021).

Информация об авторах:

Ветошкина Е.Д. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Киров, Россия). E-mail: vetoshkina@msalkirov.ru

Кощеева Е.С. – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Киров, Россия). E-mail: koscheeva@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.D. Vetoshkina, Cand. Sci. (Law), associate professor, Volga-Vyatka Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (Kirov, Russian Federation). E-mail: vetoshkina@msalkirov.ru

E.S. Kosheeva, Cand. Sci. (Law), associate professor, Volga-Vyatka Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (Kirov, Russian Federation). E-mail: koscheeva@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interest.

*Статья поступила в редакцию 16.12.2021;
одобрена после рецензирования 28.05.2022; принята к публикации 28.05.2022.*

*The article was submitted 16.12.2021;
approved after reviewing 28.05.2022; accepted for publication 28.05.2022.*

Научная статья
УДК 347.513
doi: 10.17223/15617793/478/27

К вопросу об особенностях гражданско-правовой ответственности за незаконное использование изображений персонажей художественных произведений как объектов авторских прав

Андрей Юрьевич Копылов¹

¹ Томский государственный университет, Томск, Россия, akop67@mail.ru

Аннотация. Исследуются имеющиеся в науке и судебной практике точки зрения на природу имущественной ответственности за незаконное использование изображений персонажей. Проведен критический анализ новых позиций Верховного Суда РФ относительно применения фиксированных компенсаций за незаконное использование изображений персонажей. Сделан вывод о необходимости исключения из законодательства норм о минимальном размере компенсации, взыскиваемой по усмотрению суда при невозможности доказать наличие убытков.

Ключевые слова: имущественная ответственность за нарушение исключительных прав, компенсация за незаконное использование персонажей произведений

Для цитирования: Копылов А.Ю. К вопросу об особенностях гражданско-правовой ответственности за незаконное использование изображений персонажей художественных произведений как объектов авторских прав // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 226–235. doi: 10.17223/15617793/478/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/27

On the features of civil liability for the illegal use of images of fictional characters as objects of copyright

Andrey Yu. Kopylov¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, akop67@mail.ru

Abstract. Theoretical and practical issues of civil liability of business entities that use images of fictional characters, mainly from feature films, without having the appropriate permission from the copyright holders, have been studied. The author has established that the illegal use of images of characters, as a rule, is associated with the production of goods whose packaging or appearance embody well-known fictional images. Consumers are subconsciously guided by these images and form demand necessary to increase sales. The infringer, embodying the images of famous characters protected both by copyright and as part of trademarks in goods and on their packaging, significantly reduces their costs due to non-payment of a license fee to the right holder and thereby reduces prices for these goods. The actual damage may be the costs of the right holder, which they have incurred or will inevitably incur when restoring their violated right. These costs can be incurred when making test purchases of counterfeit goods on which cartoon characters are placed, upon receipt of information fixing relevant violations, information on sales volumes of counterfeit goods, etc. Losses caused by violation of the exclusive right to depict a fictional character may also be expressed in the form of lost profits. Such a loss may manifest itself either in the failure of the right holder to receive remuneration for its illegal use, or in the failure to receive income from the independent use of the character in the implementation of certain entrepreneurial activities. If it is proved that the illegal user received income in a certain amount as a result of such a violation, then the right holder has the right to demand compensation, along with other losses and lost profits, in an amount not less than the income received by the violator. From the analysis of the judicial practice widely presented in this article, it follows that the most common way to protect violated exclusive rights to images of fictional characters is to claim monetary compensation, which is a borrowing from the Anglo-American legal order with its institution of statutory damages. The article analyzes the judicial practice related to the application of this sanction, notes its main shortcomings and concludes that the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation in this part are rather superficial, not presented systematically and contradict the doctrinal provisions of the science of civil law. The author concludes that, to eliminate this shortcoming and to implement the principles of justice, equality of participants in civil relations, it is necessary to exclude the lower threshold of compensation from these norms.

Keywords: property liability for violation of exclusive rights, compensation for illegal use of characters

For citation: Kopylov, A.Yu. (2022) On the features of civil liability for the illegal use of images of fictional characters as objects of copyright. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 226–235. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/27

Из содержания норм ст. 1229 ГК РФ следует, что абсолютное исключительное право как базовый элемент системы интеллектуальных прав закрепляет монополию правообладателя в отношении реализации правомочия использования соответствующего объекта интеллектуальной собственности. При этом закреплены лишь универсальные правила осуществления этого правомочия в виде возможности использовать соответствующий объект интеллектуальной собственности и распоряжаться самим исключительным правом. Конкретизация этого правомочия в виде отдельных способов использования объектов интеллектуальной собственности определяется законом применительно к каждому их виду в специальных нормах раздела VII Части четвертой ГК РФ. Применительно к персонажам произведений как объектам авторских исключительных прав речь идет о неисчерпывающем перечне способов их использования, закрепленном в п. 2 ст. 1270 ГК РФ.

Например, одним из самых распространенных способов использования персонажей мультипликационных фильмов является их воспроизведение при изготовлении товаров для детей, которые в силу возрастных особенностей восприятия предметной реальности часто стимулируют родителей на приобретение различных товаров, воплощающих художественные образы персонажей анимационных фильмов. Не менее распространенными способами использования персонажей выступают включение их в состав сложных объектов, товарных знаков и коммерческих обозначений, воплощение этих образов в промышленных образцах, в рекламной продукции.

Использовать изображение персонажа художественного произведения любым известным способом может только правообладатель. Другие лица могут осуществлять правомочия, составляющие содержание исключительного права, только с его разрешения, правовой формой которого является лицензионный договор (ст.ст. 1286, 1235 ГК РФ). Помимо лицензионного договора распространенным явлением в практике оборота исключительных прав являются «письма-согласия», представляющие собой акты одностороннего волеизъявления правообладателей, признаваемые судами в качестве доказательств разрешенного использования результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации [1]. В литературе их относят к односторонним сделкам, направленным на распоряжение исключительными правами [2. С. 162].

Другой формой такого согласия может выступать публичная лицензия. Нормы п. 5 ст. 1233 ГК РФ закрепляют возможность правообладателя открыто заявить об использовании произведения или объекта смежных прав любыми лицами безвозмездно в течение определенного им срока. При этом условия такого использования также определяются правообладателем в одностороннем порядке в заявлении, размещаемом на официальном сайте Министерства культу-

ры Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет [3].

Соответственно, критерием разграничения использования персонажа художественного произведения на законное и незаконное выступает наличие или отсутствие разрешения (лицензии) правообладателя. Следовательно, внедоговорное использование персонажа является правонарушением и основанием гражданского-правовой ответственности. Внедоговорный характер такой ответственности позволяет сделать однозначный вывод относительно ее правовой природы. По мнению А.Л. Маковского, такая ответственность является деликтной, поскольку основанием ее возникновения является нарушение абсолютного исключительного права – деликт [4. С. 375–377].

Даже наличие лицензионного договора между обладателем исключительного права на персонаж и лицензиатом не исключает возникновения соответствующей деликтной ответственности. Речь идет о превышении пределов договорного использования персонажа за рамками предоставленных лицензиату полномочий. Обязанность не нарушать абсолютное исключительное право основана на законе, а не на договоре. Лицензиат, выйдя за пределы договорного использования, нарушает именно абсолютное право, следовательно, он является уже не должником, ненадлежащим образом исполнившим договорное обязательство, а лицом, причинившим вред, – деликвентом.

Поэтому основной формой гражданско-правовой ответственности за такие нарушения выступает возмещение убытков, состав и размер которых должны определяться по правилам ст. 15 ГК РФ. Исключением являются случаи, когда соответствующий лицензионный договор признается судом недействительным или является ничтожным по основаниям, предусмотренным нормами ГК РФ. В этих случаях судами удовлетворяются реституционные требования о приведении сторон в первоначальное положение и о взыскании неосновательного обогащения при наличии к тому достаточных оснований [5].

В сфере защиты исключительных прав предусмотренная нормами ст. 15 ГК РФ санкция применяется в случае возникновения у правообладателя убытков как в виде реального ущерба, так и в виде упущенной выгоды. В качестве реального ущерба могут выступать расходы правообладателя, которые он понес или неизбежно понесет при восстановлении своего нарушенного права. Эти расходы могут быть понесены при совершении контрольных закупок контрафактных товаров, на которых размещены персонажи мультфильмов, при получении информации, фиксирующей соответствующие нарушения, информации об объемах продаж контрафактных товаров и т.п.

Иначе говоря, все, что связано со сбором доказательств, подтверждающих факт причинения правообладателю такого вреда, будет считаться реальным ущербом. Если обладатель права на товарный знак,

в составе которого используется изображение персонажа, понес издержки по восстановлению своей репутации как производителя после пресечения деятельности по выпуску и распространению низкокачественного контрафактного товара, то они тоже включаются в состав реального ущерба.

Убытки, причиненные нарушением исключительного права на изображение персонажа произведения, могут выражаться и в форме упущенной выгоды. Такая потеря может проявляться либо в неполучении правообладателем вознаграждения за его незаконное использование, либо в неполучении доходов от самостоятельного использования персонажа при осуществлении определенной предпринимательской деятельности. И если будет доказано, что незаконный пользователь получил вследствие такого нарушения доход в определенной сумме, то правообладатель вправе требовать возмещения наряду с другими убытками и упущенной выгоды в размере, не меньшем, чем полученный нарушителем доход. Коммерческое использование персонажей, как правило, связано с производством товаров, на упаковке которых или в их внешнем виде воплощены известные всем художественные образы. Потребители, особенно дети, подсознательно ориентируются на эти образы и формируют необходимый для повышения объема продаж спрос. Нарушитель же, воплощая как в товарах и на их упаковке, так и в составе товарных знаков охраняемые авторским правом образы известных персонажей, значительно снижает свои издержки за счет неуплаты лицензионного вознаграждения правообладателю и тем самым уменьшает цены на эти товары.

Соответственно, не искушенный в юридических вопросах потребитель либо сознательно вводится в заблуждение относительно производителя и произведенного им товара, либо, чаще всего, намеренно делает свой выбор в пользу более дешевых товаров, реализуемых незаконными пользователями. Поэтому упущенная выгода может заключаться в неполучении потенциально возможных сумм вознаграждений, которые мог бы получить правообладатель, если бы незаконный пользователь приобрел право использовать персонаж на основании лицензионного договора.

Таким образом, производя и реализуя товары, в которых воплощаются образы известных персонажей, незаконный пользователь выступает в качестве недобросовестного конкурента правообладателя, используя такое конкурентное преимущество, как отсутствие затрат на получение от него необходимого разрешения. Кроме того, получая доходы за счет продажи контрафактных товаров, незаконный пользователь тем самым обогащается за счет правообладателя без достаточных к тому оснований, что не исключает применения норм главы 60 ГК РФ о неосновательном обогащении. Следует оговориться, что речь идет не о прямом применении этих норм, а о субсидиарном (ст. 1103 ГК РФ) по отношению к требованию о возмещении причиненного имущественного вреда.

Основной проблемой применения такой санкции, как возмещение убытков за незаконное использование

персонажа, как и любого другого объекта интеллектуальной собственности, является сложный процесс доказывания обстоятельств, которые учитываются судами для вынесения положительных решений. Речь идет о таких условиях деликтной ответственности, как наличие и размер имущественного вреда, а также прямая причинная связь между противоправным поведением незаконного пользователя и убытками правообладателя. При этом установление факта противоправности не вызывает особых сложностей, поскольку использование персонажа произведения, как и любого другого объекта авторского права, без разрешения правообладателя и за пределами режима свободного использования, предусмотренного нормами ст.ст. 1273–1280 ГК РФ, само по себе является противоправным. Поэтому правообладателю достаточно доказать факт отсутствия договорных лицензионных отношений между ним и незаконным пользователем либо разрешения, полученного в иной форме.

Для удовлетворения своих требований о взыскании упущенной выгоды правообладателю придется доказать либо размер своих неполученных доходов, либо размер доходов, которые были получены незаконным пользователем. На практике доказать наличие и размер причиненных убытков часто невозможно, поскольку использование таких персонажей является массовым, соответственно, и нарушения исключительных прав на них носят массовый характер. Правообладатель порой не в состоянии установить их точное количество, чтобы соотнести с количеством случаев лицензионного использования. Не менее сложной задачей является установление прямой причинной связи между убытками и фактами незаконного использования, что неоднократно подтверждалось и судебной практикой.

Например, в решении по спору, связанному с использованием коммерческого обозначения «Персонаж в виде зеленого человечка», по мнению суда, истцом не представлены доказательства противоправности действий ответчика, а также не установлена причинно-следственная связь между действиями ответчика и возникшей, по мнению истца, упущенной выгодой, не доказаны наличие и размер понесенных истцом убытков. Вследствие этого в удовлетворении требования правообладателя о возмещении ему убытков было отказано, вышестоящие суды оставили решение без изменений [6–8].

В связи с этим применение данной санкции постепенно утрачивает свое значение, и правообладатели все чаще обращаются с требованиями об уплате сумм денежных компенсаций, которые являются альтернативными способами защиты нарушенных исключительных прав и применяются по требованию правообладателей вместо возмещения убытков, как это прямо следует из норм ст. 1301 и п. 3 ст. 1252 ГК РФ. Эти нормы закрепляют три вида компенсации: фиксированная и двукратная, рассчитываемая либо от стоимости права использования произведения или его части, либо от цены контрафактных товаров, в которых воплощены персонажи произведений. При этом правообладателю предоставляется возможность выбирать

вариант определения размера компенсации из трех возможных. Следует сразу оговориться, что применение двукратной компенсации не вызывает каких-либо сложностей в практике ее применения, поскольку суды имеют достаточно четкие ориентиры для соответствующих расчетов в виде производимой и (или) реализуемой контрафактной продукции, воплощающей образы узнаваемых персонажей, либо уже известных сумм лицензионных вознаграждений за их использование другими лицами на основании разрешений правообладателя.

Что касается фиксированной компенсации, размер которой определяется по усмотрению суда исходя из характера нарушения в пределах стоимостной разницы от 10 тыс. до 5 млн рублей, то именно она является предметом дискуссий и неоднозначных оценок со стороны научного сообщества.

По мнению В.О. Старженецкого [9. С. 117] и А.В. Сятчихина [10. С. 107], эта санкция является заимствованием из англо-американского права, где она представляет собой институт «статутных убытков».

О.Н. Садиков полагает, что такую санкцию можно определить как «заранее оцененные убытки» [11. С. 14]; сходной точки зрения придерживается Ю.В. Романец [12]. Возражая против этого утверждения, следует заметить, что так называемые «заранее оцененные убытки» являются институтом исключительно договорного права, который сформировался также в англосаксонском праве. Их отличие от статутных убытков, размер которых или способ их определения закреплён в законе, заключается в том, что «заранее оцененные убытки» представляют собой особую контрактную оговорку, посредством которой стороны определяют фиксированные размеры возмещений за нарушение условий договора.

Данная компенсация представляет собой самостоятельную меру ответственности (способ защиты нарушенного права), отличающуюся от возмещения убытков как универсальной формы ответственности. Причины введения данной меры ответственности не материально-правовые, а процессуальные. Объясняется это тем, что при предъявлении соответствующих требований правообладателями стандарт доказывания по фиксированной компенсации явно пониженный — достаточно доказать факт нарушения, а размер убытков можно и не обосновывать.

В связи с этим следует согласиться с позицией С.В. Бутенко о том, что практическое значение данной меры ответственности «заключается в установлении априорно справедливого коридора гипотетических убытков, на взыскание которых может претендовать добросовестный истец» [13. С. 17].

Некоторые ученые обращают внимание на штрафной характер данной компенсации [14], другие считают, что указанные в нормах п. 3 ст. 1252 и ст. 1301 ГК РФ способы исчисления размеров возмещения правообладателям хотя и не характерны для частноправовых санкций, но все же не предопределяют вывода о штрафной природе компенсации [15. С. 12], поскольку она зачастую имеет восстановительный характер [16].

По общему правилу одной из функций гражданско-правовой ответственности в силу присущего ей компенсационного характера является восстановление нарушенных имущественных прав в полном объеме. Данный же вид ответственности не направлен на полное восстановление нарушенного исключительно права, на компенсацию в собственном смысле это слова, поскольку правообладатель может получить сумму, меньшую по сравнению с фактически понесенными убытками, размер которых доказать не представляется возможным.

Более того, компенсационный характер ответственности означает, что кредитор (потерпевший) не может обогащаться за счет должника (нарушителя). Правообладатель может получить сумму, значительно превышающую его фактические убытки, если суд сочтет его доводы достаточно убедительными, а ответчиком будет выступать юридическое лицо, в отношении которого суммы требований о выплате фиксированной компенсации обычно не снижаются. Рассчитывать на такую «милость» со стороны суда может только индивидуальный предприниматель в силу известных судебных позиций Конституционного Суда РФ [17].

Во всех случаях, когда суды сталкивались с нарушениями исключительных прав на персонажи, возникала проблема правильного расчета размера компенсаций, а именно, каким образом производить расчет соответствующих сумм: «один персонаж — одно нарушение» либо «одно произведение — одно нарушение».

Впервые единообразная практика применения норм о компенсациях начинает складываться после утверждения Президиумом ВС РФ 23 сентября 2015 г. Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав [18], многие положения которого оказали значительное влияние на последующую практику рассмотрения и разрешения подобных споров и были воплощены впоследствии в судебных позициях ВС РФ, закрепленных в Постановлении Пленума № 10 [19].

Из анализа п. 9 и 10 данного Обзора можно сделать вывод о несогласованности позиций Суда по интеллектуальным правам и Верховного Суда РФ.

Позиция Суда по интеллектуальным правам в этих спорах сводилась к тому, что даже если персонажи произведения представляют собой самостоятельные объекты исключительных прав, то их незаконное использование нарушает исключительное право на само произведение. Поэтому при совместном незаконном использовании этих персонажей имеет место один факт нарушения, соответственно, и размер компенсации определяется независимо от того, сколько контрафактных товаров с изображением персонажа было реализовано. По сути, в этой позиции выражено известное «правило одного чека», применяемое при защите исключительных прав на товарные знаки и воплощенное в п. 36 указанного Обзора.

Однако уже в п. 9 Обзора Верховный Суд РФ, отменяя своим определением постановление Суда по интеллектуальным правам, высказывает противополо-

ложную позицию по сходным категориям дел, указывая, что признание персонажей самостоятельными объектами исключительных прав может повлечь за собой нарушение исключительного авторского права на такой персонаж и взыскание сумм компенсации за каждый факт нарушения.

На первый взгляд видимых противоречий между позициями Суда по интеллектуальным правам и Верховного Суда РФ нет. Позиция Суда по интеллектуальным правам основана на обязанности истца доказать самостоятельность персонажа, в отношении которого у него имеется исключительное право.

Позиция Верховного Суда РФ сходна с ней, так как содержит вывод о том, что если доказана самостоятельность персонажа, то право на него является объектом нарушения, в противном случае нарушается право на произведение в целом. При этом в п. 10 Обзора содержится вывод о совместном использовании нескольких персонажей одного произведения как об одном факте незаконного использования, т.е. об одном правонарушении.

Следует отметить, что эти выводы прямо не следуют из тех судебных актов, которые лежат в основе данного обобщения практики, поскольку Суд по интеллектуальным правам неоднократно указывал, что незаконное использование персонажей, являющихся самостоятельными объектами авторских прав, является основанием для расчета компенсации как за единое правонарушение.

Последующая судебная практика, связанная с подобной категорией дел, складывалась уже в соответствии с этими позициями. В одних случаях суды устанавливали наличие нескольких последовательных нарушений исключительных прав в отношении изображений персонажей, являющихся самостоятельными объектами авторских прав, и приходили к выводу о необходимости применения к нарушителям мер ответственности в виде взыскания компенсации за каждый персонаж отдельно [20, 21]. В других подобных случаях судебные решения основывались на том, что совместное использование нескольких персонажей одного произведения является одним нарушением [22, 23].

Причиной подобных противоречивых подходов в судебной практике является игнорирование положения о том, что если персонаж произведения соответствует условиям охраноспособности, представляет собой самостоятельный результат творческой деятельности, узнаваем в отрыве от самого произведения, то нет никаких оснований для расчета сумм компенсации как за одно нарушение. Продажу нескольких экземпляров товара, в каждом из которых воплощен отдельный персонаж одного произведения, следует рассматривать как несколько нарушений, следовательно, расчет сумм компенсации следует производить по каждому из них отдельно.

Другой проблемой судебной практики по подобным категориям дел является возможность суда снижать размер ответственности нарушителя ниже того минимального предела, который был установлен абз. 3 п. 3 ст. 1252 ГК РФ, если права на неза-

конно используемые персонажи принадлежат одному правообладателю. Ранее указывалось, что Постановлением от 13 декабря 2016 г. № 28-П Конституционный Суд РФ дал правовую оценку нормам пп. 1 ст. 1301, пп. 1 ст. 1311 и пп. 1 п. 4 ст. 1515 ГК РФ, установив, что неконституционность этих положений в системной взаимосвязи с п. 3 ст. 1252 ГК РФ проявляется в том, что суды лишены возможности снижать общий размер компенсации ниже 50% при одновременном наличии ряда указанных в этом судебном акте условий.

Позиция Конституционного Суда РФ объясняется тем, что часто разница в имущественном положении правонарушителя и потерпевшего оказывается весьма существенной. Чаще всего ответчиками по искам обладателей исключительных прав на персонажи выступают индивидуальные предприниматели с невысокими доходами, а истцами-правообладателями являются крупные компании. Для таких нарушителей взыскиваемые судами суммы компенсаций являются настолько значительными, что после исполнения судебных решений встает вопрос о прекращении соответствующей предпринимательской деятельности. При этом заявляемые правообладателями требования по своим размерам значительно превышают их фактические имущественные потери. Сами правообладатели и действующие в их интересах организации по коллективному управлению правами даже не пытаются установить производителей контрафактных товаров, пресечь оптовые их поставки или предотвратить импорт этой продукции.

Реальное противодействие производству и распространению контрафактных товаров практически не осуществляется в силу отсутствия заинтересованности. Поэтому часто основной целью правообладателей и их представителей является получение постоянного дохода в виде сумм компенсаций по множеству заявленных требований.

Поскольку действующая редакция норм ст. 1301 и п. 3 ст. 1252 ГК РФ допускает снижение размера компенсации только до 50% суммы минимальных размеров всех компенсаций за допущенные нарушения в случаях, когда одним противоправным действием нарушались исключительные права на несколько объектов интеллектуальной собственности, то, по мнению Конституционного суда РФ, это не позволяло судам выносить решения с учетом гражданско-правовых принципов разумности и справедливости в силу законодательно закрепленного минимального размера компенсации.

На практике довольно часто одно действие по реализации товаров может быть направлено на нарушение нескольких исключительных прав: на изображение персонажа или его воплощение в объемной форме, на товарный знак, в составе которого используется персонаж. Размещение нескольких персонажей на одном товаре образует несколько самостоятельных нарушений исключительных прав на каждый из них. Поэтому, например, продажа футболки, на которой изображены несколько персонажей, может рассматриваться как несколько нарушений исключительных

прав. Соответственно, за каждое из этих нарушений правообладатель может потребовать взыскание компенсации от 10 тыс. рублей. Таким образом, совокупный размер суммы компенсации может быть значительным для нарушителя. Выходом из этой ситуации могли бы быть законодательное решение об исключении нижней границы компенсации и предоставление судам возможности самостоятельно определять размер взыскиваемой суммы с учетом принципов разумности и справедливости.

На практике компенсация обычно взыскивается за каждый случай нарушения исключительного права на персонаж при продаже товаров, на которых он изображен или воплощен в иной форме. Обычно речь идет об одной сделке по продаже соответствующего товара, причем не имеет принципиального значения количество единиц товара, а также одним чеком оформляется сделка или же отдельными чеками.

Например, если розничный продавец одновременно продал несколько футболок с изображением на каждой из них семи персонажей мультфильма одному покупателю или продал их по отдельности по разным договорам, суд должен квалифицировать это как семь нарушений, а не семьсот.

Поскольку персонажи, как и любые объекты авторских прав, не подлежат государственной регистрации, то нарушение исключительных прав на них при отсутствии вины нарушителей может встречаться достаточно часто. Розничному продавцу, приобретшему у изготовителя или у оптово-закупочной организации, в том числе и у импортера, товары, на которых размещены персонажи произведений, затруднительно установить правообладателей в отношении каждого персонажа.

При этом даже проявленные в достаточной степени заботливость и осмотрительность не помогут ему в этом. Такие нарушители практически лишены возможности взыскивать убытки с производителей или оптовых продавцов контрафактных товаров, так как нарушение исключительных прав связано с неправомерными действиями самого розничного продавца по реализации таких товаров.

В указанном ранее Постановлении Пленума от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении Части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» Верховным Судом РФ были установлены значительно более конкретные, по сравнению с ранее действовавшими, позиции по применению такой санкции, как взыскание суммы компенсации в размере от 10 тыс. до 5 млн рублей. Это прежде всего возложение на истца обязанности доказать соразмерность объема требования о взыскании суммы компенсации характеру того нарушения, которое было допущено ответчиком.

Такая обязанность истца служит объективной основой для принятия решений о размере присуждаемой компенсации наряду с учетом различных факторов. В качестве основного фактора может выступать форма вины нарушителя. Как известно, в гражданском праве нет зависимости размера возмещаемого вреда (убытков) от формы вины его причинителя,

к тому же согласно п. 2 ст. 1064 ГК РФ ее наличие презюмируется. При этом нормы гражданского законодательства не препятствуют потерпевшему предоставлять суду доказательства того, что незаконный пользователь действовал умышленно, знал об отсутствии у него прав на персонаж и намеренно совершал соответствующие противоправные действия по его незаконному использованию. Ответчик же может сослаться на отсутствие у него умысла, намерения причинить вред. С учетом представленных доказательств суд может снижать размер заявленной компенсации или же присудить требуемое истцу.

Другими факторами, на которые может ссылаться потерпевший, могут быть срок и периодичность незаконного использования. В частности, в абз. 4 п. 62 Постановления Пленума № 10 Верховным Судом были сформулированы условия, с помощью которых суды могли бы определять размеры компенсаций в каждом конкретном случае. При этом Верховный Суд РФ косвенно указывает, что каждое из этих условий имеет самостоятельное значение, кроме того, их перечень является открытым. Складывающаяся судебная практика показывает, что суды в своих актах просто перечисляют эти условия в той же последовательности, в какой они содержатся в п. 62 Постановления Пленума ВС РФ № 10, без должной оценки применительно к установленным обстоятельствам дела.

Подлежащие установлению обстоятельства, связанные с объектом нарушенных прав (например, его известность публике), должны учитываться судом как в пользу нарушителя, так и в пользу правообладателя. Применительно к исследуемой теме речь идет узнаваемости персонажей при их использовании отдельно от самого произведения.

Например, приобретая у поставщика партию игрушек – кукол, которые воплощают в себе персонажей известного мультипликационного сериала «Сказочный патруль», предприниматель может и должен знать о его известности у публики, особенно детей, следовательно, обязан удостовериться в наличии у поставщика (изготовителя) разрешения от правообладателя [24–26]. Таким образом, чем выше степень узнаваемости персонажа произведения, изображение которого используется при производстве товаров или в составе другого объекта интеллектуальной собственности, тем выше уровень доходов незаконного пользователя. При этом и размер ответственности должен быть выше, что исключает возможность для суда снизить размер компенсации.

Вызывает сомнения формулировка такого условия определения размера компенсации, как «характер допущенного нарушения», даже несмотря на данные в скобках «разъяснения», которые сами по себе ничего не разъясняют. Верховный Суд РФ, как и ранее Конституционный Суд РФ, опирается на использование законодателем данного словосочетания в тексте норм п. 3 ст. 1252, пп. 1 ст. 1301, пп. 1 ст. 1311 и пп. 1 ст. 1515 ГК РФ. Если словосочетание «характер нарушения» в данном контексте толковать как «характер правонарушения» применительно к конкретным условиям или обстоятельствам дела, это сразу позволяет говорить об оценочной категории.

Любое правонарушение есть деяние неправомерное, которое одновременно нарушает закрепленный в императивных нормах закона публичный запрет или публичную обязанность и субъективное право другого лица, что предопределяет его общественную опасность. При этом не имеет значения вид правонарушения, неважно, содержит ли противоправное деяние признаки состава преступления, административного проступка или гражданского правонарушения, – все они в определенной степени общественно опасны, поскольку способны причинить вред как отдельным лицам, так и обществу в целом. Поэтому «характер правонарушения» является тем критерием, с помощью которого можно определить место конкретного правонарушения в системе сходных явлений, квалифицировать его с точки зрения видообразующих признаков состава и применить соответствующие отраслевые санкции: уголовно-правовые, административно-правовые или гражданско-правовые.

Поэтому используемое в доктрине понятие «характер правонарушения» с точки зрения его внутреннего содержания неприменимо при принятии решения относительно определения размера компенсации. В данном случае противоправное деяние уже квалифицировано как гражданско-правовой деликт, и речь идет о применении санкций гражданско-правовой ответственности, одной из которых является взыскание компенсации.

Следовательно, данное понятие необходимо толковать в его «узком значении», с точки зрения характеристики поведения нарушителя с учетом всех обстоятельств дела. Следует отметить, что данное словосочетание стало использоваться в судебной практике раньше, чем оно было закреплено в законе в качестве критерия определения размера компенсации за незаконное использование объекта интеллектуальной собственности. Учитывая характер совершенного незаконным пользователем правонарушения, суд должен дать оценку степени его социальной вредности, связанной с вторжением в монополию правообладателя.

Поэтому вызывает сомнение разъяснение Верховного Суда РФ по отношению к категории «характер допущенного нарушения», которое выразилось в двух формулировках – «размещен ли товарный знак на товаре самим правообладателем или третьими лицами без его согласия, осуществлено ли воспроизведение экземпляра самим правообладателем или третьими лицами». Если, например, персонаж включен в состав товарного знака самим правообладателем или сам правообладатель воспроизводит экземпляры произведения, то он тем самым реализует свое исключительное право.

Следовательно, в данном случае нет необходимости оценивать действия правообладателя с точки зрения их «правомерности–неправомерности». Если речь идет о товарном знаке, то он совершает предусмотренные пп. 1 п. 2 ст. 1484 ГК РФ действия по использованию товарного знака.

Если объектом использования является произведение как объект авторского права или же его само-

стоятельная часть (персонаж или название), то правообладатель совершает действия, предусмотренные пп. 1 п. 2 ст. 1270 ГК РФ. Поскольку в п. 62 Постановления Пленума ВС РФ № 10 разъяснения даются в отношении применения санкций против нарушителя, то речь идет о незаконном пользователе, который совершает любое из этих действий, не имея разрешения (лицензии) от правообладателя, либо выходит за пределы соответствующей лицензии. Данное правонарушение может быть охарактеризовано с точки зрения незаконности иных действий по использованию соответствующего объекта интеллектуальной собственности. В отношении произведений и персонажей произведений это действия, указанные в п.п. 2–11 ст. 1270 ГК РФ, а в отношении товарных знаков – в п.п. 4 и 5 ст. 1484 ГК РФ.

Например, организация, осуществляющая производство игрушек, приобрела на основании лицензионного договора право использовать изображения персонажей мультипликационного фильма только посредством воспроизведения и распространения экземпляров соответствующих изображений – изготовления фигурок и их продажи. Пока лицензиат остается в рамках лицензионных условий, нарушение отсутствует, но если же он изготавливает и размещает в сети Интернет рекламные ролики, в составе которых имеются соответствующие персонажи, то имеет место незаконное использование.

В судебной практике чаще всего имеют место следующие спорные ситуации: розничные продавцы, чаще всего индивидуальные предприниматели, приобретают контрафактные товары, которые воплощают в себе персонажей известных аудиовизуальных произведений, с целью последующего распространения [27–29].

Соответственно, если исходить из логики Верховного Суда РФ, производители контрафактных экземпляров произведений и есть те «третьи лица», которые их «воспроизводят», т.е. совершают предусмотренные пп. 1 п. 2 ст. 1270 и пп. 1 п. 2 ст. 1484 ГК РФ действия без разрешения правообладателя. Соответственно, виновным в этой ситуации оказывается тот самый индивидуальный предприниматель, чьи интересы взял под защиту Конституционный Суд РФ в Постановлении от 13.12.2016 г. № 28-П.

В связи с этим возникает вопрос: если подобные ситуации, по мнению Верховного Суда РФ, позволяют определить «характер допущенного нарушения», то как данное условие соотносится с другими, поименованными в п. 62 Постановления Пленума ВС РФ № 10, в частности с таким, как «наличие и степень вины нарушителя»? Если вину можно трактовать как «сознательное и осознанное психическое отношение правонарушителя к своему противоправному поведению и его результату» [30. С. 54], то ее степень является количественным показателем интенсивности и глубины такого отношения нарушителя к совершенному им правонарушению [31. С. 68].

Иными словами, приобретая товар для целей розничной торговли, предприниматель должен проявить в достаточной степени заботливость и осмотритель-

ность, чтобы убедиться в его «юридической чистоте». Соответственно, ответчик вправе ссылаться на свою неосведомленность в данном вопросе. Таким образом, Верховный Суд расширяет возможности применения судейского усмотрения при определении норм о штрафной компенсации, учитывая как интересы правообладателя, так и заслуживающие внимания обстоятельства дела, которые характеризуют как объективную, так и субъективную сторону совершенного незаконным пользователем правонарушения.

Санкции (компенсации), установленные в пп. 1 ст. 1301, пп. 1 ст. 1406.1 и пп. 1 п. 2 ст. 1515 ГК РФ, являются мерами юридической ответственности, которая носит в значительной степени штрафной характер и не в полной мере соответствует цели восстановления нарушенных прав правообладателей. Сами нормы сформулированы настолько неудачно, что суды испытывают трудности с их применением в тех случаях, когда объектом незаконного использования является несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, в частности персонажей произведений.

Разъяснения Верховного Суда РФ в этой части носят достаточно поверхностный характер, представлены несистемно и противоречат доктринальным положени-

ям науки гражданского права. Для устранения этого недостатка и в целях реализации принципов справедливости, равенства участников гражданских отношений необходимо исключить из этих норм «нижний порог компенсации» (от 10 тыс. рублей). Суды на основании оценки степени вины нарушителя и его добросовестности при использовании соответствующих объектов авторских прав должны иметь возможность определять размер компенсации по своему усмотрению с учетом только «верхнего порога компенсации» (до 5 млн рублей). Для этого необходимо внести соответствующие изменения в указанные нормы ГК РФ.

На основании вышеизложенного предлагается:

Изложить п. 1 ст. 1301 ГК РФ в следующей редакции: «1) в размере до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда исходя из характера нарушения».

Изложить пп. 1 ст. 1406.1 ГК РФ в следующей редакции: «1) в размере до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда исходя из характера нарушения».

Изложить пп. 1 п. 4 ст. 1515 ГК РФ в следующей редакции: «1) в размере до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда исходя из характера нарушения».

Список источников

1. Решение Суда по интеллектуальным правам от 22.06.2020 по делу № СИП-1006/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Смирнова Е.А., Медведев Д.В. Согласие правообладателя как один из способов распоряжения исключительным правом // Закон. 2016. № 8. С. 154–162.
3. Об утверждении Правил размещения заявлений правообладателей о предоставлении любым лицам возможности безвозмездно использовать произведения науки, литературы, искусства либо объекты смежных прав на определенных правообладателем условиях и в течение указанного им срока : постановление Правительства РФ от 08.06.2019 № 745 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Комментарий к Части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (поглавный) / Г.Е. Авилов, К.В. Всеволожский, В.О. Калятин и др. ; под ред. А.Л. Маковского. М. : Статут, 2008. 715 с.
5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16.12.2019 № 09АП-69185/2019 по делу № А40-71763/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 05.05.2016 № 09АП-3526/2016-ГК по делу № А40-138017/13 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 03.10.2016 № C01-1402/2014 по делу № А40-138017/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Определение Верховного Суда РФ от 08.12.2016 № 305-ЭС15-5356 по делу № А40-138017/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Старженецкий В.В. Статутные убытки в праве интеллектуальной собственности РФ: эволюция и актуальные проблемы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 10. С. 116–147.
10. Сятчихин А.В. Компенсация за нарушение исключительных прав: статутные или заранее оцененные убытки? // Ex Jure. 2019. № 3. С. 97–109.
11. Садиков О.Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации. М. : Статут, 2009. 221 с.
12. Романин Ю.В. Восстановительная природа гражданской ответственности // Законодательство. 2011. № 4. С. 11–21.
13. Бутенко С.В. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 О средствах индивидуализации. Часть I // Патенты и лицензии. 2020. № 7. С. 12–21.
14. Рузакова О.А., Пирогов А.И. Компенсация и убытки: соотношение институтов // Патенты и лицензии. 2019. № 1. С. 13–20.
15. Краснова С.А. О правовой природе компенсации за нарушение исключительных прав в свете Определения Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П // Российская юстиция. 2018. № 1. С. 10–13.
16. Гаврилов Э. Компенсация за нарушение исключительных прав и некоторые новые аспекты ее применения // Хозяйство и право. 2013. № 7. С. 3–21.
17. По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края : постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П // СПС «КонсультантПлюс».
18. Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015 // СПС «КонсультантПлюс».
19. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 // СПС «КонсультантПлюс».
20. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 22.08.2017 № C01-604/2017 по делу А08-3407/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
21. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 23.12.2019 № C01-1073/2019 по делу № А40-275526/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
22. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 20.08.2019 № C01-705/2019 по делу № А82-10321/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
23. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 28.02.2020 № C01-1598/2019 по делу № А79-12943/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

24. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 10.08.2020 по делу № А33-17394/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
25. Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 20.07.2020 № 06АП-2374/2020 по делу № А04-449/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
26. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.06.2020 № 16АП-1661/2020 по делу № А63-24472/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
27. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 04.06.2018 № С01-292/2018 по делу № А84-2288/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
28. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 08.11.2017 № С01-734/2017 по делу № А43-28137/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
29. Определение Верховного Суда РФ от 27.04.2017 № 308-ЭС17-3299 по делу № А32-29419/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
30. Шепель Т.В. Вина в гражданском праве // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Право. 2014. Т. 10, № 2. С. 50–55.
31. Юрчак Е.В. Понятие «степень вины» как теоретическая характеристика вины и критерий индивидуализации юридической ответственности // Современные исследования социальных проблем : электрон. науч. журнал. 2010. № 10. С. 66–73.

References

1. Consultant Plus. (2020) *Decision of the Court for Intellectual Property Rights of 22.06.2020 in case No. SIP-1006/2019*. (In Russian).
2. Smirnova, E.A. & Medvedev, D.V. (2016) *Soglasie pravoobladatelya kak odin iz sposobov rasporyazheniya iskluchitel'nym pravom* [The consent of the right holder as one of the ways to dispose of the exclusive right]. *Zakon*. 8. pp. 154–162.
3. Consultant Plus. (2019) *On the approval of the rules for placing applications from right holders to provide any person with the opportunity to use works of science, literature, art or objects of related rights free of charge on the conditions determined by the right holder and within the period they specified: Decree of the Government of the Russian Federation of 08.06.2019 No. 745*. (In Russian).
4. Makovskiy, A.I. (ed.) (2008) *Kommentariy k Chasti chetvertoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii (poglavnyy)* [Commentary to Part Four of the Civil Code of the Russian Federation (by chapters)]. Moscow: Statut.
5. Consultant Plus. (2019) *Judgment of the Ninth Arbitration Court of Appeal of December 16, 2019 No. 09AP-69185/2019 in case No. A40-71763/2019*. (In Russian).
6. Consultant Plus. (2016) *Judgment of the Ninth Arbitration Court of Appeal of 05.05.2016 No. 09AP-3526/2016-GK in case No. A40-138017/13*. (In Russian).
7. Consultant Plus. (2016) *Judgment of the Court for Intellectual Property Rights of 03.10.2016 No. C01-1402/2014 in case No. A40-138017/2013*. (In Russian).
8. Consultant Plus. (2016) *Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 08.12.2016 No. 305-ES15-5356 in case No. A40-138017/2013*. (In Russian).
9. Starzhenetskiy, V.V. (2015) *Statutnye ubytki v prave intellektual'noy sobstvennosti RF: evolyutsiya i aktual'nye problemy* [Statutory damages in the intellectual property law of the Russian Federation: evolution and current problems]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. 10. pp. 116–147.
10. Syatchikhin, A.V. (2019) *Kompensatsiya za narushenie iskluchitel'nykh prav: statutnye ili zaranee otsenennye ubytki?* [Compensation for infringement of exclusive rights: statutory or liquidated damages?]. *Ex Jure*. 3. pp. 97–109.
11. Sadikov, O.N. (2009) *Ubytki v grazhdanskom prave Rossiyskoy Federatsii* [Losses in the civil law of the Russian Federation]. Moscow: Statut.
12. Romanets, Yu.V. (2014) *Vosstanovitel'naya priroda grazhdanskoj otvetstvennosti* [Restorative nature of civil liability]. *Zakonodatel'stvo*. 4. pp. 11–21.
13. Butenko, S.V. (2020) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii № 10 O sredstvakh individualizatsii. Chast' I* [Judgment of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10 On means of individualization. Part I]. *Patenty i litsenzii*. 7. pp. 12–21.
14. Ruzakova, O.A. & Pirogov, A.I. (2019) *Kompensatsiya i ubytki: sootnoshenie institutov* [Compensation and losses: relations between institutions]. *Patenty i litsenzii*. 1. pp. 13–20.
15. Krasnova, S.A. (2018) *O pravovoy prirode kompensatsii za narushenie iskluchitel'nykh prav v svete Opredeleniya Konstitutsionnogo Suda RF ot 13.12.2016 № 28-P* [On the legal nature of compensation for violation of exclusive rights in the light of the Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 13, 2016, No. 28-P]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 1. pp. 10–13.
16. Gavrilov, E. (2013) *Kompensatsiya za narushenie iskluchitel'nykh prav i nekotorye novye aspekty ee primeneniya* [Compensation for violation of exclusive rights and some new aspects of its application]. *Khozyaystvo i pravo*. 7. pp. 3–21.
17. Consultant Plus. (2016) *In the case of checking the constitutionality of Sub-item 1 of Article 1301, Sub-item 1 of Article 1311 and Sub-item 1 of Item 4 of Article 1515 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the requests of the Arbitration Court of Altai Krai: Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 13, 2016, No. 28-P*. (In Russian).
18. Consultant Plus. (2015) *Review of judicial practice in cases related to the resolution of disputes on the protection of intellectual property: approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on September 23, 2015*. (In Russian).
19. Consultant Plus. (2019) *On the application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation: Judgment of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 23, 2019, No. 10*. (In Russian).
20. Consultant Plus. (2016) *Judgment of the Court for Intellectual Property Rights of August 22, 2017, No. C01-604/2017 in case A08-3407/2016*. (In Russian).
21. Consultant Plus. (2018) *Judgment of the Court for Intellectual Property Rights of December 23, 2019, No. C01-1073/2019 in case No. A40-275526/2018*. (In Russian).
22. Consultant Plus. (2021) *Judgment of the Court for Intellectual Property Rights of August 20, 2019, No. C01-705/2019 in case No. A82-10321/2018*. (In Russian).
23. Consultant Plus. (2020) *Judgment of the Court for Intellectual Property Rights of February 28, 2020, No. C01-1598/2019 in case No. A79-12943/2018*. (In Russian).
24. Consultant Plus. (2019) *Judgment of the Third Arbitration Court of Appeal of August 10, 2020 in case No. A33-17394/2019*. (In Russian).
25. Consultant Plus. (2020) *Judgment of the Sixth Arbitration Court of Appeal of July 20, 2020 No. 06AP-2374/2020 in case No. A04-449/2020*. (In Russian).
26. Consultant Plus. (2020) *Judgment of the Sixteenth Arbitration Court of Appeal of June 29, 2020, No. 16AP-1661/2020 in case No. A63-24472/2019*. (In Russian).
27. Consultant Plus. (2017) *Judgment of the Court for Intellectual Property Rights of June 4, 2018, No. C01-292/2018 in case No. A84-2288/2017*. (In Russian).
28. Consultant Plus. (2017) *Judgment of the Intellectual Property Court of 08.11.2017 No. C01-734/2017 in case No. A43-28137/2016*. (In Russian).
29. Consultant Plus. (2016) *Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of April 27, 2017, No. 308-ES17-3299 in case No. A32-29419/2016*. (In Russian).

30. Shepel', T.V. (2014) Vina v grazhdanskom prave [Guilt in civil law]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pravo*. 10 (2). pp. 50–55.
31. Yurchak, E.V. (2010) Ponyatie "stepen' viny" kak teoreticheskaya kharakteristika viny i kriteriy individualizatsii yuridicheskoy otvetstvennosti [The concept "degree of guilt" as a theoretical characteristic of guilt and a criterion for the individualization of legal responsibility]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem: elektron. nauch. zhurnal*. 10. pp. 66–73.

Информация об авторе:

Копылов А.Ю. — канд. юрид. наук, аналитик Научно-образовательного центра «Интеллектуальная собственность и интеллектуальные права», доцент кафедры гражданского права Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: akop67@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.Yu. Kopylov, Cand. Sci. (Law), associate professor, analyst, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: akop67@mail.ru

The author declares no conflicts of interest.

*Статья поступила в редакцию 14.02.2022;
одобрена после рецензирования 25.02.2022; принята к публикации 20.05.2022.*

*The article was submitted 14.02.2022;
approved after reviewing 25.02.2022; accepted for publication 20.05.2022.*

Научная статья
УДК 349.41
doi: 10.17223/15617793/478/28

Управление неиспользуемыми или используемыми с нарушением законодательства Российской Федерации земельными участками сельскохозяйственного назначения: сравнительно-правовой аспект

Елена Александровна Позднякова¹

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, elenaap7306@mail.ru*

Аннотация. Предметом исследования являются управленческие решения в отношении неиспользуемых или используемых с нарушением законодательства Российской Федерации земельными участками сельскохозяйственного назначения. Основанием для проведения исследования послужила низкая эффективность действующего сегодня российского законодательства в данной области. Поскольку указанная проблема в мире уже успешно решена, целесообразно исследовать ее, применяя сравнительно-правовой метод к изучению успешного опыта зарубежных стран.

Ключевые слова: земельные участки сельскохозяйственного назначения, земельный фонд, управление, принудительная аренда, торги, изъятие, экономическое стимулирование

Для цитирования: Позднякова Е.А. Управление неиспользуемыми или используемыми с нарушением законодательства Российской Федерации земельными участками сельскохозяйственного назначения: сравнительно-правовой аспект // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 236–243. doi: 10.17223/15617793/478/28

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/28

Management of unused or used agricultural land plots in violation of the legislation of the Russian Federation: A comparative legal aspect

Elena A. Pozdnyakova¹

¹ *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, elenaap7306@mail.ru*

Abstract. The involvement in the turnover of unused or used agricultural land plots in violation of the legislation of the Russian Federation is connected with the message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly in 2015, in which this problem was voiced. In 2016 the legislator did some work, the essence of which was to create a legal basis for the seizure of agricultural land plots from their owners in case of their non-use for their intended purpose or use in violation of the legislation of the Russian Federation. Consolidating this position, the legislator touched upon the institution of property rights protection. This study aims to protect the rights of owners and to demonstrate the ineffectiveness of such a measure. Russia has previously taken steps to encourage owners of such land plots through the taxation system, but this did not give the expected result. Thus, it should be stated that we do not yet have an effective mechanism for solving this problem. Along with the compulsory termination of property rights, developed countries are aware of other mechanisms for improving the efficiency of the use of agricultural land, such as: planning, development by the authorities of measures to assist owners of land plots, forced leasing of such plots, carrying out works to preserve the landscape. In order to examine these measures, the legal framework, research works, and experience of the European Union, the UK, Germany, Italy, the Netherlands, Norway, recognized by the world community as the most successful in the development of agriculture, were analyzed using historical, logical, comparative-legal, and other methods of research. The mechanisms of agricultural land management in developed countries, including constitutional guarantees for the protection of property rights and the success of the implementation of alternative methods, proven by practice in order to apply them on the territory of Russia, were studied. As a result of the analysis, the author came to the conclusion that the forced deprivation of property rights does not solve the stated problem, which is confirmed by the criticism of the scientific community and statistical data for the last five years. In addition, the legislator, fixing the compulsory termination of ownership of agricultural land plots, probably doubts the successful implementation of such a mechanism, since they provide for the responsibility of the new owner of the land plot seized and sold at auction if the owner does not start using it for its intended purpose within a year from the moment of its acquisition. Thus, an alternative solution to the problem could be the management mechanisms of countries successful in agriculture – mechanisms that can be fixed in the current legislation of Russia.

Keywords: agricultural land plots, land fund, management, forced lease, auction, withdrawal, economic incentives

For citation: Pozdnyakova, E.A. (2022) Management of unused or used agricultural land plots in violation of the legislation of the Russian Federation: A comparative legal aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 236–243. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/28

Введение

В последнее время одной из актуальных проблем стало сокращение земель сельхозназначения. Необходимо отметить, что это проблема не только России. Как отмечается в литературе, некоторое уменьшение занятых под аграрное производство земель – процесс неизбежный, происходящий по всем странам, и в определенных рамках естественный: сельское хозяйство в современном мире развивается путем интенсификации, а не посредством освоения новых площадей, и застраиваемые территории постоянно требуют расширения [1. С. 228].

По мнению российских законодателей, вводить такие земли в гражданский оборот нужно, и решением данной проблемы должен стать механизм изъятия неиспользуемых или используемых с нарушением законодательства Российской Федерации земельных участков сельхозназначения. Такое изъятие закреплено как нормами Гражданского кодекса РФ [2], а именно ст. 284, 285, 286, так и в земельном законодательстве, в частности в ФЗ от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [3]. Позднее был принят ФЗ от 3 июля 2016 г. № 354 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования порядка изъятия земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения при их неиспользовании по целевому назначению или использовании с нарушением законодательства Российской Федерации» (далее – закон № 354) [4].

Вначале нам необходимо определить, насколько оправданным является применение такой меры, как принудительное изъятие неиспользуемого или используемого с нарушением законодательства Российской Федерации земельного участка у его собственника. Отметим, что изъятие указанных земельных участков известно многим странам. Данный институт является частью системы управления земельными ресурсами, которая в научной среде определяется как совокупность институтов, формирующих и регулирующих земельные отношения, системы государственного кадастра и механизмов, обеспечивающих возможность эффективного использования экономических и административных методов воздействия на субъекты земельных отношений в рамках действующей земельной политики, отражающей стратегические цели государства в области использования земельных ресурсов [5. С. 231–234]. Таким образом, мы будем осуществлять оценивание с точки зрения эффективности работы института изъятия неиспользуемых или используемых с нарушением законодательства РФ земельных участков сельхозназначения.

Многообразие форм управления земельными участками сельскохозяйственного назначения как показатель эффективности

Конституция РФ [6], являясь основным законом страны, закрепляет в своих нормах защиту прав собственников. Таким образом, принудительное прекращение права собственности на неиспользуемый или используемый с нарушением законодательства РФ земельный участок должно быть законным и обоснованным и, по нашему мнению, применяться только в самых крайних случаях. Во всех остальных случаях речь должна идти не столько об увеличении площадей путем вовлечения их в оборот, сколько о рационально-целевом использовании уже имеющихся площадей. Нужно также сказать о том, что же следует понимать под «рационально-целевым использованием» таких земельных участков.

Е.В. Пантин, анализируя опыт Евросоюза, в частности Регламент № 1782/2003 [7], отмечает: «Законодательно было закреплено, что целевое использование земель сельскохозяйственного назначения может носить не только активный (производство сельскохозяйственной продукции), но и пассивный характер (сохранение ее плодородия) в отсутствие сельскохозяйственного производства» [8. С. 46]. Речь идет в данном случае о том, что фермер получает право не использовать принадлежащую ему землю сельскохозяйственного назначения, сохраняя государственные субсидии, но при условии поддержания земельного участка в хороших агрономических и агроэкологических условиях [8. С. 46].

Мы находим подтверждение такому выводу не только у юристов, но и у специалистов других отраслей. Так, по мнению доктора экономических наук, профессора Н.И. Шагайды, возможно, и не нужно сильно озадачиваться вовлечением в оборот неиспользуемых земель: «В настоящее время большинство земель, которые приносят экономический эффект, и так используется. Безусловно, потенциал вовлечения еще есть, однако он соизмерим с общей площадью неиспользуемых угодий. Реальный и экономически целесообразный масштаб сокращения неиспользуемых сельхозугодий за счет расширения посевов составляет, по нашим оценкам, примерно 5% к факту в горизонте двух-трех ближайших лет и до 13% к 2025 г.» [9. С. 9].

Оценивая причины успеха стран Европейского союза в части использования земель сельскохозяйственного назначения, Ю.А. Лютых отмечает, что одной из них является модель государственного регулирования землепользования, которая была построена на основе использования опыта проведения землеустройства в бывшем СССР. В ее основе лежат национальные программы использования и охраны земель,

региональные и местные комплексные планы развития землепользования и проекты землеустройства [10. С. 3]. Как справедливо отмечают ученые, земельное законодательство того периода обладает несомненным преимуществом по сравнению с актами XXI в., когда многие достаточно эффективные механизмы обеспечения продовольственной безопасности оказались утраченными, а сиюминутный коммерческий интерес в использовании земель оказывается решающим в ущерб защите земель, обладающих почвенным плодородием, другими уникальными природными свойствами [11–14].

С момента принятия закона № 354 прошло уже больше пяти лет. Нормы данного закона, по мнению ряда специалистов, далеки от совершенства и не могут обеспечить высокую эффективность механизма изъятия [15–17], причем это подчеркивалось, когда он был еще в статусе законопроекта [18]. Вероятно, и сами законодатели сомневались в том, что приход нового собственника точно решит проблему. Иначе как объяснить прописанную ими для нового собственника такого земельного участка ответственность в том случае, если он не начнет использование приобретенного земельного участка по назначению в течение года с момента возникновения права собственности на него?

Необходимо также отметить, что еще до принятия закона № 354 государство предпринимало попытку стимулировать собственников к использованию таких земельных участков через систему налогообложения. В частности, С.В. Крашенинников указывал, что такой механизм активно применяется по всей России, что позволило подвинуть собственников неиспользуемых земель к принятию оптимального решения [19]. Однако позднее автор признал, что данная мера не способна решить в полном объеме обозначенную проблему, и говорил о том, что задача по введению в оборот земель сельскохозяйственного назначения кроется именно в создании условий для увеличения объемов производства сельскохозяйственной продукции, повышения занятости населения в сельской местности, ускорения развития территорий и увеличения налогооблагаемой базы [20. С. 106].

Все вышеперечисленное, по нашему мнению, говорит о сложности сложившейся ситуации и необходимости ее разрешения комплексно. Исходя из этого, следует проанализировать и иные подходы, разработанные за рубежом. Для этого обратимся к имеющему опыту передовых государств.

На наш взгляд, центральным субъектом решения данной проблемы должно стать само государство посредством усиления публичных начал в вопросах управления землями сельскохозяйственного назначения. В частности, речь идет о таком институте, как планирование. Например, во Франции применяются картирование и составление планов по землепользованию [21]. В Нидерландах ключевой составляющей планирования использования земель является утверждаемый на местном уровне План распределения соответствующей территории [22].

В Великобритании современная система планирования землепользования всех типов земель действует

с 1947 г. (закреплена в Акте по планированию городских и сельских территорий), ее основной принцип – возложение всей ответственности по данному вопросу на местные органы власти, которые наделены полномочиями контролировать весь процесс планирования развития земель [9. С. 177]. Сегодня основным законодательным актом в Англии и Уэльсе является Закон о городском и сельском планировании 1990 г. [23].

На наш взгляд, такое планирование нужно и в России; конечно же, при этом необходимо учитывать все имеющиеся у нас особенности, включая географическое расположение, историческое развитие общества и законодательства, специфику выстраиваемых отношений в сельском хозяйстве. Подобный план позволит не только более эффективно использовать земельные ресурсы, но и сбалансировать публичные и частные интересы общества.

Помимо этого, заслуживает внимания такое управленческое решение, как принудительная сдача в аренду неиспользуемого или используемого с нарушением законодательства земельного участка сельскохозяйственного назначения.

Например, в Италии государственный контроль за оборотом земель сельскохозяйственного назначения сводится к возможности принудительной сдачи в аренду или продажи участка другим пользователям, если фермер самостоятельно не обеспечивает ведение хозяйства необходимым образом, что гарантирует эффективное использование земель сельскохозяйственного назначения [9. С. 127].

Интересным является решение данного вопроса в Норвегии. В соответствии с Законом о земле № 23 от 12 мая 1995 г. [24] установлена процедура, которой следует власть в отношении собственников и арендаторов и их неиспользуемых или деградированных земель, закрепляющая следующие шаги: разработка распоряжения для собственника или арендатора о мерах, которые он должен предпринять, чтобы земля могла обрабатываться с полезным эффектом в сложившихся условиях; владелец может быть принужден к передаче своей земли в аренду на срок, не превышающий 10 лет; если состояние земли фактически непригодно для прибыльной сельскохозяйственной деятельности, Министерство может выпустить распоряжение о том, чтобы на такой земле были размещены лесные насаждения или проведены работы по сохранению ландшафта; если распоряжения не выполнены, то Министерство сельского хозяйства имеет право принять решение о полной или частичной экспроприации имущества для передачи его более эффективному собственнику или арендатору [25. С. 100].

Необходимо, проанализировав институт принудительной сдачи в аренду указанных участков, ответить на вопрос о том, каковы его преимущества перед принудительным изъятием таких участков, а также о возможности его применения в России и ожидаемых результатах в случае его реализации.

Если говорить о преимуществах, то, по нашему мнению, можно выделить следующие.

Во-первых, покупая такие земельные участки, будущие собственники уплачиваемую цену расценивают

как некое инвестирование, а сами участки – как объекты недвижимости, при этом довольно часто не имея намерения использовать их по назначению. При аренде арендаторы уплачивают собственникам арендную плату (чаще всего ежемесячно, хотя период может быть избран и другой), и если землю не использовать, то такие выплаты становятся невыгодными чисто экономически, что побуждает арендаторов к активной модели поведения по отношению к использованию земельных участков.

Во-вторых, аренда земельного участка, в отличие от прекращения права собственности, всегда носит срочный характер, что позволяет оценить арендатора с точки зрения его серьезности и возможности обрабатывать земельный участок по назначению, т.е. заниматься сельским хозяйством.

Институт аренды земельных участков имеет отличительные особенности, которые, по мнению специалистов, сформировались в связи с тем, что такой институт регулируется совокупностью норм гражданского и земельного законодательства [26. С. 72]. В связи с этим аренда земельных участков обладает сложным, совокупным характером [27. С. 102]. Если говорить о возможности имплементации норм зарубежного законодательства в части принудительной сдачи в аренду неиспользуемых или используемых с нарушением законодательства Российской Федерации земельных участков сельскохозяйственного назначения, то механизм ее реализации нам представляется как совокупность следующих действий: выявление таких участков, предписание об устранении недостатков в установленный срок с одновременным применением административной ответственности, в случае неустранения недостатков в установленный срок – обращение в суд. На наш взгляд, обращение в суд необходимо сохранить в этой процедуре по аналогии с изъятием таких участков, поскольку «принудительная аренда» фактически предусматривает «понууждение к заключению договора», а это возможно только в судебном порядке. Далее должна идти процедура организации торгов в целях поиска потенциального арендатора и заключения с ним договора. Сегодня торги проводятся только в форме аукциона. Мы, разделяя точку зрения ряда ученых, которые считают, что конкурсный порядок позволил бы устанавливать конкретные условия использования предоставляемых земельных участков и требования к лицам, их получающим, что особенно важно в отношении земель сельскохозяйственного назначения, считаем, что его необходимо применить и к процедуре принудительной передачи в аренду указанных земельных участков [28. С. 17; 29. С. 44]. Организационные процедуры проведения торгов должны быть аналогичны тем, которые применяются при сдаче в аренду земельных участков, находящихся в государственной либо муниципальной собственности.

Действующая сегодня редакция ст. 6 ФЗ от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» предусматривает судебный порядок изъятия с последующей реализацией на торгах неиспользуемых или используемых с нарушением

законодательства РФ земельных участков сельскохозяйственного назначения. Если желающих приобрести такой участок не найдется и муниципалитет не воспользуется своим правом на его приобретение, то его обязан приобрести в государственную собственность орган исполнительной власти субъекта РФ. Земли, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, чаще всего сдаются в аренду. Таким образом, мы вновь приходим к аналогичному решению, т.е. сдаче в аренду, но только уже после смены собственника. Если использовать «принудительную сдачу в аренду», то можно существенно сэкономить время и ресурсы на решение проблемы.

Кроме того, следует подумать: так ли уж необходимо, чтобы такие земельные участки переходили в государственную собственность, – поскольку ученые отмечают, что к числу проблем российской экономической реальности следует отнести перегруженность государственного сектора и неэффективность государственной собственности [30. С. 20].

Учитывая вышеизложенное, считаем, что институт «принудительной сдачи в аренду» неиспользуемых или используемых с нарушением законодательства РФ земельных участков сельскохозяйственного назначения может быть закреплён и нормами российского законодательства, с учетом опыта сдачи в аренду земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности. Более того, он позволит сделать доступными земельные участки сельскохозяйственного назначения для более широкого круга лиц, желающих работать на земле, так как при процедуре изъятия и реализации с торгов их могут приобрести только те лица, которые располагают достаточными финансовыми возможностями.

Еще одним управленческим решением, закреплённым Законом Норвегии о земле, если состояние земли фактически непригодно для прибыльной сельскохозяйственной деятельности, является возможность посадить на таких земельных участках лесные насаждения или провести работы по сохранению ландшафта.

В немецком законодательстве, в частности в Законе земли Баден-Вюртемберг от 14 марта 1972 г. о сельском хозяйстве и агрокультуре [31], закрепляется норма, согласно которой сельское хозяйство и лесное хозяйство являются экономической основой общества. Задачами сельского хозяйства выступают производство безопасных продуктов питания в достаточном количестве, а также оформление и забота о ландшафтах, другие меры.

Полагаем, что такое решение возможно использовать и в России. Во всяком случае с недавнего времени законодателем официально была закреплена возможность использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения [32]. Для этого необходимо только лишь направить уведомление в орган государственной власти субъекта Российской Федерации с указанием вида или нескольких видов использования лесов. Исходя из данного положения Закона о земле, ключевым фактором для принятия решения о посадке лесных насаждений является факт того, что

такая земля фактически непригодна для прибыльной сельскохозяйственной деятельности.

Применительно к российскому законодательству считаем целесообразным для определения прибыльной сельскохозяйственной деятельности в первую очередь применять нормы ФЗ № 101-ФЗ «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения» [33], поскольку главным средством производства делает землю ее плодородие [34. С. 115]. Это означает, что, если земельные участки сельскохозяйственного назначения по своему состоянию почв непригодны для ведения сельскохозяйственной деятельности, следует, проявляя заботу и осмотрительность в использовании таких участков, стремиться к тому, чтобы не ухудшать их сегодняшнего состояния.

Что же касается определения параметров прибыльности сельскохозяйственной деятельности с точки зрения экономики, то данный вопрос выходит за рамки юриспруденции и оценивался экономистами в области сельского хозяйства [35–37].

Заключение

Анализ российского законодательства в области оборота земель сельскохозяйственного назначения позволяет сделать вывод о попытках законодателя усовершенствовать его в части изъятия неиспользуемых или используемых с нарушением законодательства Российской Федерации земельных участков сельскохозяйственного назначения, но к большим успехам на практике это не привело. При изъятии таких земельных участков необходимо в полном объеме соблюдать все гарантии защиты права собственности, установленные Конституцией РФ.

Кроме того, смена одного собственника такого земельного участка на другого – длительная по времени и затратная процедура. При этом она не гарантирует решения данной проблемы в полном объеме. Именно с этим, на наш взгляд, связано установление ответственности для нового собственника такого земельного участка в том случае, если он не начнет его использование по назначению в течение года с момента регистрации перехода права собственности.

Все вышеизложенное стало основанием для поиска иных, кроме изъятия, решений повышения эффективности использования земель сельскохозяйственного назначения и вовлечения их в гражданский оборот. Поскольку в сельскохозяйственной отрасли развитых стран такие вопросы уже решались в разное время, мы предприняли попытку анализа решений, которые могли бы быть применены и в российском законодательстве.

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу о приемлемости использования для решения обозначенной проблемы следующих управленческих решений, предшествующих изъятию земельных участков:

- составление плана использования земель сельскохозяйственного назначения без учета форм собственности на них, с возложением ответственности за его эффективность на органы местного самоуправления;

- применение института принудительной аренды земельных участков сельскохозяйственного назначения с учетом имеющегося на сегодня опыта передачи земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности. В отношении срока такого вида аренды полагаем, что стороны вправе сами договориться о нем, не выходя за предельную величину, установленную законом. В случае отсутствия договоренности считаем возможным применить срок в три года с возможностью дальнейшей пролонгации договора;

- если земельный участок непригоден для прибыльного ведения сельского хозяйства, то следует использовать его под лесные насаждения. Для этого будет необходимо разработать подзаконный нормативный правовой акт, закрепляющий признаки прибыльности ведения сельскохозяйственной деятельности.

Указанные управленческие решения не исключают имеющийся сегодня механизм привлечения к ответственности на неиспользование или использование с нарушением законодательства Российской Федерации земельных участков сельскохозяйственного назначения, а лишь дополняют его. И в том случае, если законодатель посчитает возможным применить такие управленческие решения и в России, предстоит проделать определенную работу в части внесения изменений в действующее законодательство.

Список источников

1. Минина Е.Л. Правовое обеспечение рационального использования земель // Правовой механизм обеспечения рационального использования природных ресурсов / отв. ред. Е.А. Галиновская. М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; Инфра-М, 2019. С. 207–234.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Ч. 1 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. 5 дек.
3. Об обороте земель сельскохозяйственного назначения : федеральный закон от 24.06.2002 № 101-ФЗ // Парламентская газета. 2002. 27 июля. № 140-141.
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования порядка изъятия земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения при их неиспользовании по целевому назначению или использовании с нарушением законодательства Российской Федерации : федеральный закон от 03.07.2016 № 354-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27. Ст. 4287.
5. Козлова С.В. Система управления земельными ресурсами страны // Вопросы экономики и права. 2011. № 34. С. 231–234.
6. Конституция Российской Федерации : (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) : с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 09.05.2021).
7. Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2003/2003 от 13.10.2003 об удобрениях. URL: <https://base.garant.ru/2571013/> (дата обращения: 09.05.2021).

8. Пантин Е.В. Актуальные проблемы правового обеспечения целевого использования земель сельскохозяйственного назначения. М. : Юрлитинформ, 2012. 182 с.
9. Организационно-экономические механизмы вовлечения в оборот, использования и охраны сельскохозяйственных земель / В.Н. Хлыстун и др. М. : Гос. ун-т по землеустройству, 2020. 568 с.
10. Лютых Ю.А. Повышение эффективности управления землями сельскохозяйственного назначения // Вестник КрасГАУ. 2010. № 1. С. 3–5.
11. Минина Е.Л. История развития советского земельного законодательства // Природоресурсное и природоохранное законодательство РСФСР : учеб.-науч. пособие. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 52–54. (Памятники российского права; т. 25).
12. Боголюбов С.А. Земельное право России : учебник для вузов. М. : Норма, 2009. 432 с.
13. Жариков Ю.Г. Земельное право России : учебник. М. : КноРус, 2006. 477 с.
14. Иконичка И.А. Земельное право Российской Федерации : учебник. М. : Юрист, 2002. 486 с.
15. Балашов Е.В. Некоторые проблемы процедуры принудительного изъятия земельных участков сельскохозяйственного назначения // Аграрное и земельное право. 2020. № 5 (185). С. 94–97.
16. Землякова Г.Л. Правовое регулирование подтверждения факта неиспользования земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения при его изъятии // Аграрное и земельное право. 2020. № 5 (185). С. 4–8.
17. Устюкова В.В. Проблемы применения нового порядка изъятия земельных участков сельскохозяйственного назначения в связи с их неиспользованием // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 5. С. 155–159.
18. Узун В.Я. Чего хочет Минсельхоз: улучшить использование земли или увеличить выплаты ее контролерам и захватчикам? URL: <https://www.dairynews.ru/news/chego-khochet-minselkhoz-uluchshit-ispolzovanie-ze.html> (дата обращения: 09.05.2021).
19. Крашенинников С.В. Введение в оборот земель сельскохозяйственного назначения как часть государственной политики // Управление земельными и иными природными ресурсами: проблемы правового регулирования и судебной практики : сб. ст. участников Междунар. науч.-практ. конф., 11–13 октября 2019 г. / отв. ред. З.Ф. Сафин, З.К. Кондратенко, Е.В. Лунева. Йошкар-Ола : МарГУ, 2019. С. 206–210.
20. Крашенинников С.В. Проблемы выявления и введения в оборот неиспользуемых сельскохозяйственных земель // Аграрное и земельное право. 2020. № 5 (185). С. 103–106.
21. Франция. Характеристика земельного фонда страны. URL: <https://allrefrs.ru/2-32034.html> (дата обращения: 11.03.2022).
22. Структура и функции землеустроительных органов. URL: <https://helpiks.org/8-44276.html> (дата обращения: 11.03.2022).
23. О городском и сельском планировании : закон Соединенного Королевства (ТСПА 1990). URL: https://siam.press/wiki/ru/Town_and_country_planning_in_the_United_Kingdom (дата обращения: 11.03.2022).
24. Закон Норвегии о земле № 23 от 12.05.1995 URL: <https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/The-Land-Act/id269774/> (дата обращения: 06.05.2021).
25. Мурашева А.А., Фомин А.А., Столяров В.М., Ломакин Г.В. Некоторые особенности управления сельскохозяйственными землями в Норвегии // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2019. № 2 (2). doi: 10.24411/2658-3569-2019-12017
26. Боголюбов С.А., Галиновская Е.А., Минина Е.Л., Устюкова В.В. Все о земельных отношениях : учеб.-практ. пособие. М. : Проспект, 2010. 655 с.
27. Гулак Н.В. Проблемы правового регулирования аренды земельных участков // Векторы развития законодательного обеспечения государственной земельной политики: опыт XX века и современность : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (Государственный университет по землеустройству, 18 декабря 2018). М. : ГУЗ, 2018.
28. Румянцев Ф.П. Правовое регулирование оборота земель сельскохозяйственного назначения: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 56 с.
29. Устюкова В.В. Предоставление земельных участков для ведения фермерского хозяйства: новые подходы // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 42–46.
30. Мазяев Д.В. Публичная форма собственности как инструмент конституционно-правового регулирования экономики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 19–33. doi: 10.17323/2072-8166.2017.2.19.33
31. О сельском хозяйстве и агрокультуре : закон земли Баден-Вюртемберг от 14.03.1972 г. URL: <https://helpiks.org/7-16264.html> (дата обращения: 11.03.2022).
32. Об особенностях использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения : постановление Правительства РФ от 21.09.2020 № 1509. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009230018> (дата обращения: 11.03.2022).
33. О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения : федеральный закон от 16.07.1998 № 101-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 29. Ст. 3399.
34. Болтанова Е.С. Правовой режим в земельном праве: теория вопроса // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 315. С. 114–117.
35. Юрьева О.В., Шлеенко А.В. Экономическая эффективность использования земельных ресурсов региона // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2014. № 6. С. 13–16.
36. Ханбабаев Т.Г., Догеев Г.Д., Велибекова Л.А. Оценка эффективности использования земель сельскохозяйственного назначения // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 9 (40), ч. 1. С. 70–73.
37. Жидков С.А., Апарин А.В. Теоретические основы повышения эффективности использования земель сельскохозяйственного назначения в современных условиях // Вестник Мичуринского аграрного университета. 2017. № 4. С. 88–95.

References

1. Minina, E.L. (2019) Pravovoe obespechenie ratsional'nogo ispol'zovaniya zemel' [Legal support for the rational use of land]. In: Galinovskaya, E.A. (ed.) *Pravovoy mekhanizm obespecheniya ratsional'nogo ispol'zovaniya prirodnnykh resursov* [Legal mechanism for ensuring the rational use of natural resources]. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Infra-M. pp. 207–234.
2. RF. (1994) Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 30.11.1994 № 51-FZ. Ch. 1 [Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994, No. 51-FZ. Part 1]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 5 Dec.
3. *Parlamentskaya gazeta*. (2002) Ob oborote zemel' sel'skokhozyaystvennogo naznacheniya: federal'nyy zakon ot 24.06.2002 № 101-FZ [On the use of agricultural land: federal law of 24.06.2002 No. 101-FZ]. 27 July. 140–141.
4. RF. (2016) O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v chasti sovershenstvovaniya poryadka iz'yatiya zemel'nykh uchastkov iz zemel' sel'skokhozyaystvennogo naznacheniya pri ikh neispol'zovanii po tselevomu naznacheniyu ili ispol'zovanii s narusheniem zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 03.07.2016 № 354-FZ [On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation to improve the procedure for withdrawing agricultural land plots when they are not used for their intended purpose or used in violation of the legislation of the Russian Federation: Federal Law of 03.07.2016 No. 354-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 27. Art. 4287.
5. Kozlova, S.V. (2011) Sistema upravleniya zemel'nymi resursami strany [System of management of land resources of the country]. *Voprosy ekonomiki i prava*. 34. pp. 231–234.

6. RF. (2020) *Constitution of the Russian Federation: (adopted by popular vote on December 12, 1993): subject to amendments made by the laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008, No. 6-FKZ, No. 7-FKZ, of February 5, 2014, No. 2 -FKZ, of July 21, 2014, No. 11-FKZ, of March 14, 2020, No. 1-FKZ.* [Online] Available from: www.pravo.gov.ru (Accessed: 09.05.2021). (In Russian).
7. Garant. (2021) *Reglament Evropeyskogo Parlamenta i Soveta Evropeyskogo Soyuzu 2003/2003 ot 13.10.2003 ob udobreniyakh* [Regulation of the European Parliament and of the Council of the European Union 2003/2003 of 13 October 2003 on fertilizers]. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/2571013/> (Accessed: 09.05.2021).
8. Pantin, E.V. (2012) *Aktual'nye problemy pravovogo obespecheniya tselevogo ispol'zovaniya zemel' sel'skokhozyaystvennogo naznacheniya* [Topical issues of legal support for the targeted use of agricultural land]. Moscow: YurLitinform.
9. Khlystun, V.N. et al. (2020) *Organizatsionno-ekonomicheskie mekhanizmy vovlecheniya v oborot, ispol'zovaniya i okhrany sel'skokhozyaystvennykh zemel'* [Organizational and economic mechanisms of involvement in circulation, use and protection of agricultural land]. Moscow: Gos. un-t po zemleustroystvu.
10. Lyutikh, Yu.A. (2010) *Povyshenie effektivnosti upravleniya zemlyami sel'skokhozyaystvennogo naznacheniya* [Improving the efficiency of agricultural land management]. *Vestnik KrasGAU*. 1. pp. 3–5.
11. Minina, E.L. (2016) *Istoriya razvitiya sovetskogo zemel'nogo zakonodatel'stva* [History of the development of Soviet land legislation]. In: *Prirodoupravleniye i prirodookhrannoe zakonodatel'stvo RSFSR* [Natural resource and environmental legislation of the RSFSR]. Moscow: YurLitinform. pp. 52–54.
12. Bogolyubov, S.A. (2009) *Zemel'noe pravo Rossii* [Land law of Russia]. Moscow: Norma.
13. Zharikov, Yu.G. (2006) *Zemel'noe pravo Rossii* [Land law of Russia]. Moscow: KnoRus.
14. Ikonitskaya, I.A. (2002) *Zemel'noe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Land law of the Russian Federation]. Moscow: Yurist.
15. Balashov, E.V. (2020) *Nekotorye problemy protsedury prinuditel'nogo iz'yatiya zemel'nykh uchastkov sel'skokhozyaystvennogo naznacheniya* [Some problems of the procedure for the forced withdrawal of agricultural land plots]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*. 5 (185). pp. 94–97.
16. Zemlyakova, G.L. (2020). *Pravovoe regulirovaniye podtverzhdeniya fakta neispol'zovaniya zemel'nogo uchastka iz zemel' sel'skokhozyaystvennogo naznacheniya pri ego iz'yatii* [Legal regulation of confirmation of the fact of non-use of a land plot from agricultural land during its withdrawal]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*. 5 (185). pp. 4–8.
17. Ustyukova, V.V. (2016) *Problemy primeneniya novogo poriyadka iz'yatiya zemel'nykh uchastkov sel'skokhozyaystvennogo naznacheniya v svyazi s ikh neispol'zovaniem* [Problems of application of a new procedure for the withdrawal of agricultural land plots in connection with their non-use]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 5. pp. 155–159.
18. Uzun, V.Ya. (2021) *Chego khochet Minsel'khoz: uluchshit' ispol'zovanie zemli ili uvelichit' vyplaty ee kontroleram i zakhvatchikam?* [What does the Ministry of Agriculture want: improve the use of land or increase payments to its controllers and invaders?]. [Online] Available from: <https://www.dairynews.ru/news/chego-khochet-minselkhoz-uluchshit-ispolzovanie-ze.html> (Accessed: 09.05.2021).
19. Krashenninnikov, S.V. (2019) [Agricultural land introduction to the use as part of state policy]. *Upravlenie zemel'nymi i inymi prirodnymi resursami: problemy pravovogo regulirovaniya i sudebnoy praktiki* [Management of land and other natural resources: problems of legal regulation and judicial practice]. Proceedings of the International Conference. 11–13 October 2019. Yoshkar-Ola: MarSU. pp. 206–210. (In Russian).
20. Krashenninnikov, S.V. (2020) *Problemy vyyavleniya i vvedeniya v oborot neispol'zuemykh sel'skokhozyaystvennykh zemel'* [Problems of identification and introduction into use of unused agricultural lands]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*. 5 (185). pp. 103–106.
21. Allrefrs.ru. (2022) *Frantsiya. Kharakteristika zemel'nogo fonda strany* [France. Characteristics of the land fund of the country]. [Online] Available from: <https://allrefrs.ru/2-32034.html> (Accessed: 11.03.2022).
22. Helpiks.org. (2022) *Struktura i funktsii zemleustroitel'nykh organov* [Structure and functions of land management bodies]. [Online] Available from: <https://helpiks.org/8-44276.html> (Accessed: 11.03.2022).
23. Siam.press. (2022) *O gorodskom i sel'skom planirovanii: zakon Soedinennogo Korolevstva (TCPA 1990)* [Town and Country Planning in the United Kingdom: Act (TCPA 1990)]. [Online] Available from: https://siam.press/wiki/ru/Town_and_country_planning_in_the_United_Kingdom (Accessed: 11.03.2022).
24. Regjeringen.no. (2021) *Zakon Norvegii o zemle № 23 ot 12.05.1995* [Norwegian Land Law No. 23 of 12 May 1995]. [Online] Available from: <https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/The-Land-Act/id269774/> (Accessed: 06.05.2021).
25. Murasheva, A.A. et al. (2019) *Nekotorye osobennosti upravleniya sel'skokhozyaystvennymi zemlyami v Norvegii* [Some features of agricultural land management in Norway]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh nauk i tekhnologii "Integral"*. 2 (2). DOI: 10.24411/2658-3569-2019-12017
26. Bogolyubov, S.A. et al. (2010) *Vse o zemel'nykh otnosheniyakh* [All about land relations]. Moscow: Prospekt.
27. Gulak, N.V. (2018) [Problems of legal regulation of land lease]. *Vektory razvitiya zakonodatel'nogo obespecheniya gosudarstvennoy zemel'noy politiki: opyt XX veka i sovremennost'* [Vectors of development of legislative support of the state land policy: the experience of the twentieth century and the present]. Proceedings of the International Conference. 18 December 2018. Moscow: GUZ. (In Russian).
28. Rumyantsev, F.P. (2011) *Pravovoe regulirovaniye oborota zemel' sel'skokhozyaystvennogo naznacheniya: voprosy teorii i praktiki* [Legal regulation of the use of agricultural land: issues of theory and practice]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
29. Ustyukova, V.V. (2016) *Predostavlenie zemel'nykh uchastkov dlya vedeniya fermerskogo khozyaystva: novye podkhody* [Provision of land plots for farming: new approaches]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 1. pp. 42–46.
30. Mazaev, D.V. (2017) *Publichnaya forma sobstvennosti kak instrument konstitutsionno-pravovogo regulirovaniya ekonomiki* [Public form of ownership as an instrument of constitutional and legal regulation of the economy]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 3. pp. 19–33. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.2.19.33
31. Helpiks.org. (2022) *O sel'skom khozyaystve i agrokul'ture: zakon zemli Baden-Vyurtemberg ot 14.03.1972 g.* [On Agriculture and Agroculture: Law of Baden-Württemberg of March 14, 1972]. [Online] Available from: <https://helpiks.org/7-16264.html> (Accessed: 11.03.2022).
32. RF Government. (2020) *On the features of the use, safeguarding, protection, reproduction of forests located on agricultural lands: Decree of the Government of the Russian Federation of September 21, 2020, No. 1509.* [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009230018> (Accessed: 11.03.2022). (In Russian).
33. RF. (1998) *O gosudarstvennom regulirovanii obespecheniya plodorodiya zemel' sel'skokhozyaystvennogo naznacheniya: federal'nyy zakon ot 16.07.1998 № 101-FZ* [On state regulation of ensuring the fertility of agricultural land: Federal Law of 16.07.1998 No. 101-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 29. Art. 3399.
34. Boltanova, E.S. (2008) *Pravovoy rezhim v zemel'nom prave: teoriya voprosa* [Legal regime in land law: theory of the issue]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 315. pp. 114–117.
35. Yur'eva, O.V. & Shleenko, A.V. (2014) *Ekonomicheskaya effektivnost' ispol'zovaniya zemel'nykh resursov regiona* [Economic efficiency of the use of land resources in the region]. *Vestnik Kurskoy gosudarstvennoy sel'skokhozyaystvennoy akademii*. 6. pp. 13–16.
36. Khanbabaev, T.G., Dogeev, G.D. & Velibekova, L.A. (2015) *Otsenka effektivnosti ispol'zovaniya zemel' sel'skokhozyaystvennogo naznacheniya* [Evaluation of the effectiveness of the use of agricultural land]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 9 (40):1. pp. 70–73.
37. Zhidkov, S.A. & Aparin, A.V. (2017) *Teoreticheskie osnovy povysheniya effektivnosti ispol'zovaniya zemel' sel'skokhozyaystvennogo naznacheniya v sovremennykh usloviyakh* [Theoretical foundations for improving the efficiency of agricultural land use in modern conditions]. *Vestnik Michurinskogo agrarnogo universiteta*. 4. pp. 88–95.

Информация об авторе:

Позднякова Е.А. – канд. юрид. наук, доцент департамента теории права и межотраслевых юридических дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: elenaap7306@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.A. Pozdnyakova, Cand. Sci. (Law), associate professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: elenaap7306@mail.ru

The authors declares no conflicts of interest.

*Статья поступила в редакцию 11.09.2021;
одобрена после рецензирования 25.04.2022; принята к публикации 20.05.2022.*

*The article was submitted 11.09.2021;
approved after reviewing 25.04.2022; accepted for publication 20.05.2022.*

Научная статья
УДК 343.98
doi: 10.17223/15617793/478/29

Стратегические аспекты цифровой трансформации расследования, раскрытия и предупреждения преступлений

Александр Борисович Смушкин¹

¹ *Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, Skif32@yandex.ru*

Аннотация. Исследуется общий подход к пониманию категории «стратегия» и через призму этого определяется, что стратегия может рассматриваться как неотъемлемый элемент моделирования путей достижения ожидаемого результата. На основе анализа общих критериев концепции стратегического планирования и подходов различных авторов к структуре стратегии автором предлагается свое видение стратегических аспектов цифровой трансформации расследования, раскрытия и предупреждения преступлений. Последовательно рассматриваются все элементы стратегии цифровой трансформации расследования, раскрытия и предупреждения преступлений.

Ключевые слова: стратегия, цифровая трансформация, расследование, раскрытие и предупреждение преступлений, контекст цифровой трансформации, стратегические цели цифровой трансформации

Для цитирования: Смушкин А.Б. Стратегические аспекты цифровой трансформации расследования, раскрытия и предупреждения преступлений // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 244–250. doi: 10.17223/15617793/478/29

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/29

Strategic aspects of digital transformation of investigation, detection and prevention of crimes

Aleksandr B. Smushkin¹

¹ *Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation, skif32@ya.ru*

Abstract. The aim of the work is to analyze the general criteria of the concept of strategic planning and existing approaches to the structure of the strategy, and to develop on this basis the author's own concept of strategic aspects of digital transformation of investigation, detection and prevention of crimes. The following components are attributed to the structure of this complex in the work: the focus of consideration (the task of the strategy); context (external and internal conditions affecting the achievement of the goal); current state; strategic goals (desired state); natural future (without the influence of planned changes); the gap between the current state and the natural future (problems hindering development in the direction of strategic goals); participants and stakeholders; additional conditions; solution. The author consistently examines each element of the transformation strategy of investigation, detection and prevention of crimes employing the universal dialectical method, the general scientific methods of analysis, synthesis, modeling, extrapolation, and others. The author considers options for solving the identified problems in the form of a social order for the development of a full-scale step-by-step digital transformation strategy, expressed in the form of grant or contractual scientific research, conceptual development of these issues in monographic-level research, improvement of the level of material and technical equipment of law enforcement agencies, expansion of the "digital competencies" acquired during higher professional education, organization of the exchange of "digital" experience, activation of the development of digital platforms of law enforcement agencies with subsequent integration into an ecosystem, etc. The author argues that, in a strategic perspective, the following theories and concepts should organically enter into the unified concept of digital transformation of investigation, detection and prevention of crimes: general issues of digital transformation, the theory of electronic digital criminalistics (taking into account the consideration of issues of working with electronic digital information, its carriers and information technology devices, as well as the corresponding group of traces), the conception of digital technologization and innovative development of criminalistics, the conception of "electronic" investigative actions, the conception of remote criminalistics, the conception of electronic evidence, the conception of electronic justice, and some others. In addition, as a conclusion, the author states that the development and implementation of a digital transformation strategy for the investigation, detection and prevention of crimes will help to increase the targeting of efforts, identify problems in this area, effectively develop the transformation itself, decriminalize cyberspace and reduce the technological backlog of Russian law enforcement agencies.

Keywords: strategy, digital transformation, investigation of crimes, detection of crimes, prevention of crimes, context of digital transformation, strategic goals of digital transformation

For citation: Smushkin, A.B. (2022) Strategic aspects of digital transformation of investigation, detection and prevention of crimes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 244–250. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/29

Существует множество определений категории «стратегия». Несмотря на то, что термин «стратегия» имеет военное происхождение, наибольший вклад в теоретическое осмысление данной категории внесли разработчики вопросов управления, менеджмента.

Так, Рассел Акоф определяет стратегию как «...процесс принятия и оценки целого ряда взаимосвязанных решений, предваряющих определенную деятельность... которые определяют... желаемое будущее состояние...». [1. С. 131–133].

Майкл Портер указывает, что «стратегия – это создание уникальной и выгодной позиции, предусматривающей определенный выбор видов деятельности» [2. С. 65].

Авторы толкового словаря под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой полагают, что «стратегия – искусство планирования руководства, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах» [3. С. 605].

Нам же представляется, что стратегия может рассматриваться как неотъемлемый элемент моделирования путей достижения ожидаемого результата. С подобным рассмотрением стратегии как модели действий в общих чертах соглашаются и некоторые другие авторы [4]. В.С. Просалова и Е.Н. Смольянинова, в свою очередь, стратегию рассматривают как базу для модели: «Стратегия – это система взаимосвязанных элементов управленческих решений, позволяющих на основе анализа влияния совокупных факторов и ресурсного потенциала организации разрабатывать и реализовывать модель ее будущего развития» [5. С. 14]. Д.С. Хижняк в своем определении стратегии также подчеркнул ее использование при моделировании. Стратегию он рассматривает в качестве «...разновидности целенаправленного системного моделируемого подхода, направленного на перспективное планирование субъектно-объектных отношений, особого инструмента организации деятельности и управления явлениями определенной сферы общественной жизни, “доминирующего курса”, выбранного варианта деятельности, направленного на изменение или модификацию объекта этой сферы» [6. С. 32].

Концепция стратегического планирования основывается на следующих основных положениях:

- стратегия ориентирована на долгосрочную перспективу;
- стратегия основана на возможностях ресурсов организации;
- стратегия учитывает изменения внешней среды;
- стратегия предусматривает альтернативные пути развития организации в случаях изменения внутренней и внешней среды;
- стратегия мобилизует ресурсы организации и направляет их на достижение поставленной цели [7. С. 21].

Основываясь на анализе предлагаемых учеными структур стратегий [8–13], полагаем возможным

предложить собственное видение стратегических аспектов цифровой трансформации расследования, раскрытия и предупреждения преступлений.

Мы полагаем, что структуру данного комплекса должны составлять следующие компоненты: фокус рассмотрения (задача стратегии); контекст (внешние и внутренние условия, влияющие на достижение цели); текущее состояние; стратегические цели (желаемое состояние); естественное будущее (без влияния планируемых изменений); разрыв между текущим состоянием и естественным будущим (проблемы, мешающие развитию в направлении стратегических целей); участники и заинтересованные лица; дополнительные условия; решение.

Компонент «фокус рассмотрения» должен включать повышение уровня цифровой трансформации расследования, раскрытия и предупреждения преступлений.

Современный контекст цифровой трансформации – это пандемия, санкционная война, тренд на импортозамещение, ограниченное финансирование, быстрое развитие цифровой техники, биометрической техники, безбумажного делопроизводства, беспилотной техники, движение России к цифровой экономике, наличие тренда на цифровую трансформацию социально-экономической сферы, активная компьютеризация преступлений, когда использование электронных устройств становится элементом способа совершения далеко не только компьютерных преступлений.

Дополнительные условия: при разработке стратегических аспектов цифровой трансформации обязательно должны быть учтены требования по импортозамещению, защите информации, унификации и стандартизации аппаратно-программного обеспечения;

Участниками цифровой трансформации в рассматриваемой сфере должны стать руководители и сотрудники следственных органов, а также научное общество.

Текущее состояние характеризуется следующим: в уголовно-процессуальном законодательстве – наличие только отдельных норм, связанных с цифровой информацией (изъятие электронных носителей информации, получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами и т.д.); в уголовно-процессуальной науке – разработка основ теории электронных доказательств, концепции «электронного правосудия» и т.д.; в криминалистике – широкое распространение идей цифровизации, разработка вопросов работы с цифровой информацией, криминалистического исследования компьютерных и компьютеризированных устройств, наличие разработок частных теорий цифровой криминалистики (и аналогичных), разработка основ рекомендаций по работе следователя с компьютерной информацией и техникой, «цифровыми следами», отрывочные разработки в области применения или исследования неко-

торых электронных разработок в криминалистических целях: использование компьютерно-опосредованной (виртуальной) реальности в работе правоохранительных органов, применение больших данных (Big data), Интернета вещей (Internet of Things), электронных датчиков и систем (в том числе и автомобильных), информации «умных» носимых устройств и иных электронных носимых устройств (гаджетов) в криминалистических целях, исследования облачных сервисов и иных сервисов распределенного хранения и использования информации, криптографические и стеганографические исследования в криминалистике и некоторые другие вопросы. Однако следует отметить, что эти исследования ведутся разрозненно, зачастую на уровне отдельных статей или выступлений на конференциях, без связи друг с другом, что не позволяет выстроить единую внутренне непротиворечивую теорию, хотя они и формируют локальные пути ее развития, отдельные элементы теории.

Стратегические цели: эффективная работа органов следствия как с электронной информацией в любой ее форме и местонахождении, так и с помощью электронных устройств с традиционными следами, декриминализация киберпространства или по крайней мере существенные подвижки в этом направлении [14. С. 81].

Естественное будущее в случае развития инерционного сценария: безнадежное отставание следственных структур от криминальных вследствие разницы технического потенциала и парадигмы мышления, глобальное ухудшение результативности раскрываемости преступлений.

Разрыв между текущим и желаемым состоянием характеризуется следующими проблемами цифровой трансформации расследования, раскрытия и предупреждения преступлений.

1. Недостаток финансирования и технического обеспечения. Если на вооружение в городах федерального значения и просто крупных городах новинки криминалистической цифровой техники поступают относительно быстро, то компьютерная техника в регионах, а особенно в небольших населенных пунктах, может отставать на несколько поколений.

2. Отсутствие четкого представления о процессе и цели, в первую очередь на федеральном уровне, что зачастую приводит к непродуманной цифровизации, дублированию усилий, повышенным материальным и процессуальным затратам. В сфере деятельности правоохранительных органов, конечно, разработаны и действуют некоторые нормативные акты: Приказ Генерального прокурора РФ от 14 сентября 2017 г. № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года»¹, Распоряжение МВД России от 29 декабря 2020 г. № 1/15065 (ред. от 08.09.2021) «Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2021–2023 годы»² и др. Однако данные акты не содержат четкого подхода к определению природы цифровой трансформации, ее итоговым целям и представляют собой нечто типа «дорожной карты»

Последствиями непродуманной цифровизации также могут являться

- потеря цифрового суверенитета государства, угроза национальной безопасности;

- дискриминация отдельных групп граждан из-за трудностей доступа к цифровым технологиям (цифровая эксклюзия);

- непреднамеренное создание алгоритмов и систем принятия решений, дискриминирующих отдельные группы населения (из-за недостаточно тщательного отбора данных для обучения алгоритмов, предвзятости алгоритмов и т.д.);

- нарушение приватности граждан в результате тотальной слежки, сбора и обработки больших объемов данных (в большом массиве разрозненные данные работают как персональные);

- скрытые манипуляции (системы скоринга и таргетинга, которые фактически используются без уведомления граждан и могут влиять на принятие важных жизненных решений, например при голосовании);

- массовое мошенничество с использованием цифровых технологий и социального инжиниринга;

- конфликт интересов общества и отдельных групп граждан и общественное неприятие инициатив (в том числе из-за отсутствия информационной поддержки и работы с общественным мнением);

- принятие на государственном уровне неверных решений с далеко идущими последствиями в виде финансовых, репутационных и иных потерь для государства;

- непреднамеренное нарушение законодательства госслужащими по причине неэтичного использования данных, повлекшего за собой значительный ущерб [12. С. 40].

3. Несовершенство законодательства в сфере цифрового развития. Так, законодательство о проведении госзакупок практически не учитывает специфику IT-сферы, что существенно ограничивает участие в соответствующих торгах аутсорсинговых компаний, фрилансеров, отсекает покупки цифровых инструментов через маркетплейсы, не учитывает скорости появления новых продуктов и «стартапов» на цифровом рынке. Некоторые авторы отмечают, что заказчики, а иногда и поставщики, вынуждены «обходить» законодательство не в корыстных интересах, «а для вполне добросовестных целей: повысить качество итогового результата закупки, успеть провести закупку в установленный короткий срок или скорректировать изначальное техническое задание с учетом изменившихся приоритетов» [15].

4. Отсутствие подготовленных к расследованию с использованием цифровых технологий сотрудников. К сожалению, крайне мало сотрудников владеет компьютером и иными электронными устройствами на уровне даже «опытного пользователя» и знает все возможности аппарата, не говоря уже про оперирование новыми цифровыми концепциями (облачные сервисы, удаленная работа на компьютере, распределенная информация или распределенные вычисления). В ходе проведенного нами опроса респонденты в

большинстве своем указали на использование возможностей электронной техники лишь на 25–30%. Цифровые компетенции только в 2021 г. начали вводиться в рабочие программы дисциплин юридических вузов и факультетов. Кроме того, как верно отметил А.А. Рудых, «...ограничения в деятельности субъектов расследования, обусловленные территорией обслуживания и контактным способом работы, создают последним потенциально “невыгодные” условия, в отличие от преступников, совершающих экстерриториальные преступления в сфере информационных технологий» [16. С. 73]. В целях снижения влияния указанных факторов на результативность правоохранительной деятельности Д.А. Степаненко обоснованно предлагает научное разделение труда и подготовку специалистов-криминалистов в конкретных отраслях знаний (программирование, криптография, системное администрирование) с территориальным разделением по отраслям и трансляцией необходимой информации по каналам связи, без необходимости физического перемещения носителей информации [17. С. 109].

5. Зачастую у руководителей, ответственных за цифровую трансформацию, имеет место несоответствие целеполагания целям цифровой трансформации. Так, возможны подмена реальной цифровой трансформации на показную, приписывание цифровых показателей в отчетности и использование малейшего повода для саморекламы, продвижения информации о разовых случаях использования цифровой техники как о высокой цифровой культуре. Можно также отметить размен на легко достижимые цели, связанные с оцифровкой, в ущерб более глобальным – цифровой трансформации

6. Отсутствие четкого понимания разницы между автоматизацией, оцифровкой, цифровизацией и цифровой трансформацией. Даже среди ученых нет единства во мнениях, но все-таки большинство склоняется к тому, что автоматизация – это расширение использования автоматических или автоматизированных устройств для выполнения отдельных функций в ходе расследования, оцифровка (digitization) представляет собой переход к цифровым данным вместо аналоговых, цифровизация (digitalization) подразумевает общее насыщение следственной деятельности цифровыми технологиями.

Д.А. Степаненко и В.В. Коломинов указывают, что «цифровизация всех сфер деятельности в криминалистике может быть рассмотрена в нескольких аспектах:

- использование цифровых технологий для повышения эффективности поисково-познавательной деятельности следователя, эффективной организации этой деятельности на современном уровне (НОТ следователя), оптимизации взаимодействия различных органов, учреждений при расследовании преступлений;

- использование ИКТ для расследования преступлений. Широкое распространение информационных компьютерных технологий способствует дальнейшим разработкам в области алгоритмизации процесса расследования преступления в целом и отдельных его этапов;

- решение дидактических задач в сфере подготовки, переподготовки, повышения квалификации следователей, следователей-криминалистов, судебных экспертов, повышения их квалификации, обмена опытом» [18. С. 42].

Цифровизацию расследования, в широком смысле, можно рассматривать как накопление основы, базы для цифровой трансформации, при которой происходит качественное изменение явления. То есть в данном случае имеет место реализация диалектического принципа перехода количества в качество: количества изменений в качество явления. Как верно отметил Ю.И. Грибанов, цифровая трансформация – это «фундаментальный процесс, который переживает мировое сообщество, адаптируясь к новым условиям и предпочтениям общества цифровой экономики. То есть digital-трансформация – это не столько технологии, сколько изменение мышления в новых условиях новой цифровой экономики» [19. С. 24].

Цифровая трансформация следственной деятельности – это сквозные преобразования процессов и явлений этой деятельности, включающие множество относительно автономных концепций и элементов, в совокупности влияющих на весь процесс расследования, изменение практик в области принятия решений и даже самого криминалистического мышления.

7. Отсутствие достаточной цифровой культуры – готовности к цифровому развитию и гибкости во внедрении новых цифровых технологий, новых парадигм. Можно образно заметить, что хотя технологии в следственную деятельность внедряются и цифровые, но мышление следователей и лиц, ответственных за внедрение соответствующей техники, осталось еще «аналоговым».

8. Отсутствие достаточных методологических указаний из соответствующих аналитических центров. На настоящий момент отсутствует единая концепция цифровой трансформации расследования, раскрытия и предупреждения преступлений. Имеющиеся же эпизодические разработки ограничены форматом пускай крупной, входящей в международные базы цитирования, но статьи. Отсутствие же концептуальных разработок в научной сфере приводит и к изолированным методическим рекомендациям, не всегда взаимосвязанным друг с другом и не обеспечивающим комплексную, системную трансформацию.

9. Недостаточно организованное взаимодействие, конкуренция вместо коммуникации, кооперации и консолидации усилий и ресурсов между отдельными правоохранительными органами и спецслужбами. Указанные обстоятельства препятствуют внедрению единой цифровой платформы и использованию единых цифровых инструментов. Между тем консолидация, унификация и стандартизация являются неотъемлемыми принципами цифровой трансформации.

10. Дефицит кадров и компетенций для цифровой трансформации. Данный дефицит связан прежде всего с тем, что до недавнего времени цифровые компетенции не являлись неотъемлемым элементом программ подготовки юристов и специалистов в области право-

охранительной деятельности. Специфические цифровые продукты, используемые при расследовании, часто только упоминаются в курсе криминалистики или вообще не называются в связи с недостатком учебного времени или квалификацией педагогов.

11. Низкая доступность цифровых решений обусловлена невозможностью рядовых сотрудников влиять на выбор техники, которая официально ставится на вооружение. Зарубежные цифровые решения в связи с политикой импортозамещения практически не используются в правоохранительной деятельности, да и стоят недешево. Что касается отечественных разработок, можно отметить сложность доступа к государственным закупкам частных разработчиков программ и участников небольших «стартапов». Кроме того, имеются и случаи явно неудачных заказов или злоупотреблений со стороны подрядчиков (поставщиков). Так, в августе 2015 г. МВД РФ подписывало контракт с отечественной фирмой на разработку возможностей взлома сети TOR³. Однако исполнитель не сумел выполнить контракт в срок [20].

12. Большая загруженность конкретных сотрудников, не позволяющая им полномасштабно повышать свою квалификацию и приобретать необходимые компетенции, а также активно внедрять цифровые технологии в свою деятельность. Так, по данным К.Д. Титаева и М.С. Шклярук, «в производстве среднего следователя всегда находится 13,1 дела, в месяц он получает 6,4 новых дела. Медианное количество дел в производстве равно 9, а новых – 4. Средний следователь МВД рассматривает за год 33 материала проверок, из которых по 30 возбуждает дела» [21. С. 64–65]. При этом авторы оговариваются, что эти данные слишком консервативны, поскольку основаны на официальной статистике, кроме того, это данные 5-летней давности. Следовательно, реальная актуальная загруженность превышает заявленные показатели. Рабочий день следователя может длиться до 40 часов. С учетом подобной загруженности сложно повышать свою цифровую квалификацию и приобретать новый опыт.

13. Отсутствие налаженных и эффективных механизмов обмена опытом и успешными практиками внедрения элементов цифровой трансформации.

14. Отсутствие единой концепции цифровых платформ и цифровых экосистем.

15. Отсутствие единой концепции использования нейросетей и искусственного интеллекта в ходе расследования, раскрытия и предупреждения преступлений. Не умаляя работы Д.А. Степаненко, Д.В. Бахтеева и других отечественных и зарубежных авторов [22–29], отметим лишь, что вопрос использования искусственного интеллекта в криминалистике и уголовном судопроизводстве на настоящий момент еще не вышел на концептуальный уровень, однако в последнее время начали появляться монографии, посвященные отдельным вопросам применения искусственного интеллекта [30–32]. Так, неразрешенной осталась так называемая «проблема черного ящика» когда ученые или иной программно-аппаратный комплекс уже не могут пошагово объяснить, как конкретный искусственный интеллект пришел к итоговому выводу.

Решением представленных проблем может служить социальный заказ на разработку полномасштабной пошаговой стратегии цифровой трансформации, выраженный в виде грантовых или хоздоговорных научных исследований, а также концептуальная разработка данных вопросов в монографических и диссертационных исследованиях. В рамках таких исследований при согласовании с практическими работниками должны быть определены цели цифровой трансформации и основные вехи ее процесса, разработаны предложения по оптимизации законодательства. Повышение финансового и материально-технического обеспечения правоохранительных органов является неотъемлемым условием их цифровой трансформации и развития в России цифровой экономики. Представляется также необходимым в рамках подготовки специалистов юридической сферы особое внимание уделять приобретению «цифровых компетенций», ознакомлению обучающихся с современными и перспективными цифровыми технологиями, используемыми в ходе расследования, чему могут служить соответствующие учебные курсы, внедряемые в учебных заведениях⁴. Следует также уделить особое внимание обмену «цифровым» опытом в рамках курсов повышения квалификации и публикаций в периодических источниках. Особо удачный опыт должен отображаться в аналитических записках, аккумулироваться и использоваться централизованно при разработке методических рекомендаций.

В рамках цифрового взаимодействия следственных органов представляется необходимой разработка единой платформы с возможностью дистанционного доступа к автоматическим базам данных и АИПС с использованием цифровой подписи, биометрической идентификации личности или иных идентификаторов. Вопросы идентификации и аутентификации сотрудников правоохранительных органов в рамках работы в соответствующих цифровых решениях были уже достаточно подробно рассмотрены Д.А. Степаненко и А.А. Рудых [33].

Следует разработать единую концепцию цифровой трансформации расследования, раскрытия и предупреждения преступлений, в которую, на наш взгляд, должны в качестве компонентов органично войти следующие теории и концепции: общие вопросы цифровой трансформации, теория электронной цифровой криминалистики (с учетом рассмотрения вопросов работы с электронной цифровой информацией, ее носителями и информационно-технологическими устройствами, а также соответствующей группой следов), концепция цифровой технологизации и инновационного развития криминалистики, концепция «электронных» следственных действий, концепция дистанционной криминалистики, концепция электронных доказательств, концепция электронного правосудия и некоторые другие.

Таким образом, разработка и реализация стратегии цифровой трансформации расследования, раскрытия и предупреждения преступлений будет способствовать повышению адресности усилий, выявлению проблем в данной сфере, эффективно-

му развитию самой трансформации, декриминализации киберпространства и сокращению технологического отставания российских правоохранительных органов.

Примечания

¹ Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года : приказ Генерального прокурора РФ от 14.09.2017 № 627 // Генеральная прокуратура РФ. URL: <https://genproc.gov.ru/documents/orders/627.pdf> (дата обращения: 23.07.2021).

² Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2021–2023 годы : распоряжение МВД России от 29.12.2020 № 1/15065 (ред. от 08.09.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_398852/ (дата обращения: 29.10.2021).

³ МВД подписало контракт на проведение исследований возможности взлома анонимной сети TOR // SecurityLab.ru. URL: <http://www.securitylab.ru/news/456957.php> (дата обращения: 25.04.2021).

⁴ Так, автором разработаны и внедрены в учебный процесс магистратуры ФГБОУ ВО «Поволжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России) и ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» учебные курсы по основам электронной цифровой криминалистики и по цифровизации криминалистической деятельности соответственно.

Список источников

1. Акофф Р. Акофф о менеджменте : пер. с англ. / под ред. Л.А. Волковой. СПб. : Питер, 2002. 447 с.
2. Портер М. Конкуренция : учеб. пособие : пер. с англ. М. : Вильямс, 2001. 602 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка : 72 500 слов и 7 500 фразеологических выражений. М. : Азъ Ltd., 1992. 907 с.
4. Карлофф Б. Деловая стратегия: концепция, содержание, символы : пер. с англ. М. : Экономика, 1991. 238 с.
5. Просалова В.С., Смолянинова Е.Н. Теоретические подходы к формированию дефиниции стратегии // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2011. № 4 (127). С. 9–16.
6. Хижняк Д.С. Методологические основы расследования транснациональных преступлений: модельный подход : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2018. 488 с.
7. Просалова В.С. Теоретические основы понятия «Стратегия» // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2011. № 7. С. 19–23.
8. Ансофф И. Стратегическое управление. М. : Экономика, 1989. 519 с.
9. Виханский О.С. Стратегическое управление. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1995. 292 с.
10. Минцберг Г., Куин Дж.Б., Гошст С. Стратегический процесс : пер. с англ. / под ред. Ю.Н. Каптуревского. СПб. : Питер, 2001. 684 с.
11. Минцберг Г., Альстрэнд Б., Лэмпел Д. Школы стратегий. СПб. : Питер, 2000. 330 с.
12. Стратегия цифровой трансформации: написать, чтобы выполнить / под ред. Е.Г. Потаповой, П.М. Потеева, М.С. Шклярук. М. : РАНХиГС, 2021. 184 с.
13. Сури А.В. Принципы разработки стратегии развития г. Москвы // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2008. № 1. С. 1–18.
14. Степаненко Д.А. Киберпространство как модулятор процесса расследования преступлений и развития криминалистической науки // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2020. № 1 (27). С. 77–88.
15. Система государственных закупок в России: конкуренция против качества? : отчет о НИР / НИОКР / А. Конов, И. Бегтин, Н. Горбачева и др.; под ред. М. Комина. М. : ЦПУР ; Антикоррупционный центр НИУ ВШЭ, 2019. 64 с.
16. Рудых А.А. О некоторых направлениях цифровизации расследования преступлений // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 3 (25). С. 70–79.
17. Степаненко Д.А. Криминалистическая наука в реалиях информационного общества // Криминалистические чтения на Байкале – 2015 : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 18–19 июня 2015 г. / под ред. Д.А. Степаненко. Иркутск, 2015. С. 105–109.
18. Степаненко Д.А., Коломинов В.В. Цифровая реальность и криминалистика // Глаголь правосудия. 2018. № 3 (17). С. 38–43.
19. Грибанов Ю.И. Цифровая трансформация социально-экономических систем на основе развития института сервисной интеграции : дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2019. 355 с.
20. Коломыченко М. TOR хозяйствующих субъектов // Издательский дом Коммерсантъ. 2015. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2861002> (дата обращения: 25.04.2021).
21. Титаев К., Шклярук М. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность. М. : Норма, 2016. 192 с.
22. Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 2 (104). С. 43–49.
23. Афанасьев А.Ю. Искусственный интеллект или интеллект субъектов выявления, раскрытия и расследования преступлений: что победит? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 3 (38). С. 28–34.
24. Степаненко Д.А., Бахтеев Д.В., Евстратова Ю.А. Использование систем искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 2. С. 206–214.
25. Alarie B., Niblett A., Yoon A. How Artificial Intelligence Will Affect the Practice of Law // International Review of Intellectual Property and Competition Law (IIC). 2017. Vol. 43, № 5. P. 532–554.
26. Buocz Th.J. Artificial Intelligence in Court: Legitimacy Problems of AI Assistance in the Judiciary // Retskraft – Copenhagen Journal of Legal Studies. 2018. Vol. 2, № 1. P. 41–59.
27. Re R.M., Solow-Niederman A. Developing Artificially Intelligent Justice // Stanford Technology Law Review. 2019. Vol. 22, № 1. P. 242–289.
28. Чурзина Л.Д., Добряк И.В. Искусственный интеллект: робот и право. Может ли робот быть судьей? // Неделя науки Санкт-Петербургского государственного морского технического университета. 2018. № 1 (1). С. 24–25.
29. Апостолова Н.Н. Искусственный интеллект в судопроизводстве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 3. С. 135–141.
30. Бехтеев Д.В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы. М. : Проспект, 2021. 176 с.
31. Остроух А.В., Суркова Н.Е. Системы искусственного интеллекта. СПб. : Лань, 2019. 228 с.
32. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. М. : Буки Веди, 2017. 258 с.
33. Степаненко Д.А., Рудых А.А. К вопросу об использовании механизма удаленной идентификации и аутентификации в правоохранительной деятельности // Технологии XXI века в юриспруденции : материалы Третьей междунар. научн.-практ. конф. (Екатеринбург, 21 мая 2021 г.) / под ред. Д.В. Бахтеева. Екатеринбург : Урал. гос. юрид. ун-т, 2021. С. 318–326.

References

1. Akoff, R. (2002) *Akoff o menedzhmente* [Akoff on management]. Translated from English. Saint Petersburg: Piter.
2. Porter, M. (2001) *Konkurentsiya* [Competition]. Translated from English. Moscow: Vil'yams.
3. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1992) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 72 500 slov i 7 500 frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory dictionary of the Russian language: 72,500 words and 7,500 phraseological expressions]. Moscow: Az" Ltd.

4. Karloff, B. (1991) *Delovaya strategiya: kontseptsiya, sodержanie, simvoly* [Business strategy: concept, content, symbols]. Translated from English. Moscow: Ekonomika.
5. Prosalova, V.S. & Smol'yaninova, E.N. (2011) Teoreticheskie podkhody k formirovaniyu definitsii strategii [Theoretical approaches to the formation of the definition of strategy]. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki*. 4 (127). pp. 9–16.
6. Khizhnyak, D.S. (2018) *Metodologicheskie osnovy rassledovaniya transnatsional'nykh prestupleniy: model'nyy podkhod* [Methodological foundations of the investigation of transnational crimes]. Law Dr. Diss. Saratov.
7. Prosalova, V.S. (2011) Teoreticheskie osnovy ponyatiya "Strategiya" [Theoretical foundations of the concept "Strategy"]. *Sovremennye tendentsii v ekonomike i upravlenii: novyy vzglyad*. 7. pp. 19–23.
8. Ansoff, I. (1989) *Strategicheskoe upravlenie* [Strategic management]. Moscow: Ekonomika.
9. Vikhanskiy, O.S. (1995) *Strategicheskoe upravlenie* [Strategic management]. Moscow: MSU.
10. Mintsberg, H. et al. (2001) *Strategicheskyy protsess* [Strategic process]. Translated from English. Saint Petersburg: Piter.
11. Mintzberg, G., Ahlstrand, B. & Lampel, J. (2000) *Shkoly strategiy* [Strategy safari]. Translated from English. Saint Petersburg: Piter.
12. Potapova, E.G., Poteev, P.M. & Shklyaruk, M.S. (eds) (2021) *Strategiya tsifrovoy transformatsii: napisat', chtoby vypolnit'* [Digital Transformation Strategy: Write to Execute]. Moscow: RANEP.
13. Surin, A.V. (2008) Printsipy razrabotki strategii razvitiya g. Moskvy [Principles of elaborating a strategy for the development of Moscow]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*. 1. pp. 1–18.
14. Stepanenko, D.A. (2020) Kiberprostranstvo kak modulyator protsessa rassledovaniya prestupleniy i razvitiya kriminalisticheskoy nauki [Cyber-space as a Modulator of the Investigation of Crimes and the Development of Forensic Science]. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya*. 1 (27). pp. 77–88.
15. Komin, M. (ed.) (2019) *Sistema gosudarstvennykh zakupok v Rossii: konkurentsia protiv kachestva?: otchet o NIR / NIOKR* [Public procurement system in Russia: competition against quality?: report on research/R&D]. Moscow: TsPUR; Antikorrupsionnyy tsentr NIU VShE.
16. Rudykh, A.A. (2019) O nekotorykh napravleniyakh tsifrovizatsii rassledovaniya prestupleniy [On some directions of digitalization of crime investigation]. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya*. 3 (25). pp. 70–79.
17. Stepanenko, D.A. (2015) [Forensic science in the realities of the information society]. *Kriminalisticheskie chteniya na Baykale – 2015* [Forensic readings on Baikal – 2015]. Proceedings of the International Conference. Irkutsk. 18–19 June 2015. Irkutsk. pp. 105–109. (In Russian).
18. Stepanenko, D.A. & Kolominov, V.V. (2018). Tsifrovaya real'nost' i kriminalistika [Digital Reality and Criminalistics]. *Glagol' pravosudiya*. 3 (17). pp. 38–43.
19. Gribanov, Yu.I. (2019) *Tsifrovaya transformatsiya sotsial'no-ekonomicheskikh sistem na osnove razvitiya instituta servisnoy integratsii* [Digital transformation of socioeconomic systems based on the development of the institution of service integration]. Economics Dr. Diss. Saint Petersburg.
20. Kolomychenko, M. (2015) *TOR khozyaystvuyushchikh sub'ektov* [TOR of business entities]. Izdatel'skiy dom Kommersant". [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/2861002> (Accessed: 25.04.2021).
21. Titaev, K. & Shklyaruk, M. (2016) *Rossiyskiy sledovatel': prizvanie, professiya, povsednevnyy* [Russian investigator: vocation, profession, everyday life]. Moscow: Norma.
22. Bakhteev, D.V. (2018) Iskusstvennyy intellekt v kriminalistike: sostoyanie i perspektivy ispol'zovaniya [Artificial intelligence in forensic science: state of the art and prospects for use]. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*. 2 (104). pp. 43–49.
23. Afanas'ev, A.Yu. (2018) Iskusstvennyy intellekt ili intellekt sub'ektov vyavleniya, raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy: chto pobedit? [Artificial intelligence or the intelligence of the subjects of detecting, disclosing and investigating crimes: what will win?]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal*. 3 (38). pp. 28–34.
24. Stepanenko, D.A., Bakhteev, D.V. & Evstratova, Yu.A. (2020) Ispol'zovanie sistem iskusstvennogo intellekta v pravookhranitel'noy deyatel'nosti [The use of artificial intelligence systems in law enforcement]. *Vserossiyskiy kriminologicheskyy zhurnal*. 14 (2). pp. 206–214.
25. Alarie, B., Niblett, A. & Yoon, A. (2017) How Artificial Intelligence Will Affect the Practice of Law. *International Review of Intellectual Property and Competition Law (IIC)*. 43 (5). pp. 532–554.
26. Buocz, Th.J. (2018) Artificial Intelligence in Court: Legitimacy Problems of AI Assistance in the Judiciary. *Retskraft – Copenhagen Journal of Legal Studies*. 2 (1). pp. 41–59.
27. Re, R.M. & Solow-Niederman, A. (2019) Developing Artificially Intelligent Justice. *Stanford Technology Law Review*. 22 (1). pp. 242–289.
28. Churzina, L.D. & Dobryak, I.V. (2018) Iskusstvennyy intellekt: robot i pravo. Mozhet li robot byt' sud'ey? [Artificial intelligence: robot and law. Can a robot be a judge?]. *Nedelya nauki Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo morskogo tekhnicheskogo universiteta*. 1 (1). pp. 24–25.
29. Apostolova, N.N. (2019) Iskusstvennyy intellekt v sudoproizvodstve [Artificial Intelligence in Legal Proceedings]. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskyy vestnik*. 3. pp. 135–141.
30. Bekhteev, D.V. (2021) *Iskusstvennyy intellekt: etiko-pravovyye osnovy* [Artificial intelligence: ethical and legal foundations]. Moscow: Prospekt.
31. Ostroukh, A.V. & Surkova, N.E. (2019) *Sistemy iskusstvennogo intellekta* [Artificial intelligence systems]. Saint Petersburg: Lan'.
32. Morkhat, P.M. (2017) *Iskusstvennyy intellekt: pravovoy vzglyad* [Artificial intelligence: legal view]. Moscow: Buki Vedi.
33. Stepanenko, D.A. & Rudykh, A.A. (2021) [On using the mechanism of remote identification and authentication in law enforcement]. *Tekhnologii XXI veka v yurisprudentsii* [Technologies of the 21st century in jurisprudence]. Proceedings of the International Conference. Yekaterinburg. 21 May 2021. Yekaterinburg: Ural State Law University. pp. 318–326. (In Russian).

Информация об авторе:

Смушкин А.Б. – канд. юрид. наук, доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия). E-mail: skif32@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.B. Smushkin, Cand. Sci. (Law), associate professor, Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation). E-mail: skif32@ya.ru

The author declares no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 10.11.2021;
одобрена после рецензирования 02.02.2022; принята к публикации 20.05.2022.

The article was submitted 10.11.2021;
approved after reviewing 02.02.2022; accepted for publication 20.05.2022.

Научная статья
УДК 342.156; 94(367)
doi: 10.17223/15617793/478/30

Самоопределение русинов: историко-правовые и социально-политические аспекты и перспективы осуществления

Дмитрий Викторович Хаминов^{1, 2}, Игорь Юрьевич Остапович³, Юрий Валерьевич Филимонов^{4, 5}

^{1, 4} Томский государственный университет, Томск, Россия

^{2, 5} Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия

³ Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия

^{1, 2} khaminov@mail.ru

³ ostapovich7@mail.ru

^{4, 5} Fuv2007@mail.ru

Аннотация. Исследованы историко-правовые и социально-политические аспекты права на самоопределение русинов как самостоятельной этнической общности. Рассмотрены предпосылки становления русинской нации и ее органичная взаимосвязь с первым древнерусским государством – Киевской Русью. Раскрыты проблемы признания русинов отдельным народом и национальным меньшинством в контексте соблюдения прав человека.

Ключевые слова: русины, народ, национальная идентичность, национальная идеология, право на самоопределение, автономия, независимость, национальное меньшинство

Для цитирования: Хаминов Д.В., Остапович И.Ю., Филимонов Ю.В. Самоопределение русинов: историко-правовые и социально-политические аспекты и перспективы осуществления // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 251–257. doi: 10.17223/15617793/478/30

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/30

Self-determination of Rusyns: Historical, legal and sociopolitical aspects of implementation

Dmitry V. Khaminov^{1, 2}, Igor Yu. Ostapovich³, Yuriy V. Philimonov^{4, 5}

^{1, 4} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

^{2, 5} Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation

³ Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation

^{1, 2} khaminov@mail.ru

³ ostapovich7@mail.ru

^{4, 5} Fuv2007@mail.ru

Abstract. The acquisition of statehood by the Eastern Slavic peoples – Russians, Ukrainians and Belarusians – actualized the issue of self-determination of another related community – Rusyns, who originally lived in Transcarpathia and on the territory of other countries. In the modern Ukrainian state, Rusyns are not classified as a separate (indigenous) people or national minority, they are regarded as part of the Ukrainian ethnos and are under the threat of targeted assimilation. The article aims to substantiate the right of the Rusyn people to be recognized as an ethnic minority, to search for an optimal model of its self-identification, and to determine its equal position in the family of Eastern Slavs, taking into account the political and legal reality. For a comprehensive characterization of the object of research, the authors analyze scientific and normative sources that reveal the historical and political prerequisites for the formation of the Rusyn people's ethnic identity, caused by its isolated and long-term presence in the environment of a foreign-speaking and other-confessional population. Based on general scientific, specific scientific and special research methods, in particular, on the fact of an established original culture, a stable way of life, a well-developed literary Rusyn language, maintained permanent cross-border relationships between communities of foreign countries, the authors infer that there is a sociocultural reality – the Rusyn people. This conclusion is confirmed by examples from foreign legislation that classify Rusyns as an ethnic minority different from Ukrainians and allow the official use of the Rusyn language in places of Rusyns' compact settlement at the level of local communities in several European countries. In addition, attention is focused on international documents on human rights, which reflect the approach that national self-identification is realized as a result of an ethos's own sociopolitical choice rather than on the basis of ideological or other expediency in relation to an ethnos from the outside. Recognition of Rusyns as a national minority in Ukraine is seen in the introduction of this item on the agenda of international relations, including the convening of an international conference on this topic. Self-determination of the Rusyn people can be carried out in the

form of intrastate autonomy, by analogy with what happened earlier in Article 81 of the Versailles Treaty of 1919 by decision of the leading powers of the world. Here, according to the authors, the main role belongs to Russia, since apart from it there are no other influential actors in world politics capable of ensuring the rights of the kindred Rusyn people through the involvement of international human rights mechanisms and other opportunities.

Keywords: Rusyns, people, national identity, national ideology, right to self-determination, autonomy, independence, national minority

For citation: Khaminov, D.V., Ostapovich, I.Yu. & Philimonov, Yu.V. (2022) Self-determination of Rusyns: Historical, legal and sociopolitical aspects of implementation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 251–257. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/30

Русины (самоназвание этноса), или руснаки (внешний по отношению к русинам этноним, употреблявшийся в Средневековье и в Новое время в государствах западных славян, где проживали русины), являются потомками древнерусской народности, от которой происходят восточные славяне, получившие свою государственность в составе России, Украины и Белоруссии. При этом русины самоидентифицируют себя как отдельную национальную общность, хотя и органично связанную с украинцами, русскими и белорусами [1–5]. Отсюда представляются важными определение допустимости применения к русинам политико-правовой категории «народ» и отнесение их к субъекту политических и правовых отношений, а рассматриваемую сферу – к предмету научного исследования.

Исторически генезис и динамика развития русинского сообщества тесно связаны с политико-административными и пространственными изменениями, происходившими на землях Восточно-Европейской равнины. Не вдаваясь подробно в филологический разбор и терминологию, а также в многочисленные дискуссии, которые происходят по данной тематике, отметим лишь, что понятие «русин» зародилось уже в первые века возникновения более или менее централизованной Киевской Руси X–XI вв. – в то время еще достаточно полиэтнического политико-территориального образования.

По документальным источникам (первые договоры Руси и Византии X в., Краткая и Пространная редакции Русской Правды начала XI – начала XII в., Повесть временных лет начала XII в. и т.п.) усматривается, что этноним «русин» складывался вместе с «конструированием» государства восточных славян. Приведем лишь один пример. Текст первой статьи Краткой редакции Русской Правды (по Академическому списку середины XV в.) дает перечень различных групп и категорий населения: «Оубьеть моужь моужа, то мьститъ братоу брата, или сынови отца, либо отцю сына, или братоучадоу, либо сестриноу сынови; аще не боудеть кто мьстя, то 40 гривень за голову; аще боудеть роусинь, либо гридинь, либо коупчина, либо ябетникъ, либо мечникъ, аще (в) изьгой боудеть, либо словенинь, то 40 гривень положи за нь». В процитированной норме перечислены категории населения по их социальному положению (например, «моужь», «изьгой»), по роду занятий или по месту в княжеской иерархии (например, «гридинь», «коупчина», «ябетникъ» и т.д.), по региональной принадлежности проживания – «роусинь» (трактуются в научной литературе как житель среднего

Поднепровья – как собирательное название представителей различных славянских племен) и несколько противопоставляемый в политическом плане русину «словенинь» (житель Приильменя, политическим центром которого выступал Новгород). Первая статья Пространной Русской Правды (по Троицкому списку второй половины XIV в.) повторяет логику Краткой Правды [6].

Таким образом, можно сделать вывод, что русин в представлении того конкретного исторического этапа и в официальной терминологии – это житель Киевской Руси, так как новгородцы в то время называли Русью именно Киевскую Русь и прилежащие к ней земли. Благодаря термину «русин» князья пытались объединить, обозначить единым понятием все разнородное население страны. Долгое время упомянутый этноним имел распространение на всем пространстве, входившем в состав древнерусского государства, пока не стал заменяться иными идентичностями периода политической децентрализации средневекового русского государства, связанными с принадлежностью к тому или иному княжеству или земле – новгородцы, черниговцы, тверичи, москвичи, суздальцы и т.д.

Того же видения придерживается историография нашего времени. Так, крупнейший современный исследователь истории русинов, канадский историк-славист, профессор Университета Торонто Пол Роберт Магочи в своем капитальном труде *With Their Backs to the Mountains. A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns* отмечает, что сам по себе этноним «русин» в Средние века означал всех восточнославянских жителей исторической Руси. Более того, названный этноним оставался еще и главным средством этнической самоидентификации белорусов и многих украинцев вплоть до начала XX в. [2. Р. 3].

В эпоху политической раздробленности русских земель территория Галицко-Волынского княжества, к которому относилось Закарпатье (равно как и большая часть земель, населенных русинами), подверглась захвату со стороны Венгерского королевства и на протяжении всего Средневековья была его частью, а позже, в Новую эпоху, оказалась в составе Австро-Венгерской империи.

По окончании Первой мировой войны произошел распад двух крупнейших империй Европы – Российской и Австро-Венгерской, а из их частей возник десяток новых независимых европейских государств. Между двумя мировыми войнами русины оказались гражданами нескольких государств и находились под различной юрисдикцией. Наибольшее число русинов проживало в Закарпатье, которое при распаде Австро-

Венгерской империи вошло в новое государство – Чехословакию, и с 1919 по 1938 г. находилось там в статусе автономии Подкарпатской Руси (это первый и пока единственный в летописи русинов случай их самоопределения как отдельного народа). После захвата Чехословакии Германией в 1939 г. жизненное пространство русин вновь отошло к Венгрии.

Также местами проживания и расселения русин стали восток Словакии (Пряшевская Русь), юго-восток Польши (Лемковщина), северо-восток Венгрии, северо-запад Румынии (Марамарош), а также сербская Воеводина и хорватская Славония. Региональная принадлежность русинов в перечисленных государствах не менялась с конца Второй мировой войны.

В 1945–1946 гг., ввиду череды изменений своего административно-политического статуса, Закарпатье в форме Закарпатской области вошло в состав УССР [7]. Статья 1 Договора между СССР и Чехословацкой Республикой о Закарпатской Украине говорит об этом событии: «Закарпатская Украина (носящая, согласно Чехословацкой Конституции, название Подкарпатская Русь), которая на основании Договора от 10 сентября 1919 г., заключенного в Сен-Жермен ал Лэ, вошла в качестве автономной единицы в рамки Чехословацкой Республики, воссоединяется, в согласии с желанием, проявленным населением Закарпатской Украины, и на основании дружественного соглашения обеих Высоких Договаривающихся Сторон, со своей издавней родиной – Украиной, и включается в состав Украинской Советской Социалистической Республики».

В провозглашенном формате Закарпатская область находилась весь советский и постсоветский периоды – в составе сначала УССР, а затем суверенной Украины.

Проблематика, связанная с политико-правовым статусом русин, освещалась в отечественной и зарубежной науке в разные исторические периоды – дореволюционный [8–15], советский (только в зарубежных источниках; внутри СССР этноним «русин» не применялся по политическим причинам) [16, 17], постсоветский и в текущий момент [18]. Из проведенных исследований следует, что национальная идентичность русин проистекает из исторической памяти, преемственности и сохранения многих культурных и языковых (архаичных) традиций Древней Руси, их изолированного многовекового нахождения в окружении иноязычного и иноконфессионального населения.

Несмотря на некоторые этнокультурные отличия, вызванные тем, что русины кроме Украины проживают в Молдове, Румынии, Венгрии, Польше, Словакии, Сербии, Хорватии, имеют большие общины в США и Канаде, они своей исконной родиной рассматривают Закарпатье, осознают себя в качестве отдельного народа, который, обладая своей самобытной культурой, жизненным укладом и языком, не сливается с украинцами или представителями иных этносов [19]. Общины русин из разных государств поддерживают межэтнические взаимоотношения и взаимодействие, обеспечивая тем самым национальную транснациональную идентичность (самодостаточность) [18.

С. 22]. Важно, что родственные им русский и белорусский народы этнически разделяют русин и украинцев, не отрицая происхождения восточных славян от единой древнерусской народности, образовавшей еще до первой государственности на Руси.

Соответственно, следует исходить из социокультурной реальности – самостоятельной национальной общности – русинского народа. Но здесь необходимо иметь в виду следующее. С одной стороны, сложившееся национальное самосознание народа часто выступает побудительным и движущим мотивом для его самоопределения. Но с другой стороны, оно порождает немало противоречий и социальных конфликтов. Так, распад Союза ССР повлек за собой ряд межнациональных конфликтов, не урегулированных до настоящего времени, усилив в бывших союзных республиках (кроме России) настрой на построение государств на мононациональной основе без учета фактора исторической многонациональности населения, проживавшего на пространствах бывшего СССР.

Украинское Закарпатье выступает средоточием русинского народа, его традиционным местом происхождения и проживания. Следовательно, русины выступают национальным меньшинством относительно государствообразующего народа – украинцев. Но в нынешней Украине они не отнесены к отдельному (коренному) народу или даже к национальному меньшинству, что давало бы право на учет их законных интересов либо позволяло претендовать на какую-либо форму самоопределения. Они расцениваются частью украинской нации без какой-либо самостоятельной идентификации, находясь под угрозой целенаправленной ассимиляции. Причем названный подход отражает еще политически мотивированную советскую позицию, а та воспроизводила дореволюционное видение по данному национальному вопросу. Здесь следует уточнить, что 7 марта 2007 г. сессия Областной рады Закарпаття признала русинов коренной национальностью края, но это принципиально не изменило суть самой проблемы.

В реалиях многообразия общественной жизни, приоритетного значения принципа прав человека нельзя игнорировать то обстоятельство, что национальная самоидентификация реализуется не исходя из политической или идеологической целесообразности по отношению к какому-либо этносу извне, а представителями самого этноса путем его свободного выбора. Указанный вывод соответствует ст. 3 Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств (заключена в Страсбурге 1 февраля 1995 г.) [20] и более четко изложен в ст. 2 Конвенции об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам (заключена в Москве 21 октября 1994 г.) [21], из которой Украина вышла в 2005 г. В любом случае действует общепризнанный консенсус, что наличие национальной идентичности устанавливают сами ее носители. Русинами на этом пути проявлены воля, решимость по реализации своих этнических притязаний. Народное волеизъявление находит выражение в национальной истории русин, создании ими своего кодифицированного (литературного) языка, пригод-

ного для целей образования, в сбережении территории исторического проживания и своей численности (по разным оценкам – до 2 млн чел.). Оно также воплощается в самом национальном русинском движении за его признание, в том числе в форме легитимного голосования за автономию Закарпатья на референдуме в 1991 г., проведении съездов, других общественно-политических мероприятий.

К тому же на уровне внутренней политики и в системе правового регулирования зарубежных государств, на землях которых проживают русины, они считаются национальным меньшинством, обособленным в части этнической идентичности от украинцев. Наиболее четко подобное положение зафиксировано в Хорватии, где в преамбуле Конституции в числе других указаны традиционные национальные меньшинства – украинцы и русины, имеющие равные права в соответствии с Конституционным законом о правах национальных меньшинств в Республике Хорватия 2002 г. В переписи населения 2001 г. русины (2 337 / 0,05%) и украинцы (1 997 / 0,04%) отмечены раздельно [22. С. 19], аналогично и в переписи 2011 г. Хорватия в 1997 г. ратифицировала Хартию о меньшинствах и региональных языках Совета Европы, приняв обязательства по защите, охране и сохранению семи языков национальных меньшинств, включая русинский и украинский [22. С. 22]. Русинский язык официально используется в населенном пункте Петровцы одного из муниципалитетов Хорватии. И это единственная страна, признающая русинское национальное меньшинство на конституционном уровне.

Законодательство Сербии также разделяет русин и украинцев. В переписи населения 2011 г. по национальной принадлежности выделены русины (14 246) и украинцы (4 903) [23. С. 231]. Кроме того, русины ранее упоминались в Конституции Сербии 1963 г., а сегодня русинский язык официально используется в шести муниципалитетах Сербии [23. С. 235]. Согласно принятым международным обязательствам сербское государство обеспечивает защиту русинского и украинского языков, рассматривая их как языки разных народов. Аналогично в Законе Республики Босния и Герцеговина «О защите прав представителей национальных меньшинств» при перечислении национальных меньшинств русины отделены от украинцев и русских [24. С. 59]. Сходный подход применен в Законе Венгрии о правах национальных и этнических меньшинств, где в заключительных положениях поименованы отдельно аборигенные народы – украинцы и русины, а язык последних – русинский [25]. В единой Чехословакии в межвоенный период русины считались одним из древнейших народов Восточной Европы, и их земли именовались Закарпатской Русью. Поэтому в Словакии русины рассматриваются национальным меньшинством (1991), а русинский язык рассценивается отдельным языком (1995) [26]. В Словакии они могут учиться на родном языке, вести издательскую деятельность, в Прешове действует Институт русинского языка и культуры при Центре языков и культур национальных меньшинств Прешовского университета. В Румынии русины признаны нацио-

нальным меньшинством и имеют своего депутата в парламенте. В перечисленных странах русинам оказывается финансовая государственная поддержка.

В России численность русинов невысока – немногим более 200 человек по переписи населения 2010 г. Они считаются национальным меньшинством, не отнесенным к категории коренного народа, ввиду того что традиционно не проживают в России, хотя и обладают этническим родством по отношению к русскому народу. Национально-культурное самоопределение российских русинов допустимо, начиная от разных форм общественной самоорганизации и до уровня национально-культурной автономии, что, исходя из их количества в российском государстве, следует полагать достаточным.

Россия пока не выражала своей официальной позиции по статусу русин и не относит его к приоритетам своей региональной политики с учетом политических взаимоотношений с Украиной. Но возможная активизация в этом направлении не противоречит пп. «з» п. 45 Концепции внешней политики Российской Федерации [27] (в том числе в новой редакции), предусматривающему развитие на межгосударственном уровне культурных и гуманитарных связей славянских народов.

Не менее сложным представляется вопрос о форме самоопределения русин на Украине. Если их констатация национальным меньшинством отнесена к сфере соблюдения индивидуальных прав человека, и государства обязаны выполнять принятые международные обязательства, даже если они противоречат внутригосударственным интересам, то самоопределение представляется не столь однозначным явлением.

Анализ Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, конкретизировавшей в том числе принцип равноправия и самоопределения народов [28], свидетельствует, что международно-правовое самоопределение народов в основном обусловлено освобождением от колониальной зависимости, допускающим и иные основания его осуществления. Но последнее требует соблюдения принципа территориальной целостности государств. Соответственно, если не опираться на факт международно-правового признания Косово, где возобладало сугубо политическое решение, международное сообщество в целом придерживается незыблемости принципа территориальной целостности государств, получившего закрепление в Заключительном акте СБСЕ 1975 г., и намерено рассматривать самоопределение народов в форме создания независимых государств больше исключением, а не тенденцией. Как правило, в практике обретения независимости новых государств в прошедшие десятилетия есть конкретные заинтересованные в таком разрешении страны. В ситуации с русинами подобных субъектов нет. Отсюда политическое самоопределение русин в форме образования независимого государства, что чревато нарушением государственной целостности Украины, невозможно.

Решение вопроса о самоопределении русин на Украине упирается в принцип невмешательства во внутренние дела других государств и, кроме того, зависит от самоопределения в Закарпатской области Украины венгерского, румынского и иных проживающих там национальных меньшинств. Хотя нельзя игнорировать прецедент внешнего закрепления внутригосударственного самоопределения русин в ст. 81 Версальского договора 1919 г. (Автономная территория Русин в составе Чехословацкого государства) [29] и его главных авторов – США, Франции, Великобритании, других стран и при отсутствии России.

На наш взгляд, возможным шагом в направлении самоопределения национальных меньшинств в Закарпатье, в том числе русин, могло бы стать инициирование по дипломатической линии создания консультативно-координационного механизма, объединяющего заинтересованные государства и международные организации, например в виде Международной Закарпатской платформы, для внесения данного вопроса во внешнеполитическую повестку до его приемлемого разрешения. Работу такого механизма можно организовать по следующим направлениям:

1) включение вопроса о самоопределении национальных меньшинств Закарпатской области Украины во внешнеполитическую сферу в целях обеспечения международной безопасности региона;

2) защита прав национальных меньшинств в Закарпатье от принудительной ассимиляции;

3) социальное и экономическое развитие Закарпатья в рамках регионального международного сотрудничества.

Русины сегодня не утратили надежды на помощь России в решении своего национального вопроса. Но есть и другая сторона: зачем России проявлять свою политическую волю по инициированию крайне непростого процесса с неизвестными итоговыми результатами, прилагать немалые усилия по преодолению неизбежного недружественного противодействия и принимать на себя морально-политическую ответственность перед гражданами Украины и других стран? Ответ кроется в месте России на мировой арене. Кроме нее нет других влиятельных акторов, способных обеспечить права родственного русинского национального меньшинства (в Словакии его именуют «тихим меньшинством»), задействовав для этой

цели международные правозащитные механизмы и иные возможности. В противном случае для русин на Украине имеется угроза ассимиляции.

Думается, новейшие события на Украине будут способствовать становлению контуров новой национальной идеологии, базирующейся на идентичности, происходящей от единой древнерусской народности и получившей нынешнюю реализацию в форме конституционной идентичности русского, украинского и белорусского народов. Такая основа будет содействовать разрешению проблемы признания русин национальным меньшинством, а правильной – коренным народом, родственным русским, украинцам и белорусам, их дальнейшему самоопределению в семье восточных славян в качестве равноправного народа, достижению тем самым исторической справедливости. Опыт русинского народа в сохранении своей этнической идентичности весьма ценен и требует обобщения ввиду того, что он обусловлен многонациональным и многоконфессиональным окружением. Существование самого механизма сохранения идентичности русин еще требует исследования, поскольку именно функционирование такого механизма выступает отправным началом или компонентом национальной идеи, которая видится в союзе восточнославянских народов в рамках их конституционной идентичности и при системообразующей и ответственной роли в нем России, а также связанной с ней национальной идеологии (взаимосвязанных взглядов восточнославянских народов), что имеет стратегическое значение для российской государственности и ее будущего.

По нашему мнению, любая политическая идеология, в отличие от национальной, не выдерживает длительную проверку практикой. В свою очередь, национальная идеология основана на коллективных представлениях и образах на уровне человеческой психики, порой подсознательных, как, например, вера в Бога, потому устойчива и постоянна. Ее формирование и поддержание осуществляются в результате целенаправленной социальной деятельности – воспитания (в том числе религиозного, патриотического), общего и высшего образования, искусства и других ее видов, также на нее влияют внешние факторы, т.е. в значительной степени этот процесс регулируем и организуем.

Список источников

1. Encyclopedia of Rusin History and Culture / P.R. Magocsi, I. Pop (eds.). Toronto : University of Toronto Press, 2002. 569 p.
2. Magocsi P.R. With Their Backs to the Mountains: a History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns. Budapest : Central European University Press, 2015. 511 p.
3. Годьмаш П.В., Годьмаш С.П. Подкарпатская Русь и Украина. Ужгород : Патент, 2003. 389 с.
4. Миронов Г.Ю. Исторический аспект проблемы идентификации русинского этнокультурного сообщества : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. Ростов н/Д, 2013. 25 с.
5. Энциклопедия истории и культуры карпатских русинов / под общей ред. П.-Р. Магочи. Ужгород : Изд-во В. Падяка, 2010. 854 с. (на укр. яз.)
6. Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1953. 192 с.
7. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республикой о Закарпатской Украине : международный договор от 29.06.1945 // Правда. 1945. 30 июня. № 155 (9926).
8. Bidermann H.I. Die ungarische Ruthenen: ihr Wohngebiet, ihr Erwerb und ihre Geschichte. Innsbruck : Wagner, 1862. 140 S.
9. Аристов Ф.Ф. Карпато-русские писатели: исследования по неизданным источникам : в 3 т. 2-е изд., доп. М. : Галицко-русское о-во в Петрограде, 1916. Т. 1. 45, XVI, 304 с. (Репринтное воспроизведение издания 1916 г. М., 1977).
10. Василевский Л. Венгерские руснаки и их судьба // Русское богатство. 1914. № 3. С. 362–375.

11. Духнович А. Истинная история карпато-россов или угорских русинов // Русский архив. М. : Синодальная тип., 1914. Ч. 4. С. 529–559.
12. Несторовский П.А. Бессарабские русины: историко-этнографический очерк. Варшава : Тип. «Сатурн», 1905. 174 с.
13. Орлай И.С. История о карпато-россах или о переселении россиян в Карпатские горы и о приключениях с ними случившихся // Северный вестник. 1804. Ч. 1, № 2. С. 158–172; № 3. С. 261–276; Ч. 3, № 8. С. 267–293.
14. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб. : Изд-во Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1861. [Вып. 3]: Бессарабская губерния... по сведениям 1859 года / обраб. А. Артемьевым. XXXV, 77 с.
15. Явдык Л.Н. История Угорской Руси. Варшава : Тип. Варш. ин-та глух. и слеп., 1904. 80 с.
16. Peradzka K. Na szlakach Lemkowszczyzny. Warszawa, 1939. 152 с.
17. Лемкин И.Ф. История Лемковины : в 5 ч. [Б. м.]: Юнкерс, 1969. 384 с.
18. Цуй Линь. Межэтническое взаимодействие и этническая идентичность (на примере русинов в Галиции) : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2003. 28 с.
19. Крылов А. Выживет ли Русь под Карпатами? // Столетие : интернет-газета. 2008. 23 дек. URL: http://www.stoletie.ru/slavyanskoe_pole/vizhivet_li_rus_pod_karpatami_2008-12-23.htm (дата обращения: 08.04.2022).
20. Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (ETS N 157) : (заключена в Страсбурге 01.02.1995) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 11. Ст. 1256.
21. Конвенция об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам : (заключена в Москве 21.10.1994) // Содружество : информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 1994. № 3 (16). С. 74–80.
22. Катунин Д.А. Современное языковое законодательство Хорватии: становление и тенденции. Статья первая // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 2 (10). С. 18–44.
23. Катунин Д.А. Языковые права русинов, украинцев и других национальных меньшинств в законодательстве Республики Сербия // Русин. 2015. № 1 (39). С. 229–238.
24. Катунин Д.А. Языковые права русинов, украинцев и других национальных меньшинств в законодательстве Боснии и Герцеговины // Русин. 2015. № 3 (41). С. 55–66.
25. Шаншиева Л.Н. Особенности положения национальных меньшинств в Венгрии // Национальные меньшинства в странах Центрально-Восточной Европы : сб. обзоров и рефератов. М. : ИНИОН РАН. 2007. С. 8–19.
26. Словацкая мозаика национальных меньшинств // Национальные меньшинства в странах Центрально-Восточной Европы : сб. обзоров и рефератов. М. : ИНИОН РАН, 2007. С. 83–98.
27. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : Указ Президента РФ от 30.11.2016 № 640 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 49. Ст. 6886.
28. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций : (принята 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международное публичное право : сб. документов. М. : БЕК, 1996. Т. 1. С. 2–8.
29. Версальский мирный договор : полный перевод с французского подлинника / под ред. Ю.В. Ключникова, А. Сабанина. М. : Литиздат НКВД, 1925. XXXI, 198 с.

References

1. Magocsi, P.R. & Pop, I. (eds) (2002) *Encyclopedia of Rusyn History and Culture*. Toronto: University of Toronto Press.
2. Magocsi, P.R. (2015) *With Their Backs to the Mountains: a History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns*. Budapest: Central European University Press.
3. God'mash, P.V. & God'mash, S.P. (2003) *Podkarpatskaya Rus' i Ukraina* [Subcarpathian Rus and Ukraine]. Uzhgorod: Patent.
4. Mironov, G.Yu. (2013) *Istoricheskiy aspekt problemy identifikatsii rusinskogo etnokul'turnogo soobshchestva* [The historical aspect of the problem of identification of the Rusyn ethno-cultural community]. Abstract of History Cand. Diss. Rostov-on-Don.
5. Magochi, P.R. (ed.) (2010) *Entsiklopediya istorii i kul'tury karpatskikh rusinov* [Encyclopedia of the history and culture of the Carpathian Rusyns]. Uzhgorod: Izd-vo V. Padyaka. (In Ukrainian).
6. Tikhomirov, M.N. (1953) *Posobie dlya izucheniya Russkoy Pravdy* [A study on Russian Truth]. Moscow: MSU.
7. *Pravda*. (1945) *Dogovor mezhdru Soyuzom Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik i Chekhoslovatskoy Respublikoy o Zakarpatskoy Ukrainie: mezhdunarodnyy dogovor ot 29.06.1945* [Treaty between the Union of Soviet Socialist Republics and the Czechoslovak Republic on Transcarpathian Ukraine: international treaty of 29.06.1945]. 30 June. 155 (9926).
8. Bidermann, H.I. (1862) *Die ungarische Ruthenen: ihr Wohngebiet, ihr Erwerb und ihre Gerschichte*. Innsbruck: Wagner.
9. Aristov, F.F. (1916) *Karpato-russkie pisateli: issledovaniya po neizdannym istochnikam: v 3 t.* [Carpatho-Russian writers: studies on unpublished sources: in 3 vols]. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Galitsko-russkoe o-vo v Petrograde.
10. Vasilevskiy, L. (1914) *Vengerskie rusnaki i ikh sud'ba* [Hungarian Rusnaks and their fate]. *Russkoe bogatstvo*. 3. pp. 362–375.
11. Dukhnovich, A. (1914) *Istinnaya istoriya karpato-rossov ili ugarskikh rusinov* [The true history of the Carpatho-Rusyns or Ugrian Rusyns]. *Russkiy arkhiv*. 4. pp. 529–559.
12. Nestorovskiy, P.A. (1905) *Bessarabskie rusiny: istoriko-etnograficheskiy ocherk* [Bessarabian Rusyns: a historical and ethnographic essay]. Varshava: Tip. "Saturn".
13. Orlay, I.S. (1804) *Istoriya o karpato-rossakh ili o pereselenii rossiyan v Karpatskie gory i o prikluycheniyakh s nimi sluchivshikhsya* [The story of the Carpatho-Rusyns or the resettlement of Russians to the Carpathian Mountains and the adventures that happened to them]. *Severnyy vestnik*. 1 (2). pp. 158–172; 1 (3). pp. 261–276; 3 (8). pp. 267–293.
14. Artem'ev, A. (ed.) (1861) *Spiski naselennykh mest Rossiyskoy imperii, sostavlennye i izdavaemye Tsentral'nyim statisticheskim komitetom Ministerstva vnutrennikh del* [Lists of populated areas of the Russian Empire compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs]. Vol. 3. Saint Petersburg: Izd-vo Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del.
15. Yavdyk, L.N. (1904) *Istoriya Ugorskoy Rusi* [History of Ugrian Rus]. Warsaw: Tip. Varsh. in-ta glukh. i slep.
16. Peradzka, K. (1939) *Na szlakach Lemkowszczyzny*. Warszawa.
17. Lemkin, I.F. (1969) *Istoriya Lemkoviny: v 5 ch.* [History of Lemkovina: in 5 vols] [S.l.]: Yunkers.
18. Cui Lin. (2003) *Mezhetnicheskoe vzaimodeystvie i etnicheskaya identichnost' (na primere rusinov v Galitsii)* [Interethnic interaction and ethnic identity (on the example of the Rusyns in Galicia)]. Abstract of Political Science Cand. Diss. Moscow.
19. Krylov, A. (2008) *Vyzhivet li Rus' pod Karpatami?* [Will Rus survive at the Carpathians?]. *Stoletie: internet-gazeta*. 23 December. [Online] Available from: http://www.stoletie.ru/slavyanskoe_pole/vizhivet_li_rus_pod_karpatami_2008-12-23.htm (Accessed: 08.04.2022).
20. RF. (1999) *Ramochnaya konventsia o zashchite natsional'nykh men'shinstv (ETS N 157): (zaklyuchena v Strasburge 01.02.1995)* [Framework Convention for the Protection of National Minorities (ETS N 157): (signed in Strasbourg on February 1, 1995)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 11. Art. 1256.

21. *Sodruzhestvo: informatsionnyy vestnik Soveta glav gosudarstv i Soveta glav pravitel'stv SNG*. (1994) Konventsia ob obespechenii prav lits, prinadlezhashchikh k natsional'nykh men'shinstvam: (zaklyuchena v Moskve 21.10.1994) [Convention on Ensuring the Rights of Persons Belonging to National Minorities: (concluded in Moscow on 21.10.1994)]. 3 (16). pp. 74–80.
22. Katunin, D.A. (2010) Sovremennoe yazykovoe zakonodatel'stvo Khorvatii: stanovlenie i tendentsii. Stat'ya pervaya [Modern language legislation in Croatia: formation and trends. Article One]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2 (10). pp. 18–44.
23. Katunin, D.A. (2015) Yazykovye prava rusinov, ukraintsev i drugih natsional'nykh men'shinstv v zakonodatel'stve Respubliki Serbiya [Language rights of Rusyns, Ukrainians and other national minorities in the legislation of the Republic of Serbia]. *Rusin*. 1 (39). pp. 229–238.
24. Katunin, D.A. (2015) Yazykovye prava rusinov, ukraintsev i drugih natsional'nykh men'shinstv zakonodatel'stve Bosnii i Gertsegoviny [Language rights of Rusyns, Ukrainians and other national minorities in the legislation of Bosnia and Herzegovina]. *Rusin*. 3 (41). pp. 55–66.
25. Shanshieva, L.N. (2007) Osobennosti polozheniya natsional'nykh men'shinstv v Vengrii [Features of the position of national minorities in Hungary]. In: *Natsional'nye men'shinstva v stranakh Tsentral'no-Vostochnoy Evropy: sb. obzorov i referatov* [National minorities in the countries of Central and Eastern Europe: reviews and abstracts]. Moscow: INION RAS. pp. 8–19.
26. INION RAS. (2007) Slovatskaya mozaika natsional'nykh men'shinstv [Slovak mosaic of national minorities]. In: *Natsional'nye men'shinstva v stranakh Tsentral'no-Vostochnoy Evropy: sb. obzorov i referatov* [National minorities in the countries of Central and Eastern Europe: reviews and abstracts]. Moscow: INION RAS. pp. 83–98.
27. RF. (2016) Ob utverzhdenii Kontseptsii vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii: Ukaz Prezidenta RF ot 30.11.2016 № 640 [On approval of the RF Foreign Policy Concept: Decree of the President of the Russian Federation of November 30, 2016, No. 640]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 49. Art. 6886.
28. UN. (1996) Deklaratsiya o printsipakh mezhdunarodnogo prava, kasayushchikhsya družhestvennykh otnosheniy i sotrudnichestva mezhdru gosudarstvami v sootvetstvii s Ustavom Organizatsii Ob"edinennykh Natsiy: (prinyata 24.10.1970 Rezolyutsiei 2625 (XXV) na 1883-m plenarnom zasedanii General'noy Assamblei OON) [Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Cooperation among States in accordance with the Charter of the United Nations: (adopted on October 24, 1970, by Judgment 2625 (XXV) at the 1883rd plenary meeting of the UN General Assembly)]. In: *Mezhdunarodnoe publichnoe pravo: sb. dokumentov* [Public International Law: documents]. Vol. 1. Moscow: BEK. pp. 2–8.
29. Klyuchnikov, Yu.V. & Sabanin, A. (eds) (1925) *Versal'skiy mirnyy dogovor: polnyy perevod s frantsuzskogo podlinnika* [Treaty of Versailles: full translation from the French original]. Moscow: Litizdat NKID.

Информация об авторах:

Хаминов Д.В. – д-р ист. наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, административного права Томского государственного университета (Томск, Россия), зав. кафедрой теории права Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: khaminov@mail.ru

Остапович И.Ю. – д-р юрид. наук, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург, Россия). E-mail: ostapovich7@mail.ru

Филимонов Ю.В. – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и международного права Томского государственного университета (Томск, Россия); доцент кафедры теории права Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: Fuv2007@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.V. Khaminov, Dr. Sci. (History), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); head of the Department of the Theory of Law, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: khaminov@mail.ru

I.Yu. Ostapovich, Dr. Sci. (Law), professor, Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: ostapovich7@mail.ru

Yu.V. Philimonov, Cand. Sci. (Law), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Fuv2007@mail.ru

The authors declare no conflicts of interest.

*Статья поступила в редакцию 23.04.2022;
одобрена после рецензирования 06.05.2022; принята к публикации 20.05.2022.*

*The article was submitted 23.04.2022;
approved after reviewing 06.05.2022; accepted for publication 20.05.2022.*

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2022. № 478. Май

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 30.05.2022 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 34,7. Усл. печ. л. 32,3. Тираж 50 экз.
Заказ № 5192. Цена свободная.

Дата выхода в свет 19.10.2022 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием.
Учредитель – Томский государственный университет.
«Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru